

Вера в фей в кельтских странах

В. Ю. Эванс-Вентц

The Fairy-Faith in Celtic Countries

W. Y. Evans-Wentz

The Project Gutenberg eBook of The Fairy-Faith in Celtic Countries.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: The Fairy-Faith in Celtic Countries

Автор: В. Ю. Эванс-Вентц

Дата выхода: 5 января 2011 [eBook #34853]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тедом Гарвином и командой Online Distributed Proofreading Team at <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE FAIRY-FAITH IN CELTIC COUNTRIES ***

[Увеличенное изображение](#)

С фотографии автора

МИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР КЕЛЬТСКОГО МИРА КАРНАК В 1909 ГОДУ

ВЗГЛЯД НА ВОСХОД СОЛНЦА, ИЗНУТРИ КРОМЛЕХА, *LES ALIGNEMENTS DU MÉNEC*

ВЕРА В ФЕЙ В КЕЛЬТСКИХ СТРАНАХ

В. Ю. ЭВАНС ВЕНТЦ

МАГИСТР СТЭНФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КАЛИФОРНИИ США.
ДОКТОРАНТ УНИВЕРСИТЕТА РЕННА БРИТТАНИ
БАКАЛАВР НАУК. КОЛЛЕДЖ ДЖЕЗУСА ОКСОН.

ГЕНРИ ФРОУД
ПРЕССА ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛОНДОН, НЬЮ-ЙОРК, ТОРОНТО И МЕЛЬБУРН
1911

ОКСФОРД: ХОРАС ХАРТ
ТИПОГРАФИЯ УНИВЕРСИТЕТА

ЭТА КНИГА
ЗАВИСИТ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ОТ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ
ТАК СВОБОДНО ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ МНОГИМИ КЕЛЬТСКИМИ АВТОРАМИ, -
КРЕСТЬЯНИНА И УЧЕНОГО, СВЯЩЕННИКА И УЧЕНОГО,
ПОЭТА И БИЗНЕСМЕНА, ПРОВИДЦА И НЕ ПРОВИДЦА.
И В ЧЕСТЬ НИХ
Я ПОСВЯЩАЮ
ЭТО
ДВУМ ИХ СОБРАТЬЯМ В ИРЛАНДИИ:

А. Е.,
ЧЬЯ НЕПОКОЛЕБИМАЯ ПРЕДАННОСТЬ ВЕРЕ ФЕЙ
ВДОХНОВИЛА МЕНЯ НА МНОГОЕ ИЗ ТОГО, ЧТО Я ЗДЕСЬ НАПИСАЛ,
ЧЬЕ ДРУЖЕСКОЕ РУКОВОДСТВО В МОЕМ ИЗУЧЕНИИ ИРЛАНДСКОГО МИСТИЦИЗМА
Я С ГЛУБОКОЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПРИЗНАЮ;

И

УИЛЬЯМУ БАТЛЕРУ ЙИТСУ,
КОТОРЫЙ ПРИНЕС МНЕ В МОЮ СОБСТВЕННУЮ АЛЬМА-МАТЕР В КАЛИФОРНИИ
ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ИЗ СКАЗОЧНОЙ СТРАНЫ,
И КОТОРЫЙ ВПОСЛЕДСТВИИ В СВОЕЙ СТРАНЕ
ПРОВЕЛ МЕНЯ ПО МЕСТАМ ОБИТАНИЯ СКАЗОЧНЫХ КОРОЛЕЙ И КОРОЛЕВ.

Оксфорд
Ноябрь 1911 года.

"Навсегда остается верным, что надлежащим предметом изучения человечества является человек; и даже ранний человек не заслуживает презрения, особенно когда оказывается, что в нем были задатки великой расы, с ее высочайшими понятиями о долге и праве, и всем остальным, что есть благороднейшего в человеческой душе".

Достопочтенный сэр Джон Рон.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦЫ
Предисловие	xi-xiii
Введение	xv-xxviii

РАЗДЕЛ I
ЖИВАЯ ВЕРА ФЕИ

ГЛАВА I	
Окружающая среда	1-16
Психическая интерпретация - Мистицизм Эрина и Арморики - В Ирландии - В Шотландии - На острове Мэн - В Уэльсе - В Корнуолле - В Бретани.	

ГЛАВА II	
Получение доказательств	17-225
Method of Presentation—The Logical Verdict—Trustworthiness of Legends—The Fairy-Faith held by the highly educated Celt as well as by the Celtic Peasant—The Evidence is complete and adequate—Its Analysis—The Fairy Tribes dealt with—Witnesses and their Testimony: from Ireland, with Introduction by Dr. Дугласа Хайда; из Шотландии, с введением д-ра Александра Кармайкла; с острова Мэн, с введением мисс Софии Моррисон; из Уэльса, с введением достопочтенного сэра	

Джона Ричарда; из Корнуолла, с введением мистера Генри Дженнера; и из Бретани, с введением профессора Анатоля Ле Браза.

ГЛАВА III

Антропологический анализ доказательств

226-82

Кельтские феи - вера как часть всемирного анимизма - формирующее влияние социальной психологии - малочисленность эльфийских духов и фей, согласно этнологии, анимизму и оккультным наукам - чейнджлинг, вера и ее объяснение согласно теории похищения, жертвоприношения человека, Древняя и современная магия и колдовство, основанные на определенных психологических законах - Экзорцизм - Табу на имя, еду, железо, место - Табу у древних кельтов - Жертвоприношение - Легенда о мертвых - Заключение: предпосылки современной веры в фей - анимистические.

РАЗДЕЛ II

ЗАПИСАННАЯ ВЕРА В ФЕЙ

ГЛАВА IV

Народ богини Даны или *сидхе*

283-307

Богиня Дана и современный культ Св. Бригит - Туатха Де Дананн или *Сидхе*, завоеванные сыновьями Мила - Но ирландские провидцы все еще видят *Сидхе* - *Старые* ирландские рукописи достоверно представляют Туатха Де Дананн - *Сидхе* как раса духов - Дворцы *Сидхе* - "взятие" смертных - Видения *женщин Сидхе* - Менестрели и музыканты *Сидхе* - Социальная организация и война среди *Сидхе* - Богини войны *Сидхе*, Бадб - *Сидхе* в битве при Клонтарфе, А. 1014 г. Заключение.

ГЛАВА V

Бритонские божества и британская вера в фей

308-31

Бог Артур и герой Артур - Семь доказательств того, что Артур - воплощение короля фей - Ланселот - приемный сын женщины-феи - Галахад, потомок Ланселота и женщины-феи Элейн - Артур как король фей в *Кулхвхе* и *Олвене* - *Гвинн* аб Нудд - Артур как Дагда и как Осирис - Британские сказочные романы: Их эволюция и древность - Артур у Ненния, Джеффри, Уэйса и в Лайамоне - Потусторонние сказания Камбрэнсиса - Норманно-французские писатели двенадцатого и тринадцатого веков - Романс *Авентура* и *Романс Бретона* - *Происхождение "Материи Британии"* - Эпизоды сказочного романа в

валлийской литературе - Британские истоки.

ГЛАВА VI

Потусторонний мир кельтов

332-57

Общие представления о потустороннем мире; его местоположение; его субъективность; его названия; его протяженность; Тетра - один из его королей - Серебряная ветвь и Золотая ветвь; и инициации - потусторонний мир небесный мир всех религий - путешествие Брана-Кормака в Страну Обетованную - волшебные жезлы - больная постель Кухуленна - возвращение Оссиана из Фейриленда - Ланвал отправляется на Авалон - путешествие Маэля-Дуина - путешествие Тейга - приключения Арта - потусторонние походы Кухуленна и Артура - литературная эволюция идеи счастливого потустороннего мира.

ГЛАВА VII

Кельтская доктрина перерождения

358-96

Перерождение и потусторонний мир - как христианская доктрина - общий исторический обзор - согласно барддасским рукописям.; согласно древним и современным авторитетам - Перерождение Туатха Де Дананн - Перерождение короля Монгана - Рождение Этайн - Предсуществование Дермота - Перерождение Туана - Перерождение у бритонов - Артур как перерожденный герой - Некельтские параллели - Перерождение у современных кельтов: в Ирландии; в Шотландии; на острове Мэн; в Уэльсе; в Корнуолле; в Бретани - Происхождение и эволюция кельтской доктрины перерождения.

РАЗДЕЛ III

КУЛЬТ БОГОВ, ДУХОВ, ФЕЙ И МЕРТВЫХ

ГЛАВА VIII

Свидетельства археологии

397-426

Неадекватность теории пигмеев Согласно теориям, касающимся божественных образов и фетишей, боги, демоны и духи предков преследуют мегалиты - мегалиты являются религиозными и погребальными, о чем свидетельствуют, прежде всего, *Ценн Круайх*, Стоунхендж, менгиры в Гернси, памятники в Бретани, круговой танец фей как древний иницирующий танец солнца, бретонские земляные работы, археологические раскопки в целом, а также современное поклонение индейским дольменам - Нью-Грейндж и кельтские мистерии: Свидетельства манускриптов; свидетельства традиций - культ Аэнгуса - Нью-Грейндж сравнивается с

Великой пирамидой: оба имеют астрономическое расположение и одинаковый внутренний план - почему они открываются на восход солнца - инициации в обоих - Великая пирамида как модель для кельтских тумулов - Гавринис и Нью-Грейндж как храмы духов.

ГЛАВА IX

Свидетельства язычества

427-41

Эдикты против языческих культов - Культ священных вод и его поглощение христианством - Кельтские водные божества - Дриидическое влияние на веру фей - Культ священных деревьев - Культ фей, духов и мертвых - Праздники мертвых - Заключение.

ГЛАВА X

Свидетельства христианства

442-55

Лаф Дерг - священное озеро изначально - Чистилище как христианизированное наследие древних кельтских обрядов - Чистилище как страна фей - Чистилище параллельно языческим церемониям инициации - Обряд смерти и воскресения - Бретонские поминовения в сравнении - Связь с культом Аэнгуса и кельтскими пещерными храмами - Происхождение доктрины чистилища до христианства - Кельтские и римские праздники мертвых сформировали христианские - Фундаментальное единство мифологий, религии и веры.

РАЗДЕЛ IV

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ВЕРА В ФЕЙ; И ВЫВОДЫ

ГЛАВА XI

Наука и феи

456-91

Метод исследования: Экзотерический и эзотерический аспекты - X-количество - Отношение науки к анимистической гипотезе: Материалистическая теория; Патологическая теория; Теория заблуждений и самозванства; Проблемы сознания: Сны; сверхнормальный промежуток времени- Психические исследования и феи: Исследования Майерса - Современное положение психических исследований - Психические исследования и антропология в отношении фей, согласно специальному вкладу мистера Эндрю Лэнга - Окончательное тестирование X-количества - Заключение: кельтская вера в фей и в Сказочную страну является научной.

ГЛАВА XII

Расширение терминов "фея" и "сказочная страна" - реальный человек как невидимая сила, действующая через тело - проводник - психический орган, необходимый для памяти - предсуществование как научная необходимость - виталистический взгляд на эволюцию - опровержение старой теории наследственности - эмбриология поддерживает доктрину перерождения. Доктрина рождения - Психо-физическая эволюция - Память о предыдущих существованиях в подсознании - Примеры - Психология сновидений дает самые ясные иллюстрации - Нет пост-существования без пред-существования - Воскрешение как перерождение - Круг жизни - Мистический вывод - Заключение: Кельтская доктрина о перерождении и потустороннем мире по сути своей является научной.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1907-9 годах это исследование впервые приобрело форму, основываясь в основном на литературных источниках; в последний год оно было успешно представлено на факультет литературы Университета Ренна (Бретань) на соискание степени *доктора литературы*. С тех пор я заново исследовал всю проблему кельтской веры в фей и собрал очень много нового материала. Если два года назад рамки моего первоначального исследования ограничивались четырьмя главными кельтскими странами, то теперь они охватывают все кельтские страны.

В настоящем исследовании, которое в значительной степени выиграло от критики первых работ, выполненных учеными в Великобритании и во Франции, оригинальная литературная точка зрения сочетается с более широкой точкой зрения антропологии. Это исследование, окончательное и более полное изложение моих взглядов на "Веру-фею", никогда бы не стало возможным, если бы в течение многих месяцев я не пользовался любезными советами и постоянной поддержкой мистера Р. Р. Маретта, читателя по социальной антропологии в Оксфордском университете и стипендиата Эксетер-колледжа.

В мае 1910 года содержание этого очерка в его общекельтской форме было представлено на рассмотрение Совета факультета естественных наук Оксфордского университета для получения научной степени бакалавра наук, которая была должным образом присуждена. Однако настоящая работа содержит значительный материал, которого не было в эссе, представленном оксфордским экзаменаторам, достопочтенному сэру Джону Ронсу и

мистеру Эндрю Лэнгу, и поэтому я один беру на себя всю ответственность за все возможные недостатки, и в частности за некоторые из его более спекулятивных теорий, которые некоторым могут показаться противоречащими ортодоксальным взглядам, будь то богослова или ученого. Эти теории, какими бы смелыми они ни казались, выдвигаются почти в каждом случае с полного одобрения какого-нибудь надежного ученого кельта; и как таковые они предназначены главным образом для того, чтобы сделать изложение веры в фей как можно более полным и истинно кельтским, не обращая особого внимания на некельтское мнение, независимо от того, согласуется оно с кельтским или нет.

Сейчас, когда передо мной лежит новая рукопись "Веры в фей", отредактированная и законченная, я понимаю еще полнее, чем два года назад в отношении первоначального исследования, насколько мало у меня прав называть его своим. Те, кому действительно принадлежит заслуга в его создании, - это мои многочисленные добрые друзья и помощники в Ирландии, Шотландии, на острове Мэн, в Уэльсе, Корнуолле и Бретани, а также многие другие, кто не является кельтами, в трех великих странах - к счастью, столь тесно объединенных сейчас неразрывными узами доброй воли и международного братства - Великобритании, Франции и Соединенных Штатах Америки; ибо без помощи всех этих кельтских и некельтских друзей работа никогда не была бы завершена. Они отдали мне свои лучшие и редчайшие мысли, как множество золотых нитей; я лишь предоставил ментальный ткацкий станок и сплел эти золотые нити по-своему, в соответствии с тем, что я считаю психологическим шаблоном Веры фей.

Я нахожусь в особом долгу перед следующими шестью выдающимися кельтскими учеными, которые предоставили для второй главы шесть вступлений к сказочным преданиям, собранным мной в их странах: д-р Дуглас Хайд (Ирландия); д-р Александр Кармайл (Шотландия); мисс София Моррисон (остров Мэн); почтенный сэр Джон Рон (Уэльс); мистер Генри Дженнер (Корнуолл); профессор Анатолий Ле Браз (Бретань).

Я также в большом долгу перед преподобным Дж. Эстлином Карпентером, директором Манчестерского колледжа, за помощь в работе над частями этой книги, касающимися христианского богословия; перед мистером Р. И. Бестом, М. Р. И. А., помощнику библиотекаря Национальной библиотеки в Дублине, за помощь в работе над частями, посвященными ирландской мифологии и литературе; и мистеру Уильяму Макдугалу, читателю Уайльда по психической философии в Оксфордском университете, за аналогичную услугу в отношении раздела IV, озаглавленного "Наука и феи". Этим и всем другим ученым, чьи имена фигурируют в этом предисловии, я выражаю самую сердечную благодарность за помощь, которую они так любезно оказали, читая различные части *"Веры в фей"* во время их проверки.

С тем глубоким благоговением, которое испытывает студент по отношению к своим наставникам, я признаю еще больший долг перед теми из моих друзей и помощников, которые были моими кельтскими проводниками и учителями. Здесь, в Оксфордском университете, я долгое время общался с почтенным сэром Джоном Ронсом, профессором кельтского языка, который ввел меня в изучение современного ирландского языка, артурианской романтики и мифологии, а также направлял меня в течение 1907-8 годов и с тех пор в кельтском фольклоре в целом. Я также в долгу перед мистером Эндрю Лэнгом, особенно в связи с важными предложениями, которые он сделал мне за последние два года в отношении антропологии и психических исследований. Что касается факультета писем Реннского университета, то я всегда буду помнить дружескую индивидуальную помощь, оказанную мне в 1908-9 гг. профессором Жозефом Лотом, тогда деканом этого университета, а ныне - Колледжа Франции в Париже, особенно в отношении британской

мифологии, филологии и археологии; профессором Жоржем Доттином, особенно в отношении гэльских вопросов; и профессору Анатолю Ле Бразу, чьи постоянные добрые пожелания в адрес моей работы были постоянным источником вдохновения с момента нашей первой встречи в марте 1908 года, особенно в моем исследовании "*Легенды о смерти*" и связанных с ней традиций и живых народных верований в Бретани-Бретани с ее призрачной землей Карнак, родиной древних бриттских мистерий.

W. Y. E. W.

Колледж Иисуса, Оксфорд.
День всех святых, 1911 год.

'Там нет ни суматохи, ни тишины....

'Хоть и прекрасны равнины Эрина, но вряд ли они покажутся вам такими после того, как вы познаете Великую равнину....

'Чудо земли, о которой я говорю; ни один юноша там не доживает до старости....

'We behold and not be seen.'-The God Midir, in *Tochmarc Etaine*.

ВВЕДЕНИЕ

Я рассказал о том, что видел, о чем думал и что узнал путем расспросов' - Геродот.

I. Религиозная природа веры фей

Вероятно, в кельтских землях нет более подходящего или более вдохновляющего места для записи своих глубоких интуиций о вере фей, чем Карнак, под сенью языческого кургана и горы священного огня, ныне посвященной торжествующим христианством архангелу Михаилу. Само название Карнак знаменательно;^[1] а на двух континентах, в Африке и Европе, если следовать только археологическим данным^[2], не было более значительных центров древней религии, чем Карнак в Египте и Карнак в Бретани. На берегах Нила дети Исиды и Осириса воздвигли храмы, настолько совершенные, насколько их может сделать человеческое искусство; на берегах Морбиана могучие люди, которые, как кажется, были

учителями наших кельтских предков, воздвигли храмы из необработанного камня. Чудесные храмы Юкатана, храмы-пещеры доисторической Индии, Стоунхендж в Англии, Парфенон, Акрополь, собор Святого Петра в Риме, Вестминстерское аббатство или Нотр-Дам, пирамиды и храмы Египта, равно как и Алиньянс в Карнаке, каждый по-своему отражает более или менее совершенную попытку человека выразить материально то, что он чувствует духовно. Совершенное искусство может украсить и сделать более привлекательным для глаз и ума, но оно не может ни в какой степени усилить врожденные духовные идеалы, которых придерживались люди во все века; и поэтому среди грубых каменных менгиров и дольменов в Бретани, как и среди полированных гранитных монолитов и великолепных храмов в Египте, мы читаем одно и то же безмолвное послание от прошлого к настоящему, от мертвых к живым. Это послание, как нам кажется, имеет принципиальное значение для понимания кельтской веры в фей; ведь, по нашему мнению, вера в фей имеет то же происхождение, что и все религии и мифологии.

И, кажется, никогда не было нецивилизованного племени, расы или нации цивилизованных людей, у которых не было бы той или иной формы веры в невидимый мир, населенный невидимыми существами. В религиях, мифологиях и сказках мы видим попытки разных народов в разные эпохи объяснить с точки зрения человеческого опыта этот невидимый мир, его обитателей, его законы и отношение человека к нему. Древние называли его обитателей богами, гениями, демонами и тенями; христианство знает их как ангелов, святых, демонов и души умерших; для нецивилизованных племен они - боги, демоны и духи предков; кельты считают их богами и феями разных видов.

II. Толкование веры в фей

Под кельтской верой в фей мы понимаем ту специализированную форму веры в духовное царство, населенное духовными существами, которая существовала с доисторических времен до наших дней в Ирландии, Шотландии, на острове Мэн, в Уэльсе, Корнуолле, Бретани и других частях древней империи кельтов. Изучая эту веру, мы имеем дело непосредственно с живыми кельтскими народными традициями, а также с кельтскими народными традициями прошлого, запечатленными в литературе. И если феи действительно существуют как невидимые существа или разумные существа, а наши исследования приводят нас к предварительной гипотезе, что они существуют, то они естественны, а не сверхъестественны, ибо ничто существующее не может быть сверхъестественным; и, следовательно, наш долг - исследовать кельтские расы фей так же, как мы исследуем любой факт в видимой сфере, где мы сейчас живем, будь то факт из химии, физики или биологии. Однако, приступая к такому исследованию, мы должны постоянно помнить, что нам предстоит работать с новым набором идей, совершенно отличным от того, что мы находим в естественных науках, и зачастую без адекватного словарного запаса, основанного на обычном человеческом опыте. Американец, путешествовавший по Азии, и англичанин, путешествовавший по Австралии, могут встретиться в Париже и обменяться опытом путешествий с взаимопониманием, потому что оба они имели опыт путешествий; и у них будет адекватный словарь для описания каждого опыта, потому что большинство мужчин также имели опыт путешествий. Но святой, познавший духовное состояние, называемое экстазом, не может объяснить экстаз человеку, который никогда его не знал, а если бы попытался это сделать, то сразу же обнаружил бы, что ни один современный язык не подходит для этой цели. Его опыт редок и не универсален, а люди не разработали полного словаря для описания опыта, не свойственного большинству человечества, и это особенно верно в отношении психических переживаний. То же самое можно сказать и о феях,

поскольку они гипотетически существуют, ведь лишь немногие мужчины и женщины могут утверждать, что видели фей, а значит, не существует адекватного словаря для описания фей. Среди древних, которые так много занимались психическими науками, похоже, существовал общий язык, который можно было использовать для объяснения невидимого мира и его обитателей; но мы в наш век еще не выработали такого языка. Поэтому люди, отрицающие человеческое бессмертие, а также люди с религиозной верой, которые не превратили эту веру в факт посредством личного психического опыта, сегодня, когда им случается читать то, что написал Платон, Иамблих или любой из неоплатоников, или даже то, что написали современные люди, пытаясь объяснить психические факты, называют все это мистикой. И для подавляющего большинства европейцев и американцев мистика - это самое удобное существительное, применимое ко всему, что может показаться разумным, но совершенно непереводаемым в терминах их собственного индивидуального опыта; и мистика обычно означает нечто совершенно обратное научному просто потому, что мы по привычке неразумно ограничили значение слова *наука* знанием материальных и видимых вещей, тогда как на самом деле оно означает знание или познание всего, что существует. Мы постарались рассказать о редких психических переживаниях ирландских, шотландских, манкских, валлийских или бретонских провидцев и вообще о медиумах как можно более ясным языком; но если время от времени нас обвиняют в мистицизме, вот наша защита.

III. Метод изучения веры в фей

В этом исследовании, которое в первую очередь является исследованием фольклора, мы придерживаемся преимущественно антропopsихологического метода интерпретации кельтской веры в фей, хотя время от времени не стесняемся обращаться к помощи филологии; мы также хорошо используем доказательства, предлагаемые мифологией, религией, метафизикой и физическими науками. Еще столетие назад народный фольклор считался недостойным серьезного внимания ученых; но теперь мнение ученых полностью изменилось, поскольку стало ясно, что верования народа, его легенды и песни являются источником почти всех литературных произведений, а его институты и обычаи - источником современных. И сегодня для новой науки фольклористики, которая, как говорит мистер Эндрю Лэнг, должна включать в себя психические исследования или психические науки, незаменимы археология, антропология, сравнительная мифология и религия. Таким образом, фольклор предлагает научные средства изучения человека в том смысле, который имел в виду поэт, заявивший, что надлежащее изучение человечества - это человек.

IV. Разделы исследования

Данное исследование состоит из четырех разделов или частей. Первая посвящена живой вере в фей среди самих кельтов; вторая - зафиксированной и древней вере в фей, которую мы находим в кельтской литературе и мифологии; третья - вере в фей в ее религиозных аспектах; и в четвертом разделе была сделана попытка предложить, как теории нашей новейшей науки, психических исследований, объясняют веру в фей.

В первом разделе я подробно и как можно более четко изложил свидетельства, переданные мне живыми кельтами, которые либо верят в фей, либо говорят, что видели их; в остальных разделах я предпочитал черпать как можно больше материала от мужчин и женщин, а не из книг. Книги слишком часто пишутся на основе других книг, и слишком редко - на основе жизни человека; а в научном исследовании веры в фей, за которое мы взялись, сам кельт -

лучший, фактически единственный авторитет. Для нас гораздо менее важно знать, что думают о феях ученые, чем то, что думает о феях кельтский народ. Это особенно верно при рассмотрении веры в фей в том виде, в котором она существует сейчас.

V. Сбор материала

В июне 1908 года, после года подготовительной работы по кельтским вопросам под руководством оксфордского профессора кельтского языка сэра Джона Ронса, я начал путешествовать по Уэльсу, Ирландии, Шотландии и Бретани и собирать там материал из первых рук от людей, которые сформировали и продолжают сохранять веру в фей; В течение 1909-10 годов были предприняты новые фольклорные экспедиции в Бретань, Ирландию и Уэльс, и, наконец, изучение веры фей стало общекельтским благодаря аналогичным экспедициям на остров Мэн и в Корнуолл. Были посещены самые отдаленные уголки этих земель, и часто не было другого плана, не было метода лучше или естественнее, чем идти день за днем от одного домика с соломенными крышами к другому, питаясь простой и полезной пищей крестьян. Иногда приходилось подниматься по живописной горной дороге, иногда путь пролегал через болотистые торфяники или по поросшей травой местности, и с каждой сменой пейзажа приходила новая мысль, новое впечатление от жизни кельтов, а может, и новое описание феи.

Это погружение в самую поразительную природную и социальную среду кельтской расы позволило мне проникнуть в разум, религию, мистицизм и самое сердце кельтов, чего не могло сделать простое изучение библиотек. Я пытался смотреть на мир так же, как он; я участвовал в его сокровенных размышлениях о великой проблеме жизни и смерти, которой он из всех народов озабочен больше всего; и таким образом он открыл мне источник своих высочайших идеалов и вдохновения. Я ежедневно ощущал глубокую и врожденную серьезность его родовой натуры; и, живя так, как живет он, я старался во всем походить на него. Я был особенно пригоден для такого дела: сам отчасти кельт по крови и, возможно, в значительной степени по темпераменту, я легко сочувствовал кельту и его окружению. Кроме того, будучи по рождению американцем, я во многих местах имел привилегию попасть туда, куда англичанин или некейт из Европы не смог бы попасть; а мое образование в условиях свободных идеалов демократии нового мира всегда позволяло мне рассматривать экономические, политические, религиозные и расовые вопросы в кельтских странах вне европейской точки зрения и без европейских предрассудков, которые так многочисленны и о которых так сильно приходится сожалеть. Но, без сомнения, во время моего трехлетнего пребывания среди кельтов эти различные условия сформировали мои мысли о феях и Фейриленде - как и должно быть, если мы хотим достичь истины в результате исследований.

Этот мой опыт привел меня к убеждению, что природные аспекты кельтских стран, гораздо больше, чем большинства некейтских, впечатляют человека и пробуждают в нем какую-то незнакомую часть его самого - назовите ее подсознательным "Я", сублиминальным "Я", "Эго" или как вам угодно - которая наделяет его необычной способностью познавать и чувствовать невидимые, или психические, влияния. Что есть, например, в Лондоне, или Париже, или Берлине, или Нью-Йорке, чтобы пробудить интуитивную силу человека, то подсознание, которое глубоко спрятано в нем, равное уединению в тех волшебных уголках природы, которыми наслаждаются и которые любят кельты?

Во время моих путешествий, когда погода была слишком дикой, чтобы отважиться на дневную прогулку, или когда наступали более благоприятные часы ночи, с зажженными кострами и свечами, или даже во время беседы на обочине дороги среди дневного пути,

мало-помалу из одной страны в другую собиралась масса свидетельств, которые содержит [глава ii](#). И вместе со всем этим начали формироваться мои взгляды; ведь когда я отправился из Оксфорда в июне, у меня не было ни определенных, ни ясных представлений о том, что такое феи и почему в них нужно верить. Менее чем через год после этого я стал приверженцем психологической теории, которую я здесь излагаю.

VI. Теории веры в фей

На протяжении всего нашего исследования мы постоянно ссылаемся на эту психологическую теорию природы и происхождения кельтской веры в фей, и одна из наших целей - показать, что это корневая теория, которая включает в себя или поглощает четыре теории, уже выдвинутые для объяснения веры в фей. Чтобы сориентировать читателя в его собственных выводах, мы кратко опишем эти четыре теории.

Первая из них может быть названа натуралистической теорией, которая заключается в том, что в древние и современные времена вера человека в богов, духов или фей была прямым результатом его попыток объяснить или рационализировать природные явления. В рамках этой теории мы принимаем за истину тот факт, что вера в фей часто антропоморфно отражает природную среду, а также социальное положение людей, которые придерживаются этой веры. Например, среди прекрасных низменных зеленых холмов и пологих делл Коннемары (Ирландия) "добрые люди" так же красивы, так же нежны и так же счастливы, как и их окружение; в то время как среди темных гор и в таинственных озерах с облачными тенями Шотландского нагорья обитают более свирепые виды фей и ужасные водяные келпи, а на Западных Гебридах - внушающий страх "дух-хозяин", передвигающийся по воздуху по ночам.

Натуралистическая теория достаточно точно показывает, что природные явления и окружающая среда дали направление антропоморфированию богов, духов или фей, но после объяснения этого внешнего аспекта веры в фей она не может логически пойти дальше. Или же, если нелогично попытаться объяснить веру в богов, духов или фей как обусловленную исключительно материальными причинами, она, по нашему мнению, как и психология пятидесятилетней давности, становится устаревшей; ведь теперь новая психология или психические исследования вынуждены признать - хотя бы в качестве рабочей гипотезы - возможность существования невидимых разумных существ или сущностей, способных влиять на человека и природу. Кажется, мы даже приближаемся к научному доказательству доктрин таких древних ученых-философов, как Пифагор и Платон, - о том, что вся внешняя природа, оживленная и управляемая в своих явлениях демонами, действующими по воле богов, является для людей не более чем видимыми следствиями невидимого мира причин.

Что касается внутренних аспектов веры в фей, то основополагающим фактом представляется то, что в сознании доисторических людей, как и сейчас в сознании современных людей, должна была существовать зародышевая идея феи для окружающей среды, чтобы действовать на нее и придавать ей форму. Без объекта, на который можно воздействовать, среда ничего не может сделать. Это очевидно. Натуралистическая теория рассматривает только окружающую среду и ее последствия, забывая о зародыше идеи феи, на которую нужно воздействовать; психологическая же теория помнит и пытается объяснить зародыш идеи феи и влияние на него природы.

Вторая теория может быть названа теорией пигмеев, которую мистер Дэвид Макричи, который определенно придерживается ее, так ясно изложил в своей известной работе под

названием "*Свидетельство традиции*". Согласно этой теории, вся вера в фей выросла из народных воспоминаний о реальной расе пигмеев. Предполагается, что эта раса была очень ранней, доисторической, вероятно, монгольской, которая населяла Британские острова и многие части континентальной Европы. Когда появились кельтские народы, эти пигмеи были загнаны в горные крепости и в самые труднодоступные места, где, возможно, немногие из них дожили до сравнительно исторических времен.

Против поборников теории пигмеев можно выделить двух ее оппонентов, доктора Бертрама К. А. Уиндла и мистера Эндрю Лэнга[3]. Уиндл в своем предисловии к "*Филологическому очерку Тайсона о древних пигмеях*" приводит шесть наиболее разрушительных критических замечаний или пунктов против этой теории: (1) Насколько нам известно, никогда не существовало настоящей пигмейской расы, населявшей северные районы Шотландии; (2) курганы, с которыми связаны рассказы о маленьких людях, во многих случаях не были жилищами, а были естественными или погребальными по своей природе; (3) маленькие люди отнюдь не ассоциируются исключительно с курганами; (4) ассоциация гигантов и карликов в традициях запутывает теорию; (5) феи есть там, где никогда не было пигмеев, как, например, в Северной Америке; (6) даже эскимосы и саамы имеют верования в фей и не могли быть первоначальными феями более современных сказочных легенд. В целом, как мы думаем, наше исследование покажет, что свидетельства веры в фей сами по себе дают лишь слабую и поверхностную поддержку теории пигмеев. Мы утверждаем, что эта теория, насколько она доказуема, а это, очевидно, не очень далеко, является лишь одной нитью, внесенной этнологией и социальной психологией, в сложную ткань веры фей, и, как таковая, сплетена вокруг психического центрального паттерна - фундаментального паттерна веры фей. Поэтому, с нашей точки зрения, теория пигмеев совершенно неадекватна, поскольку она упускает из виду или неверно истолковывает наиболее существенные и заметные элементы веры кельтских народов в фей и Сказочную страну.

Теория друидов, объясняющая существование фей, менее распространена. Она заключается в том, что только народная память о друидах и их магических практиках ответственна за веру в фей. Впервые эту теорию предложил преподобный доктор Кристи в своей книге "*Шотландские пейзажи*", опубликованной в 1803 г.[4] Три года спустя преподобный доктор Грэм опубликовал идентичную гипотезу в своих "*Очерках, описывающих живописные пейзажи на южных границах Пертшира*". Мистер Макричи с полным основанием предполагает, что оба писателя, вероятно, вместе обсуждали эту теорию и, следовательно, оба ее выдвинули. Альфред Мори в книге "*Феи Средневековья*" (*Les Fées du Moyen-Age*), опубликованной в 1843 году в Париже, похоже, широко использовал предложения Патрика Грэма при изложении своей теории о том, что феи или женщины-феи Средневековья обусловлены народной памятью о друидессах. Мори, кажется, забыл, что во всей языческой Британии и Ирландии, которые были гораздо важнее для изучения фей, чем кельтская Европа в Средние века, основное влияние на людей оказывали друиды, а не друидессы, и что, несмотря на этот факт, ирландская и валлийская мифология полна историй о женщинах-феях, приходящих из потустороннего мира; Нет никаких доказательств или даже веских оснований для аргументов в пользу того, что ирландские женщины-феи - это народное воспоминание о друидессах, поскольку если друидессы и были в Ирландии, то они играли подчиненную и очень незначительную роль. Как и в случае с теорией пигмеев, мы утверждаем, что теория друидов также неадекватна. Она обнаруживает реальное антропоморфное влияние, действующее на внешние аспекты веры фей, и нелогично принимает это за происхождение веры фей.

Четвертая теория, мифологическая, имеет очень большое значение. Согласно ей, феи - это уменьшенные фигуры старых языческих божеств ранних кельтов; ее придерживаются многие современные авторитеты в области кельтской мифологии и фольклора. Для нас эта теория приемлема до тех пор, пока она работает. Но сама по себе она не является ни адекватной, ни основополагающей теорией, поскольку вера в богов и богинь должна быть объяснена, а для объяснения мы приходим к психологической теории, которую и пытается изложить данное исследование - возможно, первое в своем роде.

VII. Важность изучения веры в фей

Я провел очень тщательное личное исследование сохранившейся кельтской веры в фей, прожив много месяцев с людьми, которые ее хранят; Я сравнил феномены фей с явлениями, которые, как утверждается, вызываются богами, джинами, демонами или духами различных видов и зафиксированы в трудах древних, средневековых и современных философов-метафизиков, христианских и языческих святых, мистиков и провидцев, а теперь более или менее четко обоснованы тридцати-сорокалетними экспериментами в области психических наук выдающихся ученых нашего времени, таких как сэр Уильям Крукс и сэр Оливер Лодж в Англии, и М. Камиль Фламарион во Франции. В результате я убедился в огромной ценности серьезного изучения веры в фей. Вера фей как народная религия кельтов должна, как и все религии, изучаться как с симпатией, так и с научной точки зрения. Тем, кто придерживается материалистического взгляда на жизнь и, следовательно, отрицает существование духов или невидимых разумных существ, каковыми, как говорят, являются феи, мы должны сказать, как говорил в своих лекциях в Стэнфордском университете мой заслуженный американский учитель по психологии, покойный доктор Уильям Джеймс из Гарварда: "Материализм, рассматриваемый как система философии, никогда не пытается объяснить *причину* вещей". Но в нашем исследовании о вере фей мы попытаемся разобраться с этой *причиной* вещей; и тогда, возможно, ценность изучения фей и Сказочной страны станет более очевидной даже для материалистов.

Подавляющее большинство городских жителей склонны гордиться тем, что они избавлены от "суеверий", и с жалостью улыбаться бедным соотечественникам и соотечественницам, которые верят в фей. Но при этом они забывают, что при всем своем восхитительном прогрессе в области материальных изобретений, при всех далеко идущих данных приобретенной ими науки, при всех огромных масштабах своих торговых и экономических завоеваний, они сами перестали быть естественными. Везде, где в современных условиях скапливаются вместе огромные массы мужчин и женщин, обязательно возникает нездоровая психическая атмосфера, которой никогда не было в стране, - атмосфера, которая неизбежно имеет тенденцию развиваться в среднем человеке, недостаточно психически сильном, чтобы противостоять ей, понижаться за счет высших сил или качеств и таким образом подавлять любые нормальные попытки Подсознательного Я (хорошо признанного психологического образования) проявить себя в сознании. В этой связи очень важно отметить, что, насколько можно судить, почти все исповедующие материалисты не критического типа и даже большинство тех, кто мыслит и философски скептически относится к существованию сверхчувственного царства или состояния сознательного бытия, являются или были городскими жителями - , обычно такими по рождению и воспитанию. И даже там, где мы находим материалистов обоих типов, живущих в деревне, мы обычно находим их настолько полностью под гипнозом городских влияний и форм мышления в вопросах образования и культуры, а также в вопросах, касающихся религии, что они потеряли всякий сочувственный и отзывчивый контакт с природой, потому что

бессознательно позволили условностям и неестественности изолировать их от нее. Кельтский крестьянин, который может быть их арендатором или соседом, - если он еще не испорчен ими - прямо противоположен нетрадиционному и естественному. Он, как правило, всегда восприимчив к психическим воздействиям - в той же степени, что и австралийский арунта или американский краснокожий, которым, как и ему, повезло избежать развращения тем, что мы эгоистично, чтобы отличить себя от них, называем "цивилизацией". Если наш кельтский крестьянин испытывает психические переживания или видит явление, которое он называет одним из "добрых людей", то есть феей, бесполезно пытаться убедить его, что он находится в заблуждении: в отличие от своего материалистически мыслящего господина, он не попытается и даже не захочет заставить себя поверить, что то, что он видел, он не видел. У него не только есть желание верить, но и право верить, потому что его вера - это не вопрос образованности и логических рассуждений, не вопрос веры и теологии - это факт его собственного индивидуального опыта, как он вам скажет. Такие крестьяне-провидцы часто спорили со мной, утверждая: "Чтобы видеть фей, не нужно быть образованным".

В отличие от естественного ума незапятнанного кельта, арунты или американского краснокожего, который всегда открыт для необычных психических впечатлений, ум делового человека в наших больших городах имеет тенденцию быть одержимым делами бизнеса как в состоянии бодрствования, так и во сне, политика - политикой, а лидера общества - обществом; и нездоровое возбуждение, ощущаемое днем в городе, склонно усиливаться ночью через удовлетворение чувства, которое оно болезненно создает для расслабления и смены стимулов. В трущобах человечество отрывается от природы в еще худших условиях и становится полностью декадентским. Но и в трущобах, и во дворцах постоянно ощущается лихорадочное нервное напряжение, вызванное волнениями и переживаниями; здесь нечистый, пропитанный дымом воздух, недостаток солнечного света, замена искусственных предметов естественными, а вместо уединения - вечный шум транспорта. Вместо природы у городских мужчин (и, как ни парадоксально, у некоторых условных мужчин в деревне) есть "цивилизация" и "культура".

Разве такие горожане, неестественные дети Природы, проживающие свою жизнь в непрерывной борьбе за богатство, власть, социальное положение и даже за хлеб, могут судить естественных детей Природы, верящих в фей? Правы ли они в том, что не верят в невидимый мир, который они не могут себе представить и который, если он и существует, они - даже если они ученые - в силу среды и темперамента не способны познать? Или же прав крестьянин, живущий в деревне, порой "непрактичный" и "неудачливый", мечтательный и "нецивилизованный"? Эти вопросы должны вызвать в умах антропологов очень серьезные размышления, причем в мировом масштабе.

В любом случае, как для неверующего, так и для верующего человека, изучение веры в фею имеет огромное историческое, философское, религиозное и научное значение. В ней лежат зародыши многих наших европейских религий и философий, обычаев и институтов. Это один из главных ключей к разгадке тайн кельтской мифологии. Мы верим, что скоро наступит великая эпоха, когда все древние мифологии будут тщательно изучаться и интерпретироваться, и когда мифология кельтов будет пользоваться очень большим уважением. Но уже наступила эпоха, когда начали изучать чисто кельтские вещи; и внимательный наблюдатель может увидеть пробуждающийся гений современного кельта, проявляющийся в сфере учености, литературы и даже искусства - по всей континентальной Европе, особенно во Франции и Германии, по всей Великобритании и Ирландии, и по всему новому кельтскому миру Америки, вплоть до Сан-Франциско на великом спокойном океане будущего, обращенном к Японии и Китаю. По правде говоря, кельтская империя сейчас

больше, чем когда-либо до того, как Цезарь разрушил ее политическое единство; и ее граждане не забыли древнюю веру своих предков в невидимый мир.

W. Y. E. W.

РАЗДЕЛ I

ЖИВАЯ ВЕРА В ФЕЮ

ГЛАВА I

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

В красоте мира кроется окончательное искупление нашей смертности. Когда мы станем едины с природой в смысле более глубоком, чем поэтические фантазии большинства из нас, мы поймем то, что сейчас не в состоянии различить" - Фиона Маклеод.

Психическая интерпретация - Мистицизм Эрина и Арморики - В Ирландии - В Шотландии - На острове Мэн - В Уэльсе - В Корнуолле - В Бретани.

В качестве предварительного этапа нашего исследования важно, как мы увидим позже, уделить некоторое внимание влиянию и чисто природной среде, в которой выросла вера фей. При этом станет ясно, насколько правдива натуралистическая теория, хотя с самого начала наша интерпретация окружающей среды в основе своей психическая. Итак, в этой первой главе, насколько это возможно, мы запишем несколько впечатлений, которые в некотором роде послужат введением к более определенному и детальному рассмотрению самой веры в фей.

Ирландия и Бретань, две крайние точки современного кельтского мира, являются для нас наиболее важными пунктами, от которых мы должны отталкиваться. Омываемые водами океана Атлантиды, одна - островная, другая - полуостровная, они лучше всего сохранили свою старую расовую жизнь в ее простоте и красоте, с ее высокими идеалами, мистическими традициями и сильной духовностью. И, хотя это утверждение может показаться кому-то любопытным, сохранение старых манер и традиций, похоже, объясняется не столько географической изоляцией, сколько тонкими силами, настолько странными и загадочными, что для того, чтобы их познать, их нужно почувствовать; а их природу можно только предположить, ибо описать ее невозможно. Над Эрином и Арморикой, как и над Египтом, витает ореол романтики, странности, реальной и позитивной мистики; и, если не путать чужой язык, эти наши фразы - лишь отголоски мнений, общих для многих кельтов, уроженцев этих двух стран - тех, кто имеет первое право свидетельствовать; и среди них есть

не только поэты и провидцы, но и люди практического мира, и люди высокого ранга в учености, в литературе, в искусстве и даже в науке.

В Ирландии

Если кто-то хочет узнать Ирландию и проверить эти влияния - влияния, которые были столь основополагающими в придании вере в фей прошлого чего-то большего, чем просто красота романтики и привлекательная форма, и чего-то, что и сегодня, как в героические века, вечно живо и вечно присутствует в центрах, где люди второго зрения говорят, что видят фей в том странном состоянии субъективности, которое крестьяне называют Фейрилендом, - пусть он молча и в одиночестве встанет на холме Тары на закате, в полдень, в тумане темного дня. Пусть он так же молча и в одиночестве проследует по течению Бойна. Пусть он войдет в тишину Нью-Грейнджа и Даута. Пусть поразмыслит над иероглифами Лаф-Крю. Пусть почувствует мистическую красоту Килларни, умиротворение Глендалоу, Монастербуаза, Клонмакнуга и уединение Аранмора. Пусть он отважится войти в кольца фей, искушать "добрых людей" в их *раттах* и *фортах*. Пусть он отдохнет на древнем каирне над горным дворцом Финвара и окинет взглядом поля сражений Мойтура. Пусть он побродит среди сказочных далей нежной Коннемары. Пусть он полюбуется Ирландским морем с высот Хаута, как это делал Фионн Мак Кумхейл. Пусть послушает океанские ветры в Дун-Аенгусе. Пусть посмотрит на твердыню Кухулейна и рыцарей Красной ветви. Пусть задержится у таинственного озера, что лежит между двумя доисторическими каирнами на вершине заколдованного Слив Гуллион, где до сих пор обитает невидимая Хранительница горы, женщина-фея. Пусть он попытается истолковать мистику древнего ирландского мифа, чтобы понять, почему люди рассказывали, что на равнине под этой волшебной горой Ирландии когда-то велась могучая война из-за Быка, воинами королевы Мив против воинов Кухулайнна, героя Ольстера. Пусть он затеряется в тумане на вершине Бен Бульбина. Пусть он узнает, где обитают короли и королевы фей в Роскоммоне. Пусть идет по стопам Патрика, Бриджит и Колумбы. Когда наступят темные дни и бурные ночи, пусть он посидит у пылающего костра из душистого торфа в крестьянском домике с соломенными крышами и послушает рассказы о золотом веке Ирландии - о богах, героях, призраках и феях. Если он сделает все это, то узнает, что такое Ирландия и почему ее жители верят в фей.

Пока еще мало сказано о влиянии облаков, природных пейзажей, странных и внезапных трансформаций земли, неба и воздуха, которые играют свою роль в формировании полной веры ирландцев в фей; но то, что мы собираемся сказать о Шотландии, подскажет то же самое и Ирландии, потому что природа ландшафта и атмосферные изменения во многом одинаковы в этих двух странах, как в глубине страны, так и на их скалистых и занесенных штормами берегах.

В Шотландии

На болотах между Троссаксом и Аберфойлом, в районе, прославленном скоттовским *Роб Роем*, я наблюдал такие внезапные и контрастные изменения атмосферы, что они казались просто чудесными. Какая смена паров и облаков, какие вспышки ярких солнечных бликов, а затем сумерки в полдень! По всему ландшафту проносятся тени черных плотных туманов, как тени стай огромных птиц, которые затмевают всю землю. Пальпирующие туманы окутывают вершины гор, а затем, словно живые существа, спускаются вниз и движутся по долинам, иногда всего в нескольких ярдах над головой путешественника. А еще в этой стране живут

ужасные водяные сороки. Когда черные тучи сбрасывают свое водянистое бремя, они превращаются в гонимые ветром вертикальные водяные листы, сквозь которые мир видится как через оконное стекло, покрытое ледяной пленкой. В один день может быть самое голубое небо и самый чистый воздух, самые плотные облака и самые темные тени, спокойствие утра и ветер бури. Ночью в Аберфойле после такого дня я наблюдал ясный закат и светлое вечернее небо; утром, когда я встал, низины вдоль реки были затоплены, а с горных склонов низвергались тысячи больших и малых каскадов, и дождь падал тяжелыми массами. Через час после этого, когда я ехал по направлению к Стирлингу, дождь и ветер прекратились, и над всей землей опустились облачные массы, такие чернильно-черные, что они казались причудами какого-то ужасного сна. Затем они, подобно многочисленным армиям, начали двигаться к своим горным твердыням и стояли там, а с востока пришла прекрасная погода и потоки яркого солнечного света.

А нагорье от Стирлинга до Инвернесса - какое волшебство, какие меняющиеся цвета и тени на поросших вековыми деревьями холмах и в долинах с их прозрачными, чистыми ручьями, получающими дань от бесчисленных маленьких речушек и источников, из которых вода капала капля за каплей, словно ее дистиллировали феи; и повсюду вереск, придающий горному ландшафту насыщенный пурпурно-коричневый оттенок, а воздуху - ароматное благоухание.

К северо-западу от Инвернесса простирается такая же безлесная горная местность, а через несколько часов пути через Кайл можно увидеть Скай, где, по некоторым поверьям, Кухуленн провел свою юность, обучаясь ратным подвигам у женщин-фей, - Скай, темный, гористый, величественный, с его водопадами, превращающимися в белые брызги, когда они низвергаются с утеса на утес в шум, из облаков, скрывающих их горные вершины.

На Внешних Гебридах, как и на островах Аранмор у Западной Ирландии, на кельтское воображение оказывают влияние совсем иные факторы, чем на Скае и соседних островах. Горные потоки, пришедшие издалека из таинственной водной пустоши, находят свое первое препятствие на западе этих изолированных Гебридских островов, и они, как безумные твари, в полной ярости бросаются на дикие скалистые островки, окаймляющие побережье. Белые брызги в неземных формах взлетают над самым высоким утесом, и безудержный ураган уносит их далеко вглубь острова. Вечно журчащие звуки океана вызывают ответную вибрацию в душе крестьянина, когда он в одиночестве гонит домой свои стада среди странного сумрака на исходе декабрьского дня; А позже, когда он сидит ночью в задумчивости в своем скромном домике при неровном мерцании торфяного костра, у него возникает мистическое сознание, что в глубине его души звучит более божественная музыка, по сравнению с которой внешняя природа - лишь символ и эхо; и, когда он помешивает тлеющие торфяники, призраки из невозвратного прошлого, кажется, сидят с ним на краю полукруга умирающего света. Может быть, это одетые в кожу морские и сухопутные охотники с копьями и ножами из кости и кремня и лохматыми спящими собаками, или бесстрашные морские гребцы, устало опирающиеся на щиты из блестящей бронзы, или, может быть, яростные и смелые кельтские воины; и тогда он понимает, что его прошлое и его настоящее - одно.

Обычно здесь царит густая дневная тьма, когда с Атлантики налетают штормы, или когда густой туман покрывает море и сушу; и снова меланхолические морские ветры, стонущие от берега к берегу и сгибающие кусты пурпурного вереска. В другое время на океанских волнах сверкает ярчайший солнечный свет, свирепость которого чужда более мирному Хайлендсу; а на восходе и закате, если вы находитесь в горах, царит мертвая тишина, а если на берегу, то не слышно ни звука, кроме ритмичного биения волн, да время от времени хриплого крика

морской птицы. Все эти контрастные состояния можно увидеть за один день, или каждое из них может длиться один день, а темные дни длятся почти всю зиму. И вот в течение долгой зимы крестьяне и рыбаки собираются ночь за ночью в доме разных соседей, чтобы рассказать о феях и привидениях и повторить все эти старые легенды, столь дорогие сердцу кельтов. Возможно, каждый из присутствующих слышал одну и ту же историю или легенду сотни раз, но ее всегда слушают и рассказывают так, словно это последняя сводка о каком-то великом событии, всколыхнувшем мир. На этих маленьких островах, расположенных так далеко на севере, на краю света, в зимнее время темнота опускается в четыре часа, а то и раньше, и островитяне спешат с ужином из рыбы и овсяного хлеба, чтобы не пропустить первую историю. Когда компания собирается издалека, трубки снова набивают и зажигают, а торф складывают в кучу, ведь рассказ вряд ли закончится раньше полуночи. Дом просторный и чистый, если не сказать домашний, с ярким торфяным костром посреди пола. Присутствует много людей - мужчины и женщины, мальчики и девочки. Все женщины сидят, как и большинство мужчин. Девочки скрючились между коленями отцов, братьев или друзей, а мальчики расположились везде, куда только можно забраться. Хозяин дома скручивает ветки вереска в веревки для крепления соломы, сосед-крафтер скручивает корень кипрея в веревки для привязи коров, а другой плетет из согнутой травы корзины для хранения еды. Хозяйка прядет, дочь прядет, другая дочь пьет чай, а третья дочь, которая должна была бы работать, в стороне разговаривает тихим шепотом с сыном соседнего плетника. Соседские жены и соседские дочери вяжут, шьют или вышивают.^[5] Затем, когда плохая погода для рыбалки была полностью обсуждена мужчинами, последние сплетни - женщинами, а глупые разговоры юношей и девушек по углам закончены, тот, кто занимает почетное кресло в середине *ceilidh*^[6], оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что все удобно и готовы; и, когда начинается его первая история, даже младенцы по инстинкту прекращают свой шум и плач, а молодые и старые наклоняются вперед, чтобы услышать каждое слово. И неважно, что некоторые мальчики и девочки засыпают, или даже некоторые пожилые люди, когда наступает поздний час; сказки не прерываются в своем ровном, непрерывном потоке. И здесь мы имеем дело с самой кельтской и самой естественной средой, которой феи пользуются в Шотландии.

Есть еще Южное нагорье в окрестностях Обана и близлежащие острова; и из всех этих островов ни один не имеет столь живописной истории, как тот, который так любил Колумба. Хотя Иона не столь дика, как Гебридские острова, расположенные дальше к западу, здесь есть и штормовые ветры, и туманы, и мрачные дни, и странная изолированность. На ней, как рассказывает Адамнан, святой сражался с черными демонами, пришедшими вторгнуться в его монастырь, и видел ангельские сонмы; а когда ангелы забрали его душу в полночь в маленькой часовне на берегу моря, там был мистический свет, озаривший весь алтарь, как ярчайшее солнечное сияние. Но сегодня там, где святой видел демонов и ангелов, островитяне видят призраков и "добрых людей", и когда одного из них забирает смерть, это делают не ангелы, а феи.

На острове Мэн

Посреди Ирландского моря, почти на равном расстоянии от Ирландии, Шотландии и Уэльса, концентрируя в себе психические и магнетические влияния этих трех кельтских земель, а также кельто-саксонской Англии, лежит прекрасное королевство великого бога Туатха Де Дананн, Мананнана Мак Лира, или, как предпочитают называть его верные подданные манксы, Маннаннан-Бег-Мак-и-Лейр. Ни в одной другой стране кельтов природа не демонстрирует столько настроений и контрастов, такого совершенного покоя в одно время, а

в другое - могущества своей развязанной силы, когда обескураженное море гневно бросается на высокий скалистый берег, такой же дикий и почти такой же измученный погодой, как западные берега Ирландии и Гебридских островов.

Но именно более спокойные настроения природы оказывают большее влияние на народ Мэнкс: На вершине своей древней твердыни, горы Южный Баррул, до сих пор обитает невидимый смертным бог Мананнан, и всякий раз, когда в теплый день он сбрасывает свое волшебное туманное покрывало, которым он накрывает весь остров, золотые цветы чабреца или пурпурного вереска становятся музыкальными от гудения пчел и мягко покачиваются под дуновениями бриза, который становится бальзамическим от тропического тепла океанского потока, текущего с далеких мексиканских берегов Нового Света. Затем во многих влажных и пахнущих сладостью полянах, чистых и зеленых, сухопутные птицы ликующими группами дополняют гармонию звуков, собираясь на свежевспаханном поле или окунаясь в прозрачную воду звонкого ручья; а с утесов и скалистых островков на побережье доносится эхо многоголосого хора морских птиц. На закате такого дня, когда наступает вечернее затишье, по слабо освещенным полянам начинают перемещаться странные горные тени, а с наступлением темноты наступает мистическая тишина, нарушаемая лишь непрекращающимся биением морских волн, журчанием ручьев и ночными голосами.

В болотных уединениях, даже днем, иногда царит еще более глубокая тишина, которая еще более сильна и полна смысла для крестьянина, поскольку под ее чарами он видит мирное видение, счастливое и освещенное солнцем, моря и земли, пологих гор, уходящих волнами в хорошо обработанные равнины и плодородные долины; и он инстинктивно чувствует, как старые друидические костры зажигаются в его сердце, и, возможно, бессознательно он поклоняется им в храме природы. Красота природы пробуждает божественную красоту внутри, и на секунду он, выйдя из подсознания, осознает, что в природе есть существа и неслышные голоса, которые не существуют для легкомысленных толп, ищущих удовольствий, которые приходят и уходят. Для толпы его верования предков - глупость, его феи - порождения пылкого кельтского воображения, легко реагирующего на необычные явления и обстановку. Они не поверят вместе с ним в то, что вся красота и гармония мира - лишь символы, а за ними стоят невидимые силы и мощи, сознательные и вечные; и хотя по инстинкту они охотно олицетворяют Природу, они не знают секрета, почему они так поступают: для них внешнее - реальность, внутреннее - несуществующее.

Начиная с каменного века и до современной цивилизованной эпохи, остров Мэн последовательно был домом для всех известных рас и народов, процветавших в Западной Европе; и хотя он поочередно подчинялся ирландским гэлам и валлийским бриттам, северянам и датчанам, шотландцам и англичанам, на нем происходили масштабные трансформации в религии, когда языческие культы сменяли один другой, чтобы уступить место учению св. Патрика и его учеников Святого Германа и Святого Могольда, и, наконец, протестантской формы христианства, только этому острову из кельтских земель странным образом удалось сохранить в почти первобытной чистоте свою древнюю конституцию и свободу, и хотя географически он находится в самом центре Соединенного Королевства, не является его частью. Археолог все еще может прочесть в таинственных символах из камня и земли, разбросанных по поверхности острова, историю этой многовековой панорамной процессии человеческой эволюции; в то время как через эти же символы манкский провидец читает более глубокий смысл; А иногда в сверхчеловеческом царстве сияющего света, куда с давних пор они часто приходят и часто возвращаются, он встречается лицом к лицу с богами и героями, чьи ранние гробницы одиноко стоят на продуваемых ветрами

вершинах гор и болот или скрыты в объятиях диких цветов и зелени среди долин; а в темном срединном мире он видит бесчисленные призраки многих из этих погибших рас.

В Уэльсе

Об Уэльсе можно сказать меньше, чем об Ирландии или Шотландии в целом. Правда, там есть своя особая психическая атмосфера, отличающаяся, несомненно, потому, что его жители - кельты-бритты, а не гэльские кельты. Но Уэльс, где условия жизни более модернизированы, чем в Ирландии или на Западных Гебридах Шотландии, не демонстрирует сейчас в энергичном и цветущем состоянии тех кельтских влияний, которые, когда они были активны, сделали так много для создания драгоценных романов об Артуре и его братстве и заложили основу для валлийской веры в *Tylwyth Teg*, сказочную расу, все еще сохранившуюся в нескольких благоприятных местностях.

Уэльс, как и все кельтские страны, - это страна длинных морских побережий, хотя в нем, за исключением гор на севере, меньше тумана, темноты и облачных эффектов, чем в Ирландии и Шотландии. На юге, пожалуй, самые любопытные влияния можно ощутить в Сент-Дэвидс-Хед и в самом Сент-Дэвидсе - когда-то он был целью тысяч паломников из многих стран средневековой Европы и, вероятно, в языческие времена служил местом оракула. Схожим по характеру местом является полуостров Гоуэр, расположенный к югу от Суонси. Замок Каэрфилли, где среди разрушенных акров сейчас царствует Зеленая Леди, - странное место, как и холм близ Кармартена, где Мерлин спит в пещере с феей Вивиан. Но ни в одном из этих мест сегодня нет такой живой веры в фей, как, например, в Западной Ирландии.

Единственный регион, где я обнаружил настоящую кельтскую атмосферу - и это регион, где все говорят на валлийском языке, - это горная страна, редко посещаемая путешественниками, за исключением археологов, в нескольких милях от Ньюпорта; ее центр - кромлех Пентр-Эван, лучший кромлех в Уэльсе, если не в Британии. Возле этого доисторического памятника и в окрестностях старой церкви Неверн, расположенной в трех милях от него, существует активная вера в "фей-фолк", в призраков, в предупреждения о смерти, в свечи смерти и призрачные похороны, а также в колдовство и черную магию. Далее - Ньюкасл-Эмлин и его долина, где сложились многие из историй "Мабиногиона" или, по крайней мере, откуда они черпали богатый материал для фольклора,^[7] - среда чисто валлийская и пока еще мало нарушенная коммерческим материализмом эпохи.

Осталось упомянуть еще три места в Уэльсе, которые произвели на меня сильное психологическое впечатление. К ним относятся: древний Харлех, столь известный в валлийских сказочных романах, - Харлех с его странными каменными кругами и старым замком, с которого величественно и четко вырисовывается хребет Сноудон, и его залитая солнцем бухта; Гора Сноудон с ее воспоминаниями об Артуре и валлийских героях; и священный Англси или Мона, усеянный тумулами, дольменами и столбовыми камнями - Мона, где друиды сделали свой последний шаг против римских орлов, и ее маленький остров Холихед, обращенный к Ирландии.

Однако, как бы то ни было, современный Уэльс беднее сказочной атмосферой, чем современная Ирландия или современная Бретань. Безусловно, эта сказочная атмосфера еще сохранилась, хотя она стала менее жизненной, чем аналогичная сказочная атмосфера в великих центрах Эрина и Арморики. Но чисто социальная среда, в которой выживает вера фей Уэльса, - это мощная сила, которая обещает сохранить под поверхностью валлийской национальной жизни, где коммерциализм эпохи вынудил ее уйти в состояние временной латентности, исконный идеализм древней бриттской расы. В Уэльсе, как и в Нижней

Бретани, а также в некоторых районах Ирландии и Гебридских островов, до сих пор можно услышать в повседневном обиходе язык, на котором непрерывно говорили с неизвестных веков до возникновения Римской империи. А то, что друидический *Эйстедфод* (ежегодный национальный съезд бардов и литераторов) продолжает оказывать сильное влияние на валлийский народ, несмотря на его коммерциализм, - это, опять же, знак того, что их сердца остаются незапятнанными, что, когда настанет более благоприятный час, они отбросят мертвящее влияние, которое сейчас держит их в духовном рабстве, и станут, как и в прошлом, истинными детьми Артура.

В Корнуолле

Поразительно похожий на Бретань по физическим характеристикам, южный и западный Корнуолл - это край моря, покатых равнин и болот, а не высоких холмов и гор, край золотисто-желтого цветущего пушицы, где шумные толпы черных ворон и белых морских чаек смешиваются над свежескошенными или недавно засеянными полями, и где весной вместе с песней жаворонка раздается крик кукушки. Как и остров Мэн, Корнуолл с древнейших времен был местом встреч и сражений враждующих рас. Первобытные темные иберийские народы уступили место арийско-кельтским захватчикам, а те - римским, а затем германским.

Природа была добра ко всему Корнуоллу, но главным образом к полуострову, чьей древней столицей является Пензанс (что, возможно, означает "Священная голова"), и к землям, расположенным к востоку и северу от него, она даровала свои самые редкие дары. Окуная эту территорию в чистые воды Океана, вдыхая над ней чистый воздух Атлантики весной и в летний штиль, когда теплые испарения Гольфстрима свободно проносятся над ней и превращают ее в страну цветов и певчих птиц, природа вечно хранит ее красоту и святость. Здесь есть разрушенные британские деревни, строители которых давно забыты, странные доисторические круглые храмы солнца, похожие на крепости, венчающие вершины холмов, таинственные подземные ходы и кресты, вероятно, дохристианские. Повсюду - свидетельства могущественного прошлого этой трижды святой друидской страны заката. Здесь есть странные легенды о потерянном королевстве Справедливой Лионессы, которое провидцы иногда видят под прозрачными солеными волнами, со всеми его древними городами и цветущими полями; легенды о финикийцах и восточных купцах, приехавших за оловом; легенды о богах и великанах, о пикси и феях, о короле Артуре в его замке в Тинтагеле, об ангелах и святых, о ведьмах и чародеях.

На *Динсуле*, "Холме, посвященном Солнцу", языческие жрецы и жрицы поддерживали Вечный огонь и ежедневно следили за восходом Бога Света и Жизни на востоке, чтобы приветствовать его приход песнопениями благодарности и хвалы. После шестого века пришла новая религия, провозгласившая более мистический Свет Мира в Сыне Божьем, и благочестивым полуязыческим монахам, сменившим друидов, явился в видении на Священной горе архангел Святой Михаил.^[8] А до прихода в Британию св. Августина пришел в Британию, кельты Корнуолла уже соединили в своем мистическом образе духовное послание примитивного христианства с чистым поклонением природе своих предков; и их земля была тогда, как, скорее всего, и в языческие времена, центром паломничества их кельтских сородичей из Ирландии, Уэльса, Англии и Бретани. Когда в более поздние времена на этот мистицизм кельтского христианства были наложены новые теологические доктрины, Священные костры были погребены в пепле, а свет и красота языческого мира заслонены мешковиной.

Но там, в самом южном и западном уголке острова Британия, Священные костры все еще горят на вершинах божественных холмов, хотя и затухают в сердцах их детей. Взгляд корнуэльца больше не ясен. Он смотрит на кромлехи и дольмены, на древние пещеры посвящения, на могилы своих доисторических предков и смутно чувствует, но не знает, почему его земля так священна, так пронизана неопределимой магией; ведь он утратил мистическое соприкосновение предков с невидимым - он "образован" и "цивилизован". Рука завоевателя опустилась на народ Корнуолла сильнее, чем на любой другой кельтский народ, и теперь какое-то время, но будем надеяться, что счастливо лишь в этот мрачный переходный период, они спят - пока не придет Артур, чтобы снять заклятие и освободить их.

В Бретани

Как уже отмечалось в начале этой главы, Ирландию и Бретань следует рассматривать как два полюса современного кельтского мира, но кельтские мистики считают, что это гораздо больше, чем просто полюса, что это два его психических центра, с Тарой и Карнаком в качестве двух соответствующих точек фокуса, из которых излучается кельтское влияние каждой страны.^[9] При такой психической точке зрения нет никакой разницы, утверждает ли один ученый, что Карнак - кельтский, а другой - докельтский, поскольку если он докельтский, что, скорее всего, так и есть, то он, несомненно, был завещан людям, которые были и есть кельтами, и его влияние было непрерывным со времен, находящихся за горизонтом истории. Согласно этой теории (а следуя ей, мы просто пытаемся зафиксировать уникальный материал, переданный нам самими учеными из современных кельтских мистиков и провидцев), на земле есть определенные благоприятные места, где ее магнитные и даже более тонкие силы наиболее мощны и легче всего ощущаются людьми, восприимчивыми к подобным вещам; И Карнак, по-видимому, одно из величайших таких мест в Европе, и по этой причине, как считается, был, вероятно, выбран его древними жрецами-строителями в качестве великого центра для религиозных обрядов, для празднования языческих мистерий, для племенных собраний, для астрономических наблюдений, и, вполне вероятно, для создания школ, в которых воспитывались неофиты для священства. Тара с ее притоком долиной Бойн - подобное место в Ирландии, выбранное и использованное таким образом, о чем позже расскажут рукописные свидетельства при изучении культа фей и культа мертвых. И, таким образом, таким психическим и магнетическим, или, по мнению других, религиозным или традиционным влиянием, которые сосредоточены в Таре и Карнаке, хотя и в других частях этих двух стран, может быть в значительной, даже в существенной степени, обязана энергичная и вечно живая вера в фей Ирландии и врожденная и постоянно осознаваемая вера бретонцев в легенду о мертвых и в мир невидимый. Ведь феи и души умерших, хотя, строго говоря, их не путают, считаются существами субъективного мира, существующими по сей день и влияющими на смертных, как они всегда существовали и влияли на них согласно древним и современным традициям, и как они предстают сейчас в глазах даже науки благодаря работе нескольких ученых-первопроходцев в области психических исследований. И кажется вероятным, что субъективные существа такого рода, если допустить их существование, использовались древними друидами и даже Патриком, когда старая и новая религии встретились, чтобы сразиться на холме Тары. Контроль над Тарой, как психическим центром, означал психический контроль над всей Ирландией. Сегодня на холме Тара статуя святого Патрика затмевает камень Лиат рядом с ним; в Карнаке христианский крест затмевает дольмены и менгиры.

Один знающий священник Римской церкви сказал мне, когда я встретил его в Голуэе, что, по его мнению, те места в Ирландии, где в древности совершались жертвоприношения

языческим или друидским богам, до сих пор, если только они не подвергались регулярному изгнанию, находятся под контролем демонов (демонов). А ведь друиды были в Таре и по всему Эрину, и, скорее всего, в Карнаке тоже, жрецы - в Египте, а питонессы - в Греции. Иными словами, друиды, египетские жрецы, жрицы, отвечавшие за греческие оракулы, как говорят, предсказывали будущее, толковали предзнаменования, творили все чудеса и чудеса магии с помощью демонов, которые считались орденом невидимых существ, посредников между богами и людьми, а иногда и тенями из Аида.

Если тот, кто, зная Ирландию, страну фей, хочет так же хорошо узнать Бретань, страну мертвых, пусть молча и в одиночестве пройдет много раз - под солнцем, под ветром, в бурю, в густом тумане - по длинным, широким каменным аллеям Алиньянса в Карнаке. Пусть он наблюдает из их глубины за движением солнца с востока на запад. Пусть он встанет на горе Святого Михаила в день зимнего или летнего солнцестояния. Пусть он войдет в тишину ее древней подземной камеры, такой темной и такой таинственной. Пусть часами сидит и размышляет среди кромлехов и дольменов, возле менгиров и у святых колодцев. Пусть он полюбуется на самый могучий из менгиров, ныне разрушенный и покосившийся в Локмарьякере, а затем поразмыслит над подземными местами рядом с ним. Пусть попробует прочесть символические надписи на скалах в Гавринисе. Пусть он постоит на острове Сена на восходе и на закате. Пусть он проникнет в уединение Броселианского леса и пройдет через Валь-Сан-Ретур (Долину без возврата). А потом пусть побродит по тропинкам с бретонским крестьянином по полям, где добрые дамы сидят на солнечной стороне куста или стены, вяжут чулки, где длинные изгороди из пушицы, золотисто-желтые от цветения даже в январе, и послушает истории о *корриганах* и о мертвых, которые смешиваются здесь с живыми. Пусть он войдет в крестьянскую хижину, когда над землей стелется туман, а морской ветер дует на песчаные дюны, и послушает, что тот может ему рассказать. Пусть он, даже наслаждаясь живописными обычаями и одеждой бретонцев и глядя на их веселый *ронд* (возможно, пережиток давно забытого солнечного танца), заметит глубину их натуры, их почти всегдашнее ощущение серьезности человеческой жизни и усилий, их прекрасные характеры, сформированные мистической землей без искусственности книг и школ, их мечтательность, когда они смотрят на океан, их часто совершенное телосложение, тонкий профиль и румяные щеки, но в то же время их задумчивую врожденную меланхолию. И пусть он знает, что над ними всегда витает сознание невидимого мира, находящегося не в каком-то далеком пространстве, а здесь и сейчас, сливающегося с этим миром; его обитатели, их умершие предки и друзья, ежедневно смешиваются с ними и ждут того часа, когда *Анку* (Царь мертвых) призовет каждого из них присоединиться к своей невидимой компании.

РАЗДЕЛ I

ЖИВАЯ ВЕРА В ФЕЮ

ГЛАВА II

ПОЛУЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

На протяжении всех этих веков кельт хранил в своем сердце некое родство с могущественными существами, правящими в Незримом, которое когда-то было столь очевидным для предшествующих ему героических рас. Его легенды и сказки связали его душу с внутренней жизнью воздуха, воды и земли, а они, в свою очередь, хранили в его сердце сладость скрытого влияния" - А. Е.

Метод изложения - Логический вердикт - Достоверность легенд - Феи - Вера, которой придерживаются как высокообразованные кельты, так и кельтские крестьяне - Доказательства полны и адекватны - Их анализ - Феи - Рассматриваемые племена - Свидетели и их показания: из Ирландии, с предисловием д-ра Дугласа Хайда; из Шотландии, с предисловием д-ра Дугласа Хайда. Дугласа Хайда; из Шотландии, с введением доктора Александра Кармайкла; с острова Мэн, с введением мисс Софии Моррисон; из Уэльса, с введением почтенного сэра Джона Рэса; из Корнуолла, с введением мистера Генри Дженнера; и из Бретани, с введением профессора Анатоля Ле Браз.

I. ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ

В ходе моих путешествий по шести кельтским странам среди людей, придерживающихся этой веры, мне представились различные возможные планы изложения живой веры фей. Взять немного здесь и немного там из разнородной группы психологических переживаний, сказочных легенд и историй, которые почти неразрывно связаны в сознании того, кто их рассказывает, не кажется ни удовлетворительным, ни даже справедливым, если пытаться прийти к правильному результату. Классификация по различным рубрикам, таким, например, как "Похищения фей", "Изменения" или "Появления фей", кажется столь же неудовлетворительной; ведь как только детали фольклора, которые я представляю, изолируются друг от друга - даже если они объединены в родственные группы - они должны быть грубо вырваны из своей истинной и естественной среды и отделены от психологической атмосферы, в которой они были впервые представлены рассказчиком. То же самое возражение относится к любому плану разделения свидетельств на (1) чисто легендарные; (2) свидетельства из вторых или третьих рук людей, которые утверждают, что видели фей, были в Стране фей или находились под влиянием фей; и (3) свидетельства из первых рук реальных очевидцев: эти три класса свидетельств настолько очевидны, что каждый читатель сможет сам выделить каждый класс по мере его появления, и механическая классификация с нашей стороны не нужна. Поэтому ни один план не кажется таким хорошим, как принятый мною план, позволяющий всем свидетелям давать свои собственные показания в их собственной манере и в их родной обстановке, а затем классифицировать и взвешивать эти показания в соответствии с методами сравнительной религии и антропологических наук.

В большинстве случаев, как покажет изучение, свидетельства настолько ясны, что практически не нуждаются в комментариях. Большинство свидетельств также указывают в одном направлении, и единственный вердикт, который кажется разумным, заключается в том, что вера фей принадлежит к доктрине душ; то есть, что Сказочная страна - это состояние или состояние, царство или место, очень похожее, если не то же самое, на то, куда

цивилизованные и нецивилизованные люди помещают души умерших в компании с другими невидимыми существами, такими как боги, демоны и всевозможные добрые и злые духи. И образованные, и необразованные кельтские провидцы не только так представляют себе Сказочную страну, но идут гораздо дальше и говорят, что Сказочная страна действительно существует как невидимый мир, внутри которого видимый мир погружен, как остров в неизведанный океан, и что она населена большим количеством видов живых существ, чем этот мир, потому что несравненно более обширна и разнообразна по своим возможностям.

Мы должны быть готовы к тому, что, слушая эти свидетельства, столкнемся с некоторыми противоречиями и путаницей, ведь многие из тех, кто верит в такой странный мир, как мы только что описали, и считает, что иногда попадал в него или видел некоторых его обитателей, зачастую не проходили никакой подготовки в школах или колледжах. Но когда мы слышим легендарные истории, которые никогда не были записаны, кроме в умах бесчисленных поколений людей, мы не должны из-за этого недооценивать их; ведь зачастую они являются лучшими авторитетами и заслуживают большего доверия, чем многие древние и тщательно выписанные рукописи в Британском музее; и они, вероятно, намного старше самой старой книги в мире. Так давайте же на время забудем о существовании библиотек и университетов и обратимся за обучением к кельтскому крестьянину, живущему рядом с природой так, как живет он, и думающему так, как думает он.

Но крестьянин не будет нашим единственным учителем, ведь многое первостепенное мы услышим и от горожан, обладающих высочайшей интеллектуальной подготовкой. В наше время стало, а может быть, и всегда было распространено, даже среди некоторых ученых, мнение, что вера в фей является достоянием исключительно простых, необразованных деревенских жителей, и что люди, которым "вбили в голову немного образования и здравого смысла", выражаясь обычным языком, "не стали бы верить в такую чепуху". Этот же класс критиков делал подобные замечания в адрес людей, утверждавших, что существуют призраки, пока истинность другого "глупого суеверия" не была обнаружена в результате психических исследований. Поэтому в этой главе мы надеемся исправить это ошибочное мнение о вере в фей, которое в основном бытует среди ученых и других людей, не знающих ни одного реального факта о феях, потому что они никогда не жили среди людей, которые верят в фей, а черпают всю свою информацию из книг и слухов. В свое время свидетели соответствующего рода подтвердят эту позицию, но прежде чем перейти к их показаниям, мы можем сказать, что в Дублине, в других частях Ирландии, в Шотландии, на острове Мэн и в Британских землях тоже есть мужчины и женщины, которых весь мир знает как образованных лидеров в своих областях деятельности, которые не только заявляют о своей вере в то, что феи были, но что феи есть; и некоторые из этих мужчин и женщин говорят, что у них есть способность видеть фей как реальных духовных существ.

В доказательствах, которые мы собираемся представить, не было выбора в пользу какой-либо одной теории; они представлены как обнаруженные. Единственной вольностью, допущенной в отношении некоторых свидетельств, было приведение их в лучшую грамматическую форму, а иногда и переработка двусмысленного утверждения, когда у меня, как у коллекционера, не было сомнений в его смысле. Переводы были сделаны как можно более буквальными, хотя иногда лучше было предложить смысл, а не то, что в английском языке было бы непонятным просторечием или идиоматическим выражением. В поисках доказательств мы стремились как можно глубже и естественнее проникнуть в мысли людей, верящих в фей и подобных им существ, живя среди них, наблюдая за их обычаями и образом мыслей и записывая то, что казалось относящимся к исследуемому предмету - выражения, связанные со случайностью, и легенды, рассказанные в различных обычных условиях, - а не

собирать длинные легенды или литературные истории о феях. За последними читатель может обратиться к многочисленным превосходным работам по кельтскому фольклору. Мы попытались собрать воедино, как это, возможно, не делалось ранее, философию веры в фей, а не просто сказочные предания, хотя эти два понятия невозможно разделить. Приводя свидетельства о феях, мы иногда приводим свидетельства, которые, хотя и схожи с ними и поэтому достойны упоминания, не являются строго сказочными. Все, что мы опустили из материалов в том виде, в котором они были записаны, - это истории и рассказы о вещах, недостаточно связанных с миром Фейри, чтобы представлять здесь ценность.

Ни в одном случае не были приняты показания человека, который был заведомо ненадежен, и даже человека, который считался ненадежным. Соответственно, свидетельства, которые нам предстоит изучить, должны считаться хорошими доказательствами в той мере, в какой это возможно; и поскольку они представляют почти все известные элементы веры фей и содержат почти все основные элементы, на которых должны основывать свои аргументы сторонники натуралистической теории, теории пигмеев, теории друидов, мифологической теории, а также нашей собственной психологической теории, мы считаем их очень адекватными доказательствами. Почти каждый свидетель - кельт, который познакомился с верой в фей через непосредственный контакт с людьми, которые в них верят, или услышав предания о феях среди своих сородичей, или через личный психологический опыт. И для нас большая удача, что необычайно большая часть этих кельтских свидетелей - настоящие проникательные и естественные провидцы, потому что исключения из веры в фей, которые будут сделаны в [главе iii](#) с помощью антропологического анализа доказательств, будут настолько обширными, что, строго говоря, с научной точки зрения останется остаточное или неизвестное количество, от которого должен зависеть наш окончательный вывод, - только свидетельства надежных провидцев-свидетелей. Иными словами, никакой метод антропологического анализа доказательств не может заставить отбросить рассмотрение конечной истины, которая может содержаться или не содержаться в показаниях здравомыслящих и полностью надежных провидцев-свидетелей.

Старые и молодые, образованные и необразованные, крестьяне и горожане свидетельствуют о реальном существовании кельтской веры в фей; свидетельства римских католиков соседствуют со свидетельствами протестантов, свидетельства священников поддерживают свидетельства ученых и исследователей, крестьяне свидетельствуют о тех же видениях, что и высокообразованные провидцы, а слова поэтов согласуются с рассказами бизнесменов, инженеров и юристов. Но лучшие из свидетелей, как и мы сами, всего лишь люди и подвержены недостаткам обычного человека, и поэтому ни в коем случае нельзя претендовать на непогрешимость свидетельств: Во всем мире люди интерпретируют видения прагматически и социологически, или придерживаются убеждений в соответствии со своим личным опытом; и всегда бессознательно погружены в море психологических влияний, которые иногда могут быть объяснимы с помощью методов социологического исследования, иногда могут быть сверхнормальными по происхождению и природе, и поэтому должны быть объяснены наиболее адекватно, если вообще могут быть объяснены, с помощью психических исследований. Наше исследование - это исследование самой человеческой природы, более того, часто человеческой природы в ее самых тонких аспектах, которые называются психическими; и самая сложная проблема из всех - это интерпретация и понимание человеческой природой своей собственной конечной сущности и психологических инстинктов. Наша цель - выяснить, какие разумные основания могут стоять или не стоять за верой, столь обширной, столь древней, столь распространенной (вопреки распространенному некельтскому мнению) среди всех слоев кельтов и столь фундаментально формирующей европейскую историю, религию и социальные институты.

Когда мы заявляем о своей убежденности в том, что вера в фей является общей для всех классов кельтов, мы не утверждаем, что она является общей для всех кельтов.

Материализация эпохи повлияла на веру фей так же, как и на все религиозные верования во всем мире. На это указывали доктор Хайд, доктор Кармайл и мистер Дженнер в своих введениях для Ирландии, Шотландии и Корнуолла. Тем не менее, вера фей как народная религия кельтских народов до сих пор может исчисляться сотнями тысяч приверженцев. Даже во многих случаях, когда христианская теология была частично или полностью отброшена образованными кельтами в деревне или в городе, как не соответствующая в слишком многих деталях принятым научным истинам, вера в фей ревностно сохранялась и, судя по всему, будет сохраняться в будущем.

Теперь мы готовы услышать о *Daoine Maithe*, "добрых людях", как ирландцы называют свою расу *Sidhe*; о "людях мира", "неподвижных людях" или "тихо движущихся людях", как шотландцы называют своих *Sith*, которые живут в зеленых холмах и горных массивах нагорья; о различных мансийских феях; о *Tylwyth Teg*, "Прекрасном семействе" или "Прекрасном народе", как называют своих фей валлийцы; о корнуэльских пикси; о *Fées* (феях), *Corrigans* и призраках мертвых в Бретани. А вместе с ними, поскольку они очень похожи, мы услышим о привидениях - иногда о призраках, которые находят спрятанные сокровища, как в нашей истории о *Золотом Образе*, - о гоблинах, о различных видах предупреждений о смерти, обычно исходящих от явлений мертвых или банши, о свечах смерти и призрачных похоронах, о лепреконах, о хозяевах воздуха, о всевозможных элементалях и духах - словом, обо всех видах существ, которые смешиваются вместе в том невидимом царстве, которое называется Сказочная страна.

II. В ИРЛАНДИИ

Вступление Дугласа Хайда, доктора философии, доктора литературы, М.Р.И.А. (*An Craoibhín Aoibhinn*), президента Гэльской лиги; автора "*Литературной истории Ирландии*" и др.

Как бы ни относиться к выводам, сделанным мистером Вентцем в результате его исследований ирландского мира духов, не может быть никаких сомнений в точности данных, на основании которых он их делает. Я сам уже почти четверть века собираю, время от времени, фольклор Западной Ирландии, но не в той форме, в которой его собрал мистер Венц, а скорее с прицелом (отчасти в лингвистических и литературных целях) на его песни, поговорки, баллады, пословицы и *сгеальты*, которые в целом являются эквивалентом немецких *Märchen*, но иногда имеют оттенок саги. Собирая коллекцию этих вещей, я, естественно, столкнулся с большим количеством народных поверий, выраженных в разговорной форме, относительно "добрых людей" и других сверхъестественных проявлений, так что я могу засвидетельствовать верность, с которой мистер Венц проделал свою работу на ирландской земле, поскольку к большому количеству поверий, которые он записывает, я сам слышал параллели, иногда я слышал почти варианты историй, иногда идентичные истории. Поэтому мы можем, как мне кажется, безоговорочно принять его материал, какие бы выводы, как я уже сказал, мы из него ни сделали.

Народные сказки (*sean-sgéal*) или *Märchen*, на сбор которых я потратил столько времени, не следует путать с народными поверьями, которые лежат в основе исследований г-на Вентца. *Сгеал* или история - это нечто гораздо более запутанное, сложное и продуманное, чем поверье. Их можно легко отличить друг от друга. Одна из них (поверье) короткая, разговорная, в основном связана с реальными людьми и не содержит большой последовательности происшествий, в то время как другая (народная сказка) длинная,

сложная, более или менее условная, и прежде всего ее интерес сосредоточен вокруг одной центральной фигуры, героя или героини. Я могу пояснить это на примере. Давайте зайдём в домик на склоне горы, как мы с мистером Венцем часто делали, и спросим старика, слышал ли он когда-нибудь о таких вещах, как феи, и он ответит вам, что "феи здесь точно есть". Разве его собственный отец не видел, как "форт"[10] за горами был полон ими, и он проходил мимо лунной ночью, и среди них был маленький волынщик, и он играл музыку, подобной которой смертный человек никогда не слышал?" Или он скажет вам, что "сам он не стал бы возражать против фей, потому что часто слышал их музыку у старого куста за домом". Спросите, какие они, феи, и он скажет вам примерно то же, что и мистер Венц. Из этого и подобных рассказов мы формируем наши представления о феях и сказочной музыке, о привидениях, русалках, *луках* и так далее, но в них нет ни последовательности происшествий, ни героя, ни героини, ни истории.

Снова спросите старика, знает ли он когда-нибудь *sean-sgéal* (сказку или Märchen), и он сразу же спросит: "Слышал ли ты когда-нибудь Пятнистого Быка; слышал ли ты когда-нибудь Колодец на краю света; слышал ли ты когда-нибудь Портного и Трёх Зверей; слышал ли ты когда-нибудь Безрогую Корову?". Попросите его рассказать одну из этих историй, и если вы попадете в нужное русло, что бывает, пожалуй, один раз из десяти, или если вы вызовете нужное русло, что бывает, пожалуй, девять раз из десяти, вы увидите, что он начнет с некоторой серьезностью и торжественностью в самом начале, так: "Жил-был в старые времена, а в старые времена это было, король в Ирландии"; или, возможно, "человек, который женился на второй жене"; или, возможно, "женщина-вдова, у которой был только один сын": и сказка переходит к рассказу о жизни и приключениях героев или героинь, чьи биографии, рассказанные на ирландском языке в некой стереотипной форме, могут занять от десяти минут до получаса. В некоторых историях за время рассказа сгорает свеча, а то и вся ночь. Но эти истории практически ничего не говорят о вопросах, затронутых в этой книге.

Проблема, с которой нам приходится иметь дело, поразительна, как ее ставит перед нами мистер Вентц. Являются ли эти существа мира духов реальными существами, имеющими реальное существование в собственном мире, или же они лишь порождение воображения его информаторов и традиций ушедших веков? Газета, "национальная" школа и *Zeitgeist* к своему удовлетворению ответили, что все это - воображение в чистом виде. Однако это легкомысленное осуждение не всегда несет в себе полную убежденность. Мы не сомневаемся в существовании дроздов или зимородков, хотя девятьсот девяносто девять человек из каждой тысячи проживают всю жизнь, не имея возможности увидеть их в живом виде; и разве не так же обстоит дело с существами мира духов, разве они тоже не существуют, хотя лишь одному из тысячи дано увидеть их? Духовных существ нельзя набить чучелами и поместить в музеи, как редких животных и птиц, в существовании которых мы могли бы сомневаться, если бы не видели их там; но они могут существовать, как существуют животные и птицы, хотя мы не можем их видеть. Я, по крайней мере, часто испытывал искушение думать именно так. Но следующие соображения, частично почерпнутые из сравнительного фольклора, заставили меня колебаться в принятии какой-либо теории.

Прежде всего, рассматривая ирландский мир духов как единое целое, мы обнаруживаем, что в нем, даже по версии мистера Вентца, содержится довольно много различных порядков существ, различающихся по форме, внешнему виду, размеру и функциям. Должны ли мы верить, что все эти существа существуют в равной степени, и, исходя из принципа, что не может быть дыма без огня, должны ли мы считать, что не было бы народного представления о банши, лепреконе или *Maighdean-mhara* (морской деве, русалке), а следовательно, и сказок о них, если бы такие существа не существовали и время от времени позволяли бы себя

увидеть, подобно лесному мартину и зимородку? Кроме того, этот вопрос еще более усложняется верой в появление вещей, которые являются или кажутся неодушевленными предметами, а не живыми существами, такими как глухая карета или призрачный корабль под полным парусом, появление которого мистер Йитс увековечил в одном из своих самых ранних и прекрасных стихотворений.

И хотя *бобыль-сидхе* (баньши), лепреккон, *лука* и тому подобные существа являются наиболее известными и обычно встречаемыми созданиями мира духов, считается, что и другие явления встречаются в огромном количестве и спорадически. Я очень хорошо помню, как однажды вечером, четыре или пять лет назад, сидел в гостинице в Индианаполисе (США) и беседовал с четырьмя ирландцами, один или два из которых были очень богаты, и все они были преуспевающими гражданами Соединенных Штатов. Разговор зашел о духах - единственный раз за все время моего пребывания в Америке, когда такое случилось, - и у каждого из четверых была своя история, в которую он был убежденным верующим, о призрачных проявлениях, которые он видел в Ирландии. Два из этих проявлений были связаны с существами, которые не подпадают ни под одну из известных категорий: чудовищный кролик размером с осла, который погрузился в море (кролики умеют плавать), и белая телица, которая вознеслась на небеса, были двумя из них. Я сам, когда мне было десять или одиннадцать лет, был совершенно убежден, что в одно прекрасное росистое утро летом, когда люди еще не ложились спать, я видел, как странная лошадь обежала наше поле в семь акров и превратилась в женщину, которая бежала еще быстрее лошади и, сделав пару кругов по полю, исчезла в нашей избе. Уверен, во что бы я ни верил сегодня, никакие земные убеждения не смогли бы убедить меня в то время, что я этого не видел. Однако я больше никогда не видел этого и не слышал, чтобы кто-нибудь еще видел то же самое.

Я говорю об этом для того, чтобы показать, что если мы признаем реальное объективное существование, скажем, очевидно достоверной банши (*Bean-sidhe*, "женщина-фея"), то где же нам остановиться? Ведь на ее пятки наступает любое количество существ, более или менее достоверных, их так много, что они указывают на гораздо более обширный мир различных форм, чем обычно предполагается, не говоря уже о неодушевленных предметах, таких как карета и корабль. Конечно, нет ничего невозможного в существовании всех этих форм, так же как и в существовании одной из них, но все они, как мне кажется, опираются на одно и то же свидетельство, более сильное в случае одних и менее сильное в случае других, и на это следует указать со всей определенностью.

По моему собственному опыту, вера в народ *сидхе* (произносится *Shee*) и других обитателей невидимого мира во многих местах стремительно угасает. Читая сборники фольклора, подобные сборникам мистера Вентца и других, человек, естественно, склонен преувеличивать масштабы и глубину этих традиций. Они, конечно, все еще существуют, и их можно найти, если заняться их поиском; но зачастую они существуют почти как бы по принуждению, лишь местами, и уже перестают быть силой. Недалеко от моего дома в одном из западных графств (графство Роскоммон) возвышается пологий склон, который из-за равнинности окружающей местности почти превратился в холм и бросается в глаза на многие мили со всех сторон. Старые люди называли его по-ирландски *Mullach na Sidhe*. Сейчас это название практически утрачено, и он называется Фэримаунт. Традиции *сидхе*, живших в пределах холма, настолько угасли, что один высокопоставленный церковник, проезжая мимо, спросил у своего водителя, есть ли у холма ирландское название и какое, и водитель не знал. Несколько лет назад в соседнем городке Клун-Шивер (*Сидбхаир* или *Сиабра*), "Луг фей", произошел оползень, о котором много говорили, и многие корреспонденты газет приезжали посмотреть на него. Один из местных жителей сказал

сочувствующему газетному репортеру: "Конечно, мы всегда знали, что он будет двигаться, поэтому это место и называется Клун-Шивер, болото всегда было в "дрожи"!". Я никогда не слышал никаких легенд, связанных с местом, которое, должно быть, когда-то считалось штаб-квартирой *сидхе* на десятки миль вокруг.

Однако из всех существ ирландского мифологического мира *сидхе*, по-видимому, являются самыми древними и наиболее характерными. По сравнению с ними в литературе и общей известности все остальные существа теряют свою значимость. Вера в них раньше доминировала во всей ирландской жизни. *Сидхе*, или Туатха Де Дананн, были таким же народом, как и мы, населявшим холмы - как правило, не самые высокие и рельефные, но, думаю, чаще всего приятные волнистые склоны или пологие холмы - и жившим там своей собственной жизнью, женившись или выходя замуж, устраивая пиры или ведя войны, и ведя там такую же реальную жизнь, как и наша собственная. Вся ирландская литература, особенно, пожалуй, "Беседа древних" (*Agallamh na Senórach*), изобилует упоминаниями о них. Задаваться вопросом, как ирландцы изначально пришли к своей вере в этих существ, *сидхе* или Туатха Де Дананн, значит ставить вопрос, на который невозможно ответить, так же как можно ответить на вопрос, откуда у римлян появилась вера в Бахуса и фавнов, или у греков - в существ Олимпа?

Но если допустить, что такая вера была исконной для ирландцев, как это, безусловно, кажется, и было, тогда высоких, красивых фей из Бен Булбина и района Слайго, о которых мистер Венц рассказывает нам так много интересного, можно объяснить как продолжение традиции древних гэлов или *часть наследственности, присущей народному воображению*. Иными словами, традиция об этих красивых жителях холмов передавалась веками и, возможно, исключительно хорошо сохранилась в тех краях, и люди видели именно то, о чем им всегда говорили, или, если можно так выразиться, они видели то, что ожидали увидеть.

Фин Бхеара, король фей Коннахта в Кнок Мида (или Каслхакет) в графстве Голуэй, его королева Нуала, а также все прекрасные формы, увиденные провидцем-свидетелем мистера Венца (стр. 60 и далее), все банши и все человеческие фигуры, белые женщины и так далее, которых можно увидеть в рвах и на склонах холмов, являются прямыми потомками, так сказать, Туатха Де Дананн или *Сидхе*. В этом, я думаю, не может быть никаких сомнений.

Но как же тогда объяснить маленьких мужчин и женщин в красных одеждах и лепреконов? И все же, разве они более чудесны, чем пигмеи классической традиции? Разве Русалка не водится в Греции, а Лорелея не является таким же германским существом, как келпи - каледонским. Если мы признаем, что все это - порождения примитивных народных верований, то вопрос о том, как они стали таковыми, перестает быть кельтской проблемой, он становится мировой. Но если допустить, как я уже сказал, что все они были созданиями примитивных народных верований, то их случайные появления или вера в них могут быть объяснены точно так же, как я предположил, что это возможно в случае с феями Бен Бульбина.

Что касается веры в призраков или *реваншистов* (по-ирландски *tais* или *taidhbhse*), то она, как мне кажется, может в некоторой степени опираться на совершенно иные основания. Здесь мы сталкиваемся не с иным порядком существ, отличающихся по форме и атрибутам от наших собственных, а лишь с появлением среди живых людей тех, кто, как считалось или было известно, умер или находится далеко от места своего появления. Даже те, кто скептически относится к *сидхе* и лепреконам, скорее всего, убедятся (на основании одних лишь доказательств), что существование "астральных тел", или "двойников", или как бы мы

их ни называли, и появление людей, особенно в час их смерти, перед другими людьми, которые в то время находились, возможно, за сотни миль от них, вполне доказано. И все же, что бы ни происходило изначально, когда человек был молод, я не думаю, что в более поздние времена это имело более непосредственное отношение к вере в *сидхе*, лепреконов, русалок и подобных существ, чем к вере в греческий пантеон, наяд, дриад или фавнов; все эти верования, вероятно, возникшие изначально из анимистического источника, должны были дифференцироваться в очень ранний период. Конечно, каждое реальное явление, каждое "призрачное" явление стремится сейчас, и, должно быть, стремилось во все времена, укрепить каждую веру в духов. Ведь не принадлежат ли призрачные явления в некотором смысле к той же сфере, что и все остальные, о которых мы говорили, то есть к сфере, находящейся за пределами нашего обычного опыта?

Еще один очень интересный момент, который до сих пор обычно упускался из виду, заключается в том, что в разных частях ирландской земли почитают разные тела сверхъестественных существ. На севере Ирландии верят в существ, неизвестных на юге, а на северо-востоке Лейнстера обитают духи, неизвестные на западе. Некоторые места, кажется, почти полностью отданы особым верованиям. Любой посторонний человек, прочитавший, например, эту мощную и жуткую книгу "*Легенда о смерти*" (*La Légende de la Mort*) М. Anatole Le Braz, в двух больших томах, все об ужасных появлениях *Ankou* (Смерти), которая просто доминирует в фольклоре Бретани, вероятно, будет очень удивлен, узнав, что, хотя я собираю ирландский фольклор всю свою жизнь, я ни разу не встречал Смерть как личность более чем в двух-трех рассказах, и те в основном тривиального или юмористического характера, хотя глухая карета (*Cóiste Bodhar*), вера в которую довольно распространена, кажется своего рода параллелью скрипучей телеге, в которой едет *Анкоу*.

Я бы предположил, что ограничение определенных форм духов, если их можно так назвать, определенными местностями может быть вызвано смешением рас. Я полагаю, что там, где люди первобытного племени наиболее прочно обосновались, они также наиболее прочно сохранили память о тех сверхъестественных существах, которые были свойственны только им. *Сидхе-фолк*, по-видимому, преимущественно и отчетливо милезийские, но в *геанканах* (название какого-то маленького духа в Мите и части Ольстера), возможно, верила раса, совершенно отличная от той, что верила в *клуракауна* (мюнстерского призрака). Некоторые из этих верований могут быть арийскими, но многие, вероятно, являются докельтскими.

Не странно ли, что, хотя имена и подвиги великих полумифологических героев различных ирландских саг - Кухулайнна, Конора мак Несса, Финна, Оsgара, Ойсина и других - в настоящее время являются достоянием всей Ирландии и известны в каждой ее части, все же, как я уже говорил, существуют сверхъестественные существа, о которых неизвестно за пределами их собственных районов и о которых остальная Ирландия никогда не слышала? Если жители ограниченных районов, в которых их видят, все еще думают, что видят их, то я предполагаю, что более ранняя раса передала рассказ о примитивных существах, в которых верило их собственное племя, а последующие поколения, если и видели что-то, то только то, о чем им говорили.

Не ставя под сомнение реальное существование некоторых духовных форм и явлений, я осмеливаюсь высказать эти соображения, чтобы понять, чего они стоят, и хочу еще раз поблагодарить мистера Вентца за все ценные данные, которые он собрал, чтобы пролить свет на столь интересный вопрос.

Ратра, Френчпарк,
графство Роскоммон, Ирландия,
Сентябрь 1910 года.

Сказочный народ Тары

На древнем холме Тара, с высоты которого верховные короли некогда правили всей Ирландией, откуда в языческие времена священные костры возвещали о ежегодном воскрешении солнца, о Пасхальном приливе, где магия Патрика преобладала над магией друидов и где на великом празднике *Самайн* появлялись воины Туатха Де Дананн, сегодня бесспорно властвуют феи современности. И ни с какой другой точки, кроме Тары, которая когда-то была магическим и политическим центром Священного острова, мы не могли бы начать изучение ирландской веры фей. Хотя холм лежит невспаханным и заброшенным с тех пор, как на него обрушились проклятия христианских священников, в спокойном воздухе летних вечеров, в сумерках, над его склонами все еще звучит дивная музыка, а по ночам длинные, странные процессии молчаливых духов обходят его заросшие травой *рати* и *крепости*.^[11] Только люди боятся проклятия христиан; феям оно безразлично.

Преподобный Отец Питер Кенни из Килмессана направил меня к Джону Грэму, старику семидесяти с лишним лет, который большую часть своей жизни прожил в окрестностях Тары; И после того как я нашел Джона и он провел меня от *ратха* к *ратху*, а затем и по всей территории, где когда-то стоял пиршественный зал королей, героев и друидов, искренне рассказывая о былой славе Тары, о которой молчаливо свидетельствуют эти древние памятники, мы уселись в густую траву на Священном холме и начали говорить о былых временах в Ирландии, а затем о "добрых людях":-

Музыка "добрых людей": "Когда вы садились, я точно слышал трубы вон в том лесу (указывает на лес на северо-западном склоне холма, к западу от банкетного зала). В другой раз я слышал эту музыку жарким летним вечером в Рэт оф Ринглстаун, на поле, где вся трава была сожжена; и я часто слышал ее в лесу Тары. Когда играют *добрые люди*, их музыка слышна по всему полю, и это самая прекрасная музыка. Она может длиться пол ночи, но как только наступает день, она заканчивается".

Я спросил Джона, что это за раса - "хорошие люди", и откуда они взялись, и вот что он ответил: "Люди, убитые на войне, остаются на земле, пока не выйдет их время, и они относятся к *хорошим людям*. Души на этой земле густые, как трава (проводит тростью по густому кусту), и их не видно; и злые духи тоже густые, а люди об этом не знают. Поскольку вокруг стучит (ходит) так много духов, они должны показаться некоторым людям. Старики видели *добрых людей* здесь, на холме, сотни раз, и они всегда говорили о них. *Добрые люди* видят все, и вы не смеете вмешиваться в их дела. Они живут в *ратхах*, и дома их находятся в них. Всегда считалось, что это раса духов, потому что они могут принимать разные формы и казаться как большими, так и маленькими".

Свидетельства из Килмессана, близ Тары

Джон Бойлин, родившийся в графстве Мит около шестидесяти лет назад, будет нашим свидетелем из Килмессана, деревни в двух милях от Тары; он один из тех, кто лучше всего осведомлен о фольклоре этих мест, и может дать очень ценные свидетельства: - "Говорят, в

Глен Оддере, между Ринглстауном и Тарой, живет целое племя маленьких красных человечков, и долгими июньскими вечерами их можно услышать.

Говорят, что в Глен-Оддере, между Ринглстауном и Тарой, живет целое племя маленьких красных человечков; долгими июньскими вечерами их можно было услышать. Есть и другие породы или касты фей; и мне кажется, когда я вспоминаю наши древние традиции, что некоторые из этих фей принадлежат к Фир Болгам, некоторые - к Туатха Де Дананн, а некоторые - к Милезианцам. Все они были замечены исполняющими серенады вокруг западного склона Тары, одетыми в древние ирландские костюмы. В отличие от маленьких красных человечков, эти расы фей воинственны и склонны к вторжениям. Их длинные процессии видели идущими вокруг Королевского кресла (земляного сооружения, на котором, по преданию, короновались короли Тары); и тогда они появлялись как воины древней Ирландии в строю".

Шествие фей". Нам рассказывали в детстве, что, как только наступает ночь, феи из Рат Ринглстауна собираются в процессию, пересекают дорогу Тары, обходят определенные кусты, которые не трогали уже много веков, и присоединяются к *гангкене* (?) или сонму трудолюбивых людей, красным феям. Мы боялись, и наши няни всегда возвращали нас домой до появления процессии фей. Один из проходов, через который проходила эта процессия, находился между двумя глинобитными домами; говорят, что один человек вышел из одного из этих домов в неподходящее время, и когда его нашли, он был мертв: феи *забрали* его, потому что он помешал их процессии"[12].

Смерть от срезания кустов фей - "Один человек по имени Каффни срезал в качестве топлива для варки картофеля несколько нетронутых кустов, вокруг которых ходят феи. Когда он положил дерево под кастрюлю, оно хоть и плевалось огнем, и из него сыпались огненные искры, но не горело. Человек постепенно чах. Через шесть месяцев после того, как он срезал кусты фей, он умер. Перед самой смертью он рассказал о своем опыте с деревом брату, а брат рассказал мне".

Феи - это мертвецы. Согласно местным поверьям, феи - это духи ушедших. Традиция гласит, что Хью О'Нил в шестнадцатом веке, после похода на юг, расположил свою армию на *ратхе* или *форте* Ринглстаун, чтобы ему помогли духи могущественных мертвецов, обитавших на этой *ратхе*. И считается, что Джеральда Фицджеральда видели выходящим из холма Моллиеллен в графстве Лут, ведущим свою лошадь и одетым в старый ирландский костюм, с нагрудником, копьем и военным снаряжением".

Одержимость феей. Роуз Кэрролл была одержима духом феи. Известно, что ее отец общался со злыми духами, и, судя по всему, они часто помогали ему. Дом Кэрроллов был построен в конце *крепости* фей, и часть его была вычерпана из этой *крепости*. Роза стала настолько необычной, что родные заперли ее в доме. Через два года ей удалось избавиться от одержимости фей, и ее отвезли к сестрам отца Робинсона, а затем к старой колдунье в Дрогеде".

В долине Бойна

Прогуливаясь вдоль реки Бойн от Слейна до Ноута и Нью-Грейнджа, я остановился в коттедже Оуэна Моргана в Росс-на-Риг, или "лесу королей", хотя древний лес давно исчез; и когда мы сидели, глядя на освещенную солнцем красоту классической реки Ирландии и находясь на виду у первого из знаменитых *рвов*, Оуэн Морган рассказал мне вот что

Как дочь сапожника стала королевой Тары: "В давние времена там, у рва Ноут, жили сапожник и его жена, и их первого ребенка забрала королева фей, жившая внутри рва, а на его месте остался маленький лепреккон. Такой же обмен произошел и при рождении второго ребенка. При рождении третьего ребенка королева фей снова пришла и приказала одному из трех своих слуг взять ребенка; но его нельзя было перенести из-за большой железной балки, слишком тяжелой, чтобы ее поднять, которая лежала поперек груди младенца. Вторым слуга, затем третий не справились с задачей, как и первый, и королева сама не смогла сдвинуть ребенка с места. Мать, у которой не было булавок, скрепила одежду ребенка иголкой, и именно она показалась феям железной балкой, ведь в те времена сталь была добродетелью.

Тогда королева фей решила одарить ребенка и посоветовала каждому из трех слуг по очереди дарить разные подарки. Первый сказал: "Пусть она будет самой великой дамой в мире"; второй: "Пусть она будет самой великой певицей в мире"; третий: "Пусть она будет самой лучшей мантией в мире". Тогда королева фей сказала: "Все ваши подарки очень хороши, но я подарю свой собственный, лучше всех: когда она в первый раз выйдет из дома, пусть вернется в него под видом крысы". Мать слышала все, что говорили феи, и поэтому никогда не разрешала дочери выходить из дома.

Когда девушке исполнилось восемнадцать лет, случилось так, что молодой принц Тары, проезжая мимо на охоту, услышал ее пение и был так очарован музыкой, что остановился послушать; а когда песня закончилась, он вошел в дом и, увидев дивную красоту певицы, попросил ее выйти за него замуж. Мать сказала, что этого не может быть, и, выведя дочь из дома в первый раз, привела ее обратно в фартуке под видом крысы, чтобы принц понял отказ.

Однако эти чары не изменили любви принца к прекрасной певице, и он рассказал, что его отец, король, назначил день, когда все великие дамы Ирландии должны собраться в залах Тары, и что самая великая дама, самая великая певица и самая лучшая мастерица мантии будет выбрана в жены. Когда он добавил, что каждая дама должна приехать на колеснице, крыса заговорила с ним и сказала, что в назначенный день он должен послать к ней домой четырех пестрых кошек и колоду карт и что она явится при условии, что в то время, когда ее колесница подъедет к Залам Тары, никто, кроме принца, не будет допущен к ней; и, наконец, она сказала принцу: "До того дня, о котором говорил твой отец, ты должен носить меня как крысу в своем кармане".

Но прежде чем настал великий день, крыса все рассказала одной из фей, и когда четыре пестрых кота и пачка карт добрались до дома девушки, феи тут же превратили котов в четырех самых великолепных коней на свете, а пачку карт - в самую чудесную колесницу на свете; И когда колесница выезжала из Рва в Тару, королева фей хлопнула в ладоши и засмеялась, и чары над девушкой были сняты, и она стала, как и прежде, самой прекрасной дамой на свете, и сидела в колеснице.

Когда принц увидел приближающуюся чудесную колесницу, он понял, чья она, и вышел один навстречу ей; но, увидев девушку внутри, он не поверил своим глазам. И тогда она рассказала ему о ведьмах и феях и все объяснила.

Сотни дам съехались в Залы Тары со всей Ирландии, и каждая была так великолепна, как только могла быть. Состязание началось с пения и закончилось изготовлением мантии, и девушка появилась последней; но к изумлению всей компании король был вынужден

признать, что эта странная женщина была самой великой дамой, самой великой певицей и самой лучшей мастерицей мантии в Ирландии; и когда старый король умер, она стала королевой Тары".

После этой древней легенды, которую Оуэн Морган слышал от стариков, когда был мальчиком, он рассказал мне много анекдотов о "добрых людях" Бойна, которые представляют собой маленьких человечков, обычно одетых в красное.

Между Ноутом и Нью-Грейнджем я встретил Мэгги Тиммонс, которая несла ведро с пахтой для своих телят; когда мы остановились на дороге, чтобы поговорить, я спросил ее, не появлялся ли кто-нибудь из "добрых людей" в этих краях или около Нью-Грейнджа, который мы могли видеть в поле, и она ответила, говоря о Нью-Грейндже: "Я уверена, что соседи видели, как *добрые люди* выходили из него ночью и утром. *Хорошие люди* унаследовали *форт*".

Тогда я спросил ее, что такое "хорошие люди", и она ответила: "Когда они исчезают, они уходят как в туман; должно быть, они чем-то похожи на духов, иначе как они могут так исчезать? Я знала людей, - добавила она, - которые доили молоко в здешних полях и проливали его на землю для *добрых людей*; а по ночам для *добрых людей* выставляли горшки с картошкой" (Дополнительный фольклор Нью-Грейнджа см. в [гл. viii](#)).

Свидетельство ирландского священника

Теперь мы переходим непосредственно к Западной Ирландии, во многих отношениях самой важной области нашего исследования, где из всех мест кельтского мира вера в фей жива; и кажется очень уместным предоставить первую возможность свидетельствовать от имени этого района ученому священнику Римской церкви, поскольку то, что он нам рассказывает, почти полностью является результатом его собственных воспоминаний и опыта ирландского мальчика в Коннемаре, дополненных ценным образом его более широким и зрелым знанием веры в фей, как он видит ее сейчас среди своих собственных прихожан:...

Феи Нок-Ма. - Говорят, что в Нок-Ма, который вы видите вон там, есть вырытые ходы и дворец, где живут феи, а с ними и люди, которых они *забрали*. Считается, что с внутренней стороны холма есть вход в подземный мир. Распространено мнение, что после смерти люди попадают к феям в добром здравии. Опустошенное тело в холм не забирают, так как обычно считают, что это не тело умершего, а тело подменыша; по общему мнению, настоящее тело и душа уносятся вместе, а на их место помещается старик из Страны фей. Оставшийся старый человек вскоре приходит в упадок и умирает".

Обереги от фей: "Было принято, закончив доить корову, опускать большой палец в ведро с молоком и мокрым пальцем совершать крестное знамение на бедре коровы с той стороны, которую доили, чтобы обезопасить себя от фей. И я видел, как они при взбивании клали под маслобойку живой уголь площадью около дюйма, потому что это был старый обычай, связанный с феями".

Молоко и масло для фей: "Все молоко, которое падает на землю при доении коровы, забирают феи, потому что феям нужно немного молока. Кроме того, после взбивания нож, которым проводят по маслу, чтобы высушить его, не должен быть выскоблен начисто, ибо то, что к нему прилипает, принадлежит феям. Из трех фунтов масла, например, унция или две останутся для фей. Я видел это несколько раз".

Переправа через ручей и феи - "Когда выходишь на улицу темной ночью, если тебя преследуют феи или призраки, можно считать себя в полной безопасности, если удастся перебраться через какой-нибудь ручей. Я помню, как возвращался домой темной ночью с мальчиком-компаньоном и услышал шум, а потом, когда мы добежали до ручья и перешли его, почувствовал себя в полной безопасности.

Куча камней в поле не должна быть потревожена, хотя и нужна для строительства, особенно если она является частью древнего кургана. Считается, что внутри кучи живут феи, и если сдвинуть камни с места, это будет очень плохо. Если дом будет построен на территории заповедника фей или на тропе фей, жильцам не повезет. Все пойдет наперекосяк. Животные погибнут, дети заболеют, и все беды обрушатся на них. Если дом построен на пути фей, двери спереди и сзади, а также окна, если они находятся на линии пути, нельзя держать закрытыми на ночь, потому что феи должны пройти через них. Недалеко от Баллинроба есть старый *форт*, который до сих пор является заповедником фей, и земля вокруг него. Почва очень хорошая, но никто не осмеливается ее обрабатывать. Некоторое время назад, прокладывая новую дорогу, инженеры решили провести ее через *форт*, но жители почти взбунтовались, и курс пришлось изменить. Фермеры не хотят срубить ни одного дерева или куста, растущего на холме, и не хотят ничего сохранять".

Контроль фей над посевами: "Считается, что феи управляют посевами и их созреванием. Поле репы может обещать хороший урожай, и его владелец будет рассчитывать на столько-то тонн с акра, но если при сборе урожая выяснится, что он намного меньше предполагаемого, объяснение будет таким: феи вытянули из него столько-то вещества. То же самое происходит и с кукурузой".

Канун ноября и феи: "В канун ноября не следует собирать и есть ежевику или терн, а также после этого, пока они сохраняются. В канун ноября феи обходят все эти ягоды и делают их непригодными для еды. Если после этого человек осмелится их съесть, его ждет тяжелая болезнь. Мы твердо верили в это, когда были мальчишками, и сейчас я смеюсь, вспоминая, как мы объедались ягодами в последний день октября, а потом несколько недель проходили мимо кустов, полных самых сочных фруктов, и с жаждающими ртами не могли их съесть".

Феи как мухи: "На реке, в графстве Мейо, есть старое аббатство, и люди говорят, что феи устроили возле него великую битву, и что резня была огромной. В то время феи появлялись в виде роев мух, слетавшихся со всех сторон к этому месту. Одни прилетели из Нок-Ма, другие - из Южной Ирландии, и бытует мнение, что феи могут принимать любую форму. Битва длилась день и ночь, и когда она закончилась, можно было набить корзины мертвыми мухами, которые плыли вниз по реке".

Те, кто возвращается из Фазри... - О людях, находящихся в коротком трансовом состоянии продолжительностью два или три дня, говорят, что они находятся вместе с феями, наслаждаясь праздником. Фестиваль может быть очень материальным по своей природе, а может быть чисто духовным. Иногда человек попадает в Фазри на час или два, а иногда остается там на семь, четырнадцать или двадцать один год. В голове человека, выходящего из Страны фей, обычно не остается никаких воспоминаний о том, что он там видел и делал. Другая идея заключается в том, что человек достаточно хорошо знает все о Сказочной стране, но ему не дают передать это знание. Одна женщина, которую я знал, сказала, что забыла о своем опыте в Фейри, но друг, который слышал ее, возразил, что она помнит, но не хочет рассказывать. Человек может бодрствовать по ночам, наблюдая за тем, кто побывал в Стране фей, чтобы узнать, общается ли тот с феями. Другие говорят, что в этом случае феи знают, что вы начеку, и не обнаружат вас".

Свидетельство пайпера из Голуэя

Феи=Sidheóga. - По словам нашего следующего свидетеля, Стивена Руана, волынщика из Голуэя, с которым я часто беседовал, существует один класс фей, "которые являются никем иным, как духами мужчин и женщин, которые когда-то жили на земле"; а банши - это умерший друг, родственник или предок, который появляется, чтобы дать предупреждение. Феи, - говорит он, - никогда не заботятся о стариках. Они *забирают* только младенцев, молодых мужчин и женщин. Если умирает молодая жена, говорят, что ее забрали *они* и с тех пор она живет в Сказочной стране. То же самое говорят о юноше или ребенке, который умирает. Сказочная страна - это место наслаждений, где постоянно звучит музыка, поют, танцуют и пируют; ее обитатели окружают нас повсюду и многочисленны, как травинки".

В ходе очередного разговора Стивен указал на скалистый холм в поле неподалеку от своего дома и сказал: "Я видел собаку с белым кольцом на шее вон у того холма, и самые старые люди вокруг Голуэя тоже видели ее, ведь она живет здесь уже сто лет или больше. Это собака *добрых людей*, и появляется она только в определенные часы ночи".

Старый волынщик в сказочной стране". Не успели мы закончить разговор, как зашла речь о музыке фей, и следующая небольшая история, рассказанная одним из последних старых ирландских волынщиков о своем брате-волынщике, представляет собой более чем обычную ценность: "Жил-был в Оранморе, графство Голуэй, старый волынщик по имени Фланнери. Полагаю, он принадлежал к старому поколению. Однажды *добрые люди* забрали его в Сказочную страну, чтобы он научился своему ремеслу. Он долго учился у них музыке, а когда вернулся, стал таким же великим волынщиком, как и все в Ирландии. Но он умер молодым, потому что *добрые люди* хотели, чтобы он играл для них".

Свидетельство "Старого Пэтси" из Аранмора

Наш следующий свидетель - старик, которого все называют "Старый Пэтси", уроженец острова Аранмор, расположенного недалеко от побережья Голуэя, и живущий на острове среди небольшой группы рыбацких домиков с соломенными крышами, называемых Дубовым кварталом. Пока "Старый Пэтси" стоял у грубого каменного креста возле Дубового квартала, в одном из тех любопытных мест на Аранморе, где каждый проезжающий похоронщик останавливается достаточно долго, чтобы воздвигнуть небольшую памятную грудку камней на гладкой скалистой поверхности придорожного ограждения, он рассказал мне множество анекдотов о тайнах своего родного острова.

Аранморские феи. - Двадцать лет или около того назад вокруг *бельда* Дермота и Грании, прямо над нами на холме, было замечено множество фей, "толпы их, - сказал "Старый Пэтси", - и один олень. Они стали преследовать оленя и пошли за ним по всему острову. В другой раз такие же маленькие человечки погнались за лошадью. Скалы были полны ими, и это были маленькие человечки".

Фея, бьющаяся во сне". "На Южном острове, - продолжал он, - когда наступила ночь, один человек давал своей корове воду у колодца и, взглянув на другую сторону стены, увидел множество странных людей, играющих в херли. Когда они заметили, что он смотрит на них, один подошел и сильно ударил корову, а мужчина, обернувшись, сильно порезал себе лицо и тело. Возможно, ему не было бы так плохо, но после первой встречи он вернулся к колодцу и получил в пять раз больше побоев; добравшись до дома, он не мог говорить, пока не

прокричал петух. Тогда он рассказал о своих приключениях и немного поспал. Когда он проснулся при свете дня, ему не было хуже от побоев, потому что феи чем-то натерли ему лицо". Пэтси говорит, что знал этого человека, который, если он еще жив, сейчас находится в Америке, куда уехал несколько лет назад.

Когда я спросил Пэтси, где живут феи, он повернулся вполборота и, указав в сторону Дун-Аенгуса, который был хорошо виден на резкой линии неба Аранмора, сказал, что там, в большой яме на склоне холма под ним, у них одно из любимых мест обитания. Но, добавил он, "в скалах их полно, и они маленькие". Через дорогу от того места, где мы стояли, недалеко от Дубового квартала, было отмечено еще одно место, где часто можно увидеть танцующих фей. Называется оно *Монин-ан-Дамхса*, "Маленькое болото танца". Другие виды фей живут в море; а некоторые из них, живущие на Аранморе (вероятно, вместе с теми, что в море), выходят на воду и вызывают бури и ветер.

Свидетельство римско-католического богослова

Следующее свидетельство преподобного отца -- появилось во время дискуссии о духах и феях, как их рассматривает римско-католическая теология, которой мы с ним наслаждались, когда встретились как попутчики в городе Голуэй.

О магии и духах мест - "Магия, согласно католическому богословию, есть не что иное, как обращение к духовным силам с просьбой помочь нам. Если злые духи вызываются с помощью определенных иррациональных практик, это нечестивая магия, и она полностью запрещена нашей церковью. Все чары, заклинания, гадания, некромантия или геомантия - это нечестивая магия. Святая магия практикуется при ношении Креста во Христе. Здесь, в Ирландии, практиковалась злая магия: масло *брали* так, что оно не получалось при взбивании; коров заставляли умирать от болезней, а поля делали неплодородными. В Коннемаре у одной старухи купили корову, и от нее никогда не было масла, пока не провели обряд экзорцизма со святой водой. Об этом мне сообщили как о факте". А в другом сообщении преподобный отец сказал то, что для нас очень важно: "Мое личное мнение таково, что в некоторых местах в Ирландии, где практиковались языческие жертвоприношения, злые духи, получая почести, обретали контроль и до сих пор удерживают его, если не изгнаны экзорцизмом".

Свидетельство городского клерка Туама

Городскому клерку Туама, мистеру Джону Глинну, который с детства проявлял живой интерес к традициям родного графства, я обязан за следующее ценное изложение вероучения фей в той части Северного Голуэя, где правит Финвара:...

Феи страны Туам: "Вся местность Нок-Ма (*Снос Meadha*^[13]), что, вероятно, означает "Холм равнины", считается дворцом Финвары, короля фей Коннаута. В этом регионе существует множество легенд о Финваре, но очень мало о королеве Мив".

Голод 1846-7 годов, вызванный феями: "В 1846-7 годах урожай картофеля в Ирландии был неудачным, что привело к большим страданиям. В то время деревенские жители этих мест приписывали голод нарушению условий в мире фей. Старый Тэди Сид как-то сказал мне о царивших тогда условиях: "Конечно, по-другому и быть не могло; я видел, как *добрые люди* и

сотни других людей видели, как они сражаются в небе над Нок-Ма и дальше в сторону Голуэя". И я слышал, как другие говорили, что тоже видели бой".

Fairyland; and the Seeress. - "Говорят, что феи бессмертны, и мир фей всегда описывается как нематериальное место, хотя я не думаю, что это то же самое, что и мир мертвых. Больные, однако, часто говорят, что они были с феями, а когда вылечились, то вернулись обратно. Одна женщина, умершая здесь около тридцати лет назад, по общему мнению, была с феями во время семилетней болезни, когда она была девицей. После возвращения она вышла замуж и родила детей; она всегда могла видеть *добрых людей* и разговаривать с ними, потому что обладала вторым зрением. Говорят, что по ночам она путешествовала с феями. После замужества она жила в Туаме, и хотя ее люди жили в шести или семи милях от Туама, в деревне, она всегда могла рассказать обо всем, что происходило с ними там, а она в это время была у себя дома".

Феи в майский день: "В майский день *добрые люди* могут украсть масло, если им представится такая возможность. Если в это время человек входит в дом, где идет взбивание, он должен приложить к этому руку, иначе масла не будет. А если в майский день развести огонь, то весь год ничего не будет в порядке".

Три капли феи. - "И все же некоторые вещи причисляются феям; например, два года назад в зале суда здесь, в Туаме, одну женщину судили за то, что она поливала молоко, и, к удивлению всех нас, кто вел процесс, и, можно добавить, к большому удовольствию зрителей, она поклялась, что добавила всего лишь "три капли феи"".

Еда фей: "Пища, которая была выставлена ночью для фей, не должна быть съедена ни человеком, ни животным, даже свиньями. Считается, что в такой еде не остается никакой реальной субстанции, и позволить съесть ее кому бы то ни было просто невыносимо. Судя по всему, основная идея заключается в том, что феи извлекают духовную сущность из предложенной им пищи, оставляя более грубые элементы".

Война фей: "Когда племена фей под командованием различных королей и королев вступают в битву, одной из сторон удается найти среди них живого человека, и он, сбивая фей с толку, поворачивает ход сражения, если сторона, на которой он находится, проигрывает. Обычно король фей Мюнстера бросает вызов Финваре, королю фей Коннавта".

Графство Слайго и свидетельство крестьянина-провидца^[14].

Страна Бен Булбин в графстве Слайго - одно из тех редких мест в Ирландии, где, как считается, можно увидеть фей, и наш первый свидетель оттуда утверждает, что может видеть фей или "джентри" и разговаривать с ними. Этот столь благосклонный к нему смертный живет в том же городке, где на протяжении четырехсот лет жили его отцы, прямо под сенью Бен Булбина, на склонах которого, по преданию, Дермот был убит во время охоты на дикого кабана. И эта знаменитая старая гора, испещренная любопытными гротами, когда море билось о ее перпендикулярные бока, является тем самым местом, где "дворяне" имеют свою главную обитель. Даже на его широкой ровной вершине, представляющей собой высокий квадратный столб, похожий на могучий куб скалы, поставленный на землю каким-то допотопным богом, есть коварные отверстия, в которых, возможно, навсегда затерялся не один охотник, проникающий в неведомые глубины; прислушавшись, можно услышать, как приливы и отливы океана в трех или четырех милях отсюда вливаются и выливаются через древние подземные каналы, связанные с этими отверстиями. В соседних горах есть длинные

пещеры, в которые ни один человек не осмеливался проникнуть до конца, и даже собаки, как говорят, были помещены в них, чтобы никогда не вылезти, или вылезти за много миль.

Однажды, когда над Бен Булбином и его соседями нависли тяжелые белые туманы, а над пурпурными вересковыми болотами у их подножия в полдень наступили странные сумерки, и пошел дождь, я сидел с моим другом перед уютным костром из душистого дерна в его коттедже и слушал о "джентри": - "Я не знаю, что это такое.

Встречи с дворянами: "Когда я был молодым человеком, я часто ходил в горы вон туда (показывает из окна в их сторону), чтобы ловить форель или охотиться; и вот в январе, в холодный сухой день, неся с собой ружье, я и мой друг, когда мы гуляли вокруг Бен Булбина, впервые увидели одного из *дворян*. Я знал, кто это, потому что слышал описания *дворян* с тех пор, как себя помню; этот был одет в голубое с головным убором, украшенным, кажется, оборками.^[15] Когда он подошел к нам, то сказал мне сладким и серебристым голосом: "Чем раньше вы придете на эту гору, тем лучше. Одна девушка хочет забрать вас к себе". Затем он велел нам не стрелять из ружей, потому что *дворяне* не любят, когда их беспокоят шумом. А сам он был похож на солдата *дворянина*, стоящего на страже. Когда мы покидали горы, он велел нам не оглядываться, и мы не оглядывались. В другой раз я в одиночку ловил форель почти в том же районе, когда услышал голос: "Это -- босиком и на рыбалке". Затем раздался свист, похожий на музыку, и шум, похожий на удары в барабан, и вскоре пришел один из *дворян* и разговаривал со мной полчаса. Он сказал: "Твоя мать умрет через одиннадцать месяцев, и не дай ей умереть без помазания". И она действительно умерла через одиннадцать месяцев. Уходя, он предупредил меня: "Ты должен быть в доме до захода солнца. Не медли! Не медли! Они ничего не смогут с тобой сделать, пока я не вернусь в замок". Как я потом узнала, он собирался *взять* меня с собой, но колебался, потому что не хотел оставлять мою мать одну. После этих предупреждений я всегда боялся идти в горы, но в последнее время мне говорили, что я могу пойти, если возьму с собой друга".

Защита дворянства: "Дворяне всегда дружили со мной и защищали меня. Я дважды тонул, если бы не они. Однажды я плыл к острову Дурниш, что в миле от берега. Канал очень глубокий, а в то время было бурное море, прилив закончился, и я чуть не заблудился. Я кричал и кричал, но в конце концов благополучно добрался до материка. В тот день, когда я разговаривал с одним из *дворян* у подножия горы, когда он *забирал* меня, он упомянул об этом и сказал, что именно они спасли меня тогда от утопления".

Станции дворянства - "Особенно в Ирландии *дворяне* живут в горах в прекрасных замках, и в других странах их очень много. Подобно армии, они имеют различные станции и переезжают с одной на другую. Некоторые живут в горах Уиклоу недалеко от Дублина".

Контроль дворянства над делами людей - "Дворяне проявляют большой интерес к делам людей и всегда выступают за справедливость и правоту. В наших войнах они поддерживают любую сторону, и эта сторона побеждает. Они поддерживали буров, и буры добились своих прав. Они сказали мне, что предпочитают японцев, а не русских, потому что русские - тираны. Иногда они дерутся между собой. Один из них однажды сказал: "Я буду сражаться за друга или за Ирландию".

Описание дворянства. - В ответ на мое пожелание было дано следующее описание "дворянства": - "Народ самый величественный, какой я когда-либо видел. Они намного выше нас, и именно поэтому их называют *дворянами*. Это не рабочий класс, а военно-аристократическое сословие, высокое и благородное на вид. Они представляют собой отдельную расу между нашей и духами, как они мне говорили. Их квалификация огромна. "Мы могли бы перебить половину человеческой расы, но не станем этого делать, - говорили

они, - ибо ожидаем спасения". А три или четыре года назад я знал человека, которого они сразили параличом. Их зрение настолько пронизательно, что, как мне кажется, они могут видеть сквозь землю. У них серебристый голос, быстрый и приятный. Музыка, которую они играют, очень красива. Они *забирают* все тело и душу молодых и интеллектуальных людей, которые им интересны, трансмутируя тело в тело, похожее на их собственное. Однажды я спросил их, умирают ли они когда-нибудь, и они ответили: "Нет, мы всегда остаемся молодыми". Как только они забирают вас и вы пробуете пищу в их дворце, вы уже не можете вернуться. Вы превращаетесь в одного из них и живете с ними вечно. Они могут появляться в разных формах. Один из них однажды явился ко мне и показался всего четырех футов ростом и крепкого телосложения. Он сказал: "Я больше, чем кажусь вам сейчас. Мы можем сделать старого молодым, большого маленьким, а маленького большим". Одна из их женщин рассказала все секреты моей семьи. Она сказала, что мой брат в Австралии будет много путешествовать и терпеть лишения, и все это сбылось; и предсказала, что мой племянник, которому тогда было около двух лет, станет великим священнослужителем в Америке, чем он сейчас и занимается. Помимо *дворян*, которые представляют собой отдельное сословие, существуют злые духи и призраки, которые ничем на них не похожи. Моя мама однажды увидела лепрекона возле куста, бьющего молотком. Он исчез прежде, чем она смогла до него добраться, но он также не был похож на *дворянина*"[16].

Свидетельство из Грейнджа

Наш следующий свидетель, живущий примерно в трех милях от предыдущего, - Хью Каррид, самый старый человек в Грейндже; он настолько стар, что теперь только и делает, что сидит в углу дымохода, курит и, глядя на красные отблески торфа, мечтает о былых временах. Английский язык Хью знает очень плохо, поэтому все, что он рассказывал, было на древнем гэльском, на котором говорили его отцы. Когда отец Хайнс отвел меня в коттедж Хью, Хью сидел в своей обычной молчаливой позе перед огнем. Поначалу он очень обиделся, что его мысли потревожили, но уже через несколько минут стал разговорчивым, ибо ничто так не заводит его, как упоминание об Ирландии. Тогда отец покинул нас, и я с помощью сестры Хью как переводчика записал, что он сказал:...

Возвращение продавщицы льна из Фейри: "Одна старуха возле Лаф Мор, где утонул отец Патрик,[17] зарабатывавшая на жизнь продажей льна на рынке, *попала в дворянство* и часто возвращалась потом к своим трем детям, чтобы расчесать им волосы. Однажды она сказала соседу, что деньги, которые она выручила от продажи льна, можно найти возле большого камня на берегу озера, который она указала, и что она хочет, чтобы они достались троим детям".

Жена, найденная у дворян. Молодая жена одного человека умерла в заточении, пока он отсутствовал по каким-то делам в Баллингсхауне, и один из *дворян* пришел к нему и сказал, что ее *похитили*. Муж поспешил домой, и в ту ночь он сидел с телом жены в одиночестве. Он оставил дверь немного приоткрытой, и вскоре дух его жены вошел и направился к колыбели, где спал ее ребенок. Когда она это сделала, муж бросил в нее приготовленный им куриный помет, который удерживал ее до тех пор, пока он не позвал соседей. А пока они шли, она вернулась в свое тело и прожила еще долгое время после этого. Когда муж вернулся домой, тело было жестким и холодным, хотя его не мыли и не одевали".

Свидетельство портного

Наш следующий свидетель - Патрик Уотерс, по профессии портной, живущий в Клунтипрукилише, перекрестке дорог менее чем в двух милях от дома Хью Керрида. Его первая история параллельна той, что была рассказана о священнике из Аберфойла, которого *похитили* "добрые люди" (стр. 89 и далее):- "Потерянная невеста".

Потерянная невеста: "Одна девушка в этих краях умерла в брачную ночь во время танца. Вскоре после смерти она явилась своему мужу и сказала ему: "Я вовсе не умерла, но теперь я на время отстранена от тебя. Может быть, надолго, а может быть, на короткое время, не могу сказать. Мне не так уж плохо. Если ты хочешь вернуть меня, то должен встать у дома и ловить меня, когда я буду проходить мимо, потому что я живу рядом и вижу тебя, а ты меня не видишь". Он очень хотел вернуть ее и не терял времени, чтобы добраться до щели. Когда он подошел к этому месту, оттуда как раз выходила группа незнакомцев, и вскоре показалась его жена, но он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, чтобы спасти ее. Затем раздался крик, и ее не стало. Мужчина твердо поверил в это и больше не женился".

Невидимый остров" - "Между Иннишмюрреем и противоположным материком есть заколдованный остров-невидимка. Его можно увидеть только раз в семь лет. Я видел его сам, и еще четыре или пять человек со мной. Лодочник из Слайго по имени Карр взял с собой в Иннишмюррей двух странных мужчин, и они исчезли в том месте, где находится остров, и он решил, что они упали за борт и утонули. Карр увидел одного из этих людей в Коннелли (графство Донегал) примерно через полгода или около того, и с большим удивлением сказал ему: "Ты расскажешь мне о чудесах света? Это вас я видел утонувшим возле Иннишмюррея?" "Да", - сказал он; а затем спросил: "Вы видите меня?" "Да", - ответил Карр. "Но, - повторил мужчина, - вы не видите меня обоими глазами?" Тогда Карр закрыл один глаз, чтобы убедиться в этом, и обнаружил, что видит его только одним глазом. И он сказал человеку, каким именно. При этих словах человек-фея подул Карру на лицо, и Карр больше никогда его не видел".

Сон: "Моему отцу приснилось, что он видит две армии, идущие с моря по воде. Достигнув берега, они выстроились в ряд и начали сражение, и мой отец был в большом ужасе. Бой был долгим и кровопролитным, а когда он закончился, все бойцы исчезли, как раненые и мертвые, так и оставшиеся в живых. На следующее утро в дом к отцу, который, хотя и был сильно встревожен сном, ничего о нем не рассказывал, вошла старуха, имевшая репутацию говорящей с феями, и спросила его: "Тебе есть что рассказать? Я не могла не посмеяться над тобой", - добавила она и, прежде чем отец успел ответить, продолжила: "Ну, Джимми, ты не хочешь рассказывать новости, так что это сделаю я". И тогда она начала рассказывать о битве. "Кетти!" - воскликнул при этом мой отец, - "неужели это правда? А кто были те люди рядом со мной?" Когда Кетти рассказала ему, оказалось, что это были некоторые из его погибших друзей. Она узнала об этом от утопленника, которого встретила на том месте, где *шляхетские* армии вышли на берег; а в том месте, где они сражались, песок был весь красный, как от огня".

Размышляя над этой историей сна, рассказчик заметил о снах в целом: "Причина, по которой наши сны кажутся не такими, как они есть, заключается в том, что в них мы не можем прикоснуться к телу и трансформировать его. Люди считают, что во сне они находятся вместе с мертвыми".

В сентябре 1909 года, когда у меня было несколько новых интервью с Патриком Уотерсом, я проверил все его свидетельства 1908 года в том виде, в котором они приведены выше; и среди малозначимых анекдотов я опустил один анекдот о нашем провидце из графства Слайго, потому что он оказался способен к противоположным интерпретациям. Патрик

Уотерс, впрочем, как и многие его соседи, полностью поддерживает мнение Хью Каррида о том, что наш провидец "точно что-то видит, и это должно быть *джентри*"; а о самом Хью Карриде Патрик Уотерс сказал: "Хью Каррид точно видел *джентри*; он видел их, проходящих мимо, как порыв ветра". Далее следуют свежие свидетельства Патрика, причем сначала идет рассказ об отце Патрике и отце Доминике.

Отец Патрик и отец Доминик: "Отец Патрик Ноан, купаясь в гавани в Карнсе (примерно в трех милях к северо-западу от Грейнджа), утонул. Его тело вскоре доставили на берег, и за ним послали его брата, отца Доминика Ноана. Когда отец Доминик прибыл, один из мужчин, собравшихся вокруг тела, сказал ему: "Почему бы тебе не сделать что-нибудь для своего брата Патрика?" "Почему бы кому-нибудь не попросить меня?" - ответил он, - "ведь я должен быть спрошен во имя Бога". Тогда Джимми Макгоуэн встал на колени и попросил во имя Господа, чтобы отец Доминик вернул отца Патрика к жизни; при этом отец Доминик достал свой breviary и начал читать. Через некоторое время он свистнул и снова начал читать. Он свистнул во второй раз и вернулся к чтению. Когда он свистнул в третий раз, в дверях появился дух отца Патрика.

"Где ты был, когда я свистел в первый раз? спросил отец Доминик. "Я был на матче по херлингу с *дворянами* на Маллоумор-стринд". "А где вы были во время второго свистка?" "Я шел через Коррик-Фадда; а когда вы свистнули в третий раз, я был здесь, у двери". Дух отца Патрика вернулся в тело, и долгое время после этого отец Патрик жил здесь как священник.

Когда это случилось пятьдесят или шестьдесят лет назад, здесь еще не было известно об искусственном дыхании. Я слышал эту историю, которая, как я знаю, является правдой, от многих людей, которые видели, как отец Доминик вернул своего брата к жизни".

После этого странного психического повествования последовала самая странная легенда о друидах и магии, которую я слышал в кельтских землях. Однажды днем Патрик Уотерс указал мне на поле у берега моря напротив Иннишмуррея, где стоял древний менгир, содержащий "чары"; а в другой раз он сказал, что недалеко от разрушенного дольмена и *аллеи кувертов* на ферме Патрика Бруана, примерно в двух милях к югу, был найден бронзовый жезл, покрытый любопытными знаками (или переплетенными узорами). Это последнее утверждение, как и саму историю, я не смог никак проверить.

Во времена до Христа здесь жили друиды, которые зачаровывали друг друга друидскими жезлами из латуни и превращали друг друга в камень и куски дуба. Вопрос в том, где сейчас духи этих друидов? Их духи носятся по воздуху, поражая человека или зверя, которого они встречают, в то время как их собственные тела все еще заколдованы. У меня в руках было такое друидское зачарование; оно не было ни каменным, ни мраморным, ни кремневым, а имело человеческие очертания. Его нашли в центре большой скалы на Иннис-на-Горе; вокруг этой скалы по ночам появлялся свет. Человек, которому принадлежал камень, решил взорвать его и нашел в центре зачарованный предмет - совсем как человек, с головой, ногами и руками. ¹⁸ Отец Хили забрал зачарованный предмет, когда был здесь с визитом, и сказал, что он был заколдован друидом, и что выбраться из камня - это одна часть освобождения, и что будет второе и полное освобождение друида".

Наконец я попросил Патрика классифицировать, насколько он мог, все племена фей, о которых он когда-либо слышал, и он сказал: "Лепреккон - это парень в красном колпаке, который живет вокруг чистых источников и обычно делает сапоги для остальных племен фей. Лунантиши - это племя, которое охраняет терновник или терновник; они не разрешают рубить палки ни одиннадцатого ноября (оригинальный ноябрьский день), ни одиннадцатого мая (оригинальный майский день). Если в это время вы срежете терновник, вас постигнет

несчастье. Пуки - чернокожие парни на хороших лошадях; они торгуют лошадьми. Они посещают ипподромы, но обычно остаются незамеченными. *Дворяне* - самое знатное племя из всех; это большая раса, пришедшая с планет - по моим представлениям; обычно они выглядят белыми. *Даойн Майте* (хотя есть сомнения, что это те же или почти те же, что и *дворяне*) были рядом с Небесами во время Падения, но не пали; они - народ, ожидающий спасения".

Показания Бриджет О'Коннер

Следующий свидетель - Бриджет О'Коннер, соседка Патрика Уотерса в Клунтипрукилише. Когда я подошел к ее маленькому аккуратному домику, она срезала ножницами цветки сладкого горошка, и когда я остановился, чтобы сказать ей, какой у нее красивый сад, она нашла самый прекрасный белый цветок и отдала его мне. После того как мы немного поговорили об Америке и Ирландии, она сказала, что я должен зайти и отдохнуть несколько минут, что я и сделал; и прошло совсем немного времени, прежде чем мы заговорили о феях:...

Ирландская легенда о мертвых: "Старая Пегги Гиллин, умершая тридцать лет назад, жившая в миле от Грейнджа, лечила людей тайной травой, которую ей показал ее брат, умерший от удара феи. Он утонул и был *забран* феями во время большого утопления здесь в сезон ловли сельди. Она сама собирала траву и готовила ее, смешивая с родниковой водой. Пегги всегда могла разговаривать с умершими родственниками и друзьями, а также постоянно общалась со своим братом, и всем говорила, что они были с феями. Ее дочь, Мэри Шорт, унаследовавшая от матери некоторые ее способности, умерла здесь три или четыре года назад.

Я также помню о Мэри Леонард и ее дочери, Нэнси Уотерс. Обе они уже умерли. Дочь умерла первой, так получилось, что при родах. Когда ее не стало, мать ужасно причитала и плакала; и вот однажды дочь явилась ей в саду и сказала: "Чем больше ты причитаешь обо мне, тем больше я мучаюсь. Молись за меня, но не причитай".

История акушерки: "Незнакомый мужчина верхом на лошади попросил деревенскую медсестру поехать с ним, чтобы заняться ее профессией, и она отправилась с ним в незнакомый замок. Когда родился ребенок, все женщины в том месте, где произошло это событие, опустили палец в таз с водой и протерли глаза, так и кормилица опустила палец и протерла им один из своих глаз. Она пошла домой и больше не думала об этом. Но однажды она была на ярмарке в Грейндже и увидела тех же женщин, что были в замке, когда родился ребенок, хотя, как она заметила, видела их только одним глазом, который смочила водой из тазика. Кормилица заговорила с женщинами, и они поинтересовались, как она их узнала; в ответ она сказала, что только одним глазом, и спросила: "Как ребенок?" "Хорошо", - сказала одна из женщин-фей, - "а каким глазом ты видишь нас?" "Левым глазом", - ответила кормилица. Тогда женщина-фея подула на левый глаз кормилицы и сказала: "Ты меня больше никогда не увидишь". И после этого медсестра всегда была слепа на левый глаз".

Мир духов в Карнсе

Местность Карнс или Маунт Темпл, расположенная примерно в трех милях от Грейнджа, графство Слайго, уже упоминалась очевидцами как место обитания "дворянства", и теперь мы послушаем, что говорит о ней один из ее старейших и наиболее разумных местных

жителей. Патрик Уотерс упоминал Джона Макканна как человека, который знает о "дворянстве" не понаслышке, и мы можем быть уверены, что его рассказ - это вполне достоверное свидетельство. На протяжении многих лет Джон Макканн, родившийся в 1830 году, по профессии плотник и судостроитель, был официальным почтовым курьером в Иннишмюррее; и он знает о странном маленьком острове и расположенном напротив него материке столько же, сколько любой живущий человек. Его маленький аккуратный коттедж стоит на берегу залива напротив прекрасного сказочного острова Дарниш; и когда мы сидели в нем у яркого торфяного огня в окружении всей семьи, вот что мне было рассказано

Кетти Рурк (или Куинан) могла предсказать все, что случится - похороны, свадьбы и так далее. К ней приходили какие-то духи. Она сказала, что это *дворяне*; что *дворяне* есть везде; и что среди них мои утонувшие дяди, дедушка и другие покойники. Ее советчиком был утопленник по имени Пэт Николсон. Он жил в миле отсюда, и она знала его до того, как он утонул".

Здесь мы имеем, достаточно очевидно, случай "медиумизма", или общения с мертвыми, как в современном спиритизме. А следующая история, которая, как и предыдущая, имеет множество ирландских параллелей, иллюстрирует древнее и распространенное во всем мире анимистическое поверье, согласно которому в болезни, как и во сне, душа выходит из тела, как при смерти, и встречается с мертвыми в их собственном сказочном мире.

Ясновидение Майка Фаррелла: "Майк Фаррелл тоже мог рассказать все о *дворянах*, так как долго лежал больным. Он рассказал о юности отца Браннана и даже о доме в Роскоммоне, в котором родился отец; и после этого отец Браннан никогда больше не говорил ничего против Майка. Майк, конечно, видел *дворян*; он был с ними во время своей болезни в течение двенадцати месяцев. Он сказал, что они живут в *фортах* и в Алт-Дарби ("Большой камень"). После выздоровления он отправился в Америку, во время голода".

Армия "дворян" - "Считалось, что *дворяне* живут на этом холме (Холм камней Брокет, *Клуач-а-Брак*), с него они выходят как армия и маршируют по дороге к побережью. Их мало кто мог видеть. Считалось, что они похожи на живых людей, только одеты по-другому. Они казались солдатами, но было известно, что это не живые существа, как мы".

На острове Коннорс (примерно в двух милях к югу от Карнса) мой дядя, Дэн Квинн, часто видел, как большие толпы *дворян* приходили в его дом, играли музыку и танцевали. Дом был полон ими, но они не вызывали у него никакого страха. Как-то раз один из них подошел к нему, когда он лежал в постели, и, протянув ему зеленый лист, велел положить его в рот. Когда он это сделал, то сразу же перестал видеть *дворян*, но услышал их музыку. Дядя Дэн всегда верил, что узнает в некоторых из *дворян* своих утонувших друзей. Только когда он оставался один, *дворяне* приходили к нему. Он был молчаливым стариком и никогда много не говорил, но я знаю, что эта история правдива, и что *дворяне* всегда проявляли к нему интерес".

Под сенью Бена Булбина и Бена Васкина

Я ехал по дороге Бен Булбин, со стороны океана, с Майклом Оутсом, который направлялся из своего дома на склоне горы в низину косить сено; и когда мы смотрели на древнюю гору, такую таинственную и безмолвную в тени и тумане спокойного раннего летнего утра, он рассказал мне о ее невидимых обитателях:...

Охотники-дворяне: "Я знал человека, который видел, как *дворяне* охотятся по ту сторону горы. Он видел, как гончие и всадники пересекли дорогу и перепрыгнули через изгородь перед ним, и это было в час ночи. На следующий день он снова проезжал мимо этого места и искал следы егерей, но не увидел ни одного следа".

После того как я услышал о двух мальчиках, утонувших напротив Иннишмуррея, которые потом являлись в виде призраков, так как они были *у дворян*, мне рассказали эту любопытную историю: "Один человек резал дерн на стороне Бен Булбина, когда к нему подошел незнакомый мужчина и сказал: "Ты нарезал достаточно дерна на сегодня. Тебе лучше остановиться и пойти домой". Дернарез удивленно оглянулся, и через две секунды странный человек исчез, но он решил пойти домой. И как только он оказался дома, на него нахлынуло такое чувство, что он не мог понять, жив он или мертв. Тогда он лег в свою постель и больше не вставал".

Услышав "*дворянскую*" музыку, Майкл обратился к своему спутнику, ехавшему с нами в повозке, Уильяму Барберу: "Расскажи, как ты услышал музыку"; и далее последовало следующее: "Однажды темной ночью, около часа, я и еще один молодой человек шли по дороге вокруг Бен Булбина, когда услышали прекраснейшую музыку. Казалось, играют всевозможные мелодии. Мы ничего не видели, но нам показалось, что мы слышим детские голоса. Это была музыка *дворян*, которую мы слышали".

Следующий мой друг, который дал показания, - Пэт Радди, восьмидесяти лет от роду, один из самых умных и преуспевающих фермеров, живущих рядом с Беном Булбином. Он приветствовал меня в истинно ирландской манере, но прежде чем мы заговорили о феях, его добрая жена побудила меня пройти в другую комнату, где она тайно приготовила большой пир, накрытый свежей белой скатертью, пока мы с Патом обменивались мнениями об Америке и Ирландии. Когда я вернулся на кухню, вся семья собралась вокруг пылающего костра, и Пат вскоре заговорил о "джентри".

Старые люди говорили, что *дворяне* живут в горах; это точно, но я сам никогда не был в этом уверен. Однажды, правда, ближе к полуночи, я увидел такое зрелище: я отправился из Бантрилика домой, а возле Бен Булбина стояла самая большая армия, какую вы когда-либо видели, - пять или шесть тысяч человек в доспехах, сверкающих в лунном свете. Из живой изгороди вышел странный человек и остановил меня на минуту посреди дороги. Он заглянул мне в лицо, а потом отпустил".

Оссиановский фрагмент: "Один человек уехал с хорошими людьми (или *дворянами*), а вернувшись, обнаружил, что городская земля вся в руинах. Когда он возвращался на лошади *добрых людей*, то увидел, как несколько человек в каменоломне пытаются сдвинуть с места большой камень. Он помог им, но подпруга сломалась, и он упал на землю. Лошадь убежала, а он остался там, старый человек"^[19] (ср. с. 346-7).

Свидетельство школьного учителя

Школьный учитель, уроженец страны Бен Бульбин, дает следующее свидетельство: "Здесь существует негласная вера в *дворянство*, особенно среди стариков. Они считают их духами своих ушедших родственников и друзей, которые посещают их в радости и в горе. Когда умирает кто-то из членов семьи, они верят, что духи их близких родственников присутствуют; они не видят их, но чувствуют их присутствие. Они даже твердо убеждены, что духи показывают им будущее во сне, и говорят, что случаи несчастья всегда предвидятся во сне.

Вера в подменышей сейчас не очень распространена, но в старые времена мать, прежде чем оставить ребенка одного, клала на колыбель железные щипцы, чтобы феи не подменили ребенка на своего слабого. Еще один обычай - брать охапку соломы и, поджигая один ее конец, совершать огненное крестное знамение над колыбелью, прежде чем положить в нее младенца".

Ирландские мистики в мире *сидхе*

Теперь давайте обратимся к стране Россес-Пойнт, которая, как мы уже говорили, является одним из самых известных мест для встречи с "джентри", или, как их называют образованные ирландские провидцы, совершающие туда паломничество, *сидхе*. Не один провидец рассказывал мне, что там, на холмах и Гринлендах (большой участок открытой местности, без деревьев и травы), а также на берегу моря в Лоуэр-Россес-Пойнт, который деревенские жители называют Рен-Пойнт, можно увидеть этих существ и услышать их чудесную музыку; а один известный ирландский художник показал мне множество рисунков и картин маслом, изображающих этих *сидхе*, какими он часто видел их в этих местах и в других местах Ирландии. Они описываются как раса величественного вида и дивной красоты, по форме человеческая, но по природе божественная. Высший порядок их, похоже, представляет собой расу существ, развившихся до сверхчеловеческого уровня существования, таких, которых древние называли богами; и с этим мнением, каким бы странным оно ни казалось в наш век, согласны все образованные ирландские провидцы, с которыми мне довелось беседовать, хотя они идут дальше и говорят, что эти высшие расы *сидхе*, все еще населяющие Ирландию, - вечно юная, бессмертная божественная раса, известная древним людям Эрина как Туатха Де Дананн.

Из всех европейских земель я смею утверждать, что Ирландия - самая мистическая, и в глазах истинных ирландцев она является таким же Волшебным Островом Богов и Инициатов, как и сейчас, когда Священные Огни вспыхивали с ее пурпурных, покрытых вереском горных вершин и таинственных круглых башен, а Великие Мистерии привлекали в ее святилища неофитов с Запада и Востока, из Индии и Египта, а также из Атлантиды;[\[20\]](#) и сыны Эрина, видящие мистику, все еще наблюдают и ждут, когда вновь зажгутся костры и восстановятся старые друидические мистерии. Здесь я лишь в общих чертах повторяю мистическое послание, которое провидцы Ирландии передали мне, паломнику на их Священный остров. И пока это мистическое послание не будет истолковано, люди не смогут раскрыть тайну гэльского мифа и песни в древности или в современности, не смогут испить из вечно текущего фонтана гэльского гения, вечного источника вдохновения, который лежит в основе нового возрождения литературы и искусства в Ирландии, и не смогут понять кажущуюся реальность сказочных рас.

Свидетельство ирландского мистика

Благодаря любезности ирландского мистика, который является провидцем, я могу представить здесь в форме диалога очень редкое и очень важное свидетельство, которое послужит иллюстрацией и подтверждением того, что было сказано выше о мистицизме Ирландии. Для антропологов эти свидетельства могут иметь более чем обычную ценность, если они будут знать, что они исходят от того, кто является не только культурным провидцем, но и человеком, добившимся заметного успеха в практической жизни великого города.

Видения.

В.- Все ли видения, которые у вас были, носят одинаковый характер?

О.- Я всегда проводил различие между картинами, увиденными в памяти природы, и видениями реальных существ, существующих сейчас во внутреннем мире. Мы можем провести такое же различие в нашем мире: Я могу закрыть глаза и увидеть вас как яркую картину в памяти, или я могу посмотреть на вас своими физическими глазами и увидеть ваш реальный образ. При виде этих существ, о которых я говорю, физические глаза могут быть открыты или закрыты: мистические существа в их собственном мире и природе никогда не видны физическими глазами".

Потусторонние миры.

В.- Под внутренним миром вы подразумеваете кельтский потусторонний мир?

О.- Да; хотя существует множество потусторонних миров. *Тур-на-ног* древних ирландцев, в котором существуют расы *сидхе*, можно описать как сияющий архетип этого мира, хотя это определение совсем не выражает его психической природы. В *Тур-на-Ног* нет ничего, кроме гармонии и прекрасных форм. Есть и другие миры, в которых мы видим ужасные формы".

Классификация "сидхе".

В.- Вы как-то классифицируете расы *сидхе*, о которых вы говорите?

А.- "Существа, которых я называю *сидхе*, я разделяю, как я их видел, на два больших класса: те, что сияют, и те, что опалесцируют и кажутся освещенными светом внутри себя. Сияющие существа занимают более низкое положение в иерархии; опаловые существа встречаются реже и, похоже, занимают должности великих вождей или принцев среди племен *Дана*".

Условия провидчества.

В.- В каком состоянии и где вы видели таких существ?

О.- Чаще всего я видел их после того, как на несколько дней уезжал из города или поселка. Все западное побережье Ирландии от *Донегала* до *Керри* кажется заряженным магической силой, и мне легче всего увидеть их, когда я там нахожусь. Мне всегда было сравнительно легко видеть видения, находясь у древних памятников, таких как *Нью-Грейндж* и *Даут*, потому что я думаю, что такие места естественным образом заряжены психическими силами и по этой причине давным-давно использовались как священные места. Обычно я нахожу возможным настроиться на видение; но иногда видения навязываются мне сами собой".

Сияющие существа.

В.- Можете ли вы описать сияющих существ?

О.- Очень трудно дать какое-либо внятное описание. В первый раз я увидел их с особой яркостью, когда лежал на склоне холма в одиночестве на западе Ирландии, в графстве *Слайго*: Я слушал музыку в воздухе и то, что казалось звуками колоколов, и пытался понять эти воздушные столкновения, в которых ветер, казалось, разбивался о ветер в постоянно меняющемся музыкальном серебристом звуке. Затем пространство передо мной стало светиться, и я начал видеть одно прекрасное существо за другим".

Опалесцирующие существа".

В.- Можете ли вы описать одно из опаловых существ?

О.- Первое из них, которое я увидел, я помню очень отчетливо, как и его появление: сначала было ослепление светом, а затем я увидел, что он исходит из сердца высокой фигуры с телом, сформированным, по-видимому, из полупрозрачного или опалового воздуха, и по всему телу пробегал сияющий электрический огонь, центром которого казалось сердце. Вокруг головы этого существа и сквозь развевающиеся светящиеся волосы, которые разлетались по всему телу, словно живые золотые нити, виднелись пылающие ауры, похожие на крылья. От самого существа свет, казалось, струился во все стороны, а эффект, оставленный на меня после видения, был необычайной легкостью, радостью или экстазом".

Примерно в тот же период моей жизни я видел много таких великих существ, и тогда я подумал, что у меня были видения Аэнгуса, Мананнана, Луга и других знаменитых королей или принцев из Туатха Де Дананн; но с тех пор я видел так много существ подобного характера, что теперь я уже не бы приписывать кому-либо из них личную идентичность с конкретными существами из легенд; хотя я верю, что они в целом соответствуют Туатха Де Дананн или древним ирландским богам.

Рост "сидхе".

В.- Вы говорите об опаловых существах как о великих существах; какой рост вы придаете им, а также сияющим существам?

О.- Опаловые существа кажутся ростом около четырнадцати футов, хотя я не знаю, почему я приписываю им такой определенный рост, поскольку мне не с чем их сравнивать; но я всегда считал их намного выше нашей расы. Сияющие существа кажутся примерно нашего роста или чуть выше. Крестьяне и другие ирландские провидцы обычно говорят о *сидхе* не как о маленьких, а как о высоких: старый школьный учитель на западе Ирландии описал мне их из своих собственных видений как высоких красивых людей, и он использовал некоторые гэльские слова, которые я воспринял как означающие, что они сияют всеми цветами".

Миры "сидхе".

В.- Населяют ли два порядка существ *сидхе* один и тот же мир?

О.- Сияющие существа принадлежат к срединному миру, а опаловые - к небесному. Есть три великих мира, которые мы можем видеть, оставаясь в теле: земной, срединный и небесный".

Природа "сидхе".

В.- Считаете ли вы, что жизнь и состояние этих существ-сидхе превосходят жизнь и состояние людей?

О.- Я никогда не мог решить. Можно сказать, что сами они , безусловно, красивее людей, и что их миры кажутся прекраснее нашего мира.

Среди сияющих орденов, кажется, нет индивидуализированной жизни: так, если один из них поднимает руки, все поднимают руки, и если один пьет из огненного фонтана, все пьют; они, кажется, движутся и имеют свое реальное существование в существе выше себя, для которого они являются своего рода телом. Их жизнь, как мне кажется, коллективная, настолько неиндивидуализированная и спокойная, что за пять часов у меня может быть больше разнообразных мыслей, чем у них за пять лет; и все же в их жизни чувствуется необыкновенная чистота и возвышенность. Красота формы у них никогда не разрушалась страстями, возникающими при развитии эгоизма человека. Улей пчел описывается как

единый организм с разъединенными ячейками; а некоторые из этих племен сияющих существ кажутся не более чем одним существом, проявляющим себя во многих прекрасных формах. Я говорю это только в отношении сияющих существ: я думаю, что среди опаловых существ или *сидхе*, в небесном мире, существует еще более тесное духовное единство, но также и большая индивидуальность".

Влияние "сидхе" на людей.

В.- Считаете ли вы, что какие-либо из этих существ *сидхе* неблагоприятны для человечества?

О.- Некоторые виды сияющих существ, которых я называю древесными существами, никогда не оказывали на меня никакого злого влияния, которое я мог бы распознать. Но водные существа, также принадлежащие к сияющим племенам, всегда вызывали у меня страх, потому что я чувствовал, когда вступал с ними в контакт, сильную сонливость ума и, как мне часто казалось, фактическое отнятие жизненных сил".

Описания водных существ.

В.- Можете ли вы описать одно из этих водных существ?

О.- В мире под водой - в данном случае под озером на западе Ирландии - я видел короля синего и оранжевого цвета, сидящего на троне; казалось, что из-под его трона вырывается какой-то фонтан мистического огня, и он вдыхал этот огонь в себя, как будто это была его жизнь. Приглядевшись, я увидел группы бледных существ, почти серого цвета, спускавшихся по одну сторону трона от огненного фонтана. Они прикладывали свои головы и губы к сердцу короля стихий, а затем, коснувшись его, взмывали вверх, оперенные и сияющие, и переходили на другую сторону, как будто получали новую жизнь от этого вождя своего мира".

Описания древесных существ.

В.- Можете ли вы описать одного из древесных существ?

О.- Древесные существа, которых я видел чаще всего, сияющего серебристого цвета с оттенком голубого или бледно-фиолетового, с волосами темно-фиолетового цвета.

Размножение и бессмертие "сидхе".

В.- Считаете ли вы, что расы *сидхе* способны воспроизводить свой род; и бессмертны ли они?

О.- Высшие виды, похоже, способны порождать из себя существ, но я не понимаю, как они это делают. Я видел некоторых из них, которые содержали в себе элементарных существ, и они могли посылать их и принимать обратно в себя.

Бессмертие, приписываемое им древними ирландцами, - это лишь относительное бессмертие, поскольку срок их жизни гораздо больше, чем у нас. Со временем, однако, я верю, что они стареют и затем переходят в новые тела, как и люди, но происходит ли это путем рождения или путем роста нового тела, я не могу сказать, поскольку у меня нет никаких определенных знаний об этом".

Секс среди "сидхе".

В.- Преобладает ли половая дифференциация среди рас *сидхе*?

О.- "Я видел формы как мужские, так и женские, а также формы, которые вообще не предполагали пола".

Сидхе и человеческая жизнь.

В.- (1) Возможно ли, как считали древние ирландцы, что некоторые из высших существ *сидхе* вошли или могут войти в наш план жизни, приняв человеческое рождение? (2) С другой стороны, считаете ли вы возможным, чтобы люди в трансе или во время смерти входили в мир *сидхе*?

А.- (1) "Не могу сказать". (2) "Да; как в трансе, так и после смерти. Я думаю, что любой, кто много думал о *сидхе* в течение своей жизни, часто видел их и размышлял о них, скорее всего, отправится в их мир после смерти".

Социальная организация "сидхе".

В.- Вы говорите о существах, похожих на вождей или принцев, и о короле среди водных существ; существует ли определенная социальная организация среди различных орденов и рас *сидхе*, и если да, то какова ее природа?

О.- "Я не могу сказать об определенной социальной организации. Я видел существ, которые, казалось, командовали другими, и к которым относились с почтением. Это подразумевает наличие организации, но является ли она инстинктивной, как в пчелином улье, или сознательно организованной, как в человеческом обществе, я не могу сказать.

Низшие "сидхе" как природные элементы.

В.- Вы говорите о водном короле как о короле стихий; предполагаете ли вы тем самым сходство между низшими порядками *сидхе* и тем, что средневековые мистики называли элементами?

О.- "Низшие порядки *сидхе* - это, я думаю, природные элементы средневековых мистиков".

Питание высших "сидхе".

В.- Водные существа, как вы их описали, похоже, питаются и поддерживают жизнь чем-то сродни электрическим флюидам; а высшие порядки *сидхе*, похоже, питаются аналогичным образом?

О.- "Мне казалось, что они черпают свою жизнь из Души Мира".

Коллективные видения существ "сидхе".

В.- Были ли у вас видения различных существ *Сидхе* в компании с другими людьми?

О.- "У меня были такие видения в нескольких случаях".

И это заявление было подтверждено мне тремя участниками таких коллективных видений, которые по отдельности в разное время видели в компании с нашим свидетелем одно и то же видение в один и тот же момент. В другой раз, на Зеленых землях в Россес-Пойнт, графство Слайго, то же самое существо *Sidhe* было увидено нашим нынешним свидетелем и его другом, также обладающим способностью к провидению, в тот момент, когда оба восприимчива находились на небольшом расстоянии друг от друга, и они поспешили друг к другу, чтобы описать существо, не зная, что объяснения были взаимно излишними. Я так много общался с обоими перцепиентами и так близко их знаю, что могу с уверенностью

утверждать, что как перцепиенты они отвечают всем необходимым патологическим условиям, требуемым психологами для того, чтобы сделать их свидетельства приемлемыми.

Параллельные свидетельства о расах *сидхе*

В целом, редкие свидетельства ирландской провидицы, приведенные выше, могут быть параллельны аналогичным свидетельствам как минимум двух других надежных ирландцев, с которыми мне также посчастливилось обсуждать веру в фей. Одна из них - член Ирландской королевской академии, другая - жена известного ирландского историка; и обе они свидетельствуют, что у них тоже были коллективные видения существ *сидхе* в Ирландии.

Вот что написал мне мистер Уильям Б. Йитс, когда проводилось это исследование, относительно кельтского королевства фей: "Я уверен, что оно существует и когда-нибудь будет изучено так же, как его изучал Кирк"[21].

Независимые свидетельства из мира *сидхе*

Одним из самых замечательных открытий наших кельтских исследований стало то, что коренное население страны Россес Пойнт, или, как мы ее называли, мира *сидхе*, в большинстве случаев, и, что самое важное, независимыми народными свидетельствами, подтверждает мнения и заявления образованных ирландских мистиков, на которые мы только что ссылались, а именно:...

Видение Джона Конвея о "джентри". - В Аппер-Россес-Пойнт миссис Дж. Конвей рассказала мне о "джентри" следующее: - Джон Конвей, мой муж, который был лоцманом по профессии, следить за приближающимися кораблями, поднимался на высокий холм среди Холмов фей; и там он часто видел *джентри*, спускающихся с холма на берег. Однажды ночью он узнал в них мужчин и женщин из *дворянства*, и они были такими же большими, как все живые люди. Это было поздно вечером около сорока лет назад".

Призраки и феи Когда я впервые представился Оуэну Конвею в его холостяцкой квартире, уютном коттедже в Аппер-Россес-Пойнт, он сказал, что мистер У. Б. Йитс и другие известные в ирландской литературе люди приходили к нему, чтобы послушать о феях, и что, хотя он знает о феях очень мало, тем не менее всегда любит о них говорить. Затем Оуэн начал рассказывать мне о мужском призраке, который и он, и Бран Регган видели в разное время по дороге в Слайго, потом о женском призраке, который он и другие люди часто видели неподалеку от того места, где мы находились, а затем об изгнании призраков из дома в Слайго около шестидесяти лет назад отцом Макгоуэном, который в результате вскоре после этого умер, очевидно, убитый изгнанными духами. Наконец, я услышал от него следующие анекдоты о феях:...

Каменная стена, разрушенная агентством "Фея" - "Нет ничего более достоверного, чем то, что феи существуют. Старики всегда считали их падшими ангелами. В задней части этого дома у фей был свой проход. Мой сосед начал строить коровник, и одна стена, примыкающая к проходу, дважды падала, и никто, кроме фей, этого не делал. На третий раз стена устояла".

Феи проходят сквозь каменные стены. "Место, где стоит дом Макьюэна, было известным местом для фей. Мужчины, строившие дом, видели, как феи на лошадях проезжали через это место, и каменные стены ничуть их не останавливали.

Мой двоюродный брат, который был лоцманом, однажды отправился в сторожку на Пойнт, чтобы занять место своего брата; и он увидел дам, которые приближались к нему, когда он пересекал Зеленые земли. Сначала он подумал, что они идут с танцев, но никаких танцев тогда не было, а если бы и были, то ни из какой точки земного шара, да еще в такой большой компании, в этот час ночи не могли бы прийти люди, одетые так, как они и двигающиеся так, как они. А когда они прошли мимо него и он увидел, как они красивы, он узнал в них дворянок".

Майкл Редди (наш следующий свидетель) видел *дворян* на Гринлендах в полках, как в армии, и при дневном свете. В то время он был молодым человеком, и его послали посмотреть, не заблудился ли какой-нибудь скот".

А вот что утверждает Майкл Редди из Россес-Пойнта, ныне матрос на корабле "*Тартар*", курсирующем из Слайго в соседние порты ирландского побережья, в подтверждение слов Оуэна Конвея о нем: "Я видел *джентри* на берегу (в Нижнем Россес-Пойнте) около сорока лет назад. Это было после полудня. Сначала я увидел одного из них, похожего на офицера, который направил на меня то, что казалось мечом; а когда я вышел на Гринлендс, то увидел большую компанию *дворян*, похожих на солдат, в красном, смеющихся и кричащих. Их предводитель был крупным мужчиной, а сами они были обычного человеческого роста. В результате [этого видения] я лег в свою постель и пролежал там несколько недель. В другой раз, поздно вечером, я с матерью доил коров, и мы слышали, как вокруг нас разговаривали *дворяне*, но не могли их увидеть".

Джон О'Конвей, один из самых надежных жителей Верхнего Росес-Пойнта, дает следующее свидетельство о "*джентри*": "В старые времена *джентри* были очень многочисленны в *фортах* и здесь, на Зеленых землях, но их редко видели. На вид они были такими же, как и все живые люди. Когда люди умирали, говорили, что их забирали *дворяне*, потому что после этого они появлялись среди *дворян*".

У нас был пахарь с хорошими привычками, который однажды пришел слишком поздно для утренней работы, и в оправдание очень серьезно сказал: "Может быть, если бы вы путешествовали всю ночь, как я, вы бы не разговаривали. Я был в гостях у *дворян* и, если бы не одна дама, не смог бы сейчас вернуться. Я увидел длинный зал, полный множества людей. Некоторых из них я знал, а некоторых не знал. Леди спасла меня, сказав, чтобы я не ел там никакой еды, какой бы заманчивой она ни была".

Молодого человека из Драмклиффа *забрали* [в состояние транса], и он пробыл с *Даойн Майте* некоторое время, а потом вернулся. Другого человека, которого я хорошо знал, долгое время преследовали *дворяне*, и он часто уходил с *ними*" (очевидно, во сне или в состоянии транса).

Музыка сидхе. - Следующая история подтверждает свидетельство культурных ирландских провидцев о том, что в Нижнем Росес-Пойнте слышна музыка *сидхе*: - Три женщины собирали ракушки в марте месяце на самой низкой точке берега (Нижний Росес или Рен-Пойнт), когда услышали самую прекрасную музыку. Они принялись танцевать под нее, и танцевали до упаду. Затем они поблагодарили невидимого музыканта и отправились домой".

Свидетельство профессора колледжа

Наш следующий свидетель - преподобный отец --, профессор католического колледжа в Западной Ирландии, и большинство его показаний основаны на событиях, произошедших среди его собственных знакомых и родственников, а его выводы - результат тщательного расследования: - ...

Явления из Сказочной страны. - "Примерно двадцать-тридцать лет назад на границе графства Роскоммон вблизи графства Слайго, по твердому убеждению одного из моих родственников, его сестра была *похищена* феями в брачную ночь, и после этого она явилась своей матери в виде призрака. Казалось, она хотела заговорить, но мать, которая в это время лежала в постели, сильно испугалась и отвернулась лицом к стене. Мать убеждена, что видела это явление своей дочери, и моя родственница считает, что могла бы спасти ее".

Этот же родственник, который считает, что его сестру *забрали* феи, в другое время видел явление другой моей родственницы, которую, согласно аналогичному поверью, феи забрали, когда ей было всего пять лет. Ребенок появился рядом со своей живой сестрой в один прекрасный день, когда сестра шла со двора в дом, и последовал за ней. Говорят, что ребенка *забрали*, потому что она была такой хорошей девочкой".

Природа веры в фей: "В детстве мы всегда боялись фей, и нас учили говорить: "Боже, благослови их! Боже, благослови их!" всякий раз, когда мы слышали упоминание о них.

В нашей семье мы всегда следили за тем, чтобы ночью в доме была чистая вода для фей.

Если после наступления темноты за дверь выбрасывали что-нибудь вроде грязной воды, нужно было сказать "*Хугга, хугга салах!*", чтобы предупредить фей не намочить одежду.

Непробованную еду, например молоко, оставляли на столе на ночь для фей. Если вы ели и еда падала с вас, нельзя было забирать ее обратно, потому что феи хотели ее забрать. Многие семьи и сейчас очень серьезно относятся к этому. Самое удачное, что можно сделать в таких случаях, - это поднять еду и съесть только кусочек, а остальное выбросить феям.

Обычно говорят, что призраки и привидения живут в одиноких кустах терновника или терновых деревьях. Во многих одиноких кустах такого рода есть свои призраки. Например, есть куст Фанни, куст Салли и еще один, о котором я знаю, в графстве Слайго недалеко от Бойла".

Личные мнения: "Феи одной расы - это люди предыдущей расы: фоморы для Фир Болгов, Фир Болги для Дананнов, а Дананны для нас. Старые расы умерли. Куда они делись? Они стали духами и феями. Второе зрение дало нашей расе способность видеть внутренний мир. Когда в Ирландию пришло христианство, у людей не было *определенного* рая. До этого их представления о потустороннем мире были туманными. Но более древние представления о мире духов остались бок о бок с христианскими и, сохранившись в подсознании, дали начало миру фей".

Свидетельства из графства Роскоммон

Следующим местом нашего исследования станет древняя провинция великой королевы фей Мив, которая прославилась тем, что повела против Кухулайнна объединенные армии четырех из пяти провинций Ирландии, и все из-за быка, которого она жаждала. И не может быть лучшей части Ирландии для посещения, чем Роскоммон, который доктор Дуглас Хайд сделал популярным в ирландском фольклоре.

Доктор Хайд и лепреккон. Однажды, когда мне посчастливилось быть в Ратре, доктор Хайд пригласил меня прогуляться с ним по деревне. После того как мы посетили старый *форт*, принадлежащий "добрым людям", и осмотрели некоторые другие их места обитания в этой части королевства королевы Мив, мы вошли в домик с соломенными крышами на обочине дороги и обнаружили, что добрая жена и ее прекрасная дочь дома. В ответ на расспросы доктора Хайда мать рассказала, что однажды, когда она была еще девочкой, возле живой изгороди, в которой она собирала дикие ягоды, она увидела лепреккона в ямке под камнем: "Он был не больше куклы, и он был самой совершенной формы, с маленьким ртом и глазами". Ничего не было сказано о том, что у малыша был мешок с деньгами, хотя, по словам женщины, люди говорили ей впоследствии, что она была бы богата, если бы у нее хватило ума поймать его, когда ей представился такой удобный случай.

Смертельная карета... Следующую историю мать рассказала о смертельной карете, которая проезжала мимо того самого дома, где мы находились. Каждую ночь, вплоть до рождения дочери, она приподнималась на локте в постели, чтобы послушать, как проезжает карета смерти. Проходило около полуночи, и она слышала шум, топот лошадей и красивейшее пение, похожее на музыку фей, но слов она не понимала. Раз или два она отваживалась открыть дверь и выглянуть наружу, когда карета проезжала мимо, но так ничего и не увидела, хотя вокруг шум и пение. Однажды мужчине пришлось ждать на обочине дороги, чтобы пропустить лошадей феи, и он очень отчетливо слышал, как они проезжают, но не мог увидеть ни одной из них.

Когда мы вернулись домой, доктор Хайд рассказал мне, что фей в этих краях видят редко. Люди обычно говорят, что только слышат или чувствуют их.

Добрые люди и мистер Гиллеран. После того как мать дала показания, дочь, принадлежащая к младшему поколению, высказала свое мнение. Она сказала, что "добрые люди" живут в *фортах* и часто забирают мужчин и женщин или молодых людей, которые проходят мимо *фортов* после захода солнца; что мистер Гиллеран, умерший не так давно, однажды видел некоторых умерших друзей и узнал среди них тех, кого, как считалось, *забрали*, и тех, кто умер естественной смертью, и что он видел их снова, когда лежал на смертном одре.

Здесь, как и во многих других историях, прослеживается четкая связь между царством мертвых и Сказочной страной.

Свидетельство провидца из Лаф-Дерга

Нил Колтон, семидесяти трех лет от роду, живущий в деревне Тамлах на берегу Лаф Дерг в графстве Донегал, пользуется репутацией человека, который видит "нежный народ", и я обратился к нему. Когда мы сидели вокруг его пылающего костра и в окружении его семьи из трех крепких мальчиков - ведь он женился поздно, - он рассказал вот что:...

Однажды, в середине лета, перед самым закатом, когда я был еще мальчиком, мы с братом и кузеном собирали чернику у скал на задворках, как вдруг услышали музыку. Мы поспешили

обогнуть скалы, и вот мы оказались в нескольких сотнях футов от шести или восьми *нежных людей*, и они танцевали. Когда они увидели нас, от них к нам выбежала маленькая женщина, одетая во все красное, и ударила моего кузена по лицу тем, что казалось зеленым камышом. Мы изо всех сил побежали к дому, и когда моя кузина добралась до дома, она упала замертво. Отец оседлал лошадь и поехал за отцом Райаном. Когда отец Райан приехал, он надел на шею посох и начал молиться над моей кузиной, читать псалмы и ударять по ней посохом; таким образом он вернул ее к жизни. Он сказал, что если бы она не вцепилась в моего брата, то *лишилась бы жизни навсегда*".

Нежный народ" - "*Нежный народ* - это не земные люди, это народ со своей собственной природой. Даже в воде есть мужчины и женщины с одинаковым характером. У других есть пещеры в скалах, а в них комнаты и квартиры. Этих рас было ужасно много сто лет назад, и они вернутся снова. Мой отец жил в двух милях отсюда, и там было полно этих *неженков*. В старые времена они брали молодых людей, держали их у себя и вытягивали из них всю жизнь. Никто никогда не мог точно определить их природу".

Свидетельства из графства Ферманаг

От Джеймса Саммервилла, восьмидесяти восьми лет, живущего в деревне неподалеку от Ирвинстауна, я услышал много интересного о "*маленьких людях*" и банши, а затем следующую замечательную историю о "*добрых людях*": "Я не знаю, что это такое.

Путешествие ясновидения через агентство "Феи" - "Около семидесяти лет назад одного человека, которого я хорошо знал, увезли в Америку в ночь на Хэллоуин; *они (добрые люди)* заставили его заглянуть в дымоход и увидеть, как его собственная дочь готовит еду на кухонном огне. Затем *они* отвезли его в другое место в Америке, где он увидел своего знакомого. На следующее утро он оказался в своем доме здесь, в Ирландии.

Этот человек написал письмо своей дочери, чтобы узнать, была ли она на месте и на работе в ночь на Хэллоуин, и она ответила, что была. Он был уверен, что это были *добрые люди*, которые за одну ночь отвезли его в Америку и вернули обратно".

Свидетельства из графства Антрим

По просьбе майора Р. Г. Берри, M.R.I.A., из замка Ричилл, Армаг, мистер Х. Хиггинсон из Гленави, графство Антрим, собрал все материалы, которые смог найти о традициях фей в своей части графства Антрим, и прислал мне результаты, из которых я выбрал очень интересные и, в некоторых отношениях, уникальные истории, которые следуют далее:-.

Феи и ткач: "Нед Джадж из Софис-Бридж был ткачом. Каждый вечер после того, как он ложился спать, ткачество начиналось само собой, а когда он вставал утром, то находил готовый к ткачеству узор таким разорванным и запутанным, что ему требовалось несколько часов, чтобы привести его в порядок. Но при всех этих недостатках он не становился беднее, потому что феи оставляли ему в изобилии предметы домашнего обихода, и всякий раз, когда он продавал полотно, он всегда получал втрое больше, чем за него просили".

Уильям Мегарри из Баллиндерри, как рассказала мне его дочь, которая замужем за Джеймсом Мегарри, J.P., однажды вечером ехал в Крамлин верхом за доктором, когда, проехав через Гленави, он встретил прямо напротив викария два полка *этих* фей, идущих по

дороге в сторону Гленави. Один полк был одет в красную, а другой - в синюю или зеленую форму. Они играли музыку, но когда они открылись, чтобы пропустить его через середину, музыка прекратилась, пока он не прошел мимо".

В книге "Страна Кухулайнна: Свидетельство инженера-строителя

В героические времена языческой Ирландии, как гласит предание, древние земляные укрепления, ныне называемые Кольцами Навана, недалеко от Армага, были оплотом Кухулайнна и рыцарей Красной ветви; а позднее, при Патрике, сам Армах, один из старых мистических центров Эрина, стал церковной столицей гэлов. И из этой романтической страны один из самых осведомленных ее уроженцев, дипломированный инженер-строитель Дублинского университета, предлагает следующие важные свидетельства:-

Феи - мертвецы: "Когда я был маленьким в окрестностях Армага, мне говорили, что феи могут забирать плохих мальчиков. Однако здравые убеждения о феях отличаются, как я обнаружил, когда вырос. Старики в графстве Армаг всерьез верят, что феи - это духи умерших; и они говорят, что если у вас умерло много друзей, то у вас много дружелюбных фей, а если у вас умерло много врагов, то у вас много фей, желающих причинить вам вред".

Подношения еды феям - "Раньше было очень принято, и от этой практики еще не отказались, ставить кровать, другую мебель и много еды в только что построенном жилище за ночь до времени, назначенного для переезда в него; и если еда не съедена, а крошки подметены у двери утром, дом не может быть безопасно занят. Я знаю два дома, которые так и не были заселены, потому что феи не проявили готовности и доброй воли, приняв предложенную им пищу".

На склонах Слив Гуллион

Поднимаясь на вершину горы Кухулайнна, с которой открывается вид на часть территории, прославленной "скотокрадством Кули", я встретил Джона О'Хара, шестидесяти восьми лет, из Лонгфилд Таунленд, который вел свою лошадь на пастбище, и остановился поговорить с ним о "добрых людях".

"Хорошие люди в этой горе, - сказал он, - это люди, которые умерли и были забраны; гора заколдована".

Фея, переполнившая сундук с едой: "К жене Стивена Каллагана пришла старуха и велела ей не разрешать Стивену подстригать определенную живую изгородь. "Там мы укрываемся на ночь", - добавила старуха, и миссис Каллаган узнала старуху, как ту, которую *взяли* в заточении. Несколько ночей спустя та же старуха явилась к миссис Каллаган и попросила милостыню; ей предложили немного еды, но она не взяла. Затем она попросила ночлег, но не остановилась. Когда на следующее утро миссис Каллаган увидела сундук с едой, он был переполнен: это был подарок старухи за изгородь".

Свидетельство двух очевидцев из Дроминти

После того как мой друг, преподобный отец Л. Доннеллан из Дроминти, графство Армаг, познакомил меня с Алисой Каннингом из своего прихода, и она рассказала много о "нежном

народе" , она решительно заявила, что они действительно существуют - и это в присутствии отца Доннеллана, - потому что она часто видела их на горе Каррикброд, недалеко от места, где она живет. А затем она сообщила следующее о заколдованном Сливе Гуллион

Сидхе", хранительница Слив Гуллион: "Вершина Слив Гуллион - очень нежное место. Там, у озера, живет фея, но она невидима. Она никому не мешает. Я слышал, что в округе нет более нежных мест, чем Каррикброд и Слив Гуллион".

Затем мы с отцом Доннелланом навестили Томаса Маккринка и его жену в Каррифамайане, потому что миссис Маккринк утверждает, что видела некоторых из "добрых людей", и вот ее свидетельство:...

Я слышала и чувствовала, как *добрые люди* приходят по ветру; и однажды я видела их на среднем поле на участке моего отца, когда они играли в футбол. Они все еще на земле. Среди них есть духи наших предков; они радуются всякий раз, когда к нам приходит удача, и я видел их перед тем, как моя мать получила свою землю [после долгого судебного разбирательства] на поле, они радовались".

Некоторых *добрых людей* я считал падшими ангелами, хотя это могут быть и умершие люди, чье время еще не пришло. Мы лишь тени в этом мире: моя мать умерла в Англии, и она пришла ко мне в духе. Я видел ее ясно. Я побежал, чтобы поймать ее, но мои руки пробежали по ее фигуре, как по туману. Затем раздался треск, и она исчезла". И наконец, спустя мгновение, наша проницательная собеседница сказала: "Однажды рождественским утром по этой дорожке прошли феи, и я приняла их за страдающие души из чистилища, идущие на мессу".

Свидетельство дроминтийской провидицы

На следующий день отец Доннеллан взял меня побеседовать с почти самой старой женщиной в его приходе, миссис Бидди Грант, восьмидесяти шести лет, из Верхнего Тафала, что рядом со Слив Гуллион. Миссис Грант - прекрасный образец ирландки, с белыми волосами, ясным цветом лица и выражением большого природного интеллекта, хотя сейчас она несколько ослабела от возраста. Однако ее ум по-прежнему ясен, и ее свидетельство подкрепляется следующим заявлением ее собственной дочери, которая живет с ней: "Моя мать обладает способностью видеть вещи. Для нее факт, что духи существуют. Она многое видела, даже в старости; и то, что она мне постоянно рассказывает, пугает меня до полусмерти".

Ниже приводится прямое свидетельство миссис Грант, данное в ее собственном доме 20 сентября 1909 года, в ответ на наш вопрос, знает ли она что-нибудь о "добрых людях":-

Я видела "хороших людей" как мертвецов: "Однажды я увидела их в таком виде - больших, маленьких, старых и молодых. В то время я лежал в постели, а рядом со мной лежал больной мальчик, которого я воспитывал с самого его рождения. Двое из них пришли и осмотрели его; затем вошли трое. У одного из них было что-то похожее на книгу, и он приложил руку ко рту мальчика; затем он ушел, а другие появились, открыв заднее окно, чтобы сделать проход через дом; и через этот проход пришли большие толпы людей. Я потряс мальчика и спросил его: "Ты что-нибудь видишь?" "Нет", - ответил он; но когда я заставил его посмотреть во второй раз, он сказал: "Вижу". После этого он поправился.

Эти *добрые люди* были духами наших умерших друзей, но я не мог их узнать. Я часто видел их такими, когда лежал в своей постели. Среди них много женщин. Однажды я прикоснулся к одному их мальчику, и он был как перышко в моей руке; в нем не было никакой материи, и я знал, что он не живое существо. Я не знаю, где они живут; я слышал, что они живут в *Карриге* (скалах). Я много раз слышал, как они *забирали* людей или сбивали их с пути. Они не могут жить далеко, раз приходят ко мне в такой спешке. Они такие же большие, как и мы. Я думаю, что эти феи живут по всей стране и в горах".

Явление женщины-сидхе? - "На поминках я вышла за дверь в полночь и увидела женщину, которая бегала по полю со странным светом в руках. Я позвала свою дочь, но она ничего не видела, хотя все это время женщина в белом была в поле, трясла фонарем и бегала туда-сюда так быстро, что можно было подмигнуть. Я подумал, что эта женщина может быть духом Нэнси Фринк, но не был уверен". (Ср. с. [60 и далее](#), [83](#), [155](#), [215](#).)

Свидетельства из Лаф Гур, графство Лимерик

Одной из самых интересных частей Ирландии как для археолога, так и для фольклориста является территория, непосредственно окружающая Лаф Гур, графство Лимерик. Отгороженный от внешнего мира кругом низменных холмов, на вершинах которых незримо обитают сказочные богини, этот регион, известный своими многочисленными и хорошо сохранившимися кромlechами, дольменами, менгирами и тумулями, а также редкими народными традициями, бытующими среди крестьян, издавна считался своего рода потусторонним заповедником, преследуемым сказочными существами, обитающими как в его водах, так и на его земле.

Нет никаких сомнений в том, что в дохристианские времена страна Лаф-Гур была очень священным местом, мистическим центром паломничества и проведения кельтских религиозных обрядов, включая обряды инициации. Лаф до сих пор заколдован, но раз в семь лет чары с него снимаются, и тогда он предстает как суша перед каждым, кому посчастливилось его увидеть. В такое время, когда чары спадают, на дне озера вырастает дерево - дерево, похожее на странное Мировое дерево из скандинавских мифов. Дерево покрыто зеленой тканью, а под ним сидит хранительница озера, женщина-вязальщица.[\[23\]](#) Крестьяне, живущие в окрестностях озера Гур, до сих пор верят, что под его водами находится один из главных в Ирландии входов в *Тир-на-ног*, "страну юности", царство фей. А когда ребенка крадут феи Мюнстера, "предполагается, что Лаф Гур - это место его неземной трансформации из человеческого в сказочное состояние"[\[23\]](#).

Моему другу, графу Джону де Салису из Баллиол-колледжа, я обязан следующими легендарными материалами, собранными им в окруженном феями поместье Лаф-Гур, его родовом доме, и аннотированными преподобным Дж. Ф. Линчем, одним из самых осведомленных антикваров, живущих в этой части Южной Ирландии: - "Богини фей, А. и А."

Богини-феи, Айне и Феннел (или Финнен). - "В окрестностях Лаф Гур есть два холма, на вершинах которых, согласно живым традициям, совершались жертвоприношения и священные обряды. Один из них, примерно в трех милях к юго-западу от озера, называется Нок-Эйн, Эйна или Эне - имя древнеирландской богини, происходящее от "*ан*" - "яркий". Другой, самый высокий холм на берегу озера, называется Кнок Феннел или Холм Богини Феннел, от *Финнен* или *Финнин* или *Фининн*, формы слова "*фин*", "белый". Крестьяне этого региона называют Айне одной из Добрых Людей;[\[24\]](#) и говорят, что Феннел (видимо, ее

сестра-богиня или вариант ее самой) жила на вершине Нок Феннел" (в государственной бумаге 1200 года она названа Финнен).

Гонки на лодках фей. Разные старые крестьяне рассказывали мне, что летом в ясные спокойные лунные ночи появляются лодки фей, которые мчатся через Лаф Гур. Лодки приплывают с восточной стороны озера и, добравшись до острова Гаррод, где лежит в руинах замок Десмонд, исчезают за Нок-Адуном. Этих призрачных лодок четыре, и в каждой из них гребут двое мужчин, а рулит женщина. Не слышно ни звука, но провидец видит странный серебристый плеск весел и журчание воды на носу лодок, когда они мчатся. Очевидно, что они участвуют в гонках, потому что одна лодка опережает другие, и видно, как все гребцы напрягают весла. Лодки и их обитатели кажутся прозрачными, и вы не можете точно определить их природу. Один старый крестьянин сказал мне, что они видны только благодаря сияющей яркости одежды на призрачных гребцах и женщинах, которые управляют лодкой.

Другой человек, которому около сорока лет и который, насколько я знаю, имеет хорошие привычки, уверяет меня, что он тоже видел эти сказочные гонки на лодках, и что их все еще можно увидеть в соответствующее время года".

Бин-Тиге. [25]- Предполагается, что *Бин-Тиге*, фея-хозяйка заколдованного затопленного замка графа Десмонда, появляется, сидя на древнем глиняном памятнике в форме большого кресла, который поэтому называется *Суидхеачан*, "Маленькое место хозяйки", на холме Кнок-Адун (Холм Форты), который вдается в Лаф. Как рассказывал мне один старый крестьянин, однажды *Бин-тиге* спала на своем сиденье, когда *Буахайлин* [26], или "Маленький стадный мальчик", украл ее золотой гребень. Когда *Бин-тиге* проснулась и увидела, что произошло, она прокляла скот *Буахайлина*, и вскоре все они умерли, а затем умер и сам "Маленький пастушок", но перед смертью он приказал бросить золотой гребень в Лаф" [27].

Феи Лаф Гур в целом: "Крестьяне в районе Лаф Гур обычно говорят о *Добром народе*, о *Добрых людях* или о *Маленьких людях* - их названия для фей. Лепреккон указывает место, где можно найти спрятанное сокровище. Если человек, которому он открывает этот секрет, сообщает его второму, первый человек умирает, или же деньги не находят: в некоторых случаях деньги превращаются в листья плюща или в цветки пушицы.

Я убежден, что некоторые пожилые крестьяне до сих пор верят в фей. Я иногда выходил на озеро лунными ночами, и одна старушка, считавшаяся "мудрой женщиной" (провидицей), узнав об этом, сказала мне, что я ни в коем случае не должен продолжать это занятие, опасаясь "тех людей" (фей). В частности, в один из вечеров она предупредила меня, чтобы я не смела выходить на озеро. Она торжественно утверждала, что "Силы тьмы" в это время находятся за границей и что для меня будет несчастьем оказаться на их пути [28].

При обычных обстоятельствах, как сообщил мне один очень близкий наблюдатель за крестьянством Лаф Гур, старики молятся Святым, но если по какой-то случайности молитвы остаются без ответа, они обращаются к другим силам, феям, богиням Айне и Феннел или другим языческим божествам, которых они, похоже, помнят смутно, подсознательно, через традиции.

Свидетельство провидицы из графства Керри

Другому из моих сокурсников в Оксфорде, коренному ирландцу из графства Керри, я обязан следующими свидетельствами:...

Коллективное видение духовных существ. - "За несколько недель до Рождества 1910 года, в полночь, в очень темную ночь, я и еще один молодой человек (которому, как и мне, было тогда около двадцати трех лет) ехали на лошади по дороге домой из Лимерика. Недалеко от Листоуэла мы заметили свет примерно в полумиле впереди. Сначала показалось, что это не более чем свет в каком-то доме; но когда мы приблизились к нему и он скрылся из виду, мы увидели, что он движется вверх и вниз, то уменьшаясь до искры, то разрастаясь в желтое светящееся пламя. Не доезжая до Листоуэла, мы заметили два огня, примерно в ста ярдах справа от нас, похожие на тот, который мы видели первым. Внезапно каждый из этих огней превратился в такое же желтое светящееся пламя высотой около шести футов и шириной четыре фута. В центре каждого огня мы увидели сияющее существо в человеческом обличье. Вскоре огни двинулись навстречу друг другу и соприкоснулись, после чего оба существа, находившиеся в них, стали ходить бок о бок. Тела существ были сформированы из чистого ослепительного сияния, белого, как сияние солнца, и гораздо более яркого, чем желтый свет или аура, окружавшая их. Сияние вокруг их голов было настолько ослепительным, как ореол, что мы не могли различить лица существ; мы могли различить только общую форму их тел; хотя их головы были очень четко очерчены, потому что это ореолоподобное сияние, которое было самым ярким светом вокруг них, казалось, излучалось из головы каждого существа или опиралось на нее. По мере того как мы ехали дальше, между нами и огнями встал дом, и мы больше их не видели. Мы впервые наблюдали подобные явления, и, торопясь домой, нам не хватило ума остановиться и провести дальнейшее исследование. Но с той ночи я часто видел, как в Ирландии, так и в Англии, подобные огни с духовными существами в них". (Ср. с. 60 и далее, 77, 133, 155, 215, 483).

Реальность духовного мира: "Как и мой спутник, который видел все то, что видел я в первых трех огнях, я раньше всегда был скептиком в отношении существования духов; теперь я знаю, что духовный мир существует. Мой брат, врач, был столь же скептичен, пока не увидел неподалеку от нашего дома в Листоуэле похожие огни, содержащие духовных существ, и был вынужден признать подлинность этих явлений.

В какой бы стране мы ни находились, я верю, что мы всегда погружены в духовный мир, но большинство из нас не могут его воспринять из-за неутонченной природы наших физических тел. С помощью медитации и психических тренировок можно увидеть духовный мир и его существ. Мы переходим в царство духа после смерти и возвращаемся в мир людей при рождении; и мы продолжаем перевоплощаться до тех пор, пока не преодолеем все земные желания и смертельные аппетиты. Тогда высшая жизнь открывается нашему сознанию, и мы перестаем быть людьми; мы становимся божественными существами". (Записано в Оксфорде, Англия, 12 августа 1911 года).

III. В ШОТЛАНДИИ

Вступление Александра Кармайка, почтенного доктора права Эдинбургского университета; автора книги "*Кармина Гаделика*".

Когда-то вера в фей была распространена по всей Шотландии - и на возвышенностях, и в низинах. Сейчас она гораздо менее распространена даже в Горных горах и на островах, где подобные верования существуют дольше, чем в Низинах. Но оно все еще живет среди

стариков, и в частном порядке встречается даже среди молодых людей; а некоторые, кто придерживается этой веры, утверждают, что сами видели фей.

Выдвигаются различные теории происхождения фей и веры в них. Наиболее конкретную форму, в которой эта вера была высказана преподобным Робертом Кирком, священником Аберфойла в Пертшире. [29] Другую теорию происхождения фей я почерпнул на острове Миунглайх (Минглай); и, хотя я уже приводил ее в "*Кармине Гаделике*", она достаточно интересна, чтобы процитировать ее здесь. В октябре 1871 года Родерик Макнейл, известный как "Руараидх мак Дхомхуил", которому тогда было девяносто два года, рассказал ее на гэльском языке покойному Дж. Ф. Кэмпбеллу с острова Айла и писателю, когда они во время шторма остановились на обрывистом острове Миунглайх, Барра: - "Гордый Ангел разжег

Гордый ангел поднял мятеж среди ангелов небесных, где он был одним из лидеров. Он объявил, что пойдет и основать царство для себя. Выходя из дверей рая, Гордый Ангел выбивал пятками колючие и кусачие молнии. За ним последовало множество ангелов - так много, что наконец Сын воззвал: "Отец! Отец! Город опустел!", после чего Отец приказал закрыть врата рая и врата ада. Это было мгновенно исполнено. И те, кто входил, вошли, а те, кто выходил, вышли, а те, кто покинул рай и не попал в ад, разлетелись по норам земли, подобно бурным буревестникам. Это народ фей, с тех пор обреченный жить под землей и выходить наружу только там и тогда, где и когда разрешит король. Их не выпускают за границу ни в четверг, в день Колумбы, ни в пятницу, в день Сына, ни в субботу, в день Марии, ни в воскресенье, в день Господа.

Да будет Бог между мной и каждой феей,
от всех недобрых желаний и от всех друидов;
Сегодня четверг на море и на суше,
Я верю в короля, что они меня не услышат.

В некоторые ночи, когда их *брутхайн* (чаши) открыты, лампы зажжены, а песни и танцы идут весело, можно услышать, как феи легкомысленно поют: - Мы не из семени Адама.

Не от семени Адама мы,
И Авраам не наш отец;
Но от семени Гордого Ангела,
Изгнанного с небес".

Феи в значительной степени вошли в жизнь и фольклор горцев, и следующие примеры вещей, названных в честь фей, указывают на то, как феи доминировали в сознании жителей Гэлдома: *teine sith*, "огонь фей" (*ignis fatuus*); *breaca sith*, "отметины фей", синюшные пятна, появляющиеся на лицах умерших или умирающих; *marcachd shith*, "езда фей", паралич позвоночника у животных, якобы вызываемый феей-мышью, скачущей по спинам животных, когда они лежат; *piob shith*, "труба феи" или "эльфийская труба", обычно встречающаяся в древних подземных домах; *miarán na mna síthe*, "наперсток женщины-феи", лисья гвоздика; *lìon na mna síthe*, "ворс женщины-феи", лен феи, который, как говорят, помогает при некоторых болезнях; и *curachan na mna síthe*, "кораблик женщины-феи", раковина голубой ванили. В географических названиях часто встречается *sith*, "фея". Гленши в Пертшире, говорят, был полон фей, но визг парового свистка распугал их под землей. Вряд ли найдется район Хайлендса, где не было бы холма фей, как правило, самого зеленого в округе. Говорят, что "черная труба клана Чаттан" была подарена знаменитому волынщику Макферсону женщиной-феей, которая любила его; а у Маккеев есть флаг, который, как говорят, был подарен Маккею возлюбленной-феей. Известный флаг фей из Данвегана, как говорят, был подарен Маклеоду из Маклеода женщиной-феей; а у Макриммонов из Борорайга,

волынщиков Маклеодов из Маклеода, была дудочка под названием "*Sionnsair airgid na mna sithe*", "серебряная дудочка женщины-феи". Семья из Северного Уиста известна как *Dubh-sith*, "Черная фея", по преданию, семья была знакома с феями в их тайных полетах и ночных миграциях.

Дональд Макаластер, семидесяти девяти лет от роду, земледелец из Друим-а-гиннир, Арран, рассказал мне в 1895 году следующую историю на гэльском языке: "Феи жили на холме, и у них был сосед, который часто навещал их в их доме. Человек наблюдал за тем, как живут феи, и делал то же, что и они. Феи отправились в путешествие в Ирландию, и человек решил отправиться с ними. Каждая фея из них поймала тряпичную косулю и села на нее, и они помчались, каждое их колено, через Ирландский океан в одно мгновение, а через Ирландский океан за ними мчался человек, сидя на тряпичной косуле, как один из них. Маленькая крошечная фея крикнула и спросила, все ли готовы, и все остальные ответили, что готовы, и маленькая фея воскликнула

Мой король у меня на голове,
Я спешу на другой берег,
На гребнях волн,
В Ирландию.

"Следуйте за мной", - сказал король фей, и они отправились через Ирландский океан, каждый сын матери, сидя на своей тряпичной колымаге. Макуга (Кук) не знал, как ему вернуться в родные края, но он прыгнул на амброзию, как это делали феи, и позвал, как он слышал их зов, и в одно мгновение оказался снова в Арране. Но и в этом путешествии феи ему надоели, и больше он с ними не ходил".

Феи часто забирали младенцев и их матерей, поэтому принималось множество мер предосторожности, чтобы уберечь их до очищения и крещения, когда сила фей становилась неэффективной. Для обеспечения безопасности младенцев клали железо на кровать, жгли в комнате кожу, давали матери и ребенку молоко коровы, которая ела *мотану*, жемчужницу (*Pinguicula vulgaris*), растение добродетели, и другие подобные средства. Если наблюдательные женщины пренебрегали этими мерами предосторожности, мать, ребенка или их обоих уносили в сказочную обитель. На эту тему существует множество историй.

Иногда феи помогали людям в работе, приходя по ночам, чтобы закончить прядение или работу по дому, обмолотить кукурузу фермера или обмолотить его зерно. В таких случаях к ним нельзя приставать и вмешиваться, даже в знак благодарности. Если их одарить одеждой, они уйдут и больше не будут работать. К такому способу избавления от них часто прибегают, поскольку не всегда легко найти для них работу.

Bean chaol a chot uaine 's na gruaige buidhe, "стройная женщина в зеленой юбке и с желтыми волосами", мудра головой и ловка руками. Она может превратить белую воду ручья в насыщенное красное вино, а нити пауков - в клетчатый плед. Из стебля сказочного тростника она может донести музыку затишья, покоя и отдыха, как бы ни был активен мозг и легки конечности; она может пробудить к веселью и танцам мужчин и женщин, как бы ни было уныло их состояние. Из беседки доносились звуки трубы, песни и голоса смеха, когда феи "садились" и кружились в лабиринтах танца. Иногда человек, услышав веселую музыку и увидев чудесный свет внутри, поддавался искушению войти и присоединиться к ним, но горе ему, если он не оставлял кусок железа у двери беседки, когда входил туда, потому что хитрые феи закрывали дверь, и человек не находил выхода. Там он танцевал долгие годы, но для него эти годы были как один день, а жена и семья оплакивали его как мертвого.

Кремневые наконечники стрел, столь ценимые антикварами, в Горных горах называют *Saighead sith*, стрелы фей. Говорят, что их бросали феи в сыновей и дочерей людей. У писателя есть одна, которая была брошена в его собственную служанку однажды ночью, когда она отправилась на торфяник за торфом. Она почувствовала, как что-то просвистело в безмолвном воздухе, пролетело сквозь ее волосы, задело ухо и упало к ее ногам. Опустившись в ярком лунном свете, девочка подобрала стрелу феи!

"Но вера мертва - сейчас такие вещи не происходят, - сказал вежливый информатор. Если не совсем мертва, то почти мертва, ускоренная перемещением населения, развитием средств связи, наплывом туристов и презрением более материалистичных приезжих и самих людей.

Эдинбург,
Октябрь 1910 года.

Аберфойл, страна Роберта Кирка

Моя первая охота на фей в Шотландии началась в Аберфойле, где сходятся Горные и Низменные земли, и в том самом месте, где в 1692 году они похитили Роберта Кирка, министра Аберфойла. Священник проводил большую часть своего времени, изучая пути "добрых людей", и он, должно быть, мог их видеть, ведь он был седьмым сыном. Миссис Дж. Макгрегор, у которой хранится ключ от старого церковного двора, где находится могила Кирка, хотя многие говорят, что в ней нет ничего, кроме гроба, засыпанного камнями, рассказала мне, что Кирк был перенесен в Феерический холм, на который она указала через небольшую долину перед нами, и находится там до сих пор, потому что холм полон пещер, и в них "добрые люди" имеют свои дома. И она добавила, что Кирк явился одному из его родственников после того, как его *похитили*, и сказал, что он во власти "добрых людей" и не может выбраться. "Но, - говорит он, - я могу освободиться, если вы попросите моего кузена сделать то, что я ему скажу, когда я снова появлюсь на крестинах моего ребенка в пасторали". По словам мистера Эндрю Лэнга, который более подробно излагает ту же традицию в своем замечательном "Вступлении к *"Тайному содружеству"*", кузеном был Грэхем из Дюшрея, а сделать он должен был то, что он бросит кинжал в голову Кирка. Грэхем присутствовал на крестинах посмертного ребенка, но был так поражен появлением Кирка, что не стал метать кинжал, и так Кирк стал вечным пленником "добрых людей".

После посещения могилы Кирка я обратился к преподобному Уильяму М. Тейлору, нынешнему преемнику Кирка, и, когда мы сидели вместе в той самой комнате, где Кирк, должно быть, писал свое *Тайное Содружество*, он сказал мне, что традиция сообщает, что Кирк был *похищен* феями, когда он гулял на их холме, который находится в нескольких шагах от пастората. Во время его исчезновения люди говорили, что его *забрали*, потому что феи были недовольны тем, что он лезет в их секреты. В любом случае, кажется вероятным, что Кирк очень внезапно заболел чем-то вроде апоплексии, находясь на Холме фей, и умер там". Я просмотрел пресвитерские книги и не нашел никаких записей о том, как на самом деле произошла смерть Кирка; но, конечно, нет ни малейших сомнений в том, что его тело находится в могиле". Таким образом, по мнению мистера Тейлора, мы должны сделать вывод, что если феи что-то унесли, то это должен был быть дух или душа Кирка. Я разговаривал с другими людьми в окрестностях Аберфойла о Кирке, и некоторые утверждали, что его тело и душа были *забраны*, а то, что было похоронено, вовсе не было трупом. Миссис Маргарет Макгрегор, одна из немногих гэльцев старой школы, оставшихся в Аберфойле, придерживается другого мнения, ибо она сказала мне: "Нет ничего лучше, чем то, что *добрые люди* забрали только дух Кирка".

В Аберфойле вера в фей, за исключением рассказов о Кирке, которые, вероятно, сохранятся еще долгое время, стремительно уходит в прошлое. Фактически она уже почти забыта. До тридцати лет назад, как объяснил мистер Тейлор, до того как железная дорога достигла Аберфойла, вера в фей была гораздо более распространена. Сейчас, по его словам, среди крестьян нет настоящего фей-лора, а пятьдесят-шестьдесят лет назад он был. И, по его мнению, "народ фей триста лет назад в Шотландии был отдельной расой. Они никогда не были людьми. Вера в них была выжившим язычеством, а вовсе не пережитком христианской веры в ангельские сонмы".

Свидетельство шотландского министра

Следующим нашим свидетелем будет протестантский священник из Шотландии. Он родом из Россшира, хотя многие свои истории черпает на Западных Гебридах, куда его привело призвание. Поскольку он говорит, лично зная живую веру в фей, какой она была в его детстве и сейчас, а главное, потому что ему выпала редкая привилегия сознательного контакта с миром фей, его свидетельство имеет наивысшую ценность.

Реальность фей: "Когда я был мальчиком, я твердо верил в фей; и теперь, как христианский служитель, я верю в возможность и реальность этих духовных порядков, но я хочу знать только те порядки, которые относятся к царству благодати. Совершенно точно, что они существуют. Я был в состоянии экстаза и видел духовных существ, которые образуют эти порядки"[30].

Я верю в существование злых духов; но люди в Горных горах, отбросив язычество, теперь не видят злых духов".

Было предложено такое объяснение того, как феи могут существовать и при этом быть невидимыми: "Наш Спаситель стал невидимым, хотя и находился в теле; и, как следует из Писания, я полагаю, мы должны признать аналогичную способность невидимости и за духами, как добрыми, так и злыми".

Меры предосторожности против фей: "Я помню, как одна старуха вытащила меня из кольца фей, чтобы спасти от похищения".

Если мать берет немного ветреницы и кладет ее сожженную на концах над колыбелью своего ребенка, феи не имеют над ним власти. Ветреница - это обычный придорожный конвольвул.

В детстве я видел, как две старухи пасли младенца над раскаленными углями, а потом бросили немного гари в чашку с водой и дали выпить младенцу, чтобы излечить его от удара феи".

Бои фей на Хэллоуин: "Сейчас распространено поверье, что на Хэллоуин феи или хозяйки фей устраивают бои. Лишайники на камнях после мороза становятся желтовато-красными, а когда они оттаивают и влага растекается по ним, камни приобретают ярко-красный цвет; и говорят, что этот ярко-красный цвет - кровь фей после одной из их битв.

Феи и горбатая спина. - Следующая история, рассказанная свидетелем, любопытна, поскольку это та же самая история о горбатой спине, которая так широко распространена. Тот факт, что в Шотландии горб убирают или добавляют феи, как и в Ирландии, в Корнуолле - пикси, а в Бретани - *корриганы*, доказывает существенную идентичность этих трех порядков существ. История происходит с одного из отдаленных западных Гебридских островов,

Бенбекулы: "Однажды человек, который был горбатым, встретил танцующих фей и танцевал с их королевой; и он пел с ними "Понедельник, вторник, среда" так хорошо, что они сняли с него горб, и он вернулся домой прямоходящим человеком. Затем мимо того же места проходил портной, и феи тоже пригласили его на танец. Он поймал королеву фей за талию, и она обиделась на его фамильярность. А в пении он добавил к их песне "четверг" и испортил ее. Чтобы отплатить портному за его грубость и дурные манеры, танцоры взяли горб, который они только что сняли с первого человека, и прихлопнули его по спине, а тщеславный парень отправился домой с горбом на спине".

Подношения феям: "Один старейшина в моей церкви знал женщину, которая имела обыкновение, доя своих коров, подносить подношения феям.^[31] Позже эта женщина была обращена ко Христу и отказалась от этой практики, в результате чего одну из ее коров забрали феи. Тогда она возродила эту практику.

Королеву фей, которая следит за коровами, на островах называют *Груагач*, и ее часто можно увидеть. Для возлияний ей и ее феям используются различные камни, обычно с углублениями в них"^[32].

В Льюисе возлияния возносятся богине [или богу] моря, называемой *Шони*,^[33] чтобы принести морские водоросли. До современных времен в Ионе подобные возлияния возносились богу, соответствующему Нептуну".

В Горных горах

Я имел удовольствие и большую привилегию отправиться из Инвернесса ярким хрустящим сентябрьским утром в компании с доктором Александром Кармайклом, известным фольклористом Шотландии, чтобы изучить веру фей в том виде, в каком она существует сейчас в Горных горах вокруг Томатина, небольшой деревушки, расположенной примерно в двадцати милях. Мы выехали ранним поездом и, добравшись до Томатина, начали поиски - доктор Кармайкл искал доказательства редких и любопытных шотландских верований, связанных с народной магией, таких как остановка крови на расстоянии и удаление мотыльков в глазах на расстоянии, а я - призраков и фей Высокогорья.

Наш первый опыт был связан со стариком, которого мы встретили на дороге между железнодорожной станцией и почтой и который говорил только на гэльском языке. Доктор Кармайкл немного поговорил с ним, а затем спросил его о феях, и он сказал, что некоторые из них живут в пещере в некотором отдалении, но поскольку расстояние было слишком велико, мы решили не обращаться к ним. Затем мы отправились к начальнику почты, мистеру Джону Макдугалу, и он рассказал нам, что в его детстве деревенские жители вокруг Томатина свято верили в фей. По его словам, они считали их расой духов, способных становиться видимыми для смертных, живущих в подземельях, *забирающих* прекрасных здоровых младенцев и оставляющих на их месте подменышей. Эти подменыши через короткое время после того, как их оставили, превращались в рабство и умирали. Тогда старики так твердо верили в фей, что высмеивали человека за то, что он не верит. А теперь все стало наоборот^[34].

Свидетельство Джона Данбара из Инверин

Мы разговаривали с другими горцами в окрестностях Томатина и слышали лишь отголоски, в основном обрывочные, того, во что верили их предки, говоря о феях. Но в Инверине мы обнаружили Джона Данбара, горца, который действительно знает веру в фей и не стесняется ее объяснять. Говоря отчасти из собственного опыта, а отчасти из того, что он слышал от своих родителей о "добрых людях", он сказал: "Овцы и охота на фей..."

Овцы и охота на фей - "Я верю, что люди видели фей, но я думаю, что одна из причин, по которой их теперь никто не видит, заключается в том, что все места в этом приходе, где они раньше появлялись, были заняты овцами, оленями, тетеревами и стрельбой". По преданию, Койг-на-Фирн - это место, где видели последнюю фею в этой стране. Считается, что до появления больших овец феи предчувствовали, что их владения будут нарушены.

Рассказывают историю о драке между овцами и феями или о том, как феи охотились на овец: Джеймс Маккуин, который мог общаться с феями, которых он считал призраками или духами, однажды ночью на своем старом месте, которое теперь занято овцами, лежал в одиночестве и слышал маленький и большой лай собак и маленькое и большое блеяние овец, хотя овец там тогда не было. Это была охота на фей, которую он слышал. "Я положил под голову топор и поэтому не испытывал страха", - всегда повторял он, рассказывая эту историю. Я верю, что человек что-то видел и слышал. А Маккуин помогал феям, и поэтому, как он имел привычку говорить, в его сундуке всегда оказывалось больше еды, чем он думал".

Феи: "Моя бабушка твердо верила в фей, и я слышала от нее множество историй о них. Они были маленьким народцем, одетым в зеленое, и жили под землей в сухих местах. Фей часто слышали на холмах вон там (показывает), и я верю, что там что-то было. Они ужасно любили музыку, и их часто можно было услышать играющими на волынке. Женщина не выходила в темноту после родов до крещения ребенка, чтобы не дать феям власти над ней или ребенком. И я слышал, как люди говорили, что если феям отказать в молоке и мясе, то они *возьмут* лошадь или корову; и что если с ними хорошо обращаться, то они отплатят за все подарки".

Время в Сказочной стране: "Люди живут в Сказочной стране по двадцать лет, и это кажется не более чем ночью. Один жених, которого *забрали* в день свадьбы, пробыл в Сказочной стране много поколений и, вернувшись, подумал, что уже наступило утро. Он спросил, где все свадебные гости, и нашел только одну старуху, которая помнила свадьбу".

Легенды горцев о мертвых - как я убедился, во всех кельтских странах, почти всегда, в соответствии с законом психологии, известным как "ассоциация идей", сказочные истории уступают место легендам о мертвых или смешиваются с ними. Это важный фактор для психологической теории. И то, что следует далее, доказывает наличие тех же идей в сознании мистера Данбара: "Некоторых людей после смерти видят в их старых местах обитания; в этом нет никакой ошибки. У одного судебного пристава были фальшивые меры для кукурузы и муки, и после смерти он вернулся к своей дочери и сказал ей, что не может иметь покоя, пока меры не будут сожжены. Она выполнила желание отца, и его дух больше никогда не видели. Мне также известны случаи призрачных похорон людей, которые вскоре после этого умирали, будучи замеченными ночью на дороге".

На Западные Гебриды

Из Инвернесса я начал свое путешествие на Западные Гебриды. Пока я ждал парохода, который должен был доставить меня из Кайла на остров Скай, один старик, с которым я

разговорился в доках, сказал следующее о Нилле Макинтоше с Черного острова: "Вы не сможете поспорить со стариком, что он не видел фей. Он может рассказать вам о них все".

Свидетельства с острова Скай

Мисс Фрэнсис Толми, которая родилась в Уиннише, остров Скай, и прожила много лет на острове в тесном контакте с некоторыми из его старейших жителей, передала из Эдинбурга следующие свидетельства. Первые две сказки были рассказаны в приходе Мингиниш несколько лет назад Мэри Макдональд, пастушкой коз, а их действие происходит в районе горной гряды Кулиан на западной стороне Ская.

Роковой торфяной уголек: "Пожилая кормилица, крепко уснувшая у огня, держала на коленях только что родившегося младенца. Мать, которая лежала в постели и мечтательно смотрела на него, с удивлением увидела, как в жилище вошли три незнакомые маленькие женщины. Они подошли к бессознательному ребенку, и та, что казалась их предводительницей, уже собиралась поднять его с колен кормилицы, как вдруг третья воскликнула: "О, давайте оставим этого с ней, ведь мы уже забрали столько!" "Пусть так, - ответил старший из них недовольным тоном, - но когда торф, который сейчас горит на очаге, будет израсходован, ее жизнь наверняка оборвется". Затем три маленькие фигурки вышли из дома. Добрая жена, узнав в них фей, вскочила с постели, вылила на огонь всю воду, которую смогла найти, и погасила полусгоревший уголек. Она тщательно завернула в кусок ткани и положила на самое дно большого сундука, который впоследствии всегда держала закрытым.

Прошли годы, и малышка выросла в прекрасную молодую женщину. Со временем она была обручена и, по обычаю, не появляясь в церкви в воскресенье, предшествующее дню свадьбы, осталась дома одна. Чтобы развлечься, она принялась перебирать содержимое всех кладовых в доме и в конце концов добралась до сундука, в котором хранился торфяной уголек. В спешке добрая мать забыла в тот день ключ от сундука, который теперь находился в замке. На дне сундука девочка нашла любопытный пакетик, в котором лежал лишь кусочек торфа, и эту бесполезную на первый взгляд вещь она бросила в огонь. Когда торф разгорелся, девушке стало очень плохо, а когда вернулась мать, она уже умирала. Открытый сундук и пылающий торф объяснили причину несчастья. Предсказание феи исполнилось".

Результаты отказа от гостеприимства феи: "Две женщины шли к Пойнту, когда одна из них, услышав, как под холмом взбивают масло, вслух выразила желание получить немного пахты. Не успела она это сказать, как оттуда вышла маленькая фигурка женщины с ковшиком и предложила его ей, но измученная жаждой женщина, не зная обычаев фей и наказания за их нарушение, отказалась от любезного предложения подкрепиться и тут же оказалась пленницей на пригорке. Ее привели в комнату, где стоял сундук с едой и большой мешок шерсти, и фея сказала, что, когда она съест всю еду и спрядет всю шерсть, она сможет вернуться в свой дом. Пленница сразу же принялась усердно есть и прясть, но без видимого результата, и, отчаявшись выполнить задание, обратилась за советом к старику с очень печальным лицом, который долгое время находился в плену на холме. Он охотно дал ей совет: каждое утро, прежде чем приступить к работе, смачивать левый глаз слюной. Она последовала этому совету, и постепенно шерсть и еда были исчерпаны. Тогда фея дала ей свободу, но при этом прокляла старика и сказала, что в ее власти навсегда оставить его в горке".

The Fairies' 'Waulking' (Fulling). - "В Эбосте, в Бракадейле, старая женщина жила в маленькой хижине, не имея ни одного компаньона, кроме мудрого кота. Когда мы разговорились, она

выразила удивление, что в наше время фей не видно и не слышно. Она вспомнила, как ее отец рассказывал, что, когда он был мальчишкой, то слышал, как феи пели песню "ваулинг" в Дан-Осдейле, древней разрушенной круглой башне в приходе Дуириниш, недалеко от Хелевал мхор (большой) и Хелевал бхеаг (меньший) - двух холмов, которые иногда называют "столами Маклеода". Юноша лежал на заросшей травой вершине развалин и отчетливо слышал их. Словно ликуя, один голос взял куплет, а затем вся компания присоединилась к следующему припеву: "*Ho! fir-e! fair-e, foirm! Xo! Fair-eag-an an clò!*" (Молодец! Великий! Браво паутине [домотканой]!).

Crodh Chailean. - Эту историю рассказал мистер Нил Маклеод, бард из Ская: "Колин был джентльменом из клана Кэмпбелл в Пертшире и был женат на прекрасной девушке, которую феи унесли в день ее свадьбы и наложили на нее заклятие, сделавшее ее невидимой на день и год. Она регулярно приходила каждый день доить коров своего скорбящего мужа и сладко пела им во время дойки, но он ни разу не имел удовольствия увидеть ее, хотя прекрасно слышал, что она поет. По истечении года она, к его великой радости, вернулась к нему"[36].

Сказочная легенда о семье Маклеодов: Вскоре после рождения наследника Маклеодов в замке появилась прекрасная женщина в чудесном одеянии, которая была феей или баньши (были как радостные, так и траурные баньши), и направилась прямо к колыбели младенца. Она взяла младенца на руки и пропела над ним ряд стихов, причем у каждого стиха была своя мелодия. Стихи предсказывали будущую мужественность младенца и действовали как защитный талисман на всю его жизнь. Затем она положила младенца обратно в колыбель и, выйдя на улицу, исчезла в болотистой местности.

На протяжении многих поколений в семье Маклеодов существовал обычай, согласно которому та, кто станет кормилицей наследника, должна была петь эти стихи так, как их пела женщина-фея. Через некоторое время песня была забыта, но в более поздний период ее частично восстановили, и сегодня она является одним из гордых фольклорных наследий семьи Маклеод"[37].

Происхождение и природа веры в фей. - Наконец, что касается происхождения и природы шотландской веры в фей, мисс Толми утверждает: - В детстве мне не разрешали слышать о феях. В двадцать лет я искала и пыталась понять верования своих отцов в свете современных идей. Я была полна решимости не потерять прошлое".

Сказки зародились в культурном классе в очень древние времена. Крестьяне унаследовали его; они не изобретали его. С утратой гэльского языка в наше время произошла утрата народных идеалов. Классическое и английское влияние вместе взятые оказали убивающее воздействие, так что инстинктивное религиозное чувство, которое было у наших людей, когда они хранили сказочные предания, умерло. На его место пришли интеллектуально выстроенные вероучения и доктрины.

Мы всегда думали о феях как о таинственных маленьких существах, живущих в холмах. Они были капризными и раздражительными, но не злыми. Они могли совершить как хороший, так и плохой поступок. Они не были воздушными, но у них были тела, которые они могли делать невидимыми; точно так же они могли делать невидимыми и человеческие тела. Кроме их полых холмов и курганов, похоже, существовал подземный мир, в котором они тоже жили, и где все было так же, как в этом мире".

Остров Барра,[38] Западные Гебриды

От прекрасного острова Кухулайнна мы переходим к самой кельтской части Шотландии - Западным Гебридам, где еще сохранилась древняя жизнь и где люди не просто верят в духов и фей. И ни один из Западных Гебридских островов, за исключением, пожалуй, крошечного острова Эрисгей, не изменился за последние пятьсот лет так сильно, как Барра.

Нашему гиду и переводчику, Майклу Бьюкенену, уроженцу и пожизненному жителю Барры, семьдесят лет, но он так же крепок и активен, как городской житель в пятьдесят. Он близко знаком с каждым стариком на острове, а поскольку он умел выведать у них о "добрых людях" так, как не смог бы сделать ни один посторонний, я был вполне готов, а также вынужден из-за шотландского гэльского языка позволить ему действовать от моего имени во всех моих сборах на Барре. Мистер Бьюкенен - автор небольшой книги под названием *"Генеалогия Макнейлов с Барры"*, опубликованной в 1902 году. Он был официальным переводчиком в Комиссии по расследованию, назначенной британским парламентом в 1883 году для изучения притеснений со стороны лендлордов в Хайлендсе и на островах, и выступал в том же качестве в Комиссии по делам крофтеров и Комиссии по оленьим лесам. Поэтому мы чувствуем себя в полной безопасности, позволяя ему представить присяжным, рассматривающим дело "Фейри-Фейт", показания свидетелей из Барры, говорящих на гэльском языке.

Показания Джона Макнейла

Первого из свидетелей из Барры мы встретили на вершине скалистого холма, где проходит дорога из Каслбея. Он нес на спине мешок с песком, достаточно тяжелый для спортсмена из колледжа, и был пожилым человеком в возрасте от семидесяти до восьмидесяти лет. Майкл Бьюкенен знал Джона Макнила всю свою жизнь, ведь они вместе были мальчишками на острове; да и по возрасту между ними нет особой разницы, наш переводчик моложе. Затем мы втроем уселись на травянистом холме, который всем своим видом напоминал сказочный, хотя таковым не являлся; и когда трубки были зажжены и погода обсуждена, была затронута тема "добрых людей" - все на гэльском, поскольку наш свидетель, который сейчас будет давать показания, не знает английского, и то, что сказал Джон Макнейл, Майкл Бьюкенен истолковал так:...

Да, слышал" (в ответ на вопрос, слышал ли он о том, что людей *забирали* "добрые люди" или феи). Одна женщина-фея посетила дом молодой жены здесь, в Барре, а у молодой жены в это время на груди был ребенок. Первые слова, которые произнесла фея, были: "Тяжел твой ребенок", а жена ответила: "Легки все, кто живет дольше всех". "Если бы ты не ответила на мой вопрос, - сказала женщина-фея, - и не поняла моего смысла, ты бы стала меньше своего ребенка". И тогда женщина-фея ушла".

Моя мать и еще две женщины, хорошо известные здесь, в Барре, однажды отправились на холм присмотреть за овцами, и из-за густого тумана им пришлось немного отдохнуть. Затем они сели на холм и начали петь песню *ходов* (работающих с тканью) следующего содержания: "Сегодня рано я встала"; и когда они пели, женщина-фея в скалах ответила на их песню своей собственной".

Природа фей. - Затем был задан вопрос, кто такие феи - люди или духи, и вот какой ответ: "Я никогда не видел их сам и не могу сказать, но они должны быть духами, судя по тому, что рассказывают о них старые люди, иначе как бы они могли появляться и исчезать так внезапно? Старики сказали, что не знают, были ли феи из плоти и крови или духами. Они видели в них людей более маленького роста, чем наша раса. Я слышал, как отец

рассказывал, что феи приходили и разговаривали с естественными людьми, а потом исчезали, пока человек смотрел на них. Женщины-феи заходили в дома и разговаривали, а потом исчезали. По общему мнению, феи были духами, которые могли по своему желанию становиться видимыми или невидимыми. А когда они *забирали* людей, то *забирали* тело и душу вместе".

Свидетельство Джона Кэмпбелла, девяносто четыре года

Наш следующий свидетель с Барры - Джон Кэмпбелл, которому девяносто четыре года, но он в ясном уме. Он родился на Барре в Сгалари, а сейчас живет неподалеку, в Брейвейге. Мы как раз собирались зайти к нему домой, когда встретили его, идущего по дороге, с тростью в каждой руке и небольшим мешком, висящим на одной из них. Майкл поприветствовал его как старого знакомого, а затем мы все уселись на большой валун под теплыми лучами солнца у дороги, чтобы поговорить. Первым делом Джон попросил табаку, а когда его угостили, мы постепенно перешли от одной темы к другой, пока он не заговорил о феях. И вот что он о них рассказал:...

У меня был товарищ по имени Джеймс Гэлбрейт, который утонул около сорока лет назад, и однажды он переправлялся с западной стороны острова на восточную, в поселок под названием Сгалари, и, почувствовав жажду, решил попить из родникового колодца на склоне горы. Напившись, он оглянулся и увидел женщину, одетую в зеленое, и подумал, что ни одна женщина, кроме феи, не может быть одета в такой цвет. Он пошел дальше, а когда отошел недалеко, оглянулся и увидел, что женщина исчезла из его поля зрения. После этого он рассказал о случившемся в доме своего отца в Сгалари, и отец сказал, что тоже видел женщину в зеленой одежде в том же месте несколько ночей назад".

Пасынок, которого жалеют феи: "Я слышал, как мой отец рассказывал, что сосед его отца, то есть моего деда, был женат дважды и имел троих детей от первого брака, а когда женился во второй раз, то сына и дочь. Его вторая жена, похоже, не была достаточно добра к детям первой жены, пренебрегала их едой и одеждой и постоянно заставляла их тяжело работать в поле и пасти скот.

Однажды утром, когда этот человек и его вторая жена возвращались с мессы, они проходили мимо пастбища, где паслись их коровы, и услышали приятные звуки волынки. Отец сказал: "Что это может быть?" - и, сойдя с дороги, обнаружил старшего сына первой жены, играющего на волынке в свое удовольствие, и серьезно спросил его: "Как ты так неожиданно научился играть на волынке, или где ты взял эту великолепную пару волынок?" Мальчик ответил: "Ко мне подошел старик, когда я жарил горшки на костре, и сказал: "Твоя мачеха плохо к тебе относится и недоброжелательна к тебе". Я ответил старику, что мне кажется, что так оно и есть, и тогда он сказал мне: "Если я дам тебе ремесло, ты будешь склонен следовать ему? Я ответил "да", и тогда старик продолжил: "Как ты смотришь на то, чтобы стать волынщиком по профессии?" "Я бы с радостью стал волынщиком, - сказал я, - но что мне делать без волынки и мелодий для игры?" "Я предоставлю волынку, - сказал он, - и пока у тебя есть, ты никогда не будешь нуждаться в самых восхитительных мелодиях". Все потомки мальчика, о котором идет речь, были впоследствии знаменитыми волынщиками, а последний из них был волынщиком у покойного Клуни Макферсона из Клуни".

Природа фей. - В этот момент Майкл переключил внимание Джона на природу фей, что привело к следующему результату: - По общему мнению людей, живших здесь при жизни моего отца, феи были скорее духами, чем людьми из плоти и крови, но невооруженным

глазом они выглядели так, что в их формах нельзя было заметить никаких отличий от человеческих, разве что они были более миниатюрными. Я слышал, как мой отец рассказывал, что женщины-феи забирали детей из колыбели и оставляли на их месте других детей, а те, что оставались, превращались в стариков.

В Барра-Хед почти каждую ночь к окну одного мужчины подходила женщина-фея, словно проверяя, дома ли семья. Мужчина начал подозревать и решил, что женщина-фея присматривает за возможностью украсть его жену, и предложил свой план. В те времена и по сей день было принято после обшивки дома обвязывать его веревками из вереска, и в то время мужчина был занят прядением веревок; он сказал своей жене, чтобы она заняла его место в ту ночь, чтобы прясть веревки, и сказал, что возьмет ее прялку. Они расположились таким образом, когда женщина-фея, как обычно, заглянула в окно, и, увидев, что ее намерение понято, сказала мужчине: "Ты сам за прялкой, а твоя жена прядет вереск".

Я слышал, что феи живут в холмах, расположенных на более высоком уровне, чем земля в целом, и что песни фей доносятся с лиц высоких скал. Воздушные феи (феи или духи-хозяева) отличаются от тех, что живут в скалах. Один человек, которого я видел, Родерик Макнейл, был поднят хозяевами и оставлен в трех милях от того места, где его подняли. Хозяева ушли около полуночи. Человек, проснувшийся в полночь, находится в опасности. Коров и лошадей иногда расстреливают вместо людей" (и почему, объяснят более поздние свидетели).

Мнения отца Макдональда. - Мы спросили о покойном преподобном Дональде Макдональде, который имел репутацию человека, знающего все о феях и духах, когда жил на этих островах, и Джон сказал: - Я слышал, как моя жена рассказывала, что она спрашивала отца Макдональда, который был тогда приходским священником здесь, в Барре, и у которого она была экономкой, возможно ли, чтобы такие существа или духи, как феи, существовали. Он ответил: "Да", и что это те, кто покинул Небеса вслед за падшими ангелами; и что те, кто вышел вслед за падшими ангелами, были так многочисленны и продолжали существовать так долго, что Святой Михаил уведомил Христа, что трон быстро пустеет, и когда Христос увидел положение дел, он приказал немедленно закрыть двери Небес, сказав при этом: "Кто вышел, тот вышел, а кто вошел, тот вошел". И сейчас феи так же многочисленны, как и до начала мира". (Ср. с. [47](#), [53](#), [67](#), [76](#), [85](#), [109](#), [113](#), [116](#), [129](#), [154](#), [205](#), [212](#)).

Здесь мы оставили Джона, и он, продолжая идти по горной дороге в противоположном от нас направлении и за поворотом, исчез почти так же, как могла бы исчезнуть фея.

Свидетельство пожилого пайпера

Теперь мы представляем в качестве свидетеля Дональда Маккиннона, девяносто шести лет от роду, волынщика по профессии; он не только самый старый человек на Барре, но и самый старый среди всех наших свидетелей. Он родился на острове Саут-Уист, одном из Западных Гебридских островов к северу от Барры, и приехал на Барру в 1836 году, где и живет с тех пор. Несмотря на то, что ему было на четыре года меньше ста лет, он встретил нас очень радушно, и так как он не хотел, чтобы мы сидели в доме, потому что его труба плохо тянула и наполняла соломенный домик торфяным дымом, мы сели снаружи на траву и начали разговаривать; и когда мы дошли до фей, он сказал вот что: - "Природа фей.

Я верю, что феи существуют как племя духов и появляются перед нами в виде мужчин и женщин. Люди, видевшие фей, могут описать их так: они появлялись в зеленой одежде. Несомненно, феи есть и в других странах, и здесь".

В моем опыте всегда существовала большая разница между феями и хозяевами. Предполагалось, что феи живут без материальной пищи, в то время как хозяева живут за счет своей добычи. Как правило, хозяева были злыми, а феи - добрыми, хотя я слышал, что феи *обычно забирали* скот и оставляли стариков, завернутых в шкуры. Однажды ночью одна старая ведьма сказала феям, живущим снаружи: "Сегодня мы ничего не получим". Старики, которых оставляли в шкурах *уведенных* животных, обычно исчезали очень внезапно. Я видел двух мужчин, которых обычно поднимали хозяева. Их везли из Южного Уиста на юг, до Барра-Хед, и на север, до Харриса. Иногда, когда хозяева приказывали этим людям убивать людей на дороге, они убивали вместо них либо лошадь, либо корову, потому что таким образом, если убивали животное, предписание хозяев выполнялось". Чтобы проиллюстрировать идею фей, Дональд повторил легенду, рассказанную нашим бывшим свидетелем Джоном Кэмпбеллом, об опустошении Небес и закрытии дверей, чтобы не впустить остатки населения. Затем он рассказал следующую историю о феях

Я слышал об ученике плотника, который вместе со своим мастером строил лодку на небольшом расстоянии от своего дома и недалеко от моря. Однажды утром он отправился на работу и забыл один инструмент, который был ему нужен при строительстве лодки. Он вернулся за ним в плотницкий сарай и обнаружил, что сарай заполнен сказочными мужчинами и женщинами. Увидев его, они разбежались, так сильно смутившись, что одна из женщин забыла свой пояс, и он подобрал его. Через некоторое время она вернулась за поясом и попросила его отдать ей его, но он отказался это сделать. Тогда она пообещала ему, что он станет мастером своего дела, где бы ему ни выпал жребий, без дополнительного ученичества. На этом условии он отдал ей кушак и, встав рано утром, отправился на верфь, где строилась лодка, и положил две доски так идеально, что когда мастер пришел и увидел их, он сказал ему: "Ты знаешь, что кто-то был на верфи прошлой ночью, потому что я вижу по проделанной работе, что я скорее буду подмастерьем, чем тот, кто положил эти две доски, кто бы он ни был. Это вы сделали?" Ответ был утвердительным, и подмастерье рассказал своему мастеру об обстоятельствах, при которых он быстро стал мастером своего дела".

Через горы

Уже близился закат, а впереди нас ждал долгий подъем в горы и еще один визит вечером, прежде чем мы начнем возвращаться в Каслбэй, и поэтому после этого рассказа мы сердечно попрощались с Дональдом, с сожалением покидая его. Когда мы достигли склона горы, перед нами открылась одна из самых редких достопримечательностей Барры. На севере и юге в золотистом сиянии сентябрьских сумерек мы увидели длинную линию Внешних Гебридских островов, похожую на скалистый хребет какого-то затопленного континента. Пейзажи и цвета на суше, в океане и в небе казались скорее волшебным видением, отраженным "добрыми людьми" из Фаэри для нашего удовольствия, чем чем-то из нашего мира. Никогда не было ни воздуха чище, ни моря спокойнее, ни воздуха слаще, чем тот, что в таинственной горной тишине благоухал миллионами крошечных цветков пурпурного и белого вереска; и когда последние медоносные пчелы покидали прекрасные цветы, их гудение доносилось до наших ушей как низкая, странная музыка из Сказочной страны.

Мэриан Маклин из Барры и ее показания

Наш следующий свидетель - прямой потомок древних Макнейлов из Барры. Теперь ее зовут Мэриан Маклин, и живет она в горном центре Барры, в Верхнем Борве. Она на много лет моложе тех, кто давал показания, и является одной из самых трудолюбивых женщин на острове. Когда мы вошли в ее коттедж, было уже темно и время обеда миновало, поэтому, когда мы уселись перед пылающим торфяным костром, она сразу же предложила нам горячее молоко и печенье, которое мы с радостью приняли. И, пока мы ели, мы говорили сначала о нашем трудном подъеме в темноте через горы и густые заросли вереска, а потом о большом камне, в котором есть отверстие для ключа, потому что в нем находится тайный вход в сказочный дворец. Мы осмотрели его в сумерках, когда проходили через горный проход, который он охраняет, и мой проводник Майкл заверил меня, что не один островитянин, переправлявшийся в тот час, когда мы были здесь, видел возле него фей. Мы ждали перед большим камнем в надежде, что одна из них появится к нашему счастью, но, несмотря на нашу твердую уверенность в том, что феи здесь есть, ни одна не вышла. Возможно, они появились, а мы их не заметили; кто знает?

Феи и хозяйка фей ("Sluagh"). [39]- О да, - сказала Мэриан, услышав наш с Майклом разговор за горячим молоком, - там есть феи, ведь мне говорили, что Перевал - известное место обитания фей. Тогда я спросила через Майкла: "Можете ли вы рассказать нам что-нибудь о том, что это за феи? И с тех пор, за исключением нескольких естественных перерывов в разговоре, мы слушали, а Мэриан говорила и рассказывала следующие истории:...

Обычно фей можно увидеть после захода солнца или около него, и они ходят по земле, как и мы, в то время как хозяйка путешествуют по воздуху над местами, населенными людьми. Хозяйка обычно отправляются в путь после наступления ночи, а особенно около полуночи. В хорошую погоду можно было услышать, как они летят против ветра, словно стая птиц. А в Южном Уисте у них была привычка поднимать мужчин, потому что хозяйкам нужны люди, чтобы помогать стрелять из лука копьями в женщин, которые доят коров, или в тех, кто работает ночью в доме, над которым они проходят. И я слышал, как хорошие разумные люди, которых взяли хозяйка, стреляли в лошадь или корову вместо того, в кого приказали стрелять.

Жил один человек, у которого была только одна корова и одна дочь. Дочь доила корову ночью, когда проходили хозяйка, а тот человек, которого хозяйка подняли с собой, был соседом ее отца. Хозяйка приказали этому соседу застрелить дочь, когда она будет доиться, но, зная отца и дочь, он застрелил корову. На следующее утро он пришел к отцу и сказал ему: "У тебя пропала корова". "Да", - ответил отец, - "да". И тот, кто застрелил корову, сказал: "Разве ты не рад, что *пропала* твоя корова, а не твоя дочь? Ведь мне было приказано застрелить твою дочь, а я застрелил твою корову, чтобы на моей стреле была кровь". "Я очень рад твоему поступку, если это так", - ответил отец. "Так и было", - сказал сосед.

Мой отец и дед знали человека, которого хозяйка перенесли из Южного Уиста в Барру. Я понимаю, когда хозяйка забирают земных людей, им нужен другой человек в помощь. Но хозяйка должны быть духами. Я считаю, что они являются как духами умерших, так и другими духами, не умершими. Хозяйка забрали ребенка, вернули его через одну ночь и один день и нашли в задней части дома с ладонями в отверстиях в стене, и в его теле не было жизни. Она была мертва духом. Считается, что, когда хозяйка сбрасывают людей с большой высоты, они погибают от падения. Что касается фей, то я придерживаюсь мнения, что это духи, которые появляются в облике людей".

Теперь был задан вопрос, похожи ли феи на мертвецов, и Мэриан заколебалась с ответом. Она считала, что они похожи на мертвых, но не стоит отождествлять их с ними. Идея падших ангелов относительно фей была препятствием, которое она не могла преодолеть, ибо сказала: "Когда падшие ангелы были изгнаны с небес, Бог повелел им так: "Вы пойдете и устроите свои жилища в расщелинах, под землей, в курганах, в земле или в скалах". И согласно этому повелению они были осуждены обитать в названных местах в течение определенного времени, и по его истечении, перед концом света, их можно будет увидеть столь же многочисленными, как и прежде".

Теперь мы услышали две хорошие истории: первая - о женщинах-феях, прядущих для смертного, вторая - о чудесном меняющемся, который был волшебным музыкантом:...

Я слышал, как мой отец, Александр Макнейл, который был хорошо знаком с мистером [Александром] Кармайклом и мистером Дж. Ф. Кэмпбеллом с острова Айла, рассказывал, что его отец знал одну женщину в окрестностях, которая торопилась, чтобы ее запасы шерсти были спрядены и сделаны в ткань, и однажды ночью эта женщина втайне пожелала, чтобы ей помогли несколько женщин. И вот на следующее утро в ее доме появились шесть или семь фей в длинных зеленых одеждах, все они одинаково напевали: "Карту шерсти и прялку". И когда им принесли инструменты, которые они так хотели получить, они все принялись за работу, и к полудню того же утра ткань прошла через ручной ткацкий станок. Но они не удовлетворились тем, что закончили работу, которую поставила перед ними женщина, а попросили нового занятия. Женщина больше не прядла и не ткала, и стала думать, как ей вывести женщин из дома. Тогда она пошла к соседу и рассказала ему о своем положении по отношению к феям. Старик спросил, о чем они говорят. "Они очень просят дать им какую-нибудь работу, а мне больше нечего им дать", - ответила женщина. "Пойди-ка ты в дом, - сказал он ей, - и скажи, чтобы они пряли песок, а если и тогда они не отойдут от твоего дома, выйди снова и крикни в дверь, что Дун Борве в огне!" Первый план не возымел действия, но сразу же, услышав крик "Дун Борве в огне!", феи незаметно исчезли. И когда они уходили, женщина услышала меланхолический вой: "Дун Борве в огне! Дун Борве в огне! А что будет с нашими молотами и наковальней?" - ведь в жилище фей была кузница.

The Tailor and the Changeling. - "В городке Алласдейл жила молодая жена молодого человека, и у них только что родился первенец. Однажды мать оставила ребенка в колыбели, чтобы выйти и заняться стрижкой овец, а когда вернулась, ребенок плакал самым необычным образом. Она кормила его, как обычно, кашей и молоком, но он был недоволен тем, что казалось ей достаточным для любого его возраста, и все же от нее ускользнули все подозрения. Случилось так, что в это время в доме лежала паутина домотканого полотна, ожидая портного. Портной пришел и принялся за работу. Когда женщина уходила на обычную стрижку, она предупредила портного, если он услышит постоянный плач ребенка, чтобы тот не обращал на него внимания, добавив, что займется им, когда вернется домой, так как боится, что ребенок задержит его в работе.

Все шло хорошо примерно до полудня, когда портной заметил, что ребенок приподнялся на локте, протянул руку к своеобразной полке над колыбелью и взял оттуда желтую дудочку [волынку]. Затем ребенок начал играть. Сразу же после того, как ребенок начал играть на дудочке, дом наполнился молодыми женщинами-феями в длинных зеленых одеждах, которые начали танцевать, и портному пришлось танцевать вместе с ними. Около двух часов того же дня женщины исчезли неизвестно куда, а дудочка пропала из рук ребенка также неизвестно куда, и ребенок лежал в колыбели и плакал, как обычно.

Жена вернулась домой, чтобы приготовить обед, и заметила, что портной не так далеко продвинулся в своей работе, как должен был бы за это время. Однако, когда феи исчезли, ребенок велел портному никогда не рассказывать о том, что он видел. Портной пообещал быть верным детским предписаниям и поэтому ничего не сказал матери.

На второй день жена, как обычно, ушла по своим делам и сказала портному, чтобы он был более внимателен к своей работе, чем накануне. Во второй раз в тот же час дня ребенок в колыбели, похожий скорее на старика, чем на ребенка, взял дудочку и начал играть. Те же феи снова заполнили дом и повторили свой танец, и портному пришлось присоединиться к ним.

Естественно, на второй день портной так же отставал от работы, как и в первый, и это было очень заметно для хозяйки дома, когда она вернулась. Тогда она попросила его рассказать ей, в чем дело. Тогда он сказал ей: "Я настоятельно прошу тебя, ложась спать, не ласкать этого ребенка, потому что он не твой ребенок и не ребенок: он старый сказочный человек. А завтра, во время отлива, спустись на берег, заверни его в свой плед, положи на камень и начни собирать ту рыбу-ракушку, которая называется лимпет, и ради своей жизни не покидай берега до тех пор, пока прилив не станет таким сильным, что ты едва ли сможешь дойти вброд до главного берега". Женщина последовала совету портного, и когда она перешла вброд главный берег и стояла там, глядя на ребенка на скале, тот обратился к ней с мольбой: "Тебе было очень нужно сделать то, что ты сделала. Иначе ты увидела бы другой конец своей очереди; но да будет благословение тебе и проклятие твоему советчику". Когда жена вернулась домой, ее собственный ребенок лежал в колыбели.

Свидетельство Мердока Маклина

Муж Мэриан Маклин вошел в зал, когда рассказывались последние истории, а когда они закончились, дух вошел в него, и, желая дать свои показания, он начал:...

Моя бабушка, Кэтрин Макиннис, рассказывала, что один знакомый ей мужчина по имени Лахланн был влюблен в женщину-фею. Фея-женщина стала видеть Лахланна каждую ночь, и он, измучившись с ней, начал ее бояться. В конце концов все стало настолько плохо, что он решил отправиться в Америку, чтобы спастись от женщины-феи. Как только план был составлен, и он собрался эмигрировать, женщины, которые доили на закате луга, услышали, как женщина-фея очень громко поет эту песню:...

Что будет делать кареглазая женщина
Когда Лахланн будет на волнах?

Лахланн эмигрировал на Кейп-Бретон, высадившись в Новой Шотландии; в своем первом письме домой друзьям он сообщил, что та же самая женщина-фея преследует его там, в Америке"[40].

Похищение жениха: "Я слышал от старых людей, что одна пара, недавно поженившаяся, направлялась в дом отца невесты, и по какой-то неизвестной причине жених отстал от процессии и, увидев на дороге открытое жилище фей, был унесен в него. Никто так и не смог найти ни малейшего следа того, куда он делся, и вся надежда увидеть его снова была потеряна. Мужчина оставался с феями так долго, что, когда он вернулся, за это время исчезло два поколения. Поселок, в котором находился дом его невесты, обезлюдел и лежал в руинах уже более двадцати лет, но для него это время показалось всего лишь несколькими часами, и он был таким же свежим и молодым, как и тогда, когда отправился в жилище фей".

Природа фей. - До этого Мердок слышал, как мы обсуждали природу и силу фей, и в конце этого рассказа он, не спрашивая нас, высказал свое мнение: - Это (только что рассказанная им история) наводит меня на мысль, что дух и тело [смертного] каким-то мистическим образом соединены чарами фей, ибо феи обладали могучей силой очаровывать естественных людей и могли каким-то образом трансформировать физическое тело. Не исключено, что феи - это духи. Согласно моим представлениям и убеждениям, они не могут быть никем иным, как духами. Однако я твердо убежден, что это не духи умерших людей, а падшие ангелы".

Тогда его жене Мэриан захотелось добавить еще одну историю, и она сразу же, как только смогла, начала:-

Да, я слышала следующий случай, произошедший здесь, на острове Барра, около ста лет назад: молодая женщина, внезапно заболев, послала гонца в спешке к врачу за лекарством. Когда он возвращался, день был жаркий, а идти предстояло пять миль, он присел у подножия холма и заснул; его разбудила песня на следующий мотив: "Хо, хо, хо, хо, хи, хо, хо. Не пристало гонцу с важным посланием спать на земле под открытым небом".

С этими словами, поскольку час был поздний и темный, а мы находились в нескольких милях от Каслбэя, мы распрощались с нашими добрыми друзьями и стали искать дорогу из маленькой горной долины, где Мердок и Мэриан стерегут своих коров и овец. И всю дорогу до отеля мы с Майклом обсуждали природу фей. Незадолго до полуночи мы увидели через покрытые вереском холмы приветственные огни Каслбэя и вошли в гостиницу, чтобы поговорить. Там нас ждал пылающий костер и что-нибудь поесть. Перед тем как окончательно распрощаться с моим другом и проводником, я попросил его изложить мне свое личное мнение о феях, о том, что они собой представляют и как представляются людям, и он с радостью выполнил мою просьбу. Вот что он сказал о знаменитом фолк-лористе, покойном мистере Дж. Ф. Кэмпбелле, с которым он часто работал в Барре, и о себе самом:...

Показания Майкла Бьюкенена о феях

Я был с покойным мистером Дж. Ф. Кэмпбеллом во время его первого и второго путешествия по острову Барра в поисках легендарных преданий, строго связанных с феями, и я знаю из ежедневных бесед с ним о феях, что он считал их духами, которые невооруженным глазом видны как любое из нынешних или прежних поколений мужчин и женщин, за исключением того, что они были меньше ростом. И я знаю также, что он, считая их духами, полагал, что они могут появляться или исчезать по своему желанию. Я же твердо убежден, что феи были или есть только духи, которые виделись или видятся в виде человеческих существ, но меньшего роста. Я также твердо верю в существование фей как таковых и принимаю современные и древние традиции, касающиеся путей и обычаев различных племен фей, о которых нам рассказывали Джон Макиннон, старый волынщик, и Джон Кэмпбелл, и Маклины. Поэтому я без колебаний соглашаюсь с мнением покойного мистера Дж. Ф. Кэмпбелла относительно фей".

Причитания чтецов и их история

Следующий материал, такой истинно кельтский по цвету слов и глубокой ноте печали и скорби, доминирующей в нем, может очень уместно завершить наше исследование веры в фей Шотландии, дав нам некоторое представление о сознании шотландских крестьян двух

поколений назад и о преобладающей в то время счастливой социальной среде, в которой процветала их вера в фей. Для нашего специального использования доктор Александр Кармайл перевел ее с оригинального гэльского языка, поскольку он записал ее в различных версиях на Западных Гебридах. Одна версия была пересказана Энн Макнейл из Барры в 1865 году, другая - Ангусом Маклеодом из Харриса в 1877 году. Что касается веры в фей, то стоит отметить антиклерикальную предвзятость чтецов как любопытное явление: - "Это то, что я слышала, когда была в гостях у фей.

"Это то, что я слышал, когда был маленьким волосатым мальчиком на коленях моей матери. Моя мать была полна историй и песен с музыкой и песнопениями. Мои два уха никогда не слышали более приятных для меня музыкальных звуков, чем пение моей матери. Если между детьми случались ссоры, а они случались и будут случаться, моя любимая мама тут же устраивала нам танцы. Она сама или одна из других женщин-крафтеров в деревне пела нам музыку. Мы танцевали до семикратной усталости. Пот лился с нас ручьем, прежде чем мы останавливались - волосатые маленькие девчонки и низкорослые парни. Они разбросаны сегодня, разбросаны сегодня по всему миру! Люди тех времен были полны музыки, танцев, историй и традиций. Духовные лица уничтожили их. Да постигнет их беда! А что клерикалы поставили на их место? Верования о вероучениях, и споры о деноминациях и церквях! Да будет их удел - опоздание! Это они поставили крест на головы и путы на ноги людей. Сегодняшний народ Гельдома близок к гибели из-за отсутствия знаменитых подвигов своих отцов. Черные церковники подавили все благородные обычаи гаэлдомцев - драгоценные обычаи, которые никогда не вернуться, никогда больше не вернуться". (Далее следует то, что Читатели услышали на коленях своей матери)

Я никогда не видела ни фею-мужчину, ни фею-женщину, но моя мать видела их отряд. Однажды она сама и другие девицы из деревни вышли на летний выпас. Они доили коров в вечернем сумраке, когда заметили на зеленой равнине перед холмом стаю фей. И, о король, право на танец имели сами феи, а не дети людей! Их головы покрывали колокольчики из голубого шелка, тела - одежды из зеленого атласа, а ноги - сандалии из желтой мембраны. Их тяжелые каштановые волосы струились по поясу, и блеск их был подобен яркому золотому солнцу лета. Кожа их была бела, как у лебедя на волне, голос - мелодичен, как у лесной мавки, сами они были прекрасны и стройны, как картина, а шаг их был легкий и величав, а ум - спортивен, как у маленького рыжего зайчонка на холме. Дамы, дети *Шейлинга*, никогда не видели ничего, кроме них, никогда не видели ничего, кроме них, никогда не видели ничего столь прекрасного.

На феях холма нет ни малейшей волны процветания, нет, ни малейшей. Не растут и не увеличиваются, не умирают и не увядают феи. Несчастные семена! Они ушли из Рая вместе с Единым из Великой Гордыни. Когда Отец повелел закрыть двери вниз и вверх, промежуточным феям ничего не оставалось, как прыгнуть в норы земли, где они есть и где они будут".

Вот что я услышал, преклонив колено перед моей возлюбленной матерью. Да пребудет с ней благословение во веки веков!

IV. НА ОСТРОВЕ ЛЮДЕЙ

Вступление Софии Моррисон, почетного секретаря Общества языка манксов.

Иерархия сказочных существ Манксов населяет холмы и поляны, пещеры и реки, курганы и дороги, и имя им - легион. Кажется, на острове нет ни одного места, где бы не было своей легенды о феях. По словам сэра Вальтера Скотта, "остров Мэн, как никакое другое место в Британии, был своеобразным хранилищем преданий о феях, которые, когда остров был завоеван норвежцами, по всей вероятности, перешли к скандинавским, из источника более своеобразного и более прямого, чем тот, через который они попали в Шотландию и Ирландию".

Хороший мэнксмен, однако, не говорит о феях - слово *ferish*, искаженное английское, не существовало на острове сто пятьдесят лет назад. Он говорит о "маленьком народе" (*Mooinjer veggey*), или, в более привычном понимании, о "них самих", и о "маленьких мальчиках" (*Guillyn veggey*), или "маленьких парнях". В отличие от смертных, он называет их "людьми Среднего мира", поскольку считается, что они живут в своем собственном мире, не будучи ни достаточно хорошими для рая, ни достаточно плохими для ада.

В настоящее время почти все пожилые крестьяне Мэнкс придерживаются этой веры в фей довольно твердо, но с некоторым страхом перед ними; и, насколько мне известно, две старушки из лучшего класса все еще оставляют пирожки и воду для фей каждую ночь. Следующую историю, иллюстрирующую это поверье, рассказал мне Билл Кларк: - "Однажды, когда я ловил рыбу с берега, я был на рыбалке.

Однажды, когда я рыбачил с уступа скал, вдающихся в море в Лаг-ни-Кейли, на землю начал надвигаться густой серый туман, и я подумал, что мне лучше отправиться домой, пока тропинка над скалами видна. Собирая свои вещи, я услышал звук, похожий на звук детей, выходящих из школы. Я поднял голову - и увидел, что по обе стороны скалы стоит целая флотилия сказочных лодок. Их верховые фонари сияли, как маленькие звездочки, и я услышал, как одна из *фей* крикнула: "*Hraaghyn boght as earish broigh, skeddan dy liooar es yn mooinjer seihll shoh, cha nel veg ain*" (Бедные времена и грязная погода, и селедки достаточно у людей этого мира, ничего у нас). Потом они бросили все и отправились на агат флиттеров".

Вилли-фея, как его называют, который живет в Ренассе, говорит, что часто слышит, как феи поют и играют по ночам в Глене. Я слышал, как он пел песни, которым, по его словам, он научился у *Маленького народца*^[41].

Кроме того, существует поверье, что в Киилл-Моирри (церкви Марии), расположенной неподалеку от Глен-Мея, иногда видят маленькую старушку в красном плаще, которая идет через гору к *киллу*, звоня в колокольчик, как раз в тот час, когда начинается церковная служба. Киилл Мойрри - одна из ранних кельтских келий, вероятно, шестого века, от которой не осталось ничего, кроме фундамента.

А следующая молитва, дошедшая до наших дней, очень интересна. По сути, она свидетельствует о чистом язычестве, и по ней мы можем судить, что древние манксы считали Мананнана, великого бога Туатха Де Дананн, в его истинной природе, духовным существом, владыкой моря и членом сложной иерархии фей. Эту молитву мне дала одна манкская женщина, которой почти сто лет, и которая до сих пор жива. Она сказала, что ею пользовался ее дед, а ее отец читал ту же молитву, заменив имя святого Патрика на имя Мананнана: "Manannan beg mac y Leir...

*Manannan beg mac y Leirr, fer vannee yn Ellan,
Bannee shin as nyn maatey, mie goll magh
As cheet stiagh ny share lesh bio as marroo "sy vaatey".*

(Маленький Мананнан, сын Лейра, благословивший наш остров,
Благослови нас и нашу лодку, хорошо отплывающую
И лучше входить, с живой и мертвой [рыбой] в лодке).

Мне кажется, что ни одна из различных теорий, выдвинутых до сих пор, сама по себе не объясняет веру в фей. Всегда есть недостающий фактор, неизвестная величина, которую еще предстоит обнаружить. Несомненно, теория пигмеев многое объясняет. В некоторых странах передается предание о временах, когда существовали расы миниатюрных людей - настолько маленьких, что их крошечные руки могли использовать кремневые наконечники стрел и скребки, которые кажутся нам игрушками. В настоящее время на острове Мэн нет такой традиции, но, возможно, она дошла до нас из далеких веков, закрепилась в народной памяти и теперь, неизвестная манкскому крестьянину, может привести его на мысль о войсках *маленьких людей* в тенистой ложине или на склоне одинокой горы. Шелест листьев или дуновение ветра могут показаться крестьянину странными и таинственными голосами, а дрожащая тень куста - неземным существом. Природные факты, объяснимые современной наукой, легко могут оставаться мрачными тайнами для тех, кто живет тихой жизнью вблизи природы, вдали от изысканных городов, и чьи несколько лет школьного образования оставили глубины их существа нетронутыми, лишь как бы взъерошив мелководье.

Но этого недостаточно. Даже если допустить, что девять из десяти случаев общения с феями можно проанализировать и объяснить, остается десятый. В этом десятом случае приходится признать, что здесь действует нечто, чего мы не понимаем, какая-то сила, о которой мы пока не знаем. Несмотря на себя, мы чувствуем: "В этом есть Сила". Эти Силы не обязательно являются тем, что суеверные люди называют "сверхъестественным". Теперь мы понимаем, что нет ничего сверхъестественного - то, что раньше так называлось, просто является чем-то, чего мы не понимаем в настоящее время. Наши предки считали телефон, рентгеновские лучи и беспроводной телеграф "сверхъестественными" вещами. Более чем возможно, что наши потомки сделают столь же чудесные открытия в области разума и материи, и многие вещи, которые сегодня кажутся материалистически настроенным людям творениями легковой фантазии, в будущем будут поняты и признаны частью одной великой схемы вещей.

Некоторые люди, безусловно, более восприимчивы к этим неизвестным силам, чем другие. Большинство людей знают достоверные случаи телепатии и предчувствий среди своих знакомых. Не кажется противоречащим здравому смыслу, что и материя, и разум, в познании которых мы, в конце концов, зашли не так уж далеко, могут существовать в пока еще совершенно неизвестных нам формах. В конце концов, существа с телами и личностями, отличными от наших, вполне могут населять невидимый мир вокруг нас: белая как снег фея Гончая может иногда появляться среди своих мирских спутников; *Фенодири* может выполнять работу на ферме для тех, к кому он благоволит; *Маленький народ* может петь и танцевать по ночам в Колби Глене. Давайте не будем говорить, что это "невозможно".

Пил, остров Мэн,
Сентябрь 1910 года.

На склонах Южного Баррула

Я познакомился с образом и природой фей Мэнкс в самой, пожалуй, навеянной феями части острова - на южных склонах Южного Баррула, горы на , на вершине которой, как говорят, у

Мананнана была крепость и откуда он творил свою магию, скрывая королевство в густом тумане всякий раз, когда видел вдали приближение вражеского корабля или флота. А от представительницы старшего поколения, миссис Сэмюэл Лийс, живущей в Балламодде, приятной деревушке под сенью Южного Баррула, я услышал первую историю: "Ребенок и стол передвигались с помощью фей..."

Ребенок и стол, перемещаемые феями: "Мне рассказывали, что *они* (феи) забирают детей, хотя я не могу быть уверена, что это правда. Но это случилось с моей собственной матерью в этом приходе Кирк-Патрик около восьмидесяти лет назад: она лежала в постели с ребенком, но не спала, когда почувствовала, как ребенка оттащили от ее руки, и услышала, как *они* спешат. Затем она упомянула имя Всевышнего, и, пока *они* спешили прочь, маленький столик рядом с кроватью проехал по полу двадцать раз. В комнате никого не было с моей мамой, и она всегда допускала, что это были *маленькие ребята*".

Сказки манксов в занесенном снегом фермерском доме

Когда наша интересная беседа закончилась, миссис Лиис направила меня в дом своего сына на ферме, где в то время находился ее муж, мистер Сэмюэл Лиис; пробравшись туда через сугробы, я застал его с сыном и семьей внутри. День выдался как нельзя более подходящим для того, чтобы всколыхнуть воспоминания манксов, и уже совсем скоро лучшие истории о "маленьких людях" стали рассказываться самым естественным образом и к большому удовольствию детей. Дедушка, которому восемьдесят шесть лет, сидел у открытого огня и курил; он подготовил почву для историй (три из которых мы записали), рассказав о привидении, которое видели он сам и его отец, и объявив, что "феи считаются духами".

В разделе "Феи": "Около пятидесяти лет назад, - сказал мистер Т. Леесе, сын, - Пол Таггарт, дядя моей жены, портной по профессии, имел ученика, Хамфри Кеггана, молодого человека восемнадцати или девятнадцати лет; и часто случалось, что, когда они вдвоем возвращались домой в сумерках, ученик внезапно исчезал с глаз портного, и даже в разгар разговора, как только они пересекали овраг в поле вон там (указывая на прилегающее поле). И Таггарт не видел и не слышал, как ушел Хамфри. На следующее утро Хамфри вернулся, но такой изможденный, что не мог работать, и он всегда говорил, что *маленькие человечки* приходили к нему толпами и использовали его как лошадь, и что с ними он всю ночь ездил по полям и через изгороди". Жена рассказчика подтвердила эту странную психологическую историю, добавив: "Это правда, потому что я слишком хорошо знаю своего дядю Пола, чтобы сомневаться в том, что он говорит". Затем она рассказала две следующие истории: - "Это правда.

Тетя Джейн спускалась по дороге с другой стороны Саут-Баррула и увидела, как странная женщина (которую мистер Т. Лийс называл ведьмой) появилась посреди зарослей и прошла прямо по зарослям вереска в том месте, где не мог пройти ни один человек. Затем она видела, как женщина подошла к телке и положила на нее руку; через несколько дней телка умерла".

Фея-собака - "Это случилось около ста лет назад, как рассказывала мне моя мать: там, где рос мой дед Джон Уоттерсон, неподалеку от Керроо Киль (Узкий квартал), вся семья иногда сидела в доме холодной зимней ночью, а моя прабабушка и ее дочери за прялками, когда в комнате внезапно появлялась маленькая белая собака. Тогда всем приходилось бросать работу и готовиться к приходу *компании*: разводили огонь, оставляли для *них* свежую воду и

спешили наверх спать. Они слышали, как *они* приходят, но никогда не видели их, только собаку. Собака была сказочной и служила верным признаком их прихода".

Свидетельство врача-травника и провидца

В Балласалле мне посчастливилось встретиться с одним из самых интересных старожилов, Джоном Дэвисом, кельтским знахарем, который может вылечить самые упорные недуги у людей и животных с помощью секретных трав, и который очень много знает о колдовстве и чарах против него. Ведьмы встречаются так же часто, как утки, которые ходят босиком", - сказал он, используя популярное у манксов выражение "утка", и привел два конкретных примера из собственного опыта. Но для нас важнее знать, что Джон Дэвис также был способным провидцем. Сын ткача, он родился в графстве Даун, Ирландия, семьдесят восемь лет назад; но в раннем детстве он вместе со своим народом приехал на остров Мэн и вырос в деревне близ Рамси, и так основательно связал себя с островом и его преданиями, и даже с его древним языком, что для наших целей его вполне можно считать манксом. Его свидетельства о манкских феях выглядят следующим образом:-

Я всего лишь бедный невежественный человек; когда я был женат, я не мог правильно произнести слово "брак". Но не нужно быть образованным, чтобы видеть фей, и я видел их много раз. Я видел их невооруженным глазом так же часто, как и учеников, выходящих из школы Балласалла; и я вижу их с восемнадцати-двадцати лет. Последний раз я видел их в Кирк-Майкле. До появления образования на острове больше людей могли видеть фей, теперь же их видят очень немногие. Но их (фей) на острове Мэн так же много, как и раньше. *Они* заполнили воздух, затмили небеса и правят этим нижним миром. От этого мира до первого неба всего двадцать одна миля.^[42] Существует столько же видов фей, сколько жителей в нашем мире. Я видел некоторых высотой около двух с половиной футов, а некоторые были такими же большими, как мы. Я думаю, что очень многие феи, как эти последние, являются потерянными душами людей, умерших до Потопа. Во время Потопа весь мир утонул; но Дух, который Бог вдохнул в Адама, никогда не утонет и не сгорит, и его столько же в море, сколько и на суше. Другие феи - злые духи: наш Спаситель загнал легион чертей в стадо свиней; свиньи задохнулись, но не черти. Дьяволов нельзя утопить; это духи, и они подобны тени на стене". Я спросил о личных аспектах большинства фей человеческого роста, и мой друг ответил: "*Они* предстают передо мной в том же одеянии, что и в те дни, когда они жили здесь, на земле; сам дух - это лишь то, что Бог вдунул в Адама как дыхание жизни".

Мне кажется, что в целом у Джона Дэвиса были подлинные видения, но все, что он видел, было очень сильно окрашено в интерпретации его благочестивым знанием христианской Библии и его социальным окружением, что само собой разумеется.

Свидетельство манксианки Балласалла

Хорошо информированная манксианка из Балласалла, живущая в древнем каменном доме, в котором она родилась и в котором до нее жили ее бабушка и дедушка, дает следующее свидетельство

О феях: "Я слышала много разговоров о феях, но сама никогда в них не верила; старые люди считали их призраками умерших или чем-то подобным. Они были похожи на людей, которые ушли раньше (то есть умерли). Если раздавался странный внезапный стук или шум, или если

дерево внезапно тряслось, когда не было ветра, люди считали, что это дело рук фей. 11 мая^[43] мы собирали горный ясень (*Cuirn*) с красными ягодами на нем, делали кресты из его веточек и ставили их над дверями, чтобы феи не заходили. Мой отец всегда следил за тем, чтобы это делалось; он говорил, что нам не повезет в течение года, если мы забудем это сделать".

Свидетельство, данное в столярной мастерской

Джордж Геллинг из Балласалла, столяр, имеет репутацию местного жителя, который много знает о феях, поэтому я обратился к нему в мастерскую. Вот что он мне рассказал

Я делал гроб здесь, в мастерской, и после чая мой подмастерье вернулся поздно; он стоял у живой изгороди и смотрел на толпу *маленьких людей*, которые толкались и танцевали. Один из них подошел и спросил его, на что он смотрит; это заставило его побежать обратно в мастерскую. Когда он рассказал, что видел, я сказал ему, что это были не кто иные, как феи".

Слышать музыку фей: "Вблизи аббатства в двух разных случаях я слышала фей. Они играли мелодии не от мира сего, и в каждом случае я слушал их почти час".

Миклби и женщина-фея: "Один человек по имени Миклби шел ночью из Дербихейвена, и у ручья он встретил двух дам. Он поприветствовал их, а затем пошел вместе с ними к ферме Баллахик. Там он увидел освещенный дом, и они повели его в него на танцы. Когда он танцевал, то случайно вытер пот частью платья одной из двух незнакомых женщин, которая была его партнершей. После этого приключения всякий раз, когда Миклби ложился ночью спать, женщина, с которой он танцевал, появлялась рядом с его кроватью. И единственным способом прогнать ее было накинуть ей на голову и Миклби льняную простыню, которая никогда не была отбелена".

Природа фей: "Феи - это духи. Думаю, они еще есть в этой стране: Один человек здесь забыл свою корову и в поздний час пошел искать ее и увидел, что с ним были толпы фей, похожих на маленьких мальчиков. [Святой Павел говорил, что духи витают в воздухе, если бы только мы могли их видеть; и мы называем духов феями. Думаю, старики здесь, на острове, думали о феях точно так же".

Месть фей". Уильям Оутс зашел в мастерскую и, заинтересовавшись обсуждаемой темой не меньше нас, предложил различные истории, из которых можно привести следующую: "Один человек по имени Уоттерсон, который часто видел фей в своем доме в Колби, играющих при лунном свете, однажды услышал их приближение, как раз когда собирался лечь спать. Тогда он пошел к источнику, чтобы набрать для них свежей воды, а войдя в дом, поставил банку на пол и сказал: "Ну, маленькие нищие, пейте". И в этот момент (оскорбление фей) вода внезапно полилась на него".

Свидетельство викария

Когда я навестил преподобного Дж. М. Спайсера, викария прихода Мэлью, в его доме неподалеку от Каслтауна, он рассказал мне эту весьма любопытную историю:...

Взятие миссис К... - Вера в фей здесь еще вполне жива. Например, старая миссис К... около года назад рассказала мне, что однажды, когда ее дочь была в Каслтауне в течение дня, она вышла на дорогу в сумерках, чтобы посмотреть, нет ли ее дочери в поле зрения, как вдруг

целая толпа фей окружила ее и начала уносить в сторону горы Саут-Баррул; и, добавила она, "я не могла от *них* оторваться, пока не позвала сына".

Свидетельство каноника

Я очень обязан преподобному канонику Кьюли из Арбори за ценное свидетельство, которое приводится ниже, и особенно за его любезность, позволившую мне записать один из самых ярких примеров коллективной галлюцинации, о которой я слышал, что она случается в кельтских странах, населенных феями.

Коллективная галлюцинация: "Очень многие вещи можно объяснить как природные явления, но есть вещи, которые, как мне кажется, не могут быть объяснены. Например, моя сестра, я и наш кучер, и, по-видимому, лошадь, видели одно и то же явление в один и тот же момент: однажды вечером мы ехали по аллее в этом приходе, когда аллея, казалось, была перекрыта большой толпой людей, как похоронная процессия; толпа была настолько плотной, что мы не могли видеть сквозь нее. Толпа находилась примерно в тридцати-сорока ярдах от нас. Когда мы приблизились, она рассеялась, и ни одного человека не было видно".

Среди стариков этого прихода до сих пор существует вера в фей. Около восемнадцати лет назад я похоронил одного человека, убежденного методиста, который сказал, что однажды увидел на дороге множество фей в виде маленьких черных свиней, и что когда он обратился к ним: "Во имя Бога, кто вы такие?", они тут же исчезли. Он был уверен, что это были феи. Другие старики говорят о феях как о *маленьком народце*. По преданию, феи когда-то населяли этот остров, но были изгнаны за дурные поступки. Считается, что в бузиновом дереве, по словам манкского *траммана*, живут феи. По случайности однажды ночью одна женщина наткнулась на такое дерево и тут же заболела страшной опухолью, которая, по словам ее соседей, появилась от того, что она потревожила фей на дереве. Это произошло на границе прихода Арбори".

Канон поддерживает гипотезу о том, что во многих народных поверьях о феях и Сказочной стране присутствует инстинкт, присущий всем народам, к общению с потусторонним миром, и что этот инстинкт проявляется в другой форме в христианской доктрине о причастии святых.

Сказки на Рождество

На следующее утро, в Рождество, я зашел в живописный придорожный дом миссис Дайны Мур, жительницы Мэнкса, живущей неподалеку от Глен-Ми; она предоставила лучшую коллекцию народных легенд Мэнкса, которую я обнаружил на острове. День выдался ярким и морозным, в тенистых уголках и впадинах еще оставалось много снега, так что сидеть у веселого огня в коттедже миссис Мур было очень удобно; а поскольку большинство работ было приостановлено на древний день празднеств в честь Солнца, возрожденного после гибели от рук Сил Тьмы, все условия были благоприятны для слушания о феях, и этим можно объяснить, почему были получены такие важные результаты.

Обман фей: "Я слышал о муже и жене, у которых не было детей. Однажды ночью мужчина ехал верхом и услышал, как у дороги плачет маленький ребенок. Он сошел с лошади, чтобы ребенка, и, взяв его домой, пошел отдать жене, а он оказался всего лишь куском дерева. И

тут снаружи появились старые феи и закричали на него: "*Eash un oie, s'cheap t'ou mollit!*" (Возраст, как легко тебя обмануть!)."

Странный опыт акушерки: "Незнакомый мужчина отвел медсестру в место, где родился мальчик. После родов человек поставил на стол два пирога, один из которых был разломан, а другой - целый, и сказал кормилице: "Ешь, ешь, но не ешь ни пирога ломаного, ни пирога целого". И сказала кормилица: "Что, во имя Господа, я буду есть?" Тогда все феи в доме исчезли, а кормилица осталась на склоне горы одна".

Фея-пекарь: "Ночью феи пришли в дом в Глен Рашен, чтобы испечь. Семья не выставила для них воды, и нищий, который остался ночевать на диване внизу, услышал, как феи сказали: "У нас нет воды, поэтому мы возьмем кровь из пальца служанки, которая забыла нашу воду". И из крови девушки они замесили тесто. Потом они испекли свои лепешки, съели большую их часть, а куски засунули под соломенную крышу. На следующий день служанка заболела и болела до тех пор, пока старый нищий не вернулся в дом и не вылечил ее кусочком лепешки, которую взял из-под соломенной крыши".

У одной семьи в Далби был бедный ребенок-идиот, и когда ему исполнилось двадцать лет, он все еще сидел у огня, как ребенок. В тот день, когда все люди ушли косить кукурузу, в дом пришел работать портной, и идиота оставили с ним. Портной начал насвистывать, сидя на столе за шитьем, а маленький идиот, сидевший у огня, сказал ему: "Если ты никому не скажешь, когда они придут, я станцую для тебя эту мелодию". И малыш начал танцевать, и у него получалось великолепно. Тогда он сказал портному: "Если ты никому не скажешь, когда они войдут, я сыграю для тебя на скрипке". И портной и идиот провели вместе очень приятный полдень. Но перед тем как семья пришла с поля, бедный идиот, как обычно, сидел в кресле у камина, большой ребенок, который почти не мог говорить. Когда мать вошла в дом, она случайно сказала портному: "У вас тут прекрасный парень", имея в виду идиота. "Да, действительно", - ответил портной, - "мы очень хорошо провели день вместе; но я думаю, нам лучше развести хороший огонь и положить его на него". "О!" - воскликнула мать, - "бедное дитя даже ходить не умеет". "Зато он умеет танцевать и играть на скрипке", - ответил портной. И костер был разожжен; но когда идиот увидел, что его хотят посадить на него, он достал из кармана шарик, и этот шарик покатился за ним, а его, идущего за ним, больше не видели". После того как эта странная история была закончена, я спросил миссис Мур, где она ее слышала, и она ответила: "Я слышала эту историю с тех пор, как была девочкой. Я знала этот дом и семью, и моя мать тоже. Семью звали Каббон".

Отвращение Фенодири (или Финнодири) - "В снежную погоду, как сейчас, Фенодири собирали овец по ночам, а в сезон сбора урожая молотили, когда вся семья была в постели. Однажды, правда, здесь, на ферме Гордона, фермер увидел его, а он был голый, и тогда фермер купил для него новый костюм. Фенодри пришел ночью и, взглянув на одежду, с большим отвращением от мысли о том, чтобы носить такие вещи, сказал

*Bayrn da'n chione, doogh da'n chione,
Куат да'н дрейм, дуг да'н дрейм,
Бричин да'н тоин, доог да'н тоин,
Agh my she lhiat Gordon mooar,
Cha nee lhiat Glion reagh Rushen.*

(Шапка для головы, увы, бедная голова,
Coat for the back, alas! poor back,
Breeches for the breech, alas! poor breech,

Но если большой Гордон [ферма] твоя,
То не веселый Глен Рушен)[44].

И он отправился в Глен Рушен навсегда".

Свидетельство хранителя замка Пил

Из дома миссис Мур я отправился в Пил, где мне посчастливилось встретиться в его собственном доме с мистером Уильямом Кэшеном, известным хранителем знаменитого старого замка Пил, в чьих прочных стенах стоит единственная настоящая круглая башня за пределами Ирландии. Прежде всего я услышал о собаке-фее - *Моддей Ду* (по-манкски "черный пес"), которая обитает в замке; а затем мистер Кэшен рассказал мне следующие анекдоты и сказки о манкских феях:...

Молитва против фей: "По представлениям моего отца и деда, феи срываются с небесных башен и падают на землю три дня и три ночи густым градом; одна треть из них падает в море, одна треть - на сушу, а одна треть остается в воздухе, где они и будут находиться до Судного дня. Старые манксы всегда верили, что падение фей произошло из-за первого греха - гордыни; вот их молитва против фей: "*Je saue mee voish cloan ny moyrn*" (Боже, сохрани меня от детей гордыни [или честолюбия])".

Две жены одного человека: "Одна женщина из Баллалиса была захвачена феями; вскоре после этого ее муж взял себе новую жену, решив, что первая ушла навсегда. Но вскоре после свадьбы, однажды ночью, первая жена явилась к своему бывшему мужу и сказала ему, а вторая жена подслушала ее: "Ты выметешь амбар дочиста, и смотри, чтобы на полу не осталось ни одной соломинки. Затем встань у двери, и в определенный час сюда въедет компания людей на лошадях, а ты ухватись за уздечку той лошади, на которой я буду сидеть, и не отпускай ее". Он тщательно выполнил все указания, но не смог удержать лошадь: вторая жена положила на пол сарая солому под бушлат.

На горе Далби, по эту сторону Кронк-ин-Ирри-Лаа, старые манксы прикладывали уши к земле, чтобы услышать Звуки Бесконечности (*Sheean-ny-Feaynid*), которые были похожи на рокот. Они считали, что эти звуки исходят от существ в космосе; ведь, по их мнению, все пространство заполнено невидимыми существами"[45].

Памяти ученого из племени манксов

С тех пор как было записано следующее свидетельство, его автор, покойный мистер Джон Нельсон из Рэмси, ушел из нашей жизни в мир невидимый. Он был одним из немногих манксов, кто действительно хорошо знал манкский язык и древние традиции, которые он сохранил как в устной, так и в книжной форме. В своей любезной манере и с горячей преданностью всему кельтскому он разрешил мне в декабре 1909 года впервые опубликовать интересный материал, который приводится ниже; и мы с почтением отдаем ему дань памяти:...

Мой дед, Уильям Нельсон, возвращался поздно вечером домой с ловли сельди по дороге близ Джурби, когда увидел на гороховом поле, через живую изгородь, большую толпу *маленьких ребят* в красных плащах, которые танцевали и музицировали. И когда он смотрел, одна старуха из их числа подошла к нему и плюнула ему в глаза, сказав: "Ты нас

больше никогда не увидишь"; и мне сказали, что после этого он ослеп до самой смерти. Он, конечно, был слеп в течение четырнадцати лет до своей смерти, потому что мне часто приходилось водить его за собой; но, конечно, я не могу сказать, насколько мне известно, он ослеп сразу после своего странного опыта, а может быть, и позже; но в молодости у него было хорошее зрение, и считалось, что феи его уничтожили".

Мелодия фей: "Уильям Кейн из Глен Хелен (бывший Ренасс) возвращался вечером домой через горы возле Брукс-парка, когда услышал музыку внизу, на поляне, и увидел там большой стеклянный дом, похожий на дворец, весь освещенный. Он остановился, чтобы послушать, а когда у него появилась новая мелодия, пошел домой и стал отрабатывать ее на своей скрипке; а недавно он сыграл эту же сказочную мелодию на манкском празднике мисс Софии Моррисон в Пиле".

Волшебник Мананнан. Нельсон рассказал историю о *Баггане* или *Фенодири*, подобную той, что мы уже имели, и объяснил, что *Глаштин* - это водяной бык, предположительно гоблин, наполовину корова, наполовину лошадь, а затем предложил следующее предание о Мананнани: "Говорят, что Мананнан был великим волшебником, и что он помещал на море гороховые раковины, которые держались открытыми палками и палками для мачт, стоящих в них, а затем так увеличивал их, что враги видели в них сильный флот и не могли приблизиться к острову. По другому преданию, Мананнан на своих трех ногах (герб Мэнкс) мог с удивительной быстротой перемещаться с одного конца своего острова на другой, двигаясь подобно колесу"[46].

Свидетельство фермера и рыбака

С севера острова я вернулся в Пил, где договорился встретиться с новыми свидетелями, и первым из них стал Джеймс Когерти, фермер и рыбак, родившийся в Кирк-Патрике пятьдесят восемь лет назад, который дал следующие показания (частично):...

Когда я был мальчиком, наша семья часто слышала, как пустая мешалка работает в мешалке, когда никого не было рядом, и они говорили: "О, это *маленькие ребята*".

Сорок-пятьдесят лет назад, между Сент-Джонсом и Фоксдейлом, один мальчик, с которым я часто играл, пришел к нам в дом в сумерках, чтобы взять свечи, и когда он возвращался домой через холмы, то вдруг увидел, что за ним идут маленький мальчик и маленькая женщина. Если он бежал, то бежали и они, и все время настигали его. Когда он добрался до дома, он потерял дар речи, его руки были изменены (вывернуты), ноги тоже, а ногти за минуту стали длинными. В таком состоянии он оставался неделю. Мой отец пошел к матери мальчика и сказал ей, что это вовсе не Робби, которого она видела; и когда мой отец взял щипцы и прижег мальчика куском раскаленного дерна [в качестве теста на подмену], мальчик ужасно закричал. Тогда отец уговорил мать послать гонца к доктору на севере, неподалеку от Рэмси, который "занимается чарами", чтобы узнать, не сможет ли она вернуть Робби. Когда гонец возвращался, мать вышла из дома, чтобы разгрузить его, а когда вошла в дом, там уже был ее собственный Робби. Как только Робби пришел в себя, он сказал, что за ним пришли маленькая женщина и маленький мальчик, и что, как только он вернулся домой, ему показалось, что они его забрали, но он не знал, откуда они пришли и куда его отвели. Больше он ничего не смог рассказать. Робби жив до сих пор, насколько я знаю; это Роберт Кристиан из Дугласа".

Показания члена Палаты Ключей

Мистер Т. К. Кермод из Пила, член Палаты ключей, нижней палаты парламента Мэнкс, очень любезно продиктовал мне следующее свидетельство о феях, которое он сам видел: - "Реальность фей.

Реальность фей - "Здесь, на острове, очень верят в то, что феи существуют на самом деле; и я считаю, что такая вера основана на реальном факте в природе, потому что у меня был собственный странный опыт. Около сорока лет назад, однажды октябрьской ночью, я и еще один молодой человек отправились на своеобразный сбор урожая у манксов в Кронк-а-Водди. На дороге Глен Хелен, прямо у фермы Бери, когда мы шли и разговаривали, мой друг случайно посмотрел на реку (небольшой ручей) и сказал: "О, смотрите, там феи. Ты их когда-нибудь видел?" Я посмотрел через реку и увидел круг сверхъестественного света, который я теперь стал считать "астральным светом" или светом Природы, как его называют мистики, и в котором становятся видимыми духи. Место, где появился свет, представляло собой плоское пространство, окруженное по сторонам от реки берегами, образованными невысокими холмами; и в этом пространстве и в круге света, очевидно, с окружающих сторон, я видел, как по двое и по трое входила большая толпа маленьких существ, меньше Мальчика-с-пальчика и его жены. Все они, похожие на солдат, были одеты в красное. Они двигались взад-вперед среди круга света, выстраиваясь в строй, как войска на плацу. Я посоветовал подойти к ним поближе, но мой друг сказал: "Нет, я иду на вечеринку". После того как мы несколько минут смотрели на них, мой друг ударил палкой по придорожной стене и закричал, и мы потеряли видение, а свет исчез".

Вера в фей у манксов - "У меня есть много свидетельств от старых людей из племени манксов, совершенно надежных и богобоязненных, что они видели фей на охоте с гончими и лошадьми, на море в кораблях и при других обстоятельствах, и что они слышали их музыку. Они считают фей самостоятельным народом или миром, отличным от нашего мира, но имеющим привычки и инстинкты, подобные нашим. Социальная организация среди них, как говорят, похожа на человеческую, и у них есть свои солдаты и командиры. Где на самом деле обитают феи, старики сказать не могут, но они уверены, что их можно увидеть здесь, на земле".

Свидетельство бывшего провинциального Великого магистра

Мистер Дж. Х. Келли, бывший Великий магистр округа Оддфеллоу на острове Мэн, житель Дугласа, предлагает следующий рассказ о своем любопытном психическом опыте и приписывает его феям: "Станный опыт с феями.

Двенадцать-тринадцать лет назад, в ясную лунную ночь, около двенадцати часов, я выехал из Лакси; и когда я был примерно в пяти милях от Дугласа, у школы Баллагаун, я услышал разговор и внезапно осознал, что нахожусь среди невидимой толпы. Когда это странное чувство охватило меня, я увидел, что по дороге приближаются четыре фигуры, на вид такие же реальные, как люди, и среднего размера, хотя я уверен, что они не были людьми. Когда эти четверо, которые, казалось, были связаны с невидимой толпой, вышли с Гарвикской дороги на главную, я перешел на объездную дорогу, ведущую вниз к очень спокойной поляне под названием Гарвик Глен; и у меня все еще было то же ощущение, что невидимые существа были со мной, и это продолжалось в течение мили. Не было ни страха, ни эмоций, ни волнений, только совершенное спокойствие с моей стороны. Я шел по объездной дороге, а когда начал подниматься на холм, наступила внезапная и странная тишина, и на меня

нахлынуло чувство изолированности, как будто радость и покой моей жизни ушли вместе с невидимой толпой". На основании различных личных впечатлений, подобных этому, я твердо убежден в том, что феи существуют. Нельзя сказать, что они полностью физические или полностью духовные, но впечатление, оставленное в моем сознании, таково, что они - абсолютно реальный порядок существ, не являющихся людьми".

Призвав Малыша Мананнана, сына Лейра, обеспечить нам безопасный проход через его водные владения, мы отправляемся на юг, в ближайшую страну бритонов, страну Артура, Уэльс.

V. В УАЛИИ

Введение почтенного сэра Джона Ронса, магистра, доктора лита, доктора философии, доктора права Эдинбургского университета; профессора кельтского языка в Оксфордском университете; директора колледжа Иисуса; автора книг *"Кельтский фольклор"*, *"Уэльс и Мэнкс"* и др.

Фольклор Уэльса в той мере, в какой он касается фей, состоит из нескольких типичных сказок, таких как

(1) Танец фей и обычное заманивание в ловушку юноши, который танцует с маленьким народцем долго, хотя ему кажется, что всего несколько минут, и которого, если он не спасется, забирают они.

(2) Есть и другие способы, с помощью которых новобранцев уводят в Сказочную страну и склоняют к женитьбе на феях, и любой, кого так уводят, практически потерян для своих родственников, поскольку даже если ему разрешают навестить их, визит чаще всего прерывается тем или иным способом.

(3) Мужчина ловит женщину-фею и женится на ней. Она оказывается прекрасной хозяйкой, но обычно в брачный контракт вносятся определенные условия, нарушение которых неизбежно освобождает ее от союза, и, получив такое освобождение, она тут же спешит прочь, чтобы никогда не возвращаться, разве что время от времени навещать своих детей. Одним из условий, особенно в Северном Уэльсе, является то, что муж никогда не должен прикасаться к ней железом. Но в истории о леди из Ллин-и-Фан-Фах в Кармартеншире условие гласит, что он не должен ударить жену без причины три раза, причем под ударом понимается любое легкое постукивание, скажем, по плечу. Эта история - одна из самых примечательных в Уэльсе, и она напоминает знаменитую сказку об Ундине, опубликованную на немецком языке много лет назад де Ла Мотт Фуке. Неизвестно, где он ее нашел, и были ли люди, среди которых она бытовала, чистыми германцами или кельтами.

(4) Феи любили красть хороших здоровых детей и оставлять вместо них свое собственное хилое потомство. Истории о том, как можно вернуть нужного ребенка, имеют множество форм; некоторые из них рассказывают о том, как слабые и болезненные дети становились объектами систематической жестокости со стороны даже своих собственных родителей. Подменыш обычно был стариком, и многие пытались заставить его выдать свою личность.

(5) Широко распространена история о том, как фея-муж добивается для своей жены услуг человеческой повитухи. Последней была дана определенная мазь, которую она должна была нанести на глаза младенца, когда будет его одевать. Она не должна была касаться ею ни одного из своих глаз, но благодаря случайному стечению обстоятельств ей это удалось, и

глаз, которого она коснулась, позволил ей увидеть фей в их правильной форме и виде. Это имеет свои последствия: Муж феи хорошо платит повитухе и выписывает ее. Однажды она отправляется на ярмарку или рынок и замечает, как ее старый хозяин крадет товар из ларька, и заявляется к нему. Он спрашивает ее, каким глазом она его видит. Она говорит ему, и тот глаз, на который он возражает, тут же ослепляется.

(6) Существует множество историй о том, как феи приходят в дома по ночам, чтобы умыться и одеть детей после того, как все лягут спать. Служанка, знающая свое дело, оставляет для них полный сосуд воды и следит за тем, чтобы дом был опрятным и аккуратным, а утром, вероятно, обнаруживает, что феи оставили ей какой-нибудь подарок, тогда как если дом будет неубранным, а вода грязной, они ущипнут ее во сне и оставят черной и синей.

(7) Феи не были сильны в ведении домашнего хозяйства, поэтому не было ничего необычного в том, что они приходили в фермерские дома, чтобы взять то, что им было нужно.

Считалось, что в окрестностях Сноудона феи живут под озерами, из которых они иногда выходят, особенно в туманные дни, и детей предупреждали, чтобы они не уходили из дома в такую погоду, чтобы не быть похищенными ими. Эти феи не были христианами и были большими ворами. Они любили яркие цвета. У них был острый слух, и ни одно слово, долетевшее до ветра, не могло от них ускользнуть. Если фея узнавала свое имя, то фея, которой оно принадлежало, чувствовала себя обескураженной[47].

Некоторые черты фей, похоже, свидетельствуют о древности их рода, другие же выдают их происхождение из мастерской воображения; но в целом феи неоднородны, частично состоят из божеств лесов и гор, а частично - из ранней расы людей, более или менее карикатурных и наделенных басней невозможными атрибутами[48].

Колледж Иисуса, Оксфорд,
Октябрь 1910 года.

Область наших исследований в Стране Артура включает все графства побережья, кроме Кардиганшира, от Англси на севере до Гламорганшира на юге. В самом начале нашего исследования веры в *Tylwyth Teg*, или 'Fair Folk' на острове Англси или Мона, древнем оплоте друидов, мы ясно увидим, что свидетельства, предложенные надежными и выдающимися местными очевидцами, удивительно единообразны и по сути своей анимистичны; а пройдя на юг до конца Уэльса, мы обнаружим, что вера в валлийских фей так же единообразна и демонстрирует ту же анимистическую подоплеку везде, куда бы мы ни пошли.

Свидетельство барда с острова Англси

Мистер Джон Луис Джонс из Гаэрвена, Англси, местный бард, который занимал призовые места на различных Eisteddfods, свидетельствует следующее:...

Когда я был мальчиком здесь, на острове, *тилвит-тегов* описывали как расу маленьких существ, размером не больше детей шести-семи лет, которые посещали фермерские дома по ночам, когда все члены семьи уже спали. Как бы надежно ни был закрыт дом, *тилвит-тегам* не составляло труда проникнуть внутрь. Я помню, как старики наводили уют в доме и подкладывали свежие угли в огонь, говоря: "Может быть, сегодня ночью придет *Тилвит Тер*". А когда приходил *Тилвит Тер*, он оглядывал комнату и говорил: "Как здесь чисто и красиво!"

И все это время старики в постели слушали. Перед уходом из такого чистого дома *Тильвит Тег* всегда оставлял семье ценный подарок".

Жена-фея и железное табу: "Однажды молодой человек поймал одну из женщин племени *тилвит-тег*, и она согласилась жить с ним при условии, что он никогда не будет прикасаться к ней железом. Однажды она пошла с ним в поле, чтобы поймать лошадь, но, поймав лошадь, он бросил уздечку так, что удила задела женщину из племени *тылвыттег*, и в тот же миг ее не стало. Как следует из этой истории, *тилвит-теги* могли становиться невидимыми. Я думаю, их могли видеть одни люди и не видеть другие. Старики считали их разновидностью духов из мира духов".

Свидетельства из Центрального Англси

Благодаря любезному содействию мистера Э. Х. Томаса из Ллангефни, который познакомил меня со старейшими жителями своего города в их собственных домах и других местах, а затем выступал в роли переводчика, когда говорили только на валлийском, я получил очень четкие свидетельства из этой части Центрального Англси. Семь свидетелей, двое из которых были женщинами, в возрасте от семидесяти двух до восьмидесяти девяти лет, были опрошены таким образом, и каждый из них заявил, что в их детстве вера в *Tylwyth Teg* как нечеловеческую расу добрых маленьких людей, которых один свидетель сравнил с поющими ангелами, была общей. Мистер Джон Джонс, самый старший из семерых, помимо многого другого, сказал на валлийском языке: "Я лично верю, что *тилвит-теги* все еще существуют; но люди не могут их видеть. Я слышал, как два или три человека были вместе, и только один смог увидеть *Tylwyth Teg*".

Свидетельства двух столетних жительниц Англси

Возможно, нигде в кельтских землях не нашлось бы двух сестер, равных по возрасту мисс Мэри Оуэн и миссис Бетси Томас, которым исполнилось сто третий и сотый год соответственно (в 1909 году). Они живут тихой жизнью на своей ферме на склоне горы с видом на море, в живописной местности близ Пентрэта, вдали от суеты и шума большого мира коммерческой деятельности; и говорят они только на том языке, на котором говорили их доисторические кимрские предки до прихода в Британию римлян, саксонцев или норманнов. Мистер У. Джонс из Плас Тинона, их сосед, хорошо знающий английский и валлийский языки, выступил в роли переводчика. Первой дала показания старшая сестра.

На горе Ллвидиарт, что выше, и вокруг озера Ллвидиарт, где они обычно танцевали, было много *тилвит-тегов*; и всякий раз, когда цены на рынке Ллангефни были высокими, они очень много болтали по ночам. Они появлялись только с наступлением темноты; и все, что они делали хорошего, - это пели и танцевали. Энн Джонс, которую я очень хорошо знал, часто видела, как *Tylwyth Teg* танцуют и поют, но если она подходила к ним, они исчезали. Она сказала мне, что это невидимый народ и очень маленький. Многие другие, кроме Энн Джонс, видели *тайлвит-тегов* в этих горах и слышали их музыку и песни. По общему мнению, *тилвит-тег* - это раса духов. Я верю в них как в невидимую расу добрых маленьких людей".

Фея-акушерка и волшебное масло: "У *тилвит-тегов* было что-то вроде волшебного масла, и я помню следующую историю о нем: фермер отправился в Ллангефни за женщиной, чтобы она нянчила его жену, которая должна была стать матерью, и он нашел одну из *тилвит-тегов*, которая приехала с ним на лошади. Прибыв в дом фермера, женщина-фея посмотрела на жену и, дав фермеру немного масла, велела ему обмыть в нем ребенка, как только он родится. Затем женщина-фея исчезла. Крестьянин последовал совету, и что же он сделал, когда мыл ребенка, кроме того, что капнул немного масла на один из своих глаз. И вдруг он смог увидеть *Тилвит Тег*, потому что масло дало ему второе зрение. Через некоторое время фермер снова оказался в Ллангефни и увидел ту же самую женщину-фею, которая дала ему масло. "Как поживает твоя жена?" - спросила она его. "Очень хорошо", - ответил он. Тогда фея добавила: "Скажи мне, каким глазом ты видишь меня лучше всего". "Вот этим", - сказал он, указывая на глаз, который он натер маслом. И женщина-фея положила свою палку в этот глаз, и крестьянин больше никогда не видел им"[49].

Свидетельство младшей сестры таково: "Я видела одного из *Тилвит Тег* около шестидесяти лет назад, возле фермы Тынимындд, когда проходила мимо ночью. Он был похож на маленького человечка. Когда я подошел к нему, он внезапно исчез. Я слышал о танцах и пении *Тылвита Тега*, но сам никогда не слышал музыки. Старики говорили, что *Tylwyth Teg* могут появляться и исчезать, когда им вздумается; и я, как и старики, думаю, что это своего рода духи".

Свидетельство жительницы острова Англси

В Пентрете мистер Гвилин Джонс сказал мне: "Всегда было и остается мнение, что *тилвит-тег* - это раса духов. Некоторые люди считают их маленькими, но тот, которого видела моя мать, был обычного человеческого роста". При этих словах я сразу же спросил мистера Джонса, жива ли еще его мать, и он, ответив, что да, дал мне ее адрес в Лланфэйре. Тогда я отправился прямо к матери мистера Джонса, миссис Кэтрин Джонс, и вот что она рассказала о том, как видела одного из *Tylwyth Teg*:...

Я возвращалась домой в половине десятого вечера из Кемаеса, по дороге в Симдда Вен, где я служила, когда передо мной появилась очень красивая молодая женщина обычного роста. Я не испытывал страха и, подойдя к ней, протянул руку, чтобы дотронуться до нее, но моя рука и ладонь прошли сквозь ее фигуру. Я не мог понять этого и попытался прикоснуться к ней еще раз с тем же результатом; в теле не было твердой субстанции, но оно оставалось рядом со мной, и это была такая красивая молодая женщина, какую я когда-либо видел. Когда я дошел до двери дома, где должен был остановиться, она все еще была со мной. Тогда я сказал ей "Спокойной ночи". Не получив ответа, я спросил: "Почему вы молчите?" И на этом она исчезла. После этого ничего не происходило, и я всегда считал эту прекрасную девушку одной из *Tylwyth Teg*. Когда я рассказал о своем опыте, о нем много говорили, и соседи, как и я сам, решили, что я видел одного из *Тайлвит Тег*. На момент этого происшествия мне было около двадцати четырех лет"[50].

Свидетельство профессора валлийского языка

Незадолго до пересечения Менайского пролива мне посчастливилось встретиться в своем доме в Лланфэйре с мистером Дж. Моррисом Джонсом, профессором валлийского языка в

университетском колледже в Бангоре, и он, рассказывая о вере в фей на острове Англси, как он помнит ее с детства, сказал: "Tylwyth Teg.

В большинстве сказок, которые я слышал, повторяя их, когда был мальчиком, я совершенно уверен, что подразумевалось, что *Tylwyth Teg* были своего рода расой духов с человеческими чертами, которые могли по желанию внезапно появляться и внезапно исчезать.

Предполагалось, что они живут под землей и выходят на свет в лунные ночи, одетые в кричащие цвета (в основном в красный), чтобы танцевать в кругах на травянистых полях. Я не помню, чтобы слышал истории о подменышах здесь, на острове: Я думаю, что *тилвит-тегов* обычно считали добрыми и добродушными, хотя и мстительными, если с ними плохо обращались. Считалось, что у них в распоряжении много денег, которые они могли раздавать тем, кто им нравился".

Свидетельства из Северного Карнарвоншира

Покинув Англси, я занялся изучением верований валлийских фей в стране между Бангором и Карнарвоном. От старейших валлийцев из Треборта я услышал тот же фольклор, что мы записали с острова Англси, за исключением того, что особое внимание было уделено процветающей вере в *бвгано*д, гоблинов или богов. Но от мистера Т. Т. Дэвиса Эванса из Порт-Динорвича я услышал следующую очень необычную историю, основанную на фактах, как он вспоминал из первых уст: "Видение Джонса.

Уильям Джонс, который около шестидесяти лет назад заявил, что видел *Тилвит Тег* в Абергласлинском перевале близ Бедджелерта, был публично допрошен о них в часовне Бетел мистером Гриффитсом, священником; он объяснил прихожанам, что Господь дал ему особое видение, которое позволило ему увидеть *Тилвит Тег*, и что поэтому он видел их время от времени в виде маленьких человечков, играющих вдоль реки в перевале. Священник побудил Джонса повторять эту историю много раз, потому что она, похоже, очень понравилась прихожанам; и все присутствующие считали видение Джонса самым удивительным событием".

Свидетельства из Южного Карнарвоншира

Мистеру Э. Д. Роулэндсу, директору школы в Афонвене, я обязан за краткое изложение верований в фей в Южном Карнарвоншире: "Tylwyth Teg.

Согласно поверьям, бытовавшим в Южном Карнарвоншире, *Тилвит Тег* были маленьким, очень симпатичным народцем, всегда одетым в белое, и часто танцевали и пели в кольцах, где росла трава. Как правило, их можно было увидеть только ночью; хотя днем, если мать во время сенокоса была настолько неразумна, что оставляла своего ребенка одного в поле, *тайлвит-тег* мог забрать его и оставить вместо него горбуна или какой-нибудь деформированный предмет, похожий на ребенка. По ночам *Tylwyth Teg* заманивали путников присоединиться к их танцам, а затем разыгрывали с ними всевозможные трюки"[51].

Феи-коровы и феи-озерницы: "Некоторые из *Tylwyth Teg* жили в пещерах, другие - на дне озер. Недалеко от Фестиниога есть озеро под названием Ллин-и-Морвиньон, или "Озеро дев", где, как гласит история, один фермер однажды утром обнаружил на своем поле несколько очень красивых коров, каких он никогда раньше не видел. Не зная, откуда они взялись, он долго держал их у себя, но случилось так, что он совершил какой-то нечестный

поступок, и в результате на пастбище появились женщины из племени *Tylwyth Teg* и, назвав коров по именам, повели все стадо в озеро и вместе с ними исчезли под его водами. Старики так и не смогли объяснить природу *тилвит-тегов*, но всегда считали их очень загадочной расой, а если верить этой истории со скотом, то и сверхъестественной".

Свидетельства из Мерионетшира

Мистер Луис Фостер Эдвардс из Харлеха, вспоминая воспоминания многолетней давности, приводит следующие свидетельства:...

В старом трактире на другом конце Харлеха должно было состояться развлечение, и, как обычно в таких случаях, танцы не прекращались до утра. Еще до прихода гостей я заметил, что хозяйка засовывает в большой дымоход лезвия косы острием вверх, и, поинтересовавшись, зачем это нужно, спросил ее. Она сказала мне, что феи могут прийти до того, как закончится развлечение, и что если лезвия будут повернуты острием вверх, это не позволит феям беспокоить гостей, потому что они не смогут пройти мимо лезвий, не порезавшись".

Тильвит Тег и их мир: "Бытовало мнение, что *Тильвит Тег* живут тем, что грабят по ночам. Считалось также, что если что-то случается с коровами или лошадьми, то виноваты в этом *тилвит-теги*. Как раса, *тилвиттеги*, по описаниям, обладали способностью к невидимости; считалось, что они могут исчезнуть как дух, если кто-то случайно наблюдает за ними. Мир, в котором они жили, был совсем не похож на наш, и смертные, которых они забирали в него, менялись по своей природе. Смертный мог попасть в мир *Тилвит Тег*, если его вовлекали в танец. Если бы они забрали тебя, то по нашему времени это длилось бы двенадцать месяцев, хотя для тебя это время показалось бы не более чем ночью".

Племена фей в Монтгомеришире

От мистера Д. Дэвиса-Уильямса, который изложил мне монгомериширскую веру в *Tylwyth Teg* в том виде, в каком он ее близко знал, я узнал, что она в основном такая же, как и в других местах Северного и Центрального Уэльса. Он подвел итог, сказав: "Вера в Тайлвит Тег...

Вера в тилвит-тегов: "Существовало мнение, что *тилвит-теги* - это реальная раса невидимых или духовных существ, живущих в своем собственном невидимом мире. Вера в *тилвит-тегов* была довольно распространенной пятьдесят или шестьдесят лет назад и такой же искренней, как любая религиозная вера сейчас".

Наш следующий свидетель - преподобный Джосайя Джонс, служитель конгрегационной церкви Мачинллета; после целой жизни, проведенной в Монтгомеришире, он дает следующее свидетельство:...

Видение дьякона: "Один дьякон из моей церкви, Джон Эванс, заявил, что видел танцы *Tylwyth Teg* в дневное время в двух милях отсюда, и указал то самое место, где они появились. Это было около двадцати лет назад. Однако я думаю, что он видел лишь отдельные отблески и тени, потому что день был жаркий и яркий".

Народные верования в целом: "Насколько я помню, старые люди считали *Tylwyth Teg* живыми существами, находящимися на полпути между материальным и духовным, которых редко видели. Когда я был мальчиком, тоже много говорили о свечах для трупов и призрачных

похоронах, и особенно о *бвганод*, множественное число от *бвган*, означающее призрак, привидение, хобгоблин или призрак. Считалось, что *Бвганод* появляются в сумерках в различных формах, как животных, так и людей; их боялись как взрослые, так и дети".

Мнение министра: "В конечном счете, в вере в фей есть доля правды, но она неверно отражена в фольклоре: Однажды я спросил Сэмюэля Робертса из Лланбринмайра, довольно известного валлийского ученого, что он думает о *Tylwyth Teg*, хобгоблинах, духах и так далее; и он сказал, что верит в существование таких вещей, и что Бог позволил им появиться во времена великого невежества, чтобы убедить людей в существовании невидимого мира.

В Кардиганшире; и свидетельство фольклориста

Никто из наших свидетелей из Центрального Уэльса не знаком с народными поверьями так близко, как мистер Дж. Середиг Дэвис из Лланилара, деревни в шести милях от Аберистуита; мистер Дэвис много лет занимался сбором фольклора в Центральном и Южном Уэльсе. Он опросил самых старых и самых умных из стариков, и пока я пишу эту статью, у него в печати находится работа под названием "*Фольклор Среднего и Западного Уэльса*" (*The Folk-Lore of Mid and West Wales*). Мистер Дэвис очень любезно предоставил мне следующий обзор наиболее заметных черт в верованиях валлийских фей, согласно его собственным исследованиям:-

Тилвит Тег. - *Тилвит Тег* считались очень маленьким народом, любившим танцевать, особенно в лунные ночи. Они часто приходили в дома после того, как семья ложилась спать; если им оставляли молоко, они оставляли взамен деньги; но если с ними не обращались по-доброму, они были мстительны. Распространена была идея о подменыше: мать, придя домой, обнаруживала в колыбели уродливого подменыша. Иногда мать советовалась с *Дынион Хисбис*, или "Мудрыми людьми", как вернуть своего ребенка. Как правило, грубое обращение с младенцем феи и последующее бросание его в реку приводило к тому, что фея, совершившая подмену, появлялась и возвращала настоящего ребенка в обмен на подмененного".

Брачные контракты с тайлвит-тегами - "Иногда молодой человек видел, как *тайлвит-теги* танцуют, и, будучи вовлеченным в танец, был взят ими и женат на одной из их женщин. Обычно в брачном договоре есть какое-то условие, которое нарушается, и в результате жена-фея исчезает - как правило, в озере. В брачном договоре указывается, что муж не должен прикасаться к жене-фее железом, либо не должен бить или наносить ей три удара. Иногда, когда жены фей исчезают, они забирают с собой в озеро свой сказочный скот и все домашнее имущество".

Жилища тилвит-тегов - "*Тилвит-тегов* принято считать бессмертной расой. В Кардиганшире они жили под землей, в Кармартеншире - в озерах, а в Пемброкшире - вдоль морского побережья на заколдованных островах среди Ирландского моря. Я слышал, как моряки, увидев такие острова, пытались добраться до них; но когда они приближались, острова всегда исчезали. Говорят, что с определенного места в Пембрукшире, встав на дерн, взятый со двора собора Святого Давида, можно увидеть заколдованные острова"[\[52\]](#).

Tylwyth Teg как духи друидов: "Многие из старых людей причисляли *Tylwyth Teg* к духам. Их вообще не считали смертными. Многие валлийцы считали *Tylwyth Teg* или фей духами друидов, умерших до времен Христа, которые, будучи слишком хорошими, чтобы быть брошенными в ад, могли свободно бродить по земле".

Свидетельство валлийца девяноста четырех лет от роду

В Понтргидфендигейде, деревне, расположенной в двух милях от железнодорожной станции Страта Флорида, мне посчастливилось встретить мистера Джона Джонса, девяноста четырех лет от роду, но крепкого телосложения, способного написать свое имя без очков. И мистер Дж. Х. Дэвис, регистратор Университетского колледжа Аберистуита, и мистер Дж. Середиг Дэвис, выдающийся фольклорист из Лланилара, назвали мне мистера Джона Джонса одним из самых замечательных валлийцев, которые могут рассказать о былых временах из первых уст. Мистер Джон Джонс очень плохо говорит по-английски, и мистер Джон Рис из Школы Совета выступил в роли нашего переводчика. Вот его свидетельства:...

Я родился и вырос там, где по преданию *тилвит-теги* жили в норах на холмах, и ни один из этих *тилвит-тегов* не был выше трех-четыре футов. Было распространено представление, что многие *тилвит-теги*, собравшись в кольцо, танцуют и поют на склонах гор или на равнине, и если дети встретятся с ними в такое время, то потеряют дорогу и никогда не выберутся из кольца. Если *тилвит-тегам* нравился какой-нибудь ребенок, они всегда его, снимая с него одежду и надевая ее на одного из своих детей, которого потом оставляли на его месте. Они брали только мальчиков, никогда девочек".

Tylwyth Teg в человеческий рост: "Особый вид *Tylwyth Teg* выходил из озер и танцевал, а их прекрасная внешность соблазняла молодых людей следовать за ними обратно в озера и там жениться на одной из них. Если муж хотел покинуть озеро, он должен был идти без своей жены-феи. Такие *Tylwyth Teg* были размером с обычных людей, и их часто видели выезжающими из озер и возвращающимися обратно на лошадях".

Tylwyth Teg как духи доисторической расы - "Мой дед рассказывал мне, что однажды он был на каком-то поле и услышал пение в воздухе, и подумал, что это поют духи. Вскоре после этого они с братом при рытье дамб на том поле прорыли большую яму, в которую вошли и проследовали до конца. Там они нашли место, полное человеческих костей и урн, и, естественно, из-за пения решили, что кости и урны принадлежат *Tylwyth Teg*"[53].

A Boy's Visit to the 'Tylwyth Teg's' King. - "About eighty years ago, at Tynylone, my grandfather told me this story: "Мальчика десяти лет часто пороли и жестоко обращались с ним школьные учителя, потому что он не мог хорошо рассказывать свои уроки. Однажды он сбежал из школы и пошел на берег реки, где к нему подошли маленькие человечки и спросили, почему он плачет. Он рассказал им, что учитель наказал его, и, услышав это, они сказали: "Если ты останешься с нами, тебе не нужно будет ходить в школу. Мы будем держать тебя у себя столько, сколько ты захочешь". Потом они отвели его под воду и над водой в пещеру под землей, которая открывалась в большой дворец, где *тилвит-теги* играли в игры с золотыми шарами, в кольцах, подобных тем, в которых они танцуют и поют. Мальчика взяли в семью короля, и он стал играть с королевскими сыновьями. После того как он побывал во дворце и наслаждался всеми его удовольствиями, ему очень захотелось вернуться к матери и показать ей золотой шар, который подарил ему *Тильвит Тег*. И вот он взял шар в карман и поспешил через пещеру тем же путем, каким пришел; но в конце ее и у реки ему встретились два *тильвит-тега*, и, отобрав у него шар, они столкнули его в воду, и по воде он нашел дорогу домой. Он рассказал матери, что отсутствовал, как ему казалось, всего две недели, но она сказала ему, что прошло уже два года. И хотя мальчик часто пытался найти дорогу обратно в *Тильвит Тег*, ему это так и не удалось. В конце концов он вернулся в школу и стал самым замечательным ученым и пастором"[54].

В стране Мерлина; и свидетельство викария

Преподобный Т. М. Морган, викарий прихода Ньючерч в двух милях от Кармартена, очень тщательно изучил народные традиции в своем приходе и в других регионах Кармартеншира и может предложить нам следующие свидетельства высочайшей ценности: [\[55\]](#)

Власть тилвит-тегов над детьми. Считалось, что *тилвит-теги* могут забирать детей. "Не шуми, а то *Тилвит Тег* тебя заберет", - говорили родители, чтобы удержать детей в доме после наступления темноты. Существовало также мнение, что после похищения детей - возможно, после смерти - *Тилвит Тег* может превращать хороших детей в королей и королев, а плохих - в злых духов. Считалось, что *Тилвит Тег* живут в каком-то невидимом мире, куда дети после смерти могут попасть, чтобы получить награду или наказание в соответствии с их поведением на этой земле. Даже в этой жизни *Tylwyth Teg* имели власть над детьми во благо или во зло. Согласно этим представлениям, считалось, что *Tylwyth Teg* - это духи".

Через несколько дней после моего возвращения в Оксфорд преподобный Т. М. Морган через своего сына, мистера Бэзила И. Моргана из колледжа Иисуса, передал мне в руки дополнительные фольклорные свидетельства из своего прихода: "После того как мистер Венц посетил меня в четверг, 30 сентября 1909 года, я пошел к мистеру Шему Моргану, хозяину фермы *Cwmcastellfach*, старику около семидесяти лет. Он рассказал мне, что в дни его детства сердце каждого ребенка было охвачено страхом перед феями. Они считались злыми духами, посещающими наш мир по ночам, и с ними было опасно вступать в контакт; среди них не было добрых духов. Он рассказал мне три истории, связанные с феями

Первое повествование рассказывает о том, что у *тилвит-тегов* есть тропы (точно такие же, как у ирландских *добрых людей* или бретонских мертвецов), и что для смертного, идущего по одной из этих троп, встретить *тилвит-тега* - смерть.

Гадание "Tylwyth Teg". Второй рассказ, который я цитирую: "Один фермер из этого района, потеряв свой скот, отправился посоветоваться с у *dyn hysbys* (прорицателем) в Кардиганшире, который был дружен с феями. Всякий раз, когда феи посещали прорицателя, они предсказывали будущие события, тайны и местонахождение потерянного имущества. Когда фермер добрался до дома прорицателя, тот показал ему фей, а затем, посоветовавшись с ними, сказал фермеру, чтобы тот как можно скорее отправлялся домой и нашел скот в таком-то и таком-то месте. Фермер сделал все, как ему было велено, и нашел скот в том самом месте, где ему сказали *дин хайсби*". А в третьем рассказе утверждается, что один человек из прихода Трелех, которого обманым путем лишили возможности унаследовать имущество его умершего отца по поддельному завещанию, обнаружил обманщика и вернул себе имущество только благодаря тому, что последовал совету, который ему дали *тилвит-теги*, когда (как и в вышеприведенном рассказе) их вызвал в качестве духов *дин-гисбис*, мистер Харрис из Кврт-и-Кадно, местечка близ Аберистуита [\[56\]](#).

Свидетельство мирового судьи

Мистер Дэвид Уильямс, член Общества *Symmgrogorion* в Кармартене, который уже десять лет заседает в судебной палате, предлагает нам очень ценные свидетельства, которые приводятся ниже.

"Tylwyth Teg" и их король и королева. - "Общая идея, насколько я помню, заключалась в том, что *Tylwyth Teg* были только гостями этого мира и не имели земных жилищ. Они были маленького роста, как гномы, и всегда появлялись в белом. Часто по ночам они танцевали в кольцах среди зеленых полей. Большинство из них были женщинами, хотя у них был король; и, как следует из их названия, они были очень красивы внешне. Короля *тилвитов Тега* звали *Гвидион ab Don*, *Гвид* означал темперамент в природе человека. Его резиденция находилась среди звезд и называлась *Каэр Гвидион*. Его королевой была *Гвенхидв*. Я слышал, как моя мать называла маленькие, похожие на руно облака, которые появляются в хорошую погоду, *овцами Гвенхидв*"[57].

Свидетельство мистера Уильямса продолжается и подводит нас непосредственно к психологической или психической теории: "Как воздушные существа, *Tylwyth Teg* могли летать и перемещаться в воздухе по своему желанию. Они представляли собой особый порядок творения. Я никогда не слышал, чтобы они старели; а размножались они или нет, я не могу сказать. По характеру они почти всегда были добрыми".

Призраки и явления. - В конце концов наш разговор, как обычно, перешел к призракам и явлениям, а также к друидам. В главе, посвященной перерождению (стр. 390-1), мы приведем слова мистера Уильямса о друидах, а здесь он говорит о призраках и явлениях: "Шестьдесят лет назад вряд ли нашелся бы человек, который не верил бы в явления; в старые времена валлийские семьи собирались ночью у костра, и каждый по очереди рассказывал историю о *Tylwyth Teg* и призраках".

Видение призрачных похорон: "В Ньючерче жил старик Дэвид Дэвис (David Davis) из Абернанта (жил примерно в 1780-1840 гг.), который был известен тем, что видел призрачные похороны. Один из них явился ему однажды, когда он был с другом. "Ты видишь это? Видишь?" - взволнованно спросил старик. "Нет", - ответил его друг. Тогда старик поставил свою ногу на ногу друга и сказал: "Теперь ты ее видишь?". И друг ответил, что видит"[58].

Наконец, мы узнаем от мистера Уильямса о валлийской магии и колдовстве, которые с научной точки зрения невозможно отделить от веры в фей и призраков: "Раньше в этой стране было много колдовства; и полностью верили, что некоторые люди, если они были продвинутыми учеными, обладали способностью причинять вред или околдовывать своих соседей с помощью магии. Чем более продвинутым был ученый, тем лучше он владел своим ремеслом".

Дополнительные свидетельства из Кармартеншира

Мой друг и сокурсник по Колледжу Иисуса, мистер Персиваль В. Дэвис из Кармартена, в качестве дополнения к вышеизложенному приводит следующие свидетельства своей двоюродной бабушки, миссис Спуррелл, также из Кармартена, коренной валлийки, которая видела *canwyll gorff* (свечу для трупов):-...

Bendith y Mamau. - В Кармартеншире фей (*Tylwyth Teg*) часто называют *Bendith y Mamau*, "Благословение матерей".

Как десять детей стали феями. - "Наш Господь, когда Он ходил по земле, однажды случайно подошел к коттеджу, в котором жила женщина с двадцатью детьми. Стыдясь размера своей семьи, она спрятала половину из них от глаз своего божественного гостя. После Его ухода она тщетно искала спрятанных детей: они превратились в фей и исчезли".

В Пембрукшире; в Пентре Эван Кромлех

Наша свидетельница из Пемброкшира - валлийка, шестидесяти лет от роду, не говорящая по-английски, но ее племянник, выпускник университета, будет выступать в качестве переводчика. Она родилась на и всю жизнь прожила в окрестностях знаменитого Пентре Эван Кромлех, в доме своих предков, который настолько древний, что после шести веков его существования дальнейшие записи о нем утрачены. Несмотря на свои шестьдесят лет, наша свидетельница активна, как многие городские женщины сорока-сорока пяти лет. С самого детства она слышала любопытные легенды и истории и, проявляя более чем обычный интерес к преданиям родной страны, сохранила их в своей ясной и натренированной памяти. В первый вечер, пока эта ее хорошо сохранившаяся память выдавала некоторые из своих сокровищ, мы сидели в ее доме: я и мой друг, ее племянник, с одной стороны на каминном сиденье, а она и ее племянница - с другой, под веселым светом и теплом огня. Когда мы закончили ту первую ночь, было уже два часа, и ровный поток чудес и красивых легенд не прерывался. Вторую ночь мы провели точно так же. Далее следует результат, насколько он нас волнует:...

Феи и духи: "Духи и феи существуют вокруг нас, невидимые. У фей нет твердой телесной субстанции. Их форма напоминает призрачные тела, и поэтому их нельзя поймать. Их часто можно увидеть в сумерках, а летом - в лунные ночи. Только некоторые люди могут видеть фей, и такие люди общаются с ними и имеют с ними дело, но их трудно заставить говорить о феях. Я думаю, что духи вокруг нас - это падшие ангелы, ведь когда умер старый доктор Харрис, его книги о колдовстве пришлось сжечь, чтобы освободить место, где он жил, от злых духов. Фей тоже иногда называют падшими ангелами. Они приносят пользу тем, кто с ними дружит, и вред другим. Я думаю, что между земной и небесной жизнью должно быть промежуточное состояние, и, возможно, именно в нем живут духи и феи. Есть два разных типа духов: один - хороший, другой - плохой. Я слышал о людях, которые обращались к феям и обнаруживали, что годы проходят как дни, но я не верю в подменышей, хотя историй о них достаточно. В то, что феи и другие подобные им духи, как добрые, так и злые, существуют, я верю твердо. Моя мать рассказывала, что видела "фей-фолков", танцующих в полях близ Кардигана; другие люди видели их вокруг кромлеха на холме (Pentre Evan Cromlech). По некоторым свидетельствам, они появлялись в виде маленьких детей в одежде, похожей на солдатскую, и в красных шапочках".

Свечи смерти описаны: "Я видел не одну свечу смерти. Я видел одну свечу смерти прямо здесь, в этой комнате, где мы сидим и разговариваем". Племянник и племянница нашего сегодняшнего свидетеля рассказали мне, что эта конкретная смертная свеча шла по непроторенному пути от дома через поля к могильному двору, и что когда вскоре после этого умер один из членов семьи, их тетя настояла на том, чтобы труп несли точно таким же путем; поэтому дорога была заброшена, и похороны прошли через вспаханные поля. Вот описание свечи смерти, которое тетя дала в ответ на нашу просьбу: "Свеча смерти выглядит как пятно яркого света; и неважно, насколько темна комната или место, все в ней ясно как день. Свеча - это не пламя, а светящаяся масса, светло-голубого цвета, которая танцует, как будто ее несет невидимая сила, и иногда она перекачивается. Если подойти к свету, то это ничто, ибо это дух. Недалеко отсюда видели светильник размером с горшок, и от него во все стороны расходились лучи. Человек, которого вы сегодня видели в этом доме, однажды ночью, когда он шел по дороге возле Неверна, видел предсмертный свет старого доктора Харриса, и он говорит, что он был светло-зеленым".

Феи Горс-Гох. - Теперь мы стали больше слышать о феях: "Однажды ночью в дверь старинного поместья на ферме Горс-Гох в Кардиганшире постучали, и отец семейства спросил, что ему нужно. Тонкие серебристые голоса сказали, что им нужно теплое место, где можно одеть детей и привести их в порядок. Тогда дверь открылась, и в дом вошли дюжина или больше маленьких существ, которые тут же принялись искать таз и воду и приводить себя в порядок. На рассвете они ушли, оставив в ответ на доброту симпатичный подарок. В этом же доме в другое время, неважно, той же ли партией маленьких существ или другой, здоровый ребенок в семье был *заменен* некрещеным, а на его месте остался страшный на вид ребенок. В конце концов мать умерла от горя, остальные дети умерли из-за потери матери, и отец остался один. Через некоторое время после этого те же самые малыши, которые пришли в первый раз, вернулись, чтобы навести порядок, и, уходя, вместо прежних серебряных даров оставили золотые. Вскоре отец стал наследником богатой фермы в Северном Уэльсе и, переехав жить на нее, стал волшебником, потому что маленькие человечки, продолжая дружить с ним, открылись ему в своей истинной природе и научили его всем своим секретам".

Управление духами Леви Салмона: "Леви Салмон, живший около тридцати лет назад между этим городом и Ньюпортом, был магом и мог вызывать добрых и злых духов, но боялся вызывать злых, если с ним не было другого человека, так как это было опасное и страшное испытание. Посоветовавшись с некоторыми книгами, которые у него были, он чертил на полу круг, и через некоторое время в нем появлялись духи, похожие на быков, змей и других животных, и всевозможные духи говорили. Подходить к ним было небезопасно, и, чтобы контролировать их, Леви держал в руке кнут. Он никогда не позволял им пересекать круг. А когда он хотел, чтобы они ушли, ему всегда приходилось бросать что-нибудь главному духу".

Поместье с привидениями и золотой образ. Теперь я предлагаю вашему вниманию следующую удивительную историю, рассказанную моим родным языком: "В старинном поместье на ферме Треверн (менее чем в миле от Пентр Эван Кромлех), сколько себя помнит, жили привидения. В нем часто слышались странные звуки, посуда плясала сама по себе, а иногда появлялась дама, одетая в шелка. Было предпринято множество попыток уложить призраков, но ни одна из них не увенчалась успехом. В конце концов все стало настолько плохо, что никто не хотел там жить. Около восьмидесяти лет назад единственными обитателями дома с привидениями были мистер -- и двое его слуг. В то время в округе было хорошо известно, что один момент мистер -- стал очень богатым, а его слуги, казалось, могли купить все, что хотели. Все удивлялись, но никто не мог сказать, откуда берутся деньги, ведь поначалу он был бедняком и не мог много заработать на ферме. Секрет просочился наружу через одного из слуг только после смерти мистера. Слуга заявил друзьям, что один из призраков, или, как он думал, дьявол, явился к мистеру -- и сказал, что в комнате над главным входом в поместье замурован образ, представляющий большую ценность. Был произведен обыск, и, как оказалось, в указанном месте, в углублении в стене, был найден большой образ из чистого золота. Господин -- обязал слуг хранить тайну и начал превращать изображение в деньги. Он отрезал от образа небольшие кусочки, по одному, отвозил их в Лондон и продавал. Таким образом он продал весь образ, и никто ничего не узнал. После того как образ был найден и уничтожен, призраков в доме больше не видели, как и не слышали необычных звуков по ночам. Единственное, что, вне всяких сомнений, является правдой, - это то, что после смерти мистер -- оставил своему сыну наследство стоимостью около 50 000 фунтов стерлингов (сумма, вероятно, значительно превышающая истинную); и с тех пор люди всегда задавались вопросом, откуда оно взялось, если не частично от золотого образа[59].

Можно привести сотни параллельных историй, в которых вместо привидений рассказывается о феях и демонах, открывших спрятанные сокровища.

На полуострове Гоуэр, Гламорганшир

Наши исследования в Гламорганшире охватывают наиболее интересную часть - полуостров Гоуэр, где сложились особые фольклорные условия, поскольку его нынешнее население по происхождению англичане и фламандцы, а также корнуэльцы и валлийцы. Несмотря на эту расовую примесь, брайтонские верования в целом сохранились на Гоуэре даже среди не кельтов; а благодаря корнуэльскому элементу здесь водятся пикси, о чем свидетельствует следующая история, рассказанная мне в Суонси мистером --, известным горным инженером:...

В Ньютоне, недалеко от Мамблса (в Гоуэре), одна старушка лет двадцать назад уверяла меня, что видела пикси. Серая кобыла ее отца стояла в ловушке перед домом, чтобы отвезти продукты на рынок в Суонси, и когда пришло время отъезда, появились пикси, но никто, кроме старухи, их не видел. Она описала мне их как крошечных человечков, танцующих на спине кобылы и взбирающихся вверх по ее гриве. Она считала пикси какими-то духами, которые появляются ранним утром; и все несчастья с коровами она приписывала им".

Свидетельство археолога

Преподобный Джон Дэвид Дэвис, настоятель приходов Лланмадок и Черитон и член Кембрийского археологического общества, много лет изучал древности и фольклор Гоуэра, являясь автором различных антикварных работ; и он, без сомнения, является самым старым и лучшим живым авторитетом, который может нам помочь. Ректор с большой готовностью предоставляет это свидетельство:...

Пикси и "Верри Волк" - "В этой части Гоуэра название *Tylwyth Teg* никогда не используется для описания фей; вместо него используется *Verry Volk*. Лет шестьдесят назад, насколько я помню, здесь, в Гоуэре, верили в таких фей, но сейчас их почти нет. Вера в привидения все еще существует в некоторой степени. Также можно услышать о том, что человек стал жертвой пикси; пикси могут заставить путника сбиться с пути ночью, если он пересечет поле, где они случайно оказались. Если снять пальто и вывернуть его наизнанку, то это снимет чары пикси. [60] *Верри Волк* всегда были маленькими человечками, одетыми в алое и зеленое; они обычно показывали себя танцующими в лунные ночи. Я никогда не слышал, чтобы они делали подменышей, хотя они обладали способностью совершать добрые или злые поступки, и обидеть их было очень рискованно. По своей природе они были доброжелательны".

Я слышал следующую историю много лет назад: арендатору фермы Эйнонсфорд в Гоуэре однажды ночью приснился сон, и ему показалось, что он слышит тихую сладкую музыку и топот танцующих ног. Проснувшись, он увидел, что его коровник, выходящий из спальни, заполнен множеством маленьких существ высотой около одного фута, которые копошатся вокруг его жирного быка и готовятся его зарезать. Он был так удивлен, что не мог пошевелиться. За короткое время *Верри Волк* убил, одел и съел животное. Когда пиршество закончилось, они собрали шкуру и кости, за исключением одной маленькой ножной кости, которую не смогли найти, положили их на место, а затем натянули на них шкуру; и, как ни вглядывался фермер, бык казался таким же здоровым и жирным, как всегда, но когда утром

он выпустил его на пастбище, то заметил, что у него слегка хромает нога, на которой не хватает кости"[61].

Феи среди английского населения Гоуэра

Население Лланмадокской области Гауэра в целом является английским по происхождению и речи; и только достигнув Лланморле, за Лланридианом, я обнаружил что-то похожее на исконно кельтский и валлийский народ, который, возможно, появился в этой части сравнительно недавно; и все же, как доказывают приведенные выше географические названия, в ранние времена все эти области, должно быть, были валлийскими. Однако можно утверждать, что это англоязычное население может быть скорее кельтским, чем саксонским, даже если это эмигранты из Англии. В любом случае, мы можем с интересом наблюдать, как это так называемое английское население теперь повторяет бриттские верования, которые они, похоже, переняли в Гоуэре, возможно, с симпатией из-за расового родства; и следующее свидетельство, предложенное мисс Сарой Дженкинс, почтмейстером Лланмадока, позволит нам сделать это:-...

Танцы с феями: "Мужчину, чье христианское имя было Уильям, феи заманили в свой танец, когда он ранним утром направлялся на рынок в Суонси. Они заставили его танцевать некоторое время, а затем, прежде чем отпустить, сказали ему: "Ты будешь хорошо танцевать; последний, кто идет на рынок, и первый, кто будет продавать". И хотя он пришел на рынок очень поздно, он продал все первым".

Деньги фей. - Одна знакомая старушка находила деньги, оставленные феями, каждый раз, когда они посещали ее дом. Долгое время она выполняла их просьбы и никому не рассказывала о деньгах; но наконец она рассказала, и после этого никогда не находила денег".

Природа фей: "Считалось, что феи (*very folk*) любят музыку и танцы. Иногда они появлялись в ярко-красной одежде. Они могли внезапно появляться и исчезать, и никто не мог сказать, как и где".

Заключение

Можно было бы еще многое сказать о валлийских гоблинах, о валлийских феях, живущих в пещерах, о валлийских женщинах-феях, которые выходят из озер и рек или являются духами-покровительницами священных колодцев и фонтанов,[62] но эти вопросы будут рассмотрены позже, в [разделе III](#). Для целей настоящего исследования было предложено достаточно доказательств, чтобы показать фундаментальный характер бриттских фей в том виде, в котором мы их обнаружили. И мы можем очень уместно завершить это расследование, позволив нашему валлийскому свидетелю из страны Пентр-Эван, Пемброкшир, рассказать нам одну из самых красивых и интересных сказок во всем Уэльсе. Встречающееся в ней имя Талиессин заставляет нас подозревать, что она может быть остатком древней бардовской сказки, которая передавалась из уст в уста на протяжении веков. Она послужит иллюстрацией заметного различия между короткими разговорными историями живой веры фей и более длинными и отточенными историями традиционной веры фей; и мы увидим, как литературный эффект достигается за счет реального характера самих фей, поскольку он превращает их в смертных: - Эйнион и Олвен.

Эйнион и Олвен. - Моя мать рассказывала эту историю, сидя у огня в сумерках и вяжу чулки: "Однажды, когда было пасмурно и туманно, мальчик-пастух, отправившийся в горы, сбился с пути и шел несколько часов. Наконец он пришел в ложбину, окруженную камышами, где увидел несколько круглых колец. Он узнал это место, о котором часто слышал, что оно опасно для пастухов из-за колец. Он попытался уйти оттуда, но не смог. Тогда появился старый, веселый, голубоглазый человек. Мальчик, думая найти дорогу домой, пошел за стариком, а тот сказал ему: "Не говори ни слова, пока я тебе не скажу". Через некоторое время они пришли к *менгиру* (длинному камню). Старик трижды постучал по нему, а затем поднял его. Открылась узкая тропинка со ступенями, спускающимися вниз, и из нее появился голубовато-белый свет. Иди за мной, - сказал старик, - тебе не причинят вреда". Мальчик так и сделал, и вскоре он увидел прекрасную, лесистую, плодородную страну с красивым дворцом, реками и горами. Он добрался до дворца и был очарован пением птиц. Во дворце звучала всевозможная музыка, но людей он не видел. Во время еды блюда появлялись и исчезали по собственному желанию. Он слышал вокруг себя голоса, но не видел никого, кроме старика, который сказал, что теперь он может говорить. Когда он попытался заговорить, то обнаружил, что не может пошевелить языком. Вскоре к нему подошла улыбающаяся старуха с тремя прекрасными девами, и когда девы увидели мальчика-пастуха, они заулыбались и заговорили, но он не мог ответить. Тогда одна из девушек поцеловала его, и он сразу же начал свободно и остроумно разговаривать. В полном восторге от чудесной страны он прожил с девами во дворце день и год, не считая их более чем днем, ибо в той стране не было счета времени. Когда прошли день и год, на него нахлынуло желание увидеть своих старых знакомых; поблагодарив старика за его доброту, он спросил, можно ли ему вернуться домой. Старик сказал ему: "Подожди немного"; и он подождал. Дева, поцеловавшая его, не хотела отпускать его; но когда он пообещал ей вернуться, она отправила его, нагрузив богатствами.

Дома его не знал ни один из его людей или старых друзей. Все считали, что его убил другой пастух. А этот пастух был обвинен в убийстве и бежал в Америку.

В первый день новолуния мальчик вспомнил о своем обещании и вернулся в другую страну; и в прекрасном дворце было великое ликование, когда он прибыл. Эйнион, так звали юношу, и Олвен, так звали девушку, захотели пожениться, но им пришлось сделать это тихо и полутайно, потому что *феи* не любили церемоний и шума. Когда свадьба была окончена, Эйнион пожелал вернуться с Олвен в верхний мир. Им дали двух белоснежных пони и позволили отправиться в путь.

Они благополучно достигли верхнего мира и, обладая неограниченными богатствами, прекрасно жили в большом поместье, которое перешло в их собственность. У них родился сын, и его называли Талиессин. Вскоре стали спрашивать о родословной Олвен, а так как никто не давал, то считалось, что она одна из *фей*. Да, действительно, - сказал Эйнион, - нет сомнений, что она одна из *фейрифолков*, нет сомнений, что она одна из самых *фейрифолков*, потому что у нее есть две сестры, такие же красивые, как она, и если бы вы видели их всех вместе, вы бы признали, что имя подходящее". Отсюда и происходит термин *fair-folk (Tylwyth Teg)*".

Из Уэльса мы отправляемся в ближайшую британскую страну, Корнуолл, чтобы изучить тамошних фей.

VI. В КОРНУОЛЛЕ

Введение Генри Дженнера, члена Горседда бардов Бретани, члена и местного секретаря Общества антикваров по Корнуоллу, автора книги "Справочник по корнуолльскому языку" и т. д.

В Корнуолле легенды о великанах, святых, Артуре и его рыцарях, обряды и суеверия, связанные с доисторическими каменными памятниками, святыми колодцами, шахтами и тому подобным, истории о затопленных или погребенных городах и фрагменты, казалось бы, дохристианских верований, несомненно, имеют случайные точки соприкосновения с легендами о корнуолльских феях, но они не очень-то помогают объяснить фей. Однако несомненно, что не только в Корнуолле и других кельтских землях, но и во всем мире существует или существовала вера в фей, и столь широкое распространение веры должно иметь под собой основания, хотя и не обязательно хорошие. То, что с бессознательным юмором люди обычно называют "образованием", в наши дни заставило низшие классы, которым была доверена эта вера, стыдиться ее, презирать и пытаться забыть. Так и сейчас в Корнуолле, как и в других местах во время более ранней вспышки филистерства - Реформации,

Из призрачного источника и травянистого кольца
выходят гоблины, эльфы и феи,
И келпи должны вылететь из черной болотной ямы,
И брауни не должен задерживаться.

Но, несмотря на протестантизм, школьные советы и комитеты по образованию, "писки-поу" все еще размещают на коньковых плитках западнокорнуолльских коттеджей, чтобы умиловить писки и дать им место для танцев, чтобы молоко не прокисало, а жители Св. Джаст и Морвах до сих пор "водят писки" по Гампу (*an Ūn Gumpas*, Level Down, между замком Чун и Карн Кениджак), и реже - по Сент-Колумбу и Роше на Госс-Муре. Не стоит говорить, что это всего лишь другая форма "виски во главе". Это явно современное объяснение, придуманное после замены странных шотландских и ирландских напитков добрым "Нантом" и полезным "Плимут" прежних времен, и оно никак не вяжется с явлениями. Только прошлой зимой в коттедже, расположенном в сотне ярдов от того места, где я сейчас пишу, по ночам ставили молоко для писки, которые стучали в стены и вообще доставляли неудобства. По всей видимости, писки пили только "астральную" часть молока (что бы это ни было), а потом соседские кошки пили то, что оставалось, и оно им не нравилось. Я не могу ручаться за достоверность информации о писках и "астральном" молоке - я передаю ее так, как мне рассказал жилец коттеджа, небезызвестный в "окультурной" терминологии, - но я знаю, что молоко было выпито и что кошки, одна из которых была моей собственной, дружно заболели на всю округу. Но для данной цели не имеет значения, происходили ли эти вещи на самом деле или нет. Главное, что люди думали, что они произошли.

Роберт Хант в своих "Популярных романах Западной Англии" разделил фей корнуэльского фольклора на пять классов: (1) Маленький народ; (2) Спригганы; (3) Писки; (4) Бакки, Боклы, или Нокеры; (5) Брауни. Это неправильная классификация. *Pobel Vean* или Small People, Spriggans и Piskies на самом деле не отличимы друг от друга. Бакка, который на самом деле всего один, - это божество, а не фея, и говорят, что в Ньюлине, великом месте его поклонения, на пляже до сих пор оставляют для него подношения из рыбы. Его имя - валлийское *rwisa*, что, вероятно, означает "Пак", хотя шекспировский Пак был просто писком, и оно может быть связано с общим славянским словом *Bog* - Бог; Так что если, как говорят некоторые, *bussaboo* действительно означает *Bussa-du*, Черную Бакку, то это может быть эквивалентом *Чернобога*, Черного Бога, который был Ариманом славянского дуализма, а *Bussa-widn* (Белая Бакка), что встречается реже, хотя это выражение встречается в

рассказе St. Леване, может быть соответствующим *Белобогу*. *Bockle*, которое лично я никогда не слышал, предполагает шотландское *bogle*, и оба они могут быть уменьшительными от *bucca*, *bog*, *bogie* или *bug*, последнее в том смысле, в котором одна английская версия переводит *timor nocturnus* из Псалма ХС. 5, а не в смысле *cimex lectularius*. Но *bockle* и *brownie*, вероятно, оба являются иностранным импортом, заимствованным из книг, хотя за последние двадцать лет из Сеннена было сообщено о "брауни" *eo nomine*.

Нокеры или Нокеры - это минные духи, совершенно не связанные с Буккой или боглом. История, которую я всегда слышал, гласит, что это духи евреев, которых римляне отправили работать на оловянные рудники, по некоторым данным, за причастность к распятию Господа, что звучит неправдоподобно. Они являются доброжелательными духами и предупреждают шахтеров об опасности.

Но единственная настоящая корнуэльская фея - это Писки, представитель расы, которая является *Побел Веан* или Маленьким Народом, а Спригган - лишь один из его аспектов. Писки - это, по-видимому, "брауни" шотландцев из низин, "*дуин сит*" горцев и, если судить по интересной заметке в "*Пурате*" Скотта, "пегт" оркнейцев. Если *Daoine Sith* действительно означает "Народ курганов", а не "Люди мира", то, возможно, есть что-то в теории, что *Brownie*, *Duine Sith* и *Peght*, то есть пикты, - это лишь первоначальные способы выражения маленьких темнокожих аборигенов, которые, как предполагалось, населяли курганы, кромлехи и *аллеи кувертов*, и чья хитрость, их единственное эффективное оружие против простой силы арийского захватчика, принесла им репутацию магических сил. Теперь *Писки* или *Писги* на самом деле *Пикси*. Хотя как патриот-корнуоллец я не должен этого признавать, я не могу отрицать, тем более, что это больше подходит для моих аргументов, что форма *Девон* - правильная. Но, в конце концов, в *Девоне* всегда был силен корнуоллский элемент, даже с тех времен, когда *Ательстан* изгнал бриттов из *Эксетера* и установил границу по *Тамару*, и я думаю, что первоначальное слово действительно корнуоллское. Перенос согласных, особенно когда одним из них является *s*, не редкость в современном корнуоллском английском. *Hosged* - *hogshead*, а *haps* - *hasp* - хорошо известные примеры. Если мы возьмем корень *Pixy*, *Pix*, и разделим двойную букву *x* на составные части, то получим *Piks* или *Pics*, а если вспомним, что конечная *s* или *z* в корнуэльском почти всегда представляет собой *t* или *d* в валлийском и бретонском (ср. *tas* для *tad*, *nans* для *nant*, *bos* для *bod*), мы можем не без оснований, хотя и без абсолютной уверенности, предположить, что *Pixy* - это *Picty* в корнуэльской форме[63].

Не задаваясь вопросом о происхождении, этнологии или однородности тех, кого в истории называют "пиктами", со времен Аммиана Марцеллина и Клавдиана до Кеннета Макальпина, объединившего пиктское королевство с шотландским, мы, тем не менее, можем принять тот факт, что название "пикт" было популярно в отношении какой-то докельтской расы или рас, которым приписывались определенные древние сооружения, такие как "стеклокерамические форты" и "дома пиктов". В Корнуолле есть случаи, когда доисторические сооружения называли "пиктами" (есть так называемый *allée couverte* в Босахане в Константине), и "пиктами" (*Crow* или *Craw*, бретонское *Krao*, это сарай или лачуга; "pegs' craw" все еще используется для "свинарника"); и есть три подлинных примера того, что в Шотландии называли бы "домами пиктов" недалеко от St. Айвз в направлении Зеннора, хотя только современные антиквары применили к ним это название. В районе, где они находятся, на побережье от Сент-Айвса вокруг Зеннора, Морва, Пендина и Сент-Джуста почти до Сеннена, по сей день живут странные и отдельные люди монгольского типа, как бигаудены из Понт-л'Аббе и Пенмарка в бретонском Корнуале, одни из тех "осколков забытых народов"

"закатной границы Лионессы", о которых рассказывает Теннисон. Они представляют собой маленький темный народ "стугги", и до сравнительно недавнего времени считалось, что они отличаются от своих кельтских соседей, и было принято считать, что они в значительной степени волшебники и ведьмы. Один из информаторов мистера Вентца, похоже, приписывает Зеннору особенно злобную марку писки, а Зеннор - самая примитивная часть этого района. Возможно, что более несмешанные предки этой расы были "более такими", чем нынешние представители; Но как бы то ни было, если *Пикси* - это действительно *Пикти*, похоже, что, подобно жителям крайнего севера Британских островов, юго-западные британцы в конце концов применили довольно общее народное название таинственного, наполовину страшного, наполовину презираемого аборигена к расе сверхъестественных существ, в существование которых они верили, и вместе с названием перенесли некоторые качества, атрибуты и легенды, создав таким образом смешанную ментальную концепцию, известную сейчас как "писки" или "пикси".

По-видимому, всегда и везде (или почти всегда) существовала вера в расу, не божественную и не человеческую, но очень похожую на людей, которая существовала на "плоскости", отличной от человеческой, хотя и занимала то же пространство. Это называлось "астральным" или "четвертым измерением". Почему "астрал"? Почему "четвертое измерение"? Почему "плоскость"? Это вопросы, ответы на которые не имеют значения, и я не пытаюсь защищать термины, но вы должны это как-то называть. Это вера, о которой Скотт говорит во введении к *"Монастырю"*, как о "прекрасной, но почти забытой теории астральных духов или существ стихий, превосходящих человеческие существа в знаниях и силе, но уступающих им в том, что после определенного количества лет они подвергаются смерти, которая для них является уничтожением". Подразделения и разработки этой темы Парацельсом, росикрусианами и современными теософами, несомненно, являются усилением этой популярной веры, которая, хотя и неопределенной, напоминает теорию этих мистиков в своих основных чертах, и, вероятно, именно это подсказало им ее.

Считается, что эти существа обычно неощутимы для человеческих чувств, но могут возникнуть условия, при которых "астральный план" элементаров и та часть "физического плана", на которой, если можно так выразиться, находится человек, могут находиться в таком отношении друг к другу, что эти и другие духи могут быть видны и слышны. Возможно, такое состояние описано в истории о прорицателе Валааме, в том инциденте, когда "Господь открыл глаза юноше, и он увидел, и вот, гора полна коней и огненных колесниц вокруг Елисея", а также в таинственном "звуке, раздающемся в вершинах тутовых деревьев", который слышал Давид; но, несомненно, в этих случаях это были ангелы, а не элементарии. Можно также без обиняков предположить, что евангельские истории о Преображении и Вознесении связаны с той же идеей, хотя последняя выражена в форме геоцентрической теории Вселенной.

Корнуэльские истории о писки в основном состоят из случаев контакта между двумя "плоскостями", иногда случайного, иногда намеренно вызванного заклинаниями или волшебной глазной мазью, но с этими историями часто смешиваются происшествия, которые вовсе не являются сверхъестественными. Как, когда и почему возникла эта вера, я не берусь даже предполагать; но она есть, и хотя, конечно, ее носители не говорят о "плоскостях", это очень похоже на то представление, которое они имеют.

Я не думаю, что писки когда-либо определенно считались духами умерших, и хотя, как показывают некоторые из информаторов мистера Вентца, возникла определенная путаница, я думаю, что она относится к путаной эсхатологии современных протестантов. Для корнуэльца времен Реформации, да и для любого другого католика, эта идея была немыслима. 'Justorum

animae in manu Dei sunt, et non tanget illos tormentum malitiae: visi sunt oculis insipientium mori: illi autem sunt in pace', и переселение душ усопших верных в другой порядок существ, не развоплощенных, потому что никогда воплощенных, было для них невозможно. Такое представление стоит в одном ряду с причудливой, но очень обычной надеждой современного "евангелического" христианина, так прекрасно выраженной в одной из сказок Ганса Андерсена, что его ушедшие друзья превратятся в "ангелов". Возможно, как и в бретонской вере в смерть, существует идея о том, что души умерших верующих находятся рядом с нами, а не уносятся в *далекий* рай или чистилище. Это может иметь дохристианское происхождение, но не противоречит ни одному пункту христианской веры. Предупреждения, явления и призраки, "зов мертвых" в море и другие детали корнуэльских легенд о смерти, похоже, указывают на концепцию "плоскости" мертвых, подобной, но не обязательно идентичной плоскости элементалов. При некоторых совершенно неопределенных условиях может происходить контакт с "физическим планом", откуда и происходят предполагаемые инциденты; но эта корнуэльская вера в смерть, хотя иногда, как обычно в Бретани, и представляет подобные явления, сама по себе не имеет ничего общего с писками, а что касается неверных ушедших, то их предназначение также было хорошо известно, и это была не Сказочная страна. Возможно, есть связь между не очень распространенным представлением о том, что писки - это души некрещенных детей, и более распространенным представлением о том, что *Побель Веан* - это не бесплотные души, а живые души и тела старых язычников, которые, отказавшись от христианства, чудесным образом сохраняются живыми, но обречены уменьшаться в размерах, пока не исчезнут совсем. Некоторые авторитеты утверждают, что из поколения в поколение уменьшается именно род, а не отдельный человек.

Эта последняя идея, а также название "пикси" дают основания для вывода, что в применении к Корнуоллу теория мистера Макричи представляет собой часть правды, и что к уже существующей вере в элементаров были привиты преувеличенные традиции темного докельтского народа. Они не обязательно были пигмеями, но меньше кельтов, и, возможно, долгое время выживали в лесах и горных странах, иногда дружелюбно относясь к высокой расе, откуда и пошла история о писки, работающих на фермеров, иногда враждебно, чем и объясняются легенды о подменышах и других озорных проделках. Так это представляется тому, кто достаточно хорошо знает свой Корнуолл во всех его аспектах, но не считает себя знатоком фольклора.

Боспоус, Хейл, Корнуолл,
Июль 1910 года.

Наше исследование веры в фей в Корнуолле охватывает область между Фалмутом и Лендс-Эндом, которая сейчас является наиболее кельтской; а также страну Тинтагель на северном побережье. Принято считать, что древние корнуоллские легенды, как и корнуоллский язык, остались лишь в прошлом, но я больше не придерживаюсь такого мнения. Несомненно, Корнуолл - самая англизированная из всех кельтских земель, которые мы изучаем, и поэтому его фольклор далеко не так энергичен, как ирландский; тем не менее, в его жителях, как бы они ни были расово смешаны, все еще течет кровь и вдохновение доисторических предков, и среди самых старых корнуоллских мужчин и женщин во многих изолированных деревнях или фермах все еще сохранилась вера в фей и пикси. Более того, во всем Старом Корнуолле очень жива вера в Легенду о мертвых; и то, что эта корнуоллская Легенда о мертвых, с ее особым британским характером, должна быть параллельна бретонской Легенде о мертвых,

до сих пор, насколько мне известно, не указывалось. Однако я привожу лишь некоторые из собранных корнуэльских легенд о смерти, поскольку по сути большинство из них схожи.

Свидетельство корнуэльского историка

Мне посчастливилось впервые побывать в сельской местности Корнуолла в симпатичном загородном доме мисс Сьюзен Е. Гэй из Крилла, что в трех милях от Фалмута; мисс Гэй, написавшая известную историю Фалмута (*Old Falmouth*, London, 1903), охотно дала мне интервью по теме моего запроса и в конце концов продиктовала мне следующие сведения:

Пикси как существа "астрального плана" - "Пикси и феи - это маленькие существа в человеческой форме, существующие на "астральном плане", которые могут находиться в процессе эволюции; и как таковые, я полагаю, люди их видели. Астральный план" не известен нам сейчас, потому что наша психическая способность восприятия угасла из-за неиспользования, и это состояние было вызвано почти исключительным развитием физического мозга; но вполне вероятно, что психическая способность снова разовьется в свою очередь".

Психическая интерпретация народных преданий: "Я считаю, что в народных преданиях есть основа истины. С его остатками оккультного обучения, магии, чар и тому подобного, фольклор, кажется, является остатками забытых психических фактов, а не историей, как это часто называют.

Свидетельства крестьян из страны Крилл

Мисс Гей любезно сообщила мне имена некоторых крестьян в районе Крилл, и от одной из них, миссис Харриетт Кристофер, я почерпнул следующий материал

У одной женщины, жившей возле церкви Бридж, родился прекрасный ребенок, и она решила, что пришли пикси, забрали его и положили вместо него засохшего ребенка. Засохшее дитя дожило до двадцати лет, а когда умерло, было не больше, чем когда его принесли пикси. Он был капризным, раздражительным и страшно сморщенным. Родители верили, что пикси часто приходили и заглядывали через определенную стену у дома, чтобы увидеть ребенка. И я слышала, как моя бабушка рассказывала, что однажды семья выставила ребенка ночью за дверь, чтобы посмотреть, не заберут ли его пикси обратно".

Природа пикси: "Говорят, что пикси очень маленькие. Днем их никогда не видно. Я слышала, как моя бабушка, которой уже пятьдесят лет, рассказывала, что пикси устраивали ярмарку в полях возле Бриджа, и люди видели их там танцующими. Еще я помню, как она рассказывала, что было принято раскладывать еду для пикси на ночь. Моя бабушка очень верила в пикси и духов; она считала пикси духами. Она рассказывала так много историй о духах [умерших], которые возвращаются, и о таких вещах, что я боялась ложиться спать".

Свидетельства Константина

Нашими свидетелями из древней и живописной деревни Константина стали Джон Уилмет, семидесяти восьми лет от роду, и его добрая жена - два самых прекрасных и хорошо сохранившихся представителя уходящего поколения истинных корнуэльцев. Джон начал с

того, что рассказал мне следующую историю об *алле куверте* - историю, которую в той или иной версии можно рассказать о большинстве корнуолльских мегалитов:...

Уильям Мерфи, который женился на моей сестре, однажды отправился в дом писки в Босахане с землемером, и они вдвоем услышали в нем такие неземные звуки, что прибежали домой в большом волнении, утверждая, что слышали писки".

На одной из ферм неподалеку *писки* приходил по ночам молотить кукурузу фермера. Однажды фермер в качестве платы положил для него новый костюм. Когда писклявый пришел и увидел его, он надел его и сказал: - Писклявый, прекрасный и писклявый.

Писки хорош и писки весел,
Писки сейчас улетит.

И говорят, что он так и не вернулся".

Природа писки: "Я всегда понимал, что писки - это маленькие человечки. В этом месте много говорили о призраках. Я не могу сказать, являются ли писки тем же самым, что и привидения, но мне кажется, что старики считали их таковыми".

Экзорцизм: "Фермер, живший в двух милях отсюда, у реки Гвик, позвал Парсона Джаго к себе домой, чтобы тот успокоил призраков или духов, регулярно посещающих его, поскольку Парсон Джаго всегда мог утихомирить подобные вещи. Священнослужитель отправился в дом фермера, образовал кнотом круг на полу, а затем приказал духу, появившемуся на столе, спуститься в круг. Пока дух находился на столе, он был виден всей семье, но как только он попал в круг, то исчез; и после этого в доме никогда не было привидений".

На горе Святого Михаила, Маразион

Следующим местом для исследования сохранившейся веры корнуэльских фей стал Маразион, очень древний британский город на противоположном берегу острова, называемого горой Святого Михаила. (От Константины я проехал через всю страну до этого места, беседуя с большим количеством стариков, но никто из них не знал многого о древних корнуэльских верованиях). Считается, хотя это и весьма сомнительно, что Маразион был главным рынком для торговли оловом в кельтской Британии, и что гора, почитаемая Солнцем и языческими мистериями задолго до того, как Цезарь пересек Ла-Манш из Галлии, укрывала блестящие разноцветные парусники финикийцев.^[64] В таком романтическом городе, где, вероятно, когда-то смешивались восточные купцы и кельтские паломники, можно было ожидать некоторого выживания старых верований и обычаев.

Писки. - Мистеру Томасу Г. Джаго из Маразиона, обладающему памятью, простирающейся более чем на семьдесят лет назад, а ему самому уже восемьдесят лет, я обязан за это заявление о веровании в писки в этой местности: - Я представляю, что сто пятьдесят лет назад вера в писки и духов была всеобщей. В дни моего детства писки часто называли "the mites" (маленькие люди): их считали маленькими духами. Слово *piskies* - это старое корнуолльское наречие, обозначающее пикси. На некоторых травяных полях утром можно было увидеть грибы, растущие по кругу, и старики, указывая на грибы, говорили детям: "О, писки танцевали там прошлой ночью".

Еще два старейших уроженца Маразиона, с которыми я беседовал, - это Уильям Роу, восьмидесяти двух лет, и его замужняя сестра семидесяти восьми лет. О писки мистер Роу

сказал следующее: "Люди выходили ночью на улицу и сбивались с пути, а потом заявляли, что их провели писки. Я думаю, они имели в виду, что попали под какое-то духовное влияние - что какой-то дух сбил их с пути". Говорили, что писки маленькие, и считали их духами"[65] Сестра мистера Роу добавляла: "Если мы, будучи детьми, делали что-то не так, старики говорили нам: "Писки унесет вас, если вы еще раз так сделаете"".

Я слышал следующую историю о ведьмах от адвоката, уроженца этого района, который живет в деревне за Марационом: "Джимми Томас из прихода Вендрон, умерший в течение последних двадцати пяти лет, был последним знахарем, о котором я знаю в Западном Корнуолле. Считалось, что он обладает огромной властью над злыми духами. Его непосредственной предшественницей была женщина, которую называли "Ведьмой из Вендрона", и она вела большой бизнес. Мой отец однажды посетил ее в компании с другом, у которого отец потерял несколько лошадей. Это было около семидесяти-восемидесяти лет назад. Ведьма, к которой обратились по этому поводу, повернулась к отцу спиной и начала разговаривать сама с собой на корнуэльском языке. Затем она дала ему несколько трав. Отец использовал травы, и лошади больше не умирали: предполагалось, что травы изгнали всех злых духов из конюшни".

В Пензансе: Свидетельство архитектора

Пензанс с древнейших времен, несомненно, был, как и сейчас, столицей района Лэндс-Энд, Священной земли Британии. И в Пензансе мне посчастливилось встретиться с теми его жителями, которые до сих пор хранят поэзию и мистические предания старого Корнуолла; и никому из них я не обязан больше, чем мистеру Генри Маддерну, F.I.A.S. Мистер Маддерн рассказал мне, что он сам был архитектором. Мэддерн рассказал мне, что был посвящен в тайны корнуоллского фольклора этого региона еще мальчиком в Ньюлине, где он родился, своей старой кормилицей Бетти Гранкан, уроженкой Зеннора, из рода, вероятно, самого примитивного и чистого на Британских островах. В своем доме в Пензансе мистер Мэддерн продиктовал мне очень ценные свидетельства, которые приводятся ниже.

В этом регионе есть два вида *пикси*: пикси, обитающие на суше, и пикси, обитающие на морском дне между высокой и низкой отметкой воды[66]. Когда я был мальчиком, было очень распространено поверье, что этого пикси, обитающего на морском дне и называемого *Букка*,[67] нужно умиловить *броском* (тремя) рыбы, чтобы рыбакам был хороший улов. Считалось, что сухопутный пикси может сделать своих почитателей невидимыми, если те помажут глаза зеленой мазью из секретных трав, собранных в Керрис-Муре. 68] В таком невидимом состоянии люди могли присоединиться к пикси-праздникам, во время которых, согласно старой традиции, время ускользало очень и очень быстро, хотя люди возвращались от пикси не старше, чем когда уходили с ними".

Кормилица и мазь": "Я слышал о девушке из Зеннора, которая приехала в Ньюлин в качестве кормилицы для ребенка джентльмена, живущего в Циммерман-Коте. Джентльмен предупредил ее, чтобы она никогда не прикасалась к коробке с мазью, которую он хранил в специальной комнате, и даже не входила в эту комнату; но однажды в его отсутствие она вошла в комнату и взяла немного мази. Подозревая о свойствах мази, она положила ее на глаза, желая увидеть, где находится ее хозяин. Она сразу же оказалась в верхней части фруктового сада среди пикси, где у них было много *джанкет* (праздников и танцев); там она увидела джентльмена, чьего ребенка она нянчила. Некоторое время ей удавалось ускользать

от него, но перед самым окончанием *гулянья* он обнаружил ее и попросил домой; и тут, к своему великому изумлению, она узнала, что отсутствовала двадцать лет, хотя и не изменилась. Джентльмен отругал ее за то, что она прикоснулась к мази, выплатил ей жалованье сполна и отправил обратно к своему народу. Она всегда жалела только об одном - что не вошла в запретную комнату сразу".

Троль из Толкарна. Фея из ньюлинского Толкарна[69] чем-то напоминала Пака из английского Мидленда. Но эта фея, или троль, предположительно восходит к временам финикийцев. Его описывали как маленького пожилого человечка с приятным лицом, одетого в плотно облегающую кожаную кофту, с капюшоном на голове, который жил невидимым в скале. Когда он хотел, то мог стать видимым. Когда я был мальчиком, говорили, что он проводил время, путешествуя отсюда в Тир на галерах, перевозивших олово, а также что он помогал в строительстве храма Соломона. Иногда его называли "Блуждающим" или "Одином-странником". Моя старая няня, Бетти Гранкан, говорила, что тролля можно вызвать в Толкарне, если, находясь там, держать в руке три высушенных листа - ясеня, дуба и терна - и произносить заклинание или талисман. Бетти никогда не говорила мне слов заклинания, потому что считала, что я слишком скептик. Слова такого корнуолльского заклинания должны были передаваться от одного верующего к другому, от женщины к мужчине, от мужчины к женщине, и так попеременно"[70].

Природа пикси: "Пикси часто считались душами доисторических обитателей этой страны. Как таковые, пикси должны были становиться все меньше и меньше, пока, наконец, не исчезнут совсем. Деревенские пикси, обитающие на возвышенностях от Ньюлина до Сен-Жюста, считались злым родом. Их главной целью было подменить свое потомство человеческими детьми, а настоящего ребенка можно было получить обратно, только положив на подменыша четырехлистный клевер. Ребенок-виник - слабый, хрупкий и раздражительный - имел природу подменыша. Шахтерские пикси, называемые "стукачами", по доброй воле принимали часть *кроста* (обеда) шахтера и, постучав, приводили его к богатой жиле или предупреждали стуком, если впереди была опасность или пещера, полная воды; но если шахтер уступал им *крост*, он был предоставлен сам себе, чтобы найти жилу, и, более того, "стукачи" делали все возможное, чтобы увести его от хорошей жилы. Эти пикси тоже считались духами, иногда духами шахтеров древних времен"[71].

Феи и пикси: "В целом феи выглядели так же, как и пикси. Это были маленькие мужчины и женщины, гораздо меньше карликов. У мужчин был смуглый цвет лица, а у женщин - прозрачный, похожий на персик. На вид никому из них не было больше пяти-двадцатитридцати лет. Я слышал, как моя кормилица говорила, что видит их десятки, когда собирает четырехлистный клевер и кладет его в пучок соломы, который она носила на голове в качестве подушки для ведра с молоком. По ее мнению, их привлекало богатство молока. Пикси, как и феи, очень любят молоко, и скупые люди обсыпали корову солью, чтобы отпугнуть пикси, а потом пикси при первой же возможности сбивали таких скупых людей с пути. По словам некоторых деревенских жителей, пикси видели и днем, но обычно их встречают только ночью".

Мнение корнуэльского редактора

Мистер Герберт Томас, редактор четырех корнуоллских газет, "*Корнишмен*", "*Корниш Телеграф*", "*Пост*" и "*Ивнинг Таймс*", и сам настоящий кельт, глубоко интересовался фольклором Корнуолла и прекрасно использовал его в своей поэзии и других литературных

произведениях; поэтому его личное мнение о вероятном происхождении веры в фей, приведенное ниже, является для нашего исследования очень важным вкладом:-...

Анимистическое происхождение веры в пикси - "Я бы сказал, что современная вера в пикси, или фей, возникла из очень древней кельтской или докельтской веры в духов. Подобно тому, как среди некоторых диких племен существует вера в богов и тотемы, здесь существовала вера в маленьких духов, хороших и плохих, которые могли помочь или помешать человеку. Вера в сверхъестественное, на мой взгляд, является корнем всего этого".

Свидетельство корнуэльского фольклориста

В Пензансе мне посчастливилось встретиться с мисс М. А. Кортни, известной фольклористкой, которая совершенно согласна со мной в том, что в Корнуолле широко распространены легенды о мертвых; в качестве иллюстрации она привела несколько особых примеров, а именно:...

Корнуэльская легенда о мертвых - "Здесь среди рыбаков и моряков существует поверье, что мертвые в море услышат зов, если вот-вот утонут. Я знаю женщину, которая обратилась к священнику, чтобы он изгнал из нее дух ее умершей сестры, который, по ее словам, явился в виде пчелы. И я слышал, что шахтеры верят, что белые мотыльки - это духи"[72].

Свидетельства из Ньюлина

В Ньюлине миссис Джейн Трегурта дала следующие важные свидетельства:...

Старики верили в *маленький народ* и в то, что он бродит по болотам в лунные ночи. Одни пикси сыпали благословения, другие - проклятия, а чтобы снять проклятия, люди отправлялись к колодцам, освященным святыми. Если ночью на кухне что-то шло не так, винили пикси. После 31 октября [или после Хэллоуина] ежевику есть нельзя, потому что над ней уже побывали пикси" (см. параллельное ирландское поверье, с. 38).

Фея-хранительница Мен-ан-Тола. [73]- Предполагается, что в Мен-ан-Толе есть фея-хранительница или пикси, которая может совершать чудесные исцеления. И моя мать знала случай, когда подмененного ребенка пропустили через камень, чтобы вернуть настоящего. Похоже, что злые пикси меняли детей, а пикси в Мен-ан-Толе, будучи добрыми, могли, противодействуя им, отменить их работу".

Экзорцизм: "Дух был усмирен на зелени в Ньюлине. Пастор молился и постился, а затем приказал духу *вычерпать* море раковиной лимпета без дна; предполагается, что дух до сих пор занят этим делом.

Когда я беседовал с ней в ее аккуратном коттедже в Ньюлине, мисс Мэри Энн Чиргвин (родившаяся на горе Святого Михаила в 1825 году) сказала мне следующее: "Старики говорили, что пикси - это явление мертвых, вернувшихся в виде маленьких человечков, но я не помню о них ничего больше, чем это".

Свидетельство художника

Один из членов художественной школы в Ньюлине смог поделиться своими впечатлениями о пикси Девоншира, где он часто делал зарисовки пикси по описаниям, которые ему давали крестьяне: "Пикси Девоншира.

Devonshire Pixies. - "На всем западе Девоншира, вблизи болот, деревенские жители сильно верят в пикси и призраков. Думаю, они ожидают увидеть их в сумерках; хотя я не нашел ни одного человека, который бы действительно видел пикси - вера теперь в основном основана на слухах.

Свидетельство историка из Маусхола

Мистеру Ричарду Гарри, историку из Маусхола, я обязан этими замечаниями о природе и нынешнем состоянии веры в пикси, как он наблюдает ее в этом регионе:-

Вера в пикси: "В пикси, считающихся маленькими человечками, которые появляются в лунные ночи, здесь до сих пор верят. Говорят, что если слишком сильно вмешиваться в их жизнь, они проявляют почти дьявольскую силу. В определенном смысле они считаются духовными, но в другом смысле в представлениях людей они сильно материализованы. В общем, вера в них почти угасла за последние пятьдесят лет".

Свидетельство моряка

Дядя Билли Пендер", как принято называть нашего свидетеля, - один из старейших уроженцев Маусхола, ему восемьдесят пять лет, и большая часть его жизни прошла в океане, в качестве рыбака, моряка и лоцмана. Рассказав мне обычные вещи о писках, феях, духах, привидениях и дьяволе, дядя Билли Пендер очень скоро заговорил о мертвых:...

Корнуэльская легенда о мертвых: "Я лежал в постели и, видимо, спал, и мне приснилось, что мальчик Джеймс подошел к моей кровати и разбудил меня, спросив: "Сколько огней выставляет Смерть?" И во сне появился такой свет, какого я никогда не видел в своей жизни; а когда я проснулся, в комнате был еще один такой же свет". В течение трех месяцев после этого мы похоронили двух внуков из этого дома. Это было четыре года назад". Когда эта странная история была закончена, дочь дяди Билли Пендера, которая слушала, добавила: "Три утра, одно за другим, у двери нашего подвала перед смертью появлялся малиновщик, и мой муж сказал, что ему это не нравится".

Затем дядя Билли рассказал эту странную бретонскую сказку: "Бабушка рассказывала о судне под названием "Блюхер", шедшем из Ньюлина в Бристоль с шестью тысячами макрелей, которое из-за плохой погоды причалило в бухте Арбор, неподалеку от Падстоу. Судно зацепилось за якоря и погибло. После этого "Бабушка" заявил, что видел, как команда поднималась над Ньюлинским слипом; и весь Ньюлин и Маусхол поверили ему".

Свидетельство двух фермеров с Лэндс-Энда

В Сенненской области, в миле от конца Британии, я беседовал с двумя фермерами, которые кое-что знали о пикси. Первый из них, Чарльз Хатчен из Тревескана, рассказал мне такую легенду

Неподалеку от *Сен-Жюста* на Рождество писки унес в своем плаще мальчика, но тот добрался до дома. Тогда писки унес его во второй раз, и снова мальчик вернулся домой. Каждый раз мальчик отсутствовал всего час" (вероятно, в состоянии сна или транса).

Фрэнк Эллис, семидесяти восьми лет от роду, из той же деревни Тревескан, дал следующие показания: "На Си-Вью-Грин есть два кольца, где писки танцевали и играли музыку в лунную ночь. Я слышал, что они приходят туда с болот. Их называют *маленькими человечками*. Если не шуметь, когда они танцуют, то их можно увидеть, а если шуметь, то они исчезают". Жена Фрэнка Эллиса, очень пожилая женщина, была в доме и прислушивалась к разговору, а потом добавила: - Моя бабушка, Нэнси Мэддерн, была на Си-Вью-Грин при свете луны и видела, как танцуют писки, и прошла рядом с ними. Она сказала, что они были похожи на маленьких детей, и на них были красные плащи".

Свидетельство рыбака из бухты Сеннен

Джон Гилберт Гай, семидесяти восьми лет от роду, отставной рыбак из бухты Сеннен, приводит следующие ценные свидетельства:...

"Маленькие люди". - "Многие говорят, что видели *маленьких людей* здесь сотнями. В Ирландии *маленьких людей* называют феями. Моя мама верит, что такие существа существовали, и старики в этих краях тоже. Моя бабушка в штормовые ночи разводила для них хороший костер, потому что, как она говорила, "это своего рода люди, бродящие по миру без дома и жилья, и их нужно немного утешить". Больше всего она боялась, что они могут прийти ночью и подменить ребенка на того, который не годится. Моя мама рассказывала, что Джоан Николас считала, что феи подменили ее ребенка, потому что он был очень маленьким и раздражительным. На холме вы увидите круглое кольцо, где трава зеленее, чем где-либо еще, и именно там танцевал *маленький народ*".

Опасность встречи с "маленьким народом": "Я слышал, что одна женщина поставила воду, чтобы помыть ребенка, и, прежде чем она использовала воду, пришли *маленькие люди* и помыли в ней своих детей. Она не знала об этом, и поэтому, когда мыла ребенка, немного воды попало ей в глаза, и тогда она сразу же увидела вокруг себя толпы *маленьких людей*. Один из них подошел к ней и спросил, может ли она видеть их толпу, и когда она ответила "да", *маленькие человечки* захотели вырвать ей глаза, и ей пришлось убраться от них как можно быстрее".

Свидетельство корнуэльского шахтера

Уильям Шепард, отставной шахтер из Пендина, близ Сен-Жюста, где он прожил всю свою жизнь, предлагает нам из своего собственного опыта под землей следующие свидетельства: - "В шахте есть писки.

Шахтные писки... - Есть шахтные писки, которые не являются "стуками". Я слышал, как старики в шахтах говорили, что видели их, и они называют их *маленькими людьми*. Похоже, они не любят компанию, потому что их всегда видят поодиночке. Стукающие" - это тоже, можно сказать, духи. Считается, что они приносят несчастье, в то время как *маленькие люди* могут принести удачу".

Свидетельство из страны короля Артура

Оставив район Лэндс-Энда и Южный Корнуолл, мы переходим на север, в страну короля Артура. Наши главные исследования там должны проходить по возможности вне проторенной туристами дорожки, в стране между Камелфордом и Тинтагелем. В Делаболе, центре этого района, мы находим нашего первого свидетеля, Генри Спрэгга, семидесятилетнего каменотеса на пенсии. У мистера Спрэгга были прекрасные возможности услышать любой фольклор, который мог бы жить при его жизни; и то, что он предлагает в первую очередь, касается короля Артура:...

Король Артур: "Мы всегда думали о короле Артуре как о великом воине. И много раз я слышал, как старики говорили, что он появлялся в этой стране в виде ната"[74] Это было все, что можно было рассказать о короле Артуре; в конце концов разговор перешел на писки, что привело к следующим результатам:...

Писки: "Один человек по имени Боттрелл, живший неподалеку от Сент-Тита, получил писки в Вест-Дауне, и когда он вывернул карманы наизнанку, то услышал, как писки уходят, смеясь".[75] Моя бабушка часто говорила, когда я возвращался домой после наступления темноты: "Тебе лучше не думать, а то писки унесут тебя". И я помню, как старики говорили, что писки - это духи умерших детей". От пикси разговор перешел к духам-гончим, которых "часто слышали по ночам возле некоторых призрачных холмов в приходе Сент-Тит", а затем, наконец, к обычным корнуолльским легендам о мертвых.

Следующие свидетели из Делабола - Джон Мейл, восьмидесяти двух лет, один из старейших людей в стране короля Артура, и его жена; все предки мистера Мейла, насколько он может их проследить, жили в том же приходе.

Мистер Мейл заметил: "Я много слышал о писках, но не могу вспомнить ни одной старинной женской сказки. Я также слышал, как люди говорили, что видели писки. Считалось, что когда писки вводят вас в заблуждение, они показывают себя, прыгая перед вами; это раса маленьких людей, которые живут в полях". Миссис Мейл присоединилась к нам у открытого огня и добавила: - Писки всегда приходят ночью, а в болотистой местности есть круглые места, называемые писки-лежаками, где они играют. Когда я был маленьким, моя мама и бабушка сидели вечером у костра и рассказывали истории, и я помню, как услышал про одного писки из этой части, который украл новое пальто, и как вся семья слышала, как он разговаривал сам с собой об этом, а потом наконец сказал: - Pisky fine and pisky fine.

Pisky fine and pisky gay,
У Писки новое яркое пальто,
Теперь Писки убежит.

А я могу вспомнить еще одну историю: Писки заглянул в дом и сказал: "Что?

Ты одна, прекрасная дева?
Нет, здесь я с собакой и кошкой,
И яблоки ем, и орехи раскалываю".

Отставной сельский полицейский из Тинтагеля, где он родился и вырос, а ныне хранитель художественной галереи Пассмора Эдвардса в Ньюлине, дал следующее свидетельство из Тинтагеля: "В Тинтагеле я часто сидел ночью у костра и слышал, как старухи так много рассказывали о писках и привидениях, что потом боялся выходить за дверь с наступлением темноты. Они религиозно верили в такие вещи, а когда я выражал свои сомнения, меня прогоняли как невоспитанного мальчишку. Они считали, что если пойти в определенное

место в определенный час ночи, то там можно увидеть писки - маленьких духов. Считалось, что писки могут сбить вас с пути и разыграть вас, но они никогда не причиняли вам серьезного вреда". Об артурианской народной легенде в Тинтагеле он сказал: "Дух короля Артура, как предполагается, находится в корнуэльской чау-чау - красивой черной птице с красными лапами и красным клювом".

Теперь мы покидаем Великобританию и пересекаем Ла-Манш, чтобы попасть в Малую Британию, третью из Британских стран.

VII. В БРИТАНИИ

Введение Анатоля ле Браза, профессора французской литературы Университета Ренна, Бретань; автора книг *"Легенда о смерти"*, *"В стране помилований"* и др.

Английский перевод вступления

Дорогой месье Венц,

Я помню, как во время вашей работы над диссертацией на факультете литературы Реннского университета один из моих коллег, мой друг, профессор Доттин, спросил вас:

"Вы склоняетесь, говорите ли вы, к существованию фей? En avez-vous vu?"

Вы отвечаете, столько же флегматично, сколько и искренне:

"Нет. J'ai tout fait pour en voir, et je n'en ai jamais vu. Но есть множество вещей, которые вы не видели, месье профессор, и которые вы не должны петь, пока не прекратите существование. Ainsi fais-je à l'égard des fées."

Я такой же, как вы, дорогой месье Венц: я ни разу не видел фей. J'ai bien une amie très chère que nous avons baptisée de ce nom, mais, malgré tous ses beaux dons magiques, elle n'est qu'une humble mortelle. В свою очередь, я, будучи еще ребенком, видел среди людей, обладающих настоящими чувствами, коммерцию, которая была бы почти журналистской.

Это было в маленьком городке в Нижней Бретани, населенном преимущественно морскими жителями, а также морскими жителями, населенными преимущественно морскими жителями. Неподалеку от деревни находился старинный дом, который давно забросили его владельцы, так как они не знали, какой мотив выбрать. Мы продолжаем называть его "шато" Ланасколь, хотя он не был больше похож на руины. Правда, проспекты, по которым можно было пройти, сохранили свой сеньориальный аспект, с их четырьмя рядами старинных домов и огромными фронтонами, видневшимися за великолепными станциями. В этот вечер на этих проспектах было мало людей. Они перешли к тому, чтобы быть, с точки зрения кучера солнца, любимым местом променада одной "дамы", которую все называли *Гроакх Ланаскол*, - "Фее де Ланаскол".

Многие не соглашались с тем, что они встречались с ней, и описывали ее в самых разных цветах. Ceux-ci faisaient d'elle une vieille femme, marchant toute courbée, les deux mains appuyées sur un tronçon de béquille avec lequel, de temps en temps, elle remuait, à l'automne, les feuilles mortes. Смертные перья, которые она возвращала, становились все ярче и ярче, как ор, и перекликались друг с другом. По мнению других, это была юная принцесса, изумительно красивая, на фоне которой возвышались незнакомые маленькие мужчины,

черные и молчаливые. Elle s'avavançait d'une majestueuse allure de reine. Иногда она останавливалась у дерева, и дерево наклонялось, чтобы принять ее приказы. Или, кроме того, она смотрела на воду одного этанга, и этот этанг расплывался в своих глубинах, как бы возбуждая движение страха под действием силы своего взгляда.

Он рассказал об этом любопытную историю.

Владельцы Ланасколя, желая отказаться от домена, в котором они не жили, отдали усадьбу и земли, которые им принадлежали, на рассмотрение нотариусу из Плуаре. В назначенный день за энкомьенду набиралось большое количество покупателей. Les prix étaient déjà montés très haut, et le domaine allait être adjudgé, quand, à un dernier appel du crieur, une voix féminine, très douce et très impérieuse tout ensemble, s'éleva et dit:

"Mille francs de plus!

В салоне поднялся большой шум. Весь мир смотрел на ту, кто выпустил этот скютук, и она не могла быть женщиной. Но среди помощников не нашлось ни одной женщины. Нотариус спрашивает:

"Кто говорит?".

Вновь раздается тот же голос.

"Гроак'х Ланаскол!" - отвечает она.

Это была всеобщая дебанда. С давних пор он ни разу не был представлен в качестве приобретателя, и вот почему, сурово ответил он, Ланаскол все время продавался.

Если вы с удовольствием рассказываете о "Фее Ланасколя", дорогой месье Вентц, то это потому, что она произвела на меня первое впечатление в моем детстве. Сколько еще других людей я не знал, в том числе и по рассказам моих соотечественников, живущих в графствах, на полях или в лесу! Бретань по-прежнему остается феодальной страной. Нельзя путешествовать по пространству одной местности, не натолкнувшись на тело мужской или женской особи. В последние дни, когда я совершал автомобильный пелеринаж в галлюцинаторном лесу Паимпонт, где хранятся грандиозные сувениры, связанные с кельтской жизнью, я увидел, в окружении роскошных омбрагов в Пас-дю-Ху, смертную раму из дерева, с которой я не мог, будьте уверены, вести беседу. Одно из первых имен, которые я произнес, было естественно - Вивиан.

Viviane!" se récria la vieille pauvre. 'Ah! bénie soit-elle, la bonne Dame! car elle est aussi bonne que belle.... Без ее защиты мой мужчина, работающий в купе, будет погребен, как луп, под пламенем садов....' Et elle se mit à me conter comme commoi son mari, un tantinet braconnier comme tous les bûcherons de ces parages, s'étant porté, une nuit, à l'affût du chevreuil, dans les environs de la Butte-aux-Plaintes, avait été surpris en flagrant délit par une tournée de gardes. Он хотел уехать, но сады зашелестели. Балерина атакует его: он топает, и он пытается встать на место, но не встать, когда между его агрессорами и им самим появляется плотный брульярд, который скрывает все: солнце, деревья, сады и самого блаженного. И тут он услышал, как голос, вырвавшийся из-под брульяра, голос, похожий на шум феи, прошептал в его ухо: "Сове-туй, мой сын: душа Вивианы скрывает тебя до тех пор, пока ты не разбушевался вдали от леса".

"Telles furent les propres paroles de la fée," conclut la ramasseuse de bois mort.

И, что очень важно, она подает знак, потому что религиозная Бретань - вы же сохраняете - празднует свои праздники наравне со святыми.

Я не обращаю внимания на то, что нужно бороться с лютинами в мире праздников, но, что вполне очевидно, эта очаровательная и зловещая энганс всегда тяготела к нашей стране. Я могу сказать, что в других странах каждый дом имел свой сиен. Это было похоже на то, как маленький умирающий умирает. То видимый, то невидимый, он присутствовал во всех действиях домашней жизни. Более того: он участвовал в них, причем самым эффективным образом. В глубине лоджии он помогал служанкам, подавлял жар в доме, следил за приготовлением пищи для мужчин и детей, прижимал к груди младенца, сидящего на диване у шкафа, не позволял ему опускаться в сало, подвешенное на подошве. Il avait pareillement dans son lot le gouvernement des étables et des écuries: grâce à lui, les vaches donnaient un lait abondant en beurre, et les chevaux avaient la croupe ronde, le poil luisant. Это был, по одним словам, лучший друг семьи, но при условии, что каждый должен был предоставить ему свои права. Если что-то не так, как он, его доброта сменялась злобой, и он не мог сделать ничего плохого по отношению к людям, которые его обижали, например, перевернуть содержимое мармитов в фойе, обволакивать лайн вокруг кенуй, делать невоспламеняемой табачную трубу, вытравливать неразрывно крины шевронов, вытирать поребрики или сбивать дозы бреберов. Приложите все усилия, чтобы не допустить сглаживания. Он уважал все свои привычки, все свои поступки. Именно поэтому, в семье моих родителей, наш старый добрый Филе ни разу не пустил в ход огонь, не позаботившись о том, чтобы его можно было вымыть из воды, прежде чем высыпать на монеты своего тела. Если вы спросите, зачем нужен этот обряд, она ответит:

"Для того, чтобы лютин не мучился, если в любой момент он уйдет на дно".

Он также относится, я полагаю, к категории мужчин-феев, этот *Бугуль-Ноз*, этот таинственный "бергер ночи", которого бретонцы из лагерей хотят одеть в свой высокий и тревожный силуэт, если, в поисках приключений, он прибудет, чтобы снять жилье в конце рабочего дня. Я никогда не мог узнать точно о жанре труппы, в которой он выступал, ни о том, что он говорил о своих встречах. Чаще всего, мы пересматриваем. Но, как заметила одна из моих собеседниц, Лиза Беллек, если предпочтительнее отказаться от *Бугуль-Ноза*, то это не значит, что это будет очаровательное Эсприт. Вслед за ним он заменяет собой некое спасительное назначение, указывая людям, что ночь не предназначена для того, чтобы прогуливаться на чемпионатах или на дорогах, а для того, чтобы укрыться в закрытых портах и лечь спать. Ce berger des ombres serait donc, somme toute, une manière de bon pasteur. Для того чтобы обеспечить наш отдых и нашу безопасность, для того чтобы уберечь нас от чрезмерных нагрузок во время рабочего дня и от суматохи ночи, мы заставляем неосмотрительных людей быстро вернуть беркаль.

Без сомнения, это роль наставника, мало похожая на ту, которую, согласно народному вероисповеданию, исполняет другой человек, особенно сильно влияющий на течение моря, как указывает его имя *Янн-Ан-Фд*. На всем морском побережье Бретани или, как говорят, во всем *доспехе*, нет ни одного отдельного региона, и существование этого "Жана де Грев" не является несомненным фактом, подтвержденным и неоспоримым. Ему приписывают переменные формы и различные аспекты. Он не то желанный, не то желанный. Он носит то "сюртук" из холщовой ткани, то большую шляпу из нуара. Иногда он оглядывается на и

заставляет задуматься о загадочном человеке, вооруженном тем же атрибутом, что и Улисс в "Одиссее". Но, как и прежде, это морской герой, миссия которого заключается в том, чтобы объезжать пляжи, проплывая через промежутки длинных крисов, предназначенных для уничтожения рыболовов, которые, как выяснилось, были поражены в глубине острова десятилетним солнцем. Il ne fait de mal qu'à ceux qui récalcitrent; encore ne les frappe-t-il que dans leur intérêt, pour les contraindre à se mettre à l'abri. Il est, avant tout, un 'avertisseur'. Его крисы не вызывают беспокойства не только у логистов, но и у людей, находящихся на решетке; они сигнализируют также об опасном положении на берегу моряков, находящихся в море, и, таким образом, дополняют недостаток света сирен или света факелов.

В этой связи напомним, что аналогичная черта прослеживается в легендах о святых-оруженосцах, в большинстве своем эмигрировавших из Ирландии. Одно из их кустарных упражнений заключалось в том, что они деамбулировали в темное время суток длинные берега, на которых они установили свои оратории, при этом ставя на них клошарные башмаки, которые были предназначены, как и крисы *Янна-Ан-Фда*, для того, чтобы предупредить мореплавателей о том, что земля находится недалеко.

Я убежден, что культ святых, который является первым и самым пылким из бретонских верований, сохраняет многие черты древней религии, в которой главную роль играла вера в веру. Так же, я убежден, обстоит дело и с этими мифами о смерти, которые я читал под названием "*Легенда о смерти*" у бретонцев-оруженосцев. На самом деле, согласно бретонской концепции, умершие не являются таковыми; Они живут своей таинственной жизнью на фоне жизни реальной, но их мир остается, в конечном счете, в полном единстве с существом, и в тот момент, когда наступает ночь, когда живые люди, принадлежащие к роду, покидают свою смерть, умершие вновь становятся обитателями земли, которую они никогда не покидали. Они возвращаются на прежнее место в своем доме, они возвращаются к своим прежним работам, они проявляют интерес к логам, чемпионам, баркам; они ведут себя, по одним словам, как этот народ мужчин и женщин-женщин, который формирует с тех пор некую эссенцию человечества, более прекрасную и более деликатную в окружении истинного человечества.

У меня есть еще, дорогой месье Вентц, много других типов, о которых я хотел бы рассказать, в этом интермонде бретонского фееризма, который, среди моих соотечественников, не смешивается ни с этим миром, ни с другим, но участвует во всех этих процессах, благодаря уникальному сочетанию природы и фамилии. Я не хотел этими быстрыми строками показать богатство материала, к которому вы, с такой совестью и пылом, приложили свои усилия. Et maintenant, que les fées vous soient douces, mon cher ami! Elles ne seront que justes en favorisant de toute leur tendresse le jeune et brillant écrivain qui vient de restaurer leur culte en rénovant leur gloire.

Rennes,
ce 1er novembre 1910.

Бретонские феи или *феи*

В Нижней Бретани, которая является истинно кельтской частью Арморики, вместо широко распространенной веры в фей, подобной той, что существует в Уэльсе, Ирландии и Шотландии, мы находим широко распространенную веру в существование мертвых, и в

меньшей степени в существование племен *корриган*. Для нашей психологической теории это очень важно. Кажется, это указывает на то, что среди бретонцев - одного из самых консервативных кельтских народов - вера в фей находит свое главное выражение в убеждении, что люди живут после смерти в невидимом мире, так же как в Ирландии мертвые и феи живут в Сказочной стране. Это мнение впервые высказали мне профессор Анатолий Ле Браз, автор книги "*Легенда о смерти*", и профессор Жорж Доттен, оба из Реннского университета. Но прежде чем приводить доказательства, подтверждающие и иллюстрирующие это мнение, следует рассмотреть менее значимых бретонских *fées* или подобных им существ, а затем *corrigans* и *nains* (карликов).

Грак'хед Коз". - Ф. М. Лузель, собравший множество популярных историй Бретани, обнаружил, что те немногие *феи*, которые существуют, почти всегда появляются в фольклоре в виде маленьких старушек, или, как их обычно называют бретонские рассказчики, *Grac'hed coz*. Я выбрал и сократил следующую легендарную историю из его работ, чтобы проиллюстрировать природу этих бретонских фей:-.

В давние времена, как мы читаем в книге "*Принцесса Блондинка*", у одного богатого дворянина было три сына: старшего звали Кадо, второго - Мелиау, а младшего - Ивон. Однажды, когда они были вместе в лесу с луками и стрелами, им встретила маленькая старушка, которую они никогда раньше не видели, и она несла на голове кувшин с водой. Сможете ли вы, ребята, - спросил Кадо двух своих братьев, - разбить стрелой кувшин этой маленькой старушки, не задев ее? Мы не хотим пробовать, - ответили они, боясь поранить добрую женщину. Хорошо, тогда я сделаю это, следите за мной". И Кадо взял свой лук и пустил стрелу. Стрела попала точно в цель и расколола кувшин, не задев маленькой старушки; но вода намочила ее до нитки, и она в гневе сказала искусному лучнику: "Ты потерпел неудачу, Кадо, и я отомщу тебе за это. Отныне, пока ты не найдешь принцессу Блондинку, все члены твоего тела будут трепетать, как трепещут листья на дереве при дуновении северного ветра". И тут же Кадо охватила дрожь во всем теле. Три брата вернулись домой и рассказали о случившемся своему отцу, а тот, обратившись к Кадо, сказал: "Увы, мой несчастный сын, ты потерпел неудачу. Теперь ты должен путешествовать, пока не найдешь принцессу Блондинку, как сказала фе, ибо эта маленькая старушка была фе, и ни один врач в мире не сможет вылечить болезнь, которую она на тебя наслала"[76].

В Морбиане и Финистере я обнаружил, что истории о фе встречаются гораздо реже, чем о *корриганах*, а в некоторых местах и вовсе редки; но те, что мне посчастливилось собрать, по характеру во многом совпадают с теми, что собраны в Кот-д'ю-Норде Лузелем и другими коллекционерами. Те, которые я привожу здесь, были рассказаны мне в Карнаке летом 1909 года; первый - м-ль Ивонн Даниэль, уроженкой острова Круа (у побережья к северо-западу от Карнака), а остальные - м-ль Гульвен Ле Скур[77].

Маленький остров Круа был особенно знаменит своими старыми фе; старейшие жители до сих пор верят в следующую легенду: "Один пожилой человек, долго страдавший от проказы, был уверен, что скоро умрет, когда в его дом вошла женщина, согбенная вдвое от возраста. Она спросила, от какого недуга он страдает, и, получив ответ, начала читать молитвы. Затем она подышала на язвы прокаженного и почти внезапно исчезла: фе исцелила его".

Несомненно, что около пятидесяти лет назад жители Финистера все еще верили в фе. Считалось, что *феи* - это духи, которые приходят, чтобы предсказать какое-то неожиданное событие в семье. Особенно они приходили утешать сирот, у которых были очень недобрые мачехи. В юности Танги дю Шатель и его сестра Эдес были защищены *феей* от преследовавшего их несчастья; об этом говорится в истории Бретани. В "Леоне" говорится,

что *феи* служили проводниками несчастных людей, утешая их обещанием счастливого и победоносного будущего. В Корнуае, напротив, говорится, что *феи* были настроены очень недоброжелательно, что они были демонами.

Моя бабушка, Мари Ле Брас, рассказывала мне, что однажды вечером в мою деревню Керулдик (Финистер) прибыл старый *фей* и попросил гостеприимства. Это было примерно в 1830 году. *Фею* приняли, и перед сном она предсказала, что маленькая дочь, которую мать одевала в ночную одежду, на следующий день будет найдена мертвой в колыбели. Над этим предсказанием только посмеялись, но утром малышка была мертва в колыбели, ее глаза были подняты к небу. *Фея*, спавшая в хлеву, исчезла".

В этих трех последних рассказах М. Ле Скур, мы наблюдаем три совершенно разных представления о бретонских феях или *фе*: в Финистере и Леоне *феи* рассматриваются как добрые духи-покровители, почти как духи предков, которыми они, возможно, и были изначально; в Корнуае они - злые духи; в третьем рассказе о старой *фее* и в легенде о прокаженном, исцеленном *феей*, *феи* рационализируются, как в процитированной выше истории Люзеля, как колдуньи или *Грак'хед Коз*.

Дети, измененные феями". - М. Гульвен Ле Скур по моей просьбе записал по-французски следующий рассказ о реальных подменах в Финистере: "Я хорошо помню, что в деревне Кергофф, в Плуневентере, жила женщина по имени --[78], мать семейства. Когда у нее родился первый ребенок, очень крепкий и очень красивый мальчик, однажды утром она заметила, что он изменился за ночь; в нем уже не было того прекрасного ребенка, которого она уложила вечером в постель; вместо него был младенец, отвратительный на вид, сильно деформированный, горбатый, кривой и черного цвета. Бедная женщина знала, что ночью в дом вошла *фея* и изменила ее ребенка.

Этот изменившийся младенец живет до сих пор, и сегодня ему около семидесяти лет. Ему присущи все возможные пороки, и он много раз пытался убить свою мать. Он настоящий демон, часто предсказывает будущее и имеет привычку убегать по ночам. Его называют "Маленьким *Корриганом*", и все от него бегут. Будучи бедным и немощным, он вынужден просить милостыню, и люди подают ему, потому что очень его боятся. Его прозвище - Олье.

У этой женщины родился второй, потом третий ребенок, и оба они, по общему мнению, родились без всяких недостатков; в свою очередь, каждого из них украла *фея* и заменила маленьким горбуном. Вторым ребенком была прекрасная дочь. Ее *похитили* в ночь и заменили маленькой девочкой-младенцем, настолько обезображенной, что она напоминала шар. Если ее брат Олье был плох, то она была еще хуже; она была ужасом деревни, и они прозвали ее Анниак. Третьему ребенку повезло так же, но он был не так плох, как первый и второй.

Бедная мать, сильно встревоженная случившимся, рассказала о своих бедах другой женщине. Та сказала ей: "Если у тебя родится еще один ребенок, положи ему в колыбель маленькую веточку самшита, благословленную (священником), и *фея* больше не будет иметь силы красть твоих детей". И когда у несчастной женщины родился четвертый ребенок, его не украли, потому что она положила в колыбель веточку самшита, освященную в Вербное воскресенье (*Dimanche des Rameaux*)[79].

Первых трех детей я знал очень хорошо, и они, конечно, были горбатыми: в стране считается, что *феи*, которые приходят по ночам менять детей, всегда оставляют взамен горбчатых младенцев. Точно так же считается, что матери, у которой ребенок так изменился, достаточно оставить маленького горбуна плакать за дверью на целые часы, и *фея*, услышав

это, придет и положит на его место настоящего ребенка. К сожалению, Ивонна не знала, что ей следовало делать, чтобы снова иметь своих детей".

В Кераллане, близ Карнака, мадам Луиза Ле Рузик так говорит о превращающей силе *фей*: "Говорят, что *феи* этого региона, когда их оскорбляли, иногда превращали людей в зверей или в камни"[80].

Другие бретонские феи. - Помимо уже описанных различных типов *фей*, в сборнике рассказов Лузеля мы находим несколько других типов фееподобных существ: в *Les Compagnons* (The Companions),[81] *фея* - сорока в лесу близ Ренна - как и в других кельтских землях, *феи* также часто появляются в виде птиц (см. наше исследование, стр. 302 и далее); в *La Princesse de l'Étoile Brillante* ("Принцесса блестящей звезды") [81] принцесса под видом утки играет роль *феи* (см. как женщины-*феи* принимают облик водоплавающих птиц в сказке "Больничная кровать Кухулинна" (см. наше исследование, с. 345); в "Пипи Мену и летающих женщинах"[81] женщины-*феи* выступают в роли лебединых дев; и еще следует упомянуть "Морганов с острова Ушант", которые живут под водой в редких дворцах, где смертные, которых они любят и на которых женятся, могут существовать вместе с ними. В некоторых легендах о *Морганах*, например в одной, записанной Лузелем, мужчины и женщины этой расы водных *фей*, *Морганы* и *Морганезеды*, кажутся антропоморфозами древних морских божеств, таких, например, как морской бог по имени *Шони*, которому жители Льюиса (Западные Гебриды) до сих пор возносят молитвы, чтобы он прислал морские водоросли, и морской бог, которому в древности возносили молитвы жители Ионы[82].

Моргана". М. Ж. Куилландру (Гланмор), президенту Федерации бретонских студентов, я обязан следующей странной легендой о *Моргане*, рассказанной среди бретонских рыбаков на острове Молен в Финистере: "Согласно легенде, которую я собрал на острове Молен, *Моргана* - это вечно юная *фея*, девственная обольстительница, чья страсть, никогда не удовлетворенная, доводит ее до отчаяния. Место ее обитания - под водой; там она владеет чудесными дворцами, где сверкают золото и бриллианты. В сопровождении других *фей*, среди которых она является в некотором роде королевой, она поднимается на поверхность воды в блеске своей неприкрытой красоты. Днем она дремлет в прохладе гротов, и горе тому, кто потревожит ее сон. Ночью она позволяет волнам убаюкивать себя вблизи скал. Морская пена кристаллизуется от ее прикосновения в драгоценные камни, по белизне не уступающие ее телу. При свете луны она стонет, расчесывая свои прекрасные волосы гребнем из чистого золота, и гармоничным голосом напевает пронзительную мелодию, очарование которой неотразимо. Моряк, слушающий ее, чувствует, как его влечет к ней, не в силах разрушить очарование, которое влечет его к гибели; кора разбивается о рифы: человек в море, и *Моргана* издает крик радости. Но руки *феи* сжимают лишь труп, ибо от ее прикосновения мужчины умирают, и именно это приводит в отчаяние любвеобильную и нерушимую *Моргану*. Она язычница, и достаточно прикоснуться к ней, чтобы постигла самая печальная участь, которая только может быть уготована христианину. Несчастный, которого она прижимала к себе, обречен вечно скитаться в корыте с широко раскрытыми глазами, со лба которого стерта метка крещения. Никогда его бедные останки не познают сладость упокоения в святой земле, никогда у него не будет могилы, куда его родственники могли бы прийти помолиться и поплакать".

Происхождение Моргана. - М. Гульвен Ле Скур, наш свидетель из Карнака, приписывает *Моргану* следующее легендарное происхождение: - Согласно старым людям и бретонским легендам, *Морган* (*Мари Морган* по-бретонски) была Дахут, дочерью короля Градлона, правителя города Ис. Легенда гласит, что когда Дахут ночью вошла в опочивальню своего отца и срезала с его шеи шнур, на котором держался ключ от шлюзов морского водопада, и

отдала этот ключ Черному принцу, в чью злую любовь она влюбилась и который, по поверью, был не кто иной, как дьявол, святой Геноле вскоре после этого начал громко кричать: "Великий король, встань! Ворота наводнения открыты, и море больше не сдерживается!"[83] Внезапно старый король Градлон поднялся и, вскочив на коня, бежал из города вместе со святой Геноле, когда среди волн он встретил свою родную дочь. Она жалобно молила отца о помощи, и он поднял ее на коня, но святая Геноле, видя, что воды настигают их, сказала королю: "Брось в море демона, который у тебя за спиной, и мы спасемся!" Тогда Градлон бросил свою дочь в пучину, и они со Святой Геноле спаслись. С тех пор рыбаки утверждают, что во времена бурного моря и ясного лунного света они видели Дахут, дочь короля Градлона, сидящей на скалах, расчесывающей свои прекрасные волосы и поющей в том месте, куда ее бросил отец. И сегодня под бретонским именем *Мари Морган* признают дочь, которая поет среди моря".

Бретонские легенды о сказочной стране. В легенде о Моне и короле *Морганов*, очень похожей на историю английских поэтов о Кристабель, мы имеем представление о сказочной стране не под землей, а под морем; и эта легенда о Моне и ее возлюбленном *Моргане* - одна из самых красивых среди всех сказок Бретани.[84] Другая легенда Лузеля, о деде, которая вышла замуж за мертвеца, показывает нам сказочную страну как мир мертвых. Это очень странная легенда, имеющая прямое отношение к психологической теории; ведь у этого мертвеца, который является мертвым священником, есть дворец в заколдованном царстве, и чтобы попасть в его страну, нужно иметь белый жезл феи, которым нужно нанести "в виде креста" два удара по скале, скрывающей вход.[М. Поль Себилю передает из Верхней Бретани предание о том, что под морскими волнами там можно увидеть подземный мир, где есть поля, деревни и прекрасные замки; и это настолько приятный мир, что смертным, попадающим туда, годы кажутся не длиннее дней[85].

Феи Верхней Бретани. [86]- Преимущественно в Верхней Бретани М. Себилю нашел богатый фольклор, связанный с *феями*, хотя часть его материала взята у крестьян и рыбаков, которые не являются такими чисто кельтскими, как жители Нижней Бретани; и он очень кратко суммирует различные названия, которые там дают феям, следующим образом: "Обычно их называют *Fées* (феи), иногда *Fêtes* (судьбы), название, более близкое, чем *fées*, к латинскому *Fata*; *Fête* (fem.) и *Fête* (mas.) оба используются, и от *Fête*, вероятно, происходит *Faito* или *Faitaud*, что является именем, которое носят отцы, мужья или дети *фей* (Сен-Каст). В окрестностях Сен-Бриака (Иль-и-Вилен) их иногда называют *фионами*; этот термин, применяемый к обоим полам, по-видимому, также обозначает озорных *лютинов* (спрайтов). В окрестностях Менэ, в кантонах Коллине и Монконтур, их называют *Марго-ла-Фе*, или *Ма-Коммер* (моя крестная мать) *Марго*, или даже *Бонн-Фемм* (хорошая женщина) *Марго*. На побережье их достаточно часто называют *Bonnes Dames* (добрые дамы) или *nos Bonnes Mères les Fées* (наши добрые матери-феи); обычно о них говорят с определенным уважением"[87] Как указывает тот же авторитет, вероятно, наиболее характерными *феями* в Верхней Бретани являются *Fées des Houles* (феи ветров); традиции гласят, что они жили в естественных пещерах или гротах в морских скалах. Они образуют отдельный класс морских фей, неизвестный ни во Франции, ни в Европе.[88] М. Себилю считает их морскими божествами, сильно рационализированными. С ними связаны *фионы*, раса карликов с мечами размером не больше булавок[88]. Об этих маленьких феях, обитающих в пещерах, рассказывается красивая легенда о волшебных гречневых лепешках, которая в разных формах распространена по всей Бретани: - Как и большие феи, *фионы* - это феи, живущие в пещерах.

Как и большие *феи*, *фионы* держали скот; и однажды черная корова, принадлежавшая *фионам* Пон-о-Омм-Не, съела гречку на поле одной из жительниц этого района. Женщина пошла к *фионам* жаловаться, и в ответ ей раздался голос: "Попридержи язык, тебе заплатят за гречку! Тогда *фионки* дали женщине полную чашку гречки и пообещали, что ее количество никогда не уменьшится, пока ее не раздадут. В тот год гречки было очень мало, но сколько бы ни ела женщина и ее семья гречневых пирогов, количество гречки у *феи* никогда не уменьшалось. Однако наконец настал злополучный час. Пришел сборщик тряпок и попросил еды. Бездумно женщина дала ему один из своих гречневых пирожков, и вдруг, как по волшебству, вся остальная гречка исчезла навсегда.

Вдоль реки Ранс жители рассказывают о *феях*, которые появляются во время шторма. Эти *феи-бури* одеты в цвета радуги и проплывают вслед за прекраснейшей *феей*, которая в лодке, сделанной из наutilus южных морей. А лодку тянут два морских краба. Ни в одном другом месте Бретани нет подобных *фей*.^[89] В Верхней Бретани, как и в Нижней, *фей* обычно обитали в тумулусах, в дольменах, в лесах, на пустырях, где есть большие скалы, или около менгиров; и многие другие виды духов жили в море и беспокоили моряков и рыбаков. Как и все *феи* кельтских стран, *феи* Верхней Бретани были склонны красть детей. Так, в Динаре не так давно жила женщина тридцати с лишним лет, которая была не больше девочки лет десяти, и говорили, что она - *фея-изменница*.^{[В Нижней Бретани похищение детей часто приписывали карликам, а не *феям*, хотя способ заставить меняющегося говорить тот же, что и в Верхней Бретани, а именно: перед открытым огнем ставят несколько яичных скорлупок, наполненных водой, и они кажутся меняющемуся, который находится там, откуда он может хорошо наблюдать за всем происходящим, как множество маленьких кастрюль с готовящейся едой; тогда, сильно удивленный необычным зрелищем, он забывает себя и впервые говорит, выдавая таким образом свою демоническую природу.}

Следующая история акушерки, рассказанная Ж. М. Комо из Гурея в 1881 году, вполне параллельна той, что мы записали (на с. 54) как происходящую из Грейнджа, Ирландия: "Акушерка, принимавшая роды у *Марго ла Фе*, по неосторожности допустила попадание мази *фей* на один из ее собственных глаз. Глаз сразу же стал ясновидящим, и она увидела *фею* в ее истинной природе. И, подобно повитухе из похожей истории о *феях-домохозяйках*, эта повитуха случайно увидела *фею*, совершающую кражу, и заговорила с ней. После этого *фея* спросила повитуху, каким глазом она ее видит, и когда повитуха указала, каким именно, *фея* вытащила его^[91].

В целом, как и их родственники в островном Кельтдоме, *феи* Верхней Бретани могли принимать различные формы и даже трансформировать человеческое тело; они были склонны разыгрывать смертных и всегда мстить им, если с ними плохо обращались. В большинстве своем они были похожи на другие расы *фей*, кельтские и некельтские, хотя очень сильно антропоморфизированы в своей природе крестьянами и мореплавателями.

Как правило, *феи* Верхней Бретани описываются в легендах как молодые и очень красивые. Некоторые, однако, кажутся столетними, с зубами длиной с человеческую руку и спинами, покрытыми водорослями, мидиями или другими морскими наростами, что свидетельствует об их большом возрасте.^[92] В Сен-Касте говорят, что они одеты (как и *корриганы* в Карнаке, см. с. 208) в *туаль*, вид тяжелой льняной ткани.^[92]

На морском побережье Верхней Бретани распространено мнение, что *фе* - это падшая раса, обреченная на земное изгнание на определенный срок. В регионе Менэ, кантон Коллине, старики рассказывают, что после восстания ангелов оставшиеся в раю разделились на две

части: тех, кто сражался на стороне Бога, и тех, кто сохранял нейтралитет. Эти последние, уже наполовину павшие, были на время отправлены на землю и стали *феями*[92].

Во внутренних районах Бретани принято считать, что *фе* когда-то существовали, но исчезли, когда их страна изменилась под влиянием современных условий. В районе Менэ и Эрке (Иль-и-Вилен) говорят, что уже более века *фе* не было; а на морском побережье, где до сих пор твердо верят, что *фе* жили в бурных потоках или в гротах в скалах, о которые разбивались бурные потоки, считают, что они исчезли в начале прошлого века. Самые старые бретонцы говорят, что их родители, бабушки и дедушки часто рассказывали о том, что видели *фе*, но очень редко они говорят, что сами видели *фе*. Месье Себилю нашел только двоих, которые видели. Одна из них - старая рукодельница из Сен-Каста, которая так боялась *фей*, что, если она отправлялась шить в страну, а наступала ночь, она всегда выбирала длинный извилистый путь, чтобы не проехать мимо поля, известного как *Couvent des Fées*. Другой была Мари Шеху, женщина восьмидесяти восьми лет[93].

Гонка *корриганов*[94]

Однако именно раса *корриганов*, в большей степени, чем *феи*, составляет большую часть невидимых обитателей Бретани; к этой расе *корриганов* и *найн* (карликов) можно отнести многие виды *лютинов*, или, как их часто называют крестьяне, *фоллетов* или *эсприт фоллетов* (игривых эльфов). Хотя крестьяне как в Верхней, так и в Нижней Бретани не очень-то верят в *фей*, большинство из них утверждают, что *корриганы*, или *наны*, и озорные духи, охотящиеся за домами, все еще существуют. Но в некоторых местностях, как обнаружил М. Себилю, существует мнение, что *лютины* ушли вместе с *феями* и вернутся в этом веке, потому что в течение каждого века с нечетным числом, например 1900, племена *фей* всех видов, как говорят, становятся видимыми или вновь появляются среди людей, и становятся невидимыми или исчезают в течение каждого века с четным числом, например 1800. Так что это видимый век.

Корриганы и *фоллеты* проявляют себя только ночью или в сумерках. Никто не знает, где они проводят дневное время. Некоторые *лютины* или *фоллеты*, на манер шотландских келпи, ведут одиночный образ жизни в озерах или прудах (в то время как *корриганы* объединяются в группы или семьи) и развлекаются тем, что разыгрывают путников, проходящих мимо после наступления темноты. Сувестр рассказывает историю о том, что *лютины* могут принимать любую форму животных, но их естественная форма - это маленький человечек, одетый в зеленое; и что *корриганы* объявили им войну за то, что они слишком дружелюбны к людям.[95] Из того, что пишет о *лютинах* М. Гульвен Ле Скур, следует, что они родственны Пакам и таким хобгоблинам, меняющим форму, которые встречаются в Уэльсе: "*Лютины* - это маленькие карлики, которые обычно появляются на перекрестках дорог, чтобы нападать на запоздалых путников. В бретонских легендах говорится, что эти *лютины* иногда превращались в черных лошадей или козлов, и тот, кто имел несчастье столкнуться с ними, иногда находил свою жизнь в опасности, и его всегда охватывал сильный ужас". Но в целом то, что бретонский крестьянин рассказывает о *корриганах*, он в другой раз может рассказать и о *лютинах*. И оба племени существ, насколько их можно различить, похожи на эльфийские народы - пикси в Корнуолле, Робин Гуд-феллоу в Англии, гоблины в Уэльсе или брауни в Шотландии. Считается, что и *корриганы*, и *лютины* охраняют спрятанные сокровища; некоторые беспокоят лошадей по ночам; некоторые, как и их английские кузены, могут помогать в работе по дому после того, как все члены семьи уснут; некоторые вызывают кошмары; некоторые носят факел, как валлийская свеча смерти; некоторые беспокоят

мужчин и женщин, как одержимые духи; и почти все они озорники. В своей статье в *Revue des Traditions Populaires* (v. 101) М. Себильо классифицировал более пятидесяти имен, данных *лютинам* и *корриганам* в Нижней Бретани, в соответствии с формой, в которой появляются эти духи, их особыми чертами, местами обитания и страной, которую они населяют.

Как и феи в Британии и Ирландии, *корриганы* и корнуэльские пикси находят свое любимое развлечение в круговом танце. Когда луна ясная и яркая, они собираются для своих забав возле менгиров, дольменов и курганов, на перекрестках дорог или даже на открытой местности; и они никогда не упускают возможности заманить к себе проходящего мимо смертного. Если он окажется добродушным человеком и с душой включится в их игру, они относятся к нему как к товарищу и даже могут оказать ему некоторую услугу; если же он окажется несговорчивым, они заставят его танцевать, пока он не упадет без сил, а если он совершит какой-нибудь поступок, который им очень не понравится, он непременно отомстит. Согласно рассказу из Лорьяна (Морбиан)^[96], для *корриганов* запрещено полностью перечислять дни недели.

Ночью *корриганы* танцуют, напевая: "Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница"; им запрещено заканчивать перечисление дней недели. Один *корриган*, имевший несчастье поддаться искушению добавить "субботу", тут же стал горбатым. Его товарищи, одурманенные и расстроенные, тщетно пытались вбить ему горб ударами кулаков".

Традиция танцующих *корриганов* и их будничной песни до сих пор жива, следует из следующих рассказов, которые я нашел в Карнаке и его окрестностях. Первый рассказ был сделан в январе 1909 года мадам Мари Эзанно из Карнака, которой тогда было шестьдесят шесть лет: "*Корриганы* - это маленькие карлики, которые раньше, при свете луны, танцевали в кругу в прериях. Они пели песню, куплет которой был непонятен, а только припев, переведенный на бретонский язык: "*Ди Лун* (понедельник), *ди Мерх* (вторник), *ди Мерхье* (среда)".

Они свистели, чтобы собраться. Там, где они танцевали, росли грибы, и нужно было соблюдать тишину, чтобы не мешать им танцевать. Они часто были очень жестоки по отношению к человеку, попавшему в их власть, и если у них была на него обида, они заставляли его подвергаться величайшим пыткам. Крестьяне очень верили в *корриганов*, потому что видели и слышали их. *Корриганы* одевались в очень грубые белые льняные одежды. Они были озорными духами (*esprits follets*), которые жили под дольменами".

Однажды утром мы с месье Лемортом пришли к мадам Луизе Ле Рузик в ее аккуратный дом в Кераллане, небольшой группе соломенных домиков в миле от Карнака. Когда мы вошли, сама мадам Ле Рузик сидела на длинной деревянной скамье у окна и вязала, а ее дочь наблюдала за тем, как в огромных железных кастрюлях, подвешенных на цепях к блестящему огню на очаге, варится ароматно пахнущий обед. Над широким открытым камином, в котором горел огонь, на полке стояли большие сверкающие латунные тазы, а на каменном полу стояли массивные кровати, вырезанные в бретонском стиле. Когда разговор зашел о многом, мы перешли к *корриганам*, и тогда добрая хозяйка дома поведала нам такие истории:...

Корриганы в церкви. - В прежние времена молодая девушка, взяв ключи от церкви (предположительно в Карнаке) и войдя в нее, обнаружила *корриганов*, которые собирались танцевать; *корриганы* пели "*Lundi, Mardi*" (понедельник, вторник). Увидев молодую девушку, они остановились, окружили ее и пригласили танцевать с ними. Она согласилась и, подпевая, добавила к их песне "*Mercredi*" (среда). В изумлении *корриганы* радостно

воскликнули: "Она что-то добавила к нашей песне; что же мы дадим ей в награду?" И они подарили ей браслет. Ее подруга, встретив ее, спросила, откуда взялся этот прекрасный браслет, и девушка рассказала, что произошло. Вторая девушка поспешила в церковь и обнаружила, что *корриганы* все еще танцуют *ронд*. Она присоединилась к их танцу и, подпевая, добавила к их песне "*Jeudi*" (четверг); но это нарушило каденцию, и *корриганы* в ярости, вместо того чтобы вознаградить ее, пожелали наказать ее. "Что мы с ней сделаем?" - воскликнул один из них. "Пусть день будет для нее как ночь!" - ответили другие. И днем, куда бы она ни шла, она видела только ночь".

Шабаш корриганов". "Там, где жил мой дед, - продолжала мадам Ле Рузик, - жила девушка, которая ходила на шабаш *корриганов*; а когда она вернулась и ее спросили, где она была, она ответила: "Я путешествовала по воде, лесу и изгороди". И она рассказала все, что видела и слышала. Однажды ночью *корриганы* пришли в дом, избили ее и стащили с постели. Услышав шум, мой дед встал и обнаружил девушку лежащей на каменном полу. "Никогда больше не спрашивай меня, - сказала она ему, - иначе они убьют меня"[97].

'*Corrigans*' as Fairies.- Некоторые бретонские легенды наделяют *корриганов* главными характеристиками фей в кельтской Британии и Ирландии; а Виллемарке в своем *Barzaz Breiz* (стр. 25-30) делает бретонское слово *corrigan* синонимом *fée* или *faïry*, таким образом: -'*Le Seigneur Nann et la Fée (Aotrou Nann hag ar Corrigan)*'. В этой легенде *корриган* представляется достаточно ясно, чтобы быть феей воды: "*Корриган* сидела на краю своего фонтана, и она расчесывала свои длинные светлые волосы". Но в отличие от большинства водяных фей, Фе живет в гроте, который, по словам Виллемарке, является одним из тех древних памятников, которые на бретонском языке называются *дольмен*, или *ти ар корриган*; на французском - *стол де пьерр*, или *грот* Фе, как знаменитый грот близ Ренна. Фонтан, в котором сидела Фея, по-видимому, один из тех священных фонтанов, которые, как говорит Виллемарке, часто встречаются рядом с *Гротом Феи* и называются *Фонтан де ла Феи*, или по-бретонски *Feunteun ar corrigan*. В другой легенде Виллемарка, *L'Enfant Supposé*, после того как был использован тест с яичной скорлупой и маленький *корифей-изменник* был заменен настоящим ребенком, последний, словно все это время находился в бессознательном трансовом состоянии - что имеет любопытное отношение к нашей Психологической теории - протягивает руки и, пробудившись, восклицает: "Ах! Мама, как долго я спал!"[98] А в "*Les Nains*" мы видим маленьких *Дуз* или карликов, обитающих в пещере и охраняющих сокровища[98].

В своем предисловии к "*Барзаз Брейз*" Виллемарке описывает *les korrigans*, которых он приравнивает к *les fées*, как очень похожих на обычных фей. Они могут предсказывать будущее, владеют военным искусством - совсем как ирландские "дворяне" или *Tuatha De Danann* - могут принимать любой облик животного и способны в мгновение ока переместиться из одного конца света в другой. Они любят пиры и музыку, как и все кельтские феи; танцуют в кругу, держась за руки, но при малейшем шуме исчезают. Их любимые места обитания - возле фонтанов и дольменов. Это маленькие существа высотой не более двух футов, прекрасных пропорций, с телом воздушным и прозрачным, как у осы. Как и все расы фей или эльфов, а также бретонские *Морганы* или водяные духи, они любят красть детей смертных. Профессор Дж. Лот обратил мое внимание на неопубликованную бретонскую легенду из своей коллекции, в которой есть феи, сравнимые с теми, что описаны Виллемарке; и он также сказал мне, что по всей Бретани сегодня можно найти аналог валлийской *Tylwyth Teg* или "Прекрасной семьи", и что и в Уэльсе, и в Бретани *Tylwyth Teg*

популярно описываются как маленькие женщины, или девы, похожие на фей, размером не больше детей.

Феи и карлики. Виллемарке проводит четкое различие между *корриганами* и *феями*, с одной стороны, и *нанами* или карликами - с другой. Именно последних мы находим связанными или идентифицированными с *корриганами* в Морбиане. Виллемарке описывает *нанов* как отвратительную расу существ с темными или даже черными волосатыми телами, с голосами, как у стариков, и с маленькими блестящими черными глазами. Они любят разыгрывать смертных, попавших в их власть, и поют в круговом танце будничную песню. Очень часто *корриганов*, считающихся *нанами*, наравне со всеми видами *лютинов*, считают злыми духами или демонами, обреченными жить на земле в покаянном состоянии неопределенное время; иногда они кажутся мало чем отличающимися от тех, кого ирландские кельты, говоря о феях, называют падшими ангелами. *Le Nain de Kerhuition*, переведенная с бретонского языка профессором Ж. Лотом, частично иллюстрирует это: "Увидев, что вода кипит в нескольких яичных скорлупках, разложенных перед открытым огнем, *полпеган-чанглинг* так сильно удивляется, что невольно впервые заговаривает и говорит: "Вот мне почти сто лет, а я еще никогда такого не видел! "Ах! сын Сатаны!" - кричит мать, выходит из своего укрытия и бьет *полпегана*, который таким образом с помощью испытания яичной скорлупой был обманом вынужден раскрыть свою демоническую природу.^[99] В параллельной истории, рассказанной Виллемарке в его *Barzaz Breiz* (стр. 33 н.), *найн-чангинг* с таким же изумлением видит аналогичный ряд яичной скорлупы, кипящей на открытом огне, как множество горшков с едой, и выдает себя следующим замечанием: "Я видел желудь раньше дуба; я видел яйцо раньше белой курицы: Я никогда не видел равного этому".

Что касается общих представлений о *корриганах*, М. Ле Скур говорит: "Раньше *корриганы* были ужасом для деревенских жителей, особенно в Финистере, в Морбиане и во всем Кот-дю-Норде. Считалось, что это мучимые души, обреченные бродить по ночам по пустырям и болотам. Иногда их видели в виде карликов, а часто их вообще не видели, но слышали в домах адский шум. В отличие от *лавандиер де нуитс* (призрачных ночных прачек), их можно было услышать только летом и никогда зимой".

Бретонская легенда о мертвых

Теперь мы переходим к бретонской легенде о мертвых, общей для всех частей Арморики, хотя, вероятно, даже более распространенной в Нижней Бретани, чем в Верхней; ее мы называем армориканской верой в фей. Даже там, где крестьяне не верят в *фей* или *фей*, и где их вера в *корриганов* слаба или почти исчезла, среди них существует сильное убеждение, что души мертвых могут являться живым, энергичная вера в явления, фантомные похороны и различные предупреждения о смерти. Как хорошо сказал профессор Анатолий Ле Браз в своем предисловии к книге "*Легенда о смерти*", "все сознание этих людей в основе своей направлено на то, что касается смерти. И представления, которые они формируют о ней, несмотря на сильный христианский отпечаток, который они получили, похоже, не сильно отличаются от тех, которые мы указали у их языческих предков. Для них, как и для первобытных кельтов, смерть - это не столько смена состояния, сколько путешествие, уход в другой мир". Таким образом, оказывается, что это самое популярное из бретонских народных верований является истинно кельтским и чрезвычайно древним. Как сказал Ренан, кельтский народ - "раса загадочная, знающая будущее и тайну смерти".^[100] И если в Ирландии необычные происшествия, странные несчастные случаи и смерть приписываются вмешательству фей, то в Бретани они объясняются влиянием мертвых.

Бретонский кельт не делает различий между живыми и мертвыми. Все они одинаково населяют этот мир: одни - видимые, другие - невидимые. Хотя провидцы могут видеть мертвых в любое время, в канун ноября (*Ла Туссен*) и Рождества они наиболее многочисленны и легко различимы, и ни одному крестьянину не придет в голову сомневаться в их существовании. В Ирландии и Шотландии деревенские жители боятся говорить о феях иначе как через эвфемизм, а бретонцы говорят о мертвых косвенно, да и то со страхом и трепетом.

Следующая легенда, которую я нашел в Карнаке, послужит иллюстрацией как глубины веры во власть мертвых над живыми в Нижней Бретани, так и того, как глубоко могут взволновать людей предсказания того, кто может видеть мертвых; и эта легенда весьма типична для тех, которые так распространены в Арморике: - "Предсказание смерти.

Предсказание смертей - "Раньше жила женщина, которую духи заставляли подниматься с постели, без разницы в какой час ночи, чтобы увидеть похороны в будущем. Она предсказывала, кто умрет, кто понесет труп, кто крест, а кто пойдет за *кортежем*. Ее предсказания пугали всех и наводили такой ужас на всю страну, что мэр грозился возбудить против нее судебное дело, если она продолжит свою практику; но она была вынуждена рассказывать то, что показывали ей духи. Прошло около десяти лет с тех пор, как эта женщина умерла в больнице в Орее".

Свидетельство бретонской провидицы В маленькой деревушке Керлуа, расположенной менее чем в миле от Карнака, живет бретонская провидица, женщина, которая с восьми лет имеет привилегию созерцать невидимый мир и его обитателей, подобно женщине, умершей в Орее. Ей, мадам Эжени Ле Порт, сейчас сорок два года, и то, что она рассказывает о вещах, увиденных в этом невидимом мире, который ее окружает, можно легко принять за ирландские легенды о феях. Почти не зная французского языка, поскольку она по происхождению бретонка, мадам Ле Порт описывала свои видения на родном языке, а ее старшая дочь выступала в роли переводчицы. Я знал эту добрую женщину с предыдущей зимы, и поэтому мы могли общаться на равных; и когда я сидел в ее собственном маленьком коттедже, в компании с ее мужем и дочерьми, а также с месье Лемортом, который выступал в качестве секретаря, вот что она сказала в своей ясной и серьезной манере в ответ на мои вопросы: - Я знаю, что это не так.

Мы верим, что духи наших предков окружают нас и живут с нами. Однажды на дороге из Карнака я встретил женщину из Керголлека, которая была мертва восемь дней. Я попросил ее отойти в сторону, чтобы я мог пройти, и она исчезла. Это было в одиннадцать часов утра. В другой раз я видел ее на болоте Брено; я заговорил с ней, но она ничего не ответила. По дороге из Плуарнеля (близ Карнака) я видел днем похороны женщины, которая умерла только через пятнадцать дней после этого. Я прекрасно узнал всех людей, которые принимали в них участие; но человек, который был со мной, ничего не видел. В другой раз, около трех часов дня и за восемь дней до ее смерти, я видел на том же маршруте похороны женщины, которая утонула. А еще я видел призрачную лошадь, идущую на субботник и как бы вынужденную идти против своей воли, ибо она вздымалась и била лапами по земле. Когда умер Пьер Рузик из Керлуа, я видел свет всех цветов между небом и землей, в ту самую ночь, когда он умер. Я видел спящую женщину, чей дух, должно быть, был свободен, ибо я видел его витающим вне ее тела. Ее не разбудили [в то время] из страха, что дух не найдет свое тело снова". На мой вопрос, как долго обычно длились эти различные видения, мадам Ле Порт ответила: "Они длились около четверти часа, а то и меньше, и все они мгновенно исчезали". Поскольку мадам Ле Порт, похоже, больше не могла вспомнить о своих видениях,

я наконец спросил ее, что она думает о *корриганах*, и она ответила: "Я верю, что они существуют как особый вид духов, хотя никогда их не видела".

Вот что сказал мне в Карнаке старый бретонец мсье Жан Кутон: "Я всего лишь старый крестьянин, без образования, но позвольте мне сказать вам, что я думаю о мертвых. Следуя своей собственной идее, я верю, что после смерти душа всегда существует и путешествует среди нас. Повторяю вам, что я верю в то, что мертвые видят; сейчас я докажу вам это следующей историей.

Однажды зимним вечером я возвращался домой с похорон. Моей спутницей была родственница человека, которого только что похоронили. Мы сели на поезд и вскоре сошли на станции Плухарнель. До дома оставалось еще три километра, а так как была зима, и в ту эпоху не было ни одного вагона, мы были вынуждены идти пешком. Когда мы шли, вдруг перед моей спутницей появилась ее умершая родственница, которую мы хоронили в тот день. Она спросила меня, вижу ли я что-нибудь, и так как я ответил ей отрицательно, она сказала мне: "Прикоснись ко мне, и ты увидишь без сомнения". Я прикоснулся к ней и увидел то же, что и она, - только что умершего человека, которого я отчетливо узнал"[101].

Призрачные прачки. Что касается очень популярного бретонского поверья о призрачных прачках (*les lavandières de nuits*; или, по-бретонски, *cannered noz*), то М. Гульвен Ле Скур предлагает следующее резюме: "*Лавандьеры де ню* слышались реже, чем *корриганы*, но их боялись гораздо больше. Обычно ближе к полуночи было слышно, как они бьют свое белье перед различными местами для стирки, всегда в некотором отдалении от деревень. По словам стариков из прошлого поколения, когда призрачные прачки просили какого-нибудь прохожего помочь им выжать простыни, он не мог отказаться под страхом быть остановленным и выжатым, как простыня. При этом тем, кто помогал выжимать простыни, необходимо было поворачиваться в ту же сторону, что и прачки, так как если по несчастью помощник поворачивался в противоположную сторону, ему в одно мгновение откручивали руки. Считается, что эти призрачные прачки - женщины, осужденные стирать простыни в гробу в течение целых столетий; но когда они находят какого-нибудь смертного, чтобы выжимать в противоположном направлении, они освобождаются"[102].

Бретонские анимистические верования. - М. Z. Ле Рузик, бретонский кельт, который большую часть своей жизни посвятил изучению археологии и фольклора Морбиана, а в настоящее время является хранителем музея Милн в Карнаке, кратко описывает нам состояние народных верований в том виде, в каком они существуют сейчас в стране Карнак: - "В регионе Карнака мало традиций, касающихся *фей*; но вера в духов, хороших и плохих, которая, как мне кажется, является тем же самым, что и вера в *фей*, является общей и глубокой, так же как и вера в воплощение духов. И я убежден, что эти верования являются реминисценцией древних кельтских верований, которых придерживались друиды и которые сохранило христианство".

В Финистере, таком же чисто бретонском регионе, как и Морбиан, я нашел легенду о мертвых столь же широко распространенной, а веру в духов и явное возвращение мертвых столь же глубокой; но ничего достойного упоминания о феях. Следующие истории были рассказаны мне месье Пьером Вишоном, чистокровным бретонским кельтом, родившимся в Лескофе, близ Пуэнт-дю-Раз, в Финистере, в 1842 году. Питер - настоящий старый "морской пес", совершивший кругосветное путешествие, и все же он не утратил врожденной веры своих древних предков в невидимый мир; хотя он говорит, что не может поверить во все, что люди в его части Финистера рассказывают о духах и привидениях, он должен верить, что мертвые как духи существуют и влияют на живых, благодаря своему личному опыту - одному из самых

замечательных в своем роде. Питер свободно говорит на бретонском, французском и английском языках, и, поскольку за семнадцать месяцев ему впервые представилась возможность воспользоваться английским, он рассказал мне эти истории на моем родном языке:...

Странный опыт Пьера Вишона: "Около сорока лет назад в моей жизни произошла странная вещь. Один мой родственник поступил на службу в австрийскую армию, так как по профессии он был солдатом, хотя сначала начал учиться на священника. Во время войны я не получал от него никаких известий, и вот однажды, когда я находился на палубе норвежского корабля недалеко от Дувра (Англия), мои товарищи по службе услышали шум, как будто выстрел из пушки, и свист выстрела. В тот же миг я упал на палубу, словно смертельно раненный, и пролежал в бессознательном состоянии два часа. Когда пришли новости, выяснилось, что в тот самый момент, когда я упал и раздался выстрел, мой родственник в Австрии был ранен в голову и упал замертво. И было видно, как он вскинул руки к голове, чтобы схватиться за нее, как и я".

Явление мертвых: "У меня был еще один родственник, который умер в больнице близ Кристиании, Норвегия; и в день его смерти моя сестра, тогда еще маленькая девочка, видела, как его дух появился здесь, в Лескофе, и она легко узнала его; но никто из ее подружек, которые были с ней в то время, не видел этого духа. Через несколько дней мы получили известие о смерти, и время ее и время, когда моя сестра видела дух, точно совпали".

На всем полуострове, конечной точкой которого является знаменитый и опасный Пуэнт-дю-Раз, ходят подобные истории. А среди рыбаков, с которыми я жил на странном и историческом острове Сена, легенда о мертвых еще более распространена.

Мертвые и феи сравниваются. Не излагая здесь подробно другие многочисленные легенды о смерти, которые мы собрали, мы можем отметить, насколько одинаковы силы и природа мертвых и духов в Бретани, а также сила и природа фей в кельтской Британии и Ирландии. Так, бретонские мертвецы поражают живых точно так же, как это делают феи; Анку,^[103] который является королем мертвых, и его подданные, подобно королю фей и феям, имеют свои особые пути или дороги, по которым они путешествуют в больших священных процессиях;^[104] и точно так же, как феи, хозяйева мертвых вступают во владение землей в канун ноября, а живые должны приготовить для них пир и развлечения из творожного молока, горячих блинов и сидра, которые подаются на семейный стол, покрытый свежей белой скатертью, и поставить музыку. Бретонские мертвецы приходят насладиться гостеприимством своих друзей; когда они занимают свои места за столом, слышно, как двигаются табуреты, а иногда и тарелки; а музыканты, которые помогают им развлекаться, думают, что иногда они чувствуют холодное дыхание невидимых гостей. По поводу этого же праздника мертвых (*La Toussaint*) Виллемарке в своем *Barzaz Breiz* (р. 507) пишет, что во многих районах Бретани возлияния молока возливаются на могилы предков или рядом с ними - так же, как в Ирландии и Шотландии возлияния молока возливаются феям. И в другое время, кроме кануна ноября, жители Арморики поминают умерших весьма подобающим образом, как в Ирландии ирландцы поминают фей. Бретонский крестьянин думает о мертвых так же часто, как ирландец - о феях. Однажды, когда я шел в сторону Карнака, мне самым обычным образом рассказали историю о покойнике, которого видели идущим по той самой дороге, по которой я шел. Он довольно часто ходил в церковь в Карнаке, прося молитв за свою душу. И почти каждый мужчина или женщина, которых можно встретить в сельской местности Нижней Бретани, может рассказать множество подобных историй. Если смертный случайно встретит в Бретани одного из мертвецов и побудит его съесть пищу, которую

иногда предлагают мертвецы, он никогда не сможет вернуться среди живых,[105] потому что эффект будет таким же, как от поедания пищи фей. Подобно призракам и феям в Ирландии, Шотландии и Уэльсе, в Бретани мертвые охраняют спрятанные сокровища. Именно после захода солнца мертвые имеют наибольшую силу поражать живых,[105] и *забирать* их, как это делают феи. Природное явление, болезнь, смерть или буря могут быть делом рук духа в Бретани,[105] а в Ирландии - феи. Бретонские мертвецы, как и шотландские феи, описанные в "*Тайном содружестве*" Кирка, способны по желанию становиться видимыми или невидимыми для смертных[105]. Их тела - а у них есть тела - материальны,[105] состоят из материи в неизвестном нам состоянии; а тела демонов, описанные древними, состоят из сгущенного воздуха. Мертвые в Бретани имеют более стройные формы и меньший рост, чем живые;[105] и здесь мы находим один из факторов, который сторонники теории пигмеев хотели бы подчеркнуть, но он полностью психический. Старые бретонские фермеры после смерти возвращаются на свои фермы, словно пришедшие из Сказочной страны; иногда они даже принимают участие в пахоте.[105] Как и в Ирландии, так и в Бретани, день принадлежит живым, а ночь, когда смертному безопаснее находиться в помещении, чем на улице, - духам и мертвым.[Бретонцы тщательно следят за тем, чтобы не подделываться под мертвых и не отзываться о них пренебрежительно,[106] ибо, подобно феям, они знают все, что делают смертные, слышат все, что о них говорят, и могут отомстить. Как и все феи и гоблины, мертвые исчезают с первыми петухами.[107] Мир мертвых, как и страна фей или потусторонний мир, может находиться под землей, в воздухе, на холме или горе, как дворец феи, под рекой или морем, и даже на острове среди океана.[107] Как и другие кельты против злых духов и фей, бретонские крестьяне используют магию против злых душ мертвых,[108] а священники применяют экзорцизм. Бретонское царство мертвых, как и ирландская Страна фей, - это невидимый мир, населенный другими видами духов, помимо развоплощенных смертных и фей.[109] Мертвецы посещают дома так же, как Робин Гуд-феллоу и брауни, или пикси и гоблины. Мертвые любят посещать перекрестки, как и всевозможные феи. В Бретани всегда нужно защищаться от злых мертвецов, в Корнуолле - от пикси, в других кельтских землях - от различных видов фей. В Ирландии и Шотландии есть банши, в Уэльсе - свеча смерти, в Бретани - Анку, король мертвых, чтобы предвещать смерть. И как банши причитает перед родовым особняком, так и Анку издает свой скорбный крик перед дверью того, кого зовет.[109] Кажется, в районе Карнак в Морбиане нет ни одной семьи, в которой не было бы традиции предупреждения перед смертью одного из ее членов. В Ирландии банши есть только в некоторых семьях, а в Бретани - во всех. Профессор Ле Браз посвятил большую часть своей работы "*Легенда о смерти*" этим бретонским предупреждениям о смерти, или *intersignes*. Это могут быть тени умерших в различных аспектах - призрачные руки или призраки неодушевленных предметов. Они могут появиться в результате падения предметов без известной причины; сороки, отдыхающей на крыше - как в Ирландии; крика петухов и воя собак ночью. Это могут быть свечи смерти или факелы, сны, особые телесные ощущения, образы в воде, призрачные похороны, а также смертные колесницы или кареты смерти, как в Уэльсе.

Можно сказать, что у бретонцев есть вера в смерть, в то время как у других кельтов - вера в фей, и обе эти религии являются настоящими народными религиями, врожденными в кельтскую природу, и поэтому не менее влиятельны, чем христианство. Если бы христианство каким-то образом внезапно исчезло из жизни кельта, он все равно остался бы религиозным, поскольку такова его природа. И как сказал мне профессор Ле Браз, Карнак с его странными памятниками неизвестного народа и времени, окутанный атмосферой таинственности и тишины, - это настоящая Страна мертвых. Я тоже чувствовал, что в Карнаке в любое время дня и ночи действуют странные, смутные, неопределенные влияния, очень похожие на те, которые я ощущал в самых сказочных регионах Ирландии. Можно сказать, что

вся Бретань - это Страна мертвых, а древний Карнак - ее центр, так же как Ирландия - это Страна фей, центр которой находится в древней Таре.

Заключение

Мы можем завершить наше исследование о Бретани очень красивым описанием *вейле* в Нижней Бретани, записанным на французском языке для нашего особого пользования бретонским поэтом М. Ле Скуром из Карнака и переведенным здесь. Месье Ле Скур черпает всю картину из жизни и из своего собственного интимного опыта. Она даст нам некоторое представление о природных литературных способностях бретонских кельтов, проиллюстрирует их любовь к сказкам о чудесном и сверхъестественном, и особенно ценна тем, что показывает социальную среду, в которой живет и процветает вера фей Нижней Бретани, изолированная от иностранного вмешательства:...

Ветер дул с востока, и в прерывистом лунном свете крыша соломенного домика уже поблескивала тонким слоем снега, выпавшего после захода солнца. Все желающие бегом добирались до уютной пекарни, где Ален Корре трудился над замесом ячменного хлеба, а отец Ле Скур никогда не приходил последним, потому что любил занимать лучшее место перед пекарней.

Виктор обещал нам на этот вечер рассказать красивую историю, которую никто никогда не слышал. Мне тогда было не больше четырнадцати лет, но я, как и все соседи, поспешил занять место, чтобы послушать Виктора. Моя мать уже была там и, сидя при свете канифольной свечи, крутила между двумя пальцами вату, а мой брат Ивон заканчивал работу над деревянной ложкой для масла. Каждые несколько минут я и моя маленькая кузина выходили посмотреть, не идет ли еще снег и не приехал ли Виктор.

Наконец Виктор вошел, и все зааплодировали, а молодые девушки удлиннили свои валики, чтобы выразить ему свое почтение. Затем, когда восстановилась тишина, после того как некоторые из старших мужчин несколько раз крикнули: "Давайте начнем, придержите языки", Виктор начал свой рассказ следующим образом

Раньше в деревне Кастель-Лаер, что в Плуневентере (Финистер), жили два соседа: один - Паоль аль-Луду, другой - Йон Рустик. Паоль аль-Луду был из тех, кто ничего не умеет делать; он легко зарабатывал себе на жизнь, обманывая всех и грабя соседей, и, будучи всегда хорошо одетым, вызывал зависть у своих более бедных знакомых. Йон Рустик, напротив, был бедным, немощным и честным человеком, всегда стремился делать добро, но, не имея возможности работать, вынужден был просить милостыню.

Однажды вечером наши двое поспорили. Паоль аль-Луду обошелся с Йоном позорно, сказав ему, что было бы нелепо думать, что такой старый хромо́й человек, как он, может когда-нибудь добраться до Парижа; "Но я, - добавил Паоль, - собираюсь посмотреть столицу и развлечься, как богатый буржуа". На это Йон предложил поспорить с Паолем, что, несмотря на немощь, он тоже поедет в Париж; будучи честным человеком, он уповал на Бога. Пари было принято, и наши двое отправились в Париж разными путями.

Паоль аль-Луду, не имевший никаких недугов, прибыл в Париж через три недели. Он сделал карьеру вора и обманывал всех; а поскольку он был хорошо одет, люди доверяли ему. Бедный Йон Рустик, напротив, путешествовал не быстро. Он вынужден был просить милостыню и, будучи плохо одетым, ночевать под открытым небом, когда не мог найти конюшню. В конце месяца он пришел в большой лес в районе Версаля и, не имея другого

пристанища, выбрал для ночлега большой дуб, выдолбленный веками и покрытый внутри грибами. Перед этим древним дубом находился фонтан, который, должно быть, был чудодейственным, так как струился с востока на запад, и Йон внимательно наблюдал за ним.

Ближе к полуночи Йона разбудил страшный шум: вокруг фонтана танцевала сотня *корриганов*. Он услышал, как один из них сказал остальным: "Я должен сообщить вам новость: я наложил злые чары на дочь короля, и ни один смертный не сможет ее вылечить, а для того, чтобы вылечить ее, не нужно ничего, кроме капли воды из этого фонтана". *Корриган*, который так говорил, стоял на двух палках^[111] (калека) и командовал всеми остальными. Нищий, поняв суть разговора, с нетерпением ждал ухода *корриганов*. Когда они ушли, он набрал в бутылку немного воды из фонтана и поспешил в Париж, куда прибыл одним прекрасным утром.

В доме, где Йон остановился, чтобы съесть корку сухого хлеба, ему сообщили, что дочь короля очень больна и что за ней послали самых мудрых врачей Франции. Через три дня Йон Рустик явился во дворец и попросил аудиенции у короля, но, поскольку он был так потрепанно одет, слуги не хотели пускать его вход. Когда он стал настаивать, они все-таки убедили короля принять его, и тогда Йон сказал королю, что пришел вылечить принцессу. Тогда король велел одеть Йона подобающим образом и представил перед больной кроватью; Йон достал бутылку с водой, и по его просьбе принцесса выпила ее до последней капли. Вдруг она начала радостно смеяться и, обняв нищего за шею, поблагодарила его: она была полностью исцелена. Король тотчас же приказал приготовить золотую карету и, усадив принцессу и нищего на одно сиденье, отправился в путешествие по всем красивейшим улицам Парижа. Никогда еще в Париже не было такого скопления народа, потому что провозгласили, что тот, кто совершил чудесное исцеление, был нищим.

Паоль аль Люду, который все еще находился в Париже, протиснулся вперед, чтобы посмотреть, как проедет королевская карета, и когда он увидел, кто сидит рядом с принцессой, то был вне себя от радости. Но еще до конца дня он обнаружил Йона в большой гостинице города и спросил его, как ему удалось излечиться; Йон ответил своему старому сопернику, что это произошло благодаря воде чудесного фонтана, и, рассказав обо всем, что произошло, объяснил ему, в каком месте находится дуплистый дуб и фонтан.

Паол не стал ждать даже этой ночи, а сразу же отправился на поиски чудодейственного фонтана. Когда он наконец нашел его, было уже почти полночь, и он спрятался в дупле дуба, надеясь подслушать какое-нибудь таинственное откровение. Едва наступила полночь, как начался страшный шум: на этот раз калека вождь *корриганов* ругался, как демон, и кричал остальным: "Дочь короля вылечил нищий! Он, должно быть, подслушал нас, спрятавшись в дупле этого старого дуба. Скорее разведите в нем огонь, ибо он принес нам несчастье".

Меньше чем через минуту ствол дуба был охвачен пламенем, и слышались мучительные крики Паола аль Луду и скрежет зубов, когда он боролся со смертью. Так закончил свою жизнь злой и бесчестный человек, а Йон Рустик получил пенсию в двадцать тысяч франков и смог счастливо прожить долгие годы, раздавая милостыню бедным".

На этом М. Ле Скур заканчивает свое повествование, оставляя читателю возможность представить себе восторженные аплодисменты и ласковые объятия, которыми одарил Виктора за эту чудесную историю счастливое собрание деревенских жителей в уютной теплой пекарне в Нижней Бретани, в то время как холодный восточный ветер зимы закручивал во все углы падающие хлопья снега.

Свидетельства из Ирландии, Шотландии, острова Мэн, Уэльса, Корнуолла и Бретани, которые предлагает живая кельтская вера, теперь выслушаны; и, как было сказано в начале расследования, очевидно, что большая их часть может быть истолкована только как относящаяся к всемирному учению о душах. Но прежде чем прийти к такому решению, все свидетельства должны быть тщательно оценены в соответствии с антропологическими и психологическими методами; и это мы сделаем в следующей главе, прежде чем перейти к разделу II нашего исследования.

РАЗДЕЛ I

ЖИВАЯ ВЕРА ФЕЙ

ГЛАВА III

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Антропология занимается человеком и тем, что есть в человеке - *humani nihil a se alienum putat*. -Andrew Lang.

Кельтская вера в фей как часть всемирного анимизма - формирующее влияние социальной психологии - малочисленность эльфийских духов и фей, согласно этнологии, анимизму и оккультным наукам - вера в чейнджлингов и ее объяснение согласно теории похищения, человеческого самопожертвования, Древняя и современная магия и колдовство, основанные на определенных психологических законах - Экзорцизм - Табу на имя, еду, железо, место - Табу у древних кельтов - Жертвоприношение - Легенда о мертвых -
Заключение: В основе современной веры в фей лежит анимизм.

Кельтская вера в фей как часть всемирного анимизма

Современная вера в фей, которой мы до сих пор специально занимались, является кельтской лишь в той мере, в какой она отражает кельтские традиции и обычаи, кельтские мифы и религию, а также кельтские социальные и экологические условия. В остальном, как будет показано в этой и последующих главах, это, по сути, часть всемирного анимизма, который составляет основу всех религий, на какой бы стадии культуры они ни существовали или к какой бы стадии эволюции ни пришли, от варварства негров Конго до цивилизации архиепископа Кентерберийского; и как бы далеко в прошлое мы ни ушли от истоков человечества, там есть соответствующая вера в царство фей или духов, как и сегодня среди современных цивилизованных и нецивилизованных рас во всех странах. Поэтому мы можем

с пользой начать изучение живой веры кельтов в фей, сравнив ее с несколькими примерами, взятыми почти наугад, из анимистических верований, бытующих среди некельтских народов.

К племенам арунта Центральной Австралии, наиболее удаленным в пространстве от кельтов и, следовательно, наименее подверженным их влиянию, мы обратимся в первую очередь, чтобы рассмотреть их доктрину о предковых существах *Альчеринги* и *Ирунтариини*, которая предлагает почти полную параллель кельтской вере в фей. Эти существа *Alcheringa* и *Iruntarinia* - если не принимать во внимание второстепенные различия между ними - представляют собой расу духов, обитающих в невидимом или сказочном мире. Только некоторые люди, знахари и провидцы, могут видеть их; они описывают их как тонких и тeneвых, и, подобно ирландским *сидхе*, всегда юных на вид. Точно так же, как и их кельтские собратья в целом, эти австралийские духи, как считается, преследуют неодушевленные предметы, такие как камни и деревья, или часто посещают тотемные центры, как в Ирландии, демоны (daemons), как считается, часто посещают определенные места, которые, как известно, были в древности посвящены религиозным обрядам дохристианских кельтов; и, в точности как бретонские мертвецы и большинство фей, они, как говорят, контролируют человеческие дела и природные явления. Все арунта неизменно считают себя воплощениями или реинкарнациями этих духов-предков; и, согласно свидетельствам, которые будут изложены в нашей седьмой главе, древние и современные кельты также считали себя воплощениями или реинкарнациями предков и сказочных существ. Также арунта считают существ *альчеринги* точно такими же, как кельты считают фей: реальными невидимыми сущностями, которых необходимо умиловить, если люди хотят заручиться их благосклонностью; и благодетельными и защищающими существами, когда их не обижают, которые могут привязываться к отдельным людям в качестве духов-хранителей[112].

Среди меланезийских народов существует столь же твердая вера в духовных существ, которых они называют *Вуи* и *Вуи*, и эти существа обладают многими из главных атрибутов существ *Альчеринги*[113].

В Африке *аматонго*, или *абанганси* из верований амазулу, имеют в основном те же мотивы поведения по отношению к мужчинам и женщинам и проявляют те же способности, которые шотландские и ирландские крестьяне относят к "хорошим людям". Они *забирают* живых через смерть, а люди, *забранные* таким образом, появляются потом в виде явлений, превращаясь в *аматонго*[114].

В Новом Свете мы находим североамериканских краснокожих, которые, как и кельты, верят в различных духов, подобных феям. Они верят, что духи есть в озерах, реках и водопадах, в скалах и деревьях, в земле и воздухе; и что эти существа вызывают бури, засухи, хорошие и плохие урожаи, изобилие и нехватку дичи, болезни и переменчивые судьбы людей. Мистер Леланд, тщательно изучивший эти американские верования, говорит, что *Ун-а-геймс-сук*, или маленькие духи, населяющие скалы и ручьи, играют гораздо более важную роль в социальной и религиозной жизни североамериканских краснокожих, чем эльфы или феи, когда-либо существовавшие у арийцев[115].

В Азии существует хорошо известное и тщательно разработанное анимистическое вероучение китайцев и японцев, которое будет частично проиллюстрировано в последующих разделах. В популярных индийских верованиях, распространенных в Панджабе, нет существенной разницы между различными порядками существ, наделенных бессмертием, таких как призраки и духи, с одной стороны, и боги, полубоги и воины - с другой; будь то в телах в этом мире или вне тел в невидимом мире, они одинаково живут и действуют - точно так же, как и феи.[116] На всем Малайском полуострове очень

распространена вера во многие порядки добрых и злых духов, в одержимость демонами, в экзорцизм и в силу черных магов.[\[117\]](#) Но у сиамских племен мы обнаруживаем то, что, вероятно, является наиболее важной и полной параллелью кельтской веры в фей, существующей в Азии.

Согласно сиамским народным верованиям, все звезды и различные планеты, а также бесплотные пространства являются обиталищами *тхевадас*, богов и богинь старой добуддийской мифологии, которые довольно близко соответствуют Туатха Де Дананн из ирландской мифологии; а сам этот мир населен легионами мелких божеств, называемых *Фи*, которые включают в себя все различные порядки добрых и злых духов, постоянно влияющих на человечество. Некоторые из этих *Phi* живут в лесах, на деревьях, на открытых пространствах; ими полны водотоки. Другие обитают в горах и на возвышенностях. Особый порядок, который преследует священные деревья, окружающие буддийские храмы, известен как *Phi nang mai*; поскольку *nang* означает "женщина", а *mai* - "дерево", их можно сравнить с феями, обитающими на деревьях, или греческими лесными нимфами. Еще один орден, называемый *Chao phum phi* (боги земли), похож на посещающих дома брауни, фей и пикси, или на некоторые ордена *корриганов*, которые преследуют амбары, конюшни и жилища; и во многих любопытных деталях эти *Chao phum phi* соответствуют пенатам Древнего Рима. В Сиаме широко распространено поклонение не только этому ордену *Пхи*, но и всем другим орденам *Пхи*, которым возводятся алтари и делаются умиловительные жертвоприношения всеми слоями сиамского народа[\[118\]](#).

Прежде чем перейти на запад, в Европу, в завершение нашего быстрого фольклорного тура по миру, мы можем заметить, что персы, даже хорошо образованные, твердо верят в *джиннов* и *афритов*, различные порядки добрых и злых духов, обладающих всеми основными характеристиками фей[\[119\]](#), а современные арабы, египтяне и египетские турки придерживаются подобных анимистических верований[\[120\]](#).

В Европе греческий крестьянин так же твердо верит в нимф или nereид, как кельтский крестьянин - в фей; и нимфы, и nereиды, и феи часто являются выжившими древней мифологии. Мистер Дж. К. Лоусон, который очень тщательно исследовал фольклор современной Греции, говорит: "Nereиды представляются как женщины полубожественные, но не бессмертные, всегда молодые, всегда красивые, в лучшем случае капризные, а в худшем - жестокие. Их присутствие подозревают повсюду. Мой проводник сам указал мне на nereиду, и я увидел подобие женской фигуры, затянутой в белое, и высокой, выше человеческого роста, порхающей в сумерках между ветвями старой оливы. Что это было за явление, мне было недосуг выяснять, потому что мой проводник многими крестными знамениями и бормотанием призывов к Деве Марии побуждал моего мула к опасной спешке по неровной горной тропе". Как и кельтские феи, греческие nereиды имеют своих королей; они танцуют всю ночь, исчезая с наступлением петушиного часа; они могут накладывать заклинания на животных или болезни на мужчин и женщин; они могут менять свой облик; они *забирают* детей после смерти и делают подменышей; и они влюбляются в молодых мужчин.[\[121\]](#)

Среди народов румейн широко распространенная вера в *Иеле* в других отношениях демонстрирует столь же заметные параллели с верой кельтов в фей. Эти *Иеле* поджидают на перекрестках дорог и возле жилищ, у деревенских фонтанов или в полях и лесах, где они могут лучше всего насылать на мужчин и женщин различные недуги. Иногда они влюбляются в прекрасных юношей и девушек, и в таких случаях даже управляют своими смертными возлюбленными. Они очень любят музыку и танцы, и многие пастухи со своими дудками были благосклонны к ним, хотя у них тоже есть своя музыка и песни. У албанских народов есть

злые феи, ростом не выше детей двенадцати лет, называемые на современном греческом языке τὰ ἑξωτικά, "те, кто без", которые соответствуют *Иеле*. Молодые люди, которых заманили в их хоровод, после этого теряют рассудок и умирают, видимо, становясь одними из "тех, кого нет". У этих албанских духов, как и у "добрых людей" и бретонских мертвецов, есть свои особые пути и отступления, и тот, кто их нарушает, получает удар и заболевает.^[122] Эти параллели с румейнскими землями, вероятно, объясняются близким арийским родством между румейнами, греками и кельтами. *Иеле* представляются не более чем нимфами и nereидами классической древности, превратившимися под христианским влиянием в существ, противоречащих их изначальному доброму характеру, как в кельтских землях феи также стали падшими ангелами и злыми духами.

Существует еще более тесная связь между итальянскими и кельтскими феями. Например, среди этруско-римского народа сейчас процветают анимистические верования, почти идентичные во всех деталях с верой кельтов в фей.^[123] В очень ценном исследовании о неолатинских феях мистер Х. К. Кут пишет: "Кем были феи - *фатуа* поздней Италии, *феи* средневековой Франции? Ведь совершенно ясно, что *fatua*, *fata* и *fee* - это одно и то же слово". И далее он показывает, что раса бессмертных дам, которых старые уроженцы Италии называли *фатуэями*, дала начало всему семейству *фей*, как они появляются в латинских странах, и что итальянцы признали в греческих нимфах своих собственных *фатуэев*^[124].

Совершенно очевидно, что мы обнаружили в Италии, как и в Греции и странах Румейна, фей, очень похожих на кельтских; и если продолжить изучение современного европейского фольклора, то можно обнаружить и других подобных фей, таких, например, как эльфы Германии и Скандинавии или *серваны* швейцарских крестьян. И во всех случаях, будь то кельтские или некельтские, арийские или неарийские верования, из Австралии, Полинезии, Африки, Америки, Азии или Европы, они по сути своей анимистически одинаковы, как станет ясно из последующих разделов этой главы. Но, хотя параллелизм этих верований и обозначен, разумеется, ни на секунду не подразумевается, что во всех случаях или в каком-то одном из них нет существенных различий. Основанием для сравнения служат лишь те общие характеристики, которые неизменно проявляются в этих сказочных верованиях, как их можно назвать, - характеристики, которые мы имеем все основания объединить одним прилагательным "анимистический".

Формирующее влияние социальной психологии

За термин "анимизм" мы должны благодарить доктора Э. Б. Тайлора, чья работа "*Примитивная культура*", в которой развивается анимистическая теория, можно сказать, почти ознаменовала начало научной антропологии. В этой работе, однако, прослеживается явная тенденция (которая действительно проявляется в большинстве ведущих антропологических работ, как, например, в работах доктора Фрейзера) рассматривать людей, или, во всяком случае, первобытных людей, как обладающих разумом абсолютно однородным, и поэтому думающих, чувствующих и действующих одинаково при любых условиях. Однако в интерпретации обычаев и верований более грубых рас начинают происходить серьезные изменения. В качестве рабочего принципа предполагается, что каждая этническая группа обладает или стремится обладать собственной индивидуальностью и, более того, что члены такой группы думают, чувствуют и действуют, прежде всего, как представители, так сказать, той этнической индивидуальности, в которой они живут, двигаются и имеют свое бытие. Иными словами, социальная психология, в отличие от индивидуальной, должна, как утверждается, произносить первое и последнее

слово в отношении всех вопросов мифологии, религии и искусства в его многочисленных формах. Причина в том, что это социальные продукты, и как таковые они должны быть поняты только в свете законов, управляющих работой коллективного разума любой конкретной этнической группы. Такой метод, например, используется в *"Социальной психологии"* г-на Уильяма Макдугалла, в *"Пороге религии"* г-на Р. Р. Маретта, и во многих антропологических статьях, которые можно найти в *"L'Année Sociologique"*.

Поэтому, если мы придерживаемся этого нового и плодотворного метода социальной психологии, мы должны быть готовы к тому, что вера в фей кельтских народов также будет рассматриваться сама по себе, как выражение более или менее уникальной индивидуальности. Можно, правда, возразить, что эти народы представляют собой не единую социальную группу, а скорее несколько таких групп, и это в какой-то мере верно. Тем не менее, их фольклор демонстрирует такую замечательную однородность, из какой бы части кельтского мира он ни был взят, что представляется наиболее разумным рассматривать их как один народ для всех целей изучающего социологию, мифологию и религию. Допуская такое единство в верованиях панкельтской расы, мы в конечном итоге вынуждены различать как бы два ее аспекта.

С одной стороны, даже в горстке некельтских параллелей, которые по причинам ограниченного объема мы вынуждены приводить, а также в их кельтских эквивалентах, проявляется общий элемент, характерный для всех народов, живущих в условиях примитивного общества. Это, безусловно, социальный элемент, но в то же время такой, который неизбежно проявляется в любом первобытном обществе. С другой стороны, во втором аспекте кельтские верования демонстрируют характер, который является полностью кельтским: в вере фей, которая в целом является анимистической, мы находим отражение всех видов специфических характеристик кельтских народов - их патриотизма, их особого типа воображения, их костюмов, развлечений, домашней жизни, социальных и религиозных обычаев в целом. Учитывая этот факт, мы можем перейти к рассмотрению некоторых более специализированных аспектов веры в фей, проявляющихся как среди кельтов, так и в других странах.

Маленькие эльфийские духи и феи

Этнологическая или пигмейская теория

При любой антропологической оценке Фей-Файт следует учитывать рост пигмеев, который обычно приписывают различным кельтским и некельтским феям. Различные ученые, отстаивающие теорию пигмеев, пытались объяснить эту миниатюрность фей с помощью гипотезы, что вера в таких фей *полностью* обусловлена народной памятью о низкорослых докельтских расах;^[125] и они добавляют, что эти расы, жившие в пещерах, как доисторические пещерные люди, и в подземных домах, как у саамов или эскимосов, породили веру в мир фей, существующий в пещерах и под холмами или горами. Если проанализировать наши свидетельства, то окажется, что в большинстве случаев очевидцы считали фей либо духами нечеловеческой природы, либо духами умерших; в сравнительно небольшом числе случаев они считали их душами доисторических рас; и иногда они считали веру в них народной памятью о таких расах. Из такого анализа фактов следует, что теория пигмеев, вероятно, действительно объясняет некоторые этнологические элементы, которые почти неразрывно переплелись с анимистической по своей сути тканью первобытной веры в фей. Но хотя теория и объясняет такие этнологические элементы, она не учитывает анимизм, который сделал такое переплетение возможным; и в целом мы склонны принять точку зрения

мистера Дженнера на эту теорию (см. с. 169). Поскольку теория пигмеев, таким образом, не может полностью обеспечить основу для того, что, безусловно, является наиболее важной частью веры фей, требуется более адекватная теория.

Анимистическая теория

Свидетельства кельтской литературы показывают, что лепреконы и подобные им карликовые существа не являются результатом народной памяти о реальной расе пигмеев, что они - духи, подобные эльфам, и что народная память о лапландцах (которые, возможно, были пиктами), очевидно, была спутана с ними, что привело к их антропоморфизации. Так, в "*Выкупе Фионна*" упоминается низкорослый лапландский человек, который может быть пиктом; и, как заметил Кэмпбелл, записавший эту древнюю сказку, существует множество подобных традиционных сказок о маленьких человечках или даже о настоящих карликах, которые хорошо владеют луком;^[126] но совершенно точно, что такие сказки часто смешивались с другими сказками, в которых играли роль сверхъестественные фигуры, такие как феи; и, очевидно, что первый тип сказок гораздо более историчен и современен по своему происхождению, в то время как второй - более мифологичен и крайне архаичен. Это смешение естественного или этнологического и сверхъестественного - совершенно так же, как в современных сказках - ясно видно в другом сборнике сказок Кэмпбелла, *The Lad with the Skin Coverings*,^[127] который, по сути, является потусторонней сказкой: "маленький худой человечек в сыром пальто", который является волшебником, но в остальном кажется настоящим саамом, одетым в меха, вводится в историю, где главные роли играют настоящие сказочные существа. И снова в ирландской литературе мы читаем о *лохе Лухра* или "озере пигмеев".^[128] Свет на это упоминание бросает запись о лепреконах и Фергусе: "Однажды, когда Фергус спал на берегу моря, его собирались унести *лепреконы*; тогда он проснулся и поймал трех из них, то есть по одному в каждую из двух своих рук и одного на груди". "Жизнь за жизнь" (то есть защита), - говорят они. "Пусть исполнятся три моих желания (то есть выбора)", - говорит Фергус. "Ты получишь", - говорит карлик, - "кроме того, что для нас невозможно". Фергус попросил у него знания о прохождении под лугами, линами и морями. "У тебя есть, - говорит карлик, - кроме одного, которое я тебе запрещаю: ты не должен проходить под Лаф Рудрайд, [который] находится в твоей собственной стране". После этого *лукуирп* (маленькие тела) вложили ему в уши травы, и он отправился с ними под воду. Другие говорят, что гном отдал ему свой плащ, и Фергус надел его на голову и таким образом ушел под воду.^[129] В этимологическом комментарии к этому отрывку сэр Джон Рон говорит: "Слова *luchuirp* и *luchorpáin* [англо-ирландский лепрекон], по-видимому, означают буквально "маленькие тела", а слово, переданное здесь карликом, является в ирландском *abac*, этимологическим эквивалентом валлийского *avanc*, названия, под которым некоторые водные обитатели мифического характера ходили в Уэльсе"^[130].

Помимо того, что мы находим в записанной вере фей, существует очень много параллельных традиций, как кельтских, так и некельтских, о различных классах духов, таких как лепреконы или другие маленькие эльфийские существа, которых доктор Тайлор назвал духами природы;^[131] и, очевидно, все они могут быть лучше всего объяснены с помощью анимистической гипотезы. Например, в Северной Америке (как и в кельтских землях) нет доказательств того, что когда-либо существовала настоящая карликовая раса, но Льюис и Кларк в своем "*Путешествии к истокам реки Миссури*" нашли среди сиу предание о том, что холм у реки Уайтстоун, который краснокожие называли "Горой маленьких людей" или "Маленькими духами", был населен карликовыми демонами в человеческом облике, ростом около 18 дюймов, вооруженными острыми стрелами и всегда готовыми убить смертных,

которые осмелились бы вторгнуться в их владения. Все племена краснокожих, жившие вблизи горы, так боялись этих маленьких духов, что ни одного из них не удалось уговорить посетить ее".[132] И мы можем сравнить этот американский холм, населенный духами, с подобными природными холмами в Шотландии, о которых говорят, что это холмы фей: один возле поворота дороги из Рей-Уика в Сафестер, остров Унст;[133] другой - хорошо известный Томнахурич, населенный феями, недалеко от Инвернесса;[133] и третий - холм в Аберфойле, на котором "люди мира" схватили преп. Роберта Кирка, когда он осквернил его, пройдя по нему; или мы можем приравнять американский холм к сказочным Слив Гуллион и Бен Булбин в Ирландии.

У ирокезов существовало поверье, что они могут вызвать карликов, похожих на духов природы, постучав по определенному большому камню .[134] Точно так же полонг, малайский знакомый дух, представляет собой "чрезвычайно уменьшенную женскую фигурку или манникина".[В Полинезии, совершенно независимо от распространенных легенд о диких расах карликового роста, существуют мифы о духах *вуи* или *вуи*, которые соответствуют европейским карликам и троллям. Эти маленькие духи, похоже, занимают такое же положение по отношению к меланезийским богам или культурным героям, Кат с островов Банкс и Тагаро с Новых Гебрид, как демоны по отношению к греческим богам, или как добрые ангелы по отношению к христианской Троице, или как сказочные племена по отношению к британскому Артуру и гэльскому герою Кухулайнну.[137] Точно так же в индуистской мифологии пигмеи занимают важное место, будучи изваянными на большинстве храмов в компании с богами; например, Сиву сопровождает телохранительница из карликов, а один из них, трехногий Бхринги, хорошо танцует[138] - как и все *корриганы*, пикси и большинство фей.

За пределами кельтских земель - в Южной Азии с ее островами, в Меланезии с Новой Гвинеей и в Центральной Африке - в настоящее время существуют пигмейские расы, обычно называемые негритосами; но они сами верят в фей, как и их первобытные соседи нормального роста, и вряд ли разумно утверждать, что одна из двух фей обусловлена народной памятью о народах маленького роста. Древние и вполне достоверные рукописные записи свидетельствуют о существовании пигмеев в Китае в двадцать третьем веке до нашей эры;[139] однако никто никогда не пытался объяснить известные анимистические верования современных китайцев в призраков, демонов и маленьких духов природы вроде фей тем, что они являются народным воспоминанием об этой древней расе пигмеев. На Езо и Курильских островах Японии до сих пор живут несколько волосатых айнов, европеоидной, низкорослой расы; а их непосредственными предшественниками, которых они истребили, была раса негритосов, которые, согласно одним традициям, были ростом от двух до трех футов, а согласно другим - всего один дюйм.[140] Обе расы пигмеев, выжившая и истребленная, по-видимому, независимо друг от друга развили веру в призраков и духов, так что и в этом случае нет необходимости утверждать, что нынешний добуддийский анимизм японцев обусловлен народной памятью айнов или негритосов.

Дальнейшее рассмотрение анимистической гипотезы, призванной объяснить миниатюрность эльфийских духов, уводит от простой мифологии в психологию и ставит перед нами задачу выяснить, не могли ли, в конце концов, первобытные представления о развоплощенной человеческой душе послужить источником или, по крайней мере, помочь сформировать кельтское народное представление о феях как о существах маленького роста. Мистер А. Э. Кроули в своей книге "*Идея души*" (стр. 200-1, 206) на основе тщательно отобранных свидетельств из древних и современных психологий показывает, что "на первое место среди атрибутов души в ее первичной форме можно поставить ее размер", и что "в

большинстве случаев она представляет собой миниатюрную копию человека, часто описываемую как маннинкин или гомункул, высотой в несколько дюймов". Иногда душа описывается ростом всего в три дюйма. Доктор Фрейзер также показывает, что практически у всех современных примитивных народов душа обычно считается карликом[141].

Те же самые мнения относительно человеческой души преобладали среди древних высокоцивилизованных народов, то есть египтян и греков, и, возможно, именно они оказали непосредственное влияние на кельтскую традицию. Так, на барельефе египетского храма *Дэр-эль-Бахри* царица Хатшепсу Рамака делает подношения богам, а прямо за ней стоит ее *Ка* (душа) в виде пигмея, настолько маленького, что макушка его головы находится на одном уровне с ее талией[142] *Ка* обычно представляется размером примерно в половину обычного человека. В *Книге мертвых Ба*, которая, как и *Ка*, является одной из многих делимых частей души, представлена в виде маленького человечка с крыльями и птичьим телом.

На греческих вазах человеческая душа изображается в виде пигмея, выходящего из тела через рот; такая концепция существовала у римлян и тевтонов.[143] Как и их предшественники египтяне, греки также часто представляли душу в виде маленькой крылатой человеческой фигурки, а римляне, в свою очередь, представляли душу в виде пигмея с крыльями бабочки. Эти представления вновь появляются на средневековых рельефах и картинах, где душа изображается в виде ребенка или маленького голого человечка, выходящего изо рта умирающего;[144] а по словам Седмона, получившего образование у кельтских учителей, ангелы маленькие и красивые[145] - совсем как добрые феи.

Алхимическая и мистическая теория

В позитивных доктринах средневековых алхимиков и мистиков, например Парацельса и Росикрусиан, а также их современных последователей, древние метафизические идеи Египта, Греции и Рима находят новое выражение; и эти доктрины поднимают последнюю проблему - есть ли научные основания верить в таких пигмейских духов природы, которых эти замечательные мыслители Средневековья утверждают, что изучали как существ, реально существующих в природе. В некоторой степени эта интересная проблема будет рассмотрена в главе "*Наука и феи*"; здесь же мы просто изложим метафизическую теорию, добавив свидетельства некоторых ее живых сторонников, чтобы объяснить малость эльфийских духов и фей.

Эти средневековые метафизики, наследники доплатонических, платонических и неоплатонических учений, намеренно скрывали свои доктрины под покровом алхимических терминов, чтобы обезопасить себя от преследований: открытое обсуждение оккультизма было небезопасно в средние века, как это было среди древних и, к счастью, сейчас снова происходит в нашем поколении. Но они были вполне научны в своих методах, поскольку разделили всех невидимых существ на четыре отдельных класса: Ангелы, которые по характеру и функциям параллельны богам древних и равны ирландским Tuatha De Danann, являются высшими; ниже их находятся Дьяволы или Демоны, которые соответствуют падшим ангелам христианства; третий класс включает всех Элементалов, недочеловеческих духов природы, которые обычно считаются имеющими рост пигмея, как греческие демоны; и четвертое подразделение включает души мертвых и тени или призраки мертвых.

Для нас наиболее важен третий класс, в который входят духи пигмейского типа. Все его представители бывают четырех видов, в зависимости от того, в какой из четырех главных

стихий природы они обитают.[146] Те, кто обитает на земле, называются гномами. Они определенно пигмейского роста и дружелюбны к человеку, а в сказочных преданиях обычно соответствуют феям или гоблинам, охотящимся за минами, пикси, *корриганам*, лепреконам и эльфам, живущим в скалах, пещерах или земле - важное обстоятельство, которое совершенно не учитывается сторонниками теории пигмеев. Те, кто обитает в воздухе, называются сильфами. Эти сильфиды, которых обычно описывают как маленьких духов, похожих по форме на пигмеев, соответствуют большинству фей, которые не относятся к Туатха Де Дананн или "дворянскому" типу, и которые как раса красивы и грациозны. Они очень похожи на фей из "*Сна в летнюю ночь*" Шекспира, и особенно на воздушных фей из "*Бури*", которые, по мнению г-на Мортон Люса, комментатора драмы, были созданы Шекспиром на основе его знаний о росикрусианском оккультизме, в котором такие духи занимают важное место. Те, кто обитает в воде, называются ундинами и в точности соответствуют феям, живущим в священных фонтанах, озерах или реках. А четвертый вид, обитатели огня, называются саламандрами и редко появляются в кельтской вере фей: они занимают высшие позиции в элементарных иерархиях. Все эти элементарии, которые размножаются по примеру людей, как говорят, имеют тела из упругой полуматериальной сущности, которая достаточно бесплотна, чтобы не быть видимой физическим зрением, и, вероятно, сопоставима с материей в виде невидимых газов. Мистер У. Б. Йитс дал такое объяснение: "Многие поэты и все мистические и оккультные писатели во все века и страны заявляли, что за видимым скрываются цепи сознательных существ, которые принадлежат не небу, а земле, не имеют присущей им формы, но меняются по их прихоти или по воле разума, который их видит. Вы не можете поднять руку, чтобы не повлиять на полчища людей и не оказаться под их влиянием. Видимый мир - всего лишь их оболочка. В снах мы ходим среди них, играем с ними, сражаемся с ними. Возможно, они - человеческие души в горниле, эти создания прихоти"[147] И, сопоставляя это с обычными феями, он говорит: "Не думайте, что феи всегда маленькие. В них все капризно, даже их размер. Кажется, они принимают тот размер или форму, которые им нравятся"[147]. В "*Кельтских сумерках*" мистер Йитс утверждает, что "феи в Ирландии иногда такие же большие, как мы, иногда больше, а иногда, как мне говорили, около трех футов в высоту"[148].

Миссис Икс, культурная ирландка, живущая сейчас в графстве Дублин, которая в качестве перцепиента отвечает всем строгим требованиям, предъявляемым психологами и патологоанатомами, рассказала мне, что очень часто у нее были видения сказочных существ в Ирландии, и ее собственная классификация и описание этих сказочных существ, в основном в соответствии с их ростом, таковы: "Среди обычно невидимых рас, которые я видела в Ирландии, я выделяю пять классов. (1) Гномы - земные духи, которые, похоже, относятся к печальной расе. Однажды я отчетливо видел некоторых из них на склоне Бен Булбина. У них были довольно круглые головы и темные толстые тела, а рост составлял около двух с половиной футов. (2) Лепрекконы отличаются тем, что полны озорства, хотя они тоже маленькие. Я следовал за лепреконом из города Уиклоу до *Carraig Sidhe*, "Скалы фей", на расстоянии полумили или более, где он исчез. У него было очень веселое лицо, и он манил меня пальцем". (3) Третий класс - это Маленький народ, который, в отличие от гномов и лепрекконов, весьма симпатичен; и он очень маленький. (4) Добрый народ - это высокие красивые существа, ростом с нас самих, если судить по тем, кого я видел на *ратуше* в Россес-Пойнт. Они управляют магнитными потоками Земли. (5) Боги - это действительно Туатха Де Дананн, и они намного выше нашей расы. Возможно, существует множество других классов невидимых существ, о которых я не знаю" (записано 16 октября 1910 года).

И независимо от кельтских народов имеется очень много свидетельств самого достоверного характера от современных учеников средневековых оккультистов, например,

росикрусианцев и теософов, о том, что в природе существуют невидимые духовные существа карликового роста и различных форм и характеров, сравнимые во всех отношениях с маленькими людьми кельтского фольклора. То, что все это параллельно кельтской вере в фей, совершенно очевидно, и в наших комментариях нет необходимости[149].

Эта точка зрения, представленная средневековыми и современными оккультными науками и подтвержденная кельтскими и некельтскими людьми, если рассматривать ее в связи с ее некельтскими источниками, а затем сразу же противопоставить ее древним и современным кельтским верованиям того же характера, которые ее составляют, - как видно из приведенных выше гэльских и британских рукописей и других свидетельств, и в теории Седмона о том, что ангелы - это маленькие существа, - погружает нас в очень сложную и чрезвычайно трудную проблему, насколько феи как пигмейские духи могут быть чисто кельтскими, и насколько они могут отражать некельтские верования. Проблема, однако, слишком сложна, чтобы обсуждать ее здесь; вкратце можно сказать, что в эволюции анимизма, по-видимому, был период, когда древние кельты Британии, Ирландии и континентальной Европы тоже придерживались, совместно с древними греками, римлянами и тевтонами, исконно арийской доктрины. Эта доктрина, после того как эти четыре группы разделились, начала развивать свои четыре специализированных аспекта, которые мы теперь можем изучать; и в ирландских университетах первых христианских веков, когда Ирландия была центром европейского образования, классический и кельтский аспекты встретились впервые после их доисторического развода. Там, как это было ясно видно позднее среди средневековых алхимиков и оккультистов, к древним анимистическим верованиям Европы, как они развивались до того времени, добавилось новое влияние - из христианской теологии.

Заключение

Этнологический аргумент, учитывая все его недостатки, позволяет предположить, что такие низкорослые расы, как саамы и эскимосы (хотя и не обязательно настоящие пигмеи, существование которых в Европе не доказано), когда-то населяли земли, где живут кельты, и что кельтская народная память о них могла предположительно зародить веру в определенные виды фей и таким образом оказать формирующее влияние на анимистические традиции о других феях. Анимистический аргумент показывает, что пигмеи, описанные в кельтской литературе и в кельтских и некельтских мифологиях, почти всегда считаются нечеловеческими духами; и что сейчас и в прошлые века существует всемирная вера в то, что человеческая душа - это пигмей по росту. Философский аргумент алхимиков и мистиков, в некотором роде, притягивает к себе анимистический аргумент и выдвигает гипотезу, что малость эльфов и фей обусловлена их собственной природой, поскольку они действительно существуют как невидимые племена нечеловеческих существ пигмейского размера и формы.

Вера в чейнджлингов

Только что рассмотренная малочисленность фей и вера в подменышей - две наиболее заметные характеристики веры в фей, согласно нашим доказательствам в [главе II](#); теперь мы рассмотрим вторую. Преобладающие и, по-видимому, единственные важные теории,

которые в настоящее время объясняют эту веру в подменышей, могут быть обозначены как теория похищения и теория человеческой жертвы. Мы перейдем к их оценке, после чего будут представлены новые и, по-видимому, более адекватные теории.

Теория похищения

Некоторые авторы утверждают, что вера в подменышей всего лишь отражает то время, когда аборигенные докельтские народы, находившиеся в подчинении у кельтов и вынужденные жить в горных пещерах и тайных убежищах под землей, иногда похищали детей своих завоевателей, и что такие похищенные дети иногда сбегали и рассказывали своим кельтским родственникам весьма романтические истории о том, что побывали в подземном сказочном мире с феями. Часто этот аргумент принимал несколько иную форму: вместо недружелюбных докельтских народов здесь фигурировали магические друиды, которые - либо по собственному выбору, либо, будучи вытеснены распространением христианства, силой обстоятельств - скрытно жили в камерных курганах или сутеррах, или в густых лесах, а затем крали молодых людей для рекрутирования, иногда позволяя им, спустя годы, когда они становились слишком старыми, чтобы быть полезными, вернуться домой под нерушимым обетом секретности.[150] А мистер Дэвид Макричи, поддерживая свою теорию пигмеев, сделал интересные современные разработки этих двух немного отличающихся теорий относительно подменышей[151].

Как уже отмечалось, в других частях сложной веры фей присутствуют определенные этнологические элементы; так и в этой ее части, вере в подменышей, возможно, больше таких элементов, которые оказывают некоторую поддержку теории похищения. Однако сама по себе, как мы надеемся убедительно показать, эта теория, не понимая сущностного и глубинного характера этого поверья, не объясняет его адекватно.

Теория человеческого самопожертвования

Альфред Натт выдвинул теорию, которая предвосхитила одну из частей нашей теории, о том, что "история о подмыше связана с античной концепцией жизни и жертвоприношения". Он писал: "По крайней мере, возможно, что больные и немощные отвергались, когда приходило время каждой семье приносить свою порцию жертв, и это могло легко воплотиться в народной памяти в утверждение, что феи уносили здоровых" (единственно приемлемых для жертвоприношения) "и оставляли взамен больных".[152] Хотя наши свидетельства не позволяют нам принять теорию (почему не позволяют, станет ясно по ходу дела), что некоторые подобные жертвенные обычаи у древних кельтов полностью объясняют историю о подмыше, мы считаем весьма вероятным, что эта теория помогает объяснить отдельные аспекты сложной традиции, и что лежащая в ее основе философия жертвоприношения, расширенная анимистическим образом, как мы попытаемся ее расширить, вероятно, предлагает более полное объяснение.

Так, мексиканцы верили, что души всех принесенных в жертву детей отправляются жить к богу Тлалоку в его небесный мир.[153] У греков принесенная в жертву жертва, по-видимому, отправлялась в качестве вестника, несущего повторенное им перед смертью послание какому-то богу.[На погребальную гряду Патрокла были положены троянские пленники вместе с лошадьми и гончими, что соответствует практике американских краснокожих; идея в том, что принесенные в жертву троянцы, а также лошади и гончие были таким образом

отправлены служить убитым воинам в потустороннем мире. У нас в Европе и в Америке нередко можно прочесть в ежедневной газете о самоубийстве, совершенном в результате веры в то, что смерть может принести единение с умершим возлюбленным или возлюбленной. Эти примеры, а также множество аналогичных, которые можно найти во всем мире, похоже, дают ключ к теории жертвоприношения: а именно, что, угасив жизнь в этом мире, она передается в мир богов, духов и мертвых.

И сэр Джон Ронс, и д'Арбуа де Жюбенвиль показали, что ирландцы приносили в жертву первенцев детей и стада.^[155] О'Карри указывает на явный случай человеческого жертвоприношения на древних ирландских похоронах^[156]: "Фиакр тогда привел с собой пятьдесят заложников из Мюнстера"; и когда он умер, "заложники, которых он привел с юга, были заживо похоронены вокруг *Ферта* (кургана) Фиакра". Чаще всего древние кельты приносили жертвы, чтобы умиротворить духов места перед возведением нового здания, отправляя к ним через смерть душу юноши (см. с. 436).

Именно в таких анимистических верованиях, лежащих в основе жертвоприношений, мы находим частичное решение проблемы веры в подменышей. Но теория жертвоприношения также неадекватна, поскольку, хотя в некоторых случаях в древности подменыши могли быть больными детьми, которых жрецы отбрасывали как непригодных для отправки к богам или феям, как мы можем объяснить настоящих подменышей, которых сегодня можно встретить во всех кельтских землях? Очевидно, необходима какая-то другая гипотеза.

Теория блуждания души

Сравнительное исследование показывает, что некейтские верования в подменышей, параллельные кельтским, существуют почти повсеместно, что в их основе лежит примитивная идея о том, что человеческая душа может быть извлечена из тела развоплощенными духами и магами, и что они не зависят от теории жертвоприношения, хотя анимистически тесно связаны с ней. Например, по мнению жителей острова Прокаженных, призраки крадут людей, как это делают феи, "чтобы добавить их к своей компании; и если после смерти у человека остались дети, один из которых впоследствии заболел, говорят, что его забирает мертвый отец."^[157] На острове Банкс, Полинезия, призрак женщины, умершей при родах, вызывает большой страх: пока ее ребенок на земле, она не может отправиться в Панои, потусторонний мир; и родственники относят ребенка в другой дом, "потому что знают, что мать вернется, чтобы забрать его душу".^[158] Когда ребенок мотлавов чихает, мать кричит: "Пусть он вернется в мир! Пусть он останется". При аналогичных обстоятельствах в Моте кричат: "Живи, вернись к нам!" "Считается, что призрак уносит душу ребенка". Если ребенок заболевает, значит, попытка удалась, и волшебник впадает в транс и отправляется в призрачный мир, чтобы вернуть душу ребенка.^[159] На островах Кеи и Кисар распространено поверье, что духи умерших могут забирать к себе души живых, которые подходят к могилам. Иногда полинезийская мать настаивает на том, чтобы ее похоронили вместе с умершим ребенком, или выжившая жена - вместе с умершим мужем, чтобы не было разлуки.^[161] Эти последние обычаи помогают проиллюстрировать кельтскую теорию, лежащую в основе веры в то, что феи могут похищать взрослых.

Во всей Меланезии болезни обычно приписываются отсутствию души в теле, и считается, что это состояние развоплощения вызвано вмешательством какого-то призрака или духа,^[162] так же как среди кельтов болезни часто считаются следствием того, что феи унесли душу в Сказочную страну. Старый ирландский волынщик, приехавший в дом леди Грегори в Кул-Парк, рассказал нам, что одна его родственница, женщина, несколько

месяцев пролежала в полубессознательном состоянии, а когда пришла в себя, заявила, что была у "добрых людей".

Народные поверья, подобные вышеперечисленным, которые более адекватно объясняют идею подмены, чем теория человеческого жертвоприношения, распространены по всему миру, будучи одновременно кельтскими и некельтскими[163].

Теория одержимости демонами

Среди многих народов, как первобытных, так и цивилизованных, существовала вера, дополняющая ту, что злые духи или призраки могут украсть душу и таким образом вызвать в освобожденном теле болезнь, если похищение временное, и смерть, если оно постоянное: а именно, вера в то, что демоны, которые иногда могут быть душами умерших, могут овладеть человеческим телом, пока душа находится вне его во время сна, или же могут изгнать душу и занять ее место.[164] При полной одержимости такого характера происходит - как и при "медиумизме" - изменение личности, манера поведения, мысли, действия, язык и весь характер одержимого человека радикально меняются. Иногда одержимый свободно говорит на иностранном языке, которого он не знает. Если одержимость злая, как заметил д-р Невиус в Китае, где эти явления широко распространены, изменения характера происходят в сторону безнравственности, часто сильно контрастируя с характером субъекта в нормальных условиях, и часто сопровождаются пароксизмами и конвульсиями тела, как меня часто торжественно уверяли кельты в случае с подменщиком. (См. рассказ М. Ле Скура на стр. 198 о трех подменщиках, которых он видел в одной семье в Финистере; сравните то, что говорится о подменах фей в Ирландии, Шотландии, на острове Мэн, в Уэльсе и Корнуолле).

Концепция, подобная китайской, о том, как злой дух может лишить душу, обитающую в теле ребенка или взрослого, кажется основной и первоначальной концепцией, лежащей в основе веры в фею-изменницу во всех кельтских и других странах. Если ребенка переодели феи, а на его месте осталась старая фея, то, согласно этой теории, ребенок был лишен своего тела злой феей, которую китаец называет демоном, а оставление старой феи объясняет изменение личности и выражение лица младенца, лишенного демона. Китайский демон входит в и полностью овладевает телом ребенка, пока его душа находится вне его во время сна - все феи совершают подмены, когда младенец спит в колыбели ночью или днем, когда он остается один на короткое время. После этого душа китайского ребенка не может вернуться в свое тело, пока какая-нибудь магическая церемония или экзорцизм не изгонят одержимого демона; точно такими же методами, часто при содействии христианских священников, кельты излечивают подмены, совершенные феями, пикси и *корриганами*. В следующем рассказе, таким образом, очевидно, кроется объяснение загадочных верований относительно подмены фей, столь часто встречающихся в кельтской вере в фей: "Чтобы предотвратить несчастье от кормления демона, высушенную банановую кожуру сжигают до пепла, который затем смешивают с водой. В эту воду мать окунает палец и рисует крест на лбу спящего младенца. Через некоторое время душа демона возвращается - ведь во время сна душа покидает тело и оказывается на свободе, - но, не узнав замаскированное тело, улетает. Истинная душа, которая ждала удобного случая, теперь подходит к спящему телу и, если метка была вовремя смыта, овладевает им; если же нет, она, как и демон, не узнав тело, уходит, и ребенок умирает во сне"[165].

В связи с этой теорией одержимости демоном писатель имел возможность внимательно наблюдать за некоторыми живыми подменщиками среди кельтов и убедился, что во многих таких случаях родители и друзья несомненно верят, что произошла одержимость феей. Эта

вера часто выливается в народную теорию о том, что тело ребенка также было изменено, в то время как обследование доказывает лишь изменение личности, признаваемое психологами; или, в отдельном типе подменышей, тех, кто демонстрирует большую скорость в детстве сочетании со старым и увядшим лицом, нет ни изменения личности, ни одержимости, а просто какое-то ненормальное физическое или психическое состояние, в природе кретинизма, атрофии, маразма или задержки развития. Один из самых ярких примеров подмены существует в Плугарнель-Карнаке, Бретань, где сейчас живет карлик-бретонец, которого я фотографировал и с которым разговаривал, и который, возможно, сочетает в себе как аномальные психические, так и аномальные патологические состояния. Ростом он не выше обычного ребенка десяти лет, но в возрасте старше тридцати лет он толстоват, хотя и не деформирован. Все крестьяне, которые его знают, называют его "Маленьким *Корриганом*", а его собственная мать утверждает, что он не тот ребенок, которого она родила. Однажды он сказал мне с каким-то жалким протестом: "Месье... говорил вам, что я демон?"

Заключение

Теория похищения, полностью опирающаяся на этнологические и социальные или психологические элементы, которые, как мы уже отмечали, существуют в поверхностных аспектах по сути анимистической веры фей в целом, соответственно, ограничивается в своем объяснении этой специализированной части веры фей, веры в подменышей, этими же элементами, которые могут существовать в вере в подменышей. И, с точки зрения антропологии, другие теории, несомненно, предлагают более адекватное объяснение.

С помощью жертвоприношения, согласно лежащей в его основе философии, человек может передавать души из этого мира в мир, где обитают боги и феи, как добрые, так и злые. Так, если бы Авраам принес в жертву Исаака, душа Исаака была бы взята Иеговой на небо, как феи берут души в Сказочную страну через смерть. Но разница в том, что при человеческих жертвоприношениях люди добровольно и ради конкретных религиозных целей делают то, что различные виды фей или духов сделали бы без вмешательства человека и зачастую злонамеренно, как показал наш обзор древних и современных теорий жертвоприношений. Боги и феи - духовные существа, поэтому только духовная часть человека может быть передана им.

Меланезийцы и другие народы, чьи верования в подменышей мы сейчас рассмотрели, считают все болезни и смерть результатом вмешательства духов; кельты же считают странные недуги у детей и взрослых результатом вмешательства фей. И ни для одного кельта смерть в раннем возрасте не является естественной: если она каким-либо образом приходит к ребенку или прекрасному юноше, значит, феи взяли то, что хотели. Во всех мифологиях боги всегда наслаждались обществом прекрасных дев, а богини - любовью героических юношей; и они часто забирали их в свой мир, как Туатха Де Дананн забирали великих героев древних кельтов в потусторонний мир или на Авалон, и как они до сих пор в образе современных фей похищают невест и молодых матерей, женихов или других привлекательных молодых людей, которых они хотят иметь с собой в Стране фей (см. наши главы [iv-vi](#)).

Там, где жертвоприношение или смерть не привели к такому полному переносу или похищению души в мир фей, происходит лишь временное отсутствие в человеческом обществе; а тем временем освобожденное тело находится под чарами фей и лежит больным или без сознания, если имеет место трансовое состояние. Если тело принадлежит младенцу, фея может завладеть им, как в китайской теории одержимости демонами. В таких случаях

кельты часто думают, что живое тело - это тело другого ребенка, когда-то *взятого*, но ставшего слишком взрослым для Страны фей; хотя рациональное объяснение часто бывает чисто патологическим. Если посмотреть на это с философской точки зрения, то подобный обмен между феями является справедливым и сбалансированным, и в нем не было настоящего грабежа. И в этом аспекте верования менял - аспекте чисто кельтском - есть еще одно влияние, помимо человеческих жертвоприношений, похищения душ, одержимости демонами или феями и болезней; а именно, сильно испорченная народная память о древней доктрине перерождения: живые попадают к мертвым или феям, а затем отправляются обратно, по примеру аргумента Сократа, что живые происходят от мертвых, а мертвые от живых (см. нашу главу *vii*). Во всех этих обменах экономика природы требует поддержания равновесия между двумя мирами: отсюда возникли теории человеческих жертвоприношений, похищения душ, демонов или одержимости фей; и во всех этих теориях в совокупности можно найти полное психологическое объяснение верований в перемену фей и похищение фей у древних и современных кельтов, как они проявляются в вере в фей. Все остальные классы меняющихся, которые выходят за рамки этой четко сформулированной психологической теории, должны быть объяснены патологически.

Магия и колдовство

Факты, собранные в каждой кельтской стране, ясно показывают, что магия и колдовство неразрывно связаны с верой в фей, и что люди, т.е. Чародеи, *динион хайсби* и другие маги и колдуньи, часто могут с помощью фей совершать те же магические действия, что и феи; или же, подобно христианским священникам, использующим экзорцизм, они способны, действуя самостоятельно, противостоять силе фей, тем самым предотвращая подмены или излечивая их, спасая чурнингов, исцеляя человека или зверя от "ударов фей", и, короче говоря, сводя на нет все нежелательные влияния, исходящие из мира фей. Правильная интерпретация этих магических элементов, столь заметных в вере фей, имеет фундаментальное значение, поскольку, если она будет сделана, она выведет нас на одну из главных психических магистралей, которые пересекают обширную территорию нашего антропологического исследования. Итак, давайте приступим к такому толкованию, предварительно установив, как мы должны, некую рабочую гипотезу о том, что такое магия, причем предполагается, что колдовство является частью магии.

Теории современных антропологов

Мы можем определить магию, как ее понимали древние и современные люди, цивилизованные или нецивилизованные, помимо фокусничества, которое является простым жонглированием и обманом чувств, как искусство управления в определенных целях различными видами невидимых сил, часто и, как мы считаем, обычно воспринимаемых как разумные духи. Это несколько противоречит точке зрения мистера Маретта, который подчеркивает "доанимистические влияния", то есть "силы, которым анимистическая форма приписывается очень смутно, если вообще приписывается". И, рассматривая антропологические аспекты заклинаний в магических операциях, г-н Маретт считает, что такой магический акт является по отношению к магу "в целом проекцией императивной воли, и в частности той, которая движется в сверхнормальном плане", а позиция жертвы по отношению к этой невидимой проецируемой силе - "позицией, совместимой с *раппортом*". [166] Он также считает вероятным, что суть сверхнормальной силы мага заключается в том, что меланезийцы называют *маной*. [По нашему мнению, *мана* может быть

приравнена к тому, что Уильям Джеймс, описывая свое отношение к психическим явлениям, называл универсально распространенной "душой", просачивающейся, так сказать, сквозь человека и выражающей себя в его личности[167]. Маретт утверждает, что маги способны производить магические эффекты, потому что они способны управлять этой "душой-вещью"; а наши доказательства рассматривают всех духов и фей как части такой универсально распространенной *маны*, "души-вещи", или, как ее назвал бы Фехнер, "Души мира". Более того, по сути, такое представление о магии при внимательном рассмотрении совпадает с тем, что называли магией древние мыслители, такие как Платон, Иамблих, неоплатоники в целом и средневековые маги, такие как Парацельс и Элифас Леви; и согласуется с древней кельтской магией - судя по тому, что римские историки записали о ней, и по самим кельтским манускриптам.

Другие современные антропологи дают гораздо менее удовлетворительные определения магии. Согласно доктору Фрейзеру, например, магия предполагает, как и естественные науки, что "одно событие следует за другим обязательно и неизменно без вмешательства какого-либо духовного или личного агентства".[168] Такая теория не подтверждается фактами антропологии; и даже не относится к тем специализированным и часто поверхностным видам магии, которые доктор Фрейзер классифицирует как "симпатическая и имитационная магия", то есть та, посредством которой подобное производит подобное, или часть производит целое. На наш взгляд, симпатическая и имитационная магия (если не принимать во внимание многие ошибочные и иррациональные ритуальные практики, которые доктор Фрейзер включает в эти свободные термины), *если она подлинная*, в своих разнообразных аспектах напрямую зависит от гипнотических состояний, телепатии, чтения мыслей, мысленного внушения, ассоциации идей и подобных процессов; короче говоря, обусловлена действием разума на разум и воли на волю, и, более того, признана примитивными расами как имеющая этот фундаментальный характер. Или, согласно вере фей, они вызваны феей или развоплощенным духом, действующим на воплощенного, мужчину или женщину; а не, как считает доктор Фрейзер, "ошибочным применением одного или другого из двух великих фундаментальных законов мышления, а именно: ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности в пространстве или времени"[169].

Теория механической причинности магии, изложенная таким образом в "*Золотой ветви*", не предполагает наличия *маны* или силы воли, как это отчасти делает более адекватная теория мистера Маретта: Доктор Фрейзер хочет, чтобы мы рассматривали анимистические религиозные практики как отличные от магии. [170] Тем не менее, в прямое противоречие с мнением доктора Фрейзера, вес доказательств из прошлого и настоящего, которые мы собираемся предложить, решительно благоприятствует тому, чтобы мы рассматривали магию и религию как дополняющие друг друга и, для всех обычных целей антрополога, как в принципе одно и то же. Свидетельства, касающиеся магов всех веков, кельтской магии и колдовства, а также результаты современных психических исследований, склоняют к созданию почти исключительно анимистической гипотезы для объяснения сказочных магических явлений и подобных феноменов среди людей; и мы занимаемся исключительно этими явлениями.

Среди древних[171]

Среди более культурных греков и римлян - и то же самое можно сказать о большинстве великих народов древности - было непреложное убеждение, что бесчисленные боги, расположенные в иерархии, составляют часть непрерывной духовной цепи, в самом нижнем

конце которой стоит человек, а в самом верхнем - непостижимое Верховное Божество. Эти боги, имеющие свои обители по всей Вселенной, действуют как агенты Неизвестного Бога, направляя действие Его космических законов и оживляя каждую звезду и планету. Ниже этих богов, а также человека, древние верили в существование бесчисленного множества невидимых существ, называемых ими демонами, которые, действуя как слуги богов, управляют, а значит, во вторичном смысле создают, все мелкие явления неживой и живой природы, такие как бури, атмосферные возмущения, неурожай или его изобилие, болезни и их лечение, добрые и злые страсти в людях, войны и мир, а также все благословения и проклятия, которые влияют на чисто человеческую жизнь.

Человек, будучи представителем расы богов и, таким образом, превосходящий этих низших, подневольных существ, мог, подобно богам, управлять ими, если был сведущ в магических науках; ведь древняя магия, о которой так много написано и которую так мало поняли большинство людей в древние, средневековые и современные времена, по мнению мудрейших древних, есть не что иное, как управление демонами, тенями и всеми видами вторичных духов или элементаров людьми, специально обученными для этой цели. Сохранилось достаточно записей, чтобы сделать очевидным, что фундаментальная подготовка египетских, индийских, ассирийских, греческих, римских и друидских жрецов заключалась в магических или оккультных науках. Плиний в своей *"Естественной истории"* говорит: "И по сей день Британия практикует искусство [магии] с религиозным благоговением и с таким количеством церемоний, что может показаться, что это искусство стало известно персам".^[172] Итак, вот прямое доказательство того, что кельтская вера в фей, рассматриваемая в ее истинной психической природе, была непосредственно сформирована древней кельтской религией; и, как так ясно показал наш свидетель с острова Скай, она возникла среди культурного класса кельтов, а не среди крестьян. И, в соответствии с этими доказательствами, профессор Жорж Доттин, который провел специальное исследование исторических записей, касающихся друидизма, пишет: "Друиды Ирландии предстают перед нами прежде всего как маги и пророки. Они предсказывают будущее, толкуют тайную волю *фей*, бросают жребий"^[173]. Таким образом, несмотря на народную и христианскую перестройку, которую пережила вера в фей, ее происхождение достаточно легко обнаружить даже в современной форме, хотя она и покрыта вкраплениями, чуждыми ее первоначальному характеру.

Магия была высшей наукой, потому что она поднимала своих адептов с обычного уровня человечества до близких отношений с богами и творческими силами. Эта наука также не была наукой, которую можно было получить за деньги, "ибо много было палочников и мало избранных". Римские писатели рассказывают нам, что неофиты для друидического священства часто проводили двадцать лет в суровом обучении и тренировках, прежде чем их признавали пригодными для того, чтобы называться друидами. Однако в этом исследовании мы не должны вдаваться в описание испытаний и мучений кандидатов, ищущих магического обучения или посвящения в Мистерии. Всегда существовало две школы, в которые они могли обратиться, прямо противоположные по своему управлению и политике: школа белой магии и школа черной магии; первая была школой, в которой магические силы использовались в религиозных обрядах и всегда в благих целях, а вторая - школой, в которой все магические силы использовались в полностью эгоистичных и злых целях. В обеих школах предварительная подготовка была одинаковой, то есть первое, чему учили неофита, - это самоконтроль. Когда он доказал, что он абсолютно сам себе хозяин, когда его учителя убедились, что над ним не может властвовать ни чужая воля, ни постороннее или психическое влияние, тогда ему впервые разрешили проявить свою железную волю в

управлении демонами, призраками и всеми элементами воздуха - либо как белому магу, либо как черному магу[174].

Магические науки учили (идея, которая до сих пор не утратила своей актуальности, как можно обнаружить в современной Индии), что с помощью формул призыва, песнопений, магических звуков, музыки эти невидимые существа можно заставить подчиняться воле мага так же, как они подчиняются воле богов. Вызывание мертвых и беседы с ними называются некромантией; предсказание с помощью духовной силы и других средств грядущих событий или скрытых вещей, например, исхода битвы, называется гаданием; использование чар против детей, чтобы помешать их росту, известно как очарование; причинение несчастья или смерти другому человеку с помощью магии - колдовство; для возбуждения сексуальных страстей мужчины или женщины используются магические смеси, называемые филтры. Почти все эти определения применимы к практике черной магии. Но великие школы, известные как Мистерии, относились к белой магии в той мере, в какой они практиковали это искусство; и такие люди, как Пифагор, Платон и Эсхил, которые, как предполагается, были посвящены в них, всегда относились к ним с величайшим почтением, хотя им было запрещено напрямую сообщать что-либо из их эзотерических учений, касающихся происхождения и судьбы человека, природы богов, устройства вселенной и ее законов.

В "Пире" Платона объясняется сила или функция демонического элемента в природе. Сократ спрашивает у пророчицы Диотимы, в чем сила демонического элемента (в целях аргументации персонифицированного как Любовь), и она отвечает: - "Он толкует между богами и людьми, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям - повеления и ответы богов; он - посредник, преодолевающий разделяющую их пропасть, и потому в нем все связано, и через него находят свой путь искусства пророков и жрецов, их жертвы, тайны и чары, а также все пророчества и заклинания. Ибо Бог не смешивается с человеком, но через демонический элемент (или Любовь) происходит все общение и беседа Бога с человеком, бодрствующим или спящим. Мудрость, понимающая это, духовна"[175].

Среди древних кельтов

Если мы обратимся теперь непосредственно к кельтской магии в древние времена, то обнаружим, что свидетельство Плиния любопытным образом подтверждается кельтскими рукописями, главным образом ирландскими, и что тогда, как и сейчас, колдовство и власть фей над мужчинами и женщинами неразличимы в своем общем характере. Так, в *Эхтра Кондла*, "Приключениях Коннла", женщина-фея говорит о друидизме и магии: "Друидизм не любят, он мало продвинулся к почету на Великой Земле. Когда придет его закон, он рассеет чары друидов от путешествия на устах черных, лживых демонов" - так характеризуют их христианские переписчики.[176] В "Как Фионн нашел своих пропавших людей", древней сказке, сохранившейся в устной традиции до записи Кэмпбелла, говорится, что "Фионн отправился в путь с Браном (его сказочным псом). Перед ним были миллионы людей (явлений), вызванных какой-то ловкостью рук".[177] В *Leabhar na h-Uidre*, или "Книге Коров Дуна" (стр. 43 а), составленной из старых рукописей около 1100 г. н. э., есть явный пример ирландского фетишизма, основанного на вере в силу демонов: "... ибо их мечи обращались против них (ульстерменцев), когда они делали ложный трофей. Это было разумно, ибо демоны говорили с ними из их оружия, так что, следовательно, их оружие было защитой"[178].

В старой кельтской литературе очень часто встречается изменение формы в соответствии с модой фей. Так, в "Ренн Динншенхас" есть такой отрывок, показывающий, что духи или феи

считались необходимыми для использования магии: "Люди завидовали им (поэту Фейфну и его сестре Эйге), поэтому они напустили на них эльфов, которые превратили Эйге в олененка" (форма, принятая феей-матерью Ойсина, см. с. 299 наст. изд.), "и послали ее по кругу вокруг Ирландии, и фианы Мейлга сына Кобтаха, короля Ирландии, убили ее"[179] В этой связи следует отметить тот факт, что короли или великие герои, а не обычные мужчины и женщины, очень часто описываются как способные менять свою собственную форму или форму других людей; например, "Монган принял себя". Например, "Монган принял облик Тибраида, а Мак ан Даймх - облик священника с большой тонзурой на голове"[180]. И когда этот факт сочетается с другим, а именно с древней верой в то, что такие короли и великие герои были воплощениями и реинкарнациями Туатха Де Дананн, которые образуют высшую иерархию фей, мы понимаем, что, имея такое происхождение, они просто осуществляли в человеческих телах силы, которые их божественный род осуществляет над людьми из мира фей (см. нашу главу iv).

В бриттской литературе и мифологии магия и колдовство с тем же анимистическим характером играют такую же или даже большую роль, чем в гэльской литературе и мифологии. Это особенно верно в отношении Артуровской легенды и *Мабиногиона*, некоторые из которых ученые рассматривают как версии ирландских сказаний. Сэр Джон Ронс и профессор Дж. Лот, которые были главными переводчиками *"Мабиногиона"*, считают его главным литературным механизмом магию (см. нашу главу v).

Пока что должно быть ясно, что кельтская магия содержит много анимизма в своем составе, и что эти несколько иллюстраций, выбранные из многочисленных иллюстраций в древних "Фей-Файт", подтверждают независимое свидетельство Плиния о том, что в его эпоху бритты, похоже, были способны обучить магическим искусствам даже самих персов.

Европейское и американское колдовство

В целом история колдовства в Европе и американских колониях дополняет уже сказанное, поскольку является ответвлением средневековой магии, которая, в свою очередь, является ответвлением древней магии. Колдовство на Западе, вероятно, в большинстве случаев представляет собой простое порождение абсурдных суеверий и практик, о чем свидетельствуют многочисленные ужасные судебные и церковные процессы, проводимые против беспомощных и эксцентричных стариков, мужчин и женщин, включая молодых, часто ради личной мести и, как правило, не на более веских основаниях, чем слухи и ложные обвинения. В остальных случаях она, несомненно, возникла, как возникло древнее колдовство (черная магия), в результате проникновения оккультных знаний в необразованные и часто преступно настроенные умы, так что то, что раньше тайно охранялось среди ученых и обычно использовалось в законных целях, в руках неподготовленных людей превратилось в черную магию. В наш век параллельное развитие, которое адекватно иллюстрирует предмет нашего исследования, произошло в Соединенных Штатах: фрагменты магических знаний, завещанных Месмером и его непосредственными предшественниками, алхимиками, были практически и честно применены небольшой группой практиков в Массачусетсе к практике магнитного лечения и исцеления через мысленное внушение, а затем с большой изобретательностью и настоящим гением были применены Мэри Бейкер Эдди к интерпретации чудесного исцеления Иисуса Христа. Так возникла новая религия под названием "Христианская наука". Но это религиозное движение не остановилось на психическом исцелении: согласно опубликованным отчетам, в 1908-9 годах руководительница нью-йоркской Первой церкви Христа, Ученого была смещена и

вместе с некоторыми своими близкими соратниками обвинена в том, что ежедневно проецировала на адъютанта покойной миссис Эдди ток "злого животного магнетизма" из Нью-Йорка в Бостон, чтобы привести к его смерти. По слухам, процесс заключался в том, что свергнутый лидер и ее друзья сидели вместе в затемненной комнате с закрытыми глазами. Затем один из них сказал: "Вы все знаете мистера... Вы все знаете, что его место - во тьме, откуда он пришел. Если его место находится в шести футах под землей, то именно там он и должен быть". Затем все присутствующие концентрировали свой разум на одной мысли - мистер -- и шесть футов под землей". И эта практика, как предполагается, продолжалась несколько дней. Миссис --, которая дает эти показания, является подругой жертвы, и она утверждает, что эти злые мыслительные волны медленно, но верно начали его уничтожение, и что если бы черные маги в Нью-Йорке не были вовремя обнаружены, мистер -- не смог бы противостоять их силам".[Возможно, в такой просвещенной стране, как Соединенные Штаты, со временем история повторится, и в колдовстве появится новая глава; ведь настоящие ведьмы были не из тех, кто, как принято считать, скачет на метле и держит в доме черных кошек, и чем скорее это будет признано, тем лучше.

Согласно этому аспекту Христианской науки, "злобному животному магнетизму" (или черной магии), воплощенный дух, то есть мужчина или женщина, обладает и может использовать те же магические силы, что и развоплощенный дух - или, как сказали бы кельты, те же магические силы, что и фея, - произнося заклинания и вызывая болезни и смерть у жертвы. И эта точка зрения совпадает с обычными теориями колдовства; ведь ведьмы по-разному определялись как воплощенные духи, обладающие способностью действовать совместно с развоплощенными духами посредством использования различных оккультных сил, например, сил, сравнимых с одическими силами Месмера, меланезийской *маной*, "душой-вещью", постулированной Уильямом Джеймсом, или, как считают кельты, силами, сосредоточенными в самих феях. Так же, согласно взглядам мистера Маретта, существует состояние *взаимопонимания* между жертвой и магом или ведьмой; и там, где такое состояние *взаимопонимания* существует, между двумя полюсами магической цепи проходит некая *манаподобная* сила, будь то бессознательная психическая или электрическая сила, исходящая от оператора, или посторонняя сила, взятая под контроль и сконцентрированная в некой сознательной единице, которую мы обозначаем термином "дух", "дьявол" или "фея".

В соответствии с этим психическим или анимистическим взглядом на колдовство, в Столичном кодексе штата Коннектикут (1642 г.) ведьма определяется как та, которая "имеет знакомого духа или вступает с ним в связь".[182] Европейские кодексы, как показывает шестая глава *Третьего института* лорда Коука, имеют параллели с этим определением: "Ведьма - это человек, который совещается с дьяволом; советуется с ним, чтобы совершить какое-либо действие"[182] И именно на этих теориях, а не на концепции метлы и черной кошки, основывались судебные процессы о колдовстве в семнадцатом веке.

Библия, которая тогда так часто становилась последней апелляционной инстанцией в подобных вопросах, была признана подтверждающей такие теории о ведьмах на классическом примере ведьмы из Эндора и Саула; и идея колдовства в Европе и Америке стала основываться - как, вероятно, всегда было в языческие времена - на теории, что живые люди могут контролировать или быть контролируемыми развоплощенными духами в злых целях. Поэтому все черные маги и те, кого сейчас называют "спиритическими медиумами", по закону подлежали смертной казни[183].

В средневековой Европе большой трудностью всегда было, как показано на примере процесса Жанны д'Арк, решить, был ли невидимый агент в магических процессах, вменяемых обвиняемому, ангелом или демоном. Если ангел, то обвиняемый был святым и мог

стать кандидатом на канонизацию; если же демон, то обвиняемый был ведьмой и подлежал смертному приговору. Мудрейшие старые доктора Парижского университета, заседавшие в суде (или консультировавшиеся) на одном из процессов над Жанной, не смогли до конца решить эту запутанную проблему, как, видимо, и ученые церковники, которые также судили ее; но, очевидно, все они согласились, что лучше отказаться от этого вопроса. И вот, наконец, невинная крестьянская девушка, услышавшая Божественные голоса и тем самым чудесным образом спасшая своего короля и свою страну, была сожжена на костре под совместным руководством английских гражданских и церковных властей и, если не технически, то, по крайней мере, практически, с полного одобрения соответствующих французских властей, в Руане, Франция, 30 мая н. ст. В апреле 1909 года, почти пять веков спустя, было принято запоздалое решение о том, что Голоса Жанны принадлежали ангелам, а не демонам, и она была причислена к лику святых.

То, что случай с Жанной д'Арк имеет прямое отношение к вере фей, очевидно: Один из первых вопросов, заданных инквизиторами Жанне, был: "Знала ли она о тех, кто ходит в субботу с феями? Или не помогала ли она на собраниях у фонтана фей, недалеко от Домреми, вокруг которого пляшут злые духи? И еще один вопрос, в точности записанный, звучит так: *"Interrogée s'elle croiet point au devant de aujourduy, que les fées feussent mauvais esperis: respond qu'elle n'en sçavoit rien"*^[185].

Заключение

В заключение можно сказать, что для американских индейцев, полинезийцев, австралийцев, африканцев, эскимосов и многих других современных рас знахари являются тем же, чем для их народов являются более могущественные маги современной Индии, "феи-врачи" и "заклинатели" Ирландии, Шотландии и Мэна - для гэлов, а "динион хайсби" или "мудрые люди" Уэльса, ведьмы Корнуолла, провидцы, колдуны и экзорцисты Бретани - для бритонов. Эти гэльские и бриттские маги и ведьмы, а также "медиумы фей", почти всегда утверждают, что черпают свою силу из способности видеть и общаться с феями, духами и мертвыми; они обычно говорят, что с помощью таких духовных средств могут раскрывать прошлое, предсказывать будущее, находить потерянное имущество, накладывать заклинания на людей и животных, снимать эти заклинания, лечить insulty фей и подменышей, проводить экзорцизм и возвращать людей из Страны фей.

Мы приходим к следующему выводу: -Если, как утверждают выдающиеся исследователи психики (и как считают многие из них), существуют активные и разумные развоплощенные существа, способные оказывать психическое воздействие на воплощенных людей примерно так же, как воплощенные люди, как известно, обычно оказывают психическое воздействие друг на друга, тогда есть все логические и здравые основания для расширения этой психической гипотезы, чтобы включить в нее древнюю, средневековую и современную теорию магии и колдовства, а именно, что то, что воплощенные мужчины и женщины могут делать магическими способами, как, например, в гипнозе, могут делать и невоплощенные мужчины и женщины. Кроме того, если феи, согласно достоверным свидетельствам образованных и критически мыслящих людей, гипотетически существуют (какова бы ни была их природа), они могут обладать магическими способностями того же рода, а значит, могут накладывать заклинания на живых людей или обладать ими, как верят и утверждают кельты. И эта гипотеза совпадает по сути с той, которую мы использовали в качестве основы для данного обсуждения, - о том, что в соответствии с меланезийской доктриной контроля над призраками и духами с присущей им *маной* возможны магические действия".^[186] Это, в

свою очередь, применительно к кельтам равносильно гипотетическому подтверждению древней друидической доктрины о том, что через контроль фей или демонов (демонов) друиды или маги могли управлять погодой и природными явлениями, связанными с растительными и животными процессами, могли произносить заклинания, предсказывать будущее, совершать все магические действия.

Экзорцизм

Согласно данным антропологии, экзорцизм как религиозная практика всегда процветал везде, где анимистические верования создавали для него необходимую среду; и не только в прошлые века экзорцизм был основополагающей частью религиозной практики, но и в наши дни. Среди христиан, кельтских и некельтских, среди последователей всех великих исторических религий, и особенно среди восточных индейцев, китайцев, американских краснокожих, полинезийцев и большинства африканцев, изгнание демонов из мужчин и женщин, из животных, из неодушевленных предметов и из мест, санкционируется устоявшимися ритуалами. Определение экзорцизма применительно к человеческой расе дано в *"Теологическом словаре"* (римско-католическом) аббатом Бержье: *"Экзорцизм - сглаз, молитва к Богу и повеление демону покинуть тело одержимого"*. Тот же авторитет логично защищает практику Церкви: *"Далеко не осуждая мнение иудеев, приписывавших демону определенные болезни, божественный учитель подтвердил его"*^[187]. И везде, где практиковался или практикуется подобный экзорцизм, профессиональный экзорцист оказывается столь же необходимым обществу человеком, как и современный врач, поскольку почти все болезни были и в какой-то степени остаются, как среди христиан, так и среди нехристиан, очень часто считающимися результатом одержимости.

На заре христианского периода в Ирландии и Шотландии мы видим, что Патрик и Колумба, первые и величайшие из гэльских миссионеров, очень широко практиковали экзорцизм; и есть все основания полагать (хотя имеющиеся данные по этому вопросу несколько неудовлетворительны), что их широкая практика экзорцизма была в такой же степени христианской адаптацией дохристианского кельтского экзорцизма, как и практика друидов, и продолжением традиции Нового Завета. Теперь мы можем представить некоторые данные, которые подтверждают это предположение, и с их помощью мы сможем понять, насколько фундаментально такая анимистическая практика, как экзорцизм, должна была формировать веру кельтов в фей как до, так и после прихода христианства.

"Однажды, - говорится в сказке о Патрике, - его приемная мать пошла доить корову. Он тоже пошел с ней, чтобы выпить порцию нового молока. Тогда корова сошла с ума в байре и убила пять других коров: в нее вселился демон. Велика была печаль его приемной матери, и она велела ему вернуть корову к жизни. Тогда он оживил коров, так что они стали целыми, а безумную вылечил. Так прославилось имя Бога и Патрика"^[188]. В другой раз, когда демоны явились в Ирландию в виде черных птиц, вполне в духе ирландского поверья о том, что феи принимают облик ворон (см. стр. 302-5), кельтский гнев Патрика так разгорелся при попытке изгнать их из страны, что он бросил в них свой колокол с такой силой, что тот раскололся, а затем зарыдал: "И вот в конце тех сорока дней и сорока ночей" [долгого поста Патрика на вершине Круахан Эйгл, или Кроаг Патрик, священной горы Ирландии] "гора наполнилась черными птицами, так что он не знал ни неба, ни земли. Он пел им проклятые псалмы. Но они не оставили его из-за этого. Тогда гнев его возрос на них. Он ударил в свой колокол, так что люди Ирландии слышали его голос, и бросил его в них, так что в нем образовалась брешь, и тот [колокол] - "Гаплинг Бригит". Тогда Патрик заплакал, пока не омочилось его лицо и его

мантилья перед ним. После этого ни один демон не приходил в землю Эрин до конца семи лет и семи месяцев и семи дней и семи ночей. Тогда ангел пошел утешать Патрика и очистил мантию, и привел белых птиц вокруг Рика, и они пели для него сладкие мелодии"[188] В *"Житии святого Колумбы"* Адамнана говорится, что "по обычаю", который, по всей вероятности, был установлен в языческие времена друидами и затем поддерживался их христианскими потомками, было принято изгонять даже сосуд с молоком перед доением и молоко в нем после этого.[189] Так, Адамнан рассказывает, что однажды юноша по имени Колумбан, закончив дойку, подошел к двери кельи святого Колумбы, неся ведро, полное нового молока, чтобы, *согласно обычаю*, святой мог изгнать его. Когда святой совершил в воздухе крестное знамение, воздух "сильно взволновался, и прут крышки, пропущенный через два отверстия, отлетел на некоторое расстояние; крышка упала на землю, и большая часть молока пролилась на землю". Тогда святой укорил юношу, сказав: "Ты небрежно поступил сегодня, ибо не изгнал беса, таившегося на дне пустой кадки, начертав на ней, прежде чем влить молоко, знамение креста Господня; и теперь, не выдержав, как ты видишь, силы знамения, он в ужасе быстро убежал, а в то же время весь сосуд сильно затрясся, и молоко разлилось. Тогда поднесите ко мне ведро, чтобы я мог благословить его". Когда полупустое ведро было благословлено, в тот же миг оно вновь наполнилось молоком. В другой раз святой, чтобы уничтожить колдовство, велел крестьянскому колдуну Силнану вытянуть из быка сосуд, полный молока; и своим дьявольским искусством Силнан вытянул молоко. Тогда Колумба взял его и сказал: "Теперь будет доказано, что это молоко, которое считается настоящим молоком, не является таковым, но это кровь, лишенная своего цвета по мошенничеству демонов, чтобы обмануть людей; и сразу же молочный цвет превратился в свой собственный, то есть в кровь". И еще: "Бык, который в течение часа находился на пороге смерти, истощенный и изможденный ужасным истощением, будучи окроплен водой, освященной святым, исцелился с удивительной быстротой"[190].

И сегодня, как во времена Патрика и Колумбы, в Ирландии и на Западных Гебридах Шотландии духовенство Римской церкви практикует экзорцизм против фей, демонов или злых духов, когда человек одержим ими, то есть "поражен феей", или когда они проникли в дом или место; а на материковой Шотландии его практикуют отдельные протестанты. Дом с привидениями в Бэйлечане, Пертшир, в котором некоторые члены Общества психических исследований поселились на лето, чтобы "исследовать", был изгнан покойным архиепископом Эдинбургским при содействии священника с Внешних островов[191].

Среди девяти орденов ирландской церковной организации времен Патрика один состоял из экзорцистов.[192] Официальная церемония рукоположения экзорциста в Латинской Церкви была установлена Четвертым Карфагенским собором и упоминается почти во всех древних ритуалах. Она заключается в том, что епископ вручает кандидату книгу экзорцизмов и говорит при этом: "Прими и пойми эту книгу, и имей власть возлагать руки на бесноватых, будь они крещеными или катехуменами".[193] Судя по постановлению Оранского церковного собора, согласно которому одержимые бесом не могли вступать в священство, число бесноватых должно было быть очень велико.[193] В отношении эффективности экзорцизма отцы церкви первых четырех веков, когда платоновская философия была наиболее влиятельна в христианстве, сходятся во мнении.[193]

Оценивая формирующее влияние, обозначенное нами как фундаментальное, которое, несомненно, было оказано на веру фей через практику экзорцизма, необходимо понимать, что эта анимистическая практика занимает очень важное место в христианской религии, которую на протяжении веков исповедовали кельтские народы. Одно из двух главных

таинств христианства, Крещение, предваряется определенно признанным экзорцизмом, как показано в Римском ритуале, где мы можем изучить его лучше всего. В Наставлении, предшествующем обряду, младенец называется рабом демона, и с помощью крещения должен быть освобожден. Соль, которую священник кладет в рот младенцу во время обряда, сначала изгоняется специальными обрядами. Затем, перед входом в купель, над ребенком произносится обычный обряд экзорцизма: священник, взяв немного собственной слюны на большой палец правой руки, касается ушей и ноздрей ребенка и повелевает демону выйти из него. После завершения этой части церемонии священник святым маслом делает на лбу ребенка крестное знамение. Наконец, в установленном порядке, происходит само крещение.^[194] И даже после того, как обряд крещения изгоняет всех одержимых демонов, необходимы меры предосторожности против повторного овладения: Св. Августин говорил, что экзорцизм предосторожности должен совершаться над каждым христианином ежедневно; и, похоже, что верные римские католики, которые каждый день осеняют себя святой водой, совершая крестное знамение, и все протестанты, молящиеся "не введи нас во искушение, но избавь нас от зла", применяют такие экзорцизмы:^[195] Св. Григорий Назианзский пишет: "Вооружитесь крестным знамением, которого демоны боятся и перед которым они обращаются в бегство"^[196]; и этим же знамением, говорит св. Афанасий, "все иллюзии демона рассеиваются и все его ловушки разрушаются"^[197]. Выдающийся католический богослов утверждает, что святые, которые со времен Иисуса Христа были наделены силой творить чудеса, всегда использовали крестное знамение при изгнании бесов, исцелении болезней и воскрешении мертвых. В *Инструкции по ритуалу*^[198] говорится, что освященная вода особенно предназначена для использования против демонов; в *Апостольских конституциях*, сформулированных в конце IV века, святая вода обозначена как средство очищения от греха и обращения демона в бегство.^[199] И в наши дни, когда священник обходит своих прихожан, обливая их святой водой, это делается в качестве экзорцизма предосторожности; или когда, как во Франции, каждый скорбящий у могилы обливает труп святой водой, это, несомненно, - независимо от того, осознанно это делается или нет, - защита души умершего от демонов, которые, как считается, имеют такую же большую власть над мертвыми, как и над живыми. Используются и другие формы экзорцизма. Например, в *"Лебар Брекк"* говорится о Священном Писании, что "с его помощью ловушки дьяволов и пороков изгоняются из каждого верного в Церкви".^[200] И из всех этих прямых свидетельств становится ясно, что многие из главных практик христиан - это экзорцизм, так что, подобно религии Зороастра, религия, основанная Иисусом, по крайней мере частично, опирается на базовое признание вечной войны между добрыми и злыми духами за контроль над человеком.

Исцеление болезней с помощью христианского экзорцизма - далеко не редкость в наши дни, а несколько веков назад это было обычным делом. Так, в XVIII веке, начиная с 1752 года и до самой смерти, Гасснер, римский священник из Клостерле, епархия Койре, Швейцария, посвятил свою жизнь излечению людей от одержимости, заявив, что треть всех болезней вызвана именно этим, и разместил свою штаб-квартиру в Эльвангене, а позже в Ратисбоне. Его слава распространилась по многим странам Европы, и говорят, что он совершил десять тысяч исцелений исключительно с помощью экзорцизма.^{201]} И не только человеческие болезни преодолеваются экзорцизмом, но и недуги зверей: в Карнаке 13 сентября продолжается ежегодный праздник в честь св. Корнели, покровителя страны и святого, который (как следует из его имени) опекает домашних *рогатых* животных; и если есть корова или даже овца, страдающая от какого-то недуга, который не поддается лекарствам, хозяин приводит ее к дверям церкви под статуей святого, и священник благословляет ее, а при этом обливает святой водой для экзорцизма. Церковный ритуал устанавливает две формы благословения таких животных: одна - для обычных больных, другая - для страдающих каким-

либо заразным недугом. В каждой церемонии сначала происходит окропление животного святой водой, когда оно стоит перед священником у дверей церкви; затем следует прямое обращение к Богу на латыни с просьбой благословить животное, "погасить в нем все дьявольские силы", защитить его жизнь и вернуть ему здоровье[202].

В 1868 году, по словам доктора Эванса, в Северном Уэльсе был снесен старый коровник, и в его стенах нашли жестяную коробку с формулой экзорцизма. Коробка и вложенный в нее манускрипт были спрятаны там несколько лет назад, чтобы отгонять злых духов и колдовство, поскольку, очевидно, скот умирал от какой-то странной болезни, которую не могли вылечить никакие врачи. В силу своей уникальности и в качестве иллюстрации того, какими должны были быть валлийские экзорцизмы, мы приводим содержание манускриптов с точки зрения орфографии и пунктуации, сверенное сэром Джоном Роном с оригиналом, за исключением не поддающихся расшифровке символов, которые стоят после имен архангелов: - ...

' ✕ Lignum sanctae crucis defendat me a malis presentibus preteritis & futuris; interioribus & exterioribus ✕ ✕ Daniel Evans ✕ ✕ Omnes spiritus laudet Dominum: Mosen habent & prophetas. Exergat Deus & disipenture inimiciessus ✕ - ✕ Господи Иисусе Христе, умоляю Тебя, сохрани меня, Дэниела Эванса, и все, чем я владею, от власти всех злых мужчин, женщин; духов, или волшебников, или черствости сердца, и я буду верить, что Ты сделаешь это той же силой, какой Ты заставил слепых видеть, хромым ходить, а одержимых нечистыми духами быть в своем уме. Amen Amen ✕ ✕ ✕ ✕ pater pater pater Noster Noster Noster Noster aia aia aia Jesus ✕ Christus ✕ Messyas ✕ Emmanuel ✕ Soter ✕ Sabaoth ✕ Elohim ✕ on ✕ Adonay ✕ Tetragrammaton ✕ Ag : : ✕ Пантон ✕ ... reaton ✕ Agios ✕ Jasper ✕ Melchor ✕ Balthasar Amen ✕ ✕ ✕ ✕ * 21 * ♀ * ♀ Δ 12 Δ 21 Δ ☉ . ☉ * 21 * ☉ ✕ ✕ И силой Господа нашего Иисуса Христа и Его Равноапостольных Ангелов являющегося нашим Исккупителем и Спасителем от Гавриила [символы] всякого колдовства и от нападения Михаила [символы] дьявола Аминь ✕ Господь Иисус Христос Я умоляю тебя сохранить меня и все, чем я владею, от власти всех злых мужчин, женщин, духов или волшебников в прошлом, настоящем или будущем внутри и снаружи Аминь ✕ ✕ ."[203]

Из Индии г-н В. Крук сообщает о подобных экзорцизмах и чарах для лечения и защиты скота.[204] Так, в Северной Индии используется *Аджайпал джантра*, т. е. "чары Непобедимого защитника", один из титулов Вишну в его образе земного бога Бхумия - в Шотландии это чары Непобедимой феи, которая руководит стадами и которой возносятся возлияния, - чтобы изгнать больной скот или предотвратить его заболевание. *Джантра Аджайпала* представляет собой веревку из скрученной соломы, в которую вставлены щепки дерева. В центре веревки подвешивается глиняное блюдо, внутри которого углем начертано заклинание, а рядом висит мешок с семью видами зерна. Веревку натягивают между двумя столбами у входа в деревню, и под ней скот ходит на пастбище и обратно. На одном из глиняных блюдец было написано следующее заклинание: "О Владыка Земли, на которой стоит этот загон для скота, защити скот от смерти и болезней! Я не знаю никого, кроме тебя, кто мог бы избавить их". В Морбиане, в Нижней Бретани, мы, кажется, видим тот же народный обычай, правда, несколько измененный; в день Св. Иоанна, христианизированном языческом празднике солнца в честь летнего солнцестояния, в котором феи и духи играют столь заметную роль во всех кельтских странах, недалеко от деревни в центре главной дороги зажигают большой костер и укрывают его зелеными ветвями, По обе стороны от этого костра и сквозь изгоняющий дым проходят все домашние животные в округе в качестве защиты от болезней и злых духов, чтобы обеспечить их

плодовитый рост и, в случае с коровами, обильное снабжение молоком. Мистер Милн, проводя раскопки в Карнаке, обнаружил изображение небольшой бронзовой коровы, которая сейчас находится в музее Карнака, и это, похоже, свидетельствует о том, что до христианских времен в Морбиане существовал культ скота, сохранившийся до наших дней, несомненно, в христианском празднике святого Корнели, так же как в фонтане святого Корнели сохранился языческий священный колодец.

Теперь должно быть ясно, что как дохристианский, так и христианский экзорцизм у кельтов сформировал веру в фей очень фундаментальным образом. И антропологически вся тема экзорцизма вписывается в психологическую теорию природы и происхождения веры в фей в кельтских странах.

Табу

Мы видим, что табу, или запреты религиозного и социального характера, встречаются в живой вере фей так же часто, как и экзорцизм. Главным из них является запрет называть фей по имени, что неизбежно приводит к использованию эвфемизмов, таких как "хорошие люди", "дворяне", "люди мира", *Tylwyth Teg* ("справедливый народ") или *bonnes dames* ("хорошие дамы"). Подобное табу с сопутствующим использованием эвфемизмов существовало у древних, например, у египтян и вавилонян, а также у ранних кельтов, причем в весьма развитой форме; оно существует и сейчас у коренных народов Австралии, Полинезии, Центральной Африки, Америки, в индийских системах йоги, у современных греков и, собственно, почти везде, где сохранились остатки первобытной культуры.^[205] И почти всегда такое табу связано с анимистическими и магическими элементами, которые, по-видимому, составляют его фон, как и в наших собственных свидетельствах.

Обсуждение табу на имя во всех его аспектах привело бы нас к более глубокому погружению в магию и сравнительный фольклор, чем мы уже прошли, и такое обсуждение здесь излишне. Поэтому мы можем кратко сказать, что суть дела, по-видимому, заключается в том, что имя и названная страшная сила настолько тесно связаны в конкретном мышлении примитивной культуры, что одно фактически является другим: так же как одно неизбежно вызывает другое для современного мыслителя, так и в мире объективных фактов для примитивного философа одно эквивалентно другому. Примитивный человек, короче говоря, спроецировал свои субъективные ассоциации на реальность. Что касается эвфемизмов, то процесс развития, возможно, заключается в том, что сначала вы используете какое-либо замещающее имя, а затем переходите к использованию такого замещающего имени, которое в то же время будет примирительным. В последнем случае, по-видимому, происходит определенное антропоморфирование силы, стоящей за табу^[206].

Следующим по значимости идет пищевое табу; и ему тоже есть некельтские параллели по всему миру, как в наши, так и в древние времена. Мы можем обратить внимание на три очень ярких современных параллели: женщина посетила своего умершего брата в Панои, полинезийском потустороннем мире, и "он предупредил ее, чтобы она ничего там не ела, и она вернулась"^[207]. Краснокожий человек Ахак-тах после очевидной смерти, длившейся два дня, ожил и заявил, что побывал в прекрасной стране высоких деревьев и певчих птиц, где встретил духов своих предков и дядю. Находясь там, он почувствовал голод и, увидев в блюде из коры немного дикого риса, захотел съесть его, но дядя не позволил ему ничего. Рассказывая об этом психическом приключении, Аак-тах сказал: "Если бы я ел пищу духов, я бы никогда не вернулся на землю".^[208] Также одна новозеландская женщина посетила потусторонний мир в трансе, и ее умерший отец, которого она там встретила, приказал ей не

есть никакой пищи на той земле, чтобы она могла вернуться в этот мир и позаботиться о своем ребенке.[209]

Все подобные параллели, как и их эквиваленты в кельтских верованиях, похоже, опираются на эту психологическую и физиологическую концепцию в народном сознании. Человеческая пища - это то, что поддерживает жизнь в человеческом теле; пища фей - это то, что поддерживает жизнь в теле фей; и поскольку то, что человек ест, делает его тем, что он есть физически, то и пища Страны фей или Страны мертвых заставляет едока приобщаться к телесной природе существ, которых она питает. Поэтому, когда мужчина или женщина однажды вступает в такую связь или общение с потусторонним миром мертвых или фей, вкушая их пищу, его или ее физическое тело[210] путем тонкой трансформации приспособляется к новому виду питания и становится духовным, как тело духа или феи, так что едок не может вернуться в мир живых. Изучение пищевых табу подтверждает этот вывод[211].

Третье известное табу, железное табу, объясняется сторонниками теории пигмеев как указание на доисторическую расу в кельтских землях, которая не знала железа, а потому почитала его так, что со временем оно стало религиозно рассматриваться как очень эффективное средство против духов и фей. Несомненно, в этом объяснении может быть много смысла, что дает некоторую этнологическую поддержку теории пигмеев. Однако, по-видимому, это лишь частичное объяснение железного табу в целом, поскольку во многих случаях железу в древних религиозных обрядах, безусловно, приписывались магические свойства, которые для нас совершенно необъяснимы с этой этнологической точки зрения;[212] а в Меланезии и в Африке, где железо почитается и сейчас, такое же объяснение с помощью этнологии кажется надуманным. Но в настоящее время, похоже, нет данных для адекватного объяснения этого железного табу, хотя у нас есть веские основания полагать, что философия, лежащая в его основе, базируется на мистических представлениях о добродетелях, обоснованно или необоснованно приписываемых различным металлам и драгоценным камням, и что тщательное изучение алхимических наук, вероятно, позволило бы найти объяснение исключительно психологическое.

Помимо множества других различных табу, заметных в доказательствах, существует табу на место, которое занимает видное место. Так, если ирландец срубит терновник, растущий на священном для фей месте, или нарушит какой-либо оберег фей, например, тропу фей, или случайно помешает процессии фей, болезнь и, возможно, смерть настигнут его скот или даже его самого. Точно так же в Меланезии нарушение священных мест влечет за собой аналогичное наказание: "Один человек посадил в кустарнике возле Олевуги несколько деревьев кокосового ореха и миндаля и вскоре после этого умер", поскольку это место было заповедником духов;[213] а один человек на Острове прокаженных лишился чувств, потому что, как считали туземцы, он невольно ступил на землю, священную для Тагаро, и "призрак человека, который недавно принес там жертву, разгневался на него".[В этом случае были вызваны волшебники, которые вылечили человека с помощью экзорцизма,[213] как ирландцы или их коровы вылечиваются с помощью экзорцизма "докторов фей", когда их "поражают феи" за аналогичное нарушение. Анимистическая подоплека табу на место в верованиях фей в этих случаях очевидна.

Среди древних кельтов

В свидетельствах, которые мы вскоре рассмотрим на основе записанных фейских верований, мы найдем табу различных видов, часто более заметные, чем в живых фейских верованиях.^[214] Они настолько важны для характера большей части литературных и мифологических материалов, с которыми нам придется иметь дело в следующих главах, что на этом этапе необходимо сделать некоторые предложения относительно их правильной антропологической интерпретации.

Почти каждое древнеирландское табу связано с королем или великим героем, таким как Кухулайнн; и, особенно в Ирландии, все такие короли и герои считались божественного происхождения и прямыми воплощениями или реинкарнациями Туатха Де Дананн, истинных фей, изначально обитавших в потустороннем мире. (Как указывает д-р Фрейзер, так было и у не кельтов, у которых преобладала та же теория воплощенных божеств, королевские табу призваны изолировать короля от всех источников опасности, особенно от магии и колдовства, и во многих случаях они действуют, "так сказать, как электрические изоляторы", чтобы уберечь его или героев, которые в равной степени божественны^[215]).

Ранние кельты признавали тесную связь между человеком и природой: незаметные для человека, невидимые силы, не похожие на то, что меланезийцы называют *Мана* - (рассматриваемые как одушевленные и разумные, а зачастую и индивидуальные сущности), управляли каждым действием человеческой жизни. Особой обязанностью друидов было выступать в качестве посредников между миром людей и миром Туатха Де Дананн; и, как ясно показывает старая ирландская литература, именно с помощью способностей к прорицанию друиды объявляли, что является запретным или неблагоприятным, а также что благоприятно для исполнения божественным королем или героем. Пока человек находился в гармонии с этим невидимым сказочным миром на фоне природы, все было хорошо; но стоило нарушить какое-либо табу, как возникала дисгармония в отношениях, сосредоточенная в короле или герое; а когда, как в случае с Кухулайнном, нарушалось множество табу, смерть была неизбежна, и даже Туатха Де Дананн не могли вмешаться.

Нарушение королевского или геройского табу затрагивает не только нарушителя, но и его подданных или последователей: в некоторых случаях король как бы страдает за свой народ. Почти каждый великий гэльский герой - бог или воплощение Великой Феи - омрачен надвигающейся судьбой, избежать которой может только строжайшее соблюдение табу^[216].

Ирландское табу, как, впрочем, и все кельтские табу, восходит к неизвестной языческой древности. Оно накладывается в момент рождения или до него, а также в течение жизни, обычно в какой-то критический период, и его нарушение влечет за собой беду и смерть для нарушителя. В основе его лежит сверхъестественная связь между божественными людьми и потусторонним миром Туатха Де Дананн; и совершенно точно, что эта древняя связь сохранилась в живой вере фей как связь между обычными людьми и миром фей. Поэтому почти все табу, сохранившиеся у кельтов, следует интерпретировать психологически или даже психически, а не как обычные социальные предписания.

Жертвоприношение пищей

Жертвоприношение пищей играет очень важную роль в современной вере фей, которое, как показывают наши свидетельства, до сих пор практикуется в каждой из кельтских стран. Без сомнения, это пережиток языческих времен, когда, как мы увидим позже (в [главе iv, 291](#) и др.), регулярно совершались умиловительные жертвоприношения Туатха Де Дананн,

богам земли, и, очевидно, другим духовным существам. Антропологическое значение таких пищевых жертвоприношений несомненно.

С теми же умиловительными целями, что и современные кельты, приносящие пищу феям, древние народы, например греки и римляне, поддерживали государственный ритуал жертвоприношений богам, джинам, демонам и мертвым. И такие жертвоприношения, столь существенная часть большинства древних религий, были основаны на вере, как утверждает Порфирий в своем *"Трактате о воздержании"*, в то, что все различные порядки богов, гениев и демонов наслаждаются в качестве пищи запахом сжигаемых жертв. И, подобно феям, демоны воздуха живут не грубой субстанцией пищи, а ее более тонкими невидимыми сущностями, которые легче всего передаются им на алтаре-огне". [Сократ, Платон, Ксенофонт и другие ведущие греки, а также римляне, принадлежащие к схожей метафизической школе, единодушно заявляют об основополагающем значении для благополучия государства регулярных жертвоприношений богам и демонам, управляющим всеми природными явлениями, поскольку именно они, если ими не пренебрегать, вызывают обильные урожаи и процветание страны. Ведь богам по праву причитается часть всего, что они дают человеку для его счастья.

Отношение, которое поклонение предкам имело к поклонению богам, стоящим выше, которые являются олимпийскими богами, великими богами, и к богам, стоящим ниже, которые являются богами мертвых, а также к демонам и героям или божественным предкам, так излагает Платон в своих *Законах*: "Прежде всего, мы утверждаем, что после олимпийских богов и богов государства, честь должна быть оказана богам, стоящим ниже..... После этих богов мудрый человек будет служить демонам или духам, затем героям, а после них - святыням личных и родовых богов, имеющих свой ритуал в соответствии с законом. Далее следует почитание живых родителей"[218].

Из этого прямого свидетельства очевидно, что в основе пищевого жертвоприношения у кельтов и других народов лежит та же философия, которую мы обнаружили в основе человеческого жертвоприношения при изучении веры в измену; и что Туатха Де Дананн в их истинной мифологической природе и феи, их современный аналог, во всем соответствуют греческим и римским богам, джинам и демонам, и их часто путают с мертвыми.

Кельтская легенда о мертвых

Анимистический характер кельтской легенды о мертвых очевиден; а поразительное сходство, постоянно появляющееся в наших свидетельствах между обычными явными феями и призраками мертвых, показывает, что между этими двумя порядками существ, а также между миром мертвых и сказочной страной часто нет существенной, а иногда и различной разницы. Мы оставляем для нашей главы *"Наука и феи"* научное рассмотрение психологии этих отношений и вероятности того, что феи как души умерших и как призраки умерших действительно существуют и влияют на живых.

Общее заключение

Главные антропологические проблемы, связанные с современной верой в фей, как мы ее представляем, теперь были рассмотрены, достаточно подробно, мы надеемся, чтобы объяснить их существенное значение; также были рассмотрены проблемы, в некоторой степени параллельные, связанные с древней верой в фей. Остается, однако, очень много

мелких антропологических проблем, которые еще не затронуты; но некоторые из наиболее важных из них, например, различные культы богов, духов, фей и мертвых, а также связанные с ними народные праздники (см. [раздел III](#)); круговой танец фей (см. стр. [405-6](#)); мир фей как потусторонний мир (см. [гл. vi](#)) или как чистилище (см. [гл. x](#)), будут рассмотрены в следующих главах, как и некоторые очень определенные психологические проблемы, связанные со снами и трансовыми состояниями, со сверхнормальным временем и с провидением. Теперь мы можем подвести итог достигнутому к настоящему времени результатам.

Независимо от того, рассматриваем ли мы веру в фей в целом или же отдельные ее части, например, те, что касаются малости фей, подмены, колдовства и магии, экзорцизма, табу и жертвоприношения пищи, во всех случаях сравнительный фольклор показывает, что составляющие ее верования находят свои параллели во всем мире, и что фееподобные существа являются объектами верований не только в кельтских странах, но и в Центральной Австралии, во всей Полинезии, в Африке, среди американских краснокожих, в Азии в целом, в Южной, Западной и Северной Европе, и, фактически, везде, где цивилизованные и примитивные люди придерживаются религиозных верований. С рационалистической точки зрения антропологи были бы склонны рассматривать большую часть этой широко распространенной веры в духовные существа как чисто мифическую, но если бы мы сделали это и остановились на этом, то не получили бы удовлетворительного решения: происхождение самого мифа должно быть объяснено, и одна из главных целей нашего исследования в оставшейся части этой книги - сделать попытку такого объяснения, особенно кельтского мифа.

Опять же, если мы рассмотрим все сказочные существа с некоторой поверхностной точки зрения или даже с точки зрения мифологии, то легко обнаружим, что им повсеместно приписываются точно такие же характеры, атрибуты, действия или силы, какими обладают конкретные народы, которые верят в них; и тогда возникает еще один факт, что это антропоморфирование непосредственно обусловлено более непосредственной социальной средой: мы видим всего лишь антропоморфно окрашенную картину всей многовековой социальной эволюции племени, расы или нации, которые способствовали развитию конкретного аспекта этой единой всемирной народной религии. Но если мы посмотрим еще глубже, то обнаружим в качестве фона для мифов и социальной психологии глубокий анимизм. Этот анимизм проявляется в собственной среде в превращении различных сказочных существ в духов и призраков ушедших. Если пойти еще глубже, то мы обнаружим, что такие анимистические верования, связанные исключительно с царством мертвых, во многих случаях, по-видимому, настолько хорошо основаны на определенных доказанных психических переживаниях со стороны живых мужчин и женщин, что для их объяснения необходимо привлечь помощь самой науки, что и будет сделано в нашей главе под названием "*Наука и феи*".

Пока же должно быть ясно, что уже сейчас наши свидетельства указывают на очень приличный остаток в опыте прозревших, который нельзя объяснить, как и большую массу свидетельств, этнологическим, антропоморфным, натуралистическим или социологическим влиянием на кельтский разум; и в настоящее время это должно быть обозначено как *x* или неизвестное количество в вере в фей. В [главе xi](#) это количество "*x*", дополненное всем остальным, что будет получено из дальнейших свидетельств, будет обсуждаться особо.

Эти точки зрения, вытекающие из нашего антропологического исследования основных частей доказательств, представленных живыми феями, будут постоянно находиться перед нами, пока мы будем двигаться дальше; и то, что было продемонстрировано антропологически в этой главе, будет служить для интерпретации того, что последует, пока

не будет достигнута глава xi. С этой предварительной позицией мы переходим к разделу II данного исследования и начнем рассматривать, как мы только что сделали это с их современной верой фей, древнюю веру фей кельтов.

РАЗДЕЛ II

ЗАПИСАННАЯ ВЕРА В ФЕЙ

ГЛАВА IV

НАРОД БОГИНИ ДАНА (*Туатха Де Дананн*) ИЛИ СИДХЕ (произносится *Ши*)[219]

Этнические боги Ирландии настолько прочно завладели воображением и духовными чувствами наших предков, что даже монахам и христианизированным бардам не приходило в голову отрицать их. Они, конечно, запрещали людям поклоняться им, но искоренить веру в их существование было настолько невозможно, что они даже не могли избавиться от убеждения, что боги - это реальные сверхъестественные существа" - Стэндиш О'Грейди.

Богиня Дана и современный культ Святой Бригит - Туатха Де Дананн или *Сидхе*, завоеванные Сынами Мила - Но ирландские провидцы все еще видят *Сидхе* - *Старые* ирландские MSS. *Сидхе* как раса духов - Дворцы *сидхе* - Принятие смертных - Видения женщин *сидхе* - Менестрели и музыканты *сидхе* - Социальная организация и войны среди *сидхе* - Богини войны *сидхе*, Бадб - *Сидхе* в битве при Клонтарфе, 1014 г. н. э. - Заключение.

Народ богини Даны, или, согласно д'Арбуа де Жубенвилю, народ бога, чью мать звали Дана,[220] - это Туатха Де Дананн из древней мифологии Ирландии. Богиня Дана, называемая в родительном падеже Дананд, в средние ирландские времена носила имя Бригит. [220] И эта богиня Бригит языческих кельтов была вытеснена христианской св. Бригит[220]; и точно так же, как языческий культ, некогда воздававшийся духам в колодцах и фонтанах, был перенесен на христианских святых, которым колодцы и фонтаны были заново посвящены, так и на святую Бригит как национальную святую был перенесен языческий культ, воздававшийся ее предшественнице. И все же, как и в случае с второстепенными божествами их священных фонтанов, ирландский народ, почитая добрую святую Бригит, воздает должное божественной матери народа, носящего ее имя Дана, - вечно живого невидимого народа фей современной Ирландии. Ведь когда Сыны Мила, предки ирландцев, пришли в Ирландию, они застали Туатха Де Дананн в полном владении страной. Тогда Туатха Де Дананн отступили перед захватчиками, не отдав, однако, свой священный остров. Обретя невидимость и способность в любой момент вновь появляться в человеческом облике перед детьми Сынов Мила, люди Богини Дану стали и остаются Феями, *Сидхе* ирландской мифологии и романтики.[221] Поэтому и сегодня в Ирландии живут две расы: видимая,

которую мы называем кельтами, и невидимая, которую мы называем Феями. Между этими двумя расами и сейчас существует постоянное общение, ибо ирландские провидцы говорят, что могут видеть величественных, прекрасных *сидхе*, и, по их словам, *сидхе* - это раса, совершенно отличная от нашей, такая же живая и, возможно, более могущественная. Эти *сидхе* (которые являются "дворянами" страны Бен Булбин и имеют родственников в других местах Ирландии, Шотландии, и, вероятно, в большинстве других стран, например, невидимые расы Йосемитской долины) были более или менее точно описаны нашими крестьянами-свидетелями из графства Слайго, а также из Северной и Восточной Ирландии. Но в Ирландии есть и другие, возможно, более надежные провидцы, люди с большим образованием и большим психическим опытом, которые знают и описывают расы *сидхе* такими, какие они есть на самом деле, и даже делают наброски их подобий. И для таких провидцев, как эти кельты, смерть - это паспорт в мир *сидхе*, мир, где царит вечная молодость и бесконечная радость, как мы узнаем, изучая его как кельтский потусторонний мир.

Мифология и литература древней Ирландии в большинстве своем очень точно сохранили до нас четкие образы Туатха Де Дананн; так что, не обращая внимания на некоторое христианское влияние в текстах некоторых манускриптов, значительную рационализацию и немалую долю поэтической окраски и романтической фантазии в изображениях, мы можем легко описать народ Богини Дану таким, каким он был в языческие времена, когда его чаще видели смертные, чем сейчас. Возможно, ирландцы прежних времен были даже более ясновидящими и духовно мыслящими, чем современные ирландцы. Поэтому, опираясь на эти письменные источники, давайте попробуем понять, какими существами были и остаются *сидхе*.

Природа *сидхе*

В *Книге Лейнстера* [222] в поэме *Эохайда* говорится, что Туатха Де Дананн, завоеватели Фир-Болгов, были носителями *сиабры*; а *сиабра* - это древнеирландское слово, означающее фей, духов или призраков. Слово "феи" вполне уместно, если понимать под ним фей, подобных современным "дворянам"; но слово "*призраки*" неуместно, поскольку, по нашим данным, единственное отношение *сидхе* или настоящих фей к призракам - поверхностное, *сидхе* и призраки схожи только в отношении невидимости. В двух основных ирландских МСС, *Книге Коровьего Дуна* и *Книге Лейнстера*, Туатха Де Дананн описываются как "боги и не-боги"; и сэр Джон Рон считает это древней формулой, сравнимой с санскритскими *deva* и *adeva*, но не с "поэтами (*dée*) и земледельцами (*an dée*)", как научно предположил автор *Cóir Anmann*. [223] В *Книге Коровы Дун* также говорится, что мудрецы не знают происхождения Туатха Де Дананн, но "им кажется вероятным, что они пришли с небес, из-за их ума и совершенства их знаний". [224] Влияние Туатха Де Дананн на ирландский разум и дух было настолько сильным, что даже христианские переписчики текстов не могли отрицать их существование как нечеловеческой расы разумных существ, населяющих Ирландию, хотя они часто искажали их, ставя их на уровень злых демонов, [225] как показывает концовка истории о *больной кровати Кухулайнна*: - "Так что это было видение Кухулайнна о том, что его поразили люди *Сиды*, ибо демоническая сила была велика до появления веры; и таково было ее величие, что демоны сражались со смертными в телесной форме и показывали им прелести и тайны того, как они будут в бессмертии. Таким образом, в них верили. Поэтому именно к таким фантомам невежды применяют имена *Side* и *Aes Side*" [226]. Отрывок в *Silva Gadelica* (ii. 202-3) не только подтверждает это последнее утверждение, но и показывает, что ирландцы проводили четкое различие между расой богов и нашей собственной: - В "*Беседе*

с древними", когда св. Патрик и Каэилт беседуют друг с другом, "к ним подходит одинокая женщина, одетая в мантию зеленого цвета, на ней платок из мягкого шелка, а на лбу сверкающая пластина из желтого золота"; когда Патрик спросил, откуда она пришла, она ответила: "Из *Уаимх Хруахна*, или "пещеры Круахана"". Тогда Кейлт спросил: "Женщина, душа моя, кто ты?" - "Я *Скотниамх*, или "Цветочная пышность", дочь сына Дагды, Бодхба Дерга". продолжила Кейлт: "И что привело тебя сюда?" - "Чтобы потребовать от тебя брачного дара, потому что когда-то давно ты обещал мне его". И пока они беседовали, Патрик вмешался: "Удивительно нам видеть вас обоих: девушка молода и наделена всеми достоинствами, а ты, Кейлт, дряхлый старец, согбенный в спине и мрачно поседевший". "Что неудивительно, - сказал Кейлт, - ибо мы не принадлежим ни к одному роду, ни к одному времени: *она - из Туатха Де Дананн, которые неувядаемы и чей век вечен; я - из сыновей Милесиуса, которые тленны и увядают*". Точное различие проводится между Каилте, дряхлым древним стариком, которого можно считать призраком, вызванным для того, чтобы Патрик мог расспросить его о прошлой истории Ирландии, и женщиной-феей, принадлежащей к *сидхе* или Туатха Де Дананн.[227]

В двух древнейших ирландских текстах, *Echtra Neraí*[228] или "Экспедиция Неры", предварительном рассказе во вступлении к *Táin bó Cuailnge* или "Кража скота из Куаинга", и отрывке из *Togail Bruidne dá Derga*, или "Разрушение общегития Да Дерга"[229], нет никаких разумных сомнений в том, что Туатха Де Дананн или *Сидхе* - это раса, подобная тем, кого мы называем духами. Первый текст описывает, как Эйлилл и Медб в своем дворце Круахан отмечали праздник *Самайн* (ноябрьский сочельник, праздник мертвых еще в дохристианские времена). Двое преступников были казнены накануне, и их тела, согласно древнему ирландскому обычаю, оставили висеть на дереве до наступления ночи *Самайна*; ведь в эту ночь было опасно прикасаться к телам мертвых, пока демоны и люди *Сидхе* были на свободе по всей Ирландии, и смертные, оказавшиеся в это время рядом с мертвыми телами, подвергались большой опасности быть *схваченными* этими духовными хозяевами Туатха Де Дананн. И вот в эту самую ночь, когда сгустилась тьма, Эйлилл пожелал испытать мужество своих воинов и предложил свой собственный меч с золотой рукоятью тому юноше, который пойдет и обвяжет моток скрученных веток вокруг ноги одного из тел, подвешенных на дереве. После того как многие предприняли эту попытку и потерпели неудачу, потому что не смогли отважиться на легионы демонов и фей, Нера один добился успеха; но успех дорого ему обошелся, потому что в конце концов он попал под власть как мертвеца, вокруг ног которого он обвязал катушку, так и эльфийского воинства: С телом мертвеца на спине Нера был вынужден отправиться в чужой дом, чтобы там утолить жажду мертвеца; а тот, напившись, "последним глотком из своих губ разбросал по лицам людей, что были в доме, так что все они умерли". Нера отнес тело обратно, а вернувшись в Круахан, увидел, как феи уходят в пещеру, "ибо курганы фей Эринна всегда открыты на Хэллоуин". Нера следовал за ними, пока не пришел к их королю во дворце Туатха Де Дананн, похоже, в пещере или где-то еще под землей; там он остался и был женат на одной из женщин-фей. Именно она открыла Нере тайну, где в загадочном колодце спрятана золотая корона короля, а затем предала весь свой народ, сообщив Нере план нападения на двор Эйлиллы в грядущий Хэллоуин. Более того, жена-фея разрешила Неру выйти из *сида*, и он, уходя от нее, спросил: "Как поверят, что я ушел в *сид*?" "Возьми с собой летние плоды", - сказала женщина. Тогда он взял с собой дикий чеснок, примулу и золотой папоротник". А в следующий ноябрьский сочельник, когда *сид* Круахана снова был открыт, "люди Коннаута и черные отряды изгнанников" под командованием Эйлиллы и Медба разграбили его, унеся с собой из колодца корону Брюна. Но "Нера остался со своими людьми в *сиде*, и не выходил до сих пор, и не выйдет до Судьбы".

Все это, безусловно, достаточно соответствует живой вере фей: существует такое же поверье, как и сейчас, о том, что канун ноября - это время всех времен, когда призраки, демоны, духи и феи свободны, и когда феи *берут* смертных и женят их на женщинах-феях; также существует поверье, что феи живут в тайных местах на холмах, в пещерах или под землей - дворцах, полных сокровищ и открытых только в канун ноября. Что касается настоящих фей, *сидхе*, то они появляются как правители праздника мертвых, или *Самайн*, как контролеры всех духов, которые находятся на свободе; и, если допустить некоторую поэтическую фантазию и много социальной психологии и антропоморфизма, элементов, столь же распространенных в этом, как и в большинстве литературных описаний, касающихся Туатха Де Дананн, они представлены достаточно достоверно.

Во втором тексте описывается, как король Конайр, ехавший по дороге в сторону Тары, увидел перед собой трех странных всадников, трех людей *сидхе*: "Три красных одеяния были на них, и три красных мантии: три красных коня ехали они, и три красных головы волос были на них. Все они были красные, и тело, и волосы, и одежда, и кони, и люди". Кто это едет перед нами?" - спросил Конайр. Я запретил этим троим идти передо мной - трем Красным в дом Красного. Кто пойдет за ними и скажет им, чтобы они шли по моему следу?" "Я пойду за ними", - говорит Ле Фрит, сын Конаира. Он поехал за ними, нахлестывая коня, и не догнал их. Между ними была длина копья, но они не настигли его, и он не настиг их". Все попытки догнать красных всадников не увенчались успехом. Но наконец, перед тем как они исчезли, один из Трех сказал сыну царя, скакавшему за ними с такой яростью: "Вот, сын мой, великая весть. Устали кони, на которых мы едем. Мы едем на конях Донна Тетскораха (?) из эльфийских курганов. Хотя мы живы, мы мертвы. Велики знамения: уничтожение жизни: кормление ворон: кормление воронов, бойня: смачивание острия меча, щиты с разбитыми боссами в часы после заката. Ло, сын мой! Затем они исчезают. Когда Конайр и его сторонники услышали эту весть, на них напал страх, и король сказал: "Все мои запреты овладели мной сегодня ночью, поскольку эти трое [краснокожих] [являются] изгнанными людьми (?)". В этом отрывке мы видим трех всадников *сидхе*, изгнанных из своего эльфийского кургана за ложь. Видимые в течение некоторого времени, они предшествуют королю и тем самым нарушают одно из его запретов; затем, произнеся свое страшное пророчество, они исчезают. Эти трое из Туатха Де Дананн, величественные, могущественные и странные в своем мистическом красном, похожи на воинов "дворянства", которых видели современные провидцы в Западной Ирландии. Хотя они мертвы, то есть находятся в невидимом мире, как мертвые, они все же живы. Похоже, что во всех трех уже приведенных примерах писец подчеркивает разные элементы уникальной природы Туатха Де Дананн. В "*Коллоквиуме*" это их вечная молодость и красота, в "*Эхтра Нерай*" - их превосходство над призраками и демонами на *Самайне* и их власть похищать смертных в такое время, а в последнем - их уважение к честности. И в каждом случае их изображение соответствует изображению "дворянства" и *сидхе* современными ирландцами; так что старая вера фей и новая объединяются, чтобы доказать, что Народ Бога, чьей матерью была Дана, был и остается расой существ, похожих на смертных, но не смертных, которые для объективного мира как бы мертвы, но для субъективного мира полностью живы и сознательны.

О'Карри говорит: "Термин (*sídh*, произн. *shee*), насколько нам известно, всегда применялся в старых писаниях к дворцам, дворам, залам или резиденциям тех существ, которые в древней гаэдской мифологии занимали то место, которое призраки, фантомы и феи занимают в суевериях наших дней"^[230] В современной ирландской традиции "народ *сидхе*" или просто *сидхе* относятся к самим существам, а не к местам их обитания. Отчасти, возможно, из-за этого распространенного мнения, что *сидхе* - подземная раса, их иногда называют богами

земли или *dei terreni*, как в *Книге Армага*; и поскольку считалось, что они, подобно современным феям, контролируют созревание урожая и дачу молока коровами, древние ирландцы регулярно поклонялись им и приносили жертвы, как ирландцы наших дней, расставляя по ночам еду для фей.

Таким образом, после завоевания *сидхе* или Туатха Де Дананн в отместку и, возможно, чтобы показать свою силу как сельскохозяйственных богов, уничтожили пшеницу и молоко своих завоевателей, Сынов Мила, как это могут сделать и современные феи; и Сыны Мила были вынуждены заключить договор со своим верховным королем Дагдой, который в *Койр Анманн* (§ 150) сам называется богом земли. После заключения договора Сыны Миля вновь смогли собирать пшеницу на своих полях и пить молоко своих коров;[231] и мы можем предположить, что с тех пор их потомки, жители Ирландии, помня об этом договоре, продолжают почитать народ богини Даны, воздавая им возлияния молоком и делая им подношения из плодов земли.

Дворцы *сидхе*

Чудесные дворцы, в которые удалились Туатха Де Дананн, когда их завоевала раса Мил, были спрятаны в глубинах земли, в холмах или под более или менее возвышенными хребтами.[232] Во время их завоевания Дагда, их верховный король, произвел распределение всех таких дворцов в своем королевстве. Один *сид* он отдал Лугу, сыну Этне, другой - Огме, а себе оставил два: один назывался *Бруг-на-Бойн*, или Замок Бойна, потому что находился на реке Бойн или рядом с ней возле Тары, а другой - *Сид* или *Бруг Маик инд Ок*, что означает Заколдованный дворец или Замок Сына Молодого. И этот Мак Инд Ок был сыном самого Дагды от королевы Боанн, по некоторым данным, так что, как следует из названия (Сын Молодого), Дагда и Боанн, оба бессмертные, оба Туатха Де Дананн, обязательно были всегда молоды, не зная ни болезни, ни упадка, ни старости. Только после того, как христианство одержало свой психический триумф в Таре, благодаря магии Патрика, одержавшей верх над магией друидов, которые в то время, похоже, выступали в роли посредников между народом богини Даны и языческими ирландцами, Туатха Де Дананн утратили свою бессмертную молодость в глазах смертных и стали подвержены смерти. В древнейших рукописях Ирландии дохристианская доктрина бессмертия божественного рода "сохранялась в целостности и сохранности";[233] но в *Senchus na reles* или "Истории кладбищ" из *Leabhar na h-Uidhre* и в *Lebar gabala* или "Книге завоеваний" из *Книги Лейнстера* она была полностью изменена христианскими переписчиками.

Когда Дагда распределял подземные дворцы, Мак инд Ок, или, как его иначе называли, Оэнгус, отсутствовал и, следовательно, был забыт. Поэтому, когда он вернулся, то, естественно, пожаловался отцу, и ему на ночь и день уступили *Brug na Boinne*, резиденцию самого короля, но Оэнгус утверждал, что это навсегда. Этот дворец был самым чудесным: в нем росли три дерева, которые всегда приносили плоды, стоял сосуд, полный превосходного напитка, и две свиньи - одна живая, а другая хорошо приготовленная, готовая к употреблению любое время; и в этом дворце никто никогда не умирал.[234] В *Коллоквиуме* Кейлт рассказывает о горе, где находился дворец фей, в который никогда не входил никто, кроме Финна и шести спутников, среди которых был и Кейлт. Фенийцев во время охоты привела туда женщина-фея, которая переоделась в олененка, чтобы заманить их; а ночь была дикой и снежной, и они с радостью укрылись в нем. Прекрасные девы и их возлюбленные были обитателями дворца; в нем звучала музыка, было много еды и питья, а на полу стояло кресло из хрусталя.[В другом дворце фей, заколдованной пещере Кешкорран,

властвовал Конаран, сын Имиделя, вождя Туатха Де Дананн; "и как только он увидел, что крик гончих теперь звучит коварно, он велел трем своим дочерям (которые были полны колдовства) пойти и отомстить Финну за его охоту"[236] - так же, как в наши дни "добрые люди" мстят кому-нибудь из нашего рода, если нарушаются владения фей. Часто дворец фей находится под озером, как в христианизированной истории об *исчезновении Каенхомрака*: "Однажды, когда "клирик пел свои псалмы, он увидел [приближающегося] к нему высокого человека, который вышел из лохани: со дна воды, то есть". Этот высокий человек сообщил клирику, что он пришел из подводного монастыря, и объяснил, что "обитание людей под водой не сложнее, чем обитание в любом другом месте".[237] Во всех этих древних литературных рассказах о *дворцах сидхе* мы легко узнаем дворцы того же типа, что и те, которые сегодня описываются гэльскими крестьянами как жилища "дворянства", или "хороших людей", или "людей мира". Такие жилища находятся в горных пещерах, таких как Бен Бульбин или Нок Ма, или на сказочных холмах, таких как Сказочный холм в Аберфойле, на котором, как считается, был *похищен* Роберт Кирк, или под озерами. Это подводит нас непосредственно к тому, как *сидхе* или Туатха Де Дананн в старые времена *похищали* красивых юношей и девушек.

Как *сидхе* "забирали" смертных

Возможно, одним из самых ранних и известных литературных рассказов о таком *похищении* является рассказ об Аэде, сыне Эохайда Летдерга, сына короля Лейнстера, который считается современником Патрика.[238] Когда Аэд наслаждался игрой в херли со своими товарищами возле *сидха* Лиамхейн Софтсмук, две *сидх-женщины*, которые любили юного принца, очень внезапно появились и так же внезапно забрали его с собой в сказочный дворец и держали там три года. Однако по истечении этого срока ему удалось бежать, и он, зная о волшебной силе Патрика, отправился туда, где находился святой человек, и так объяснился с ним: "Против юношей моих противников я (то есть моя сторона) взял семь голов; но на последнем, который я взял, ко мне подошли две женщины в зеленых мантиях: две дочери *Бодхб-дерга Мак ан Дагда*, и зовут их *Слад* и *Мумайн*. Каждая из них взяла меня за руку, и они отвели меня в нарядный *бруг*, и вот уже три года мой народ скорбит обо мне, *сидхи* заботятся обо мне, и до прошлой ночи мне представился случай сбежать из *бруга*, когда мы в количестве пятидесяти парней вышли из *сидхов* на зелень. Тогда я понял, насколько велика та пропасть, в которую меня загнали *сиды*, и побежал прочь от *бруга* искать тебя, святой Патрик". "Это, - сказал святой, - будет для тебя защитой, так что ни их сила, ни их владычество больше не смогут одержать верх над тобой". И вот, когда Патрик сделал так, что Аэдх оказался защищен от власти фей, он оставил его при себе под видом странствующего менестреля, пока, прибыв в Лейнстер, не вернул его отцу-королю и не передал ему наследство: Аэдх входит во дворец в костюме менестреля, и в присутствии королевского собрания Патрик приказывает ему: "Сними раз и навсегда свой темный капюшон, и пусть ты носишь копье своего отца! Когда юноша снял капюшон, и никто из присутствующих не узнал его, удивление было велико. Он казался воскресшим из мертвых, ведь долгое время его отец, оставшийся без наследника, и народ оплакивали его. "Клянусь, - воскликнули собравшиеся в радостном возбуждении, - это дар доброго священника! И сказал король: "Святой Патрик, поскольку до сего дня ты вскормил его и воспитал, пусть сила Туатха Де Дананн больше не одержит верх над отроком". И Патрик ответил: "Та смерть, которую предписал Царь Неба и Земли, - та, которую он получит". Эта древняя легенда ясно показывает, что о Туатха Де Дананн, или *Сидхе*, во времена, когда писец писал "*Коллоквиум*", думали так же, как и сейчас, - как о способных *забирать* прекрасных смертных, которых они

любили, и даровать им сказочное бессмертие, которое предотвращало "ту смерть, которую предписал Король Неба и Земли".

Смертные, если они того пожелают, могли жить в мире *сидхе* вечно, и мы увидим это более подробно в нашем исследовании потустороннего мира. Но здесь будет интересно узнать, что, в отличие от Аэда, которого некоторые, возможно, назвали бы глупым юношей, Лэгайр, тоже принц, ибо был сыном короля Коннаута, вошел в *дун сидхе*, взяв с собой пятьдесят других воинов; и ему и его последователям жизнь в Сказочной стране показалась столь приятной, что все они решили наслаждаться ею вечно. Пробыв там год, они задумали вернуться в Коннаут, чтобы окончательно проститься с королем и его народом. Они объявили о своем плане, и Фиахна из *Сидхе* рассказал им, как осуществить его в безопасности: "Если вы хотите вернуться, возьмите с собой лошадей, но ни в коем случае не слезайте с них"; так и было сделано: они отправились в путь и наткнулись на общее собрание, на котором Коннаут, как и в прошлом году, оплакивал вышеупомянутую группу воинов, которых теперь все сразу же увидели над собой (то есть на более высокой земле). Коннаут бросился им навстречу, но Лаэгайр воскликнул: "Не подходите к нам [не трогайте нас]: мы здесь, чтобы попрощаться с вами!" "Не оставляйте меня!" Кримтанн, его отец, сказал: "Королевская власть Коннаута - твоя; их серебро и золото, их кони с уздечками и их благородные женщины - на твое усмотрение, только не оставляй меня!" Но Лэгайр отвернулся от них и снова вошел в *сидх*, где вместе с Фиахной осуществляет совместное королевское правление; и до сих пор он не выходит из него"[239].

Видения женщин-сидхе на холмах

Существует множество записанных традиций, которые представляют определенные холмы как мистические места, где мужчинам являются видения женщин-фей. Так, однажды король Муирхертах вышел на охоту на границе Бруга (около моста Стакалан, графство Мит), и его спутники оставили его одного на его охотничьем кургане. Он пробыл там недолго, когда увидел одинокую девушку, прекрасно сложенную, светловолосую, яркокожую, в зеленой мантии, сидящую рядом с ним на дерновом кургане; и ему показалось, что из всех женщин он никогда не видел равной ей по красоте и изяществу. [240] В "Мабиногионе" о *Пвилле, принце Дайвета*, который, похоже, является лишь бриттской обработкой оригинальной гэльской сказки, Пвилл, сидевший на кургане, где любой сидящий смертный мог увидеть вундеркинда, увидел, как мимо проскакала женщина-фея на белом коне, одетая в одеяние из сияющего золота. И хотя он старался, чтобы его слуга на самом быстром коне догнал ее, "в этой женщине была какая-то магия, благодаря которой она всегда оставалась на одном и том же расстоянии впереди, хотя казалось, что она едет медленно". Когда на второй день Пвилл вернулся к кургану, женщина-фея, как и прежде, проезжала мимо, и слуга снова безуспешно преследовал ее. На третий день Пвилл увидел ее в том же виде. Тогда он сам пустился в погоню, и когда он воскликнул ей: "Ради человека, которого ты любишь, подожди меня!", она остановилась; и по взаимному уговору они договорились встретиться и пожениться в конце года[241].

Менестрели или музыканты *сидхе*

В древние времена феи не только наслаждались чудесными дворцами, полными красоты и богатства, и жизнью в вечной молодости, но и, как и сейчас, играли в менестрели и слушали редкую музыку - музыку, с которой не сравнится ни одна музыка нашего мира; ведь даже сам

Патрик говорил, что она была бы равна самой небесной музыке, если бы не "привнесенные в нее чары фей".[242] Вот как Патрик услышал музыку фей: путешествуя по Ирландии, он однажды присел на травянистом холме, как он часто делал в старой доброй ирландской манере, с королем и вельможами Улидии, а также с Кейлтом: Долго ли коротко ли, но увидели они приближающегося к ним *сколога* или "невоина", который был одет в светло-зеленую мантию с серебряной фибулой, рубашку из желтого шелка на коже, поверх и снаружи - тунику из мягкого атласа, а на спине у него висел *тимпан* (род арфы) из лучшего материала. "Откуда ты пришел, *сколог*?" - спросил король. "Из *сидха* сына Дагды, Бодхб-Дерга, из южной части Ирландии". "Что привело тебя с юга, и кто ты сам?" "Я - Каскоррах, сын Каинчинна, который является *оллавом* Туатха Де Дананн, и сам являюсь задатками *оллава* (то есть претендента на это звание). Начало мне положил замысел получить знания, и информацию, и предания для пересказа, и могучие доблестные деяния Фианны от Каэльта, сына Ронана". Затем он взял свой *тимпан* и создал для них музыку и менестрели, так что отправил их дремать". И музыка Каскорраха понравилась Патрику, который сказал о ней: "Воистину, она была хороша, если бы только не чары фей, которые в нее вселились; а без них ничто так не напоминало бы небесную гармонию"[243] И та самая ночь, которая последовала за днем, когда к ним пришел *оллав* для Туатха Де Дананн, была кануном *Самайна*. Был и еще один из этих сказочных *литавр*, которого называли "дивным эльфийским человеком", - Аиллен мак Мидна из Туатха Де Дананн, что из *сидха* Финнахаида на севере приходил в Тару: он приходил с музыкальной *литаврой* в руках, и когда кто-либо слышал ее, тот сразу же засыпал. Затем, когда все убаюкивались, из его рта Аиллен испускал огненную вспышку. Каждый год в торжественный *день Самайн* (ноябрьский день) он приходил, играл на своем *тимпане*, и под его сказочную музыку все засыпали. Дыханием он раздувал пламя, и так, в течение трех с половиной лет, ежегодно сгорала Тара со всем ее снаряжением". И говорится, что Финн, в конце концов одолев магию Эйлена, убил его[243].

Возможно, в первом музыканте, Каскоррахе, хотя он и описан как сын менестреля Туатха Де Дананн, мы видим смертного, подобного одному из многих ирландских волынщиков и музыкантов, которые отправлялись или даже еще отправляются к феям, чтобы получить музыкальное образование, а затем возвращаются как самые чудесные исполнители, которые когда-либо были в Ирландии; Хотя если Каскоррах и был когда-то смертным, то, похоже, он полностью преобразился в телесном плане, чтобы стать действительно одним из Туатха Де Дананн. Но Эйлен мак Мидна, несомненно, один из могущественных "дворян", которые, как мы слышали из графства Слайго, могли бы уничтожить половину человеческой расы, если бы захотели. Эйлен посещает Тару, древний психический центр как ирландских королей, так и друидов. Он приходит как бы против завоевателей своей расы, которые в своем пренебрежении больше не воздают должного поклонения и не приносят жертв в праздник *Самайн* Туатха Де Дананн, богам мертвых, в то время верховным; и тогда он применяет свою магию против королевских дворцов королей и друидов на древнем холме. И чтобы преодолеть магию Эйлена и убить его, то есть сделать невозможным его ежегодные визиты в Тару, потребовалась мощь великого героя Финна, который сам был связан с тем же родом *сидхе*, ибо от женщины из Туатха Де Дананн у него родился его знаменитый сын Оссиан (Ойсин)[244].

В *Гилла-де*, который является Мананнаном мак Лиром, величайшим магом Туатха Де Дананн, замаскированным под существо, способное исчезать в мгновение ока, когда пожелает, и неожиданно появляться в виде "керна, одетого в желтую полоску", мы встречаем еще одного фея-музыканта. И ему О'Доннел говорит: "Милостью небесной, с тех пор как я впервые услышал славу о тех, кто на холмах и под землей под нами создает музыку фей, ... музыки слаще твоей я никогда не слышал; ты самый мелодичный плут!"[245] И снова говорится о нем

: "Тогда *гилла Декейр*, взяв арфу, заиграл такую сладкую музыку... и король, бросив мимолетный взгляд на своих музыкантов, так и не узнал, в какую сторону он от него ушел"[246].

Социальная организация и военные действия среди *сидхе*

До сих пор мы видели только счастливую сторону жизни *народности сидхе* - их дворцы, удовольствия и музыку; но была и более человеческая (или антропоморфная) сторона их натуры, в которой они вели войны друг с другом и имели свои брачные проблемы, как и мы, современные люди. И мы переходим к рассмотрению этой другой стороны их жизни, чтобы увидеть *сидхе* как воинственную расу; и при этом давайте вспомним, что "дворяне" в стране Бен Булбин и во всей Ирландии, и народ Финвара в Нок Ма, а также невидимые расы Калифорнии также описываются как приверженцы войны и могучих подвигов.

Невидимые ирландские расы всегда имели очень четкую социальную организацию, настолько четкую, что Ирландию можно разделить по королям и королевам фей и их территориям даже сейчас;[\[247\]](#) и, несомненно, мы видим, как древние ирландцы антропоморфно спроецировали в анимистическую веру свои собственные социальные условия и расовые характеристики. И эту социальную организацию и территориальное деление следует понять, прежде чем обсуждать социальные проблемы и последующие войны *сидхе-фолков*. Например, в Мюнстере королем был Бодб, и его заколдованный дворец назывался *Сид* людей Фемен;[\[248\]](#) а о верховном короле Дагде и его дворце Бойн близ Тары мы уже знаем. В более современные времена, особенно в народных сказочных преданиях, Ивил или Ивинн (*Аоибхилл* или *Аоибхинн*) из *Крейг Лиат* или Серой Скалы - королева фей Мюнстера;[\[249\]](#) а Финвара - король фей Коннаута (см. с. [42](#)). Есть также ирландские феи-царицы Клиона (*Клиодна*, или в более ранней форме *Клидна* [ср. с. [356](#)]) и Эйна (см. с. [79](#) выше).

Теперь мы готовы увидеть Туатха Де Дананн в их домашних проблемах и войнах; следующая история не менее интересна, чем любая другая, поскольку в ней главным действующим лицом является сам Дагда. Однажды, когда его собственный сын Оэнгус заболел любовной болезнью, король Дагда, правивший всеми *сидхе* в Ирландии, объединился с Эйлилом и Медбом, чтобы заставить Итала Анбуала отдать свою прекрасную дочь Каэр, которую любил Оэнгус. Когда дворец Итал Анбуала был взят штурмом и Итал Анбуал был приведен к покорности, он заявил, что не имеет власти над своей дочерью Каэр, потому что первого ноября каждого года, сказал он, она превращается в лебедя, а из лебедя - снова в деву. Первого ноября следующего года, - добавил он, - моя дочь будет в образе лебедя возле Лох-бель-Драккона. Там можно будет увидеть диковинных птиц: мою дочь будут окружать сто пятьдесят других лебедей". Когда наступил ноябрьский день, Оэнгус отправился к озеру и, увидев лебедей и узнав Каэр, погрузился в воду и тут же стал лебедем вместе с ней. Пребывая в образе лебедей, Оэнгус и Каэр вместе отправились в Бойнский дворец короля Дагды, его отца, и остались там; их пение было столь сладостным, что все, кто его слышал, спали три дня и три ночи".[\[250\]](#) В этой истории появляются новые элементы в природе *сидхе*, хотя и похожие на современные: *сидхе* способны принимать другие формы, кроме своей собственной, подвержены чарам, как смертные; а когда они принимают облик лебедей, то в некоторых, возможно, поверхностных аспектах похожи на лебединых дев в историях, распространенных по всему миру, и их лебединое пение обладает той же сладостью и магическим эффектом, что и в других странах.[\[251\]](#)

В "Ренн *Динншенхас*" есть рассказ о войне между "людьми Эльфийских курганов" из-за "двух прекрасных дев, что жили в эльфийском кургане", и, когда они выступили на битву, "все они превратились в оленей".[252] Сыновья Мидира под командованием Донна мак Мидира, восстав против сына Дагды Бодха Дерга, бежали в туманный *сидх*, где в ежегодной битве встречались с войсками других Туатха Де Дананн под командованием Бодха Дерга; и именно в этот *сидх* или дворец фей накануне ежегодного поединка Финн и шесть его спутников были завлечены женщиной-феей в облике оленя, чтобы заручиться их помощью.[В другой сказке Лэгхэйр, сын короля Коннаута, с пятьюдесятью воинами погрузился в озеро, чтобы попасть в сказочный мир под ним и помочь пришедшему к ним сказочному человеку вернуть жену, украденную соперником[253].

Сидхе как богини войны или Бадб

Именно в виде птиц некоторые из Туатха Де Дананн предстают как богини войны и руководители сражений[254], и мы узнаем от одного из наших свидетелей (стр. 46), что "дворяне" или современные *сидхе* принимают сторону даже сейчас в большой войне, например, между Японией и Россией. Именно по их отношению к герою Кухулайнну можно лучше всего изучить народ богини Дану в их роли контролеров человеческой войны. В величайшем из ирландских эпосов, *Táin Bó Cuailnge*, где Кухулайнн находится под их влиянием, эти богини войны называются *Badb*[255] (или *Bodb*), что здесь, по-видимому, является собирательным термином для *Неман*, *Мача* и *Морригу* (или *Морриган*)[256] - каждая из которых обладает определенной сверхъестественной силой. *Неман* предстает как смутьян армий, так что дружественные отряды, лишённые ею рассудка, режут друг друга; *Мача* - ярость, которая буйствует и веселится среди убитых; а *Морригу*, величайшая из трех, своим присутствием вселяет сверхчеловеческую доблесть в Кухулайнна, настраивает его на бросок и направляет ход его безошибочного копья. И Туатха Де Дананн, вселяя эту доблесть в великого героя, показывают себя - как мы уже знаем, в канун *Самайна* - повелителями всевозможных демонов воздуха и ужасных духов: в *Книге Лейнстера* (fol. 57, B 2) записано, что "сатиры, и спрайты, и маньяки долин, и демоны воздуха кричали о нем, ибо Туатха Де Дананн были склонны передавать ему свою доблесть, чтобы он был более страшен, более ужасен, в каждой битве и на поле боя, в каждом сражении и конфликте, в которые он вступал".

Битвы при Мойтуре в большинстве случаев кажутся не более чем традиционной записью долгой войны за определение будущего духовного контроля над Ирландией, которая велась между двумя диаметрально противоположными орденами невидимых существ, Туатха Де Дананн, представляющих богов света и добра, и фоморианцами, представляющими богов тьмы и зла. Говорят, что после второй из этих битв "*Морригу*, дочь Эрнмаса (ирландского божества войны), возвестила о той битве и о могучей победе, которая произошла, на королевских высотах Ирландии и в ее сказочном воинстве, в ее главных водах и в ее речных устьях".[257] Ибо добро победило зло, и было решено, что вся Ирландия должна навсегда остаться священной страной, которой будут править люди богини Дану и сыновья Мила вместе. Таким образом, здесь мы видим, как Туатха Де Дананн со своей богиней войны ведут свои собственные сражения, в которых люди не играют никакой роли.

Интересно отметить, что ирландская богиня войны, *Бодб* или *Бадб*, которая издревле считалась одной из Туатха Де Дананн, сохранилась до наших дней в сказочных преданиях главных кельтских стран. В Ирландии это лучше всего видно в популярном и до сих пор почти всеобщем убеждении крестьян, что феи часто осуществляют свои магические силы в виде

воронов-ройстонов; и по этой причине этих птиц всегда сильно боялись и избегали. Прилет одной из них на крестьянский дом может означать многое, но чаще всего это означает смерть одного из членов семьи или какое-то большое несчастье, причем птица в этом случае играет роль *бин-сидхе* (баньши). И это народное поверье находит отклик в записанных сказках Уэльса, Шотландии и Бретани. В "*Мабиноги*", "*Сон Ронабви*", у Овайна, принца Регеда и современника Артура, есть чудесный ворон, который всегда обеспечивает ему победу в битве благодаря помощи трехсот других воронов под его руководством. В "*Популярных сказках Западного нагорья*" Кэмпбелла феи очень часто проявляют свою силу в виде обыкновенной вороны; а в Бретани есть народная сказка под названием "*Les Compagnons*"[258], в которой главным действующим лицом является фея в образе сороки, живущая в королевском лесу недалеко от Ренна[259].

W. M. Хеннеси показал, что слово *bodb* или *badb*, придыхательное *bodhbh* или *badhbh* (произносится как *bov* или *bav*), первоначально означало ярость, гнев или насилие, а в конечном итоге подразумевало ведьму, фею или богиню; и поскольку память об этой ирландской богине войны сохранилась в фольклоре, ее эмблемой является хорошо известный скальд-ворон, или ройстон-ворон.[260] Обратившись к *ирландскому словарю* Питера О'Коннела, мы можем подтвердить это популярное мнение, которое отождествляет боевых фей с ройстон-вороном, и обнаружить, что существует определенная связь или даже отождествление между *Бадб* и *Бин-сидхе* или баньши, как в современном ирландском фольклоре между ройстон-вороном и феей, которая объявляет о смерти. *Бадб-катха* равна "*Фионог, ройстон-ворон, шквальный ворон*"; *Бадб* определяется как "*боб-сидхе, женщина-фея, фантом или призрак, предположительно привязанная к определенным семьям и появляющаяся иногда в виде шквальных или ройстон-воронов*"; а *Бадб* в трехкратном аспекте объясняется так: "*Мача, т.е. ройстон-ворон*". т.е. ворон-ройстон; *Морригайн, т.е. великая фея; Нумхан, т.е. Badb catha nó feannóg; badb catha, или ворон-ройстон*". Аналогичные объяснения дают и другие глоссаторы, и, таким образом, свидетельства этимологической науки, а также фольклора подтверждают психологическую теорию.

Сидхе в битве при Клонтарфе, 1014 г.

Народ богини Даны играл важную роль в человеческих войнах вплоть до битвы при Клонтарфе, состоявшейся под Дублином 23 апреля 1014 года; и в то время женщины-феи и призраки-хозяева были для ирландцев несомненными существами, такими же реальными, как обычные мужчины и женщины. В рукописном рассказе об этой битве, с которого существует множество копий, говорится, что перед сражением к Данлангу О'Хартигану пришла женщина-фея Aoibheall[261] и умоляла его не сражаться, обещая ему жизнь и счастье на двести лет, если он хоть на один день отложит бой; Но патриотичный ирландец заявил о своем решении сражаться за Ирландию, и тогда женщина-фея предсказала, что ему и его другу Мурроу, и Бриану, и Конаингу, и всем вельможам Эрина, и даже его собственному сыну Турлафу суждено пасть в этой битве.

Накануне битвы Данланг приходит к своему другу Мурро прямо от женщины-феи, и Мурро, увидев его, упрекает его за отсутствие такими словами: "Должно быть, велика любовь и привязанность к тебе какой-то женщины, которая побудила тебя покинуть меня". "Увы, о король, - отвечал Данланг, - наслаждение, которое я оставил ради тебя, гораздо больше, если бы ты только знал его, а именно: жизнь без смерти, без холода, без жажды, без голода, без тления, превышающая все земные наслаждения для меня, до суда и небес после суда; и если бы я не дал тебе слово, я бы не пришел сюда; и, кроме того, мне суждено умереть в тот

день, когда умрешь ты". Когда Мурроу выслушал эту страшную весть, пророчество о собственной смерти в битве, уныние овладело им; и тогда он заявляет, что ради Ирландии, как Данланг ради чести, пожертвовал возможностью попасть и жить в той чудесной стране вечной молодости: "Часто мне предлагали на холмах и в сказочных чертогах этот мир (мир фей) и эти дары, но я ни на одну ночь не покидал ради них ни своей страны, ни своего наследства"[262].

И вот как описывается встреча двух армий в Клонтарфе, и демоны воздуха, и призраки, и все сонмы невидимого мира, собравшиеся, чтобы рассеять смятение и насладиться кровопролитием, и как над ними возвысился *Бадб*: "Описание этого грандиозного наступления будет одним из чудес судного дня. Возник дикий, стремительный, стремительный, безумный, неумолимый, яростный, темный, рвущий, беспощадный, боевой, спорный *Бадб*, который с криком и трепетом пронесся над их головами. И возникли также сатиры, и спрайты, и маньяки долин, и ведьмы, и гоблины, и совы, и уничтожающие демонов воздуха и небес, и демоническое призрачное воинство; и они подстрекали и поддерживали доблесть и битву с ними." [263] О Мурроу (*Murchadh*) говорится, что, когда он вошел в гущу сражения и приготовился напасть на иноземных захватчиков, датчан, когда они отбили Дал-Кайса, "его охватил кипящий страшный гнев, чрезмерное возвышение и величие духа и ума. В нем поднялась птица доблести и первенства, и порхала над его головой и на его дыхании"[264].

Заключение

Записанная или рукописная вера гэлов в фей во всем соответствует живой гэльской вере в фей: Туатха Де Дананн или *Сидхе*, "дворяне", "добрые люди" и "люди мира", описываются как раса невидимых божественных существ, вечно молодых и неувядающих. Они обитают в сказочных дворцах, наслаждаются редкими пирами и любовными утехами, у них своя музыка и менестрели. Они величественны по своей природе; они ведут войну в своем собственном невидимом царстве с другими его обитателями, как древние фоморы; они часто руководят человеческими войнами или нервируют руку великого героя, такого как Кухулайнн; им подчиняются демоны воздуха, сонмы духов и ужасные невидимые существа. В мифологии они - боги света и добра, способные управлять природными явлениями так, чтобы урожай был обильным или вовсе отсутствовал. Но это не те мифологические существа, о которых мы читаем в научных диссертациях по мифологии, диссертациях, столь заученных в своих любопытных, необоснованных и зачастую непонятных гипотезах о работе разума первобытных людей. На то, как социальная психология глубоко повлияла на все эти анимистические верования, было указано выше, в [главе iii](#). В [главе xi](#), озаглавленной "*Наука и феи*", наша позиция в отношении сущностной природы сказочных рас будет прояснена.

РАЗДЕЛ II

ЗАПИСАННАЯ ВЕРА В ФЕЙ

ГЛАВА V

БРИТОНСКИЕ БОЖЕСТВА И БРИТОНСКАЯ ВЕРА В ФЕЙ[265]

С одной стороны, у нас есть человек Артур, чье положение мы пытались определить, а с другой - более великий Артур, более колоссальная фигура, от которой мы имеем, так сказать, только *морс*, спасенный из обломков кельтского пантеона" - The Right Hon. Sir John Rhÿs.

Бог Артур и герой Артур-Семикратное доказательство того, что Артур был воплощенным королем фей-Ланселот приемный сын женщины-феи-Галахад потомок Ланселота и женщины-феи Элейн-Артур как король фей в *Кулхвч и Олвен-Гвинн* аб Нудд-Артур как Дагда и как Осирис-Бритонские сказочные романы: их эволюция и древность-Артур в Ненниусе, Джеффри, Уэйсе и в Лайамоне-Камбрэнсис "Потусторонняя сказка" - норманно-французские писатели двенадцатого и тринадцатого веков - *Romans d'Aventure* и *Romans Bretons* - Происхождение "Материи Британии" - Молочно-романтические эпизоды в валлийской литературе - Британские истоки.

Артур и артурианская мифология

Как мы только что рассмотрели гэльские божества в их образе фей народной гэльской традиции, так теперь мы перейдем к рассмотрению бриттских божеств в том же ключе, начиная с величайшего из них, Артура. Даже поверхностное знакомство с Артуровской легендой показывает, насколько невозможно применить к ней какую-то одну интерпретацию, исключаящую другие, ведь в одном аспекте Артур - это бриттское божество, а в другом - бриттский вождь шестого века. Но объяснение этого двойного аспекта кажется достаточно простым, если рассматривать исторического Артура как великого героя, который, как и во многих других параллельных случаях поклонения национальным героям, в течение сравнительно короткого времени был закреплен в воображении патриотичных бритонов со всеми атрибутами, принадлежавшими в древности великому кельтскому богу по имени Артур.[266] Герой и бог были сначала спутаны, а затем отождествлены,[267] и таким образом возник тот замечательный свод романов, который мы называем артуровским и который стал славой английской литературы.

Артур в образе культурного героя,[268] обладающего богоподобными способностями наставлять смертных в мудрости, а также как существо, в некотором роде связанное с солнцем - возможно, как бог-солнце - вполне может считаться человеко-божественным учредителем мистического братства, известного как Круглый стол. Вероятно, мы должны считать Артура, как и Кухулина, богом, воплотившимся в человеческом теле с целью просвещения рода человеческого; и таким образом, живя как человек, он определенно и, по-видимому, осознанно связан с невидимыми богами или феями. Среди ацтеков и перуанцев Нового Света широко распространена вера в то, что великие герои, которые когда-то были людьми, теперь имеют свою небесную обитель на солнце и время от времени перевоплощаются, чтобы стать учителями своих менее развитых собратьев нашей

собственной расы; вера такого же характера существовала среди египтян и других народов Старого Света, включая кельтов. Далее при изучении кельтской доктрины перерождения будет показано, что в древности среди гэлов и бритонов такие герои, как Кухулайнн и Артур, также считались перевоплощенными солнечными божествами. Как существо, связанное с солнцем, как бог солнца, Артур подобен Осирису, Великому Существо, который со своим братством великих героев и богов-компаньонов ежедневно входит в подземный мир или Аид, чтобы сражаться с демонами и силами зла,[269] даже как Туатха Де Дананн сражались с фоморами. И самые важные вещи в традициях великого бриттского героя напрямую связывают его с этим странным миром субъективности. Во-первых, его собственный отец, Утр Бендрагон,[270] был царем Аида, так что сам Артур, будучи его ребенком, является прямым выходцем из этого потустороннего мира. Во-вторых, Артуровская легенда прослеживает происхождение Круглого стола от отца Артура, поскольку Аид - "царство, откуда, по преданию, происходила вся культура".[271] В-третьих, имя жены Артура, Гвенхивар, переводится как Белый Призрак или Белое Явление, что соответствует линии происхождения Артура из области призраков, явлений и сказочных существ. Таким образом, *Гвенхивар* или *Гвенхвифар* - это *Гвен* или *Гвенн*, бриттское слово, означающее белый, и *хвивар*, слово, не встречающееся в бриттских диалектах, но, несомненно, родственное ирландскому слову *siabhradh*, фея, равному *siabhra*, *siabrae*, *siabur*, фея или призрак, валлийское и ирландское слово восходит к форме **seibaro*. [272] Отсюда имя жены Артура означает "белый призрак" или "белый фантом", что вполне соответствует природе Туатха Де Дананн и феи Уэльса или *Tylwyth Teg* - "Прекрасной Семьи".

В-четвертых, как звено в цепи доказательств, связывающих Артура с невидимым миром, где живут феи, его родная сестра в романах называется *Морган ле Фэй*[273] и, таким образом, определенно является одной из женщин-фей, которые, согласно традиции, являются обитательницами кельтского потустороннего мира, иногда называемого Авалоном. В-пятых, в валлийских триадах[274] Ллашеу, сын Артура и Гвенхивар, наделен ясновидением, как и феи, так что он понимает тайную природу всех твердых и материальных вещей; а "история его смерти, приведенная во второй части валлийской версии Грааля, делает его едва ли человеком вообще".[275] В-шестых, имя Мелваса, похитителя жены Артура, по мнению сэра Джона Рона, означает "принц-юноша" или "княжеский юноша", и тот же авторитет считает вероятным, что в этом качестве Мелвас или Маэлвас был существом, наделенным вечной молодостью, - как и Мидир, король Туатха Де Дананн, который, несмотря на тысячелетний возраст, выглядел красивым и юным. Так что, похоже, похищение Гвенхвифар было действительно похищением феи, о котором мы читаем в бытовых перипетиях ирландских фей, наравне с похищением Этайн ее потусторонним мужем Мидиром.[276] И в соответствии с этим сверхчеловеческим характером похитителя Белого Призрака или Феи, Кретьен де Труа в своем метрическом романе "*Конт де ла Шаррет*" описывает царство, повелителем которого был Мелвас, как место, откуда не возвращаются путешественники.[277] В качестве еще одного доказательства того, что царство Мелваса подразумевалось Кретьеном как субъективный мир, где одинаково существуют и богоподобные Туатха Де Дананн, и *Тильвит Тег*, и тени мертвых, говорится, что попасть в него можно было по двум узким мостам; "один назывался *li Ponz Evages* или Водяной мост, потому что это был узкий проход в полтора фута шириной и столько же высотой, с водой над и под ним, а также с обеих сторон"; другой *li Ponz de l'Espée* или Мост Мечей, потому что он состоял из острия меча длиной в два копья.[278] Первый мост, считавшийся менее опасным, чем другой, был выбран Гаувейном (Гвальхмеем), когда он вместе с Ланселотом пытался спасти Гвенхвифар; но ему не удалось перейти через него. Ланселот с большим трудом преодолел вторую. Во многих мифологиях и всемирных сказках есть узкий мост или мосты, ведущие в царство мертвых. Даже Мухаммед в *Коране* объявляет, что для того, чтобы попасть в рай, необходимо перейти по тонкому, как волос,

мосту. А в живом фольклоре кельтских стран, как мы обнаружили среди ирландских крестьян, переход через мост или поток воды, когда преследуют феи или фантомы, является гарантией защиты. Между царством живого и царством субъективного всегда есть мистическая вода.[279] В Древнем Египте всегда было последнее путешествие, начатое по священному Нилу; и во всей классической литературе в царство Плутона попадают, пересекая темную, глубокую реку, - реку забвения между физическим сознанием и духовным сознанием. Бернс выразил эту веру в популярной форме в своем "*Таме О'Шантере*". И в нашей артурианской параллели достаточно четко прослеживается связь между существами, населяющими невидимое царство, и британскими героями и богами. Поразительно, как отметил Гастон Парис, сходство между тем, как Мелвас схватил Гвенхивар, когда она была в лесу на сеновале, и изнасилованием Прозерпины Плутоном, богом Аида, когда она собирала цветы в поле[280].

В связи с этим эпизодом похищения Гвенхивар следует обратить внимание на один любопытный факт. Мэлори рассказывает[281], что когда королева Гвеневер сообщила своим рыцарям Круглого стола, что на следующий день (майский день, когда феи обладают особой силой) она отправится на майские праздники, она предупредила их, чтобы все были хорошо одеты в зеленые одежды. Именно этот цвет носят почти все феи Британии и Ирландии. Он символизирует, как утверждают многие древние мистические писания, вечную молодость, а также воскресение или возрождение, как в природе в весеннюю пору, когда вся растительность после зимнего сна вступает в новую жизнь.[282] В "*Мивирийской археологии*"[283] Артур, достигнув царства Мелвас, говорит с Гвенхивар,[284] он на черном коне, а она на зеленом: "Зеленый мой конь оттенка листьев". Черный конь Артура - черный, возможно, означающий мертвых, в чье царство он попал, - будучи устойчивым к любой воде, мог, следовательно, быть устойчивым к обитателям мира теней и к феям: - "Черный мой конь и храбрый мой конь".

Черный мой конь и храбрый подо мной,
Никакая вода не заставит его бояться,
И ни один человек не заставит его свернуть с дороги.

Феерический колорит в разных произведениях и у разных авторов, различающихся как по времени, так и по стране, продолжает привязываться к эпизоду похищения. Так, в XIV веке поэт Д. аб Гвиллим упоминает самого Мелваса в зеленом плаще: "Сон Мелваса под (или в) зеленым плащом". Сэр Джон Рон, сделавший этот перевод, отмечает, что другое прочтение у *glas glog* означает "зеленая беседка", в которую Мелвас отвел Гвенхивар.[285] В любом случае, это упоминание имеет большое значение и в сочетании с другими ссылками позволяет представить Белого Призрака или Фею и ее возлюбленного Мелваса как существ, подобных ирландским *сидхе* или людям богини Даны. И хотя мы ни в коем случае не исчерпываем все примеры, доказывающие эту точку зрения, мы переходим к седьмому и самому важному из наших звеньев в последовательности доказательств - переносу Артура на Авалон на корабле фей женщинами-феями.

С самого начала Артур находился под сверхчеловеческим руководством и защитой. Маг Мерлин, рожденный от духа или демона, завладел Артуром еще до рождения и стал его учителем впоследствии. От таинственной Леди Озера Артур получил свой волшебный меч *Экскалибур*[286] и вернул его ей через сэра Бедивера. Все время его пребывания на земле "леди озера, которая всегда была дружелюбна к королю Артуру"[287], наблюдала за ним; и однажды, когда она увидела, что он в большой опасности, подобно ирландскому *Морригу*, который руководил карьерой Кухулайнна, она попыталась спасти его и с помощью сэра Тристрама добилась успеха.[287] Переход Артура на Авалон или в Фаэри кажется

возвращением в его родное царство субъективности. С ним на корабле была его родная сестра, ибо она тоже из Невидимой страны[288], а еще одной из его спутниц в путешествии из видимого в невидимое была его хранительница жизни Нимуэ, Владычица Озера. Мерлин не мог быть в этой компании, ибо он уже был в Фаэрии с фей Вивиан. Вот как описывает кончину Артура Мэлори: "...и был он унесен на корабле, где находились три королевы: одна - сестра короля Артура, королева Морган ле Фей, другая - королева Нортгалиса, третья - королева Пустых земель. А еще там была Нимуэ, главная владычица озера, которая вышла замуж за Пеллеаса, доброго рыцаря; и эта владычица много сделала для короля Артура, ибо она никогда не допустит, чтобы сэр Пеллеас оказался в месте, где ему грозит опасность для жизни"[289] О возвращении великого Артура с Авалона мы расскажем в главе, посвященной Возрождению. А сейчас мы переходим от Артура и его Братства богов и фей к Ланселоту и его сыну Галахаду - двум главным рыцарям в артурианском романе.

Согласно одному из самых ранних рассказов о Ланселоте, немецкой поэме Ульриха фон Зациховена, проанализированной Гастоном Парисом, он был сыном короля Пант и королевы Кларины из Генуи.[290] Из-за ненависти своих подданных королевская чета была вынуждена бежать, когда Ланселоту был всего год. Во время бегства король, смертельно раненный, умер, а когда королеву собирались взять в плен, фея, поднявшаяся в облаке тумана, унесла младенца Ланселота с того места, где родители посадили его под деревом. Фея взяла его в свою обитель на острове посреди моря, откуда она получила титул Владычицы Озера, а он, как ее приемный сын, - имя *Ланселот дю Лак*; ее остров-мир назывался Страной Дев. Прожив в этом мире Фаэри так долго, Ланселот, естественно, должен был вырасти больше похожим на одну из его фей, чем на смертного. Несомненно, именно благодаря своей полусверхъестественной природе он влюбился в Белого Призрака, Гвенхивар, жену короля, обладавшего силой входить в Аид и возвращаться в страну живых. Кто, как не Ланселот, мог спасти королеву Артура? Никто другой при дворе не был так хорошо приспособлен для этой задачи. И именно он смог перейти по одному из волшебных мостов в потустороннее царство Мелвас, в то время как Гавэйн (в английском варианте - Gawayne) потерпел неудачу.

В повествовании Мэлори рассказывается, как Ланселот, страдая от безумия, вызванного тем, что Гвенхивар из ревности изгнала Элейн, его возлюбленную фею, - случай, совершенно аналогичный тому, что произошел с Кухулином, когда его жена Эмер изгнала его фею-любовницу Фанд, - сразился с диким кабаном и был страшно ранен, а затем его выхаживала его собственная Элейн в Стране фей, и Сангреал исцелил и вернул ему здравый рассудок. Затем сэр Эктор и сэр Персеваль нашли его на Радостном Острове, где он много лет наслаждался обществом Элейн, и из этого мира Фейри побудили его вернуться ко двору Артура. И, наконец, самый важный элемент, показывающий, как тесно связан Ланселот с миром фей и его обитателями и как неотделим от этого невидимого царства другой основополагающий элемент в жизни Артура - поиски Святого Грааля и история Галахада, который из всех рыцарей был достаточно чист и добр, чтобы увидеть Священный сосуд, и который был потомком приемного сына Владычицы Озера и феи Элейн[291].

В странной старой валлийской сказке о *Кулхвхе и Олвен* мы находим Артура и его рыцарей еще более тесно связанными с царством фей, чем у Мэлори и нормано-французских писателей; и это важно, потому что древняя сказка, как считают ученые, вероятно, гораздо более свободна от иноземного влияния и переработки, чем более известные романы об Артуре, и поэтому более соответствует подлинным кельтским верованиям и фольклору, как мы вскоре увидим. Двор короля Артура, к которому отправляется юноша Кулхвч в поисках помощи в своем предприятии, кажется в некотором роде - хотя параллель не настолько

полна, чтобы ее подчеркивать, - более художественным, чем литературное изображение того сказочного двора, который кельтский крестьянин размещает под горами, в пещерах, на холмах и в буграх, двора, вполне сравнимого с двором ирландских *сидхе* или Туатха Де Дананн. Артур представлен среди блестящей жизни, где, как и в сказочных дворцах, много пиров; и Кулхвч, приглашенный на пир, говорит: "Я пришел сюда не для того, чтобы есть мясо и пить".

И посмотрите, каких людей из того двора Кулхвч заложил ему, чтобы с их сверхъестественной помощью получить Олвен, которая, возможно, сама была феей, заколдованной феями[292]: сыновья Гваурддура Кирваха, , которых Артур имел власть вызывать из преисподней; Морвран, сын Тегида, которого из-за его уродства считали демоном; Сандде Брыд Ангел, который был так прекрасен, что смертные считали его ангелом-служителем; Хенбедестир, за которым никто не мог угнаться "ни верхом, ни пешком", и который поэтому кажется духом воздуха; Хенвас Адейнавг, с которым "ни один четвероногий зверь не мог пробежать расстояние в акр, а тем более выйти за его пределы"; Сгилти Искаундроед, который, должно быть, был еще одним духом или феей, потому что "когда он собирался отправиться с посланием к своему господину (Артуру, который подобен королю Туатха Де Дананн), он никогда не искал дорогу, но, зная, куда ему идти, если его путь лежал через лес, он шел по верхушкам деревьев", и "за всю его жизнь ни одна травинка не прогнулась под его ногами, а тем более ни одна не сломалась, так легко он ступал"; Гваллгойк, который "когда приходил в город, хотя в нем было триста домов, если ему что-нибудь было нужно, он не давал сна ни одному глазу, пока оставался там"; Осла Гиллелльваур, который носил короткий широкий кинжал, и "когда Артур и его войска оказывались перед потоком, они искали узкое место, где можно перейти воду, и клали кинжал в ножнах через поток, и получался мост, достаточный для армий трех островов Британии и трех соседних островов с их добычей." Кажется совершенно очевидным, что речь идет о волшебном мосте, так часто изображаемом мечом или кинжалом, который соединяет невидимый мир с нашим, и по которому все тени и духи свободно проходят туда и обратно. В этом случае мы думаем, что Артур, несомненно, является правителем царства духов, поскольку, подобно великому королю Туатха Де Дананн Дагде, он может повелевать его сказочными обитателями, а его армия - это армия духов или фей. Незвестный автор "*Кулхвча*", как и современный Спенсер в своей "*Королеве фей*", похоже, сделал остров Британия царством фей - кельтским потусторонним миром, а Артура - его королем. Но давайте посмотрим на тех, кто обещал Кулхвч из числа последователей Артура: Класт, сын Кластвейнада, обладавший столь необычными способностями яснослышания, что "даже если бы его похоронили на глубине семи локтей под землей, он услышал бы, как муравей за пятьдесят миль от него поднимается утром из своего гнезда"; и чудесный Кай, который мог прожить девять дней и девять ночей под водой, ибо его дыхание длилось так долго, и столько же времени он мог существовать без сна. Рану от меча Кая не мог залечить ни один лекарь". А по желанию он становился таким же высоким, как самое высокое дерево в лесу. И была у него еще одна особенность: так велика была теплота его натуры, что, когда шел сильнейший дождь, все, что он нес, оставалось сухим на сантиметр выше и на сантиметр ниже его руки; а когда его спутникам было холоднее всего, это было для них как топливо, которым они зажигали свой огонь".

Кроме всех этих странных рыцарей, Артур повелевает существом, которое, без всякого сомнения, является богом или правителем субъективного мира: "Гвинн аб Нудд, которого Бог поставил над выводком дьяволов в Аннуне, чтобы они не уничтожили нынешний род. Он никогда не будет пощажен". Что бы каждый из нас ни думал об этом удивительном собрании воинов и героев, признавших в Артуре своего вождя, они, конечно, не являются существами

обычного типа, - более того, они, похоже, не из этого мира, а из той скрытой земли, куда все мы однажды отправимся.[293] Но чтобы избежать слишком много догадок и с научной точностью сказать, как следует рассматривать Артура и этих его спутников, давайте проведем небольшое исследование мифологического характера и природы главного из них рядом с великим героем - Гвинном аб Нуддом. Профессор Дж. Лот сказал, что "ничто лучше не показывает эволюцию мифологических персонажей, чем история Гвинна";[294] а в ирландском языке мы имеем эквивалентную форму имени Нудд в имени Нуада, знаменитом тем, что у него была рука из серебра; а Нуада из Серебряной Руки был королем Туатха Де Дананн. Тот же авторитет описывает Гвинна, сына Нудда: "Гвинн, как и его отец Нудд, - древний бог бриттов и гэлов. Христианские священники сделали из него демона. Люди продолжали считать его могущественным и богатым королем, повелителем сверхъестественных существ"[295] А говоря о Гвинне, профессор Лот в своем раннем издании "Кулхвча" говорит: "У нашего автора была оригинальная идея: он оставил его в аду, куда христианство заставляло его спуститься, но по мотиву, который делает ему величайшую честь: Бог дал ему силу демонов, чтобы управлять ими и не дать им уничтожить нынешнюю расу людей: там он незаменим.[295] Леди Гостья называет Гвинна Королем Фаэри,[296] правителем *Tylwyth Teg* или "Семьи Красоты", которые всегда радостны и благосклонны к мертвым; а также правителем Эльфов (валлийский *Ellyllon*), расы гоблинов, которые с особым удовольствием вводят в заблуждение путешественников и разыгрывают озорные трюки с людьми. Говорят даже, что сам Гвинн предается тем же озорным забавам, что и его эльфийские подданные.

Приведенные свидетельства, кажется, ясно и определенно указывают на то, что Артур в своей истинной природе - бог субъективного мира, правитель призраков, демонов, демонических правителей и фей; что люди его двора больше похожи на ирландских *сидхе*, чем на смертных; и что как великий король он сравним с Дагдой, владыкой всех Туатха Де Дананн. Артур и Осирис, два культурных героя и боги солнца, как мы предположили вначале, поразительно параллельны. Осирис пришел из потустороннего мира в этот, стал первым божественным правителем и культурным героем Египта, а затем вернулся в потусторонний мир, где он теперь король. Отец Артура был правителем в потустороннем мире, и Артур, очевидно, пришел оттуда, чтобы стать Верховным чемпионом Брайтонов, а затем вернулся в то царство, откуда он свое происхождение, царство, которое поэты называли Авалоном. Уход Артура мистическим образом представляет собой закат солнца над Западным океаном: Артур исчезает под горизонтом в Нижнем мире, который также является Залами Осириса, где Осирис путешествует между закатом и восходом, между смертью и возрождением. Мерлин нашел младенца Артура, плывущего по волнам: солнце, восходящее над водами, - это рождение Артура, рождение Осириса. В главе "Перерождение" будут приведены доказательства того, что Артур как культурный герой должен рассматриваться как бог-солнце, воплотившийся в человеческом теле, чтобы научить бриттов искусствам, наукам и тайным вещам - подобно тому, как Прометей и Зевс, как говорят, пришли на землю, чтобы научить греков; и что как воин шестого века Артур, в соответствии с кельтской доктриной перерождения, является древним бриттским героем-реинкарнатом.

Литературная эволюция и древность брайтонских сказочных романов

После нормандского завоевания Англии в 1066 году древние сказочные романы бритонов начали оказывать свое замечательное литературное влияние, как мы видим это сейчас в развитии Артурианской легенды. И в этой эволюции артурианской легенды мы находим

доказательство древности британской веры в фей, так же как в старых ирландских манускриптах мы находим доказательство древности гэльской веры в фей.

Задолго до 1066 года Гильдас в своем *"De Excidio et Conquestu Britanniae"* дает первые зафиксированные зачатки артурианской истории, хотя они едва различимы как таковые. Его неупоминание имени Артура, хотя речь идет о целом периоде, когда Артур, как предполагается, жил, и он сам был современником этого периода, поднимает очень сложный вопрос, о котором мы уже упоминали: имел ли могучий бритунский герой когда-либо реальное историческое существование? Почти триста лет спустя - период, достаточно удаленный от Гильдаса, чтобы сделать Артура верховным чемпионом падающих бриттов, если допустить, что он действительно существовал в шестом веке как бриттский вождь - в *Historia Britonum*, законченной около 800 года и приписываемой Неннию, Артур, впервые в известной рукописи, упоминается как персонаж британской истории. [Все, что можно определенно сказать о повествовании Ненния, "это то, что оно представляет собой более или менее непоследовательные британские традиции неопределенного возраста"] [297]. Доктор Р. Х. Флетчер говорит: "Всегда есть вероятность, что Артур вообще никогда не существовал, и что даже сравнительно скромный панегирик Ненния не имеет более прочной основы, чем устойчивые истории древнего кельтского мифа или патристические фантазии пылкого кельтского воображения" [298] Сэр Джон Рон также придерживается аналогичного мнения. [299] Так, например, Ненний утверждает, что Артур в одной битве сразил одной рукой более девяти сот человек; и еще, что число всегда успешных битв Артура было двенадцать, как будто Артур был солнцем или богом солнца, а его битвы - двенадцатью месяцами солнечного года [298].

Между Неннием и Джеффри Монмутским находится промежуточный этап в развитии артурианской легенды, во время которого характер Артура становится более романтическим; но для нашей цели этот период не имеет большого значения. После этого, благодаря знаменитой *"Истории Британской империи"* Джеффри, написанной около 1136 года, артуровская легенда приобрела популярность во всей Западной Европе. В этом произведении Артур перестает быть чисто историческим и предстает как великий король, окутанный мифической атмосферой кельтского героя, а вместе с ним Мерлин и Лир впервые определенно закрепляются в литературе Британии. [300] Карьера Артура полностью описана в *Historia*, от рождения до его таинственного отъезда на остров Авалон после последней битвы с Модредом, когда феи забирают его, чтобы вылечить от ран (Книга XI, 1-2). Джеффри, таким образом, отец артуровской легенды в английской и европейской литературе, несомненно, был валлийцем, который, вероятно, имел естественные возможности узнать истинный характер Артура из подлинных бриттских источников, хотя мы мало знаем о его жизни. Его *"История"*, как показали исследования ученых, была в его время суммой всех артуровских историй и мифов, как письменных, так и передаваемых из уст в уста, которые он смог собрать; точно так же, как *"Морте д'Артур"* Мэлори был сборником артуровских материалов во времена Эдуарда IV.

Последовало множество подражаний и переводов *"Истории"*. Самый значительный из них появился в 1155 году, *Le Roman de Brut* или *"История Брута"*, написанная нормандским поэтом Уэйсом. Хотя *"Брют"* и является по сути рифмованной версией *"Истории"*, это гораздо больше, чем просто перевод: Уэйс усовершенствовал ее, и создается убедительное впечатление, что он имел доступ к кельтским артурианским историям, не использованным Джеффри, поскольку он вносит новые штрихи в рассказ о Гавейне, упоминает об ожидании бриттами возвращения Артура из Фаэрии и об учреждении Круглого стола [301].

Где-то в 1200 году Лайамон, простодушный саксонский священник, написал еще один *Brut*, основанный на метрическом труде Уэйса; и в литературе Англии труд Лайамона - самое ценное произведение между Завоеванием и Чосером. Жизнь Лайамона очень туманна, но кажется достаточно уверенным, что долгое время он жил в валлийских походах в Северном Вустершире, в окружении живых бриттских традиций, которые он использовал из первых рук; и, как результат, мы находим в его "*Бруте*" легенды, не записанные ни у Джеффри, ни у Уэйса, ни в какой-либо более ранней или современной литературе. Для наших целей наиболее интересными из многих интересных дополнений, сделанных Лайамоном, являются любопытные отрывки о феях-эльфах во время рождения Артура и о том, как Артур был доставлен ими к своей королеве Арганте в Авалон, чтобы вылечиться от ран: - "Пришло время, которое было выбрано, тогда родился Артур. Как только он появился на земле, эльфы взяли его; они заколдовали ребенка в волшебство, самое сильное; они дали ему силу, чтобы он был лучшим из всех рыцарей; они дали ему другое, чтобы он был богатым королем; они дали ему третье, чтобы он жил долго; они дали ему добродетели принца, самые хорошие, чтобы он был самым щедрым из всех живущих людей. Это дали ему эльфы, и таким образом ребенок процветал"[302].

В последней смертельной битве Модред убит, а Артур тяжело ранен. Когда Артур лежит раненый, к нему приходит Константин, сын Кадора, граф Корнуолла и родственник Артура. Артур приветствует его такими словами: "Константин, ты желанный гость; ты был сыном Кадора. Я отдаю тебе здесь свое королевство..... И я отправлюсь в Авалун, к прекраснейшей из дев, к королеве Арганте, эльфийке прекраснейшей, и она залечит все мои раны, сделает меня целым с помощью целебных сквозняков. И после этого я приду [снова] в свое королевство и буду жить с бриттами с нежной радостью". И при этих словах с моря подошла короткая лодка, плывущая по волнам, а в ней две женщины, чудесно сложенные; и они вскоре взяли Артура, и быстро вынесли его, и положили на мягкое дно, и ушли. И тогда свершилось то, о чем говорил Мерлин, что о том, что Артур уйдет, должно быть мало заботы (печали). Бритты верят, что он жив и обитает в Авалуне с прекраснейшей из эльфов; и бритты еще ждут, когда Артур вернется"[303].

В этот же период Гиральдус Камбрэнсис (1147-1223) в своем "*Itinerarium Cambriae*" (Книга I, с. 8) собрал популярную потустороннюю сказку. В ней рассказывается о священнике по имени Элидорус, который, будучи мальчиком в Гоуэре, западном районе Гламорганшира, свободно перемещался между нашим миром и подземной страной, населенной расой маленьких людей, говоривших на языке, похожем на греческий. Это доказывает, что вера в фей в то время процветала среди жителей Уэльса.

В основном в XII и XIII веках артуровская легенда как литературное произведение начала приобретать определенные очертания. Старые романы Брайтонов культивировались и пересматривались, записывались мужчинами и женщинами с литературным гением. Кретьен де Труа, записавший большое количество легендарных историй в стихах, Мари де Франс, известная своими "*Лаис*", Томас, автор главной версии легенды о *Тристане*,[304] Бероль, записавший менее важную версию этой легенды,[305] и Робер де Борон, который много сделал для развития легенды о Святом Граале, были одними из самых великих деятелей французского кельтского возрождения этого времени.

Профессор Браун показал, что "почти каждое происшествие в "*Ивене*" Кретьена было подсказано древней кельтской сказкой, связанной со знакомой темой путешествия за феей в потусторонний мир"[306] Фей, на которой женится Ивен, зовут Лаудин; и, как у одной из фей, живущих в священных водах, у нее есть свой любимый фонтан, который рыцарь охраняет, словно Черный рыцарь в старой валлийской сказке о *Леди Фонтана*. Гастон Парис

и Альфред Натт также признали сказку об *Ивене* сказочным романом.[307] Профессор Лот замечает: "Не исключено, что Кретьен знал среди сказочных легенд армориканские легенды о феях вод, роль которых идентична роли валлийской *Tylwyth Teg*".[308]

В *Ланвале*, одной из "*Лаис*"[309] Мари де Франс, написанной в двенадцатом веке, вероятно, когда ее автор жил в Англии, мы имеем прямое доказательство того, что в то время в Бретани процветала - хорошо известная Мари де Франс, которая была француженкой по рождению и воспитанию - популярная вера в женщин-фей, которые жили в потустороннем мире и могли *забирать* смертных, на которых падала их любовь. Вполне вероятно, что более древняя легенда, на которую ссылается Мари де Франс в начале своего "*Ланваля*", могла быть анонимной легендой *Граэлент*, которую иногда неправильно приписывают ей. Циммер и Фоерстер относят происхождение *Граэлента* к Бретани[310]; а сходство героев двух поэм, по-видимому, объясняется очень древней бриттской верой в фею. Доктор Шовилл видит в *Граэленте* более древнюю форму более совершенного *Ланваля*; и замечает, что главное различие в этих двух *лаисах* заключается в том, как герой встречается с женщинами-феями. В случае с *Ланвалем*, когда он покидает двор, он идет отдохнуть у реки, где к нему приходят две прекрасные девы; Граэлент же остается один в лесу, когда видит белее снега оленя, и, следуя за ним, приходит к месту, где феи купаются в фонтане. Нет сомнений, что в обеих поэмах девы и девицы - феи, подобные Туатха Де Дананн, способные околдовывать прекрасных юношей, которых они хотят заполучить в мужья. В "*Гуингеморе*", еще одном из старых бретонских сказаний, приписываемом Гастоном Парисом Марии де Франс, мы снова находим феерические эпизоды, подобные тем, что были в "*Ланвале*" и "*Граэленте*".[311] У "*Лаис*" Марии де Франс было много подражателей в Англии. Чосер тоже дал понять, что знал многое о старых бретонских *лаисах* и их сюжетах или "материях", поскольку в прологе к "*Повести о Франкелейне*" он пишет: "...

Эти старые добрые англичане в свои дни
Of diverse adventures maden layes,
Rymeyed in hir firste Briton tonge.

Теперь мы можем кратко рассмотреть в общих чертах некоторые из наиболее примечательных старофранцузских сказочных романов, родственных британским или артурианским, называемых *Romans d'Aventure* и *Romans Bretons*, в которых появляются или упоминаются феи: т. е. *Le Bel Inconnu*, *Blancadin*, *Brun de la Montaigne*, *Claris et Laris*, *Dolopathos*, *Escanor*, *Floriant et Florete*, *Partonopeus*, *La Vengeance Raguidel*, *Joufrois*, and *Amada et Ydoine*. [312] В этих романах феи обычно появляются как самые красивые сверхъестественные женщины, которые любят смертных героев. Их видят преимущественно ночью, они часто посещают леса и фонтаны и, как и все феи, исчезают во время петухов или до них. Они искусны в магии и астрологии; подобно греческим судьбам, некоторые из них прядут и ткут, оказывая огромное влияние на жизнь человечества. Они представлены как относительно бессмертные, настолько велика продолжительность их жизни по сравнению с нашей; но, в конечном счете, они, по-видимому, подвержены изменениям, которые мы называем смертью. Об этом никогда не говорится конкретно, а лишь подразумевается, когда говорится, что они наслаждаются детством, а затем женственностью, будучи, таким образом, сотворенными, а не вечными существами. Некоторые из них - весьма заметные фигуры, например *Моргейн ла Фе*, сестра Артура. В большинстве случаев они благосклонны и часто выступают в роли духов-хранителей для своего героя, как Леди Озера для Артура и *Морригу* для Кухулайнна. Вера в этих *фей* настолько сильна, что человек, добившийся необычного успеха, часто описывается как *féed* - то есть наделенный силой фей или находящийся под покровительством фей, как утверждает противник Персеваля, Рыцарь

Дракона.[313] В *Жуфруа* тоже считается, что сила фей или особое покровительство Бога являются причиной успеха в оружии.[314] В *"Брюне де ла Монтене"* *Моргейн ла Фее* представлена как кузина Артура; а Бутор, отец Брюна, упоминает несколько местностей в разных землях, которые, как и Броселианский лес в Бретани, главный театр этого романа, являются прибежищем фей; он называет их как находящиеся под властью Артура, который описывается как великий король фей.[315]

Такие сказочные романы, как приведенные выше (а это лишь несколько примеров, выбранных из огромного числа), часто локализованные в Бретани, поднимают недоуменную и далеко идущую проблему происхождения "Материи Британии". Наиболее разумной позицией по отношению к этой проблеме представляется то, что кельтские традиции процветали везде, где жили гэлы и бритоны, что между одной кельтской страной и другой, особенно между Уэльсом и Ирландией и через канал между Бретанью и Южной Англией, включая Корнуолл и Уэльс, существовал значительный взаимообмен этими традициями как до, так и после христианской эры. Более того, артурианские сказочные романы, основанные на таких взаимозаменяемых кельтских традициях, выросли на бриттском фоне, главным образом после нормандского завоевания, как в Арморике, так и в Британии, и стали в позднее Средневековье одной из главных слав английской и европейской литературы.

Завершая это небольшое исследование бриттских сказочных романов, мы можем очень коротко рассказать на нескольких избранных примерах о том, какими являются феи в историях *"Мабиногиона"* и в *"Четырех древних книгах Уэльса"*. *Кулхвч и Олвен*, главная литературная сокровищница древних магических и мистических потусторонних и сказочных традиций бритонов, которую мы уже рассматривали в связи с Артуром, "кажется, построена на артурианских и других легендах местного происхождения. Безошибочные валлийские параллели с ирландским верованием в фей появляются в *"Мабиноги"* *Пвила, принца Дифеда*, где главными событиями являются путешествие Пвила в потусторонний мир после того, как он и его правитель Араун в течение года обменивались формами и королевствами, и женитьба Пвила на фее; в *"Мабиноги Манавыддана"*, где содержится много магии и превращений, а также описание замка фей, принадлежащего Ллвиду; и в *"Мабиноги Бранвен, дочери Ллира"*, где есть эпизод семилетнего пира в Харлехе над головой Брана, во время которого птицы царства Рианнон поют так сладко, что время проходит ненормально быстро. Предметом четырех подлинных *"Мабиногионов"* (составленных до XI века), как отмечает сэр Джон Рон, являются судьбы трех кланов сверхчеловеческих существ, сравнимых с ирландскими Туатха Де Дананн: (1) Детей Ллира, (2) Детей Дона, (3) и Семьи Пвилла.[317] Таким образом, древние гэльские и бриттские сказочные фейты совпадают и демонстрируют единство кельтской расы, которая их породила.

В *"Четырех древних книгах Уэльса"*, которые являются поэтическими произведениями, в то время как сказки *"Мабиногиона"* - это проза с очень небольшим количеством стихов, есть несколько интересных отрывков, иллюстрирующих древнюю веру фей Брайтонов из самых чистых ее источников. Первый пример взят из *Черной книги Каермартена*. Это стихотворение, иногда называемое *Авалленау*, из числа стихов, относящихся к битве при Ардеридде; оно представляет *Мирддина* или Мерлина, знаменитого мага Артура, во власти спрайтов. Этот отрывок интересен тем, что показывает: в регионе, где Мерлин должен был находиться под чарами феи Вивиан, он считался уже неспособным осуществлять свой благородный контроль над духами, подобными феям. Как в древних некейтских верованиях, где потеря целомудрия у мага, то есть у того, кто способен повелевать определенными порядками невидимых существ, всегда приводит к тому, что он попадает под их незаконную

власть, так было и с Мерлином, когда его одолела Вивиан. И вот как оплакивает себя Мерлин:...

Десять лет и сорок, как игрушка беззаконников,

Я блуждал во мраке среди спрайтов.

После богатства в изобилии и развлечений менестрелей,

Я пробыл [здесь так долго, что] бесполезно мраку и спрайтам сбивать меня с пути"[318].

В диалоге между Мирддином и его сестрой Гвенддидд, содержащемся в *Красной книге Хергеста I*, [319] есть любопытное упоминание о горных призраках, которые, подобно феям, живущим в горах, похищают разум у людей, когда *поражают* их, - в смерти, которая может казаться естественной, в болезни или в несчастном случае. А после смерти - после того, как его *забрали* эти призраки горы - Мирддин возвращается в виде призрака и говорит из могилы пророчество, которое "призрак горы в Абер Караве"[320] сказал ему. Эти отрывки не только доказывают, что кельтская вера в призраков и фей существовала в Уэльсе издревле; они также показывают, что записанная вера в фей у бритонов, как и у гэлов Ирландии и Шотландии, прямо свидетельствует и подтверждает нашу психологическую теорию. Подобно записям из официальных протоколов Общества психических исследований, они являются одним из самых убедительных доказательств того, что феи, призраки и тени были смешаны, все одинаково, в сознании валлийского поэта, смешиваясь вместе в том царстве, где смертные видят новым зрением и существуют в невидимом для нас теле.

Изучение литературной эволюции бриттских сказочных романов показывает, что уже примерно в 800 году артурианские традиции были известны, хотя, возможно, сам Артур никогда не существовал в истории. Примерно к 1136 году, когда появилась знаменитая "*История*" Джеффри, эти традиции уже получили большое развитие в Британии, а Артур стал великим бриттским героем, окутанным ореолом романтики и мифа, и, как потустороннее существо, был определенно связан с Авалоном и его сказочными обитателями. Этот новый литературный материал кельтского происхождения, открытый для Европы Джеффри, быстро начал оказывать глубокое влияние на форму континентальной, а также английской поэзии и прозы, главным образом через писателей нормандско-французского периода двенадцатого и тринадцатого веков. Сама по себе она ничем принципиально не отличалась от того, что мы находим в качестве сказочных романов в старых ирландских рукописях, написанных в тот же и более ранние периоды. Уэльская литература, как бы она ни была связана с ирландской, имеет с ней общее происхождение. Четыре подлинных "*Мабиногиона*" в виде рассказов датируются ранее 1100 года; "*Кулхвч и Олвен*" в его нынешнем виде, скорее всего, относится ко второй половине двенадцатого века; "*Четыре древние книги Уэльса*" в виде рукописей датируются двенадцатым-пятнадцатым веками. Как в древние, так и в современные времена между ирландскими гэлами и бритонами происходил большой обмен материалами; Бретань, а также Британия и Ирландия, несомненно, внесли свой вклад в развитие сложных сказочных романов, которые стали зародышем Артуровской легенды.

Когда мы задумываемся о том, сколько времени потребовалось британской вере фей, а также вере гэлов, чтобы стать настолько распространенной и популярной среди кельтских народов, что она смогла принять такую определенную форму, какую она сейчас демонстрирует во всех древнейших рукописях на разных языках, мы легко забредаем в эпохи просвещения и цивилизации за горизонт наших маленьких фрагментов записанной истории. Кто может сказать, сколько веков назад вера в фей начала свою первую эволюцию, или кто может сказать, что когда-либо существовал кельт, который не верил в фей или не знал о них?

РАЗДЕЛ II

ЗАПИСАННАЯ ВЕРА В ФЕЙ

ГЛАВА VI

ПОТУСТОРОННИЙ МИР КЕЛЬТОВ[321]

В Ирландии этот мир и мир, в который мы попадаем после смерти, не так уж далеки друг от друга. Б. Йитс.

Многие отправляются в Тир-на-Ног во сне, а некоторые, как говорят, остаются там, и после них остается лишь пустая форма без света в глазах, свидетельствующего о присутствии души. Е.

Общие представления о потустороннем мире: его местоположение; его субъективность; его имена; его протяженность; Тетра - один из его царей - Серебряная ветвь и Золотая ветвь; и инициации - потусторонний мир - рай - мир всех религий - путешествие Брана-Кормака в Страну Обетованную - волшебные жезлы - больная постель Кухулина - возвращение Оссиана из Фейриленда - уход Ланваля в Авалон - путешествие Маэля-Дуина - путешествие Тейгу - приключения Арта - потусторонние походы Кухулина и Артура - литературная эволюция идеи счастливого потустороннего мира.

Общее описание

Небесный мир древних кельтов, в отличие от христианского, располагался не в каком-то далеком, неизвестном регионе планетарного пространства, а здесь, на нашей собственной земле. Поскольку этот мир был субъективным, поэты могли описывать его лишь в более или менее туманных терминах, а его точное географическое положение, соответственно, сильно варьировалось в сознании переписчиков от века к веку. Иногда, как это принято сегодня в сказках, это был подземный мир, проникающий в пещеры, или холмы, или горы, и населенный множеством рас и порядков невидимых существ, таких как демоны, тени, феи или даже боги. А подземный мир *сидхе-фолков*, который невозможно отделить от него, был разделен на районы или королевства под властью различных королей и королев фей, как и верхний мир смертных. Мы уже знаем, как Туатха Де Дананн, или *Сидхе-фолк*, после поражения от Сынов Мила в битве при Таилте удалились в этот подземный мир и заняли свои дворцы под зелеными холмами и долинами Ирландии; и как оттуда, будучи богами урожая, они все еще продолжали осуществлять власть над своими завоевателями или объединяли

своих невидимых духов-покровителей в войне с феями, а иногда вмешивались в войны людей.

Чаще всего в старых ирландских рукописях кельтский потусторонний мир располагался посреди Западного океана, как бы являясь "двойником" потерянной Атлантиды;[\[322\]](#) и Мананнан Мак Лир, Сын Моря - возможно, сам "двойник" древнего короля атлантов - был одним из божественных правителей его сказочных обитателей, и его дворец, поскольку он был одним из Туатха Де Дананн, находился там, а не в Ирландии; а когда он путешествовал между двумя странами, то на волшебной колеснице, запряженной лошадьми, которые двигались по морским волнам, как по суше. А женщины-феи приплывали из того срединного атлантического мира на волшебных лодках, похожих на лодки духов, чтобы очаровать тех смертных, которых они выбирали по своей любви, или чтобы забрать великого Артура, раненного до смерти. И не было в том островном мире ни смерти, ни боли, ни скандала, ничего, кроме бессмертной и неувядающей молодости, бесконечной радости и пиров.

И все же через редкие промежутки времени Ну Brasil, словно фантом, появляется далеко в Атлантике. Говорят, что не далее как летом 1908 года его видели из Западной Ирландии, как и тот странный невидимый остров близ Иннишмюррея, населенный невидимым "дворянством", - раз в семь лет. И слишком много людей, обладающих интеллектом, свидетельствуют, что видели Ну Brasil в один и тот же момент, когда они были вместе или порознь, как летом 1908 года, чтобы это можно было объяснить обычной иллюзией чувств. Не может это быть и миражом, как мы знаем, потому что ни форма, ни положение этого миража не соответствуют ни одному известному острову или массиву суши. Кельтский потусторонний мир подобен тому скрытому царству субъективности, лежащему сразу за горизонтом земного существования, которое мы не можем увидеть, когда хотели бы, кроме как мистическим зрением ирландского провидца. Так, в легенде о друзьях Брана, которые семь лет сидели за ужином в Харлехе с головой Брана, в качестве музыкантов выступали три диковинные птицы, Три Птицы Рианнон, которые, как говорят, поют мертвых к жизни и живых к смерти; - но птицы были не в Харлехе, а за морем, в атмосфере царства Рианнон в лоне Кардиганского залива.[И хотя мы можем сказать об этом потустороннем мире, как мы узнаем из этих Трех Птиц Рианнона, и как сказал бы Сократ, что его обитатели происходят от живых, а живые в нашем мире - от мертвых, все же, как уже было сказано в [главе iv](#), мы не должны думать ни о *народности сидхе*, ни о таких великих героях и богах, как Артур, Кухулайнн и Финн, которые также входят в его невидимую компанию, как о полусознательных тенях, в каком-либо смысле; Ибо они всегда представлены как находящиеся в полной мере в существовании и сознании, превосходящем наше собственное.

В ирландских рукописях потусторонний мир за океаном носит множество имен. Это *Tír-na-nog*, "Земля юности"; *Tír-Innambéó*, "Земля живых"; *Tír Tairngire*, "Земля обетования"; *Tír N-aill*, "Другая земля (или мир)"; *Mag Mór*, "Великая равнина"; а также *Mag Mell*, "Равнина согласная (или счастливая)".

Но этот западный потусторонний мир, если мы считаем его поэтической картиной великого субъективного мира, не может быть царством какой-либо одной расы невидимых существ, исключая другую. В нем находят свое пристанище все - боги, Туатха Де Дананн, феи, демоны, тени и всевозможные развоплощенные духи; и хотя он, кажется, окружает и взаимопроникает эту планету, как рентгеновские лучи взаимопроникают материю, у него не может быть иных границ, кроме границ самой Вселенной. А то, что это не исключительное царство, можно с уверенностью утверждать на основании того, что наши старые ирландские рукописи сообщают о расе фоморов. [324\]](#) Они, потерпев поражение на поле битвы при Мойтуре от рук Туатха Де Дананн, полностью ушли из Ирландии, поскольку их поражение

было окончательным, и вернулись в свою невидимую страну - таинственный край за океаном, где мертвые обретают новое существование и где правит их бог-король Тетра, как прежде он правил в этом мире. И женщины-феи царства Тетры, подобно тем, что пришли из Туатха Де Дананн Эрина или из океанского мира Мананнана, завлекали смертных, чтобы те отправились с ними и стали героями под началом их короля, и чтобы увидеть там собрания предков. Одна из них пришла к Коннлу, сыну Конна, верховному королю Ирландии, и вот что она ему сказала: "Бессмертные приглашают тебя. Ты станешь одним из героев народа Тетры. Тебя всегда можно будет увидеть там, на собраниях твоих предков, среди тех, кто знает и любит тебя". И, наложив на себя чары феи, юный принц вошел в стеклянную лодку женщины-феи, а его отец-король в великом горе и удивлении смотрел, как они исчезают в водах, чтобы никогда не вернуться"[324].

Серебряная ветвь[325] и Золотая ветвь

Чтобы попасть в потусторонний мир до назначенного часа, отмеченного смертью, часто требовался паспорт, и обычно это была серебряная ветвь священной яблони с цветами или плодами, которую королева Страны вечно живых и вечно юных дарит тем смертным, которых она желает в спутники; хотя иногда, как мы увидим, это было одно яблоко без ветки. Дары королевы служат не только паспортами, но и едой и питьем для смертных, которые идут с ней. Часто яблоневая ветка издает такую успокаивающую музыку, что смертные, услышав ее, забывают обо всех бедах и даже перестают горевать о тех, кого *забирают* феи. Для нас нет более важных эпизодов, чем те, что описаны в древних эпосах о талисманах из яблони, потому что в них мы находим некий ключ, открывающий тайну того мира, из которого приносят талисманы, и доказывающий, что это такое же место, как и потусторонний мир у греков и римлян. Давайте же воспользуемся ключом и проведем несколько сравнений между Серебряной ветвью кельтов и Золотой ветвью древних, ожидая, что эти два символа, естественно, будут отличаться по своим функциям, хотя и не принципиально.

С самого начала очевидно, что Золотая ветвь была такой же собственностью царицы подземного мира под названием Аид, как Серебряная ветвь - даром кельтской королевы фей, и, как и Серебряная ветвь, она, похоже, была символической связью между тем миром и этим, предлагаемой в качестве дани Прозерпине всеми посвященными, которые совершали мистическое путешествие в полном человеческом сознании. И, как мы подозреваем, даже в древних кельтских легендах о смертных, совершающих странное путешествие в западный потусторонний мир и вновь возвращающихся в этот мир, может быть отголосок обрядов инициации - возможно, друидических - аналогичных обрядам Прозерпины, как показано в путешествии Энея, которое, как его описывает Вергилий, несомненно, является поэтической передачей реального психического опыта великого посвященного.

В классической поэме Вергилия сивилла повелела сорвать священную ветвь, которую должен был нести Эней, когда входил в подземный мир; ведь без такой ветви, сорванной у входа в Авернус с дивного дерева, священного для inferнальной Юноны (то есть Прозерпины), никто не мог войти в царство Плутона.[326] А когда Харон отказался переправить Энея через Стигийское озеро, пока женщина-сибил не достала из своего лона, где она его спрятала, Золотую Ветвь, она становится паспортом в Аид, так же как Серебряная Ветвь, которую несет женщина-фея, является паспортом в *Tír H-aíl*; и женщина-сибил, которая провела Энея в греческий и римский потусторонний мир, занимает место женщины-феи, которая ведет смертных, подобных Брану, в кельтский потусторонний мир[327].

Буквальное толкование идеи потустороннего мира

Когда эта параллель между потусторонним миром кельтов и древних, казалось бы, установлена, мы можем оставить поэтические образы и искать буквальное толкование анимистических представлений об этих царствах. Обряды Прозерпины, проводимые в мистериях древности, предоставляют нам средства; а в том, что написал Сервий, мы имеем готовый материал.^[328] Взяв букву Y, которая, по словам Пифагора, подобна жизни с ее разделяющими путями добра и зла, как мистический символ ветви, которую все посвященные, подобно Энею, предлагали Прозерпине в субъективном мире, находясь там вне физического тела, он говорит об обрядах посвящения: "Он (поэт) не мог присоединиться к обрядам Прозерпины, не имея ветви, чтобы держаться за нее". И под *"уходом в тень"* он (поэт) подразумевает празднование обрядов Прозерпины.^[328] Этот отрывок, безусловно, может иметь только одно значение; и мы можем предположить, что невидимое царство древних, называемое Аидом, подобно кельтскому потустороннему миру, расположенному в Западном океане, а также подобно или имеет свой мифологический аналог в Елисейских полях на западе, отведенных греками и римлянами для своих богов и героев, и в счастливом потустороннем мире скандинавской, иранской и индийской мифологий. Отсюда следует, что все эти царства - хотя и размещенные в разных местах различными народами, эпохами, традициями, писателями и поэтами (даже как подземный мир Туатха Де Дананн в Ирландии отличается от того, которым управляет один из представителей их расы, Мананнан Сын Моря) - просто различные способы, которыми различные арийские народы смотрели на одно великое невидимое царство, о котором мы только что говорили и которое образует Небесный мир каждой религии, арийской и неарийской, известной человеку. И если принять этот вывод, а кажется, что он должен быть принят, только на основании литературных или записанных кельтских фей-верий, то наша психологическая теория будет доказана.

Обряды Прозерпины имели множество аналогов. Так, если перейти к другой параллели, то в Элевсинских мистериях исчезновение Девы в подземный мир, в Аид, страну мертвых, постоянно воспроизводилось в священной драме, и это, несомненно, было одним из главных обрядов, сопровождавших инициацию. В нашем исследовании кельтской доктрины возрождения мы вернемся к этой теме кельтской инициации.

Путешествие Брана, сына Фебала

Теперь мы готовы насладиться самыми известными путешествиями, которые, как говорят, люди, герои и боги совершали в Авалон, или Страну Живых, по приглашению женщины-феи или самого бога Мананнана; и, вероятно, самым известным является *"Путешествие Брана, сына Фебала"*, так восхитительно переведенное с оригинальной древнеирландской саги доктором Куно Мейером. ^{329]} Возможно, во всей кельтской литературе нет поэмы, превосходящей эту по естественной и простой красоте.

Однажды Бран услышал позади себя странную музыку, когда он был один в окрестностях своей крепости; когда он прислушался, звук был так сладок, что убаюкал его и усыпил. Когда он проснулся, рядом с ним лежала ветка серебра, такая белая от цветов, что нелегко было отличить цветы от ветки. Бран взял ветку и отнес ее в королевский дом, и когда хозяева собрались там, то увидели, что на полу стоит женщина в странном одеянии. Откуда она пришла и как, никто не мог сказать. И когда все увидели ее, она пропела Брану пятьдесят четверостиший:.

Ветвь яблони из Эмайна
Принесла я, как и те, кто знает;
Ветки из белого серебра на ней,
Хрустальные брови с цветами.

Есть далекий остров,
Вокруг которого сверкают морские кони:
Против белой волны - честный путь.
Четыре фута его поддерживают.

Когда песня была закончена, "женщина ушла от них, а они не знали, куда она ушла. И взяла она с собой свою ветку". Ветка перескочила из руки Брана в руку женщины, и не было сил у Брана удержать ветку". На следующий день, наложив на себя чары феи, Бран пускается в плавание навстречу заходящему солнцу. На берегу океана он встречает Мананнана, несущегося на своей волшебной колеснице над морскими волнами, и король говорит Брану, что он возвращается в Ирландию спустя долгие века. Расставшись с Сыном Моря, Бран отправляется дальше, и первый остров, которого он достигает вместе со своими спутниками, - "Остров Радости", где одного из них высаживают на берег; второй остров - "Земля Женщин", где королева увлекает Брана и его последователей в свое царство с помощью волшебного ключа, а затем развлекает их в течение, кажется, не более года, хотя "это было много лет". Через некоторое время искателей приключений охватывает тоска по дому, и они единодушно решают вернуться в Ирландию, но отправляются в путь под страхом табу - не ступать на землю, по крайней мере, пока их не окропят святой водой. В своем корабле они прибывают на собрание в Сруб Брейн, вероятно, в Западном Керри, и Бран (которого теперь, возможно, считают призраком, временно вернувшимся из потустороннего мира, чтобы попрощаться со своим народом) объявляет о себе, на что ему отвечают: "Мы не знаем такого человека, хотя "Путешествие Брана" есть в наших древних историях". Тогда один из участников путешествия Брана, стремясь высадиться на берег, нарушает запрет: он "выпрыгивает из корабля". Едва он коснулся земли Ирландии, как тут же превратился в кучу пепла, словно пролежал в земле много сотен лет..... После этого, собравшимся людям, Бран рассказал обо всех своих странствиях с самого начала и до этого времени. И написал он эти четверостишия на огаме, а затем попрощался с ними. И с того часа его странствия не известны".

Приключение Кормака в Земле Обетованной[330]

В "*Приключении Кормака в Земле Обетованной*" снова есть волшебная серебряная ветвь с тремя золотыми яблоками на ней: "Однажды, на рассвете в мае, Кормак, внук Конна, был один на Мура Чай в Таре. Он увидел, что к нему приближается седой седоголовый воин..... На плече у него серебряная ветвь с тремя золотыми яблоками. Слушать музыку этой ветви было наслаждением и забавой, ибо мужчины, получившие ранения, или женщины в детских кроватках, или люди в болезни засыпали под мелодию, когда трясли эту ветвь". И воин говорит Кормаку, что он пришел из страны, где знают только правду, где "нет ни возраста, ни упадка, ни мрака, ни печали, ни зависти, ни ревности, ни ненависти, ни надменности". Пообещав неизвестному воину любые три блага, о которых он попросит, Кормак получает волшебную ветвь. Седоголовый воин внезапно исчезает; "и Кормак не знал, куда он ушел".

Кормак повернул во дворец. Домашние дивились ветке. Кормак потряс ею над ними и погрузил их в дремоту с того часа до того же времени на следующий день". По истечении года воин пришел на собрание и попросил у Кормака вознаграждения за свою ветвь. "Да будет так", - говорит Кормак. "Я возьму [твою дочь] Эйлбе сегодня же", - говорит воин. И он взял девушку с собой. Женщины Тары трижды громко кричали о дочери короля Эрина. Но Кормак потряс над ними веткой, так что изгнал из них печаль и погрузил в сон. В тот день пришел месяц-воин и взял с собой Карпре Лайфхейра (сына Кормака). Плач и печаль не прекращались в Таре после мальчика, и в ту ночь никто в ней не ел и не спал, и были они в печали и в большом унынии. Но Кормак потряс над ними веткой, и они разошлись от своей печали. Тот же воин приходит снова. "О чем ты просишь сегодня?" - говорит Кормак. "Жену твою, - говорит он, - Этну Длиннобокую, дочь Данланга, короля Лейнстера". Затем он уводит женщину с собой". После этого Кормак следует за гонцом, и все его люди идут с ним. Но "посреди равнины у стены их настиг сильный туман". Кормак оказался на великой равнине один". Это "Земля обетованная". Там стоят дворцы из бронзы и дома из белого серебра, крытые крыльями белых птиц. Затем он видит в саду сияющий фонтан, из которого вытекают пять ручьев, и хозяева по очереди пьют его воду. Над колодцем растут девять орешников Буана. Пурпурные орехи падают в фонтан, а пять лососей, которые находятся в фонтане, срывают их и отправляют шелуху в ручьи. Звук падения тех ручьев мелодичнее любой музыки, которую поют люди"[331].

Войдя во дворец фей у фонтана, Кормак видит "прекраснейшую из женщин мира". После ее волшебного омовения он купается, и это, видимо, символизирует его очищение в потустороннем мире. Наконец, на пиру воин-посланник поит Кормака сном, а когда Кормак просыпается, он видит рядом с собой жену и детей, которые предшествовали ему в Земле Обетованной. Воин-посланник, *забравший* их всех, - не кто иной, как великий бог Мананнан Мак Лир из Туатха Де Дананн.

Там, в потустороннем мире, Кормак обретает волшебный золотой кубок, богато и дивно вытканый, который разобьется на три части, если "три слова неправды будут сказаны под ним", и волшебную серебряную ветвь; и Мананнан, как бог-инициатор, говорит верховному королю Ирландии: "Возьми свою семью и возьми кубок, чтобы он был у тебя для различения правды и лжи. А ветвь будет у тебя для музыки и наслаждения. И в день твоей смерти все они будут отняты у тебя. Я Мананнан, сын Лера, царь Земли Обетованной; *и чтобы увидеть Землю Обетованную, я привел [тебя] сюда.....* Фонтан, который ты видел, с пятью струями из него, - это фонтан знания, а струи - это пять чувств, через которые приобретается знание (?). И никто не обретет знания, кто не выпьет воды из самого фонтана и из потоков. Люди многих искусств - это те, кто пьет из них обоих".

Утром на следующий день, когда Кормак встал, он обнаружил себя на зелени Тары, со своей женой, сыном и дочерью, и у него была его ветвь и его кубок. Впоследствии этот кубок стал называться "Кубком Кормака", и с его помощью гэлы различали правду и ложь. Однако, как и было обещано ему [Мананнаном], она не сохранилась после смерти Кормака"[332].

Эта прекрасная сказка, очевидно, в чрезвычайно поэтической и символической форме перекликается с очень древним кельтским посвящением короля и его семьи в мистический культ могущественного бога Мананнана, Сына Моря. Они попадают в потусторонний мир в состоянии транса, а по пробуждении снова оказываются в Эрине, духовно обогащенные. Чаша Истины, вероятно, символизирует обретение знаний о тайне жизни и смерти, а ветвь - мир и радость, которые приходят ко всем истинно посвященным; Ведь перейти из царства смертных в царство мертвых, фей, богов и обратно, сохранив при этом полное человеческое сознание, было равносильно обретению философского камня, эликсира жизни, Чаши

Истины и купанию в фонтане вечной молодости, дарующем победу над смертью и бесконечное счастье. Таким образом, мы можем иметь здесь кельтскую поэтическую параллель с инициационным путешествием Энея в Страну Мертвых или Аид.

Волшебная палочка богов, фей и друидов

Мананнан из Туатха Де Дананн, как бог-посланник из невидимого царства, несущий серебряную яблоневую ветвь, внешне, хотя и не в других отношениях, похож на Гермеса, бога-посланника из царства богов, несущего свой жезл из двух переплетенных змей.^[333] В современном сказочном фольклоре эта божественная ветвь или жезл является волшебной палочкой фей; или там, где посланники, подобные старикам, ведут смертных в подземный мир, это посох или трость, которой они ударяют по скале, скрывающей тайный вход.

Ирландские друиды делали свои жезлы для гадания из тисового дерева ; считается, что они, как и древние жрецы Египта, Греции и Рима, управляли духами, феями, демонами, элементами и призраками во время таких гаданий. Понять, насколько тесно древние символы повлияли на нашу жизнь и эпоху - хотя мы и забыли об их связи с потусторонним миром, - нам помогут несколько примеров, начиная с древних ирландских бардов, которые были связаны с друидами. Они носили с собой жезл в виде символической ветви, похожей на маленький колос или полумесяц с мягко звенящими колокольчиками; а в произведении под названием *Mesca Ulad* или "Беспокойство ультонцев"^[334] говорится о главном барде Ольстера, Сенче, что в разгар кровавой схватки он "взмахнул мирной ветвью Сенчи, и все мужчины Ольстера замолчали, затихли". В *Agallamh an dá Shuadh* или "Диалоге двух мудрецов"^[335] мистический символ, используемый богами, феями, магами и всеми посвященными, знающими тайну жизни и смерти, описывается как символ друидов: "Нейдхе" (молодой бард, стремившийся стать преемником своего отца на посту главного поэта Ольстера) "совершал свой путь с серебряной ветвью над собой". *Анрадхи*, или поэты второго порядка, несли серебряную ветвь, но *Олламхи*, или главные поэты, несли ветвь из золота; все остальные поэты носили ветвь из бронзы."^[336] Современные и древние параллели имеют всемирный характер, как среди наиболее цивилизованных, так и среди наименее цивилизованных народов, а также в гражданской или религиозной жизни между нами. Так, Моисей ударил волшебным жезлом по скале, и хлынула чистая вода; он поднял тот же жезл, и Красное море разверзлось; короли держат свои скипетры не меньше, чем Нептун свой трезубец; папы и епископы имеют свои палочки; в Римской церкви есть маленькие палочки, похожие на жезлы, используемые для совершения благословений; у высших гражданских чиновников есть их булавы; и во всем мире есть жезлы магов и знахарей.

Больничная кровать Кухулинна

Мы переходим к истории о *больничной койке Кухулайнна*.³³⁷ Вот как великий герой Ольстера был поражен феей. Мананнан Мак Лир, устав от своей жены Фанд, бросил ее, и тогда она, желая выйти замуж за Кухулайнна, отправилась в Ирландию вместе со своей сестрой Либан. Приняв облик двух птиц, связанных между собой цепью из красного золота, Фанд и Либан уселись на озере в Ольстере, чтобы Кухуленн увидел их во время охоты. Чтобы поймать двух птиц, Кухуленн метнул в них копье, но они сбежали, хотя и были ранены. Разочарованный подобной неудачей, которая была для него необычной, Кухулайнн удалился в менгир, где сел и уснул. И тут он увидел двух женщин, одну в зеленом, другую в малиновом плаще; женщина в зеленом, подойдя к нему, рассмеялась и ударила его предметом,

похожим на кнут. Женщина в малиновом сделала то же самое, и обе женщины поочередно наносили ему удары, пока не оставили его почти мертвым. И сразу же могучий герой рыцарей Красной ветви лег в свою постель со странным недугом, который не мог излечить ни один друид или врач во всей Ирландии.

До конца года Кухулайнн лежал на больничной койке в Эмайн-Махе, ни с кем не разговаривая. И вот за день до *Самайна* (кануна ноября) к нему явился неизвестный вестник, который спел ему чудесную песню, обещая исцелить его от недуга, если он только примет приглашение дочерей Аэда Абрата посетить их в потустороннем мире. Когда песня закончилась, посланник ушел, "и не знали они, откуда он пришел и куда ушел". Тогда Кухулайнн отправился на то место, где его настигла болезнь, и там ему снова явилась женщина в зеленом плаще. Она дала знать Кухулайнну, что она Либан и что она очень хочет, чтобы он отправился с ней на Равнину Восторга сражаться с врагами Лабрайда. И она пообещала Кухулайнну в награду, что он получит в жены Фанд. Но Кухулайнн не принял приглашения, не зная, в какую страну его зовут. Тогда он послал своего возницу Лаэга, чтобы тот привез оттуда донесение. Лаэг отправился с женщиной-феей в бронзовой лодке и вернулся; и когда Кухулайнн услышал от него о чудесной славе того потустороннего мира *сидхе*, он охотно отправился туда.

После того как Кухулайнн сверг врагов Лабрайда и пробыл в потустороннем мире месяц с женщиной-феей Фанд, он вернулся в Ирландию один; но потом в условленном месте Фанд присоединилась к нему. Эмер, жена Кухулайнна, была охвачена ревностью и замыслила убить Фанд, так что Фанд вернулась к своему мужу богу Мананнану, и он снова принял ее. Когда ее не стало, Кухулайнн не мог утешиться; но Эмер добыл у друидов волшебный напиток для Кухулайнна, который заставил его забыть о потустороннем мире и о женщине-фее Фанд. Друиды дали Эмер еще один напиток, чтобы она забыла о своей ревности; а потом пришел сам Мананнан Мак Лир и разорвал свою мантию между Кухулайнном и Фанд, чтобы они больше никогда не встретились. Так и не удалось *женщинам-сидхе* похитить великого Кухулайнна. Магия друидов и сила короля Туатха Де Дананн восторжествовали, и чемпион Ольстера не уходил в потусторонний мир, пока не встретил естественную смерть в той последней великой битве[338].

Возвращение Оссиана из Сказочной страны[339].

Оссиана, как и Кухулина, заманила в Сказочную страну женщина-фея: "Она увозит его на белом коне через Западный океан; и когда они проносятся над морскими волнами, они видят прекрасную деву на коричневом коне, и она держит в правой руке золотое яблоко". После того как герой женился на своей фее-похитительнице и прожил в потустороннем мире триста лет, им овладело непреодолимое желание вернуться в Ирландию и вновь принять участие в советах дорогого ему Братства фениев, и он отправился в путь на том же белом коне, на котором ехал туда с принцессой-феей, ибо та была его женой. И она, пока он ехал, трижды предупредила его, чтобы он не ступал "на ровное место", и от нее он услышал поразительное сообщение о том, что фениев больше нет, а Ирландия совершенно изменилась.

Оказавшись в безопасности в Ирландии, Оссиан ищет Братство, но, хотя он переходит из одного места в другое, где обычно встречались его старые товарищи, ни одного из них он не находит. И как изменилась вся земля! Наконец он понимает, как долго его не было. Слова его жены-феи оказались слишком печальной правдой.

Когда Оссиан безрадостно бродит по Ирландии, он наталкивается на толпу людей, пытающихся сдвинуть с места огромную мраморную плиту, под которой лежат другие люди. У Оссиана просят помощи, и он великодушно ее оказывает. Но когда он наклоняется к своему коню, чтобы подхватить камень одной рукой, подпруга ломается, и он падает. Тут же белый конь ускакал домой, а Оссиан состарился, дряхлел и ослеп"[340].

Отправление Ланвала на Авалон

В сказочных романах, записанных в эпоху Средневековья в континентальной Европе, рассказывается об удивительно большом количестве героев, которые, подобно Кухулайнну и Оссиану, попадали под власть женщин-фей, или *фей*, и следовали за одной из них в Яблоневую страну или Авалон. Помимо Артура, к ним относятся сэр Ланселот, сэр Гавейн, Огир, Гуингемор и Ланваль (см. с. 325-6). История Ланваля рассказана Марией де Франс в одной из ее "*Лаис*", и она настолько известна, что мы вкратце изложим ее: - Ланваль был средневековым рыцарем.

Ланваль был средневековым рыцарем, жившим во времена короля Артура в Бретани. Он был молод и очень красив, так что одна из фей влюбилась в него; и в истинно ирландской манере - он сам и его фея возлюбленная сели на одного сказочного коня - двое отправились в Сказочную страну.

На лошадь позади нее
с полной прытью вскочил Ланваль.
Вместе с ней он уезжает в Авалон,
Согласно рассказам бриттов,
На остров, который очень красив.[341]

Путешествие Тейгу, сына Киана

Есть и другой тип *имрам*, в котором люди попадают в потусторонний мир не по приглашению одной из фей, а в результате приключений; это иллюстрируют "*Путешествие Маэл-Дуина*"[342] и еще более прекрасное "*Путешествие Тейгу, сына Киана*". Эта последняя старая ирландская история обобщает многие из элементов потустороннего мира, которые мы до сих пор рассматривали, и (хотя в ней прослеживается христианское влияние) дает нам очень четкое представление о Стране Молодости среди Западного океана - земле, которую искали Понсе де Леон и многие отважные мореплаватели в Америке:...

Тейгу, сын Киана и наследник короля Западного Мюнстера, со своими последователями отправился из Ирландии, чтобы вернуть жену и братьев, похищенных Катманом и его бандой морских разбойников из Фрезена, земли близ Испании. Это было время весеннего прилива, когда море было бурным, и штормы, налетавшие на путешественников, сбивали их с пути. Примерно через девять недель они пришли в страну, прекраснее которой они никогда не видели, - это был Счастливый потусторонний мир. На сайте было много "красных яблонь, дубов с листьями, орешника с желтыми орехами в гроздьях", и "широкая гладкая равнина, покрытая цветущим клевером, вся в меду". Посреди этой равнины Тейге и его спутники увидели три холма, и на каждом из них - неприступную крепость. У первой твердыни с валом из белого мрамора Тейгу приветствовала "белокожая дама, прекраснейшая из всех женщин мира"; она рассказала ему, что эта твердыня - обитель "королей Ирландии: от Херемона, сына Милесиуса, до Конна из Сотни Битв, который последним прошел в нее". Тейгу со

своими людьми двинулся дальше, пока не достиг среднего *дуна*, *дуна* с золотым валом. Там же "они нашли королеву прекрасного вида, и она была задрапирована в одеяние из золотой ткани", которая сказала им, что они находятся в четвертом раю Земли.

В третьем *дуне*, *дуне* с серебряным валом, Тейге и его спутники встретили Коннла, сына Конна из Сотни Битв. В руке он держал душистое яблоко золотого оттенка; третью часть его он съедал, и все равно, сколько бы он ни съел, оно ни на йоту не уменьшалось. А рядом с ним сидела молодая женщина, обладавшая многими прелестями, которая так говорила Тейгу: "Я одарила его (то есть почувствовала к нему) истинной любовью и поэтому сделала все, чтобы он пришел ко мне в эту землю; здесь наше наслаждение, нас обоих, состоит в том, чтобы продолжать смотреть и вечно созерцать друг друга; выше и дальше этого мы не переходим, чтобы не совершать нечистоты или плотского греха". И Коннла, и его друг были облачены в зеленые одеяния, как феи, и шаг их был так легкий, что прекрасные головки клевера едва сгибались под ним. А яблоко "поддерживало их пару, и, когда они приложились к нему, ни возраст, ни тусклость не могли повлиять на них". Когда Тейге спросил, кто занимает *дун* с серебряным валом, дева с Коннла ответила так: "В том *дуне* нет никого. Ради праведных королей, что после принятия Веры будут править Ирландией, стоит наготове вон тот *дун*; а мы, пока в него не войдут эти добродетельные принцы, храним его: в нем, душа моя Тейгу, и у тебя будет назначенное место". Окинув взглядом самый просторный дворец, Тейге (так он любовался красотой еще необитаемого *дуна*) заметил густо обсаженную широко раскидистую яблоню, на которой были и цветы, и спелые плоды. "Что это за яблоня?" - спросил он [у девы], и она ответила: "Плоды этой яблони - то, что послужит мясом для общины, которая будет в этой усадьбе, *и одно яблоко с нее же привело (уговорило) Коннлу ко мне*".

Затем они отдохнули, и тут навстречу им вышла целая толпа женской красоты, среди которой была прекрасная девица утонченного вида, предсказавшая Тейгу способ и время его смерти и в знак этого подарившая ему "прекрасный кубок изумрудного оттенка, которому присущи многие достоинства, ибо [помимо прочего] если бы в него налили только воду, то произвольно это было бы вино". А вот ее прощальное послание Тейгу: "С ним (кубком) пусть не расстанется твоя рука, но держи его в знак: когда он от тебя ускользнет, то через короткое время ты умрешь; и где ты встретишь свою смерть, так это на поляне, что на стороне Бойна: Там земля вырастет в большой холм, и имя ему будет *Кройд Эйсс*; там же (когда ты будешь сначала ранен бродячим диким зайцем, после чего Олмараки убьют тебя) я похороню твое тело; душа же твоя придет со мной сюда, где до Судного дня ты обрешь тело легкое и бесплотное.'

Когда группа во главе с Тейгу спускалась к берегу моря, чтобы уехать, девушка, сопровождавшая их, спросила, "как долго они находятся в стране". "По нашим подсчетам, - ответили они, - мы в ней всего один день". Однако она ответила: "Вы в ней уже целых двенадцать месяцев; за это время вы не ели и не пили, и сколько бы вы ни пробыли здесь, вас не постигнет ни холод, ни жажда, ни голод". А когда Тейге и его отряд вошли в свою *курагу*, они посмотрели за корму, но "не увидели земли, из которой пришли, потому что над ней беспрерывно висела непонятная магическая завеса"[343].

Приключения Арта, сына Конна

Эта интересная *имама* в некотором роде сочетает в себе тип сказки, в которой женщина-фея приходит из потустороннего мира в наш - хотя в этой сказке она изгнана оттуда, - и тип сказки, в которой потусторонний мир обретается через приключения:...

Бекума Кнейсгель, женщина из Туатха Де Дананн, за проступок, совершенный ею в потустороннем мире с Гайдиаром, сыном Мананнана, была изгнана оттуда. Она пришла к Конну, верховному королю Ирландии, и связала его, чтобы он исполнил ее волю; и она постановила, что Арт, сын Конна, не должен приходить в Тару, пока не пройдет год. В течение года Конн и Бекума были вместе в Таре, "и в это время в Ирландии не было ни кукурузы, ни молока". Туатха де Дананн послали этот страшный голод, ибо они, как сельскохозяйственные боги, таким образом показали свое недовольство нечестивой жизнью верховного короля Ирландии со злой женщиной, которую они изгнали. Друиды всей Ирландии, созванные вместе, объявили, что для успокоения Туатха Де Дананн "сын безгрешной пары должен быть привезен в Ирландию и заклан перед Тарой, а его кровь смешана с землей Тары" (ср. р. 436). Сам Конн отправился в потусторонний мир и нашел там безгрешного юношу, сына королевы того мира, и привез его в Тару. Странное событие спасает юношу: "Как раз в это время они (собрание людей и друидов с Конном, Артом и Финном) слышали мычание коровы, а за ней непрерывный женский плач. И увидели они, как корова и женщина направляются к собранию". Женщина пришла из потустороннего мира, чтобы спасти Сегду; а корова была принята в жертву вместо Сегды благодаря чудесам, которые она открывала; ведь в двух ее сумках, когда их открыли, лежали две птицы - одноногая и двенадцатиногая, и "одноногая птица одержала верх над двенадцатиногой". Затем, поднявшись и отозвав Конна в сторону, женщина объявила ему, что, пока он не отстранит злую женщину Бэкуму, "треть его кукурузы, и его молока, и его маста" будет недоставать Ирландии. И тогда она оставила их и ушла со своим сыном, даже с Сегдой. И были предложены им драгоценности и сокровища, но они отказались от них".

Во второй части этой сложной истории Бэкума и Арт вместе играют в игру. В конце концов Арт проигрывает, потому что люди *сидха* (как невидимые духи) стали красть фигурки, которыми он и женщина играли; в результате Бекума наложила на него такое табу: "Ты не должен есть пищу в Ирландии, пока не приведешь с собой Делбхем, дочь Моргана". Где она?" - спросил Арт. "На острове среди моря, и это все сведения, которые ты получишь". И он пустил кораблик, и путешествовал по морю от одного островка к другому, пока не пришел к прекрасному, странному острову - "Потустороннему миру". Цветущие женщины той земли в течение шести недель развлекали ирландского принца, наставляя его во всех опасностях, с которыми он должен столкнуться, и завоеваниях, которые он должен совершить.

Успешно выдержав все испытания, Арт добивается расположения Делбхем, дочери Моргана, короля "Страны чудес", и возвращается в Ирландию. На ней был зеленый плащ одного оттенка, с золотой булавкой на груди, и длинные, светлые, очень золотые волосы. У нее были темно-черные брови, серые глаза, а тело - снежно-белое". Увидев целомудренную и благородную Делбхем с Артом, Бекума, изгнанная женщина Туатха Де Дананн, оплакивая его, навсегда покидает Тару[344].

Потусторонние похождения Кухулайнна и Артура

Есть еще отдельный класс сказок о путешествиях в сказочный мир, который является миром Аида под землей или в какой-нибудь стране смерти, а не среди волн Западного океана. Так, в *Книге Коровьего Дуна* есть любопытная поэма, описывающая экспедицию Кухулайнна в твердыню Ската в земле Ската, или, как означает это название, земле Теней, где герой получает королевский котел.[345] И поэма наводит на мысль, почему так мало тех, кто вторгся в этот мир Аида, когда-либо возвращались - возможно, потому, что, говоря

мистическим языком, так мало людей смогли избежать либо через посвящение, либо через возрождение естественного смятения и забвения, возникающего после смерти.

В "*Книге Талиессина*" странная поэма *Preiddeu Annwn*, или "Трофеи Аннун", описывает на не всегда понятном языке, как бриттский Артур совершил подобное путешествие в валлийский мир Аида под названием Аннун, где он, как и Кухулайнн в Скате, завладел волшебным котлом - языческим кельтским типом Святого Грааля - который дает неисчерпаемую пищу, хотя "он не сварит пищу труса". Но в третьей и четвертой строфах *Preiddeu Annwn* Аннун, или Уфферн, как его еще называют, - это не подземное царство, а некий мир, в который можно попасть, как в гэльскую Землю Обетованную, по морю. Аннун также называется Каэр Сиди, который в другой поэме *Книги Талиессина* (№ XIV) мыслится как остров бессмертной юности среди "потокв океана", где есть фонтан, дающий пищу[346].

Литературная эволюция идеи счастливого потустороннего мира

Теперь мы рассмотрели два основных класса легенд о потустороннем мире. В одном из них есть прекрасная и мирная *Tir Innmbeo*, или "Страна живых", находящаяся под властью Мананнана за морями, и ее сказочные обитатели - в основном женщины, которые соблазняют благородных мужчин и юношей, любя их; в другом есть мир Аида - его часто путают с первым, - в котором великие герои отправляются на таинственные поиски. Иногда этот мир Аида неотделим от подземных дворцов или мира Туатха Де Дананн. Кроме того, это может быть подземный мир фей, как то, в которое попали Лэгайр и его пятьдесят спутников (см. с. 302); или, как в *Gilla Decair*[347] позднего сочинения, это подземная страна колодцев, в которой происходят приключения Дермота. А в похожей сказке Муроф по приглашению таинственного незнакомца, который выходит из озера, а затем исчезает, "как зимний туман или дуновение мартовского ветра", ныряет под воды озера и попадает во дворец короля Подводной Волны, где видит незнакомца как самого водяного короля, восседающего на золотом троне (см. с. 63-4). В непрерывных пирах Муроф проводит день и год, считая время всего лишь несколькими днями[348].

Как правило, мир Аида, или подземный и подводный мир, не похож на мирное океанское царство Мананнана, его часто описывают как место больших раздоров; и смертных обычно побуждают войти в него, чтобы помочь уладить проблемы его сказочных обитателей.

Все многочисленные варианты сказок о потустороннем мире, сохранившиеся в кельтской литературе, имеют общее дохристианское происхождение, хотя почти все они были окрашены христианскими представлениями о рае, аде и чистилище. В самых ранних сказаниях о потустороннем мире над морем, таких как сказания о Бране, Маэлдуине и Коннле, которые могут восходить к началу восьмого века, уже явно прослеживается христианизующее влияние; а в "*Путешествии Снедгуса*" и "*Мак Риагла*" конца девятого века это влияние преобладает.[349] Чисто христианские тексты примерно того же периода или позже описывают христианский рай так, как если бы он был языческим потусторонним миром. Некоторые из них, например латинская версия сказки о *путешествии святого Брандана*, оказали большое влияние на европейскую литературу и, возможно, способствовали открытию Нового Света[349].

Сочетание христианских и языческих кельтских идей хорошо показано в "*Путешествии Хуи Корра*"[350]: "После этого им был показан чудесный остров. Поющий псалмы почтенный старец, с красивыми, построенными церквями и прекрасными яркими алтарями. Прекрасная зеленая трава на нем. Роса медовая на траве его. Маленькие вечно прекрасные пчелы и

прекрасные пурпурноголовые птицы пели там музыку, так что [просто] слушать их было достаточно для наслаждения". Но в другом отрывке христианский писец описывает потусторонних птиц как души, некоторые из которых находятся в аду: "Из земли Эрин я, - говорит птица, - и я душа женщины, и я монахиня для тебя, - говорит она старцу..... "Пойдемте в другое место, - говорит птица, - послушайте птиц. Птицы, которых вы видите, - это души, выходящие в воскресенье из ада". Другие острова определенно превращены в христианские ады, полные огня, где плачущие и кричащие люди растерзаны клювами и когтями птиц.

Но иногда, как и легенды о Туатха Де Дананн, легенды о потустороннем мире воспринимались буквально и очень серьезно некоторыми ранними ирландско-христианскими святыми. Профессор Дж. Лот описывает очень интересный эпизод, как Святой Мало и его учитель Брандан на самом деле отправились в океанское путешествие, чтобы найти Небесный мир языческих кельтов: "Святой Мало, будучи юношей, отправляется со своим учителем Бранданом в лодке на поиски той таинственной страны; через несколько дней волны отбрасывают его на берег моря отбитым и обескураженным. Ангел открывает ему глаза: земля вечного мира и вечной молодости - это то, что христианство обещает своим избранным"[351].

Кельтский потусторонний мир не только постепенно превращался в христианский рай или ад, начиная с восьмого века, но и его божественные обитатели вскоре стали подвергаться рационализации, обычно применяемой к их расе; и переписчики стали записывать их как реальных персонажей ирландской истории. Как мы уже отмечали, Туатха Де Дананн были лишены бессмертия и получили взамен все страсти и недостатки людей, а также стали подвержены болезням и смерти. Возможно, это был естественный антропоморфный процесс, подобный тому, что встречается во всех мифологиях. Кельтский миф и мистицизм, в котором еще можно прочесть глубочайшие тайны жизни и смерти, поставлял имена и легенды, чтобы заполнить христианизированную схему ирландской хронологии, которая начиналась примерно шесть тысяч лет назад с Адама.

Несколько языческих легенд, однако, встретили очень справедливое обращение в руках поэтичных и патриотичных христианских переписчиков. Так, в "*Видении Адамнана*"[352], хотя кельтский потусторонний мир и стал "страной святых", его первозданный характер четко прослеживается: чтобы добраться до него, необходимо морское путешествие; это земля, где нет ни гордости, ни лжи, ни зависти, ни болезней, ни смерти, "где есть наслаждение всякой добротой". В ней живут певчие птицы, и для пропитания во время путешествия путешественникам нужно лишь слушать ее музыку и "насыщаться запахом, который есть в стране".

Опять же, в *Книге Лейнстера* и в более поздних списках есть *dinnshenchas* почти первобытной языческой чистоты. В нем говорится о волне *Клидны* и Туаг Инбир: "К Туаг, дочери Коналла, морской бог Мананнан послал гонца, друида из Туатха Де Дананн в облике женщины. Друид наложил на девушку сонное заклинание, и когда он оставил ее на берегу моря в поисках лодки, на которой можно было бы отправиться в "Страну вечно живых женщин", набежала волна прилива и утопила ее. Но оксфордская версия той же сказки сомневается в том, что дева утонула, поскольку предполагает: "А может, это (волна) сам Мананнан уносил ее?"[353] Таким образом, писец понимал, что отправиться в мир Мананнана буквально означает войти в состояние сна или транса, или, что эквивалентно в случае с девой, которую вызвал Мананнан, выйти через смерть из физического тела. И по сей день ирландский крестьянин верит, что "добрые люди" забирают в свой невидимый мир всех юношей и девушек, встретивших смерть; или что, попавший под чары феи, может на короткое время отправиться в их мир и снова вернуться в наш мир.

Мы уже не раз подчеркивали, насколько искренне современный кельтский крестьянин в некоторых некоммерческих местностях придерживается веры своих языческих предков, в то время как ученые христианские книжники часто сильно от нее отклоняются. История о путешествии Фионна в потусторонний мир,^[354] которую Кэмпбелл обнаружил живой среди шотландских крестьян еще в прошлом веке, служит ярким подтверждением этого утверждения. Как и крестьянская версия Оссиана в "Стране юности" Майкла Комина (см. выше, с. 346), которая, хотя и датируется примерно 1749 годом, обладает всей естественностью лучших древних сказаний, таких как сказания о Бране и Кормаке. Поэтому мы склонны придать свидетельствам живой веры фей, подтверждающей, как было показано, столькими параллельными способами веру фей далекого прошлого, еще большую ценность, чем мы уже сделали. Ирландский поэт У. Б. Йитс так подытожил этот вопрос: "Но ирландский крестьянин верит, что все, о чем он может мечтать, когда-то было или все еще остается реальностью у его собственной двери. Он укажет на какую-нибудь гору и скажет вам, что там жил и печалился какой-нибудь знаменитый герой или красавица, или скажет вам, что Тир-на-Ног, Страна молодых, старый кельтский рай - Страна живого сердца, как ее называли раньше, - все это рядом с ним"^[355].

В конце своего долгого и тщательного исследования кельтского потустороннего мира Альфред Натт пришел к предварительному выводу, совпадающему с нашим, что "видение счастливого потустороннего мира, встречающееся в ирландских мифических романах VIII и последующих веков, является по сути дохристианским", что его ближайшие аналоги находятся в эллинском мифе и что вместе с ними "оно образует наиболее архаичное арийское представление божественной и счастливой земли, которой мы обладаем"^[356].

РАЗДЕЛ II

ЗАПИСАННАЯ ВЕРА В ФЕЙ

ГЛАВА VII

КЕЛЬТСКАЯ ДОКТРИНА ВОЗРОЖДЕНИЯ^[357]

Похоже, что возвращение Оссиана было преждевременным. Сегодня он мог бы найти товарищей, вернувшихся из Тир-на-Ног для возвышения своей расы. Возможно, многим молодым духом, восходящим среди нас, Кейлт мог бы сказать, как Монгану, сказав: "Я был с тобой, с Финном". Е.

Перерождение и потусторонний мир - как христианская доктрина - общий исторический обзор - согласно Барддасским рукописям.; согласно древним и современным авторитетам - Реинкарнация Туатха Де Дананн - Перерождение короля Монгана - Рождение Этайн -

Предсуществование Дермота - Перерождение Туана - Перерождение у бритонов - Артур как перерожденный герой - Некельтские параллели - Перерождение у современных кельтов: в Ирландии; в Шотландии; на острове Мэн; в Уэльсе; в Корнуолле; в Бретани - Происхождение и развитие кельтской доктрины перерождения.

Связь с потусторонним миром

Как бы сильно ни отличалось представление о потустороннем мире у древних греков от представления кельтов, у обоих народов оно было неразрывно связано с верой в перерождение. Альфред Натт, который изучал эту интимную связь более тщательно, чем любой другой кельтский фольклорист, сказал о ней: "В греческой мифологии, как и в ирландской, концепция повторного рождения оказывается доминирующим фактором той же религиозной системы, в которой Элизиум также является существенной чертой". Смерть, как провозглашали многие посвященные в своих мистических трудах, - это лишь уход в потусторонний мир из этого мира, а рождение - возвращение обратно;[358] а Будда объявил своей миссией научить людей пути освобождения из этого вечного круга существования.

Исторический обзор доктрины о перерождении

Среди нас эта доктрина может показаться странной, хотя среди великих народов древности - египтян, индийцев, греков и кельтов - она преподавалась в мистериях и жреческих школах и составляла краеугольный камень важнейших философских систем, таких как системы Будды, Пифагора, Платона, неоплатоников и друидов. Александрийские евреи также были знакомы с этой доктриной, о которой говорится в "*Премудрости Соломона*" (viii. 19, 20) и в трудах Филона. Она была одним из учений в Александрийских школах и, таким образом, непосредственно повлияла на мысли некоторых ранних Отцов Церкви - например, Тертуллиана Карфагенского (около 160-240 гг. н. э.) и Оригена Александрийского (около 185-254 гг. н. э.). Сейчас для нас очень важно подробно рассмотреть вопрос о том, придерживались ли христиане первых веков доктрины возрождения или сильно ли на них влияли, поскольку, как мы сейчас увидим, вероятное влияние христианства на языческие кельтские верования могло быть в определенный период очень глубоким и даже самым важным формирующим влиянием.

Как показывает анализ книги Оригена "*De Principiis*", сам Ориген верил в эту доктрину.[359] Но богословы, создавшие греческие каноны Пятого собора, не согласились с взглядами Оригена и осудили его за то, что он, помимо прочего, названного ими ересью, верил, что Иисус Христос перевоплотится и пострадает на земле во второй раз, чтобы спасти демонов,[360] порядок духовных существ, считавшихся некоторыми древними философами предназначенными для эволюции в человеческие души. Тертуллиан, современник Оригена, в своем труде *De Anima* рассматривает вопрос о том, можно ли считать доктрину о перерождении христианской, учитывая заявление Иисуса Христа о том, что Иоанн Креститель был Илией (или Илия), древним еврейским пророком, пришедшим вновь: "И если вы готовы принять его (или его), то этот (Иоанн Креститель) есть Илия, который должен прийти. Имеющий уши слышать, да слышит"[361]. Тертуллиан заключает, и современные христианские богословы часто вторят ему (при сравнении с Малахией iv. 5), что все, что хотели сказать новозаветные авторы, это то, что Иоанн Креститель обладал или действовал в "духе и силе" Илии, но на самом деле не был реинкарнацией Илии, поскольку не обладал "душой и телом" Илии.[362] Если бы Тертуллиан был мистиком, а не просто богословом с

личным предубеждением против тайных учений, которое он демонстрирует на протяжении всего своего *De Anima*, совершенно очевидно, что он был бы в этом доктринальном вопросе согласен с Оригеном, который был и мистиком, и богословом,[363] и тогда, вероятно, при таком согласии этих двух выдающихся Отцов Церкви, зафиксированном до того времени, когда христианские соборы собрались, чтобы определить канонические и ортодоксальные верования, доктрина возрождения никогда не была бы изгнана из христианства.[364]

В "*Пистис София*",[365] древнем гностическо-христианском произведении, содержащем якобы некоторые эзотерические наставления Иисуса Христа своим ученикам, ясно говорится (вопреки аргументам Тертуллиана, но в соответствии с тем, что, как мы можем предположить, было бы мнением Оригена), что Иоанн Креститель был реинкарнацией Илии.[366] В том же труде доктрина перерождения излагается далее как учение Иисуса Христа, которое относится не только к конкретным личностям, как Илия, но как универсальный закон, управляющий жизнью всего человечества[367].

Как показало наше обсуждение, в первые века доктрина возрождения, несомненно, была хорошо известна александрийским христианам. Среди других раннехристианских богословов и философов, придерживавшихся той или иной формы доктрины возрождения, были Синезий, епископ Птолемаиса (около 375-414 гг.), Боэций, римлянин (около 475-525 гг.), и Пселл, уроженец Андроса (вторая половина IX в.). Помимо многочисленных гностико-христианских сект, доктрину возрождения провозглашали и манихеи, насчитывавшие более семидесяти сект, связанных с первобытной Церковью.[368] Наряду с осуждением гностиков и манихеев как еретиков, доктрина возрождения была также осуждена различными церковными органами и соборами. Так, Константинопольский собор в 553 году заявил: "Кто будет поддерживать мифическую доктрину о предсуществовании души и вытекающее из нее чудесное мнение о ее возвращении, да будет предан анафеме". И так, после столетий споров, древняя доктрина перестала считаться христианской.[369] Вполне вероятно, однако, как будет показано в дальнейшем, что некоторые из ранних кельтских миссионеров, всегда славившихся своей кельтской независимостью даже в вопросах, касающихся христианского богословия и управления, не считали себя связанными решениями континентальных церковных соборов в отношении этой конкретной доктрины.

В средневековый период в Европе доктрина перерождения продолжала тайно жить среди многих алхимиков и философов-мистиков, а также среди друидов, переживших религиозные преследования; она дошла до наших дней через такие ордена, как Росикрусианский орден - орден, который, похоже, непрерывно существовал со Средних веков или раньше, - а также через непрекращающиеся традиции современного друидизма. В наше время в Европе и Америке - особенно в Англии, Германии, Франции и Соединенных Штатах - происходит то, что можно назвать возрождением древней доктрины через различные философские и религиозные общества; некоторые из них основывают свои учения и литературу на древних и средневековых философах-мистиках, а другие являются представителями на Западе мистических школ современной Индии, которые, как и современный друидизм, утверждают, что существовали с тех времен, которые мы называем доисторическими.[370] Сегодня в Римской Церкви видные богословы называют доктрину Чистилища христианским аналогом философской доктрины о перерождении;[371] и реальное значение этого мнения проявится в нашем последующем исследовании Чистилища Св. Патрика, которое, как мы полагаем, более или менее определенно связано с языческо-ирландскими доктринами подземного мира *сидхе* и духов, как, так и теней мертвых, а также с кельтско-друидической доктриной реинкарнации.

С научной точки зрения, как показано в валлийских триадах бардизма, древняя кельтская доктрина возрождения представляла собой для посвященных жрецов и бардов изложение полного цикла человеческой эволюции; То есть она включала в себя то, что мы сейчас называем дарвинизмом - который объясняет только чисто физическую эволюцию тела, которое человек населяет как наследство от грубого царства, - а также, помимо дарвинизма, всеобъемлющую теорию эволюции самого человека как духовного существа, как отдельно от физического тела, так и в нем, на пути к совершенству, которое приходит от полного познания земной плоскости существования. И со временем, судя по стремительному прогрессу нынешнего века, наша собственная наука посредством психических исследований сможет вернуться к старым мистериальным учениям и объявить их научными. (См. главу xii.)

Согласно Барддасским спискам.

После этого предварительного обзора предмета мы можем приступить к показу того, как в кельтской схеме эволюции потусторонний мир со всеми его богами, феями и невидимыми существами и этот мир со всеми его видимыми существами образуют два полюса жизни или сознательного существования. Начнем с чисто философских концепций, обратившись сначала к валлийским *"Барддам"*, [372] где говорится: "Есть три круга существования: Круг Ceugant (Круг Бесконечности), где нет ни одушевленного, ни неодушевленного, кроме Бога, и только Бог может пройти его; Круг Abred (Круг Перерождения), где мертвые сильнее живых, и где все основные существования происходят от мертвых, и человек прошел его; и Круг Gwynvyd (Круг белого, т. е. е. Круг Совершенства), где живое сильнее мертвого и где каждое главное существование происходит от живого и жизни, то есть от Бога, и человек пройдет его; и не достигнет человек совершенного знания, пока не пройдет полностью круг Гвинвида, ибо абсолютное знание не может быть получено иначе, как через опыт чувств, от перенесения и страдания каждого состояния и случая". [373] ... "Три стабильности знания: пройти через каждое состояние жизни; помнить каждое состояние и его происшествя; и быть в состоянии пройти через каждое состояние, как хотелось бы, ради опыта и суждения; и это будет получено в круге Гвинвида" [374].

Таким образом, *Барддас* объясняет полную бардистскую схему эволюции как ту, в которой монада или душа, по мере того как ей постепенно раскрывается знание о физическом существовании, проходит через все фазы материального воплощения, прежде чем попадает в человеческое царство, где, впервые осуществляя свободу воли в физическом теле, она становится ответственной за все свои действия. Бардическая доктрина, изложенная иначе, гласит: "Душа начала свой путь в низшей водно-животной капсуле, а после смерти перешла в другие тела более высокого порядка, последовательно и в правильной градации, пока не вошла в тело человека. Человечество - это состояние свободы, когда человек может приобщиться к добру или злу, как ему заблагорассудится" [375]. Попав в человеческое царство, душа начинает второй период роста, совершенно отличный от предыдущего, - период роста к божественности; и в нашем исследовании мы в основном занимаемся именно этим. Кажется очевидным, что круг Гвинвида находит свою параллель в нирване буддизма, будучи, как и она, состоянием абсолютного знания и счастья, в котором человек становится божественным существом, настоящим богом. [376] Мы видим во всем этом интимную связь, которая, как считалось, существует между тем, что мы называем состоянием жизни и состоянием смерти, между миром людей и миром богов, фей, демонов,

духов и теней. Следующим шагом мы должны показать, во-первых, что другие авторитеты говорят об этой связи, а во-вторых, что боги или феи, такие как *Сидхе* или *Туатха Де Дананн*, могли приходить в этот мир не только так, как мы видели их в виде женщин-фей, мужчин-фей и богов, по желанию видимых или невидимых для смертных, но и через подчинение человеческому рождению.

Согласно древним и современным авторитетам

Итак, сначала о мнениях; мы можем обратиться к древним, а затем к современным. Вот несколько из Юлия Цезаря: "В частности, они (друиды) хотят внушить идею, что души не умирают, а переходят из одного тела в другое"[377]. "Галлы заявляют, что все они произошли от своего отца Диса (или Плутона), и это, как они говорят, было передано им друидами." [377] Свидетельство Цезаря подтверждается Диодором Сикулом [378] и Помпонием Мелой. [379] Лукан в "*Фарсалии*" [380], обращаясь к друидам по поводу их доктрины возрождения, говорит: "Если вы знаете, что поете, смерть - это центр долгой жизни". И снова в том же отрывке он замечает: "Счастлив народ, на которого Медведь смотрит свысока, счастлив в этой ошибке, кого из страхов не трогает самый большой - страх смерти. Отсюда их сердце воина, бросающееся на сталь, отсюда их готовность приветствовать смерть и мысль о том, что трусом было бы обижаться на жизнь, уверенную в своем возвращении." [381] Доктор Дуглас Хайд в своей "*Литературной истории Ирландии*" (стр. 95), говоря от имени ирландского народа, говорит о доктрине возрождения: "Идея возрождения, которая является частью полудюжины существующих ирландских саг, была прекрасно знакома ирландским гэлам". Согласно другому современному кельтскому авторитету, Д'Арбуа де Жюбенвилю, двумя главными кельтскими доктринами или верованиями были возвращение призраков умерших и повторное рождение той же самой личности в новом человеческом теле здесь, на этой планете [382].

Реинкарнация Туатха Де Дананн

Теперь мы перейдем непосредственно к тому, чтобы показать, что среди древних ирландцев также существовала вера, вероятно, широко распространенная, в то, что божественные личности, национальные герои, принадлежащие к расе Туатха Де Дананн или *Сидхе*, и великие люди могут реинкарнировать, то есть спускаться на этот план существования и быть смертными более одного раза. Этот аспект кельтской доктрины перерождения был четко изложен в публикациях таких выдающихся кельтских фольклористов, как Альфред Натт и мисс Элеонора Халл. Мисс Халл в своем исследовании *древнеирландского Табуса, или Гезы*, [383] ссылаясь на цикл Кухулайнна ирландской литературы и мифологии, пишет так: "Нет сомнений, что все главные персонажи этого цикла рассматривались как прямые потомки, или, правильнее сказать, аватары или реинкарнации ранних богов. Не только их родословные прослеживаются вплоть до Туатха Де Дананн, но и в историях рождения почти всех главных персон есть указания на то, что они рассматриваются просто как божественные существа, возрожденные на человеческом плане жизни. Эти указания таинственны, и большинство рассказов, в которых они упоминаются, имеют признаки изменений, возможно, намеренных, внесенных христианскими переписчиками. Доктрина перерождения, естественно, не была для них приемлемой..... Богиня Этайн становится смертной женой короля Ирландии..... Более того, о Конхобхаре говорится как о земном боге; [384] а Дехтире, его сестра и мать Кухулайнна, названа богиней. [385] В случае с самим Кухулайном четко отмечается, что он является аватарой Луга Ламхфады (Длинная рука),

солнечного божества[386] самого раннего цикла. Луг является Дехтире, матери Кухулайнна, и говорит ей, что он сам - ее маленький ребенок, то есть что ребенок - это реинкарнация его самого; а Кухулайнн, когда его спрашивают о его рождении, с гордостью указывает на свое происхождение от Луга. Когда также предлагается найти жену для героя, в качестве причины указывается, что они знали, "что его перерождение будет от него самого" (т. е. что только от него самого может произойти другой такой же, как он)"[387] В этом мы имеем ключ к популярной ирландской вере в перерождение существ богоподобной природы. Д'Арбуа де Жюбенвиль показал[388], что дед Кухулайнна, сына Суалтаима, был родом из страны *сидхе*, как и Этне Ингубе, сестра Суалтаима. А Дехтире, мать Кухулайнна, была дочерью друида Катбы и братом короля Конхобхара. Таким образом, родословная великого героя Ольстерских рыцарей Красной ветви одновременно и королевская, и божественная. А Коналл Чернах, товарищ и мститель Кухулайнна, судя по рассказу в "Фитне имен" (*Cóir Anmann*), составленном, вероятно, в XII веке, также был перевоплотившимся героем Туатха Де Дананн[389].

Практически все сохранившиеся рукописи, посвященные древней литературе и мифологии гэлов, были написаны христианскими переписчиками или скопированы ими с более древних рукописей, так что, как отмечает мисс Халл, те немногие ирландские истории о перерождении, которые дошли до нас - а они, вероятно, являются лишь остатками обширной литературы о перерождении, подобной индийской, - были в большей или меньшей степени изменены. И все же этим ученым книжникам из ранних монастырских школ, которые поддерживали священный огонь познания, пока их собственную страну грабили иностранные захватчики, а остальная средневековая Европа была погружена в войну, мир обязан быть благодарным; ведь только их усилиям, несмотря на естественную перестройку материала, обязано почти все, что записано на пергаментях о языческой Ирландии.

История возрождения короля Монгана

До нас дошла замечательная история о возрождении, в которой персонажи известны как исторические. [390] Она касается ссоры между королем Ольстера Монганом, сыном Фиакны, который, согласно "*Анналам Ирландии четырех мастеров*" (i. 245), был убит в 620 г. н. э. Артуром, сыном Бикора, и Форголллом, поэтом Монгана.[391] Спор между ними касался места смерти Фотада Эйргдеха, короля Ирландии, который был убит Кейлтом, одним из воинов Финда, в битве, дату которой *Четыре Мастера* определяют в 285 г. н. э.[392] Форголл утверждал, что Фотад был убит в Даффри, в Лейнстере, а Монган утверждал, что на реке Ларн (древняя Олларба) в графстве Антрим. Разгневанный тем, что ему противоречат, пусть даже и король, Форголл пригрозил Монгану страшными заклинаниями, и было решено, что если Монган не докажет свое утверждение в течение трех дней, то его королева перейдет под власть Форголла. Монган, однако, говорил искренне и с тайным знанием, и был уверен в победе.

Когда третий день почти истек, и Форголл предстал готовым принять пари, вдалеке послышалось приближение того, кого ждал Монган. Это был сам Кейлт, прибывший из потустороннего мира, чтобы засвидетельствовать правдивость короля и опровергнуть дерзкие предположения поэта Форголла. Когда он добрался до дворца, был уже вечер. Король Монган восседал на своем троне, королева сидела справа от него, полная страха перед исходом, а впереди стоял поэт Форголл, заключивший пари. Никто, кроме короля, не знал странного воина, когда он вошел во двор.

Кайлт, узнав о ссоре и пари, быстро объявил, чтобы все его услышали: "Поэт солгал!" "Ты пожалеешь об этих словах", - ответил поэт. "То, что ты говоришь, тебе не к лицу, - ответил Кайлт, - ибо я докажу свои слова". И тут же Кайлт открыл эту странную тайну: он был одним из соратников великого воина Финда, который также был его учителем, и что Монган, король, перед которым он выступал, был реинкарнацией Финда.

Мы были с тобой, - сказал Кайлт, обращаясь к королю. Мы были с Финдом". Знай, однако, - ответил Монган, - что ты поступаешь неправильно, раскрывая тайну". Но воин продолжал: "Итак, мы были с Финдом. Мы пришли из Шотландии. Неподалеку отсюда, на берегу Олларбы, мы встретили Фотада Айргдеша. Мы дали ему яростный бой. Я метнул в него свое копье так, что оно прошло сквозь его тело, а железное острие, отделившись от посоха, закрепилось в земле по ту сторону Фотада. Вот [в моей руке] древко того копья. Там будет найдена голая скала, с вершины которой я пустил в ход свое оружие. Чуть дальше к востоку будет найдено железное острие, утопленное в земле. Еще чуть дальше, всегда на востоке, будет найдена могила Фотада Эйргдеша. Каменный гроб покрывает его тело; в гробу лежат два серебряных браслета, два перстня и серебряный шейный ключ. Над гробом возвышается камень-столб, а на верхней грани этого камня, вросшего в землю, можно прочесть надпись на огаме: *"Здесь покоится Фотад Эйргдех; он сражался с Финдом, когда Кайлт убил его"*.

И к ужасу Форголлы, то, что сказал этот воин, пришедший из потустороннего мира, оказалось правдой, ибо были найдены указанное им место, камень, наконечник копья, камень-столб, надпись, каменный гроб, тело в нем и драгоценности. Таким образом, Монган выиграл пари, и тайна его жизни, которую знал только он один, была раскрыта - он был возрожденным Финдом[393], а Кайлт, его старый ученик и товарищ по войне, пришел из страны мертвых, чтобы помочь ему[393]: "Это был Кайлт, приемный сын Финда, который пришел к ним. Монган, однако, был Найдом, хотя и не позволял говорить об этом." [393] Но Монган был не только ирландским королем, но и богом, сыном Мананнана Мак Лира из Туатха Де Дананн: "Этот Монган - сын Мананнана Мак Лира, хотя его называют Монган, сын Фиахны". [394] И так долгое время после завоевания Люди Богини Дану правили своими завоевателями, ибо они приняли на себя человеческие тела, родившись детьми королей Сынов Мила.

Есть и другие эпизоды, которые очень четко показывают отношения между Монганом, воплощенным в человеческом теле, и его божественным отцом Мананнаном. Так, "когда Монгану было три ночи от роду, Мананнан пришел за ним и взял его с собой, чтобы воспитать в Земле Обетованной, и поклялся, что не отпустит его обратно в Ирландию, пока ему не исполнится двенадцать лет". И после того как Монган стал верховным королем Ольстера, Мананнан приходит к нему, чтобы пробудить его от человеческой лени к осознанию своей божественной природы и миссии, а также к необходимости действовать: Монган и его жена коротали время за игрой, когда увидели стоящего у дверного столба мрачного священника в черном одеянии, который сказал: "Это бездействие, в котором ты пребываешь, о Монган, не является бездействием, чтобы стать королем Ольстера, не идти мстить за отца твоего Фиахну Черному, сыну Демана, хотя Дубх-Лача может посчитать неправильным говорить тебе об этом....". Монган захватил власть в Ольстере, а маленький клирик, который это сделал, был Мананнан великий и могучий"[395].

В древней сказке о *Путешествии Брана* - предположительно составленной в ее нынешнем виде в восьмом, возможно, седьмом веке нашей эры - есть еще одна версия истории о возрождении Монгана, которая, будучи более поздней по происхождению и составлению, чем само *Путешествие*, несомненно, была неуклюже вставлена в рукопись, как считают ученые. [396] В ней Монган, как потомок Мананнана от женщины Лин-маг - вполне в

соответствии с теорией христианского воплощения - описывается как "прекрасный человек в теле из белой глины". Это и то, что следует во вступительном четверостишии, показывает, насколько ранние кельтские доктрины соответствуют христианским, а то и возникли на их основе. А переписчик, видя параллели, внес в скопированный им текст изменения, добавив христианскую фразеологию, чтобы вписать ее в свою собственную идею - совершенно невероятную - о том, что эти ссылки относятся к пришествию Иисуса Христа. Речь идет о Мананнэне и женщине Лине-маг, которая должна была стать матерью Монгана, как Мария, жена Иосифа, стала матерью Иисуса Христа по воле Бога-Отца.

Благородное спасение придет
От царя, который нас создал,
Белый закон придет за моря,
Он будет не только Богом, но и человеком.

Этот образ, тот, на кого ты смотришь,
Придет в твои края;
А я отправлюсь в ее дом,
К женщине из Line-mag.

Ибо это Мониннан, сын Лера,
Из колесницы в облике мужчины,

Он будет радовать компанию всех фей,
Он станет любимцем всех прекрасных земель,
Он откроет тайны - курс мудрости -
В мире, не испытывая страха.

Ему приписывают способность к перевоплощению, которое не является переходом в животную форму, а представляет собой магическую силу, осуществляемую им в человеческом теле.

Он будет на протяжении долгих веков
Сто лет в справедливом царствовании

Мониннан, сын Лера
Будет его отцом и наставником.

Когда он умрет.

Белое воинство (ангелы или феи) возьмет его под колесо (колесницу) облаков
В собрание, где нет печали"[397].

Рождение Этайн из Туатха Де Дананн[398]

Еще один яркий пример того, как один из Туатха Де Дананн родился смертным, записан в знаменитой саге об *Ухаживании Этайн*. Три фрагмента этой истории содержатся в *Книге Коровы Дун*. Первый рассказывает о том, как Этайн Эхрайд, дочь Айлиля и жена Мидира (великого короля из народа *сидхе*), была изгнана из Сказочной страны из-за ревности другой жены своего мужа, и после того, как она была развеяна по ветрам этого мира, она незаметно попала в чашу для питья жены Этара из Инбер Кичмейна, который был вождем

Ольстера. Жена вождя проглотила ее и в положенный срок родила девочку: "Прошло тысяча двенадцать лет от первого рождения Этайн от Эйлиллы до последнего рождения от Этара". Этайн, сохранив свое имя, стала ирландской принцессой[399].

Однажды к принцессе Этайн внезапно явился неизвестный мужчина очень величественного вида и так же внезапно исчез, после того как он спел ей чудесную песню, призванную пробудить в ней подсознательные воспоминания о ее прошлом существовании среди *сидхе*:
- Так и Этайн сегодня здесь.

Так и Этайн здесь сегодня....
Среди малых детей - ее удел....
Она была заглотнута напитком
Женой Этара в сильном порыве.

Писец заканчивает эту часть рассказа, давая понять, что Мидир отрубил голову другой своей жене, Фуамнах, виновнице всех бед Этайн.

Во второй части сказания Этайн предстает как королева Эохайда Эйрема, верховного короля Ирландии, и самая любопытная и важная ее часть рассказывает о том, как ее любил Эйлилл Аэнгуба. Эйлилл, насколько можно судить по кровному родству, был братом Эохайда, но, по-видимому, либо воплощением Мидира, либо одержимым им: Этайн призналась ему в любви, но он испытывал странную любовную слабость; в двух случаях, когда он пытался осуществить свои желания, на него наваливался сон, и каждый раз Этайн встречала человека в облике Эйлилла - как будто это был его "двойник" - и оплакивала его слабость. В третий раз она спросила, кто этот человек, и он объявил себя Мидиром и попросил ее вернуться с ним в потусторонний мир. Но мирская или человеческая память затуманила ее подсознательную память, и она не узнала Мидира, однако пообещала пойти с ним, получив разрешение Эохайда. После этого события, как ни странно, Эйлилл исцелился от своей странной любви-любовницы.

В третьей части истории Мидир и Эохайд играют в игры. Мидир проигрывает первые две, а вместе с ними и большие богатства, но, выиграв третью, получает право обнять Этайн и поцеловать ее. Эохайд попросил отсрочки на месяц. Прошел последний день месяца. Наступила ночь. Эохайд в своем дворце в Таре ожидал прихода своего соперника, Мидира; и хотя все двери дворца были накрепко закрыты по этому случаю, а королеву окружили вооруженные воины, Мидир, словно дух, внезапно появился в центре двора и объявил пари. Затем, схватив и поцеловав Этайн, он поднялся с ней в воздух и очень быстро вышел через отверстие большого дымохода. В смятении король Эохайд и его воины поспешили за пределы дворца; там, подняв голову, они увидели двух белых лебедей, летящих над Тарой, связанных между собой золотой цепью[400].

Предшествующее существование Дермота

Когда перед ним встает трудная задача, Дермот - как и Монган - вспоминает о своем предшествующем существовании в качестве героя в потустороннем мире вместе с Мананнаном Мак Лиром и Ангусом Оге: "И вот заговорил Фергус Трулипс, олав Финна, и сказал: "Трусливо и жалко тебе унывать, Дэрмот; ведь у самого сильного Мананнана, сына Лира, ты учился и воспитывался, в Земле Обетованной и на изрезанных бухтами берегах; у Ангуса Оге, сына Дагды, тоже учился самым точным образом; и не справедливо, что теперь тебе не хватает даже малой доли их мастерства и смелости, которые могли бы помочь Финну

и его отряду подняться на эту скалу или бастيون." При этих словах лицо Дермота покраснело; он ухватился за волшебные шесты Мананнана, которые были у него, и, снова покраснев, благодаря искусности в боевых подвигах, он прыжком поднялся на древках своих копий и таким образом овладел двумя подошвами прочной глебы, нависавшей над урезом воды"[401].

Возрождение Туана

Туан, сын Старна, прожил сто лет, став братом Партолона, первого человека, достигшего Ирландии; а затем, через двести двадцать лет, родился заново, став сыном Кайрелла. Эта история в ее древнейшей форме сохранилась в *Книге Коровы Дун*, и, похоже, была составлена в конце девятого или начале десятого века[402].

Перерождение у бритонов

Таковы истории возрождения у гэлов. Среди брайтонов преобладала та же древняя доктрина, хотя мы имеем меньше четких записей о ней. О британской доктрине возрождения, философски изложенной в "*Барддасе*", уже упоминалось.

В древней валлийской истории о Талиессине Гвион после многих превращений, магических по своей природе, перерождается в великого поэта Уэльса, его мать - богиня Каридвен, обитающая под водами озера Тегид. В своем нынешнем мистическом виде эта сказка не может быть отслезжена дальше конца XVI века, хотя случаи превращения предполагаются в *Книге Талиессина*, рукописи XIII века.[403] Кроме того, что Талиессин является перерождением Гвиона, его можно рассматривать как бардовского адепта высокой степени, обладающего всеми магическими и друидическими способностями.[403] Он совершил путешествие в потусторонний мир, Каэр Сиди, и это, похоже, указывает на тесную связь между древними обрядами инициации и его оккультными знаниями обо всем сущем.[404] Как и ирландские сказки о перерождении и потустороннем мире, также предполагает связь между миром смерти или Фаэри и миром человеческого воплощения.

Избивая Аида, бриттский Гвидион завладел головой Аидова котла регенерации или перерождения; и когда в него бросают трупы убитых воинов, на следующий день они восстают такими же прекрасными, как всегда, за исключением того, что не могут говорить; это обстоятельство можно сравнить с тем, что обычный непосвященный человек при перерождении не может говорить о своем предыдущем воплощении, поскольку не имеет памяти о нем. Этот котел возрождения, как и многие другие предметы, упоминаемые в древней бардовской литературе, очевидно, является мистическим символом: он предполагает те же соответствия, что и в современных *бардах*, между мертвыми и живыми, между смертью и возрождением; а Гвидион, будучи великим культурным героем Уэльса, вероятно, провозгласил доктрину возрождения, и поэтому описывается как способный воскрешать мертвых[405].

Король Артур как реинкарнированный герой

Судя по существенным свидетельствам, изложенным выше в [главе v](#), самого знаменитого из всех валлийских героев, Артура, равно как и его ирландского собрата Кухулайнна, можно

смело рассматривать и как бога, отделенного от человеческого плана существования, и, таким образом, как Туатха Де Дананн или Фольк Фей, а также как великого национального героя и короля (каким был Монган), воплотившегося в физическом теле. Взятие Артура на Авалон его хранительницей жизни, Владычицей Озера, его родной сестрой и двумя другими женщинами-феями, живущими в потустороннем мире Священных Яблоневых Рощ, само по себе, как мы полагаем, достаточно, чтобы доказать его более божественное происхождение, чем у обычных людей. А вера в его возвращение из этого потустороннего мира - возвращение, которого так уверенно ожидают народы Британии, - похоже, является верой (независимо от того, признается она таковой или нет) в то, что Великий Герой перевоплотится в Мессию, которому суждено освободить их. На Авалоне Артур живет и сейчас, и "именно оттуда бритты Англии и Франции долгое время ожидали его прихода".^[406] А Мэлори, выражая настроения своей эпохи, пишет^[407]: - "Однако во многих частях Англии говорят, что король Артур не умер, но по воле Господа нашего Иисуса перешел в другое место; и люди говорят, что он придет снова и завоюет святой крест. Я не скажу, что так будет, но скорее скажу, что здесь, в этом мире, он изменил свою жизнь". Если рассматривать уход Артура и его ожидаемое возвращение, как это делают многие, в чисто мифологическом аспекте, мы должны думать о нем как о боге-солнце, но даже в этом случае нельзя полностью избавиться от идеи возрождения; ведь, как показывает изучение древнеегипетской мифологии, здесь сохраняется тот же набор отношений.^[408] Для изложения доктрины возрождения всегда использовались солнечные символы, будь то египетские, индийские, мексиканские или кельтские: смерть смертного, подобная смерти Артура, представлена закатом солнца на горизонте между видимым миром здесь и невидимым миром за Западным океаном, а возрождение - восходом нового дня.

Некельтские параллели

В качестве некельтской параллели к предыдущему рассказу о потустороннем мире кельтов и их доктрине возрождения мы предлагаем вторую из *"Историй верховных жрецов Мемфиса"*, опубликованную мистером Ф. Л. Гриффитом по древним рукописям.^[409] Это история Си-Осири (сына Осириса), отцом которого был Сетме Хамуас. Этот удивительный божественный сын, будучи еще ребенком, отправился со своим человеческим отцом в путешествие, чтобы увидеть Аменти, потусторонний мир мертвых; в двенадцать лет он был мудрее мудрейших писцов и не имел себе равных в магии. В этот период его жизни в Египет прибыл эфиопский маг, приехавший с целью смирить царство; но Си-Осири прочитал то, что было в нераспечатанном письме незнакомца, и узнал, что его носитель - реинкарнация "Хора, сына Неги", самого грозного из трех эфиопских магов, которые пятнадцать сотен лет назад вели войну с магами Египта. Тогда египтянин Хор, сын Па-неше, победил великого мага Эфиопии в финальной схватке между белой и черной магией, которая состоялась в присутствии фараона.^[410] А Хор, сын Нэгэ, согласился не возвращаться в Египет в течение пятнадцати сотен лет. Но вот время истекло, и, разоблачив характер посланника, Си-Осири уничтожил его магическим огнем. После этого Си-Осири объявил себя реинкарнацией Хора, сына Па-неше, и заявил, что Осирис разрешил ему вернуться на землю, чтобы уничтожить могущественного наследственного врага Египта. Когда откровение было сделано, Си-Осири "ушел как тень", вернувшись, подобно кельтскому Артуру, в царство невидимого, из которого он пришел.

Как и в древней Ирландии, где многие короли или великие герои считались прямыми воплощениями или реинкарнациями богов или божественных существ из потустороннего мира, так и в Египте фараоны считались богами в человеческих телах, посланными

Осирисом править Детями Солнца.[411] В Мексике и Перу существовало подобное верование.[412] В индийской *Махабхарате* Рама и Кришна одновременно являются богами и людьми.[413] Знаменитая философская поэма, известная как "*Бхагавадгита*", также утверждает происхождение Кришны от богов; та же точка зрения вновь подтверждается и расширяется в "*Хари-вансе*" и особенно в "*Бхагавата-пуране*".[413] В индийских *Законах Ману* говорится, что "даже младенца-царя нельзя презирать из-за мысли, что он простой смертный; ведь он - великое божество в человеческом облике".[414] В Древней Греции было распространено мнение, что Зевс из века в век перевоплощается в великих национальных героев. Александр Македонский считался не просто сыном Зевса, а самим Зевсом". И другие великие греки считались богами, пока жили на земле, например спартанский законодатель Ликург, которому после смерти поклонялись как одному из божественных[415].

Среди великих философов древняя доктрина о перерождении была личным убеждением: Будда рассказывал о многих своих предыдущих реинкарнациях, согласно "*Гатакамале*"; Пифагор, как говорят, отправился в храм Ере и узнал там древний щит, который он носил в прошлой жизни, когда был Эвфорбом, гомеровским героем.[416] Из того, что Платон в своем "*Мено*" цитирует одного древнего поэта, кажется весьма вероятным, что между легендами, упоминающими обряды Прозерпины, такими как легенда об Энее у Вергилия, и некоторыми ирландскими легендами о потустороннем мире и возрождении у гэлов существует какая-то связь, как мы уже предположили: "Ибо у кого Персефона приняла искупление древнего горя, их души она снова отправляет к верхнему солнцу в девятый год. Из них вырастают славные цари и люди быстрой силы, и люди, превосходящие их в поэтическом мастерстве; и на все последующие времена они называются святыми героями среди людей". Среди современных философов и поэтов Европы и Америки те же идеи находят отклик: Вордсворт в своей "*Оде о бессмертии*" определенно пропагандирует предсуществование; Эмерсон в своей "*Тренодии*" и Теннисон в "*De Profundis*", похоже, привержены доктрине перерождения, а Уолт Уитмен в своих "*Листьях травы*" без сомнения принял ее как истину. Некоторые немецкие философы также придерживаются взглядов, согласующихся с кельтской доктриной возрождения, например, Шопенгауэр в "*Мире как воле и идее*", И. Г. Фихте в "*Судьбе человека*" и Гердер в "*Диалогах о метемпсихозе*" (). Император Японии по-прежнему является божественным ребенком Солнца, главой *Ордена Восходящего Солнца*, и всегда рассматривается своими подданными как воплощение великого существа. Считается, что Великий лама Тибета реинкарнирует сразу после смерти.[417] Вильгельм II Германский, похоже, повторяет, возможно бессознательно, ту же доктрину, когда утверждает, что правит по божественному праву.[418]

То, что кельтская доктрина перерождения является прямым и полным подтверждением психологической теории природы и происхождения веры в фей, самоочевидно. Если бы было показано, что она сама по себе научно правдоподобна, как считают образованные кельты, - а многие свидетельства, полученные при изучении состояний сознания, например снов, сомнамбулизма, транса, хрустального взгляда, изменения личности, подсознания и так далее, указывают на то, что это может быть так, - это бы фактически доказало теорию. Тогда феи будут потусторонними существами, которые могут попасть в человеческий мир, подчинившись естественному процессу рождения в физическом теле, и будут соответствовать предкам Арунты - *Альчерингам*. В следующей [главе xii](#) предпринята попытка такого доказательства теории.

Перерождение среди современных кельтов

Одна из главных задач этой главы - показать, что доктрина о перерождении у кельтов, как и большинство верований, связанных с верой в фей, все еще сохранилась; таким образом мы еще раз доказываем, что кельтская традиция не прерывается с доисторических времен до наших дней. Поэтому в качестве доказательства мы приведем следующие оригинальные материалы, собранные нами самими:...

В Ирландии

В Ирландии я обнаружил два района, где доктрина перерождения не была полностью забыта. Первый из них находится в окрестностях Нок-Ма, недалеко от Туама. После того как миссис... рассказала мне о феях, я перешел к теме перерождения, и результатом этого стала самая ценная из всех моих ирландских находок, касающихся этой веры. Эта женщина из Белклара рассказала мне, что многие старики, когда она была девочкой и жила в нескольких милях к западу от Нок-Ма, верили, что они уже жили на этой земле как мужчины и женщины; но, добавила она, "вы вряд ли сможете заставить их говорить о своей вере. Это был своего рода секрет, который те, кто его придерживался, свободно обсуждали только между собой". Они также верили, что болезни и несчастья в старости приходят как наказание за грехи, совершенные в прошлой жизни".^[419] Этот искупительный или очистительный аспект доктрины возрождения, похоже, был более распространен, чем сама доктрина в ее общих чертах; так как женщина из Белклара, говоря о ней, смогла вспомнить из воспоминаний сорокапятилетней или пятидесятилетней давности популярную тогда историю о больном человеке и рыбаке, ловящем угрей: "Больной человек наблюдает за рыбалкой...

Больной человек, наблюдая за тем, как рыбак ловит угря, сравнивает свое жалкое физическое состояние с бодростью и здоровьем последнего и приписывает несчастье, обрушившееся на него, плохим поступкам в жизни, предшествовавшей той, которую он проживает сейчас. А вот и причитания несчастного:...

Fliuch, fuar atâ mo leabaidh;
Atâ fearthâinn agus geur-ghaoith;
Atâim ag îoc na h-uaille,
A's tusa ag faire do chliaibhîn.

(Мокрая, холодная моя постель;
Дождь и резкий ветер;
Я плачу за гордость,
А ты следишь за своей корзиной с угрями).

Рассказчица настояла на том, чтобы дать мне эти стихи на ирландском, поскольку, по ее словам, они имеют гораздо меньше смысла на английском, и я записал их; чтобы проверить их и историю, в которой они нашли свое место, я отправился в коттедж во второй раз. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что легенда является подлинным отголоском религии дохристианской Ирландии, в которой реинкарнация, по-видимому, была четко привита и, вероятно, являлась общепринятой верой.

Однажды я спросил Стивена Руана, волынщика из Голуэя, слышал ли он когда-нибудь о том, что люди рождаются на этой земле более одного раза, поскольку я искал следы старой ирландской доктрины о перерождении. Он ответил мне так: "Я часто слышал, как говорят, что люди, родившиеся и умершие, приходят в этот мир снова. Я слышал, как старики говорили, что мы жили на этой земле раньше; и я часто встречал стариков и женщин,

которые верили, что они жили раньше. Эта идея переходила от одного старого человека к другому и была общепринятой верой, хотя сейчас об этом мало кто слышит".

Один высокообразованный ирландец, живущий сейчас в Калифорнии, рассказал мне, что среди многих ирландцев по всей Ирландии была популярна искренняя вера в то, что Чарльз Парнелл, их великий защитник в наши дни, был реинкарнацией одного из старых гэльских героев. Это показывает, как древняя доктрина все еще применяется на практике. Некоторые выдающиеся ирландцы, живущие сейчас в Ирландии, с которыми мне довелось обсуждать доктрину перерождения, считают, что Патрика и Колумбу также следует рассматривать как древних гэльских героев, которые перевоплотились, чтобы работать на благо гэлов[420].

Легенда о Лаф Гур, графство Лимерик, свидетельствует о том, что сказки о спящем герое - это любопытный аспект древней доктрины перерождения. В таких сказках герои и их спутники-воины находятся под чарами, ожидая мистического часа, когда они выйдут вперед и освободят родную землю от власти саксов. Обычно их держат в таинственной пещере, как Артура и его людей, согласно различным локализованным валлийским историям; или же они находятся в глубинах волшебных холмов и гор, как большинство ирландских героев. Зачарованных героев и их спутников следует рассматривать как обитателей потустороннего мира, а их возвращение к человеческим действиям - как возвращение на человеческий план жизни. Легенда о Лаф Гур рассказывает о Гаррете Фицджеральде, графе Десмонде, который восстал против королевы Елизаветы. Современная народная традиция считает его божеством-хранителем Лафа и обитателем заколдованного дворца, расположенного под его водами. Как уверяет граф Джон де Салис, чьим родовым домом является поместье Лаф Гур, крестьяне этого региона убеждены, что граф раз в семь лет появляется, проезжая по поверхности озера на призрачной белой лошади, обутой в серебряные башмаки; и они верят, что когда серебряные башмаки лошади изнашиваются, действие чар заканчивается. Тогда, подобно Артуру, когда закончится его пребывание на Авалоне, Гаррет Фицджеральд снова вернется в мир людей, чтобы повести ирландцев к победе.[421]

В Шотландии

Доктор Александр Кармайкл, автор книги *"Кармина Гаделика"*, который как фольклорист изучил современные крестьянские верования в Горных горах и на островах более тщательно, чем любой другой живущий шотландец, сообщает мне, что, по-видимому, когда-то в Горных горах существовала определенная вера в древнюю кельтскую доктрину возрождения, поскольку он обнаружил там ее следы, хотя эти следы были лишь в самых смутных и грубых очертаниях.

На острове Мэн

Мистер Уильям Кэшен, хранитель замка Пил, сообщил следующее относительно доктрины возрождения на острове Мэн: "Здесь, на острове, среди стариков-манксов я слышал, как говорили, но только в шутку, что мы снова вернемся на эту землю через несколько тысяч лет. Эта идея не была очень популярной и не часто обсуждалась, и сейчас, насколько мне известно, в нее не верят. Похоже, она пришла к нам от друидов".

Вот свидетельство мистера Уильяма Оутса, данное в Балласалле: "Некоторые верили в возвращение (перерождение) духов. Я не могу этого объяснить. Один мой знакомый

мэнксмен говорил о переселении духов, но я не буду называть его имени, поскольку многие из его семьи все еще живут здесь, на острове".

Мистер Томас Келли из Глен-Мея не имел четкого представления о древней кельтской доктрине перерождения, хотя и сказал: "Мой дед имел представление о том, что он вернется сюда в воскресенье, чтобы потребовать свою землю". Это, несомненно, показывает, как могли смешаться христианская доктрина воскресения и кельтская доктрина возрождения, поскольку обе они основаны на общей идее физического послежизненного существования.

В Уэльсе

В стране Пентр-Эван, где я обнаружил столь богатый фольклор, я обнаружил, что моя главная свидетельница отсюда не была незнакома с древней кельтской верой в Перерождение. Однажды я спросил ее, слышала ли она когда-нибудь, чтобы старики говорили, что они жили раньше на этой земле как мужчины и женщины. Несколько удивленная этим вопросом, поскольку ответ на него раскрыл бы полутайные мысли, о которых, как оказалось, не знали даже ее собственные племянник или племянница, она на мгновение замешкалась, а затем, пристально посмотрев на меня, сказала с большой серьезностью: "Да; и я сама часто верю, что жила раньше". И поскольку необычный вопрос, казалось, выявил мою осведомленность об этой вере, она добавила: "И я думаю, вы должны быть того же мнения относительно себя". Затем она объяснила, что это поверье теперь редкость, и его придерживаются лишь несколько ее старых знакомых в том регионе, и они редко говорят о нем своим детям, боясь, что над ними будут смеяться.

Мистер Дж. Середиг Дэвис, известный фольклорист из Лланилара, близ Аберистуита, говоря о валлийской доктрине возрождения, сказал, что помнит, как, будучи в Патагонии, он обсуждал друидизм с другом, покойным Джоном Джонсом, родом из Бала, Северный Уэльс, и услышал от него замечание: "Действительно, я наполовину верю, что уже был в этом мире".

Мистер Джонс, наш свидетель из Понтргидфендига, дает следующие ценнейшие свидетельства о друидизме и доктрине перерождения в Центральном Уэльсе: "Талиессин верил в перерождение, и он был первым, кто истолковал друидические законы. Он верил, что из века в век пребывал во многих человеческих телах. Он верил, что обладает той же душой, что Енох и Илай, что он был судьей, рассматривавшим дело Иисуса Христа - "Я был судьей на распятии", как сообщается, и что он был заключенным в узах в суде Синфелина, недалеко от Аберистуита, в течение года и одного дня. Двести лет назад вера в перерождение была общепринятой. Многие придерживались ее и тогда, когда я был мальчиком. И даже сейчас здесь, в этих краях, некоторые люди прониклись древней верой друидов и твердо верят, что дух переселяется из одного тела в другое. Говорят также, что беременная женщина способна определить, какого ребенка она родит"[\[422\]](#).

Использование мистером Джонсом фразы "переходить из одного тела в другое" заставило нас заподозрить, что она может относиться к трансмиграции, то есть перерождению в тела животных, что, как показывает доктор Тайлор в *Primitive Culture*⁽⁴⁾ (ii. 6-11, 17 и т. д.), является искаженной или испорченной интерпретацией того, что он называет разумной и прямой доктриной перерождения только в человеческие тела. Но когда мы задали мистеру Джонсу дальнейший вопрос по этому поводу, он сказал: "Вера, о которой я говорю, - это перерождение в человеческих телах. Я слышал, что ведьмы могут менять свое тело на тело животного или демона, но я никогда не слышал, чтобы люди переселялись в тела животных. Некоторые люди говорят, что друиды учили подобным трансмиграциям, но я не думаю, что

они это делали - хотя валлийские поэты, кажется, использовали такую доктрину ради поэзии".

Чтобы получить как можно более конкретные доказательства относительно доктрины перерождения от такого важного свидетеля, как мистер Джонс, мы спросили его, не может ли он вспомнить имена одного или двух своих старых знакомых, которые верили в нее; и он сказал: "Один старый персонаж по имени Томас Уильямс, красильщик по профессии, почти верил в нее, а Шон Эван Ролант твердо верил в нее. Ролант был владельцем фермы "Олд Эбби" в поместье Кросс-Вуд и изначально был зажиточным и уважаемым фермером, но в результате залога поместья он лишился своей собственности. После того как его лишили собственности и плохо с ним обращались, он читал сто девятый псалом, чтобы навлечь проклятия на тех, кто действовал против него в процессе лишения собственности; и считалось, что ему удалось навлечь на них проклятия".

Преподобный Т. М. Морган, викарий прихода Ньючерч, близ Кармартена, который уже приводил ценные свидетельства относительно *Tylwyth Teg* (см. с. 149-51), приводит дополнительные материалы о доктрине перерождения в Южном Уэльсе: "Мой отец говорил, что в Кардиганшире до его времени существовала вера в перерождение. Это соответствовало друидизму, а именно, что все человеческие существа ранее существовали на Луне, мире среднего света и царице небес; что те, кто прожил там праведную жизнь, затем рождались на Солнце и далее на высшие небеса; и что те, чья жизнь на Луне была неправедной, рождались на этой земле в страданиях и грехе. Благодаря правильной жизни на земле души могут вернуться на луну, а затем эволюционировать к солнцу и высшим небесам; или же, благодаря неправильной жизни на земле, души рождаются в третьем состоянии, которое является состоянием полной тьмы и еще больших страданий и греха, чем предлагает наш мир. Но даже из этого низшего состояния души могут подняться к высшей славе, если будут успешно бороться со злом. Богиня Небес или Мать всех человеческих существ была известна как *Бренхинес-и-Неф*. Я не могу сказать, была ли она самой луной или жила на луне. С другой стороны, солнце считалось отцом всех человеческих существ. Согласно старому поверью, каждое новолуние приносит души, которые не были пригодны для рождения на солнце, чтобы поселить их здесь, на нашей земле. Иногда душ, ищущих воплощения на земле, бывает больше, чем младенческих тел, способных их вместить. Поэтому души борются между собой за право занять тело. Иногда одна душа пытается изгнать из тела душу, которая уже владеет им, чтобы завладеть им самой. Вследствие такой борьбы души с душой люди в этом мире проявляют безумие и разрываются на части. Всякий раз, когда проявлялось такое состояние, человек, демонстрирующий его, назывался *ллоэриг* или "тот, кто разорван луной" - *ллоэр* означает луну, а *риго* - надрез или разрыв; и в английском слове *lunatic*, означающем "пораженный луной", мы имеем схожую идею"[\[423\]](#).

Мистер Дэвид Уильямс, J.P., из Кармартена, который уже много рассказывал нам о валлийских феях (см. с. 151-3), предлагает не менее ценную информацию о "Трех кругах существования" и друидической схеме эволюции души: "Согласно друидам, есть три круга, через которые должны пройти души. Первый - *Cylch y Ceugant*, второй - *Cylch Abred*, третий - *Cylch y Gwynfyd*. Название каждого круга относится к особому виду духовного обучения, и если, достигнув второго круга, вы не достигли его совершенства, выполнив все его положения [вероятно, в должном порядке и в нужное время], вы должны снова начать в первом круге; но если вы достигнете совершенства второго круга, вы перейдете в третий круг. В первом Круге, который является нелокальным, душа не имеет условий телесного существования, как во втором Круге. Второй Круг представляется состоянием, подобным тому, в котором мы находимся сейчас, - смесью добра и зла. Третий круг - это состояние

совершенства и блаженства. В нем окружение души соответствует всем ее желаниям и стремлениям, и есть контакт с Богом". В этот момент я спросил, происходит ли потеря индивидуальности в третьем круге, и мистер Уильямс ответил: "Нет, потери индивидуальности не происходит". Следовательно, как мы предполагаем, *Cylch y Gwynfyd* - это друидическая параллель Нирване индийской метафизики - состояние совершенного и неограниченного самосознания, которое человек никогда не познает в земной жизни. И, наконец, мистер Уильямс говорит по поводу перерождения: "Примерно в 1780-1820 годах в Гламорганшире жил старый бард, который на самом деле был друидом, хотя и исповедовал христианство, и он полностью верил в перерождение. Его общее имя было Эдвард Уильямс (Иоло Морганвг); он [вместе с Оуэном Джонсом и Уильямом О. Пьюджем] редактировал знаменитую *"Археологию Уэльса"*.

В Корнуолле

Мистер Генри Мэддерн, F.I.A.S., наш очень важный свидетель из Пензанса, дает следующие показания относительно доктрины перерождения в Корнуолле: "Вера в реинкарнацию была очень распространена среди старых корнуоллских народов. Например, считалось, что после произнесения заклинания в Ньюлин-Толкарне тролль, населяющий его, мог воплотить вызвавшего его человека в любом состоянии, в котором тот существовал в прежние времена. Достаточно было назвать эпоху или период, и можно было прожить свою прошлую жизнь заново. Моя медсестра Бетти Гранкан и старый шахтер по имени Уильям Эдвардс верили в перерождение и рассказывали мне об этом. Я слышал, как они рассказывали друг другу истории о том, что человек может вернуться в память о прошлых жизнях. Они говорили, что пол человека всегда остается одним и тем же из жизни в жизнь. Я никогда не слышал о вере в переселение людей в животных, а только в перерождение человека"[\[424\]](#).

В Бретани

В [главе ii](#), с. [216](#), М. З. Ле Рузик, хранитель музея Милна в Карнаке, говорит, что среди его бретонских соотечественников в окрестностях Карнака сейчас существует общая и глубокая вера в то, что духи воплощаются в виде мужчин и женщин; и он сказал мне, что эта вера существует и в других районах Морбиана. И я сам обнаружил в этой стране Карнак, о которой говорит месье Ле Рузик, что доктрина реинкарнации предков, которая, как он соглашается, то же самое, что и воплощение духов, весьма распространена, хотя, как правило, о ней говорят только сами бретонцы.

М. Ле Рузик изложил это поверье в том виде, в каком оно известно в Карнаке, следующим образом: "Неоспоримо, что вера в реинкарнацию духов является общей в нашей стране; и считается, что духи, воплощенные сейчас, - это духи людей прежних времен".

После того как Луи Гезель из деревни Сен-Колумбан, расположенной в миле от Карнака, рассказал мне некоторые легенды о мертвых, я спросил его, слышал ли он когда-нибудь, что мертвые могут возрождаться в виде мужчин и женщин здесь, на земле. Вопреки моим ожиданиям, вопрос не вызвал никакого удивления, и у меня сразу же сложилось впечатление, что древняя кельтская доктрина о перерождении хорошо знакома ему и многим бретонцам в районе Карнака. Когда мы разговаривали об этой доктрине, он решительно сказал: *"Это правда"*; и в качестве иллюстрации рассказал следующие анекдоты: "Однажды вечером женщина на кладбище увидела духов многих умерших детей,

которые просили у нее жизни, и реинкарнацию. Сын моего сына похож на моего деда, особенно по своим умственным чертам и общему характеру, и семья верит, что этот сын - мой дед, реинкарнированный. (Записано в Сент-Колумбане, Бретань, август 1909 года).

Профессор Анатоль Ле Браз в письме-предисловии к книге *"Карнак", "Легенды, предания, кутюмы и рассказы о народах"* (Нант, 1909), написанной М. З. Ле Рузик делает это поэтическое обращение к своему другу, автору книги, и тем самым восхитительно перекликается с древней бретонской доктриной перерождения: "Ты, твои глаза, твои уши находятся в другом месте: ты провидец и слушатель нижних областей; ты воспринимаешь плавающие образы и различаешь полые звуки людей маны; ты живешь, буквально, среди них. О чем я говорю? Под формой и обликом человека сегодняшнего дня вы на самом деле один из них, вознесенный в день сегодняшний и реинкарнированный". И снова, говоря об Аллегии Менек, профессор Ле Браз добавляет о своем друге: "Вы были одним из жрецов-строителей, работавших над ее возведением; вы служили среди мириадов ее колонн, председательствовали на пышных похоронах в ее циклопических пещерах, окропляли ее могильные курганы, по форме напоминающие шатры, кровью быков и телок, которые теперь дороги святому Корнели. И в этом вы сами мне признаетесь: эти непостижимые эпохи остаются для вас реальными и настоящими".

Происхождение и эволюция кельтской доктрины о перерождении

Если вкратце рассмотреть, какие некельтские доктрины могли предположительно сформировать кельтскую доктрину возрождения, то можно выделить два основных потока влияния. Один поток берет свое начало в доктринах возрождения, подобных тем, что излагались в орфической, пифагорейской, платоновской и других подобных восточных философиях; другой же возникает в первобытном христианстве, где, как свидетельствуют литературные и исторические данные, возрождение могло быть не менее важной доктриной; Или, во всяком случае, существовала определенная тенденция, позже осужденная как еретическая, синтезировать александрийскую философию и иудейскую (которая в некоторой степени повлияла на александрийскую) с доктринами ранней Церкви. Эта тенденция ясно показана Оригеном и Клеменсом Александрином, другим выдающимся отцом.

У нас есть более надежная защита от второго потока, чем от первого, потому что христианство имеет более позднее и более определенное происхождение, чем любая из философий восточного происхождения. Некоторые друиды, главным образом в Шотландии и Уэльсе, которые, как известно, придерживались доктрины перерождения до обращения, а возможно, и после обращения, как это было в случае с современным друидом, редактором *"Археологии Уэльса"* (см. с. 391 выше), приняли Новую Веру как более чистую форму друидизма и Иисуса Христа как Величайшего из друидов. Такое готовое и полное принятие, скорее всего, было бы невозможным, если бы их кардинальная доктрина перерождения была таким образом осуждена. Поэтому представляется, что примитивной христианской доктрины возрождения могли открыто придерживаться некоторые из ранних кельтских миссионеров. Эти последние в те века, когда Ирландия была университетом для всей Европы, имели все возможности узнать многое о самых ранних традициях христианства, и они, с их собственными полужычскими инстинктами, могли бы одобрить такую доктрину, не советуясь с Римом, так же как такие отцы церкви, как Тертуллиан, осудили ее на своем личном авторитете, а Ориген верил в нее. Кроме того, если учесть, что доктрина Воплощения даже сейчас внушает, что Сын уже существовал и соединился с человеческой душой в акте

зачатия, и что первоначально и некоторыми ирландскими святыми она могла рассматриваться как применимая ко всему человечеству в более скромном и менее божественном смысле, мы, кажется, видим в монганской истории о возрождении, которую христианские переписчики осветили, очевидно, с учетом таких идей, доказательство того, что в этом доктринальном пункте христианские и кельтские верования слились.[425] Но христианские верования не были источником кельтских, поскольку ученые показали, что зародыш истории о рождении Монгана, как и истории о рождении Кухулайнна, является дохристианским, и что история рождения Этайн относится к тому времени, когда ирландские мифы и история были полностью свободны от христианского влияния.[426] Тот же первоначальный языческий характер имеют и эпизоды о рождении, существующие в бриттской литературе. 427] И, наконец, из свидетельств нескольких древних авторитетов, например, Юлия Цезаря, Диодора Сикула, Помпония Мелы и Лукана, писавших, соответственно, около 50 г. до н.э., 40 г. до н.э., 44 г. н.э. и 60-65 г. н.э., что кельты уже придерживались доктрины возрождения, то можно с уверенностью сказать, что любое возможное влияние христианского потока, вместо того чтобы породить кельтскую доктрину возрождения, могло лишь изменить ее.

Остается очень сложный вопрос: могли ли классические или восточные доктрины возрождения зародить или фундаментально сформировать кельтскую доктрину возрождения? В настоящее время на него нельзя ответить с уверенностью ни отрицательно, ни положительно. Однако мы можем предположить, как и в случае с параллельной христианской доктриной возрождения, возможный контакт и слияние, произошедшие различными путями, например, через восточных купцов, таких как финикийцы, и путешественников, посещавших Британию в дохристианские времена, но главным образом через континентальных кельтов, которые были непосредственно знакомы с греческой и римской культурой, встречая своих собратьев по изоляции за Ла-Маншем и Ирландским морем. Все эти древние контакты отодвигают проблему все дальше и дальше назад во времени; и наш самый простой и безопасный курс - это заявить, как мы можем заявить о подобной проблеме происхождения кельтской потусторонней веры - что имеющиеся факты сравнительной религии, философии и мифа ясно указывают на доисторическую эпоху, когда существовал общий прародительский фонд для средиземноморской и панкельтской культур. Она могла зародиться на Дунае или в Северной Европе, как считают многие авторитеты в этнологии, или, как начинают считать другие, в потерянной Атлантиде - наиболее вероятной родине темных докельтских народов Ирландии, острова Мэн, Шотландии, Британии, Южной и Западной Европы и Северной Африки, которые вместе с арийцами являются совместными предками современных кельтов. Обе ветви этого общего кельтского родового фонда придерживались доктрины перерождения. И, по крайней мере, от своих арийских предков она, по-видимому, была унаследована кельтами в истории. Пытаться гипотетически доказать, что та или иная раса, египетская, финикийская, греческая или кельтская, в зависимости от обстоятельств, является единственным родоначальником того или иного верования, так же бесполезно и абсурдно, как пытаться доказать, что галы не имеют расового родства с бритонами. Одна из величайших заслуг, которую сегодня оказывает научное исследование человеческих проблем, - это демонстрация необоснованности существования искусственных социальных барьеров, отделяющих расу от расы, религию от религии, институт от института, и заявление о том, что единство и братство людей - это факт, присущий самой природе человека, а не сентиментальный идеал. Но в природе везде есть специализация и дифференциация; и хотя кельтские традиции и верования в корне не отличаются от тех, что встречаются в каждом веке, расе и культурной

стадии, отношение к этому общему фонду доисторических преданий и мистической религии в некоторых отношениях уникально, а значит, и кельтское. За рамки этого утверждения мы не можем выйти.

РАЗДЕЛ III

КУЛЬТ БОГОВ, ДУХОВ, ФЕЙ И МЕРТВЫХ

ГЛАВА VIII

СВИДЕТЕЛЬСТВА АРХЕОЛОГИИ[428]

Пока он говорил, он остановился перед большим курганом, поросшим деревьями, а вокруг него в лунном свете серебрились огромные камни, остатки первоначального круга, и туда вел темный, низкий, узкий вход. "Это был мой дворец. В прошлые дни многие срывали здесь пурпурный цветок магии и плоды дерева жизни". И пока он говорил, свет начал сиять и пронизывать пещеру, и стирать каменные стены и выгравированные на них древние иероглифы, и плавить земляной пол, словно огненное солнце, внезапно восставшее в мире, и повсюду был блуждающий экстаз звука: свет и звук были едины; свет имел голос, и музыка висела, сверкая в воздухе..... "Я - Аэнгус; люди называют меня Молодым. Я - солнечный свет в сердце, лунный свет в разуме; я - свет в конце каждого сна, голос, вечно зовущий уйти; я - желание вне радости и слез. Идите со мной, идите со мной: Я сделаю тебя бессмертным, ибо мой дворец выходит в Сады Солнца, и там есть огненные фонтаны, которые в восторге утоляют желания сердца" - А. Е.

Неадекватность теории пигмеев Согласно теориям, касающимся божественных изображений и фетишей, боги, демоны и духи предков преследуют мегалиты - мегалиты являются религиозными и погребальными, о чем свидетельствуют, прежде всего, *Сенн Круайх*, Стоунхендж, менгиры в Гернси, памятники в Бретани, круговой танец фей как древний иницирующий танец солнца, бретонские земляные работы, археологические раскопки в целом, а также современное поклонение индейским дольменам - Нью-Грейндж и кельтские мистерии: свидетельства манускриптов; свидетельства традиции - культ Аэнгуса - Нью-Грейндж сравнивается с Великой пирамидой: оба имеют астрономическое расположение и одинаковый внутренний план - почему они открываются на восход солнца - инициации в обоих - Великая пирамида как модель для кельтских тумулов - Гавринис и Нью-Грейндж как храмы духов.

В этой главе мы предлагаем рассмотреть популярное среди кельтских народов поверье о том, что тумулы, дольмены, менгиры и вообще большинство мегалитических памятников, доисторических или исторических, являются либо обителью, либо излюбленным местом

обитания различных фей - пикси в Корнуолле, *корриганов* в Бретани, маленьких духов, похожих на пигмеев, духов, похожих на смертных по росту, гоблинов, демонов и призраков. Были предприняты интересные попытки объяснить это народное поверье с помощью пигмейской теории фей; и это народное поверье представляется едва ли не главным, от которого зависит теория.[429] Как было отмечено во Введении (с. xxiii), возможно, одна из многих нитей, вплетенных в сложную ткань веры в фей, округлая оригинальная психическая модель была завещана народной памятью какой-то неизвестной, возможно пигмейской, расы, которая могла обитать под землей, как в некоторых тумуляторах. Но даже если бы теория пигмеев была полностью принята нами, проблема, которую нам предстоит рассмотреть, все равно осталась бы нерешенной; ведь как объяснить с помощью теории пигмеев, почему народная память всегда должна идти по психическим каналам, и не только в кельтских землях, но и по всей Европе, и даже в Австралии, Америке, Африке и Индии.

Археологические исследования теперь ясно показали, что многие из великих опухолей, покрывающих дольмены или подземные камеры, как, например, Мон-Сен-Мишель (в Карнаке), были религиозными и погребальными по своим целям с самого начала; и поэтому теория пигмеев далека от удовлетворительного или адекватного объяснения. Для нас этот вопрос похож на расследование причин, по которым призраки преследуют дом, в то время как сторонники теории пигмеев забывают о призраках и рассказывают о людях, которые, возможно, жили в доме с привидениями, а возможно, и никогда не жили в нем, и о том, кто его построил. В мегалитах, говоря простым языком народных поверий, обитают феи, пикси, *корриганы*, призраки и различные виды невидимых существ. Как и Общество психических исследований, мы верим, что невидимые существа, такие как призраки, могут существовать или действительно существуют, и поэтому предлагаем проводить наши исследования с этой точки зрения[430].

Менгиры, дольмены, кромлехи и тумули

Для начала мы займемся менгирами, дольменами, кромлехами и некоторыми видами тумулей - такими, как в Карнаке, вокруг которых *корриганы* устраивают свои ночные пирушки и где призрачные формы иногда видят при лунном свете или даже когда луны нет. Месье Поль Себильо в книге "*Фольклор Франции*"[431] очень подробно описал многочисленные народные традиции и обычаи, связанные со всеми подобными памятниками, и нам остается только рассмотреть психические аспекты этих традиций и обычаев.

Ученый каноник Маэ в своем "*Essai sur les antiquités du département du Morbihan*" (p. 258), труде редкого достоинства, опубликованном в Ванне в 1825 году, утверждает, что не только величественные выравнители Карнака использовались в качестве храмов для религиозных обрядов, но и сами камни, из которых выстраиваются выравнители, почитались как обители богов.[432] И, цитируя Порфирия, Иамблиха, Прокла, Гермеса и других, он показывает, что древние верили, что боги и демоны, привлеченные жертвоприношением и поклонением каменным изображениям и другим неодушевленным предметам, осеяли их или даже устраивали в них свои обители. Эта позиция каноника Маэ подтверждается сравнительным исследованием кельтских и некельтских традиций в отношении теории того, что ошибочно называют "поклонением идолам". Все свидетельства говорят о том, что так называемые идолы - это просто изображения, используемые в качестве носителей информации для проявления призраков, духов и богов: древние, как и современные примитивные расы, похоже, никогда не поклонялись таким изображениям, а просто обращались с молитвами и жертвами к обитающему в них божеству.[433] Древние

египтяне, например, воспринимали *Ка* или личность как нечто отдельное от человека или тела, и поэтому "статуя человека представляла и воплощала в себе человеческое *Ка*". Точно так же статуя бога была местом обитания божественного *Ка*, привлеченного к ней определенными мистическими формулами во время посвящения.[434] Хотя статуй одного и того же бога могло быть много, ни одна из них не была похожа на другую; каждая была оживлена независимым "двойником", которого обряды посвящения вызывали у бога. Одушевленные таким образом "двойником", статуи проявляли свою волю - как это делали греческие и римские статуи - либо речью, либо ритмичными движениями. Божественная сила, обитающая в образах богов, считалась неким флюидом, аналогичным тому, что мы называем магнитным флюидом, аурой и т. д. Она могла передаваться с помощью наложения рук и магических пассов на затылок или вдоль спинного хребта пациента;[435] и, несомненно, ей приписывались необыкновенные лечебные свойства.

Доктор Тайлор собрал примеры из всех частей света так называемого фетишизма, который представляет собой почитание естественных живых объектов, таких как деревья, рыбы, животные, а также неодушевленных предметов почти всех мыслимых описаний, включая камни, из-за духа, который, как считается, присущ или живет в конкретном объекте; и он показывает, что идолы первоначально были фетишами, которые со временем стали формироваться в соответствии с формой духа или бога, который, как предполагается, обладал ими.[436] Г-н Р. Р. Маретт, основоположник доанимистической теории, считает, что первоначально фетиши считались самими богами, а постепенно они стали рассматриваться как жилища богов.[437] Некоторые четко сформулированные кельтские традиции полностью соответствуют этой теории: например, каноник Маэ пишет: "В соответствии с этим, фетиши были созданы на основе кельтских традиций. Канон Маэ пишет: "В соответствии с этой странной теорией они (кельты) могли верить, что камни, приводимые в движение духами, которые их оживляли, иногда ходили пить в реки, как сказано о Пеульване в Нойяль-Понтиви" (Морбиан);[438] и я обнаружил параллельное поверье в Роллрайте, Оксфордшир, Англия, где о Королевском камне, древнем менгире и, согласно некоторым народным преданиям, преображенном человеке, говорят, что он спускается с холма в канун Рождества, чтобы напиться в реке. В знаменитом менгире или камне-столбе на Таре по сей день мы имеем еще один любопытный пример, подобный движущимся статуям в Египте и кельтским камням, которые двигаются; в *Книге Лисмора* перечисляются чудесные свойства *Lia Fáil*, "Камня судьбы", и говорится, что когда на него ступал монарх Ирландии, камень издавал под ним крик, но если на него ступал любой другой человек, то наступала тишина[439].

В "*Трехчастном житии святого Патрика*" говорится, что главный идол Ирландии находился в Маг Слехте и назывался "Cenn Cruaich, покрытый золотом и серебром, и двенадцать других идолов[440] [были] вокруг него, покрытые медью". Когда Патрик попытался поместить свой посох на вершину Cenn Cruaich, идол "склонился на запад, чтобы повернуться на правый бок, ибо лицо его было с юга, то есть Тага..... И земля поглотила двенадцать других изображений до их голов, и они остались в знак чуда, и он проклял демона и изгнал его в ад".[Сэр Джон Рон указывает, что *Cenn Cruaich* означает "голова или начальник кургана", и что история о его наклонном положении говорит нам о древнем и постепенно падающем менгире, установленном на вершине кургана или холма в окружении двенадцати меньших камней-столбов, все тринадцать - само священное число - считались обителью богов или самими богами; и эти боги упоминаются как демон, изгнанный Патриком из этого места. Центральный менгир или Cenn Cruaich, вероятно, представляет Солнечного Бога, а двенадцать менгиров вокруг него - двенадцать месяцев в году.[442] В *Коллоквиуме* говорится, что Патрик прошел свой путь, "чтобы посеять веру и благочестие, изгнать дьяволов и волшебников из Ирландии; воздвигнуть святых и праведников, воздвигнуть

кресты, камни и алтари; также низвергнуть идолов и изображения гоблинов, и все искусство колдовства".[443] Валлийская традиция гласит, что святой Давид расколол верхний камень кромлеха (дольмена) Маен Кетти[444] в Гоуэре, , чтобы доказать людям, что в нем нет ничего божественного[445].

Согласно Джеффри Монмутскому, Мерлин построил Стоунхендж, волшебным образом перенеся из Ирландии "Хор гигантов", очевидно, древний ирландский круг из камней.[446] Рациональное объяснение этого мифа состоит в том, что камни Стоунхенджа, не принадлежащие к коренным породам Южной Англии, как хорошо известно геологам, были, вероятно, перевезены из какой-то отдаленной части Британии и установлены на Солсберийской равнине из-за каких-то магических свойств, которыми они якобы обладали; и, скорее всего, "камни считались божественными или очагами божественной силы".[447] И далее (признавая тем самым священное назначение группы) сэр Джон Рон не видит возражений против отождествления Стоунхенджа со знаменитым храмом Аполлона на острове гипербореев, о котором говорится в дневнике путешествий Пифея[448]. Согласно интерпретации этого дневника сэром Джоном Рон, "царями города, содержащего храм, и зрителями последнего были бореады, которые осуществляли управление последовательно, в соответствии со своими племенами. Горожане предавались музыке, игре на арфах и песнопениям в честь бога Солнца, который каждый девятнадцатый год имел обыкновение появляться в день весеннего равноденствия и продолжать играть на арфах и танцевать на небе до восхода Плеяд"[448].

Два менгира, грубо вырезанных для имитации человеческой формы, до сих пор можно найти на Гернси (Нормандские острова), а раньше подобный менгир был в бретонской деревне Бо, Морбиан. Одна из гернсийских фигур была выкопана в 1878 году под алтарем церкви Катель, а затем помещена в церковный двор, так что в данном случае кажется весьма вероятным, что христианская церковь была построена на месте священного языческого святилища, где когда-то существовал культ камней. Вторая каменная фигура (женская), ныне стоящая в качестве столба у ворот на церковном дворе прихода Святого Мартина, похоже, также отмечает место, где дохристианское святилище было христианизировано. Вплоть до середины прошлого века сельские жители района считали за счастье делать цветочные и даже пищевые подношения этому камню; но в 1860 году церковный староста, чтобы разрушить его святость, разломал его надвое, хотя сейчас он восстановлен.[449] Подобным каменным изображением была знаменитая "Vénus de Quinipilly", недалеко от Бо, Морбиан. У его основания находилось каменное корыто, в котором до конца XVII века больные излечивались прикосновением к изображению, а юноши и девушки купались, чтобы обеспечить себе любовь и долгую жизнь[449].

Каноник Маэ записал в 1825 году, что по народным поверьям призраки и духи мертвых обитали вокруг мегалитических памятников, особенно тех, которые, как известно, использовались в качестве гробниц, поскольку кельты считали, что их преследуют духи предков;[450] и то, что было правдой в 1825 году, верно и сейчас, поскольку в Бретани все еще существует ассоциация духов предков, *корриганов* и других племен, похожих на духов, с тумулями, дольменами, менгирами и кромлехами, и, как мы показали в [главе II](#), очень жива вера в *Легенду о смерти*. Описывая несколько любопытных дольменов и кромлехов (каменных кругов) на вершине горы под названием *Клех* или *Мане эр клох*, "Гора колокола", в Мендоне, округ Лорьян, Морбиан, тот же автор высказывает мнение, основанное на народных преданиях, что эти кромлехи, как и другие в Бретани, были местами, где древние бретонцы занимались некромантией и вызывали духов своих предков, которым они приписывали огромную силу. Затем он записывает очень ценную и интересную традицию,

касающуюся этих памятников, которая, кажется, ясно указывает на тесную связь между *Poulpiquets* (другое название *corrigans*), которых крестьяне считали духами, и магическими обрядами, проводимыми в кругах для вызова духов или демонов: - "Люди называют камни, которые там находят, камнями *осегеанцев* или *герерионетов* (которые то же самое, что и *пулпикеты*); и они заявляют, что в определенные сезоны они имеют обыкновение приходить туда, чтобы отпраздновать свои мистерии, что доказывает, что род этих карликов еще не вымер, как я полагал."^[451]

Когда мы слышим, как *корриганы* танцуют национальный бретонский танец *ронде* или *риде* на таких кромлехах (которые, как и танец, имеют круглую форму), которые вместе с другими древними каменными памятниками и земляными сооружениями до сих пор считаются излюбленными местами обитания этих и родственных им племен духов, В свете записей каноника Маэ мы, кажется, видим психическое народное воспоминание о расе гоблинов, которые, как теперь считается, часто посещают те самые места, где, как говорят, в древности языческие жрецы вызывали таких духов для целей гадания. Кроме того, похоже, что в этих священных центрах, как свидетельствует процитированная традиция, в доисторические времена проходили бретонские инициации, подобные тем, что до сих пор процветают среди нескольких сохранившихся племен американских индейцев (которые также танцуют круговой танец инициации) и среди других первобытных народов, как мы более подробно покажем в главе о чистилище святого Патрика. Таким образом, бретонский танец, скорее всего, является памятником древнего танца инициации, религиозного по своему характеру и, вероятно, в честь солнца, поскольку он имеет круглую форму, как и кромлехи, посвященные культу солнца. Стоунхендж, наиболее высокоразвитый тип кромлеха, несомненно, был храмом солнца; и танец, который в древности проводился в нем, как описал Пифей, в честь бога Аполлона, несомненно, был круговым, как бретонский национальный танец, и, предположительно, инициационным.^[452] В результате естественного антропоморфного процесса этот круговой танец инициации стал приписываться *корриганам* в Бретани, пикси в Корнуолле и Англии, а также феям в этих и других кельтских странах. Представление о племенах фей в таком особом отношении может быть результатом народной памяти о реальных инициаторах, которые, как люди в масках, представляли духов; и если это правдоподобное мнение, то фей можно сравнить с инициаторами современных церемоний посвящения у примитивных народов и, следуя теории доктора Гилберта Мюррея, с греческими сатирами^[453].

Круговой танец, подобный бретонскому, до сих пор сохранился среди крестьян на Нормандских островах, по крайней мере на Гернси, Олдерни и Сарке, и отмечается на свадьбах, но теперь оборот происходит не вокруг камня, а вокруг человека, и этому человеку воздается почести. Это подтверждает наше мнение о том, что танец является продолжением древнего солнечного танца, центральная фигура которого представляет собой божество солнца, или Аполлона; и если мы обозначим этот танец таким образом ☉, то получим астрономическую эмблему, которая до сих пор используется во всех наших календарях для обозначения солнца и которая сама по себе хранит огромное количество забытых преданий. Раньше на Гернси места главных дольменов (или кромлехов) и столбов посещались священной процессией, и вокруг некоторых из них все тело паломников "торжественно вращалось три раза с востока на запад" - как движется солнце^[454].

Опять же, согласно Канону Маэ,^[455] основания и нижние части сторон четырех одиночных курганов в Коэт-бихане сливаются таким образом, что образуют замкнутый двор, а один из курганов был пробит как бы для прохода в этот двор. И он считает более чем вероятным, что эти древние земляные сооружения, когда они только были возведены, и другие подобные им

в различных кельтских землях, были свидетелями многих мистических и религиозных обрядов и священных племенных собраний. Предположение о том, что земляные сооружения Коэт-биан первоначально были посвящены языческим религиозным обрядам, значительно укрепляется тем фактом, что в очень ранние времена рядом с ними была возведена христианская часовня. Мишель в Карнаке - еще один пример языческого кургана, посвященного христианскому святому; и, как говорит сэр Джон Рон, архангел Михаил появляется в кельтских землях чаще, чем в других местах, как вытеснитель темных сил.[457] Не только курганы, таким образом, переходили путем повторного посвящения от языческих богов к христианским святым, но и дольмены и менгиры. Так, например, в Плухарнель-Карнак (Морбиан) есть менгир, над которым возвышается христианский крест, так же как в Доль (Иль-и-Вилен) деревянное распятие возвышается над большим менгиром, а в Карнаке есть дольмен, также христианизированный каменным крестом, установленным на камне-столе. Опять же, М. Ж. Дешелетт в своем *"Руководстве по праисторической, кельтской и галло-романской археологии"* (стр. 380) описывает дольмен в Плуаре (Кот-д'Ю-Норд), превращенный в часовню, посвященную семи святым, и другой дольмен в Сен-Жермен-де-Конфоленс (Шаранта), также превращенный в место поклонения. Мисс Эдит Ф. Кери так объясняет дольмены на Нормандских островах: "Все наши старые традиции доказывают, что дольмены были местом встречи наших островных колдунов. В рукописях шестнадцатого и семнадцатого веков я нашел описание этих дольменов как "алтарей морских богов"..... Один из наших древних дольменов сохранил свое древнее название Де Хус, а "Першаж" XV века из Фиф-де-Лери рассказывает, что ныне разрушенный дольмен на нашем западном побережье был посвящен тому же богу, ибо Хеус или Хесус был богом войны в древней Галлии"[458] Тот же автор описывает раскопки Де Хуса, проведенные г-ном Лукисом, и что он нашел в боковой камере два коленопреклоненных скелета, один обращен на север, другой - на юг. Он считает, что это были молодые люди, вероятно, заживо погребенные или принесенные в жертву какому-то племенному вождю или божеству, возглавлявшему дольмен. Рядом с гробницей эпохи ранней бронзы на дне большого кургана близ Маммарлёфа, в Сконе, доктор Оскар Монтелиус, известный археолог Швеции, обнаружил круглый каменный алтарь, на котором лежали древесный уголь и останки сожженного животного, которое, несомненно, было принесено в жертву умершему.[459] Шлиман сделал аналогичное открытие в древней гробнице в Микенах, Греция.[Любопытно, что в современной Индии дравидийские племена, пигмееподобные аборигены, поклоняются древним дольменам в своих лесах и горах, то ли гробницам и, следовательно, духам предков, то ли богам, не всегда ясно; но последняя форма поклонения, вероятно, более распространена, поскольку мистер Уолхаус однажды наблюдал, как один из их знахарей совершал умиловительную службу сельскохозяйственным или земным божествам. Знахарь провел ночь в одиночестве, сидя "на камне дольмена с пятками и бедрами, сведенными вместе, и подбородком на коленях" - очевидно, таким образом он ожидал прихода бога Солнца[461].

Все приведенные выше иллюстрации, в основном кельтские, доказывают, что менгиры, некоторые курганы и земляные сооружения, кромлехи и дольмены изначально были связаны с религиозными обрядами, в основном с культом богов и сказочных существ, а также, хотя и реже, с мертвыми. Теперь мы перейдем к специальному рассмотрению камерных тумулов, чтобы показать, что и с ними, по-видимому, дело обстоит точно так же.

Нью-Грейндж и кельтские мистерии

Хотя, как считают профессор Дж. Лот и другие выдающиеся археологи, все тумулы, содержащие камеры, и все *куверты* дольменов следует рассматривать как заведомо

погребальные по своему назначению, тем не менее, некоторые из них, такие как Нью-Грейндж и Гавринис, могут также рассматриваться как места для поклонения или даже жертвоприношения мертвым, и, возможно, как места для религиозных паломничеств и священных обрядов. Такого же мнения придерживается М. Ж. Дешелетт в своей работе по кельтской и галло-римской археологии, прослеживая с самых ранних доисторических времен в Европе эволюцию культа мертвых по свидетельствам древних мегалитических памятников[462].

Для начала возьмем за образец самый известный из всех так называемых кельтских курганов - Нью-Грейндж на реке Бойн в Ирландии.[463] В ирландской литературе Нью-Грейндж постоянно ассоциируется с Туатха Де Дананн как один из их дворцов, о чем говорится в нашей четвертой главе. На протяжении всего нашего второго раздела в целом свидетельства указывают на то, что сущностная природа этих сказочных существ субъективна или духовна. Эти два факта в самом начале очень важны и основополагающи, потому что мы ожидаем показать еще более ясно, чем мы только что сделали в случае с менгирами, дольменами, кромлехами и меньшими курганами, что рассматриваемое народное поверье в основе своей психическое, выросшее из народной памяти о времени, когда, как только что было сказано, кельтские или докельтские курганы использовались для погребения, и, вероятно, некоторые из них - как места для празднования языческих мистерий.

Г-н Джордж Коффи, выдающийся археолог, ответственный за археологические коллекции Ирландской королевской академии, приводит цитаты из древних ирландских записей в *Leabhar na h-Uidhre* и других манускриптах, чтобы показать, что ранние традиции ссылаются на страну Бойн как на место захоронения королей Тары, и что иногда они, кажется, связывают *Бруг-на-Бойне* с курганами на Бойне,[464] но, поскольку точная идентификация невозможна, нельзя с уверенностью сказать, имеется ли в виду один из трех больших курганов на Бойне. Даже если бы удалось убедительно доказать, что в Нью-Грейндже действительно был захоронен какой-то могущественный герой или король, как это вероятно, в земле за камерой, под полом камеры или даже внутри камеры, все равно, как мы уже отмечали, большинство великих ирландских героев и королей были в народной вере буквально воплощенными богами, и поэтому (как это было принято у всех древних народов, цивилизованных и нецивилизованных, придерживавшихся одной и той же доктрины) гробница такого божественного персонажа считалась настоящим жилищем некогда воплотившегося бога, даже если его кости давно превратились в прах. *Книга Баллимота* подкрепляет это предположение: в одной из древнеирландских поэм, написанной Макниа, сыном Оэнны, которой предшествует мистическое посвящение "Поэты Брегии, истины, а не лжи", чудеса дворца Бойна, зала великого бога Дагда, верховного короля и оракула Туатха де Дананн, воспеваются так: -

Созерцайте *Сидх* перед вашими глазами,
И станет ясно вам, что это королевский особняк,
Который построил твердый Дагда;
Это было чудо, двор, восхитительный холм[465].

Из старых ирландских рукописей, на которые ссылается г-н Коффи,[466] достаточно ясно, что Бойн близ Тары был священным и религиозным центром древней Ирландии и использовался ирландцами примерно так же, как Мемфис и другие места на священном Ниле использовались древними египтянами - и как царское кладбище, и как место для празднования языческих мистерий. Известно, что большинство мистерий древности были психическими по своей природе, связанными с вхождением неопита в Аид или невидимый мир вне физического тела, или же с непосредственным общением с богами, духами и тенями

мертвых, находясь в физическом теле; и такие мистерии проводились в затемненных камерах, из которых исключался всякий свет. Эти камеры часто высекались из твердой скалы, как это можно видеть в скальных храмах Индии; а когда горные пещеры или естественные полости были недоступны, использовались искусственные (см. [главу x](#)).

Такие места, как Тара и Мемфис, где были погребены великие люди и цари древних народов, будучи наиболее священными, очень часто становились также местами, посвященными самым величественным храмам и мистериям, а среди менее развитых народов - местами поклонения мертвым. Со всех сторон от священного Стоунхенджа Солсберийская равнина усеяна курганами неизвестных героев и вождей древней Британии, а в наше время, несмотря на то, что мистерии давно забыты, Вестминстерское аббатство в центре столицы планеты, в свою очередь, стало освященным Залом могущественных мертвых для огромной Британской империи. Учитывая все эти факты, после тщательного изучения самого знаменитого кургана Нью-Грейндж и изучения упоминаний о нем в старой ирландской литературе, мы твердо придерживаемся мнения, что нельзя сильно ошибиться, описывая его как храм духов, в котором проводились древние кельтские или докельтские мистерии во времена посвящения неофитов, в том числе королевской крови; и как таковой он напрямую связан с культом Туатха Де Дананн или фей-фолков, духов и мертвых. Мы также не одиноки в этом мнении. Сам мистер Коффи, как мы полагаем, склоняется к нему; а мистер У. К. Борлас, автор книги "*Дольмены Ирландии*", который вполне привержен этому мнению, говорит, что нет необходимости, как это делают некоторые, считать Нью-Грейндж древней обителью смертных людей, поскольку "духи мертвых, феи, *сидхе*, могли иметь свой *brugh*, или дворец, также".[\[467\]](#) И он указывает, что в старых ирландских манускриптах мы имеем доказательство того, что он должен был использоваться таким образом. Это доказательство содержится в *Agallamh na Senórach* или "Беседе с древними" Святого Патрика из *Книги Лисмора*, рукописи XV века, скопированной с более древних манускриптов и переведенной Стэндишем О'Грейди: "Три сына короля Ирландии, по имени Руидхе, Фиаха и Эохайд, покинув дом своей кормилицы и опекуна, отправились в *fert na ndruidh*, т.е. "могилу колдунов". Но он отказал им в просьбе, и тогда они задумали получить земли и богатства, постясь на *туатха де Дананн* в Бруге на Бойне: "Земли я вам не дам, но сами завоюйте земли". Тогда они с готовностью одного человека поднялись и направились к зелени *Бруга* на Бойне, где, не имея никого другого в своей компании, уселись. Руидхе сказал: "Что вы задумали на эту ночь?" Его братья ответили: "Наш замысел - наброситься на *туатха де Дананн*, чтобы таким образом выиграть у них удачу в виде страны, владений, земель и огромного богатства". Долго ли коротко ли, но заметили они веселого молодого человека с миролюбивым нравом, который направился к ним. Он приветствует сыновей короля Ирландии; они отвечают ему тем же. "Молодой человек, откуда ты? Откуда ты пришел?" "Из вон того *бруга*, что вдали от вас горит множеством огней". "Какое у тебя имя?" "Я - сын Дагды, Бодб Дерг; и *туатха де Дананн* было открыто, что вы придете поститься сюда сегодня ночью, за землями и за великой удачей". Затем вместе с Бодбом Дергом три сына короля Ирландии вошли в *бруг*, и *туатха де Дананн* собрались на совет, и Мидхир Желтомазый, сын Дагды, который председательствовал, сказал: "Вон те разместились теперь с тремя женами, ибо от жен происходит либо удача, либо несчастье". И от их браков с тремя дочерьми Мидхира они получили все свои желания - земли и богатства в величайшем изобилии. Три дня с ночами они пребывали в *сидхе*. Ангус велел им вынести из *fidh omna*, то есть "Дубового леса", три яблони: одну в полном цвету, другую в цвету, а третью - со спелыми плодами. Затем они отправились в *дун*, где пробыли трижды по пятьдесят лет, пока не исчезли те короли; ибо в силу брачного союза они снова вернулись в *туатха де Дананн*, и с тех пор оставались там"[\[468\]](#).

Г-н Борлас, комментируя этот отрывок, говорит о его важности для доказательства того, что в Средние века существовала традиция, заимствованная из старых рукописей или из устных источников, относительно "характера обрядов, совершавшихся в языческие времена в тех местах, которые считались священными для языческих мистерий".[469] Отрывок, очевидно, описывает культ королевских или знаменитых духов предков, отождествляемых с расой богов Туатха Де Дананн, которые, как мы знаем, переродившись в смертных, правили Ирландией. Чтобы приблизиться к этим духам предков, нужно было совершить паломничество в их обитель, навеянную духами тумулус, и прожить в ней три дня и три ночи, в течение которых должен был соблюдаться непрерывный пост. Богам или духам-покровителям, несомненно, приносились жертвы, и во время поста ожидалось, что они явятся, исполнят молитву паломника и поговорят с ним. Все это указывает на то, что существование невидимых существ считалось само собой разумеющимся, возможно, благодаря знаниям, полученным в результате инициации.

В "*Эхтра Нерай*", или "Приключениях Неры" (см. данное исследование, стр. 287), содержится описание, подобное приведенному выше, того, как смертный по имени Нера вошел во дворец сидхе в Круахане; причем говорится, что он вошел не только в пещеру (*uamh*), но и в *síd* пещеры. Термин *uamh* или пещера, по мнению г-на Борласа, обозначает всю внутреннюю сводчатую камеру, а *síd* этой сводчатой камеры или *uamh* означает "*sanctum sanctorum*, или *penetralia* храма духов, при входе в который смертный оказывался лицом к лицу с королевскими обитателями, и там, несомненно, он постился или приносил свои жертвы в предписанные периоды".[470] Слово *brugh* относится просто к внешнему виду опухоли, или сутеррейна под фортом или ратхом, и означает, таким образом, особняк или жилое помещение.[471] А мистер Борлас добавляет: "Я почти не сомневаюсь, что во внутренней камере в Нью-Грейндж, с ее тремя углублениями и бассейном, мы имеем эту пещеру и место, где паломники постились - положение и практика точно такие же, как те, которые под христианской эгидой продолжались в таких местах, как Леаба Молога в Корке, первоначальное чистилище Патрика в Лаф Дерг и в других местах. Практика лежания в каменных корытах была характерна для христианских паломничеств в Ирландии. Иногда такие корыта ранее служили каменными гробами. Вполне возможно, что неглубокие бассейны в кельях в Лаф-Крю, Нью-Грейндже и Дауте, как и каменные кровати или корыта святых,[472] были заняты паломниками, совершавшими свои богослужения. Однако если это так, то они должны были сидеть в них на восточный манер"[471].

В популярной сказке "*Погоня за Диармуидом и Граинне*"[473] Аэнгус, сын Дагды, один из Туатха Де Дананн, называется Аэнгус-ан-Бхрога и связан с *Бругом-на-Бойнне*. В сказке Финн говорит: "Давайте покинем этот тулах, опасаясь, что Аэнгус-ан-Брога и Туатха-Де-Дананн могут поймать нас; и хотя мы не причастны к убийству Диармуида, он тем более охотно поверит нам". Очевидно, что Аэнгус - невидимое существо, обладающее огромной властью над смертными. Это ясно из следующего: он переносит тело Диармуида в *Бруг-на-Бойнн*, говоря: "Поскольку я не могу вернуть его к жизни, я пошлю в него душу, чтобы он мог говорить со мной каждый день". Таким образом, Аэнгус из Туатха Де Дананн, будучи председательствующим божеством *бруга*, мог оживлять мертвые тела "и заставлять их говорить с почитателями, как мы можем предположить, прорицательным образом"[474] В фенийской сказке *Bruighion Chaorthainn* или "Форт рябинового дерева" поэт наложил на Финна табу на понимание следующих стихов

Я видел дом в деревне
Из которого королю не выдают заложников,
Огонь не сжигает его, не портит.

И Финн ответил: "Я понимаю этот стих, ибо это Бруг Бойна, который ты видел (возможно, как мы предполагаем, во время посвящения), а именно дом Аенгуса Ога из Бруга, и его нельзя сжечь или разрушить, пока жив Аенгус (бог)". Как замечает г-н Борлас, сказать, что "королю не дают заложников" из *Бруга* - это, вероятно, еще один способ сказать, что мертвые не платят налогов, или что, будучи святым местом, *Бруг* освобожден от налогов.[475] Это последнее свидетельство основано на устной традиции и было записано довольно поздно; но от этого оно не стало менее достоверным, и, возможно, гораздо более достоверным, чем более старые манускрипты. В фольклоре страны Бойна вплоть до новейших времен сохранялись подобные предания о неизвестных мистических обрядах, о которых писал О'Донован; по его словам, Аэнгус-ан-Брога считался феей-предводительницей Бойна вплоть до недавних времен, и его имя все еще было знакомо старым жителям Мит, которые в то время быстро забывали свои традиции ирландского языка.[476] И эта традиция заставляет нас рассмотреть, что, по-видимому, было культом Аэнгуса среди древних кельтских народов.

Куль Аэнгуса

Эвгемеристическая традиция представляла Великого Бога Дагду и его сыновей похороненными в кургане, вероятно, Нью-Грейндж, и называла его, как я нашел его называемым сегодня, курганом фей - название, данное также Гавринису, его бретонской параллели. Более древняя и ясная традиция рассказывает о том, как Аэнгус получил во владение *Бруг* оф Бойн, и ничего не говорит о нем как о кладбище, а скорее описывает его как "восхитительное место, точнее говоря, как восхитительную землю, термин, который выдает обычное отождествление кургана фей с неземным миром, в который он служил входом".[Миф, ставящий Дагду во главе усопших, превращает его в "гойдельского Кроноса, правящего Элизиумом, с которым ассоциировался могильный курган"] [477]. Замещение Дагды его сыном делает "Мак Ока (Аенгуса), который должен был быть юным Зевсом гойдельского мира, радующимся полупрозрачным просторам небес как своей хрустальной беседке", царем мертвых[477].

В Дун Аенгусе, странном циклопическом круглом сооружении, а значит, скорее всего, храме солнца на Аранморе, мы имеем еще один пример локализации мифа об Аенгусе. Этот факт заставляет нас поверить, после соответствующего археологического исследования, что в крепости Дун Аенгус, с ее ярусами сидений, похожих на амфитеатр, и коренной скалой в центре, очевидно, квадратной, чтобы сформировать платформу или сцену, в древности проводились языческие мистерии, сравнимые с мистериями греков и менее культурных народов, и посвящения в культ Аенгуса, подобный тому, что, похоже, когда-то процветал в Нью-Грейндже. Однако в Дун-Аенгусе мистические собрания и обряды, проводившиеся в таком храме солнца, столь надежно защищенном от вторжения, несомненно, представляли несколько иную мистическую школу, и, вероятно, гораздо более древнюю, чем в Нью-Грейндже. Точно так же и все остальные круглые, но менее важные циклопические сооружения на Аранморе и в других местах западной Ирландии могли быть сооружениями для тесно связанных с ними солнечных культов. На наш взгляд, а мы тщательно и на досуге изучили большинство этих циклопических сооружений на Аранморе, кажется совершенно причудливым считать, что они *изначально* и *в первую очередь* предназначались как места убежища - *дуны* или крепости. Однако, поскольку древние кельты никогда не разделяли

гражданские и религиозные функции, такие вероятные храмы солнца могли так же часто использоваться для нерелигиозных племенных собраний, как и для церемоний посвящения; и ничто не исключает, что во времена нужды они также служили местом для укрытия от врагов. Мы пришли к такому мнению в отношении Дун Аенгуса, в частности, потому что Аенгус из Аранмора известен как Аенгус, сын Умора, и связан с мистическим народом, называемым Фир Болг; и все же, как считает сэр Джон Рон, этот Аенгус, сын Умора, и Аенгус, сын Дагды, - два аспекта одного бога, кельтского Зевса. [Утверждения О'Карри о Дун Аенгусе, кажется, подтверждают все это; и, похоже, существовала сказка, ныне утраченная, о "Разрушении Дун Оенгуса" (на современном ирландском *Dún Aonghuis*), крепости Аенгуса][478].

Этот культ солнца, представленный в Ирландии культом Аэнгуса, можно проследить и дальше: Сэр Джон Рон рассматривает Стоунхендж - храм солнца, также круглый, как ирландские *дуны* и бретонские *кромлехи* - как храм кельтского Зевса, в ирландской мифологии олицетворяемого Аэнгусом, а в валлийской - Мерлином: "Какой храм мог быть более подходящим для главного бога света и светлых небес, чем просторное, открытое ограждение круглой формы, как Стоунхендж?" [479] В валлийском мифе Мат аб Матхонви, называемый также "Мат Древний", был величайшим магом древнего Уэльса, и его связь в качестве учителя с Гвидионом аб Доном, великим героем валлийской культуры, заставляет сэра Джона Рона считать его британским Зевсом, хотя Мерлин разделяет с ним это отличие; [480] и поскольку гэльский аналог Мата - Аэнгус, внимательное изучение Мата может в конце концов показать культ в его честь в Уэльсе, как мы обнаружили в Ирландии культ Аэнгуса. [481] Таким образом, мы можем, с большей или меньшей точностью, приравнять культ Аэнгуса, как мы видим его в ирландском мифе, связанный в основном с Дун Аэнгусом и Нью-Грейнджем, к неизвестному культу, практикуемому в Стоунхендже, а тот, в свою очередь, к другим бриттским или добритским солнечным культам и инициациям, практикуемым в Карнаке, великом кельтском Иерусалиме в Бретани, и в Гавринисе. Все это станет более понятным после того, как мы изложим то, что представляется несомненной и наиболее яркой параллелью Нью-Грейнджу, как в качестве памятника, воздвигнутого человеком, так и, как мы утверждаем, в качестве места для религиозных мистерий - величайшее сооружение, когда-либо воздвигнутое человеческими усилиями, Великая пирамида.

Нью-Грейндж и Великая пирамида в сравнении

Халиф Аль Мамун в 820 году нашей эры первым в современную эпоху вошел в Великую пирамиду через проход, не обнаружив ни мумии, ни каких-либо признаков того, что это сооружение когда-либо использовалось в качестве гробницы для мертвых. Царская палата, названная так современниками, стала для первого нарушителя жестоким разочарованием, ведь в ней не оказалось ни золота, ни серебра, ни вообще ничего, что стоило бы унести с собой. В роскошной палате не было ничего, кроме пустого каменного сундука без крышки. Археологи в Египте и археологи в Ирландии сталкиваются с одной и той же нерешенной проблемой - назначением пустого каменного сундука без надписей, совершенно не похожего на гробницу мумии, и каменного бассейна в Нью-Грейндже. [482] Некоторые египтологи предполагают, что в любопытном гранитном сундуке должна была быть похоронена какая-то королевская особа, хотя их может поддерживать только их предположение, поскольку у них нет абсолютно никаких доказательств того, что это так, в то время как есть веские косвенные улики, указывающие на то, что это не так. Сэр Гарднер Уилкинсон в своих известных публикациях уже высказал предположение, что каменный

сундук, как и сама Великая пирамида, никогда не предназначались для хранения трупов; и египтологами общепризнано, что ни один саркофаг, предназначенный для мумии, никогда не был найден так высоко в теле пирамиды, как этот пустой каменный сундук, за исключением Второй пирамиды. Неоспоримые доказательства в поддержку весьма вероятной теории о том, что Великая пирамида не предназначалась для настоящей гробницы, можно почерпнуть из двух важных фактов: (1) "сундук имеет некоторые замечательные кубические пропорции, которые показывают тщательность и дизайн, выходящие за рамки того, что можно было бы ожидать от любого погребального сундука" - согласно высокому авторитету доктора Флиндерса Петри; (2) "сундук имеет замечательные кубические пропорции, которые показывают тщательность и дизайн, выходящие за рамки того, что можно было бы ожидать от любого погребального сундука". Флиндерса Петри; (2) камера, содержащая сундук, и верхние проходы имеют вентиляционные каналы, не известные ни в одной другой пирамиде, так что, очевидно, должен был существовать частый вход в камеру живых людей, как это было бы в случае использования, как мы полагаем, для церемоний посвящения.[483]

Хорошо известно, что очень многие мегалитические памятники типа Нью-Грейндж, разбросанные по Европе, особенно от центра Карнака в Бретани до центра Тара-Бойна в Ирландии, имеют одну общую черту - астрономическое расположение, как у Великой пирамиды, и вход, обращенный к одной из точек солнцестояния, обычно либо к зимнему солнцестоянию, что обычно, либо к летнему.[484] Загадкой всегда было точное расположение Великой пирамиды путем определения местоположения ее главного входа. Калифорниец Луис П. Маккарти в своей недавней (1907 г.) работе под названием *"Великая пирамида Джизе"* с помощью самых логичных и разумных аргументов предполагает, что строители пирамиды поместили ее главный вход в неразведанный проход под Великим Сфинксом, ныне наполовину погребенный в изменчивых песках пустыни. Если удастся доказать, что Сфинкс - это настоящий портал, а многое указывает на то, что это так, то Великая пирамида построена по тому же плану, что и Нью-Грейндж, то есть открывается на юго-восток и, как и Нью-Грейндж, содержит узкий проход, ведущий в центральную камеру. К юго-востоку от центра пирамиды находится Сфинкс, на расстоянии 5 380 футов, что "всего в пять раз превышает расстояние "длины диагонального раструба" Великой пирамиды от центра Подземной камеры под пирамидой до предполагаемого входа под Сфинксом"[485] - расстояние, вполне соответствующее могучим пропорциям этого удивительного сооружения. И что важно, несколько выдающихся археологов пришли к такому же выводу и пытаются соединить эти два памятника, проводя раскопки в Камере Царицы, где, как предполагается, существует туннель к Сфинксу. При этом следует помнить, что нынешний вход в пирамиду - это вынужденный вход, сделанный искавшим сокровища халифом.

Этот весьма вероятный астрономический параллелизм между великим египетским и ирландским памятниками устанавливает их общее религиозное или, в мистическом смысле, погребальное значение. В предыдущей главе мы рассказали о том, какое символическое отношение солнце, его восход и заход, а также его смерть в день зимнего равноденствия, как предполагалось в древности, имело к доктринам человеческой смерти и возрождения. Жубенвиль, рассматривая солнце у кельтов в его символическом отношении к смерти, писал: "По кельтским поверьям, мертвые уходят жить за океан, на юго-запад, туда, где солнце заходит большую часть года"[486] Это, как показывает М. Масперо, тоже было египетским поверьем. Масперо, было египетским поверьем;[487] в то время как, как и у кельтов, восток, особенно юго-восток, где после зимнего солнцестояния солнце, кажется, возрождается или поднимается из подземного мира Аида, в который оно уходит после смерти, символизирует обратное - жизнь, воскрешение и возрождение. В этом последнем

кельтско-египетском веровании, как мы утверждаем, кроется причина того, почему главные мегалитические памятники (дольмены, тумулы и выравнивания) в кельтских странах и других местах имеют восточное и западное направления, и почему такие памятники, как Нью-Грейндж и Гавринис, открываются на восход солнца.

Греческие храмы также открывались на восход солнца, и на божественное изображение внутри падали первые лучи прекрасного бога Аполлона.[488] В великом перуанском храме солнца в Куско великолепный диск из чистого золота был обращен на восток и, отражая первые лучи восходящего солнца, освещал все святилище.[489] Пещерный храм флоридских краснокожих открывался на восток, и у его входа в дни праздников стоял жрец, на рассвете ожидая первого луча солнца, как знака для начала песнопений и жертвоприношений[490] Восточные индийцы совершают омовение на рассвете в священном Ганге и стоят лицом к востоку, медитируя, когда Брахма появляется во всем чудесном великолепии тропического восхода.[491] И в той же арийской стране существует противоположное поклонение: ужасные головорезы, поклоняющиеся дьяволам и богине смерти Кали, в своих самых дьявольских обрядах обращаются лицом к западу и закату, символам смерти.[492] То, как христианство формировалось под влиянием язычества, нигде не видно так ясно, как в ориентации великих соборных церквей (почти без исключения в Англии), ибо все самые известные из них имеют свои алтари на восток; и римские католики во время молитвы в своих церковных службах, и англикане при повторении Символа веры обращаются к востоку, как это делают индусы. Святой Августин говорит: "Когда мы стоим на молитве, мы обращаемся к востоку, где находится небо, не для того, чтобы показать, что Бог находится только там и оставил все остальные части мира, но чтобы побудить наш разум обратиться к более совершенной природе, то есть к Господу"[493] Хотя в своей поздней истории евреи полностью отказались от поклонения солнцу, вначале они были солнцепоклонниками, о чем свидетельствуют их храмы, открывающиеся на восток. Так было в видении Иезекииля: "И вот, у дверей храма Иеговы, между папертью и алтарем, стояло около пяти и двадцати человек, спиною к храму Иеговы, а лицом к востоку, и они поклонялись солнцу на востоке"[494].

Все это иллюстрирует некогда всемирную религию нашей расы и показывает, что солнечные культы и солнечные символы происходят из универсальной доктрины о двух состояниях существования - одном в Аиде или невидимом нижнем мире, куда Бог-Солнце уходит ночью, и другом в так называемом видимом царстве, которое Бог-Солнце посещает ежедневно.[495] Связь между жизнью и смертью - символически представленная в этой фундаментальной концепции, составляющей фон каждого солнечного культа - является основой всех древних мистерий. Таким образом, мы должны ожидать соответствия, которые, как мы полагаем, действительно существуют между Нью-Грейнджем и Великой пирамидой. Обе они, по нашему мнению, были величайшими местами в соответствующих странах для празднования мистерий. Высоко в теле Великой пирамиды, после того как он совершил долгое подземное путешествие, типичное для путешествия Осириса или Солнца в потусторонний мир или мир мертвых, мы можем предположить (зная, что мы знаем о Древних Мистериях и их тенях в современных масонских инициациях[496]), что королевский или жреческий неофит помещал себя в этот странный каменный гроб без крышки на определенный период времени - возможно, на три дня и три ночи. Затем, когда инициация была завершена, он выходил из мистической смерти к реальному воскресению, став истинным ребенком Осириса. В Нью-Грейндже мы можем предположить, что королевский или жреческий неофит, пока он "постился по Туатха Де Дананн три дня с их ночами", сидел в этом странном каменном бассейне на манер Востока[497].

Великая пирамида кажется самой древней из египетских пирамид и, несомненно, была образцом для всех меньших, которые "всегда демонстрируют глубокое незнание главных внутренних особенностей своей благородной модели, а также всех ее тонкостей углов и космических гармоний линейных измерений".[498] Доктор Флиндерс Петри говорит: "Великая пирамида в Гизе (Хуфу, четвертая династия) бесспорно лидирует как по точности и красоте работы, так и по размерам. Не только тонкая работа ее в мостовой, оболочке, покоех царя и царицы совершенно непревзойденна; но и общий характер кладки ядра лучше, чем у любой другой пирамиды, по своей прочности и регулярности." [499] А о каменных гробах он говорит: - "Принимая большинство ее размеров за максимальные, они тесно согласуются с той же теорией, которая применима к покоям; ибо в квадрате они все даже кратны квадратной пятой части локтя..... Другой теории, применимой к каждому линейному размеру сундука, не существует; но, обнаружив пропорцию π в форме пирамиды и в палате короля, есть основания предполагать, что она была задумана и в сундуке, только в одной пятой масштаба палаты." [499] И здесь становится очевидным важный факт, который мы хотим подчеркнуть; Великая пирамида, похоже, не предназначалась в первую очередь, если вообще предназначалась, для захоронения мертвых тел или мумий, в то время как "многочисленные квазикопии" были "для погребальных целей"[500], без сомнения. По-видимому, сначала существовало четкое понимание эзотерического использования Великой пирамиды как места для мистического погребения Инициатов, а затем, в ходе национального упадка, эзотерическая интерпретация этого использования, популярная сейчас среди египтологов, привела к возведению меньших пирамид для целей реального погребения. И не видим ли мы в таких пирамидоподобных тумулусах, как Мон-Сен-Мишель, Гавринис и Нью-Гранж, копии этих меньших погребальных пирамид;[501] или, если не прямые копии, то хотя бы результат аналогичного религиозного упадка с тех неизвестных веков, когда Великая пирамида была воздвигнута божественными царями доисторического Египта как безмолвное свидетельство для всех веков, что Великие Люди, Инициаты, поняли Универсальный Закон и решили величайшую из всех человеческих проблем, проблему Жизни и Смерти?

Гавринис и Нью-Грейндж сравниваются

В заключение, в подтверждение уже приведенных аргументов, я предлагаю несколько собственных наблюдений, сделанных в самом Гавринисе, самом знаменитом кургане в континентальной Европе. После очень тщательного осмотра внутренней и внешней части кургана, который длился более двенадцати часов, я убежден, что его любопытные наскальные рисунки и рисунки в Нью-Грейндже принадлежат одной и той же расе людей, кем бы эта раса ни была; и что в его конструкции достаточно доказательств того, что, как и Нью-Грейндж, он был столь же религиозным, сколь и погребальным по своей природе и использованию. Факты, подтверждающие эту точку зрения, следующие. Во-первых, в теле камня на южной стороне внутренней камеры высечены три странные полости, сообщающиеся друг с другом и достаточно большие, чтобы в них могли поместиться человеческие руки; если бы они использовались как места для жертвоприношений мертвым или феям, в них можно было бы поместить небольшие предметы. В самых старых из найденных мною достоверных записей о них говорится об их вероятном назначении: "Некоторые люди смотрят на них как на двойную петлю, предназначенную для удушения жертв [животных], которых приносил в жертву жрец; для других это два кольца, за которыми руки обрученных встречались друг с другом, чтобы пожениться." [502] Их назначение, конечно, достаточно сложно расшифровать, возможно, оно и не поддается расшифровке; но

одно в них несомненно, а именно то, что при внимательном осмотре их внешних краев и внутри них также видна гладкая поверхность скалы, как будто изношенная веками обращения и прикосновений; и неоспоримо, что такое изнашивание поверхности скалы человеческими руками не могло произойти, если бы внутренняя камера была запечатана и использовалась исключительно в качестве гробницы. Мы предполагаем, как и сэр Джеймс Фергюссон в своем труде *"Грубые каменные памятники"* (стр. 366), что внутренняя камера Гавриниса, вероятно, была местом для проведения религиозных обрядов: он выдвигает мнение, что странные полости использовались для хранения святого масла или святой воды. Есть и второй любопытный факт, связанный с курганом Гавриниса. Войдя в него - а он открывается, как Нью-Грейндж, на восход солнца, будучи ориентирован на 43° 60' к юго-востоку[503], - можно обнаружить на полу узкого прохода слегка наклоненные ступени, поднимающиеся к внутренней камере из трех или четырех камней. Два из них, сейчас очень заметные, образуют настоящие камни для преткновения, а тот, что стоит у порога внутренней камеры, высечен совершенно так же, как камень-перемычка над входом в Нью-Грейндж.[504] Из того, что мы знаем о древних мистических культах, там была темная камера, к которой вел узкий проход, настолько низкий, что неопит должен был опускаться, проходя через него, чтобы символически показать свое смирение; и как символ его продвижения к Камере Смерти, *Sanctum Sanctorum* храма духа, там были ступени, часто намеренно установленные как камни преткновения. Великая пирамида, очевидно, соответствует этому мистическому плану; и поэтому она с еще большей силой поражает человека как самое замечательное сооружение для проведения инициационных церемоний, когда-либо построенное на нашей планете. Так, доктор Флиндерс Петри говорит: "Но тут мы сталкиваемся с необычной идеей, что весь доступ в палату короля после ее завершения должен был осуществляться путем перелезания через блоки-заглушки, как они лежали в галерее, или путем ходьбы вверх по пандусам с обеих сторон от них. Однако, поскольку блоки физически не могли лежать в другом месте до того, как их спустили вниз, мы остаемся в стороне от этой точки зрения".[505] И как египетские гробницы представляли собой усыпальницы мертвых,[506] так и кельтские или докельтские храмы духов и места для инициаций всегда были связаны с подземным миром мертвых; и за исключением таких символических приспособлений, какие мы видим в Гавринисе и Нью-Грейндже, они были неотличимы от гробниц, используемых только для погребения.

Нам кажется наиболее разумным предположить, что если, как показывают старые ирландские рукописи, в Ирландии существовали храмы духов или места для языческих похоронных обрядов или обрядов инициации, построенные как другие тумулы, которые использовались только как гробницы для мертвых (потому что древний культ был культом предков и поклонением богам, таким как Туатха Де Дананн, и духам), то должны были существовать и другие в Бретани, где мы находим ту же систему наскальных надписей. Кроме того, учитывая все определенные связи между Гавринисом и Нью-Грейнджем, мы склонны считать, что они оба имеют одно и то же происхождение и назначение: Гавринис был для Арморики тем же, чем Нью-Грейндж был для Ирландии, - королевским или главным храмом духов.

РАЗДЕЛ III

КУЛЬТ БОГОВ, ДУХОВ, ФЕЙ И МЕРТВЫХ

ГЛАВА IX

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЯЗЫЧЕСТВА

Культы лесов, фонтанов и камней объясняется тем примитивным натурализмом, который все церковные соборы, проходившие в Бретани, единодушно запрещали" - Эрнест Ренан.

Эдикты против языческих культов - Культы священных вод и его поглощение христианством - Кельтские водные божества - Друидическое влияние на веру фей - Культы священных деревьев - Культы фей, духов и мертвых - Праздники мертвых - Заключение.

Свидетельства язычества в поддержку нашей психологической теории относительно веры фей настолько обширны, что мы не можем сделать больше, чем указать на некоторые из них - особенно на те, которые являются наиболее кельтскими по своей природе. Возможно, большинство из нас в первую очередь подумает о древних культах, посвященных фонтанам, рекам, озерам, деревьям и, как мы уже видели (стр. 399 и далее), камням. Не может быть никаких разумных сомнений в том, что эти культы очень процветали, когда христианство пришло в Европу, ибо короли, папы и церковные соборы издавали эдикт за эдиктом, осуждая их.^[507] Второй Арльский собор, состоявшийся около 452 года, издал следующий канон: "Если на территории епископа неверные зажигают факелы или почитают деревья, фонтаны или камни, а он пренебрегает отменой этого обычая, он должен знать, что он виновен в святотатстве. Если же сам совершивший это действие, получив увещание, отказывается исправить его, он должен быть исключен из причастия"^[507] Турский собор 567 года выразился так: "Мы умоляем пасторов изгонять из Церкви всех тех, кого они могут видеть совершающими перед некоторыми камнями вещи, не имеющие отношения церемониям Церкви, а также тех, кто соблюдает обычаи язычников".^[508] Король Канут в Англии и Карл Великий в Европе провели самую энергичную кампанию против всех этих языческих культов. Вот эдикт Карла Великого: "Что касается деревьев, камней и фонтанов, где некоторые глупые люди зажигают факелы или практикуют другие суеверия, мы настоятельно предписываем, чтобы этот злейший обычай, отвратительный для Бога, где бы он ни был обнаружен, был удален и уничтожен"^[509].

Результат этих эдиктов был любопытным. Было слишком много ожидать от искоренения старых культов после их векового существования, и поэтому один за другим они были поглощены новой религией. В священном дереве или роще, над святым колодцем или фонтаном, на берегу озера или реки ставили образ Девы Марии или какого-нибудь святого, и бессознательно происходило превращение, когда простодушные деревенские жители видели в блестящих образах новые и более славные места обитания духов, которых они и их отцы так долго почитали.

Культ священных вод

В Бретани, возможно, лучше, чем в других современных кельтских странах, можно легко проследить эту эволюцию от язычества к христианству. Так, например, в Морбиане находится фонтан Святой Анны д'Орай, вокруг которого расположен самый важный в Бретани Пардон; фонтан близ Ванна посвящен Святому Петру; в Карнаке находится знаменитый фонтан Св. Корнели с нишей, в которой находится изображение святого покровителя Карнака, а неподалеку от него, на обочине дороги, ведущей к Карнак-Плаж, - закрытый колодец, посвященный Святой Деве; менее чем в миле от него - прекрасный фонтан святого Колумбы. Недалеко от Плоермеля, кантон Плоермель (Морбиан), находится фонтан Рекурранс или Сен-Лоран, в котором моряки проводят гадания, чтобы узнать будущее состояние погоды, бросая в его воды краюху хлеба. Если хлеб всплывает, это верный признак хорошей погоды, а если тонет - погода настолько плохая, что никто не должен рисковать, выходя в море на рыбацких лодках. В некоторые колодцы влюбленные бросают булавки. Если булавки всплывают, водяные духи оказывают благоприятные услуги, если же тонут - дева несчастлива и не решается принять предложение руки и сердца. Долгое время после своего обращения жители Конкорета (округ Плоермель, Морбиан) воздавали божественные почести фонтану Барантон в друидическом лесу Броселианд, столь известном в бретонских легендах об Артуре и Мерлине: "Долгое время жители Конкорета.....вместо того, чтобы обращаться к Богу или его святым в своих недугах, искали средство в фонтане Барантона, либо молясь ему, по примеру галлов, либо выпивая его воды".^[510] В августе 1835 года, когда в стране стояла необычная засуха, все жители Конкорета собрались в большую процессию со знаменами и распятием во главе, с песнопениями и звоном церковных колоколов прошли к этому же фонтану Барантона и молились о дожде.^[511] Эту любопытную историю мне также рассказал в июле 1909 года крестьянин, живущий неподалеку от фонтана, который слышал ее от своих родителей; он добавил, что ножка распятия была опущена в воду, чтобы помочь вызвать дождь. Здесь наблюдается интересное сочетание язычества и христианства.

Григорий Турский рассказывает, что жители Геводана воздавали божественные почести некоему озеру и в качестве подношений бросали в его воды лен, шерсть, сыр, пчелиный воск, хлеб и другие вещи;^[512] а Маэ добавляет, что иногда приносили в жертву золото,^[512] совершенно по примеру древних перуанцев, которые бросали золото и серебро большой ценности в воды священного озера Титикака, расположенного высоко в Андах. Чтобы приобщить к христианству поклонение озеру близ Жевудана, епископ приказал построить на его берегу церковь, а людям сказал: "Дети мои, в этого озера нет ничего божественного: не оскверняйте свои души этими суетными церемониями, а признайте истинного Бога"^[513] После этого подношения озерным духам прекратились, и вместо них они совершались на алтаре церкви. Как последовательно излагает каноник Маэ, для искоренения языческих культов священных вод использовались и другие подобные средства: - "Другие пасторы использовали аналогичный прием, чтобы перенести культ фонтанов в христианство; они посвящали их Богу под призывом определенных святых; давали им имена святых и помещали в них изображения святых, чтобы слабые и простодушные христиане, которые могли прийти к ним, пораженные этими именами и этими изображениями, привыкли обращаться с молитвами к Богу и его святым, вместо того чтобы чтить сами фонтаны, как они привыкли делать. Именно по этой причине в каменной кладке стольких фонтанов можно увидеть ниши и маленькие статуи святых, давших свои имена этим источникам"^[514].

Прокопий сообщает, что франки, даже приняв христианство, сохранили привязанность к своим древним культам, принося в жертву реке По женщин и детей готов и бросая тела в ее

воды для духов вод.[514] Поклонение колодцам на острове Мэн, еще не совсем исчезнувшее, несомненно, было когда-то очень распространено. Как показал А. В. Мур, священные колодцы на острове Мэн посещали и делали им подношения, чтобы обеспечить иммунитет от ведьм и фей, излечить болезни, поднять ветер и для различных видов гадания.[515] И, несомненно, подношения тряпок на кустах над священными колодцами и бросание булавок, монет, пуговиц, камешков и других мелких предметов в их воды - обычная практика в Ирландии и Уэльсе, как и в некельтских странах, - следует отнести к пережиткам того времени, когда регулярно приносились жертвы для гадания или поиска исцеления от болезней, а также от навязчивых демонов, которые, как считалось, вызывали эти болезни. В прологе к *"Конте дю Грааль"* Кретьена есть рассказ, по-видимому, очень древний, о том, как непочтение к божествам колодцев и источников принесло гибель богатой земле Логреса. Девы, обитавшие в этих водных местах, кормили путников сытной пищей, пока король Амангонс не обидел одну из них, унеся ее золотую чашу. Его люди последовали его дурному примеру, так что источники иссякли, трава засохла, а земля опустела[516].

По словам г-на Борласа, "именно пройдя под водой колодца, можно было достичь *сидх*, то есть обиталища духов, называемых *сидхе*, в тумулусе или естественном холме, в зависимости от обстоятельств"[517] И из этого следует, что колодезные духи отождествлялись в Ирландии с Туатха Де Дананн, или феями. Мне вспоминается прогулка, которую я имел честь совершить с мистером Уильямом Б. Йитсом в поместье леди Грегори в Кул-Парке, недалеко от Горта (графство Голуэй); мистер Йитс привел меня к местам обитания водяных духов этого региона, вдоль странной реки, которая течет под землей на некотором расстоянии, а затем снова выходит на свет в своем странном течении, и к темному, глубокому бассейну, скрытому в лесу. По преданию, река - обитель водяных фей, а в тенистом лесном бассейне, глубина которого очень велика, обитает раса духов, похожая на греческих нимф. Не один смертный, заглянув в этот бассейн, испытывал внезапный и сильный порыв окунуться в него, потому что феи в этот момент накладывали на него свои магические чары, чтобы забрать его к себе и навсегда поселить в своем подводном дворце.

Один из самых прекрасных отрывков в *"Трехчастном житии Патрика"* описывает святого человека у святого колодца под названием Клиабах: "После этого Патрик отправился на рассвете к колодцу, а именно Клиабаху на стороне Круахана. Клирики сели у колодца. Две дочери Лоэгайра, сына Ниалла, рано пошли к колодцу, чтобы омыть руки, как было принято у них, а именно Этне Прекрасная и Федельм Румяная. Девы увидели у колодца собрание священнослужителей в белых одеждах, с книгами перед собой. Они удивились облику священнослужителей и подумали, что это люди-эльфы или привидения. Они спросили Патрика: "Откуда вы и куда пришли? Кто вы - эльфы или боги?" И Патрик сказал им: "Лучше бы вы верили в Бога, чем расспрашивали о нашем роде". Сказала девушка, которая была старше: "Кто ваш бог? И где он? На небе ли он, или на земле, или под землей, или на земле? В морях ли он, в ручьях ли, в горах ли, в лесах ли? Есть ли у него сыновья и дочери? Есть ли золото и серебро, есть ли изобилие всякого добра в его царстве? Расскажите нам о нем, как его видят, как его любят, как его находят? в юности ли он, или в возрасте? вечно ли он жив; прекрасен ли он? многие ли воспитали его сына? дороги ли его дочери и прекрасны ли они для людей мира?"[518]

А в другом месте записано, что "Патрик отправился к колодцу Финдмаг. Его название - Слан. Они сказали Патрику, что язычники почитают этот колодец, словно бога"[519] И о том же колодце говорится, "что волхвы, то есть волшебники или друиды, почитали колодец Слан и "приносили ему дары, словно богу". "[519] Как отметил Уитли Стоукс, это единственный отрывок, связывающий друидов с поклонением колодцу; и он очень важен, поскольку

устанавливает связь между друидами как магами и их контролем над духами, такими как феи. [Как показано здесь, и как кажется очевидным в связи Колумбы с друидами и экзорцизмом в "Жизни святого Колумбы" Адамнана, [\[520\]](#) ранние кельтские народы, несомненно, черпали многие из своих традиций фей из воспоминаний о друидических обрядах гадания. Возможно, самое красивое описание священного колодца и описание, иллюстрирующее такое гадание, относится к самому мистическому колодцу Ирландии - Колодцу Коннла: "Синенд, дочь Лодана Лучарглана, сына Лера, из Тир Таирнгира ("Земли обетованной, Сказочной страны"), отправилась к Колодцу Коннла, который находится под водой, чтобы посмотреть на него. Это колодец, у которого растут орехи и вдохновения (?) мудрости, то есть орехи поэтической науки, и в тот же час распускаются их плоды, и их цветение, и их листва, и они падают на колодец одним и тем же дождем, который поднимает на воде королевский всплеск пурпура. Тогда [священные] лососи жуют плоды, и сок орехов проявляется на их пурпурных животах. И семь потоков мудрости возникают и поворачивают туда снова" [\[521\]](#).

Этим культам священных вод можно было бы легко предложить многочисленные некельтские параллели, но они кажутся излишними при столь ясных кельтских свидетельствах. И эти уже изложенные свидетельства показывают, что истоки поклонения священным колодцам, фонтанам, озерам или рекам можно найти в религиозной практике кельтов до того, как они стали христианами. Они верили, что в этих местах обитают или, как в случае с Синендом, пришедшие из потустороннего мира духи определенных порядков, которых часто называют феями и отождествляют с ними, и что смертные, ищущие их благосклонности, должны их умиротворять или обращаться к ним через жертвоприношения. Канон Махе излагает эту мысль так: "Кельты признавали верховного Бога, принцип всех вещей; но они оказывали религиозное поклонение гениям или второстепенным божествам, которые, по их мнению, соединялись с различными объектами в природе и делали их божественными посредством такого соединения. Среди этих объектов были реки, море, озера и фонтаны" [\[522\]](#).

Культ священных деревьев

То, что сказано о священных водах, можно сказать и о священных деревьях у кельтов; и в случае со священными деревьями можно добавить еще кое-что о друидах и их связи с верой в фей, поскольку хорошо известно, что друиды почитали дуб и омелу, и принято считать, что большинство известных школ друидов находились среди священных дубовых рощ или лесов. Плиний записал, что "у друидов, так они называют своих магов, нет ничего более священного, чем омела [\[523\]](#) и дерево, на котором она растет, если только это дуб (*robur*). Но кроме этого, они выбирают дубовые рощи и не совершают ни одного священного обряда без листьев этого дерева, так что можно считать, что друиды даже получили от него свое имя, толкуемое как греческое" [\[524\]](#) (спорный момент среди современных филологов). Аналогично друидам Максим Тирий утверждает, что изображением их главного бога, который, по его мнению, соответствовал Зевсу, был высокий дуб; [\[525\]](#) а Страбон говорит, что главным местом собрания галатов, кельтского народа Малой Азии, была священная дубовая роща [\[526\]](#).

Как культ фонтанов был поглощен христианством, так и культ деревьев. По этому поводу каноник Маэ пишет: "Иногда в деревне и в садах можно увидеть деревья, в которых путем обрезки и сгибания ветвей образованы ниши из зелени, в которые помещены кресты или изображения некоторых святых. Этот обычай не ограничивается Морбианом. Богоматерь

Дуба в Анжу и Богоматерь Дуба близ Орте в Мэне - места, известные паломничеством. В этой последней провинции, пишет один историк, "на различных перекрестках дорог можно увидеть самые красивые деревенские дубы, украшенные фигурами святых. В пяти или шести деревнях можно увидеть часовни из дуба, где целые стволы этого дерева вмурованы в стену, рядом с алтарем. Такова, в частности, знаменитая часовня Богоматери Дуба, возле кузницы Орте, чья известность ежедневно привлекает на пять-шесть лиг вокруг очень большое скопление народа"[527].

Святой Мартин, согласно канонику Маэ, пытался уничтожить священную сосну в епархии Тура, сказав людям, что в ней нет ничего божественного. Люди согласились срубить ее при условии, что святой получит ее огромный ствол на голову при падении; дерево не срубили. 527] Сен-Жермен вызвал большой скандал в Осере, повесив на ветви священного дерева головы диких животных, которых он убил на охоте. 527] Святой Григорий Великий написал Брунехо, увещевая его отменить среди своих подданных подношение голов животных определенным деревьям. 528]

В Ирландии деревья фей распространены до сих пор; хотя во всем Кельтдоме священные деревья, естественно, недолговечные, почти забыты. В Бретани лес Броселианд все еще пользуется чем-то вроде старого почитания, но скорее из чувства, чем из-за реального поклонения. Любопытное наследие древнего кельтского культа деревьев существует в Кармартене (Уэльс), где до сих пор бережно хранится и держится в вертикальном положении в прочном цементном корпусе разлагающийся ствол старого дуба, называемого Дубом Мерлина; местное пророчество гласит, что, по авторитету Мерлина, когда дерево упадет, Кармартен упадет вместе с ним. Возможно, из-за неосознанного желания некоторых патристически настроенных горожан предотвратить беду, побудив дух дерева перенести свое обиталище, или иным способом обмануть дух дерева, заставив его забыть о том, что дуб Мерлина мертв, рядом с ним был посажен энергичный и ныне процветающий молодой дуб, так что его листва обхватила его. А во многих районах современной Англии Jack-in-the-Green, человек, полностью скрытый в зеленой листве, который танцует по улицам в майский день, может быть еще одним примером очень древнего древесного (или, иначе, сельскохозяйственного) культа кельтского происхождения.

Культе фей, духов и мертвых

Как мы уже знаем, существовало также более или менее прямое поклонение феям, таким как Туатха Де Дананн; им приносились жертвы, как и сейчас, когда ирландский или шотландский крестьянин возливает молоко "добрым людям" или королеве фей, которая управляет стадами. В "Гимне Фиакка"[529] говорится: "На народ Ирландии легла тьма: племена поклонялись эльфам: Они не верили в истинное Божество истинной Троицы". И есть достоверная легенда о Колумбкилле, которая показывает, что этот старый культ эльфов не был забыт ранними ирландскими христианами, хотя они и изменили первоначальную добрую репутацию этих невидимых существ на злую. Говорят, что первые попытки Колумбкилла возвести на Ионе церковь или монастырь оказались тщетными из-за влияния какого-то злого духа или демонов; как только стена была возведена, она рухнула. Тогда святому было открыто, что стены не устоят, пока под фундаментом не будет заживо погребена человеческая жертва. И жребий пал на Орана, спутника Колумбкиллы, который, соответственно, стал жертвой, чтобы умиротворить злого духа, фей или демонов того места, где должно было быть возведено здание[530].

В качестве иллюстрации того, какой должна была быть древняя практика таких жертвоприношений духам мест или богам в Уэльсе, мы приводим следующую любопытную легенду о зачатии Мирддина (Мерлина), рассказанную нашим свидетелем из Понтрхайд, мистером Джоном Джонсом (см. с. 147):- "Когда строили замок Гвртхейрн, недалеко от Кармартена, ночью обрушилось столько, сколько было построено днем. Тогда был созван совет *Dynion Hysbys* или "Мудрых людей", и они решили, что для того, чтобы стена устояла, при замешивании раствора нужно использовать кровь безотцовского мальчика. После этого начались поиски безотцовщины (см. с. 351), и по всему королевству не могли найти такого мальчика. Но однажды два мальчика поссорились, и один из них, бросая другому вызов, захотел узнать, что может сказать ему такой же безотцовщина, как он. Офицер короля, подслушав ссору, схватил мальчика, к которому так насмешливо обращались, как того, кого так долго искали. Обстоятельства были доведены до сведения короля, и мальчика отвели к нему. "Кто твой отец?" - спросил король. "Моя мать никогда не говорила мне", - ответил мальчик. Тогда послали за матерью мальчика, и царь спросил ее, кто отец мальчика, и она ответила: "Не знаю, ибо я никогда не знала мужчины". Но однажды ночью мне показалось, что со мной спит человек благородного и величественного вида, и, проснувшись, я поняла, что это был сон. Но когда впоследствии я забеременела и родила этого чудесного мальчика, которого вы сейчас видите, я решила, что в том сне меня посетило божественное существо или ангел, и поэтому назвала его ребенка Мирддином Магом, ибо таким я считаю своего сына". Когда мать произнесла эти слова, король объявил придворным и мудрецам: "Вот мальчик, оставшийся без отца. Возьмите его кровь и используйте ее при замешивании раствора. Без нее стена не выдержит". На это Мирддин насмешливо отозвался о короле и мудрецах, сказав, что они не лучше стаи идиотов. "Причина падения стены, - продолжал Мирддин, - в том, что вы пытались поднять ее на скалу, которая закрывает двух больших морских змей. Когда стена возвышается над ними, ее вес давит на их спины и заставляет их волноваться. Тогда ночью они поднимают спины, чтобы освободиться от давления, и таким образом сотрясают стену до падения". На этом история заканчивается, но, предположительно, утверждения Мерлина оказались правдой, и Мерлин не был принесен в жертву, поскольку, как мы знаем, он стал великим магом при дворе Артура.

В Абердинширском нагорье есть два холма, где путники должны были умиловить банши, положив лепешки из ячменной муки возле колодца на каждом холме; если путник пренебрегал этим подношением, то непременно следовала смерть или какое-нибудь тяжелое несчастье.[531] Совершенно точно, что банши почти всегда представляют как дух умершего предка, председательствующего над семьей, хотя здесь она больше похожа на божество-покровительницу холмов. Но жертвоприношение банши, согласно народным поверьям, показывает, как и многие другие примеры, когда путают божеств или фей с душами умерших, что культ предков должен играть очень важную роль в сложном веровании фей в целом. Несколько некельтских параллелей сразу же указывают на это. Так, точно так же, как и в случае с феями, в индийском Панджабе душам святых приносят молоко в качестве средства их умиловления.[532] М. А. Лефевр показывает, что римские лары, которых так часто сравнивают с домовыми феями, на самом деле очень похожи на гэльских банши; что первоначально они были не более чем непривязанными душами умерших, сродни манам; что время и обычаи сделали различия между ними; что в обычном языке лары и маны имели синонимичные жилища; и что, наконец, идея смерти постепенно отделилась от поклонения ларам, так что они стали хранителями семьи и защитниками жизни.[533] На всех гробницах своих умерших римляне начертали эти имена: *Manes, inferi, silentes*,[534] последнее из которых, означающее "молчаливые", эквивалентно термину "Люди мира", которым называют шотландских фей.[535] Римские лары также не всегда считались обитателями жилищ. Предполагалось, что многие из них живут в полях, на улицах городов, на

перекрестках, подобно некоторым видам фей и демонов; и в каждом месте эти духи предков имели свои часовни и принимали подношения в виде фруктов, цветов и листвы. Если ими пренебрегали, они становились злобными, и тогда их называли лемурами.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что, как утверждает рецензент "*Сказок о феях и призрачном мире*" Кёртина, "атрибуты призрака, то есть духа умершего человека, неотличимы от атрибутов феи". Хорошо известно, что поклонение мертвым и подношение им пищи распространено по всему миру, как среди нецивилизованных племен Африки, Австралии и Америки, так и среди таких великих народов, как Китай, Корея, Индия и Япония; а в древние времена оно было всеобщим среди народных масс в Египте, Греции и Риме.

Кельтские и некельтские праздники мертвых

Самайн, как мы уже знаем, был великим кельтским праздником мертвых, когда совершались различные жертвоприношения духам предков, Туатха Де Дананн и подвластным им духам-хозяевам; *Белтене*, или первое мая, был другим днем, издавна посвященным празднествам в честь мертвых и фей. Глава II показала нам, как канун ноября, современный *Самайн*, и похожий на него канун Всех Святых, или *Ла Туссен*, рассматриваются среди кельтских народов в настоящее время; и история *Ла Туссена*, похоже, указывает на то, что христианство, как и в случае с культом деревьев и фонтанов, поглотило некоторые кельтские культы мертвых, которые были сосредоточены вокруг языческого праздника мертвых *Самайн*, и даже приняло дату *Самайн* (см. с. 453).

У древних египтян, столь похожих на древних кельтов своей врожденной духовностью и ясными представлениями о невидимом мире, мы находим параллельный праздник, который приходился на семнадцатый *атира* года. Этот день напрямую зависел от движения солнца; и, как мы уже неоднократно подчеркивали, древний символизм, связанный с ежегодными движениями Великого Бога Света и Жизни, не может быть отделен от древних доктрин жизни и смерти. Для дохристианских кельтов Первое ноября, или праздник *Самайн*, знаменующий конец лета и начало зимы, был символом смерти.[536] *Самайн*, таким образом, соотносится с египетским праздником мертвых, поскольку семнадцатое *атира* года знаменует день, когда Ситу (бог тьмы) убил во время пира своего брата Осириса (бога света, солнца) и который, следовательно, считался временем, когда старое солнце умирало от своих ран. Это было время, когда силы добра шли на спад, и вся природа, ополчившись против человека, была отдана на волю божеств тьмы, обитателей царства мертвых. В эту годовщину смерти Осириса египтянин не предпринимал никаких новых дел: если он спускался к Нилу, на него нападал крокодил, как крокодил, посланный Ситу, напал на Осириса, и даже как Тьма нападает на Свет, чтобы поглотить его;[537] если он отправлялся в путешествие, он расставался со своим домом и семьей, чтобы никогда не вернуться. Единственное, что ему оставалось, - это оставаться запертым в своем доме и в страхе и бездействии ожидать наступления ночи, пока Осирис, вернувшись из смерти и возродившись к новому существованию, не одержит победу над силами Тьмы и Зла.[538] Совершенно очевидно, что эта последняя часть египетского верования очень похожа на кельтское представление о *Самайне*, поскольку мы видели, как Эйлилл и Медб праздновали этот праздник в своем дворце в Круахане.

Существует большое сходство между христианизированным праздником *Самайн*, когда мертвые возвращаются, чтобы навестить своих друзей и получить развлечения, например, как в Бретани, и прекрасными праздниками, которые раньше проводились в храмах Синто в Японии. Так, в Никко зажигали тысячи фонарей, "каждый из которых представлял дух

предка", и устраивали маскарад и веселье для развлечения пришедших духов.^[539] Это показывает, насколько религии похожи друг на друга.

Каждый год римские народы посвящали два дня (21-2 февраля) чествованию мертвых. В первый день, называемый *Фералией*, все римляне должны были оставаться в своих домах. Святилища всех богов были закрыты, а все церемонии приостановлены. Единственные жертвы в это время приносились мертвым и богам мертвых в подземном мире, а все маны умиротворялись пищевыми подношениями в виде мяса и пирогов. Второй день назывался *Cara Cognatio* и был временем воссоединения семей и пиршеств. О нем Овидий сказал (*Fasti*, ii. 619): "После посещения могил и предков, которых уже нет [среди нас], приятно обратиться к живым; после потери стольких людей приятно посмотреть на тех, кто остался от нашей крови, и сосчитать поколения наших потомков". И у греков тоже были свои праздники в честь умерших^[540].

Заключение

Факт существования древних кельтских культов камней, воды, деревьев и фей под покровом христианства напрямую подтверждает Психологическую теорию; а сохранение древнего кельтского культа мертвых, иллюстрируемое выживанием *Самайна* в его современных формах и, возможно, наиболее заметное сейчас у бретонцев, в значительной степени подтверждает мнение Эрнеста Ренана, который в своих восхитительных "Эссе" заявил, что из всех народов кельты, как отмечали и римляне, имеют наиболее точные представления о смерти. Таким образом, кельты на данный момент являются наиболее духовно сознательными из западных народов. Считать их материалистами невозможно. Со времен Патрика и Колумбы галы были миссионерами Европы; и, как утверждает Цезарь, друиды были древними учителями галлов, не меньше, чем всей Британии. А тайны жизни и смерти - это ключевая нота всего истинно кельтского, даже великой литературы об Артуре, Кухулине и Финне, которая сегодня будоражит интеллектуальный мир.

РАЗДЕЛ III

КУЛЬТ БОГОВ, ДУХОВ, ФЕЙ И МЕРТВЫХ

ГЛАВА X

СВИДЕТЕЛЬСТВО ХРИСТИАНСТВА

Чистилище святого Патрика стало основой для другой серии рассказов, воплотивших в себе кельтские представления о потусторонней жизни и ее различных состояниях. Возможно, самым глубоким инстинктом кельтских народов является стремление проникнуть в неведомое. Когда перед ними море, они хотят знать, что находится за ним; они мечтают о

Земле Обетованной. Перед лицом неизвестности, лежащей за могилой, они мечтают о том великом путешествии, которое прославило перо Данте" - Эрнест Ренан.

Лаф Дерг - священное озеро изначально - Чистилище как христианизированное наследие древних кельтских обрядов - Чистилище как Страна фей - Чистилище параллельно языческим обрядам инициации - Обряд смерти и воскресения - Бретонские поминовения в сравнении - Связь с культом Аэнгуса и кельтскими пещерными храмами - Происхождение доктрины чистилища до христианства - Кельтские и римские праздники мертвых сформировали христианские - Фундаментальное единство мифологий, религии и веры.

Лучшее свидетельство, предлагаемое христианством, имеющее прямое отношение к вере в фей, исходит из того, что можно назвать выжившими остатками трансформированного язычества в самой Церкви. Различные языческие культы, которые также были в большей или меньшей степени христианизированы, были рассмотрены в разделе "Язычество"; в этой главе мы предлагаем рассмотреть знаменитое чистилище святого Патрика и христианские обряды в честь мертвых.

Чистилище святого Патрика

На юге графства Донегал в Ирландии, среди безлесных гор и болот, лежит Лаф Дерг, или Красное озеро, с островом, который издавна известен всему христианству как место, где находилось чистилище святого Патрика. Даже сегодня, более чем в Средние века, он является целью тысяч благочестивых паломников, которые отправляются туда, чтобы очиститься от грехов, накопленных за всю жизнь. В наш век коммерциализма эта картина интересна и радостна, что бы ни говорили по этому поводу изменчивые голоса многих.

Следующие странные легенды, которые осенью 1909 года я обнаружил среди крестьян Лаф Дерга, объясняют, как озеро получило свое нынешнее название, и, похоже, указывают на то, что задолго до времен Патрика озеро уже считалось странным и загадочным местом, очевидно, потусторонним заповедником. Первая легенда, основанная на двух дополняющих друг друга версиях, одна - от Джеймса Райана из Тамлач Таунленда, которому семьдесят пять лет, другая - от Артура Монагана, более молодого человека, живущего примерно в трех милях от Джеймса Райана, такова: "Убегая из графства Армаг, Финн Мак Коул взвалил свою мать на плечо, держа ее за ноги, но он так быстро бежал, что, достигнув берега озера, от его матери не осталось ничего, кроме двух ног, которые он бросил там вниз. Через некоторое время фенийцы, разыскивая Финна, проходили мимо того же места на берегу озера, и Синен Мул(?), который был из их числа, увидев берцовые кости матери Финна и червяка в одной из них, сказал: "Если бы этот червяк мог получить достаточно воды, он бы превратился в нечто великое". "Я дам ему достаточно воды", - сказал другой из последователей и бросил его в озеро (позже названное озером Финна Мак Кула).^[541] Червь тут же превратился в огромное водяное чудовище. С этим водяным чудовищем святому Патрику пришлось сразиться и убить его; в ходе борьбы озеро окрасилось в красный цвет от крови водяного чудовища, и поэтому озеро стало называться Лох-Дерг (Красное озеро)". Вторую легенду, состоящую из народных преданий, рассказал Патрик Монаган, смотритель Чистилища, когда он греб меня к Острову Святых - месту первоначальной чистилищной пещеры; и эта легенда еще более важна для нас, чем предыдущая: "Я всегда слышал, как говорили, что в это озеро Святой Патрик загнал всех змей из Ирландии, и что с ними он провел здесь свой последний бой,

одержав полную победу. Старики и старухи в этом районе верили, что Лаф Дерг был последним оплотом друидов в Ирландии; и, судя по тому, что я слышал от них, я думаю, что старая легенда означает, что именно здесь Святой Патрик закончил свою битву с друидами, и что змеи представляют друидов или язычество".

Эти и подобные легенды, а также то, что мы знаем о чистилищных обрядах, заставляют нас предположить, что в дохристианские времена озеро Финн Мак Кул, позже названное Лаф Дерг, почиталось как священное, а пещера, которая тогда, несомненно, существовала на острове Святых, использовалась как центр празднования языческих мистерий, схожих по характеру с теми, которые, как предполагается, проводились в Нью-Грейндже. Очевидно, что в испытаниях и церемониях современного христианского чистилища Святого Патрика мы видим отголоски подобных языческих обрядов. Как культы камней, деревьев, фонтанов, озер и вод были поглощены новой религией, так, похоже, в доисторические времена все культы были возложены на озеро Финн Мак Кул и островную пещеру. Хотя нынешнее местоположение Чистилища не является изначальным местом старых кельтских культов: оно было перенесено с острова Святых на остров Станционный, нынешнее место паломничества, где вместо пещеры находится "Тюремная часовня", практики, хотя, естественно, сильно измененные и испорченные, сохранили свои первобытные очертания. В свое время Патрик предписал всем кающимся соблюдать следующие церемонии перед входом в пещеру на острове Святых;^[542] и долгое время они строго соблюдались:

"Посетитель должен сначала отправиться к епископу епархии, объявить ему, что он пришел по собственной воле, и попросить у него разрешения совершить паломничество. Епископ предостерег его от дальнейшей затеи и рассказал об опасностях, которые таит в себе его предприятие; но если паломник все же остался непоколебим в своей цели, он дал ему рекомендательное письмо к настоятелю острова. Настоятель снова попытался отговорить паломника от его замысла теми же аргументами, которые ранее приводил епископ. Если же паломник оставался непреклонным, его отводили в церковь, чтобы он провел там пятнадцать дней в посте и молитве. После этого отслужили мессу, причастили его, окропили святой водой и повели в процессии с чтением литаний ко входу в чистилище, где была предпринята третья попытка отговорить его от входа. Если он продолжал упорствовать, настоятель разрешал ему войти в пещеру, после того как он получал благословение священников, и, входя, предавался их молитвам и собственноручно совершал крестное знамение на лбу. После этого настоятель заколачивал дверь и не открывал ее до следующего утра, когда, если кающийся находился там, его выводили и с великой радостью вели в церковь и, после пятнадцатидневного бодрствования и молитвы, отпускали. Если его не находили, когда открывали дверь, считалось, что он погиб в своем паломничестве через чистилище; дверь снова закрывали, и впоследствии о нем никогда не вспоминали".

В средневековый период на различных европейских наречиях и на латыни была записана огромная масса литературных и исторических материалов о чистилище святого Патрика, и все они свидетельствуют о широком распространении обрядов, которые уже тогда, как и сейчас, привлекали тысячи паломников со всех концов христианства. В поэме *Овейна Майлза*,^[543] которая является частью этого материала, мы находим поэтическое описание чистилищных обрядов, вполне сопоставимое с рассказом Вергилия об Энее, совершающем свое инициационное путешествие в Аид. В поэме рассказывается о том, как сэр Овейн был заперт в пещере и как через некоторое время он начал проникать в ее глубины. У него было мало света, и он постепенно исчезал, оставляя его в полной темноте. Затем наступили странные сумерки. Он прошел в зал и встретил там пятнадцать человек в белых одеждах и с головами, обритыми на манер церковных. Один из них рассказал Овейну, что ему предстоит пережить во время паломничества, как на него будут нападать нечистые духи и какими

средствами он сможет им противостоять. Затем пятнадцать человек оставили рыцаря одного, и вскоре его окружили всевозможные демоны, призраки и духи, и разные компании извергов вели его от одной пытки к другой. (Наконец Овейн добрался до волшебного моста, который показался ему безопасным и широким, но когда он дошел до его середины, все демоны и нечистые духи подняли такой ужасный крик, что он чуть не упал в пропасть вниз. Однако он достиг другого берега, и власть дьяволов прекратилась. Перед ним раскинулся небесный город, и благоухающий воздух, доносившийся из него, был столь упоителен, что он забыл обо всех своих страданиях и горестях. К Овайну подошла процессия и, приветствуя его, ввела в рай, где обитали Адам и Ева до того, как съели яблоко. Рыцарю была предложена пища, и когда он отведал ее, то не захотел возвращаться на землю, но ему сказали, что нужно дожить свою земную жизнь в этом мире и оставить плоть и кости, прежде чем начать небесное существование. Поэтому он начал свой обратный путь к входу в пещеру по короткой и приятной дороге. Он снова прошел мимо пятнадцати мужчин в белых одеждах, которые рассказали ему о том, что ждет его в будущем, и, благополучно добравшись до двери, прождал там до утра. Затем его вывели, поздравили и пригласили остаться со священниками на пятнадцать дней[544].

Здесь достаточно четко прослеживаются многие существенные черты подземного мира: есть мистический мост, переход через который гарантирует путнику защиту от злых духов, подобно тому как в Ирландии крестьянин считает себя в безопасности, когда его преследуют феи, если он только сможет перейти мост или ручей. Небесный город одновременно похож и на христианские небеса, и на мир *сидхе*. Поедание Овайном ангельской пищи имеет эффект, подобный тому, который дает поедание пищи в Сказочной стране; но Овайн, под влиянием христианства, возвращается на землю, чтобы умереть "той смертью, которую предписал Царь Неба и Земли", как сказал Патрик о принце, которого он спас от *сидхе-фолков*[545].

Любопытная история, в которой сам король Артур посещает чистилище святого Патрика, опубликованная в XVI веке ученым французом Стефаном Форкатулом, показывает, насколько реальна связь между чистилищем и греческим или римским Аидом. Артур, как рассказывается, оставив за собой свет, спустился в пещеру по неровной и крутой дороге. Говорят, что эта пещера - вход в тень или, по крайней мере, в чистилище, где бедные грешники могут смыть свои преступления и вернуться, радуясь, к свету дня". Но Форкатул добавляет, что "из некоторых серьезных комментариев Мерлина я узнал, что Гавейн, его хозяин коня, отозвал Артура назад и отговорил его от дальнейшего осмотра ужасной пещеры, в которой слышался шум падающей воды, источающей сернистый запах, и голоса, оплакивающие потерю своих тел"[546].

Чистилище и обряды посвящения

Судя по приведенным выше данным и огромному количеству аналогичных сведений, религиозные обряды, связанные с чистилищем святого Патрика, должны быть антропологически интерпретированы в свете того, что известно о древних и современных церемониях инициации, проводимых подобным образом. Как уже говорилось, первоначальное Чистилище, находившееся в пещере на острове Святых, сегодня представляет собой "Тюремную часовню" на острове Стейшн; и в этой "Тюремной часовне", как и в пещере, паломники, после поста и необходимых подготовительных покаяний, должны провести ночь. У греков неофиты, ищущие посвящения, после аналогичной подготовки входили в пещеру-святилище, недавно обнаруженную в Элевсисе, месте Великих мистерий,

и там, в *святителище*, вступали в общение с богом и богиней нижнего мира;[547] тогда как в оригинальном "Чистилище" сэра Овейн и Артур описываются как вступившие в контакт с миром Аида и его существами. В государственном культе в Ачараке (Греция) был еще один храм-пещера, в котором проводились инициации.[547] Оракул Зевса Трофония находился в подземной камере, в которую после различных подготовительных обрядов, включая обращение к Агамеду, спускались неофиты, чтобы получить очень таинственным образом божественные откровения, которые впоследствии были истолкованы для них. Спуск в пещеру и увиденные в ней достопримечательности внушали такой трепет, что, по народному поверью, никто из посетивших пещеру никогда больше не улыбался; а о людях серьезных и серьезных говорили, что они побывали в пещере Трофония[548].

Поклонение Митре, персидскому богу сотворенного света и всей земной мудрости, который со временем стал отождествляться с солнцем, совершалось в естественных и искусственных пещерах, найденных во всех частях Римской империи, где его культ процветал до тех пор, пока не был вытеснен христианством; в этих пещерах проводились очень сложные инициации семи степеней. Сама пещера означала нижний мир, в который во время испытаний инициации неофит должен был войти, находясь вне физического тела, чтобы душа могла очиститься многих испытаниях.[549] В Мексике пещера Чальчатонго вела на райские равнины, очевидно, через инициации; а Миктлан, подземный храм, аналогичным образом вел в страну мертвых ацтеков.[550]

Среди наиболее распространенных и характерных черт современных примитивных рас мы находим высокоразвитые мистерии (институты полового созревания), имеющие тот же существенный характер, что и эти древние мистерии. Они являются для нецивилизованной молодежи тем, чем были греческие мистерии для греческой молодежи, и тем, чем являются колледжи и университеты для молодежи Европы и Америки, хотя, возможно, более успешными, чем эти последние, как места морального и религиозного обучения. Эти мистерии варьируются от племени к племени, хотя почти во всех из них есть то, что соответствует обряду смерти в масонстве; то есть есть либо символическое представление смерти в священной драме - как это было у греков в их полных обрядах инициации, - либо состояние фактического транса, наложенное на каждого неофита жрецами-инициаторами. *Святителище* этих примитивных мистерий иногда находится в естественной или искусственной пещере (как это было принято в отношении Древних Мистерий и Чистилища Святого Патрика на острове Святых); иногда в строении, специально подготовленном для исключения света; или же неофиты символически или буквально погребаются в подземном месте, чтобы воскреснуть значительно очищенными и окрепшими.[551] И мистическое очищение на морском берегу и духовное возрождение, которого добивались в пещере в Элевсисе высококультурные афиняне и их собратья греки, или другие культурные и некультурные древние и современные народы посредством соответствующей церемонии посвящения, находят свою параллель в очищении и духовном возрождении, которого до сих пор добиваются в христианском Чистилище, ныне "Тюремной часовне", и в водах озера, среди уединения священного Лаф Дерг, Ирландия, тысячи искренних паломников со всех концов света.[552]

Этот вывод соответствует тому, что было сказано об инициационных аспектах культа Аэнгуса; И если мы попытаемся связать Чистилище с каким-то особым солнечным культом, параллельным культу Аенгуса, то, вероятно, должны будем назвать Луга, великого ирландского бога солнца, из-за того знаменательного факта, что чистилище на острове Стейшн завершается в праздник Успения Пресвятой Девы, 15 августа, дата, которая, очевидно, достаточно совпадает, чтобы представлять, как это, вероятно, и есть, древний

август Лугнасах, 1 августа, день, священный для бога солнца Луга, как указывает название.[553]

Если мы хотим объединить Чистилище, Нью-Грейндж, Гавринис и другие кельтские подземные места как центры высшей религиозной практики в прошлом, мы должны ожидать, что в языческой Ирландии существовало множество подобных сооружений или естественных пещер, как мы и обнаружили. Так, в различных ирландских манускриптах упоминаются различные пещеры,[554] и большинство из них, насколько их можно локализовать, традиционно являются местами сверхъестественных чудес, а часто (как в случае с последней из перечисленных, пещерой Круахан) напрямую связаны с подземным миром.[555] Другая из этих пещер описывается как находящаяся под церковью, что позволяет предположить, что церковь была посвящена подземному месту, изначально священному для языческого поклонения и, как мы можем с уверенностью предположить, для языческих мистерий.

Любопытный обычай ранних ирландских христиан удаляться на время в пещеру, похоже, свидетельствует о сохранении в исторические времена языческого пещерного ритуала, который сейчас сохранился только в Лаф Дерге. Этот обычай, по-видимому, был распространен среди святых Британии и Шотландии;[556] а в *"Трехчастном житии Патрика"* Стоукса (стр. 242) есть очень значительное упоминание о нем. В рассказе *"Мабиногион"* о Кулхвхе и Олвен, похоже, есть еще один традиционный отголосок тех времен, когда пещеры использовались для религиозных обрядов или поклонения, - автор упоминает пещеру ведьмы Ордду как находящуюся "на границах ада". Пещера, таким образом, по распространенному мнению, вела в Аид или подземный мир фей, демонов и духов; опять же, как и в чистилище святого Патрика. Чисто кельтских примеров такого рода можно привести великое множество.

Языческое происхождение чистилищной доктрины

Метрический романс об Орфее и Иродис в *"Собрании метрических романсов"* Ритсона[557] иллюстрирует, как в Британии (а Британия - даже Англия - скорее кельтская, чем саксонская) греческий Ад или Аид рассматривался как идентичный кельтской Стране фей. Это весьма необычно и для нас очень важно. Оно показывает, что в Британии в то время, когда был написан роман, не было существенной разницы между подземным миром фей и подземным миром теней. Царство Плутона и царство, где короли и королевы фей устраивали пиршества, были одним и тем же. Разница заключается в следующем: Аид был египетской и, в свою очередь, греческой концепцией, а Сказочная страна - кельтской; они различаются, как различается воображение при работе над философской доктриной у трех народов, и никак иначе. И, как показал Райт, происхождение Чистилища в Римской церкви очень туманно. Что касается местонахождения Чистилища, римское богословие признает, что не может сказать ничего определенного.[558] Естественный вывод, который мы предложили в нашем исследовании *"Перерождение"*, заключается в том, что ирландская доктрина потустороннего мира во всех его аспектах, но особенно как подземного мира сидхе или фей, была объединена с языческой греко-римской доктриной Аида в Чистилище Святого Патрика, и, следовательно, дала начало современной христианской доктрине Чистилища.

Христианские обряды в честь усопших

Теперь мы можем с легкостью перейти от рассмотрения общемировых обрядов, связанных со смертью и возрождением, которые основаны на древнем культе солнца, к рассмотрению их тени в теологии христианства, где они обычно известны как обряды в честь усопших. По-видимому, с самого начала ясно, что христианский праздник в честь умерших, согласно его истории, является адаптацией язычества; а поскольку многие ирландские церковники или их ученики, получившие образование в кельтских монастырях Британии и Ирландии, имели влияние в церкви в первые века, существует большая вероятность того, что праздник *Самайн* имел отношение к формированию современного праздника, как мы предположили в предыдущей главе; ведь оба праздника первоначально приходились на первое ноября. Римско-католические писатели сообщают, что именно святой Одилон, аббат Ключи, в 998 году учредил во всех своих общинах Праздник в память об умерших и установил его годовщину на первое ноября; этот праздник был быстро принят всеми церквями Востока.[559] Сегодня в Римской церкви первое и второе ноября - святые дни, посвященные тем, кто ушел из этой жизни. Первый день, Праздник всех святых (*La Toussaint*), как говорят, возник так: римский Пантеон - Пантеон, означающий резиденцию всех богов, - был посвящен Юпитеру-мстителю, а когда христианство восторжествовало, языческие изображения были низвергнуты, и тогда вместо культа всех богов был первоначально установлен Праздник всех святых.[560] Почему *Ла Туссен* должен был стать праздником мертвых, сказать трудно, если только мы не признаем, что древний кельтский праздник мертвых слился с ним. Мы считаем, что именно так и произошло; ведь если Праздник в память о мертвых был, как считают некоторые авторитеты, установлен святым Одилоном на первое ноября, в прямом соответствии с *Самайном* или Хэллоуином, то в какой-то более поздний период он был вытеснен *Ла Туссеном*, так как теперь он празднуется второго ноября.

Аналогичным образом, молитвы и мессы за умерших, которым ежегодно уделяет особое внимание в первые два дня ноября, похоже, берут свое начало в дохристианских культах. Согласно Мосхайму в его "*Histoire ecclésiastique*",[561] обычай праздновать Таинство у гробниц мучеников и на похоронах был введен в четвертом веке; из этого обычая в восьмом веке возникли мессы за святых и за умерших. До IV века мы видим, что новообращенные христиане во всех частях кельтской Европы, а также во многих некельтских странах, все еще оказывали культ духам предков, совершали жертвоприношения на могилах героев и строго соблюдали очень древний ноябрьский праздник или его аналог в честь мертвых и фей. Затем, очень постепенно, в течение четырех столетий, определился характер христианских культов и праздников святых и мертвых. Следующая цитата проиллюстрирует характер ирландских христианских обрядов в честь умерших: "В *Lebar Brecc*[562] мы читаем: "Нет ничего, что человек делает от имени души того, кто умер, что не помогло бы ей: и молитва на коленях, и воздержание, и пение панихид, и частые благословения. Сыновья обязаны совершать покаяние за своих умерших родителей. Целый год Маэдок из Папоротников со всей своей общиной сидел на воде и хлебе после того, как выпустил из ада душу Брандуба, сына Эхаида".

По словам святого Августина, души умерших утешаются благочестием их живых друзей, когда оно выражается в жертвоприношениях, приносимых Церковью;[563] св. Ефрем велел своим друзьям не забывать его после смерти, а в доказательство своего милосердия приносить за упокой его души милостыню, молитвы и жертвы, особенно на тридцатый день;[563] Константин Великий пожелал быть погребенным при церкви апостолов, чтобы его душа получила пользу от молитв, возносимых святым, от мистической жертвы и от святого причастия.[563] Такие молитвы и жертвы за умерших возносились Церковью иногда в течение тридцати и даже сорока дней, причем наиболее торжественными были молитвы на

третий, седьмой и тридцатый дни.[564] История преподобного Беды, письма святого Бонифация и св. Лула доказывают, что даже в древней англиканской церкви возносились молитвы за души умерших;[565] а собор епископов, состоявшийся в Кентербери в 816 году, постановил, что сразу после смерти епископа за него должны возноситься молитвы и милостыня.[565] В Оксфорде в 1437 году был основан колледж Всех душ, главным образом для того, чтобы возносить молитвы за души всех, кто погиб во время французских войн пятнадцатого века.

Заключение

Как кажется очевидным из этой и двух предыдущих глав, все эти праздники, обряды или обряды христианства имеют более или менее прямое отношение к язычеству, а значит, к древним кельтским культам и жертвоприношениям, приносимым мертвым, духам и Туата де Дананн или феям. И тот же набор идей, который действовал среди кельтов, создавая их мифологию фей - идей, возникающих из веры или знания о едином универсальном царстве духа и его различных порядках невидимых обитателей - дал египтянам, индейцам, грекам, римлянам, тевтонам, мексиканцам, перуанцам и всем народам их соответствующие мифологии и религии; и мы, современные люди, являемся буквально "наследниками всех веков".

РАЗДЕЛ IV

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ВЕРА ФЕЙ; И ВЫВОДЫ[566]

ГЛАВА XI

НАУКА И ФЕИ

Загадочные и странные явления происходили у всех народов и во все века. Можно отнести многие утверждения к области суеверий, но невозможно устранить все. Сэр Оливер Лодж.

Метод исследования: Экзотерический и эзотерический аспекты - X-количество - Научное отношение к анимистической гипотезе: Материалистическая теория; Патологическая теория; Теория заблуждений и самозванства-Проблемы сознания: Сны; сверхнормальный промежуток времени-Психические исследования и феи: Исследования Майерса - Современное положение психических исследований - Психические исследования и антропология в отношении веры в фей, согласно специальному вкладу мистера Эндрю Ланга - Окончательное тестирование X-количества - Заключение: кельтская вера в фей и в Сказочную страну является научной.

Метод исследования

Обещание, данное во Введении, изучить причины веры в фей, теперь должно быть выполнено с помощью современной науки. Приводить параллели при изучении религии или мифологии стоит для того, чтобы показать фундаментальную связь, объединяющую все системы верований в вещи, называемые духовными; но гораздо важнее попытаться понять, почему должны существовать такие параллели и такой объединяющий принцип, стоящий за ними. Возможно, среди студентов, изучающих фольклор и антропологию в целом, было слишком много тенденций, чтобы довольствоваться лишь тем, что они обнаружили, что эскимосы в Гренландии верят в духов, параллельных вере в духов в Центральной Африке, или что греческий пантеон (и, возможно, кельтский тоже) состоит из богинь, которые, очевидно, являются доарийскими, и из богов, которые, очевидно, являются арийскими. Мы также провели множество параллелей между кельтской верой в фей и различными верованиями в фей по всему миру; но теперь мы должны попытаться выяснить, почему вообще существуют анимистические верования.

Поэтому в этой главе мы ограничимся научным рассмотрением более популярного или, как его можно назвать, экзотерического аспекта веры фей, который дошел до нас непосредственно от масс кельтских народов. Следующая глава, которая является следствием настоящей, будет посвящена мистическому или, как его можно назвать по контрасту, эзотерическому аспекту той же веры, который, в свою очередь, дошел до нас от ученых мистиков и провидцев, составляющих, в процентном соотношении, лишь очень незначительное меньшинство современных кельтов. Каждый из этих взаимодополняющих аспектов кельтской религии, несомненно, имеет свое происхождение в самой далекой древности. Это, вероятно, более очевидно в отношении первого, чем второго. Последний всегда был эзотерическим, и, по нашему мнению, демонстрирует непрерывную традицию (хотя и очень неполную) с друидических времен; и он зависит не столько от письменных записей, поскольку у друидов их не было, сколько от устной передачи из века в век. Оба аспекта веры фей в современную эпоху вобрали в себя множество идей из некейтских систем религии и мистической мысли. Как предположил мистер Дженнер в своем Введении для Корнуолла, и как ясно показывают некоторые детали в [главе II](#), системы современной теософии оказали заметное влияние в этом отношении; но сегодня невозможно сказать, какие части Фейри-Фейт являются чисто кельтскими, а какие - нет, поскольку сравнительные исследования доказывают, что мистицизм в основе своей одинаков во все века и у всех народов. Психологически верно и то, что всегда должно существовать некое родство между двумя наборами мыслей, чтобы они могли объединиться. Следовательно, если современный мистицизм (полученный из восточных или других источников), как мы полагаем, повлиял на кельтский мистицизм, переданный из смутных друидических веков, то только потому, что эти два направления занимают общую психическую территорию. Поэтому мы должны довольствоваться научным исследованием веры в фей в том виде, в каком она предстает сейчас.

Анализ доказательств в [главе iii](#) ясно показывает, что в экзотерической части современной кельтской веры в фей наблюдается значительное вырождение из того, что в языческие времена должно было быть широко распространенным и высокоразвитым анимистическим верованием. В эзотерической части вместо такого вырождения наблюдается удивительно развитая система тончайших спекуляций, которая параллельна восточно-индийским системам метафизики. При таком комплексном рассмотрении веры становится ясно, что, по крайней мере, в некоторой степени, как уже отмечалось (стр. [99](#), [257](#)), вера в фей в ее чистом

виде зародилась среди наиболее образованных и ученых кельтов древности, а не среди их необразованных собратьев. Эти два аспекта веры образуют гармоничное целое, как они будут представлены в данном разделе IV. Глава xi в основном зависит от доказательств, изложенных в главе ii. Глава xii в основном зависит от доказательств, изложенных в главе vii.

В главе iii мы антропологически рассмотрели современную и (как там, так и в некоторых последующих главах) историческую и древнюю веру в фей в кельтских странах и пришли к выводу, что она по сути своей анимистична. Народное воображение, социальная психология, антропоморфизм в целом адекватно объясняют большую массу представленных доказательств; но анимистическая подоплека рассматриваемой веры ставит проблемы, которые не в состоянии решить строго антропологические науки. Сейчас наступил момент, когда эти проблемы должны быть представлены для решения физиологии и психологии. Если они будут полностью решены с помощью чисто рациональных и физических данных, то вера в фей в целом должна быть отброшена как бесполезная в глазах науки.

Однако в нашем поколении такое отбрасывание не должно стать судьбой народной религии кельтов: следующие явления, описанные в главе ii и в других местах нашего исследования и обозначенные как "икс" или "неизвестная величина" веры фей, в настоящее время не могут быть удовлетворительно объяснены наукой: (1) коллективные галлюцинации и верические галлюцинации; (2) объекты, движущиеся без контакта; (3) звуки и шумы, называемые "сверхъестественными"; (4) телепатия; (5) провидение и видения; (6) состояния сна и транса, проявляющие сверхнормальное знание; (7) "медиумизм" или "обладание духом". Независимо от наших собственных кельтских данных в их поддержку, первый класс явлений поддерживается огромной массой научно собранных данных; второй и третий класс поддерживаются в меньшей степени; телепатия почти общепринята как установленная в настоящее время; последние три класса гипотетически принимаются многими авторитетами в области патологии, психологии и психических исследований.

Отношение ученых к анимистической гипотезе

Утверждения, подобные нашему, о том, что подобные явления не могут быть объяснены никакими известными законами ортодоксальной науки, помогли внести заметный раскол в ряды научных работников. С одной стороны, есть ученые, которые отрицают существование всего, что не поддается математической проверке, взвешиванию, препарированию или иному анализу в лабораториях; с другой стороны, есть их коллеги, которые, часто несмотря на прежние предубеждения против материализма, пришли к личному убеждению, что анимистический взгляд на человека более гармоничен с их научным опытом, чем любой другой. Обе школы включают в себя людей, выдающихся во всех отраслях биологических наук.

Посередине между этими противоборствующими школами находятся психофизики, которые утверждают, что человек - это двойное существо, состоящее из психической и физической частей. Одни из них склоняются к анимизму, другие не желают рассматривать психическую часть человека как отделимую от физической. Так и мир науки расколот.

В таких хаотичных условиях развития науки мы вправе принять ту или иную точку зрения, либо отвергнуть все взгляды и использовать научные данные самостоятельно. В вопросах, где мнения разделились, не может быть окончательной апелляционной инстанции, кроме опыта грядущих поколений. Поэтому мы довольствуемся изложением собственной позиции и оставляем ее на усмотрение будущего, чтобы оно отвергло или приняло ее, в зависимости

от обстоятельств. Попытка критического анализа тысячи и одной теории, занимающей современную арену научных споров о сущностной природе человека, выходит за рамки данной работы. Тем не менее мы должны проложить грубую тропу через джунгли научных теорий и с самого начала заявить о своей оппозиции той школе научных работников, которые отрицают наличие у человека сверхчувственной конституции. Их теория, если довести ее до логического конца, по сути, ничем не отличается от теории Фейербаха в те времена, когда наука была гораздо менее развита, чем сегодня. Он считал, что "только объект чувства, или чувственное, действительно истинно, и поэтому истина, реальность и чувственное едины".[567] Сказать, что мы познаем реальность через чувственное восприятие, - это ошибка, которую сегодня должны признать все ученые школы. Природа вечно обманывает чувства; она маскируется, пока наука не сорвет с нее маску. Мы всегда должны приспосабливать органы чувств к самому миру: там, где есть только колебания эфира, человек видит свет, а в колебаниях атмосферы слышит звук. Мы познаем вещи только через то, как на них реагируют наши органы чувств. Мы подводим итог проблеме мира, говоря: "Сознание не исчерпывает своего объекта - мира".[567] Восприятие и реальность, таким образом, не совпадают, человек и Вселенная остаются нерешенной проблемой, несмотря на шумные крики материалиста в его герметически закрытом и исключающем свет футляре, называемом чувственным восприятием. Наука признает, что все ее объяснения Вселенной являются лишь продуктом человеческого понимания и восприятия физическими органами чувств: вселенная науки - это вселенная явлений, а за явлениями, как не осмелится отрицать ни один ученый, должны быть нумены, конечные причины всего сущего, относительно которых наука пока не предлагает ни исчерпывающей гипотезы, ни тем более ответа. Рассматривать материалистическую гипотезу как адекватную для объяснения остатка или х-количества Фей-Фей было бы даже не разумно, и, что неоспоримо, не научно.

Когда ученые, придерживающиеся неанимистического взгляда на жизнь, изгоняются из своей ныне по большей части покинутой крепости, построенной немецкими учеными прошлого века, одним из представителей которых был Фейербах, они, противостоя анимистам, занимают более современно оборудованную крепость под названием Патологическая теория. Согласно этой теории, "медиумизм", телепатия, галлюцинации или добровольное и недобровольное проявление любых так называемых "психических" способностей со стороны мужчин и женщин с вытекающими отсюда явлениями можно объяснить как следствие ненормальных и, следовательно, - в зависимости от точки зрения, - болезненных состояний человеческого организма, или нарушением функций организма, приводящим к галлюцинациям, напоминаям безумие, которые с помощью своего рода гипноза, вызванного телепатически, могут даже воздействовать на исследователей и приводить их к ошибочным выводам. Все ученые согласны с Патологической теорией в той мере, в какой она отвергает как недостойные серьезного рассмотрения все явления и аномальные феномены, кроме тех, которые наблюдаются здравомыслящими и здоровыми людьми в обычных условиях. И, соответственно, всякий раз, когда можно доказать, что наши пациенты находятся в больном психическом или ментальном состоянии, мы должны исключить их свидетельства без каких-либо аргументов. Но поскольку мы постарались не представить ни одного свидетельства от кельтов, не являющихся физически и психически нормальными, Патологическая теория в лучшем случае может повлиять на х-количество лишь гипотетически.

Следующее признание в отношении зрительных и слуховых галлюцинаций заслуживает внимания как исходящее от такого основательного выразителя материалистической психологии, как М. Теодуль Рибо: "Должны существовать анатомические и физиологические причины, которые могли бы решить проблему, но, к сожалению, они скрыты от нас". Об этих

скрытых причинах, которые, по его мнению, порождают все психические состояния ума или сознания, названные им "болезнью личности", М. Рибо говорит: "Наше незнание причин останавливает нас. Психолог здесь подобен врачу, которому приходится иметь дело с болезнью, в которой он может различить только симптомы. Что это за физиологические воздействия, которые таким образом изменяют общий тонус организма, следовательно, козностезию, следовательно, и память? Это какое-то состояние сосудистой системы? Или какое-то тормозящее действие, какая-то остановка функции? Мы не можем сказать".[568] И после шести лет тщательнейших экспериментов мсье Шарль Рише, профессор физиологии медицинского факультета в Париже, пришел к такому выводу: "У определенных людей в определенные моменты существует способность приобретать знания, которая не имеет ничего *общего* с нашими нормальными способностями такого рода".[569] Кажется, здесь мы имеем последние слова науки, касающиеся патологической теории.

Когда их вытесняют из их патологического оплота, а они утверждают, что их оттуда не вытесняли, неанимисты всегда находят безопасный способ прикрыть свое отступление, выдвигая обвинение в том, что все психические явления являются мошенническими или, в противном случае, вызваны заблуждением со стороны наблюдателей. В ответ на это исследователи психики с готовностью признают, что в наблюдаемых "спиритических" явлениях есть большой процент простого обмана, заблуждения и самозванства; часть из них сознательна со стороны "медиума", а часть, очевидно, не вызвана сознательно. Тем не менее, такие исследователи вовсе не готовы утверждать, что нет ничего больше, чем это. Теория заблуждений и самозванства объясняет очень приличную часть этих явлений, но не все из них, и теоретически мы допускаем ее применение к параллельным явлениям, приписываемым феям; хотя следует признать, что "фейские" явления в большинстве случаев проявляются спонтанно, а не как в "спиритизме", созданные путем проведения *спиритических сеансов*. Кроме того, существует сравнительно мало "заклинателей" или "мудрецов" - феерических "медиумов" среди кельтов - которые когда-либо зарабатывали деньги на своей способности иметь дело с "добрыми людьми", или *Tylwyth Teg*; поэтому возможности для мошеннического производства "фейных" явлений крайне ограничены по сравнению со спиритизмом.

После двадцати пяти лет более или менее непрерывных экспериментов с "медиумами", в течение которых применялись все мыслимые тесты для выявления мошенничества с их стороны, Уильям Джеймс изложил свои выводы в таких словах: - "Когда самозванство было максимально исключено, когда случайные совпадения были допущены, когда были отмечены возможности для нормального знания со стороны субъекта, и было учтено умение "ловить рыбу" и следовать подсказкам, невольно предоставленным голосом или лицом очевидцев, те, кто наиболее полно знаком с явлениями, признают, что у хороших медиумов *есть остаток проявленного знания* [курсив Джеймса], который можно назвать только сверхнормальным: медиум использует некий источник информации, не открытый для обычных людей".[570] Мистер Эндрю Лэнг, один из самых смелых исследователей психики в Англии, не только согласился бы с Уильямом Джеймсом в этом, но, тщательно изучив теорию заблуждений и самозванства с более авторитетной точки зрения антрополога, пошел бы дальше и включил в нее классические спиритические явления, а также те, что существуют среди современных некультурных рас. Он говорит: "Между тем, необычайное сходство дикарских и классических спиритуалистических обрядов с соответствующим сходством предполагаемых современных явлений поднимает проблемы, которые легче констатировать, чем решить. Например, такие явления, как "рэппинг", как движение нетронутых предметов, как свет в комнате для *спиритических сеансов*, - все это легко симулируется. Но тот факт, что невежественные современные рыцари должны симулировать в точности те же самые

скрежеты, огни и движения, что и самые отдаленные и неискушенные варвары, и образованные платоники четвертого века после Христа, и что многие другие явления должны быть идентичны в каждом случае, безусловно, заслуживает внимания.'[\[571\]](#) Таким образом, очевидно, что существует значительная часть психических и "сказочных" явлений, которые остаются необъясненными даже после применения к ним теории заблуждений и самозванства, и во всех таких случаях мы должны искать научное объяснение.

Проблемы сознания

Сначала наши главные исследования будут направлены на проблемы, общие как для психологии, так и для психических исследований, а именно: сновидения и трансовые состояния, галлюцинации и одержимость, чтобы показать, какое отношение, если таковое имеется, они имеют в глазах науки к параллельным явлениям, которые, как утверждается, обусловлены феями, изложены в [главе ii](#) и антропологически исследованы в [главе iii](#).

Сны

Популярное мнение о том, что сны - это чепуха, полностью опровергается определенными психологическими фактами. Когда во время сна наши органы чувств подвергаются воздействию внешних раздражителей, физически произведенные впечатления передаются нервной системой в мозг и вызывают во сне те же реакции, что и в состоянии бодрствования, за исключением того, что реакции в двух состояниях сознания - состоянии сна и состоянии бодрствования - различаются пропорционально различию этих двух состояний; но в обоих случаях Эго является реальным воспринимающим.[\[572\]](#) Такие стимулы, как послетеатральные ужины, винные вечеринки и прочее, вызывают хорошо известный тип сновидений; и те же стимулы в тот же период времени произведут такой же эффект, хотя и измененный, в соответствии с измененными психофизическими условиями, если будет активно состояние бодрствования, а не состояние сна, как и все сны, возникающие в результате патологических нарушений при болезни или аномальных физиологических функциях. Это очевидно из сновидений болезненного и чувственного типа, которые непосредственно влияют на физический организм и его функции, как это делали бы параллельные состояния бодрствования. Во всех таких снах низшего порядка животные и чисто физические тенденции, которые непосредственно обусловлены состоянием тела, действуют очень свободно: несовершенно сбалансированный, временно нарушенный или больной организм должен соответствующим образом реагировать на свои движущие силы. И из сравнительного изучения явлений ясно, что эти низшие виды сновидческих состояний выражают только низшее или животное сознание, которое у большинства людей является преобладающим или единственным сознанием даже в бодрствующей жизни; а не высшее сознание Эго или подсознание, которое может быть выражено в сомнамбулизме, ибо "в сомнамбулизме пробуждается внутреннее, второе Эго",[\[573\]](#) которое есть Подсознательное Я Майерса. Доктор Г. Ф. Стаут возражает против теории Майерса о Подсознательном Я тем, что "обычная бессвязность сновидений является возражением против того, чтобы считать их проявлениями потока мыслей, равного или превосходящего по систематической сложности и непрерывности поток мыслей бодрствующего Я",[\[574\]](#) что Майерс также заметил. Но если рассматривать все сны низшего порядка как обусловленные несовершенной реакцией организма на его движущие силы из-за различных плохих физических условий в теле и признать, что эти движущие силы в конечном счете зависят от подсознания, то трудность, по-видимому, устраняется замечанием, что при таких условиях не происходит реального

слияния нормального сознания с подсознанием. Таким образом, обычные сны находятся в пределах обычного спектра сознания; но экстраординарные сны выходят за пределы обычного спектра в действительно сверхнормальное состояние сознания.

Как следует из всего вышесказанного, сны бывают разных классов: самые низкие, которые мы объяснили как следствие плохого физиологического состояния человека-животного; те, которые легко объяснить как искаженные отражения действий в состоянии бодрствования, часто основанные на какой-то шальной мысли или предположении дня и затем сравнимые с постгипнотическими внушениями. Другие сны, очевидно, полностью выходят за рамки обычных психических или физических расстройств, действий, размышлений или внушений бодрствующей жизни и, таким образом, "имеют более широкую сферу действия и указывают на то, что запись внешних событий, которая хранится в нас, гораздо полнее, чем мы думаем".^[575] В некоторых снах присутствует рассуждение, а также память, и известно, что математики решали проблемы во сне: один американский изобретатель, знакомый с матерью писателя, утверждал, что ему приснились детали определенного процесса производства льда, который оказался успешным при испытании; с помощью самовнушения, установленного в состоянии бодрствования, Р. Л. Стивенсон, войдя в состояние сна, получил детали для своих воображаемых романов.^[576] Сам доктор Стаут, критикуя "Подсознательное Я" Майерса, признает, что "в некоторых очень редких случаях человек достигал во сне интеллектуальных достижений, равных или, возможно, превосходящих лучшие, на которые он был способен в бодрствующей жизни";^[577] и существует множество достоверных случаев переживания снов, которые невозможно объяснить как оживление фактов, выпавших из диапазона обычной памяти или сознания. Похоже, нас подталкивают к гипотезе следующего рода: во сне происходит психическая активность, которая в состоянии бодрствования либо не функционирует, либо находится ниже психофизического порога чувствительности; поскольку многое, что является подсознательным в состоянии не-сна, в состоянии сна становится полностью осознанным. И мы, вероятно, не помним и четверти наших снов: они принадлежат преимущественно к другому порядку сознания.

Взгляд профессора Фрейда на сновидения в целом совпадает с этой точкой зрения. Он считает, что подсознание - это хранилище, из которого сновидения черпают содержимое и действуют на него. При этом происходит очень сильное искажение подсознательного материала из-за того, что он называет "эндопсихическим цензором". В состоянии бодрствования этот цензор всегда на чеку, чтобы не допустить в сознание все подсознательные процессы или отложения, но во сне он менее бдителен и позволяет некоторым подсознательным содержаниям проникать в обычное сознание. В результате сон искажается до неузнаваемости. Такой сон, по-видимому, занимает промежуточное положение между тем, что мы классифицировали как низший, или животный, сон и высший, или сублиминальный, сон. Он, возможно, показывает гармоничное психофизическое состояние жизни сновидения, в то время как низший тип сновидения показывает преобладание физических или животных, а высший тип сновидения показывает преобладание психических элементов в человеке. Далее, этот тип можно обозначить как нормальный сон, а два других типа, соответственно, как физически ненормальный и психически ненормальный.

Профессор Фрейд обнаруживает в состоянии сновидения и другие заметные процессы, которые помогают проиллюстрировать ту часть фей, которая зависит от опыта сновидений. (1) Сгущение деталей, часто в пропорции один к десяти и один к двадцати; (2) вытеснение деталей, или "переоценка всех ценностей"; (3) драматизация; (4) регрессия, ретроградное движение абстрактных психических процессов к их первичным концепциям; и (5) вторичная

проработка, попытка рационализировать весь материал сновидения.^[578] Кроме того, профессор Фрейд обнаружил в результате анализа тысяч сновидений, что подсознание использует своего рода символизм: "Этот символизм частично варьируется в зависимости от индивидуума, а частично имеет типичную природу и, похоже, идентичен символизму, который, как мы предполагаем, лежит в основе наших мифов и легенд. Не исключено, что эти последние творения народа могут найти свое объяснение в изучении сновидений"^[579] Подобные процессы, взятые в целом, показывают, что человек обладает двойным сознанием, обычным и подсознательным. И у нас есть все основания полагать, что подсознательная деятельность продолжается постоянно, в бодрствовании и во сне.

Экспериментируя на собственных совершенно здоровых детях, Винхольт доказал, что существуют природные силы, стимулы которых никогда не воспринимаются в бодрствующем состоянии: он провел железным ключом по лицу и шее своего сына на расстоянии полудюйма, не прикасаясь к нему, после чего мальчик начал тереть эти места и проявил беспокойство. Винхольт также экспериментировал на других своих детях со свинцом, цинком, золотом и другими металлами, и в большинстве случаев дети "отворачивались от обрабатываемых частей, терли их или натягивали на них одежду"^[580]. Таким образом, во сне сознание воспринимает объекты без физического контакта; и это немыслимым образом может предполагать, наоборот, что во сне человеческое сознание может воздействовать на объекты без физического контакта, как, по словам фей и мертвых, и так, как исследователи психики знают, что объекты могут быть подвержены воздействию.

В нашем распоряжении имеется отчет о самом замечательном сне, совершенно аналогичном по характеру снам, в которых, по мнению некоторых кельтов, они встречались с мертвыми или феями. У профессора Хильпрехта был разбитый ассирийский цилиндр с клинописью, который он не мог расшифровать; но во сне ему явился ассирийский жрец в древнем одеянии и расшифровал надпись. Об этом сне Майерс заметил: "Похоже, мы достигли предельной интенсивности способности к сну в пределах нашего обычного спектра"^[581].

Мы можем подвести итог нашему исследованию сновидений, сказав, что научный анализ сновидческой жизни в ее *высших диапазонах* доказывает, что наше Эго не полностью охвачено самосознанием, что Эго превосходит самосознание. Вместо непрерывности сознания, составляющей самосознание, мы имеем параллельные состояния сознания для одного субъекта, Эго. Изучение кельтской теории перерождения в следующей главе еще больше объяснит этот тонкий аспект психологии сновидений.

Если применить этот вывод к вере в фей, то различные состояния, похожие на сон или транс, в которых древние и современные кельты свидетельствуют о том, что побывали в Стране фей, становятся научно правдоподобными. Таким образом, в этом аспекте Сказочная страна, лишенная всего своего литературного и образного блеска, а также социальной психологии, в глазах науки превращается в реальность, поскольку является одним из состояний сознания, координированных с обычным сознанием. Это утверждение будет подтверждено кратким рассмотрением того, что называется "сверхъестественным течением времени" и что неизменно связано со Сказочной страной.

Сверхъестественное истечение времени

Уже стало ясно, что во сне или сомнамбулическом состоянии неизменно происходят изменения временных и пространственных отношений; они и приводят к тому, что называют

"сверхъестественным истечением времени". Возможны два условия: либо несколько минут в состоянии бодрствования равны длительным периодам в состоянии не-бодрствования; либо, как это обычно бывает в сказках, происходит обратное.

Первое условие, которое мы рассмотрим в первую очередь, иногда появляется в "Фейри-Фейт" в виде такого заявления: "Иногда человек может таким образом отправиться в Фейри на час или два" (стр. 39). Аналогичным образом, как хорошо известно врачам, пациенты, находящиеся под действием наркотиков, переживают события, растянутые на длительные периоды времени, в течение нескольких минут обычного времени. Де Квинси, знаменитый опиумный наркоман, записывает сны сверхъестественной продолжительности от десяти до шестидесяти лет, а некоторые и вовсе выходят за все пределы бодрствования. Фехнер описывает случай женщины, которая чуть не утонула, а затем была реанимирована после двух минут бессознательного состояния, и за это время прожила заново всю свою прошлую жизнь.[582] Другой, еще более примечательный случай, чем этот, касается адмирала Бофора, который, упав в воду, также находился без сознания в течение двух минут, и тем не менее он говорит, что за этот короткий промежуток времени он не только прокрутил в памяти все случаи своей жизни с деталями "каждой мелочи и сопутствующей особенности", но что в его воображении всплыло "множество пустяковых событий, которые были давно забыты"[583].

Сейчас мы приведем примеры, иллюстрирующие второе условие. С первого января по десятое мая Хёне пребывал в непрерывном магнетическом сне, а когда вышел из него, то с удивлением увидел, что наступила весна, а он лег - как он считал - только накануне.[584] Если бы Хёне был ирландцем, он вполне мог бы объяснить ситуацию, сказав, что был с феями в течение, казалось бы, всего одной ночи. Сестрица Преворст во время подобного сна прошла через период в шесть лет и пять месяцев, а затем проснулась как после однодневного сна, не помня, что она делала в течение этого времени; но через некоторое время память об этом периоде пришла к ней настолько полно, что она вспомнила все его детали.[585] Старики, да и некоторые молодые люди среди кельтов, которые отправляются в страну фей на различные периоды времени, иногда растягивающиеся на недели (как в одном известном мне случае в Западной Ирландии), имеют именно такие сны или трансовые состояния, как этот. Другой пример: Шардель, спасаясь от революции, отплыл на корабле из Бретани и был вынужден вызвать сомнамбулизм у своей жены, чтобы преодолеть ее ужас перед морем. Когда супруги высадились в Америке и Шардель разбудил жену, она ничего не помнила о путешествии по Атлантике и считала себя все еще в Бретани[586].

И Гельмгольц, и Фехнер показывают[587], что функции нервной системы связаны с определенным временем, из чего следует, что сознание в таком органическом теле, как человеческое, зависит от нервной системы; но, как показывают эти и аналогичные примеры в "Фейе", определенные состояния сознания существуют независимо от нервов человека, и поэтому они устанавливают сильное предположение, что полное сознание может существовать независимо от физического нервного аппарата. И, подвергая это предположение о сверхчувственном сознании дальнейшей проверке наукой, мы в то же время будем проверять заявления, сделанные вполне надежными свидетелями, такими как ирландский мистик и провидец (стр. 65), о том, что мужчины и женщины не только могут входить в Страну фей во время трансовых состояний на короткий период, но и что после смерти они могут входить туда на неограниченный срок. Кроме того, будет проверено и самое важное для нашего исследования утверждение, а именно, что в Сказочной стране существуют сознательные нечеловеческие сущности, такие как расы *сидхе*.

Психические исследования и феи

Итак, наша задача - расширить исследование за пределы воплощенного сознания в сферу новой психологии или физических исследований, где в качестве рабочей гипотезы предполагается существование дискарнатного сознания, которое, по мнению кельтских народов, существует и проявляет себя в различных индивидуальных аспектах в виде фей.

Что касается того, что наука требует в качестве доказательства выживания человеческого сознания после смерти, то здесь нет четкого консенсуса. Просто доказать существование "призраков" не удастся; необходимо показать целым рядом доказательств (1) что воплощенные интеллекты существуют, (2) что они обладают полной и устойчивой личной энергией полностью внутри себя, (3) что они являются фактической единицей сознания и памяти, которая, как известно, проявлялась на этом плане существования через определенные воплощенные личности, ныне умершие. Различные исследователи психики утверждают, что они уже достигли этих доказательств и убеждены, часто вопреки своей первоначальной научной позиции антагонизма по отношению ко всем психическим явлениям, в выживании человеческого сознания после смерти человеческого тела; и мы перейдем к изложению свидетельств некоторых из них.

В главе vii *"Фантазмы мертвых"*, являющейся частью книги Фредерика У. Х. Майерса *"Человеческая личность и ее выживание после телесной смерти"*, и в двух последующих главах, посвященных *двигательному автоматизму и трансу, одержимости и экстазу*, были приведены все необходимые доказательства, о которых говорилось выше; таким образом, автор стал одним из первых исследователей психики, зафиксировавших перед миром свое обращение от неанимистической гипотезы к древней вере в то, что человек бессмертен; ведь он признается в своей убежденности, что человеческое сознание неопровержимо выживает после распада физического тела. Некоторые из этих хорошо проверенных и доказанных случаев, приведенных Майерсом в качестве доказательства, можно кратко охарактеризовать следующим образом: -Повторяющиеся явления, указывающие на близкое знакомство с каким-либо посмертным фактом, например, местом погребения; одиночные явления со знанием дел оставшихся в живых друзей, или приближающейся смерти оставшегося в живых, или духов людей, умерших после смерти явившегося; случаи, когда исповедуемые духи проявляют знание о своей земной жизни, как о некоем тайном договоре, заключенном с оставшимися в живых; случаи явлений возле трупа или могилы; отдельные случаи появления мертвых для нескольких человек вместе. [588] При двигательном автоматизме наиболее яркими явлениями, имеющими тенденцию к доказательству, являются случаи, когда автоматическое письмо возвещало о смерти, неизвестной присутствующим; знание, сообщенное на *спиритическом сеансе*, не известное никому из присутствующих, но впоследствии доказанное, что им обладал умерший; автоматическое письмо ребенка на неизвестном ему языке.

В главе ix транс или одержимость определяются Майерсом, в том же списке доказательств, как "развитие двигательного автоматизма, приводящее в конце концов к замещению личности"; это согласуется с теорией управления живым организмом со стороны воплощенных духов и поддерживается подавляющей массой научных экспериментов. Телепатия предполагает возможность общения между живыми и живыми, между живыми и мертвыми, и, мы можем добавить, между мертвыми и мертвыми - как в Фейриленде - без учета пространства или времени, известных в низших диапазонах психических действий; и что общение не зависит от вибраций от материальной мозговой массы. Телепатия в этих первых двух аспектах была также принята в качестве научного факта такими работниками в области психических исследований, как сэр Уильям Крукс, сэр Оливер Лодж, Уильям

Джеймс и многими другими. Все эти явления, которые сейчас так тщательно исследуются и взвешиваются людьми, прошедшими тщательную научную подготовку, являются, так сказать, протоплазматической основой всех религий, философий или систем мистического мышления, которые еще только развиваются на этой планете; и во всех существенных аспектах они подтверждают х-количество, представленное в доказательствах Веры в фей.

Доктор Г. Ф. Стаут, авторитетный представитель школы, не прибегающей к теориям в психологии, выдвинутым Майерсом, и к психическим исследованиям, излагает свою позицию так: "Но, по крайней мере, мое сомнение не является догматическим отрицанием, и я согласен с мистером Майерсом, что нет достаточных причин для особого скептицизма в отношении сообщений от ушедших духов. Я также согласен с ним в том, что предполагаемые случаи такого общения не могут быть с какой-либо вероятностью объяснены как простые случаи телепатии"[589]. Кроме того, доктор Стаут говорит: "Концепция, которая была действительно полезна для него, - это концепция телепатии. Учитывая, что общение происходит между отдельными умами без посредничества обычных физических условий, мы можем рассматривать общение с ушедшими духами как особый случай того же самого процесса. А ясновидение, предвидение и т. д. могут быть отнесены к телепатическому общению либо с ушедшими духами, либо с другими разумными существами, превосходящими человека"[589]. В этой последней фразе, "разумные существа, превосходящие человека", доктор Стаут принимает нашу собственную позицию, согласно которой гипотетически есть все основания думать, что воплощенные нечеловеческие разумные существа - такие, как ирландцы называют *сидхе* - *могут* существовать и общаться с живыми людьми или влиять на них каким-то неизвестным образом, как во время "медиумизма" и "видения".

Мистер Эндрю Лэнг указывает в своем ответе на критику доктора Стаута, что единственным законным научным ресурсом для ниспровержения позиции Майерса, поскольку доказательства "математически не могут быть объяснены случайными совпадениями", является утверждение, что несколько человек являются сознательными фальсификаторами и лжецами. И он добавляет: "Для меня (но только для меня и небольшого круга) доказательства неопровержимы, исходя из нашего прижизненного знания о воспринимающем"[590]. Но анимистическая позиция ни в коем случае не зависит от доказательств, представленных Майерсом, какими бы неопровержимо надежными они ни были. Нам достаточно изучить объемные публикации *Общества психических исследований* (Лондон), чтобы понять это, и особенно "*Отчет о переписи галлюцинаций современного спиритуализма*", подготовленный Комитетом профессора Сиджвика (P. S. P. R., Лондон).

Психические исследования и антропология в связи с верой в фей

По специальному сообщению мистера Эндрю Лэнга.

Мистер Эндрю Лэнг, который оказал особую услугу науке, показав, что психические исследования неразрывно связаны с антропологией, предоставил нам возможность изложить свою собственную позицию в отношении этих отношений и сделать ее непосредственно применимой к вере в фей. В целом, но не в некоторых важных деталях (как указано в наших примечаниях) мы согласны с позицией мистера Лэнга, которую он излагает следующим образом:-

Мистер Эванс Вентц попросил меня определить мою позицию в отношении психических исследований по отношению к антропологии. Я сделал это в своей книге "*Создание*

религии". Предполагаемые аномальные или сверхнормальные явления, которые изучает психическое исследование, по большей части являются "универсально человеческими", и, независимо от того, происходят они или не происходят, являются ли они результатами неправильного наблюдения, мошенничества или просто мифами, как *люди* они не могут быть разумно проигнорированы антропологией.

Феи, под разными именами, на разных языках, повсюду являются объектами человеческих верований, в Центральной Австралии, в Новой Зеландии, на островах Тихого океана, как и на Британских островах, в низинах или нагорьях, в основном кельтских или английских, я считаю различных существ, фей, брауни, *ирунтариний*, *джиннов* или как вам угодно, *чисто мифическими*. Я не в состоянии поверить, что это реальные существа, которые похищают мужчин и женщин, крадут и прячут предметы (особенно это касается *Iruntarinia*), любят или ненавидят, преследуют или целуют людей, занимаются музыкой, вокальной и инструментальной, короче говоря, "играют в плюшки", которыми их повсеместно наделяет идентичная работа человеческой фантазии. С одной стороны, они склонны переходить в разряд обитателей дома Аида - фантомов мертвых. Вера в такие фантомы может быть частично основана на опыте, галлюцинаторном или ином, необъяснимо произведенном"[591].

В той мере, в какой психические исследования изучают сообщения об этих фантомах, они приближаются к царству "королевы фей Прозерпины". В той мере, в какой такие исследования изучают исторические или современные истории о *полтергейсте*, они затрагивают фей: , потому что ирландцы, например, приписывают фейству современные явления *полтергейста*, независимо от того, являются ли они в каждом случае мошенническими или, до сих пор, необъяснимыми.

В анналах психических исследований есть не более двух-трех предполагаемых видений традиционных фей; и я встречал очень мало здравомыслящих и образованных людей, которые утверждают, что видели фантомы, хоть сколько-нибудь напоминающие традиционных фей; в то время как о фантомах, предположительно являющихся мертвым, умирающим и отсутствующим, сообщается довольно часто. В целом психические исследования мало касаются веры в фей в ее типичных формах, а если исследователь и обнаружит современные случаи видений фей, о которых утверждают здравомыслящие и образованные люди, он будет склонен объяснить их внушением, действующим на подсознание[592].

1 Марлос Роуд, Лондон, У.

26 сентября 1910 г.

Относительно фантазмов мертвых, в которые, как указывалось выше, склонны уходить феи, мистер Лэнг в другом месте сказал: "В целом, если доказательства чего-то стоят, существуют реальные объективные призраки, а также телепатические галлюцинации: так что с научной точки зрения следует верить в то и другое, если верить в одно из них." [593] И он показывает, что, хотя антропологи объясняют все анимистические верования как результаты философствования первобытных людей "о жизни, смерти, сне, сновидениях, трансах, тенях, явлениях эпилепсии и иллюзиях голода", "нормальные явления, психологические и психические, могут объяснить большинство анимистических верований" [593] В книге "*Создание религии*" г-н Лэнг расширил этот антропологический аргумент, чтобы еще полнее охватить психические исследования.

Если применить блестящие результаты исследований мистера Лэнга к нашим собственным, то станет ясно, что предпосылки возникновения веры фей, как и всех других религий,

анимистичны, как мы утверждали в главе III. Лэнга к нашим собственным исследованиям, становится очевидным, что основа веры фей, как и всех религий, анимистическая, как мы утверждали в [главе iii](#); что она должна была вырасти в древние времена в своей традиционной форме из докельтской, а затем дохристианской кельтской религии; Последняя, в свою очередь, была обусловлена реальными психическими переживаниями, такими как галлюцинации, видения различного рода, ясновидение, "медиумизм" и магические знания со стороны жрецов-друидов и, вероятно, в некоторой степени, со стороны простых людей; и, наконец, что живая вера фей зависит не столько от древних традиций, устных и записанных, сколько от недавних и современных психических переживаний, подтвержденных многими "провидцами" и другими проницательными людьми из числа наших свидетелей, и теперь зафиксированных нами в [главе II](#) и в других местах этого исследования.

Современное положение психических исследований

Сэр Уильям Крукс, известный английский авторитет в области физических наук, был едва ли не первым ученым, серьезно заинтересовавшимся экстрасенсорикой, и в части III *"Записок о расследовании явлений, называемых спиритическими, в течение 1870-1873 годов"* (Лондон) смело заявляет: - "Как видно, факты носят самый поразительный характер и кажутся совершенно непримиримыми со всеми известными теориями современной науки. Убедившись в их *истинности*, было бы моральной трусостью отказываться от своих показаний из-за того, что мои предыдущие публикации были высмеяны критиками и другими людьми". И этот вывод, сделанный сорок лет назад, не был отменен, а был подтвержден одним за другим учеными по обе стороны Атлантики.

В 1908 году сэр Оливер Лодж, директор Бирмингемского университета и в настоящее время один из самых известных ученых, занимающихся изучением спиритических феноменов, высказал свою позицию так: "В целом я отношусь к тем, кто, хотя и хотел бы видеть дальнейшие, более веские и продолжительные доказательства, считает, что дело сделано хорошо и что в качестве наилучшей рабочей гипотезы в настоящее время правомерно допустить, что в лучших случаях могут наблюдаться ясные моменты общения с умершими людьми. Граница между двумя состояниями - известным и неизвестным - все еще существенна, но местами она истончается; и подобно экскаваторам, прокладывающим туннель с противоположных концов, среди рева воды и других шумов, мы начинаем то и дело слышать удары кирки наших товарищей по ту сторону."[\[594\]](#) В 1909 году сэр Оливер Лодж опубликовал книгу *"Выживание человека"*, в которой после тщательного изложения, занимающего более трехсот страниц, определенных результатов многочисленных научных экспериментов лучших ученых Европы и Америки в области таких психических явлений, как телепатия или перенос мыслей, телепатия и ясновидение, автоматизм и люцидность, делается следующий предварительный вывод: "Первое, что мы узнаем, возможно, единственное, что мы ясно узнаем в первом случае, - это *непрерывность*. Нет такого внезапного разрыва в условиях существования, который можно было бы предвидеть; и нет вообще никакого разрыва в непрерывной и сознательной идентичности подлинного характера и личности."[\[594\]](#) И его личное убеждение состоит в том, что "Интеллектуальное сотрудничество между другими, не воплощенными человеческими умами, кроме нашего собственного... стало возможным".[\[595\]](#)

Уильям Джеймс, который был одним из главных исследователей психики в Соединенных Штатах, опубликовал свои выводы в октябре 1909 года; о психических явлениях он писал:

"Что касается существования таких реальных природных типов явлений, игнорируемых ортодоксальной наукой, то меня это несколько не смущает, поскольку я полностью убежден в этом". Что касается "медиумизма", то он выдвинул очень интересную теорию о всеобщем распространении "душевного материала", который в другом месте (стр. 254) мы называли научным эквивалентом полинезийской *маны*: "Мое драматическое чувство инстинктивно склонно представить ситуацию как взаимодействие между дремлющими способностями в уме автоматиста и космическим окружением *другого сознания*, способного воздействовать на них. Если бы во вселенной существовало множество рассеянных душ, неспособных самих по себе обрести последовательную личную форму или постоянно владеть организмом, но постоянно жаждущих этого, они могли бы проникать в воздух, так сказать, паразитическим путем, используя слабые места в броне человеческого разума, проскальзывая внутрь и разжигая там дремлющие тенденции к персонификации". Расширив эту теорию до "панпсихического" взгляда на вселенную и предположив наличие "материнского моря" сознания, банка, из которого мы все черпаем, Джеймс задал ему вопросы, которые образованные кельтские провидцы задают себе о мире *сидхе* или фей и его коллективном сознании или жизни: "Какова его собственная структура? Какова его внутренняя топография?... Каковы условия индивидуации или изоляции в этом материнском море? Каким участкам, каким активным системам, функционирующим в нем отдельно, соответствуют личности? Формируются ли там индивидуальные "духи"? Насколько многочисленны и скольких иерархических порядков они могут быть? Насколько они постоянны? Насколько преходящими? И насколько слитыми друг с другом они могут стать?"[596] Мы должны попросить читателя сравнить эту научную позицию с почти идентичной позицией, занятой в отношении расы *сидхе* и устройства их мира и жизни ирландским мистиком и провидцем (стр. 60 и далее).

М. Камиль Фламарион, известный французский астроном, является еще одним из первых исследователей психики; в своих исследованиях психики, озаглавленных, как переведено в английском издании, "*Неизвестное*", он недавно сделал следующие определенные выводы: "(1) *Душа существует как реальная сущность, независимая от тела.* (2) *Она наделена способностями, до сих пор неизвестными науке.* (3) *Она способна действовать на расстоянии, без вмешательства органов чувств*". А в своей книге "*Таинственные психические силы*" (Бостон, 1907, с. 452-3) он говорит: "Выводы настоящей работы совпадают с выводами предыдущей ("*Неизвестное*") Я могу подвести итог всему этому вопросу одним утверждением, что в природе, в мириадах видов деятельности, существует *психический элемент*, основная природа которого все еще скрыта от нас".

Окончательное испытание X-количества

Теперь эту главу можно довести до логического завершения, непосредственно применив достигнутые результаты к нашему все еще энергичному X-количеству или остатку, собранному из Феи-Фаиты. Мы, хотя и поспешно, проложили грубый путь через необходимые участки джунглей научных теорий и добрались до очень значительной просеки, проделанной первопроходцами, исследователями психики. Мы, похоже, достигли того момента в наших долгих исследованиях, когда можем научно постулировать, основываясь на данных психических исследований, существование таких невидимых разумных существ, как боги, джинны, демоны, все виды настоящих фей и развоплощенные люди. Нет необходимости приводить здесь, в дополнение к тому, что уже было изложено, весьма объемные подробные свидетельства психических исследований о существовании таких разумных существ. Можно сделать общее заявление, что существуют сотни тщательно

доказанных случаев явлений или наваждений, точно таких же, как многие из тех, которые кельтские народы приписывают феям[597].

Наши ученые предлагают различные объяснения или теории того, что представляют собой эти невидимые разумные существа, но никто из наших ученых не скажет, что в большинстве случаев за наблюдаемые феномены и явления ответственны только мертвые, а скорее такие существа, которых мы называем демонами, феями и элементариями. Мсье Камиль Фламарион говорит: "Большая часть наблюдаемых явлений - шумы, движение столов, путаница, беспорядки, стук, ответы на задаваемые вопросы - действительно детские, грубые, вульгарные, часто смешные, и скорее напоминают шалости озорных мальчишек, чем серьезные добросовестные действия. Не заметить этого невозможно. Зачем душам умерших развлекаться подобным образом? Такое предположение кажется почти абсурдным"[598] Лучшего описания шалостей, которыми развлекаются домовые феи, такие как брауни, Робин Гудфеллоу и элементарии, и придумать нельзя; а предположить, что мертвые совершают такие озорные и игривые поступки, по правде говоря, абсурдно. М. Фламарион также говорит: "Возникают две неизбежные гипотезы. Либо мы сами производим эти явления" (и это неразумно), "либо это духи. Но запомните: эти духи - не обязательно души умерших; ведь могут существовать и другие виды духовных существ, и космос может быть полон ими, и мы никогда ничего об этом не узнаем, разве что при необычных обстоятельствах. *Разве мы не находим в различных древних литературах демонов, ангелов, гномов, гоблинов, спрайтов, призраков, элементариев и т. д.? Возможно, эти легенды не лишены некоторого основания*"[598].

О "феноменах ударных и смежных звуков" - таких, которые, как говорят, производят феи и мертвые, - сэр Уильям Крукс сделал следующее заключение: "Интеллект, управляющий феноменами, иногда явно ниже интеллекта медиума. Он часто находится в прямом противоречии с желаниями медиума. Иногда интеллект имеет такой характер, что заставляет поверить, что он не исходит ни от одного из присутствующих"[599]. В случае с "медиумом" мистером Хоумом сэр Уильям Крукс использовал механические тесты и доказал к своему удовлетворению, что физические объекты двигались без контакта с ними мистера Хоума или любого другого человека,[600] подобно тому, как феи, как считается, двигают предметы. Эти явления параллельны замечательным древним и современным примерам той же природы: например, в деле в Сидевиле, Франция, переданном в магистрат, есть присяжные свидетельства авторитетных свидетелей, что подушки и покрывала уплыли с кровати, на которой спали двое детей, и что мебель в доме двигалась без контакта.[Миссис Маргарет Куинн, уроженка Маллингара, а ныне жительница Хаута, дала следующее замечательное свидетельство: "Когда я была маленькой девочкой, я жила с матерью в Западном Мите, недалеко от Маллингара. Сзади нашего дома находился *форт*, и мама часто слышала музыку, которая играла вокруг нашего дома всю ночь, и она видела *их (добрых людей)*. Дома часто случалось так, что мы вывешивали одежду на веревку, и она улетала, как воздушный шар, в то время, когда не было ни малейшего ветра и при дневном свете. Моя мама выходила и говорила: "Да благословит *их* Бог (*добрых людей*). Они вернут их обратно". И тогда одежда медленно плыла обратно к линии". В *главе II* мы приводим и другие свидетельства о предметах, перемещаемых без контакта с людьми, либо с помощью фей, либо с помощью мертвых. После должного изучения этих и других явлений сэр Уильям Крукс, в числе прочих теорий их объяснения, выдвигает следующую: "*Действия отдельного порядка существ, живущих на этой земле, но невидимых и нематериальных для нас. Однако иногда они могут проявлять свое присутствие. Известны почти во всех странах и эпохах как демоны (не обязательно плохие), гномы, феи, кобольды, эльфы, гоблины, Пак и т. д.*"[602]

Здесь мы, кажется, имеем то, что должно быть, на данном этапе нашего исследования, доказательством психологической теории природы и происхождения веры в фей.

Давайте теперь проведем несколько прямых параллелей, предложенных таким образом. Сначала рассмотрим, как фея появляется, как ее описывают и как она исчезает, а затем сравним факты, изложенные в следующем случае с фантомом, о котором сообщил сэр Уильям Крукс[603]:- "В вечерних сумерках" (как раз в то время, когда фей легче всего увидеть) "во время сеанса с мистером Хоумом в моем доме было замечено, что занавески на окне в восьми футах от мистера Хоума шевелятся. Затем все присутствующие увидели темную, тeneвую, полупрозрачную фигуру, похожую на человека, которая стояла у окна и откидывала рукой занавеску. По мере того как мы смотрели, форма исчезала, а занавеска переставала двигаться". Следующий случай - мистер Хоум, как и в первом случае, был "медиумом" - представляет собой еще более поразительный пример: "Призрачная форма появилась из угла комнаты, взяла в руки аккордеон, а затем заскользила по комнате, играя на инструменте. Эта форма была видна всем присутствующим в течение многих минут, в это же время ее видел и мистер Хоум. Когда он подошел довольно близко к даме, сидевшей отдельно от остальной компании, она издала легкий крик, после чего он исчез". Сравните следующие типы наблюдаемых явлений, приведенные тем же авторитетом, с тем, что наш валлийский свидетель из страны Пентр-Эван сказал о свечах смерти (стр. 155):- "Я видел светящееся облако, плывущее вверх к картине". Или: "Не раз мне в руку вкладывали твердое самосветящееся тело, причем рука не принадлежала ни одному человеку в комнате. При свете я видел, как светящееся облако зависло над гелиотропом на приставном столике, отломило веточку и отнесло ее даме; а в некоторых случаях я видел, как подобное светящееся облако заметно сгущалось до формы руки и переносило небольшие предметы". О подобных огнях, параллельных предсмертным огням или знакам смерти, которые наблюдали кельты в Уэльсе и Бретани, и о том, что в Ирландии называют "огнями" "добрых людей" или "дворян", - обо всех этих явлениях, не имеющих никаких материальных причин, пока не обнаруженных, сообщают Иамблихус и другие представители его школы.[604] И такие огни относятся к явлениям, лучше всего засвидетельствованным современными исследователями психики. Сверхнормальная музыка, которую, как говорят, производили демоны и которая параллельна той, которую некоторые из наших очевидцев называют "музыкой фей", была также известна неоплатоникам;[604] а в научных исследованиях, которым подвергался мистер Хоум, были слышны музыкальные звуки, которые нельзя было приписать ни одному известному агентству. В домах с привидениями, как показывают психические исследования, шелест платьев, движения предметов и звуки часто возникают спонтанно, без явлений и вместе с ними;[604] и эти явления параллельны тем, которые кельтские очевидцы приписывали феям. Мистер Лэнг также четко изложил вероятность того, что реальные "привидения" или духи обладают определенными местами - точно так же, как феи, как говорят, обладают определенными местами или зданиями в кельтских землях.

В отчете о переписи галлюцинаций, подготовленном комитетом профессора Сиджвика, приводятся данные, достаточно веские, чтобы убедить многих ученых в том, что фантомы (сравнимые в некотором роде с ирландскими баньши и бретонскими *анку*) действительно появляются перед живыми непосредственно перед смертью, как бы возвещая о ней.[605] Согласно другим, не менее достоверным данным, иногда призрачный голос, подобный голосам некоторых "фей", сообщал о смерти.[606] Майерс и другие исследовали и записали множество случаев появления мертвецов, как появляются кельтские мертвецы, когда их *забирают* в Сказочную страну.[606]

В книге "*Фантазмы живых*" Гурни, Майерса и Подмора объяснение явлений, совпадающих со смертью, как порожденных телепатическим воздействием, оказываемым на воспринимающего умирающим другом, предполагает наиболее рациональную интерпретацию некоторых параллельных видов явлений, мертвых или фей, которые, как и в этих последних примерах, появляются одетыми в одежду. Все подобные явления, совпадающие со смертью или нет, в равной степени обусловлены телепатической силой, оказываемой агентством, не зависящим от восприятия. Эта внешняя сила действует как стимул на нервный аппарат человека, которому она передается, и заставляет его проецировать из какой-то части своего собственного сознания (эта часть могла перейти в подсознание) визуализированный образ, уже запечатленный там. Этот образ имеет естественное сродство или соответствие с внешним стимулом, который его вызывает.

Такая гипотеза отчасти совпадает с гипотезой, выдвинутой нашим провидцем, ирландским мистиком (стр. 60 и далее). Он, вероятно, согласился бы с тем, что процесс визуализации происходит в большинстве типов обычных явлений. Кроме того, он считает, что сама природа обладает памятью: в земной атмосфере существует некий неопределимый психический элемент, на котором запечатлены все человеческие и физические действия или явления. Эти записи в сознании природы соответствуют психическим впечатлениям в нас. При определенных необъяснимых условиях обычные люди, не являющиеся провидцами, могут наблюдать ментальные записи природы, как изображения на экране - часто как движущиеся картинки. Провидцы всегда могут увидеть их, если захотят; и некритичные провидцы часто принимают эти фантомные записи или картины, существующие на психической оболочке планеты, за реально происходящие события, а - за реальных существ - фей различных видов и мертвых. Недавняя книга под названием "*Приключение*", написанная Элизабет Морисон и Фрэнсис Ламонт (псевдонимы), хорошо иллюстрирует то, что мы имеем в виду под такими фантомными картинами. В 1901 году эти две культурные дамы увидели в *Птичьем Трианоне* Марии-Антуанетты записи в сознании Природы прошлых исторических событий, датируемых примерно 1789 годом. В этом, кажется, нет ни малейших сомнений. Гонка фей на лодках по Лаф Гур, описанная графом Джоном де Салисом (с. 80), и процессия фей на холме Тара, "похожих на воинов древней Ирландии в строю" (с. 33), вероятно, иллюстрируют явления того же рода (ср. с. 55-7, 68, 74, 123, 126 и др.).

Но в видениях природных провидцев, следуя опять же теории нашего ирландского провидца, присутствует не только внешняя сила (как это бывает при обычных явлениях), но и реальное существо, обладающее формой и жизнью в своем собственном мире. Такая реальная сущность так же отличается от картины в памяти природы, как живой человек отличается от мысленной картины, которую держит его друг и проецирует в виде визуализированного образа, отвечая на посланный им телепатический стимул. Природный провидец, не будучи обязанным видеть своим обычным зрением, не должен использовать обычный метод (а именно визуализацию) для реагирования на внешний телепатический стимул, и поэтому не видит обычного призрака или фею. Он осуществляет "второе зрение" или экстатическое видение и при этом находится в той же плоскости сознания и при тех же условиях восприятия, что и интеллект, который проецирует на него стимул, автоматически вызывающий такое "второе зрение" или экстатическое видение. Поэтому, если интеллект имеет собственную форму и природу, то видящий, а не не-видящий, будет воспринимать их в их собственном мире, пока его сознание временно функционирует там и вне нормального плана ментальных действий. Другими словами, в нормальной плоскости не-видящий нормально реагирует на тот же стимул, на который видящий реагирует ненормально. Первый перцепиент видит нереальное наваждение, визуализированный образ из своего

собственного опыта; второй утверждает, что видит реальное существо. Реальное существо существует нормально в условиях, которые для не-видящего являются аномальными, но для видящего становятся нормальными. Визуализация не видящего - это импровизация, психофизическая реакция на чисто психический стимул.

Математически возможно представить себе существ четвертого измерения, и если они существуют, то в третьем измерении их невозможно увидеть такими, какие они есть на самом деле. Следовательно, обычное явление нереально как форма, тогда как существа, которых, как утверждают полностью здравомыслящие и надежные провидцы, они видят, когда осуществляют провидение высшего типа, могут быть столь же реальны для них самих и для провидцев, как человеческие существа для нас здесь, в этом трехмерном мире, когда мы используем обычное зрение.

Что касается фактической одержимости демонами, которую спиритуалисты и исследователи психики называют явлениями духов через "медиумов" и которая, как мы уже отмечали (стр. [249 и далее](#)), предлагает наиболее рациональное объяснение веры в подменышей и связанных с ней кельтских верований о феях, доктор Дж. Л. Невиус в своей книге *"Одержимость демонами"* предлагает очень важные научные данные, относящиеся к Китаю. Доктор Ф. Ф. Эллинвуд, который, как и этот авторитет, в течение многих лет изучал странные психические явления во внутренних районах провинции Шантунг (Китай), говорит во вступительном примечании к этой работе: "До любого знания Нового Завета" (столь полного случаев одержимости демонами) "народ Северного Китая полностью верил в овладение умами и телами людей злыми духами..... Всегда считалось, что личность злого духа узурпирует или на время вытесняет личность невольной жертвы и действует через ее органы и способности. Физические страдания, а иногда и жестокие пароксизмы сопровождали присутствие и активное влияние духа". Перед лицом многочисленных случаев подобных явлений, наблюдавшихся в Китае теми же авторитетами, д-р Эллинвуд добавляет, как вывод д-ра Невиуса, что "ни одна теория не была выдвинута, которая так хорошо согласуется с фактами, как простой и неоспоримый вывод, которого так универсально придерживаются христиане Шантунга, а именно: что злые духи во многих случаях обладают или контролируют разум и волю человека". Гипнотизм показывает, как одна сильная и магнетическая человеческая воля может контролировать разум и волю своего объекта; научные результаты, достигнутые Обществом психических исследований в изучении спиритизма, показывают, что развоплощенная воля или интеллект контролируют и используют тело живого человека; и доктор Невиус пишет: "Не является ли одержимость демоном лишь другой, более совершенной формой гипнотизма? Криминальные хроники Европы и Америки показывают множество примеров осужденных преступников, которые совершенно искренне признавались, что некое невидимое или внешнее влияние заставило их вопреки здравому смыслу совершить преступление; и очень часто в таких примерах прошлые жизни осужденных настолько хороши, что создают сильную вероятность в пользу того, что они верят в одержимость. И в полном соответствии со свидетельствами современных медиумов, а также медиумов древних, доктор Невиус говорит о китайской одержимости: "Когда нормальное сознание восстанавливается после одного из таких приступов, субъект находится в полном неведении относительно всего, что происходило во время этого состояния. Наиболее яркой характеристикой этих случаев является то, что в субъекте проявляется другая личность, а нормальная личность на время частично или полностью замирает. Новая личность проявляет черты характера, совершенно отличные от тех, которые действительно присущи субъекту в его нормальном состоянии, и это изменение характера, за редким исключением, происходит в направлении моральной нечистоплотности и нечистоты. Многие люди, будучи "бесноватыми", демонстрируют знания, которые не могут

быть объяснены обычными способами..... Они иногда разговаривают на иностранных языках, которых в обычном состоянии совершенно не знают. В связи с "одержимостью демонами" часто слышны стук и шум в местах, где нет никаких физических причин для них; столы, стулья, посуда и т. п. передвигаются без применения физической силы, насколько можно судить, точно так же, как, как нам говорят, это происходит у спиритуалистов"[607].

Заключение

Наши исследования (и гораздо более исчерпывающие, чем те, которые касаются аналогичных психических явлений) показывают, что в применении к остатку или ик-количеству, следующие основные результаты: (1) Материалистические теории, теории заблуждений и самозванства могут быть отброшены как не имеющие к нему отношения. (2) Авторитеты не согласны в своих мнениях относительно патологических и психологических процессов, с которыми мы непосредственно имеем дело; они совершенно не уверены, как объяснить человеческий мозг во всех его более тонких функциях, или симпатическую нервную систему и нервные состояния в целом, в особенности в отношении человеческого сознания при различных ненормальных, но не больных состояниях организма; И они не предлагают никаких заключений как окончательных, а только как очень слабо предварительных, хотя некоторые из них говорят в пользу психофизического взгляда на человека, в котором есть близкое приближение к нынешнему более продвинутому положению психических исследований. (3) Психические исследования предоставили доказательства, достаточные для того, чтобы убедить таких первоклассных ученых, как сэр Уильям Крукс, сэр Оливер Лодж, Уильям Джеймс, М. Камиль Фламарион и другие, что состояния сознания существуют в природе вне сознания воплощенных человеческих существ, хотя, вероятно, и связаны с ним, и что эти интеллекты могут производить воздействие на материю и на психическую конституцию человека; некоторые из этих ученых считают, что определенные из таких интеллектов - это воплощенные мужчины и женщины. (4) Научно доказано, что существуют подлинные галлюцинации, подобные галлюцинациям фей, человекоподобных форм, которые видят как отдельные пациенты, так и все вместе; и такие коллективные галлюцинации не поддаются объяснению, что в равной степени относится и к явлениям, когда один пациент наблюдает движение физических объектов. (5) Многие выдающиеся исследователи психики, включая вышеупомянутых, принимают "медиумизм" или обладание духом как наилучшую рабочую гипотезу для объяснения автоматизма. (6) В принятой теории телепатии мы находим поддержку для предположения, что, как и гипноз, она является психическим процессом и может осуществляться либо двумя воплощенными духами или человеческими существами, либо развоплощенным духом и еще воплощенным. Теории Майерса, включая теорию сублиминального "Я", воплощают в себе все предыдущие теории и согласуются с ними в деталях. (7) Полученные результаты в совокупности гармонируют с теми, которые были достигнуты в ходе нашего исследования психических явлений, приписываемых кельтскими народами феям; и, если их принять, старые психологические и патологические теории во многих случаях должны быть тщательно пересмотрены, а в противном случае отброшены как бесполезные. Наконец, поскольку мы продемонстрировали, что основа веры в фей, а значит, и ее остаток или х-количество, подобна основе всех религиозных и мистических верований, являясь анимистической, и, как и они, выросла в древности из определенных психических явлений, идентичных по характеру тем, которые сейчас изучает наука, и поддерживается непрерывной чередой "провидцев" и проницательных людей, мы имеем полное право подкрепить научным авторитетом эти

предварительные выводы: (1) Сказочная страна существует как сверхнормальное состояние сознания, в которое мужчины и женщины могут временно входить во сне, трансе или в различных экстатических состояниях; или на неопределенный срок после смерти. (2) Феи существуют, потому что во всех существенных аспектах они кажутся такими же, как и разумные силы, признанные в настоящее время исследователями психики, будь то коллективные единицы сознания, подобные тому, что Уильям Джеймс назвал "душой", или более индивидуальные единицы, подобные верическим явлениям. (3) Наше исследование живых детей, которые, как говорят, были изменены феями, показывает (см. с. 250-1) (а) что многие измененные называются так только из-за некоторого телесного уродства или из-за некоторых аномальных психических или патологических характеристик, способных к обычному рациональному объяснению, (б) но что другие измененные, которые демонстрируют изменение личности, такое, как признают психологи, во многих случаях лучше всего объясняются на основе теории одержимости демоном, которая является хорошо известной научной гипотезой.

Поэтому, поскольку остаток или х-количество веры в фей, народной религии кельтских народов, не может быть объяснен никакими известными научными законами, он должен пока оставаться в силе, а психологическая теория природы и происхождения веры в фей в кельтских странах должна рассматриваться как гипотетически установленная в глазах науки. Следовательно, мы должны перестать рассматривать термин "фея" как синоним чего-то причудливого, нереального, абсурдного. Мы также должны перестать считать, что вера в фей - это не более чем ткань беспочвенных верований. Короче говоря, обычный некельтский ум должен перенастроить себя на новый набор явлений, которые по незнанию он игнорировал, относился с насмешкой и презрением к устаревшим "суевериям".

РАЗДЕЛ IV

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ВЕРА В ФЕЙ; И ВЫВОДЫ

ГЛАВА XII

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЕЛЬТСКОЙ ДОКТРИНЫ О ПЕРЕРОЖДЕНИИ И ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ

Если бы все, что имело жизнь, умерло, а после смерти осталось в виде смерти и не ожило вновь, то все в конце концов умерло бы, и ничто не было бы живым - какой еще может быть результат?" - Сократ, как сообщает Платон.

Душа, если она бессмертна, существовала еще до нашего рождения. То, что нетленно, должно быть непоколебимо", - Юм.

Если нет оснований предполагать, что мы существовали до того периода, когда наше существование, по-видимому, начинается, то нет оснований предполагать, что мы будем продолжать существовать после того, как наше существование, по-видимому, прекратится.

Расширение терминов "фея" и "сказочная страна" - реальный человек как невидимая сила, действующая через тело-проводник - психический орган, необходимый для памяти - предсуществование как научная необходимость - виталистический взгляд на эволюцию - опровержение старой теории наследственности - эмбриология поддерживает доктрину перерождения доктрины-психо-физическая эволюция-память о предыдущих существованиях в подсознании-примеры-психология сновидений обеспечивает наиболее четкие иллюстрации-Не существует после существования без предсуществования-воскресение как повторное рождение-круговорот жизни-мистический вывод-заключение: Кельтская доктрина о перерождении и потустороннем мире по сути своей научна.

В эзотерической вере фей термины "фея" и "сказочная страна" приобретают самое широкое значение. Для кельтского мистика вселенная делится на две взаимопроникающие части или аспекты: видимый, в котором мы находимся сейчас, и невидимый, который является Страной фей или потусторонним миром; а фея - это разумное существо, либо воплощенное как представитель человеческой расы, либо обитающее в потустороннем мире. Последний класс включает в себя множество различных иерархий и низших порядков. Некоторые из них, как, например, высшие из Туатха Де Дананн, которые по характеру схожи с богами греков и индусов, являются сверхчеловеками; другие - души умерших; в то время как многие являются недочеловеками и никогда не воплощались в грубые физические тела. К последним относятся демоны (ошибочно рассматриваемые христианской и другими теологиями как злые во всех случаях и называемые демонами); и другие подобные духи, такие как те, которых доктор Тайлор в *"Первобытной культуре"* назвал духами природы (лепреконы, пикси, нокеры, *корриганы*, *лютины*, *маленький народ*, эльфы вообще и их двойники во всех некейтских фей-файтах), которые являются элементами средневековых мистиков.

В предыдущей главе рассматривались в основном низшие виды фей, но теперь высшие порядки (включая человеческие души, воплощенные и развоплощенные), в их отношении друг к другу, должны быть рассмотрены отдельно. Поэтому необходимо представить здесь взгляд на жизнь и смерть, еще не ставший ортодоксальным с научной точки зрения.

Кельт во все века своей многовековой истории, подобно древнегреческим мыслителям, с которыми были современны его предки, всегда был склонен, в отличие от современных ученых, искать объяснение феноменам эволюционной жизни, постулируя нуменальный мир причин как фон феноменального мира следствий. Сегодня стремительное шествие научных пионеров, главным образом в области психических исследований, приближает нашу холодную и точную науку к той неопределенной границе, которая разделяет два мира; и только по этой причине изложение кельтской теории причин, приводящих к смерти и рождению, будет иметь, по крайней мере в виде предположения, определенную ценность.

Обычные повседневные факты склонны терять свою значимость из-за слишком большого знакомства. К числу таких фактов относится то, что каждый ребенок при рождении должен пробудиться к жизни. Часто не известно, мертв новорожденный или жив, пока он не протянет руки, не вздохнет и не заплачет. И этот феномен нашего первого пробуждения и выхода на видимую плоскость жизни и сознательного действия, кажется, подтверждает то,

что ранние кельты, вдумчиво наблюдавшие его, считали истиной, и то, что считают истиной кельты наших дней: что материальная субстанция, составляющая тело человека, является лишь средством выражения жизни, проводником неизвестной силы, проявляющей волю и индивидуальное сознание; точно так же, как материальная субстанция в состоянии, называемом неживым, является проводником для другой неизвестной силы, называемой электричеством, которая не проявляет ни воли, ни сознания. Уничтожьте человеческое тело, и не будет проявления его жизненной силы; уничтожьте провод, и не будет проявления электрического света: человеческое тело кажется просто случайным в истории индивидуального сознания, как провод является случайным для электрического света.

Но является ли это сознание человека, которое мы называем жизнью, просто феноменом материи, не существующим без физических средств выражения, или же оно, как электричество после уничтожения провода, продолжает существовать в непроявленном состоянии, когда человеческое тело холодно и неподвижно в смерти? А в случае с ребенком, родившимся мертвым, нашло ли это сознание в только что созданном теле младенца какое-то органическое несовершенство, которое сделало его проявление невозможным? Несколько мыслей, которые помогут ответить на эти вопросы, возможно, появятся сами собой, если мы вкратце рассмотрим огромную разницу между человеческим телом в жизни и человеческим телом в смерти. При жизни существует высокоорганизованное, тонко настроенное, идеально сбалансированное человеческое тело, подчиняющееся воле невидимой силы; и все школы философов, моралистов и ученых признают, что эта невидимая сила - какой бы она ни была - и есть настоящий человек.

Эта невидимая сила, начав свое проявление через микроскопическую частицу зародышевой плазмы, постепенно строит для себя все более и более сложное физическое жилище, пока, по прошествии короткого девятимесячного срока, не претендует на членство в рядах людей. За долгие годы пребывания на нашей планете он многократно обновляет свое жилище. Каждый атом, с которого он начинал в детстве, выбрасывается и заменяется новым задолго до достижения зрелого возраста, и все же по достижении зрелости невидимая сила помнит, что она делала в детстве. Это указывает на то, что память или сознание как психический процесс не зависит в основном ни от материального мозга, ни от определенной группы постоянно меняющихся мозговых субстанций; ведь если бы это было так, то, очевидно, они медленно и незаметно претерпевали бы такие же полные изменения, как и все физическое тело и мозг. Этот физиологический процесс предоставляет достаточно данных, чтобы мы могли постулировать, что за физическим чувством-сознанием стоит психический орган памяти и что такой орган сам по себе, по крайней мере в течение человеческой жизни, неизменен по своему составу. Без такого органа процесс памяти при более полном анализе (который мы не можем здесь попытаться провести) необъясним. [608]

Самая простая гипотеза состоит в том, чтобы представить этот орган как связанный с подсознанием или сверхчувственным сознанием, с помощью которого невидимая сила или вспоминающий способен помнить и накладывать отпечаток своей памяти на временный и постоянно нестабильный физический мозг. В процессе запоминания должна быть, во-первых, вещь, которую нужно запомнить; во-вторых, запись этой вещи, которую нужно запомнить; и, в-третьих, что-то, чтобы запомнить эту вещь. Вспоминаемая вещь является результатом сознательного опыта, запись о ней - результатом впечатления, произведенного на нее в момент переживания, но вспоминающий не является ни тем, ни другим.

Та невидимая сила, которую мы называли настоящим человеком, одушевляет тело, помещает в него пищу как топливо для производства животного тепла, животной жизнеспособности и силы и старается поддерживать его в хорошем рабочем состоянии как можно дольше. Если

тело несовершенно при рождении или становится таковым позже, невидимая сила вынуждена действовать через него несовершенно; если мозг болен, возникает безумие, если неразвит - идиотизм; и когда тело перестает отвечать либо идеально, либо несовершенно, невидимая сила должна полностью отказаться от него, и происходит то, что мы называем смертью.

Что же это за невидимая сила или мощь, которая полностью исчезла, оставив физическое тело и мозг холодными и неподвижными? Давайте посмотрим, есть ли ответ. Химический анализ доказывает, что видимые части тела человека - это всего лишь преобразованные газы; но при полном анализе живого тела, такого как человеческое, необходимо учитывать некоторые элементы, которые всегда остаются невидимыми.^[609] Таким образом, при смерти мгновенно прекращается всякое телесное сознание - все желания, мысли, движения. Сила, которая делала тело сознательным и которую нельзя сравнить ни с одной из известных форм материи, полностью исчезает. Но через мгновение после ее исчезновения в теле остается все, что мы знаем как материальное: животное тепло, животный магнетизм, животная жизненная сила. Когда они исчезают, тело становится холодным и жестким и ничем не отличается от любой другой массы инертной материи. Если к телу приложить тепло, или магнетизм, или жизненные силы, в нем не останется ничего, что могло бы удерживать их, как в камне. Настоящего человека больше нет. Тогда тело начинает распадаться. Закон сохранения энергии и неразрушимости материи позволяет с уверенностью утверждать, что в процессе смерти ничего не было потеряно, и уж точно ничего материального. Животное тепло ушло куда-то в атмосферу или в другую материю; животный магнетизм и жизненная сила на мгновение пропали из виду, но вскоре они будут присоединены к другим органическим существам, таким как растения или животные, чтобы начать новый цикл воплощения. Физические составляющие тела отправятся в соответствующие места: в воздух - в виде газов, в воду - в виде жидкостей, в землю - в виде солей и минералов, и через некоторое время могут образовать части цветка, или фрукта, или животного. Но где или в чем заключается желание, мышление, память, направляющая сила, которая когда-то управляла всем этим и удерживала их вместе в единстве? Ультрафиолетовые лучи невидимы, но они показывают свое существование через химическое действие; точно так же душа или Эго может существовать невидимо и показывать свое существование через жизненное и физическое единство, проявляемое живым человеческим существом. Как мы уже видели в предыдущей главе, есть ряд первых людей науки, которые считают, что при беспристрастном рассмотрении всех данных последних научных открытий в области психологии и психических исследований невозможно отказаться от такой гипотезы, как древняя гипотеза о душе.

Если мы принимаем гипотезу души, как кажется, и должны, и рассматриваем душу как неразрушимую единицу невидимой силы, обладающую сознанием и волей, и обычно способную существовать независимо от человеческого тела, тогда становится логической и научной необходимостью постулировать ее предсуществование, потому что как такая единица она неразрушима, в соответствии с законом сохранения энергии и неразрушимости материи. Мы говорим здесь не об обычной душе или личном сознании человека, а о том Эго, которое кельтские мистики представляют себе как постоянный принцип (хотя, вероятно, сам он родственен какой-то еще более высокой силе), стоящий за личностью, которая, в свою очередь, по их мнению, является временной комбинацией, полностью зависящей от Эго. Соответственно, научно возможно, чтобы такая душа как однородная единица силы или сознательной энергии переходила из одной массы материи или физического тела в другую без распада, уменьшения или потери своей собственной идентичности. С научной точки зрения также несомненно, что, судя по экспериментам,

проведенным для проверки силы сопротивления разложению, проявляемой силой, которую мы называем жизнью в органическом теле, такая сила способна превзойти многие физические воплощения.[610] Последние демонстрации показывают, что гипотеза наследственности не может полностью объяснить столь широкое разнообразие характеров или душевных индивидуальностей, которые могут проявляться у членов одной семьи. Поэтому мы должны объяснить умственное, моральное и, конечно, психическое неравенство среди нашей расы какой-нибудь другой гипотезой; и ни одна гипотеза не является более научной, более соответствующей известным физиологическим и психическим процессам или более согласующейся с законом эволюции, чем гипотеза перерождения.

Теория механической передачи приобретенных характеристик чисто физическим путем через зародышевую плазму больше не выдерживает критики, если принять во внимание все данные физиологии и психологии. В научном мире быстро развивается виталистическая точка зрения на эволюцию, и весомые доказательства свидетельствуют в пользу того, что все эволюционные процессы, начиная с низших и заканчивая высшими организмами, иллюстрируют постепенное раскрытие в чувственном мире ранее существовавшей психической силы через постоянно усложняющиеся специализированные структуры, причем это усложнение происходит в результате естественного отбора. Такая точка зрения также подкрепляется, если не подтверждается, общим научным убеждением, что спонтанное зарождение жизни невозможно на нашей планете или на любой другой планете: жизнь должна была существовать до того, как началось ее физическое проявление или ее физическая эволюция.

Мы можем рассматривать эту психическую силу как огромный резервуар сознания, постоянно пытающийся пробиться сквозь материю, стенки резервуара. Через микроскопическое тело амебы просочилась очень маленькая капля из этого резервуара. По мере развития эволюции стенки резервуара становятся все более пористыми, и мало-помалу капля увеличивается до крошечного ручейка. Через высших животных эта крошечная речушка течет как ручеек. Через человека, каким он является, ручеек течет как глубокая и широкая река. В полностью развитом человеке далёкого будущего глубокая и широкая река выйдет из берегов, затопит и полностью подавит животное-человеческую природу индивидуума, через которого она протекает, поскольку весь объём огромного резервуара выльется наружу. Тогда обычное сознание человека трансмутирует в подсознание, бледным отражением которого оно всегда было. Иными словами, если теория механической передачи приобретенных качеств потерпела крах, как это, по-видимому, и происходит, то мы должны предположить, что носителем всех достижений, передаваемых из поколения в поколение, является некий психический или виталистический принцип. Он, используя зародышевую плазму лишь как физическую основу для своего проявления, начинает строить тело, подходящее для его дальнейших эволюционных потребностей.

Блестящие открытия доктора Жака Лёба и М. Ива Делажа полностью разрушили старую идею о том, что каждый орган и каждая ткань, содержащиеся в зародыше нормальной яйцеклетки, должны развиваться определенным и согласованным образом в нормальный организм и по родительскому типу: можно заставить расти голову там, где должны быть ноги; а в Цюрихе Стандфусс, исключительно путем изменения температуры в своей лаборатории, смог получить от одного и того же вида бабочек тропические и арктические формы.[611] Все это помогает утвердить гипотезу, которая равносильна уверенности, что конформация физического тела или даже вид, который будет рожден, непосредственно определяется физической средой, а не наследственностью, и что главным фактором, который следует учитывать в организмах, является жизнь, оживляющая тело. Физическая среда влияет только

на физический организм; она не затрагивает невидимый и неизвестный жизненный принцип, живущий внутри физического организма.

Процесс оплодотворения - это физический процесс. Как таковой, он просто инициирует эмбриональную эволюцию, которая также является физической. Как только родители создают надлежащие физические условия, жизнь продолжает свой чудесный прогресс в утробе матери-человека, проходя путь от амебоподобного зародыша до человека. Иными словами, родители приводят в движение законы, управляющие воспроизводством физических тел. Они создают такие условия, которые позволяют невидимой жизненной силе начать свое физическое проявление.^[612] В двух слившихся зародышах от родителей находится физическое наследство потомства, которое будет внешне формироваться под влиянием окружающей среды; но физическое наследство - это вещь, отличная от психической части живого существа, так же как мертвое человеческое тело - это вещь, отличная от покинувшей его жизни. Хотя старая теория наследственности низвергнута позднейшими открытиями, вопрос о том, что такое жизнь в человеческих телах при всех возможных условиях окружающей среды, остается нерешенным; как и вопросы о том, почему в природе существуют виды спорта, которые среди людей называют гениями, и почему каждое человеческое существо имеет ярко выраженный и высокоразвитый индивидуальный характер, принципиально не похожий на характер его ближайших предков.

Эмбриология убедительно доказывает, что человеческий эмбрион в своем развитии повторяет эволюцию низших форм жизни. Сначала он состоит из двух отдельных клеток, слившихся в одну, и похож на амebu. Путем деления клеток он растет и шаг за шагом проходит через все низшие царства бытия, пока не становится водным существом с жабрами; наука учит, что вся органическая жизнь на нашей планете когда-то обитала в морях. Постепенно из водного мира органической жизни она переходит в мир воздуходышащих существ. Наконец природа достигает своего наивысшего результата, и из чрева времени рождается человек. Первоначальная микроскопическая частица зародышевой плазмы наделена силой движения, мышления и человеческого сознания, властью над всеми низшими царствами, через которые по праву древних завоеваний она прошла за короткий девятимесячный срок. Со всех сторон проблема жизни полна поэзии и удивления; это величайшая тайна.

Таким образом, мы не только можем изучать вековую эволюцию физического человека, но и недавно получили достаточно научных данных, чтобы заложить основы для изучения эволюции психического человека. Так, например, инстинкты представляются не более чем привычками, которые в течение неизвестных периодов времени настолько укоренились в конституции человека и всех животных, что теперь стали второй натурой и обычно осуществляются без необходимости рассуждать. Влияние врожденного чувственного опыта поднимается в сознании по мере того, как разворачивается жизнь каждого нормального ребенка и юноши; и этот опыт в своем полном объеме, когда достигается зрелый возраст, составляет в своем единстве то, что мы называем характером, который, в одном смысле, можно определить как совокупность инстинктов всех видов. С этой точки зрения, психическая или невидимая сила в человеке - это просто совокупность приобретенных привычек, которые используют телесный организм для своего выражения - точно так же, как, как мы уже отмечали, электрические силы проявляют свое присутствие через проводник. Если эти привычки добрые, мы называем их обладателя добрым человеком; если злые - злым.

Теория Чарльза Дарвина предполагает, что весь эволюционный прогресс направлен на приобретение все новых и более высоких инстинктов. И если этот процесс истинный, то есть

если все инстинкты, которые в своих тончайших различиях отделяют виды от разновидностей во всех царствах животных, являются, как считал Дарвин и как сегодня становится все более очевидным, результатом долгой и постепенной эволюции через опыт в чувственной сфере существования, тогда, казалось бы, следует, что должна существовать некая монада (вероятно, нечувственная), к которой могут присоединяться такие приобретенные инстинкты. Такая монада также должна быть восприимчивой и, следовательно, регистратором такого постоянно накапливающегося опыта на протяжении немыслимо длинной цепи жизней, и сама она, воспринимая и регистрируя, не должна быть подвержена транзитивности чувственной сферы, где она собирает вместе эти инстинкты, которые в своем едином выражении формируют ее личность или человеческий характер.

В соответствии с виталистическим взглядом на эволюцию, предполагающим существование психической силы, постоянно стремящейся к полному выражению себя через материю, но при этом способной существовать независимо от физических средств выражения, мы должны рассматривать такие высокие психические процессы, как суждение, рассуждение, анализ и синтез, пространственное восприятие, а также память, как результат очень большого опыта в чувственном мире, к которому в нашей нынешней психофизической конституции эти процессы имеют непосредственное отношение. Другими словами, для того чтобы человек мог осуществлять столь высокие психические процессы, необходимо постулировать неисчислимые века специализации нервного аппарата и психофизической настройки, которые позволили психической силе выразить себя в такой высшей степени в царстве разума и материи. Тот же виталистический аргумент применим к низшим психическим процессам и к инстинктивным силам человека, потому что мы не можем ни в коем случае, рассматривая полную эволюцию человека как двуединое существо, состоящее из физической и психической частей, отбросить убеждение Фехнера, что проблема является психофизической. Изучение сексуальных инстинктов у детей, кажется, подтверждает это[613].

Такая психическая и виталистическая гипотеза, как мы видели, находит сильную поддержку в эмбриологии; а эмбриология убедительно доказывает необходимость долгих веков физической эволюции для развития каждой ткани и высокоспециализированного органа в человеческом теле. Некоторые французские, немецкие и другие ученые виталистической школы физиологически продемонстрировали необходимость предсуществующей силы как объединяющего принципа, который притягивает и заставляет материальные атомы группироваться в структуру человеческого тела[614] - или, как мы можем добавить, любого органического тела. Исследователи психики на заре своей науки, по-видимому, психологически продемонстрировали пост-существование личного сознания-единства; И вполне вероятно, что при дальнейшем прогрессе в психике возникнет логическая необходимость постулировать, помимо личного сознания-единства, гипотетическую предсуществующую душу-монаду как объединяющий принцип, который привлекает и заставляет психические атомы опыта (если можно использовать такое выражение) группироваться в личное сознание-единство, которое, по-видимому, переживает смерть грубого физического тела - надолго или ненадолго, как покажут будущие исследования.[615] Такая душа-монада, если следовать взглядам кельтских мистиков, ведома приобретенными инстинктами, которые передались ей через личность (считающуюся в кельтской эзотерической доктрине временной комбинацией), очевидно, ткнет из материи тело-единицу, приспособленное к ее дальнейшей эволюции, подобно тому, как шелкопряда ведут приобретенные инстинкты, чтобы сплести кокон. Это тело-единица двояко: (1) видимое тело, происходящее из видимых элементов материи; и (2) невидимое, или призрачное, тело, происходящее из невидимых, или эфирных, элементов материи.

Строго говоря, для кельтского мистика душа-монада - это нечто, от чего личное сознание зависит в своем психическом единстве точно так же, как физическое тело зависит от личного сознания в своем физическом единстве. Кельтский мистик считает, что подобно тому, как тело-единство вновь возвращается в свои первичные элементы материи, так и личное сознание-единство (по-видимому, способное выживать в теле-призраке в течение длительного периода после отделения от более грубой физической оболочки или человеческого тела) также в свое время отбрасывается душой-монадой или индивидуальностью, а затем возвращается в свои первичные психические составляющие. Другими словами, правильно истолкованная Кельтская Эзотерическая Доктрина Перерождения не предполагает личного бессмертия, но она предполагает более великий вид бессмертия - бессмертие неизвестного принципа, который придает единство каждой временной личности, которую он использует, и который мы предпочитаем обозначать как индивидуальность, олицетворение. И эта индивидуальность является носителем всех эволюционных достижений, сделанных в каждой временной личности, через которую она отражает себя: это постоянный эволюционирующий принцип.

Возможно, аналогия, взятая из природы, сделает позицию кельтов более понятной: мы можем сказать, что личность занимает положение между человеческим телом и душой-монадой, подобно тому как луна занимает положение между землей и солнцем. Личное сознание для человеческого тела - то же, что лунный свет для земли, всего лишь бледное отражение от третьей вещи, души-монады или индивидуальности, которая является конечным источником обоих наборов единств, материального или телесного единства в его двойном аспекте и психического или личного сознания-единства. Каждая личность временна, в то время как индивидуальность, подобно солнцу по отношению к земле и луне, способна хотя бы на относительное бессмертие: свет солнца, как утверждает наука, существовал до того, как появилась луна, чтобы отражать его на землю, и может продолжать существовать, когда луна и земля распадутся. Сущностная природа солнечной энергии или жизни остается неизвестной науке; такова же и сущностная природа энергии или жизни, проявляющейся как индивидуальность. Хотя все подобные аналогии более или менее слабы, эта адекватно согласуется с теориями, касающимися кельтской эзотерической доктрины перерождения, которыми нас одарили самые ученые из современных кельтов, в основном мистики; и нам выпала редкая честь изложить эти теории, чего бы они ни стоили. Лучшая гипотеза - это всегда та, которая наилучшим образом объясняет все имеющиеся данные, и, по нашему мнению, при самом тщательном рассмотрении, которое (в основном по причине недостатка места) не может быть предпринято здесь, эта кельтская гипотеза относительно природы и судьбы человека является лучшей из всех до сих пор выдвинутых[616].

Противники доктрины перерождения, которой придерживались кельты и другие народы в древности и сейчас, естественно, спрашивают, почему, если мы жили раньше здесь, на земле, в физических телах, мы этого не помним. Но поверхностный и ненаучный характер этого вопроса сразу же становится очевидным для психологов, которые знают, что в человеке существует подсознание, которое у огромной массы людей почти полностью бездействует. Подсознательное "я", - писал Уильям Джеймс, - сегодня является общепризнанной психологической сущностью..... Если не принимать во внимание все религиозные соображения, в нашей общей душе на самом деле и в буквальном смысле больше жизни, чем мы когда-либо осознаем". И он добавил: "Таким образом, "научно" интерпретировать все иначе не объяснимые инвазивные изменения сознания как результаты напряжения подсознательных воспоминаний, достигающих точки разрыва."[617]

Интуиция, которую испытывали все люди, кажется результатом мгновенного контакта физического мозга с его психическим аналогом - подсознательным "я", индивидуальностью в отличие от личности.

Определенные психологические процессы, наблюдаемые у обычных мужчин и женщин, которые никогда не знают, что у них есть подсознание или Трансцендентальное Я, доказывают, что оно существует даже у них, и любая часть человека, которая существует и функционирует сама по себе, может быть развита так, чтобы быть осознанно воспринятой. Это неоспоримо. Укажем на некоторые из этих наблюдаемых и зафиксированных психологических процессов. Может возникнуть нерешенная проблема в сознании или невозможность вспомнить определенное имя или факт, а затем внезапное, неожиданное интуитивное решение проблемы и мгновенное вспоминание нужных фактов, в то время, когда обычный ум может быть полностью поглощен совершенно посторонними мыслями. Опять же, многие люди в результате несчастного случая или болезни потеряли память до такой степени, что потребовалось полное перевоспитание, а затем со временем, постепенно или мгновенно, в зависимости от обстоятельств, полностью восстановили ее.[618] И мы заметили в нашем исследовании сверхъестественного затягивания времени (с. 469), что в момент случайной потери сознания, как, например, при утоплении, все забытые детали жизни мгновенно воспроизводятся в полной панораме. Эти психологические процессы подтверждают сказанное нами выше относительно того, что за чувством-сознанием находится психический орган, и, по-видимому, доказывают, что подсознание является местом постоянной записи всех переживаний.[619] Под гипнозом субъекта можно попросить совершить определенное действие, скажем, через 11 999 минут после того, как он обратился с просьбой. Когда гипнотическое состояние снимается, субъект не осознает внушения, но, как убедительно доказали различные эксперименты, он неизменно совершает действие точно по истечении 11 999 минут, не зная, почему он это делает. Это доказывает, что в человеке существует подсознание, которое может полностью осознать такое внушение, вести счет времени и затем заставлять бессознательную личность действовать в соответствии с его волей.[620] Опять же, в глубокой старости люди, которые в обычном сознании имеют несовершенную память или вообще ее не имеют, при аномальных условиях (которые, по-видимому, обусловлены временным притоком скрытой психической силы в физическое тело и мозг или же пробуждением дремлющей силы в самих физическом теле и мозге) часто на некоторое время вновь обретают полную и ясную память о своем детстве. Это доказывает, что память где-то еще совершенна и что она не находится в сознании истощенного возрастом физического мозга и памяти. Альберт Молл в своем трактате о гипнозе рассказывает, что события обычной жизни, которые выпали из памяти, могут вспомниться в гипнозе: "Один английский офицер в Африке был загипнотизирован Хансеном и вдруг начал говорить на странном языке. Это оказался валлийский, который он выучил в детстве, но забыл".[621] И даже память о действиях, совершенных в гипнотическом сомнамбулизме, может быть пробуждена в нормальном состоянии.[622] Более того, с помощью психоанализа, как показал профессор Фрейд, забытые сны и сны, которые никогда не были завершены в обычном сознании, могут быть восстановлены в полном объеме из подсознания.[623] Многие ли из нас могут вспомнить без какого-либо психического стимула определенные действия, совершенные десять лет назад? Многие из нашей нынешней жизни уже не так ярко, многое забыто, и в старости многие воспоминания о юности и зрелой жизни будут подсознательными. Если этот мозг, чье полное существование приходится на период между рождением и смертью, не может нормально вспомнить весь свой собственный опыт, то как можно ожидать, что он вообще что-то знает о гипотетических прошлых жизнях, в которых существовали различные физические мозги, давно распавшиеся - если только гипотетически вечно существующая трансцендентальная индивидуальность, чье сознание

является подсознанием, не будет вынуждена с помощью каких-то необычных психических стимулов передавать свою память о прошлых жизнях каждому новому мозгу, который она создает? Другими словами, чтобы иметь память о ранее существовавших условиях, должна существовать непрерывность ассоциаций с нынешними условиями. Если такая непрерывность существует, то она существует в подсознании. А если она в нем существует, то для того, чтобы вызвать в нынешнем личном или обычном сознании, которое началось с момента рождения, память о предшествующем состоянии сознания, необходимо, чтобы на нынешний физический мозг и тело наложило отпечаток ясное и неотступное сознание подсознания. Что касается нашего личного сознания, то, очевидно, наши величайшие силы находятся в подсознании, которое спит и находится в эмбрионе, ожидая рождения в сознании этого мира через медленный процесс эволюционного созревания. В случае с Буддой, который, по достоверным историческим свидетельствам, был способен вспомнить все прошлые существования от самого низкого до самого высокого, этот эволюционный процесс, похоже, достиг завершения[624].

Известны случаи, когда в обычных условиях люди видели место, которое никогда не видели раньше, или совершали действие, которое никогда не совершали ни в этой жизни, ни в состоянии осознанного сновидения, и при этом чувствовали, что видели это место раньше и совершали это действие раньше. М. Th. Ribot в своей книге *"Болезни памяти"* (глава iv) собрал множество подобных случаев. Некоторые из них, несомненно, объяснимы как забытый опыт нынешней жизни. Другие, на наш взгляд, убедительно подтверждают теорию о существовавших ранее переживаниях, сохранившихся в памяти в подсознании.

Под хлороформом или другими анестетиками пациенты часто восстанавливают на время забытые факты опыта, а иногда, кажется, вступают в кратковременный контакт со своим подсознанием и проявляют в нем другую личность. В некоторых четко определенных типах раздвоения личности, которые не являются следствием ни одержимости демоном, ни одержимости духом, как в "медиумизме", присутствуют два воспоминания, "каждое из которых является полным и абсолютно независимым от другого"[625]. В подобных случаях, когда субъект демонстрирует попеременно множество личностей, мы видим индивидуальность, то есть подсознательного человека, демонстрирующего, как драматический актер, различные характеры или личности вероятных прошлых существований в зависимости от того, какая из них наиболее активна в данный момент. Аналогичным образом, созерцание кристаллов иногда, кажется, не только оживляет утраченные воспоминания об этой жизни, но и вызывает подсознательные воспоминания о каком-то неизвестном состоянии сознания, которое может быть из прошлой жизни[626].

М. Рибот на основании тщательного изучения многочисленных случаев амнезии (потери памяти) убедился, что "воспоминания возвращаются в порядке, обратном тому, в котором они исчезли". Например, знаменитый русский астроном потерял всю память, кроме памяти детства, и при ее восстановлении появились сначала воспоминания юности, затем среднего возраста, затем переживания более поздних лет и, наконец, самые последние события. Множество еще более ярких примеров закона регрессии при амнезии приводит М. Рибо. Из них мы заключаем, что все странные и, по-видимому, давно забытые факты опыта, возникающие в сознании из подсознания, как в различных случаях, которые были приведены выше, обязательно будут теми, которые были дольше всего потеряны для памяти; и, следовательно, если они не могут быть привязаны к настоящей жизни, то они могут быть получены только из прошлой жизни, потому что каждая первичная деталь памяти всегда должна происходить из опыта в какой-то прошлый период времени. Сам М. Рибо в своем заключении к книге *"Болезни памяти"* делает следующее важное замечание относительно

закона регрессии при амнезии: "Этот закон регрессии дает нам объяснение необычайному оживлению некоторых воспоминаний, когда разум обращается назад к условиям существования, которые, казалось бы, исчезли навсегда".

В сновидениях присутствует огромное количество скрытой памяти; иногда это память о текущей бодрствующей жизни, но часто она не может быть привязана к ней и не может быть объяснена как следствие того, что душа покидает тело во время сна: гипотеза перерождения кажется здесь единственно адекватной. Некоторые сновидения наводят на мысль, что человек обладает врожденными воспоминаниями, простирающимися назад, в доисторические времена (см. с. 5 выше). Это согласуется с теорией профессора Фрейда, изложенной в его *"Травме"*, согласно которой "сон есть не что иное, как скрытое исполнение подавленного желания". Некоторые сны "имеют вид страшных, жестоких, ужасных сцен, которые кажутся нам пугающими, но в определенной глубине бессознательного удовлетворяют желания, которые в "доисторические" эпохи нашего собственного психического развития были фактически признаны желаниями"[627] Это также подтверждает наш виталистический взгляд на эволюцию человеческих инстинктов. Опять же, при сомнамбулизме память гораздо более возвышенна, и известны случаи, когда в сознании всплывали факты, которые невозможно объяснить иначе, как с помощью той же гипотезы[628].

Если мы будем иметь в виду психологию состояния сна, то, вероятно, получим наиболее ясную интеллектуальную теорию того, почему, если предсуществование истинно, мы не помним различные предыдущие состояния существования. В нашем нынешнем состоянии сознания мы можем войти в состояние сна, в этом состоянии сна, видя сны, мы входим во второе состояние сна, и теоретически, хотя и не на основании обычного опыта, может не быть предела наложенным состояниям сна, каждое из которых само по себе является состоянием сознания, отличным от сознания бодрствования. Соответственно, если, по словам Вордсворта, "наше рождение - это лишь сон и забвение" другого состояния сознания, а смерть - резкое завершение этого сна и пробуждение, или если верно прямо противоположное, и смерть - это вход в состояние сна и сновидений, то становится совершенно ясно, насколько трудно нам сейчас вспомнить, что мы могли видеть во сне или делать на самом деле в другом состоянии сознательного существования, соответствующем нашему нынешнему. Тонкие мыслители современной Индии, полностью принимающие доктрину перерождения как универсальный закон, подытожили этот заумный аспект психологии сновидений следующим образом: "Первое, или духовное, состояние было экстазом; из экстаза оно (Эго) забылось в глубоком сне; из глубокого сна оно пробудилось из бессознательного состояния, но все еще внутри себя, во внутренний мир сновидений; из сновидений оно перешло, наконец, в состояние полного бодрствования и во внешний мир чувств." [629] Но наши психологи еще недостаточно продвинулись, чтобы принять это; необходимо проделать еще большую работу в области психических исследований, прежде чем они смогут объявить Западу, что предсуществование является необходимым условием для послесуществования, которое они сейчас гипотетически принимают. Если в настоящий момент мы придерживаемся точки зрения наших психологов, то мы можем представить себе человеческое сознание как спектр, центральные части которого видны только нам. За ним на обоих концах лежит невидимая и неизвестная нам область, ожидающая своего исследователя с Запада. Каждый из нас на самом деле является неизменной психической сущностью, гораздо более обширной, чем ему кажется, - индивидуальностью, которая никогда не может полностью выразить себя через какое-либо телесное проявление. "Я" проявляется через организм; но всегда есть какая-то часть "Я", не проявленная; и всегда, как кажется, какая-то сила органического выражения в сдержанности или резерве." [630] Уильям

Джеймс изложил позицию так: "Область Б." (другое название области подсознания), "таким образом, очевидно, является большей частью каждого из нас, поскольку она - обитель всего, что скрыто, иместилище всего, что проходит незарегистрированным и ненаблюдаемым."[\[631\]](#)

Люди науки не видят возможности принять доктрину о воскресении физического тела в том виде, в каком она сейчас трактуется христианской теологией; но покойный профессор Th. Анри Мартен, декан факультета литературы Реннского университета, в своей книге *La Vie future* предположил, что эта доктрина может быть экзотерическим толкованием давно забытой эзотерической истины; а именно, что душа может быть воскрешена в новом физическом теле, и это возможно с научной точки зрения[\[632\]](#).

Древние ученые называли Жизнь Кругом. В верхней половине этого Круга, или здесь, на видимом плане, мы знаем, что в физиологической истории человека и всех живых существ сначала наступает эмбриональное или пренатальное состояние, затем рождение; и по мере того как жизнь, подобно солнцу, поднимается в своей новорожденной силе к зениту, наступают детство, юность и зрелость; затем, когда она проходит зенит на пути к горизонту, наступает упадок, старость и, наконец, смерть; и в качестве научной возможности мы имеем в нижней половине Круга, в Аиде или потустороннем мире кельтов и всех народов, соответствующие процессы между смертью и гипотетическим, но логически необходимым повторным рождением.[\[633\]](#)

Логическим следствием доктрины повторного рождения и неотъемлемой частью кельтской эзотерической теории эволюции является то, что существовали человеческие расы, подобные нынешней человеческой расе, которые в прошлые эоны времени полностью эволюционировали из человеческого плана сознательного существования в божественный план сознательного существования. Следовательно, боги - это существа, которые когда-то были людьми, а настоящая раса людей со временем станет богами. Теперь человек относится к божественному и невидимому миру точно так же, как грубое существо относится к человеческой расе. Для богов человек - существо, находящееся в низшем царстве эволюции. Согласно полной кельтской вере, боги могут и действительно входят в мир людей для того, чтобы научить их, как наиболее быстро продвинуться к высшему царству. Другими словами, все Великие Учителя, такие как. Иисус, Будда, Зороастр и многие другие, в разные эпохи и среди разных рас, чьи учения дошли до наших дней, являются, согласно верованиям образованных и мистических кельтов, божественными существами, которые в невообразимо прошлые века были людьми, но теперь стали богами, способными по желанию воплощаться в нашем мире, чтобы подчеркнуть необходимость, существующую в природе, в силу действия эволюционных законов (которым они сами все еще подчиняются), для человека смотреть вперед и стремиться к божественности, а не смотреть назад в эволюции и тем самым впадать в простое животное состояние. Изложение этого мистического следствия делает изложение веры фей законченным, по крайней мере, в общих чертах.

Как было показано на основе материалов Барддаса в нашей [главе vii](#), кельтская доктрина перерождения является научным продолжением исправленного закона Дарвина,[\[634\]](#) согласно которому только пройдя Круг Жизни, человек достигает того предначертанного совершенства, которое предполагают природные аналогии, жизненные процессы, демонстрируемые живыми существами, и эволюция, и от которого в настоящее время человек так далек. По-видимому, возникает следующий постулат: мир является объектом обычного сознания, Эго или Душа-Монада - объектом подсознания; и подсознание не может быть реализовано в мире, пока через обычное сознание человека Эго не сможет

функционировать полностью, и таким образом наделить человека полным самосознанием в материи, что, по-видимому, является целью всей планетарной эволюции.

Мы приходим к выводу, что потусторонний мир кельтов и их доктрина перерождения полностью согласуются в своих основных чертах с современной наукой; и, соответственно, с другими существенными элементами полной кельтской веры, которые мы в предыдущей главе сочли столь же научными, устанавливают нашу психологическую теорию природы и происхождения этой веры на логическом и прочном фундаменте; и теперь мы предоставляем это исследование суждению наших читателей. Мы верим, что в будущем, с получением более полных доказательств, как из фольклора, так и из науки, теория получит более полное подтверждение, и, возможно, в конце концов произойдет ее превращение в то, чем она кажется нам сейчас - в факт.

Некоторые убеждения, которые столетие назад считались абсурдными, сегодня рассматриваются как фундаментально научные. Точно так же то, что в этом поколении является еретическим как для христианского богослова, так и для ученого, в следующих поколениях может быть принято как ортодоксальное.

Сноски:

[1] Вполне уместно оно означает *место каурнов* или *тумулей* - доисторических памятников, религиозных и погребальных по своему назначению. *Карнак*, по-видимому, является галло-римской формой. По мнению профессора Дж. Лота, бретонские (кельтские) формы будут следующими: древнекельтская - *Carnāco-s*; старобретонская (девятый-одиннадцатый век) - *Carnoc*; среднебретонская (одиннадцатый-шестнадцатый век) - *Carneuc*; современная бретонская - *Carnes*.

[2] Ибо мы не можем предложить никаких доказательств того, что на первый взгляд кажется филологической связью или идентичностью между *Карнаком* и *Карнаком*.

[3] Andrew Lang, *Kirk's Secret Commonwealth* (London, 1893), p. xviii; и *History of Scotland* (Edinburgh, 1900-07).

[4] Ср. опубликованную критику Дэвидом МакРичи нашей психологической теории в "*Кельтском обозрении*" (январь 1910 г.), озаглавленную "*Друиды и жители курганов*"; также его первую часть этой критики, ib. (октябрь 1909 г.), озаглавленная "*Новое решение проблемы фей*".

[5] Alexander Carmichael, *Carmina Gadelica* (Edinburgh, 1900), i, p. xix.

[6] *Кайлид* Западных Гебрид соответствует *вейле* Нижней Бретани (см. с. 221 и далее) и аналогичным праздникам с рассказыванием историй, которые ранее процветали среди всех кельтских народов. *Кейлид* - это литературное развлечение, где репетируются и декламируются истории и сказки, стихи и баллады, поются песни, решаются загадки, цитируются пословицы и обсуждаются многие другие литературные вопросы" - Александр Кармайкл, *Carmina Gadelica*, i, p. xviii.

[7] Я обязан этой информацией покойному мистеру Дэвису, компетентному ученому и антиквару из Ньюкасл-Эмлина, где в течение многих лет он был викарием.

[8] В гнозисе Святой Михаил символизирует солнце, и поэтому очень уместно на горе Святого Михаила в Корнуолле, на Мон-Сен-Мишель в Карнаке, а также на Мон-Сен-Мишель на побережье Нормандии заменить Великого Бога Света и Жизни, который был в высшем почете у древних кельтов.

[9] В связи с этим мы можем думать о Северном и Южном магнитных полюсах Земли как о центрах определенных, но невидимых сил, которые можно обнаружить и в некоторой степени измерить научным путем.

[10] Англо-ирландское *rath* - круглая земляная крепость.

[11] По всей Ирландии есть множество древних, часто доисторических, земляных сооружений или курганов, которые в народе называют *фортами*, *ратами* или *дунами*, а в народных поверьях они считаются сказочными холмами или обиталищами различных фей. В этой вере мы видим определенный антропоморфизм, который приписывает жилища здесь, на земле, невидимой расе духов, как будто эта раса на самом деле была духами древних ирландцев, построивших *крепости*. По ходу дела мы увидим, насколько важную и разнообразную роль играют эти земляные сооружения в ирландской вере в фей (см. [главу viii](#), об археологии).

[12] Ирландский мистик и провидец большой силы, с которым я часто обсуждал фейскую веру в деталях, считает "тропы фей" или "перевалы фей" настоящими магнитными артериями, по которым циркулирует земной магнетизм.

[13] Ирландские ученые расходятся во мнениях относительно значения слова *Meadha*. Некоторые говорят, что это родительный падеж *Meadh*, имени какого-то древнего вождя, который был похоронен на холме. *Knock Magh* - это написание, часто используемое писателями, которые считают, что название означает "Холм равнины". Джон Глинн.

[14] 8 сентября 1909 года, примерно через год после того, как было дано это свидетельство, мистер --, наш провидец-свидетель, в своем собственном доме близ Грейнджа снова рассказал мне те же основные факты, касающиеся его психических переживаний, что и во время моего первого интервью с ним, и даже повторил слово в слово выражения, которые "дворяне" использовали в общении с ним. Поэтому я считаю, что он совершенно искренен в своих убеждениях и описаниях, что бы ни думали о них различные читатели. Как говорили мне о нем его соседи - а я опросил многих из них, - "кто-то поддается ему, а кто-то нет"; но они всегда отзывались о нем с уважением, хотя некоторые, естественно, считали его эксцентричным. Во время нашей второй встречи (которая дала мне возможность пересмотреть первые записанные показания) мистер -- сделал следующее дополнительное заявление: "*Дворяне* не раскрывают всех своих секретов, и я многого в них не понимаю, и не могу быть уверен, что все, что я о них рассказываю, точно".

[15] Один знающий и более осторожный ирландский провидец считает, что этот головной убор следует называть аурой.

[16] Друг из Калифорнии, изучающий психические науки, сказал мне, что в некоторых частях этого штата, в частности, в Йосемитской долине, существуют невидимые расы, точно такие же, как "дворяне" этой страны Бена Булбина, как их описывает наш провидец и как их описывали другие провидцы в Ирландии, и совсем как "люди мира", которых описывает Кирк, седьмой сын, в своем "*Тайном содружестве*" (см. это исследование, с. [85 n.](#)).

Провидцы, способные видеть их, говорят, что эти калифорнийские расы существуют сейчас, как ирландская и шотландская невидимые расы; и, как и последние, они описываются как отдельный порядок существ, которые никогда не были в физических воплощениях. Если следовать традициям краснокожих, то йосемитские невидимые племена, вероятно, являются лишь несколькими из многих подобных племен, разбросанных по всему североамериканскому континенту; в равной степени со своими кельтскими родственниками они описываются как воинственная раса, обладающая более чем человеческой властью над физической природой и способная подчинить или уничтожить людей.

[17] Это относится к истории, рассказанной Хью Керридом в августе 1908 года об отце Патрике и отце Доминике, которая здесь опущена, поскольку повторное расследование во время моего второго визита в Грейндж в сентябре 1909 года показало, что эта история была изложена неверно. Однако та же самая история, основанная на фактах и подтвержденная несколькими надежными свидетелями, была более точно рассказана Патриком Уотерсом во время моего повторного расследования и приведена на странице 51.

[18] Случилось так, что у меня в кармане оказалась окаменелость, выловленная из соседних морских скал, которые очень богаты окаменелостями. Я показал его Пату, чтобы узнать, похоже ли то, что он держит в руках, на это, и он сразу же сказал: "Нет".

[19] После этого оссиановского фрагмента, передававшегося из уст в уста, я спросил Пэта, слышал ли он когда-нибудь, как старики рассказывали о Дермоте и Грании, и он ответил: "Конечно, слышал. Дермот и Грания жили в этих краях. Дермот украл сестру Финна Маккоула, и ему пришлось бежать. Он взял с собой мешок с песком и пучок вереска; когда он был в горах, он клал мешок с песком под голову на ночь, а потом говорил всем встречным, что спал на песке (на берегу моря); а когда был на песке, использовал пучок вереска как подушку и говорил, что спал на вереске (в горах). Так его никто и не поймал".

[20] Что касается вероятных доказательств существования Атлантиды, см. с. 333 наст. изд.

[21] Имеется в виду Роберт Кирк, министр Аберфойла, автор книги *"Тайное содружество"* (см. настоящее исследование, р. 85 n.).

[22] Летом 1908 года, направляясь из Восточной Ирландии в Голуэй, я проезжал через деревню близ Маллингара, где в то время царил большое волнение из-за лепрекона, который являлся школьникам и многим деревенским жителям. Я разговаривал с некоторыми людьми, когда проходил через часть графства Мит, об этом лепреконе, и большинство из них были уверены, что такое существо могло появиться; я также заметил, что все они очень хотели получить шанс на денежный мешок, если бы только могли увидеть маленького человечка с ним. Я рассказал одному добродушному старому ирландцу в Балливиллане, где я остановился на ночь, когда мы сидели у его костра и варили картошку, что лепрекон, по слухам, был пойман полицией в Маллингаре. Этого не может быть, - тут же ответил он, - ведь все знают, что лепрекон - дух и его не может поймать ни один благословенный полицейский, хотя, возможно, кто-то и получит его золото, если загонит его в угол, чтобы у него не было возможности убежать. Но стоит только подмигнуть или отвести глаза от маленького дьявола, как он тут же исчезает".

[23] Cp. David Fitzgerald, *Popular Tales of Ireland*, in *Rev. Celt.*, iv. 185-92; и *All the Year Round*, New Series, iii. "Эта женщина-хранительница озера называется Toice Bhrean, "неопрятная" или "ленивая девка". Согласно местной легенде, она изначально была хранительницей священного колодца, из которого, по ее недосмотру, вышло озеро Гур; в этой роли она соответствует Либан, дочери Эохайда Финна, хранительнице священного колодца, из

которого вышло озеро Ниг, согласно *Динншенчам* и сказанию Эохайда Макмайридо. Ф. Линч.

[24] Однажды граф Десмонд увидел Айну на берегу маленькой речушки Камог, протекающей рядом с Лаф Гур, когда она сидела и расчесывала волосы. Охваченный любовью к богине-фее, он овладел ею, схватив ее плащ, и сделал своей женой. От этого союза родился заколдованный сын Геройд Иарла, так же как Галахад родился у Ланселота от Владычицы Озера. Когда Геройд достиг юношеского возраста, он, чтобы превзойти женщину, прыгнул в бутылку и тут же выскочил обратно, и случилось это в разгар пира в замке его отца. Эйна наложила на его отца, графа, запрет никогда не показывать удивления по поводу того, что может сделать ее сын-волшебник, но теперь запрет был забыт, а значит, и нарушен, во время столь необычного представления; и тотчас Геройд покинул пир и отправился к озеру. Как только вода озера коснулась его, он принял облик гуся, поплыл по глади озера и исчез на острове Гаррод.

Согласно одной из легенд, Айне, подобно бретонской *Моргане*, иногда можно увидеть расчесывающей свои волосы, и только половина ее тела появляется над озером. А в спокойные времена и при чистой воде, согласно другой легенде, под озером Айне можно увидеть затерянный заколдованный замок ее сына Геройда, расположенный неподалеку от острова Гаррод, названного так от Geróid или "Джеральд".

Геройд живет там, в подземном мире озера, и по сей день, ожидая времени своего обычного возвращения в мир людей (см. главу "Перерождение", с. 386). Но раз в семь лет, в ясные лунные ночи, он появляется на время, когда крестьяне Лаф Гура видят его в виде призрака на призрачном белом коне, ведущего кавалькаду фантомов или фей через озеро и землю. Хорошо подтвержденный случай такого явления графа был записан мисс Энн Бэйли, а его восприимчиком был Тейг О'Нил, старый кузнец, которого она знала (см. *All the Year Round*, New Series, iii. 495-6, London, 1870). А Молл Риалл, молодая женщина, также знакомая мисс Бейли, видела призрачного графа одного, при весьма странных обстоятельствах, днем, когда она стояла на берегу озера и стирала белье (ib., p. 496).

Некоторые говорят, что истинное место обитания Айне находится на ее холме, на котором в каждую ночь Святого Иоанна крестьяне собирались со всей округи, чтобы посмотреть на луну (ведь Айне, похоже, была богиней луны, как и Диана), а затем с факелами (*клиарами*), сделанными из пучков соломы и сена, привязанных к шестам, шествовали с холма и затем проходили через возделанные поля и среди скота. Основной целью этой последней церемонии, вероятно, было - как это имеет место на острове Мэн и в Бретани (см. с. 124 н., 273), где соответствующие огненные церемонии, сохранившиеся от древнего сельскохозяйственного культа, все еще отмечаются - изгнание из земли всех злых духов и ведьм, чтобы был хороший урожай и богатый прирост стад. Иногда в таких случаях саму богиню видели возглавляющей священную процессию (ср. культ Вакха у древних греков, которые верили, что сам бог ведет своих поклонников в священном шествии с факелами по ночам, будучи, как и Айне, в этом отношении более или менее связанным с плодородием в природе). Однажды Айне заставила девушек, задержавшихся на холме, посмотреть сквозь волшебное кольцо, и тогда холм наполнился людьми богини-феи, которые до этого были невидимы. Крестьяне всегда говорили, что Эйна - "самая добросердечная женщина, которая когда-либо жила" (см. David Fitzgerald, *Popular Tales of Ireland*, in *Rev. Celt.*, iv. 185-92).

В "*Сильве Гаделике*" (ii. 347-8) Айне - дочь Эогабала, короля Туатха Де Дананн, и ее обитель находится в *сидхе*, названном по ее имени "*Айне клиах*, ныне Кнок Айне, или Нокани". В

другом отрывке мы читаем, что Мананнан взял Айне в жены (ib., ii. 197). Также см. в *Silva Gadelica*, ii, pp. 225, 576.

[25] "В некоторых местных сказаниях *Бин-тиге*, или *Бин а'тиге*, называется *Бин-сидхе* (банши), *Бин-чаоинт*, или "плачущая женщина", и отождествляется с Айне. В элегии Ферритера, посвященной одному из Фицджеральдов, мы читаем: "Айне из своего тесного укрытия.

Проснулась Айне из своего тесного гнезда,
Женщина-плакальщица из голосистого озера Гур.

Томас О'Коннеллан, великий бард-менестрель, некоторые из композиций которого приведены Хардиманом, умер в замке Лаф Гур около 1700 года и был похоронен в Новой церкви у озера. По местному поверью, Айне стояла на скале Нок-Адун и "запевала" О'Коннеллана, пока похоронная процессия шла от замка к месту погребения. Ф. Линч.

Банши была традиционно связана с семьей Бейли из Лаф Гур; и однажды ночью, когда мисс Китти Бейли умирала от чахотки, две ее сестры, мисс Анна Бейли и мисс Сьюзен Бейли, сидевшие в смертной камере, "услышали такую сладкую и меланхоличную музыку, какой никогда не слышали прежде. Она показалась им похожей на музыку далекого собора..... Музыка звучала не в доме..... Казалось, она доносится через окна старого замка, высоко в воздухе". Но когда мисс Энн, спустившаяся вниз с зажженной свечой, чтобы исследовать странное явление, подошла к разрушенному замку, ей показалось, что музыка доносится сверху; "и, озадаченная и, наконец, напуганная, она вернулась". Обе сестры, по их словам, отчетливо слышали музыку фей, причем в течение долгого времени (*All the Year Round*, New Series, iii. 496-7; London, 1870).

[26] "*Буахайлин*, скорее всего, одна из многих форм, которые принимал меняющийся облик Фер Фи, гном из Лаф Гур, который в Таре, согласно *Динншенчам* из Туаг Инбир (см. *Folk-Lore*, iii; и A. Nutt, *Voyage of Bran*, i. 195 ff.), принимал облик женщины; и мы можем проследить рассказы о Геруиде Иарле до Фер Фи, который, а не Геруид, по мнению старейших крестьян Лаф Гура, является владельцем озера. Фер-Фи - сын Эогабала из Сидх-Эогабайла и, следовательно, брат Айне. Он также приемный сын Мананнана Мак Лира и друид Туатха Де Дананн (см. *Silva Gadelica*, ii. 225; также *Dinnshenchas* of Tuag Inbir). В Лаф Гур крестьяне рассказывают различные истории о гноме, и они до сих пор утверждают, что он брат Айне. Ради эксперимента я однажды очень непочтительно отозвался о гноме в разговоре с Джоном Панчем, стариком, и он сказал мне испуганным шепотом: "Тише! Он тебя услышит". Эдвард Фицджеральд и другие старики очень боялись Гнома". Ф. Линч.

[27] "Сравните со сказкой об Экскалибуре, мече короля Артура, который король Артур перед смертью приказал сэру Бедиверу бросить в озеро, откуда он пришел."-J. F. Lynch.

[28] "Молодые и старые жители Лаф Гур верят, что раз в семь лет в озере тонет человек, и что его *забирает Беан Фхионн*, или "Белая Леди". Ф. Линч.

[29] По мнению преподобного Роберта Кирка, выраженному им в книге "*Тайное содружество эльфов, фавнов и фей*", племена фей - это отдельный порядок сотворенных существ, обладающих человекоподобным интеллектом и сверхнормальными способностями, которые живут и передвигаются в этом мире, невидимые для всех, кроме мужчин и женщин, обладающих вторым зрением (см. данное исследование, стр. 89, 91 н.).

[30] Преподобный Роберт Кирк в своем "*Тайном содруестве*" определяет второе зрение, которое позволило ему увидеть "хороших людей", как "восторг, перенос и своего рода

смерть". Он и наш сегодняшний свидетель пришли в мир с этой аномальной способностью; но есть замечательный случай покойного отца Аллена Макдональда, который во время двадцатилетнего проживания на крошечном и изолированном острове Эрисгей, Западные Гебриды, обрел второе зрение и смог за несколько лет до своей смерти там (в 1905 году) использовать его так же свободно, как если бы он был прирожденным провидцем".

[31] В своем примечании к книге *Le Chant des Trépassés* (Barzaz Breiz, p. 507) Виллемарке сообщает, что в некоторых местностях Нижней Бретани в ночь Всех Святых на могилы умерших возливают молоко. Это является доказательством того, что природа фей в Шотландии и мертвых в Бретани считается одинаковой".

[Во многих районах Горной Шории, где известно одно и то же божество, камень, на который женщины возливают молоко, называется *Leas na Gruagaich*, "Флаг-стоун Груагача". Если вечером возлияние было пропущено, то утром лучшая корова в стаде была найдена мертвой" - Александр Кармайл.

[33] Доктор Джордж Хендерсон в книге *"Норвежское влияние на кельтскую Шотландию"* (Глазго, 1901), с. 101, пишет: "*Шони* был морским богом в Льюисе, где ему приносили в жертву эль на Хэллоутайд. Придя ночью в церковь святого Малвэя, человек отправлялся в море, говоря при этом: "*Шони*, я даю тебе эту чашу эля в надежде, что ты будешь так добр и дашь нам много морской утвари для обогащения нашей земли в следующем году". Поскольку *ō* из норвежского превратилось бы в *o*, а *fn* - в *nn*, можно подумать о *Сьёфн*, одной из богинь в Эдде. В любом случае слово это норвежское". Таким образом, похоже, что кельты Льюиса переняли имя *Шони* или *Шони*, а возможно, и бога, которого оно обозначает, в результате контакта с норвежцами; но, во всяком случае, они включили его в свой собственный пантеон фей, как мы видим по тому, что они возносят ему особые возлияния на древнем кельтском празднике мертвых и фей, Хэллоуине".

[34] Это, как сказал мне доктор Кармайл, я полагаю, очень справедливо отражает современное состояние фольклора во многих частях Горных гор. Правда, то тут, то там встречаются старики и старухи, которые много знают о феях, но они, опасаясь насмешек со стороны более молодого и "образованного" поколения, как правило, не желают признавать никакой веры в фей".

[35] Следующая заметка мисс Толми представляет большой интерес и ценность, особенно если помнить о традиционных связях Кухулайнна со Скаем (см. с. 4):- "Хребет Кулиан никогда не следует писать *Ку-чуллин*. Название здесь пишется через "к", чтобы его правильно произносили и писали. Вероятно, это норвежское слово, но удовлетворительного объяснения его происхождения и значения до сих пор не опубликовано. В гэльском языке хребет всегда упоминается (в мужском роде единственного числа) как Кулиан".

[36] Доктор Александр Кармайл обнаружил, что место действия этой широко распространенной сказки различно: в Аргайле, в Перте, в Инвернесе и в других графствах Высокогорья. Из своего собственного сборника народных песен он приводит следующие стихи, иллюстрирующие песню (существующую в многочисленных версиях), которую дева, будучи невидимой, пела коровам Колина:...

Кродх Чайлеан! Кродх Чайлеан!
Crodh Chailean mo ghaoil,
Crodh Chailean mo chridhe,
Air lighe cheare fraoish.

(Коровы Колина! Коровы Колина!
Коровы Колина моей любви,
Коровы Колина моего сердца,
В цвете вереска.)

В одной из версий доктора Кармайкла "жена Колина и ее младенец были унесены феями в сказочную беседку на поляне между холмами". Там она кормила младенцев, которых украли феи, пока "в канун Хэллоуина, когда все чащи были открыты", Колин, положив стальной уголек на перекладину двери в башню фей, не смог войти туда и в безопасности вывести жену и ребенка".

[37] В этой прекрасной сказочной легенде мы узнаем женщину-фею как одну из фей Туатха Де Дананн - одну из женщин *Сидхе*, как называют их ирландские провидцы.

[38] Интересно, что нынешние жители Барры, или, по крайней мере, большинство из них, являются потомками ирландских колонистов, принадлежавших к клану Эоицидх из графства Корк и эмигрировавших оттуда в Барру в 917 году н.э. Они принесли с собой свои старые обычаи и верования, и в условиях изоляции их дети сохранили их почти в первобытной кельтской чистоте. Например, помимо веры в фей, Майский день, Баалтин и Ноябрьский сочельник до сих пор неукоснительно соблюдаются в языческой манере, как и Пасха - ведь до принятия христианства она тоже была праздником солнца. И как прекрасно в наш век видеть, как юноши, девушки и некоторые старики этих простодушных христиан-рыболовов поднимаются в пасхальное утро на скалистые вершины своего маленького острова-дома, чтобы приветствовать солнце, поднимающееся из-за гор на востоке, и слышать, как они говорят, что солнце танцует от радости в это утро, потому что Христос воскрес. Таким же образом они приветствуют новолуние, совершая при этом крестное знамение. Финн Барр, как говорят, был человеком из графства Корк, отличавшимся большой святостью; вероятно, он прибыл на Барру вместе с колонией, ведь он является святым покровителем острова, отсюда и его название. (Моему другу, мистеру Майклу Бьюкенену из Барры, я обязан за эту историю и эти традиции его родного острова).

[39] '*Sluagh*, "хозяева", мир духов. Хозяева" - это духи смертных, которые умерли..... По словам одного из информаторов, духи летают в огромных облаках, вверх и вниз по лицу мира, подобно скворцам, и возвращаются на места своих земных проступков. Ни одна душа из них не остается без земных облаков, омрачающих яркость дел Божьих, и никто не может завоевать небеса, пока не получит удовлетворение за земные грехи" - Александр Кармайкл, *Carmina Gadelica*, ii. 330.

[40] Эта любопытная история наводит на мысль о том, что некоторые из женщин-фей, которые в наше время соблазняют смертных своей любовью, во многом похожи, если не тождественны, *суккубам* мистиков Средних веков. Но это замечание не направлено на то, чтобы спутать высшие порядки *сидхе* и весь сказочный народ, вроде фей, пришедших с Авалона, с *суккубами*; хотя *суккубов* и женщин-фей часто путали и неправильно отождествляли одних с другими. В этом примере с "женщиной-феей" нет необходимости подчеркивать, что мы имеем дело не с существом из плоти и крови, что бы ни думали о ней различные читатели.

[41] "Вилли-фея", иначе известный как Уильям Кейн, - музыкант, на которого ссылается покойный мистер Джон Нельсон (стр. 131). Утверждение последнего, что Уильям Кейн играл одну из этих сказочных мелодий на одном из наших манкских развлечений в Пиле, совершенно верно.

[42] Это Срединный мир ирландских провидцев, которые были бы склонны следовать обычаю манксов и называть фей "людьми Срединного мира".

[43] "11 мая == на языке манксов *Oie Voaldyn*, "канун майского дня". Считалось, что в этот вечер феи особенно активны. Чтобы умиловить их и отгородиться от влияния злых духов и ведьм, которые также были активны в это время, на пороге расстилали зеленые листья или ветки и цветы *сумарка* или примулы, а из веток *куирна* или рябины делали маленькие кресты без помощи ножа, который ни в коем случае нельзя было использовать (сталь или железо в любом виде были запрещены феям и духам), и наклеивали их на двери жилых домов и коровников. Коровы были защищены от того же влияния, если в их стойла клали *Bollan-feaill-Eoin* (пиршественный зверобой). Это был также один из случаев, когда никто не давал огня, и в этот день на холмах зажигали и до сих пор зажигают костры, чтобы отогнать фей" - София Моррисон.

[44] Я полностью обязан мисс Моррисон за эти манкские стихи и их перевод, который я заменил английским переводом миссис Мур. Мисс Моррисон, после моего возвращения в Оксфорд, виделась с миссис Мур и взяла их у нее, а я не был в состоянии выполнить эту задачу, когда сказка была рассказана.

[45] Было высказано предположение, и, несомненно, правильное, что эти журчащие звуки, слышимые на горе Далби, вызваны действием морских волн, омывающих сдвигающиеся массы гальки на усеянном камнями берегу. Хотя это и является истинным объяснением самого явления, оно лишь доказывает ошибочность атрибуции причины, а не лежащей в основе анимистического представления о духовных существах".

[46] В этой мифологической роли Мананнан, очевидно, является богом солнца или самим солнцем; а связанный с ним герб манксов, представляющий собой символ солнца, наводит нас на мысль о давно минувших веках, когда остров Мэн был Священным островом, посвященным культу Верховного Бога Света и Жизни, и когда все, кто там жил, считались Детями Солнца.

[47] Сэр Джон Рон говорит мне, что эти предания о феях Сноудона были переданы покойной леди Рон, которая в детстве жила в окрестностях Сноудона и много слышала от тамошних стариков, большинство из которых верили в фей; и ее саму тогда предостерегали, как уже говорилось, от увлечения в сказочную страну под озером.

[48] Ср. *Celtic Folklore, Welsh and Manx*, pp. 683-4 n., где сэр Джон Рон говорит о своем друге, профессоре А. К. Хэддоне: "Я также обнаружил, что он, среди прочих, предвосхитил меня в моей теории происхождения фей: свидетельствуют следующие выдержки из программы лекции, прочитанной им в Кардиффе в 1894 году о сказках: "Что такое феи? - Легендарное происхождение фей. Из сказочной литературы очевидно, что в ней смешано возможное и невозможное, факты и фантазии. Часть фей относится к (1) духам, которые никогда не воплощались: другие феи - (2) духи окружающей среды, духи природы или местные духи, домашние духи; (3) духи органического мира, духи растений и духи животных; (4) духи людей, или призраки; и (5) ведьмы и волшебники, или люди, одержимые другими духами. Все эти и, возможно, другие элементы входят в причудливые аспекты Сказочной страны, но есть и большой остаток реальных событий; они указывают на столкновение рас, и мы можем рассматривать многие из этих сказочных саг как истории, рассказанные людьми железного века о событиях, которые произошли с людьми бронзового века в их конфликтах с людьми неолитического века, и, возможно, они также передали традиции палеолита."

[49] Это единственная найденная мною в Северном Уэльсе сказка о повитухе и феях - тип сказки, распространенный в Западной Ирландии, на острове Мэн, в Корнуолле и Бретани, но в обратном варианте: повитуха здесь (как это иногда бывает в валлийских версиях) - одна из представительниц человеческой расы, вызванная феями. Если бы требовалось доказательство единства кельтского разума, мы бы нашли его здесь (ср. с. 50, 54, 127, 175, 182, 205). В этом типе сказок, как вполне могут утверждать сторонники теории пигмеев, есть определенные элементы, которые, скорее всего, можно отнести к народной памяти о какой-то ранней расе или особом классе какой-то ранней расы, знавшей секреты акушерства и использования лекарств, когда такие знания считались магическими. Но в каждом примере этой истории о повитухе есть зародыш идеи - независимо от того, какие другие идеи группируются вокруг нее, - что фей, как и духов, можно увидеть только с помощью внечеловеческого видения, или, как сказали бы исследователи психики, с помощью ясновидения".

[50] После этой замечательной истории миссис Джонс рассказала мне еще об одном своем очень редком психическом опыте, который мы приводим здесь, поскольку он иллюстрирует действие психологического закона ассоциации идей: "Мой муж, Прайс Джонс, утонул около сорока лет назад в четырех милях от Армс Хед, недалеко от Бангора, в пятницу в полдень; а в ту ночь около часа он явился мне в нашей спальне и положил голову мне на грудь. Я попыталась спросить его, откуда он взялся, но не успела я перевести дух, как он исчез. В тот момент я полагала, что он находится в море в полной безопасности и здоров. Но на следующий день, в субботу, около полудня пришло сообщение о его смерти. Я была в полном сознании, насколько это возможно, когда увидела дух своего мужа. Он вернулся ко мне во второй раз примерно через шесть месяцев". Если бы это произошло в Западной Ирландии, почти наверняка общественное мнение заявило бы, что Прайса Джонса *похитили* "дворяне" или "хорошие люди".

[51] Здесь мы видим, что *Tylwyth Teg* проявляют те же черты, что и валлийские эльфы в целом, корнуэльские пикси и бретонские *корриганы*, или *лютины*; то есть танцуют по ночам, крадут детей и обманывают путников.

[52] Это народное поверье частично подтверждает мнение, высказанное в нашей главе об окружающей среде, о том, что Сент-Дэвидс в языческие времена уже был священным местом, а затем, возможно, и местом друидического оракула.

[53] Здесь мы имеем пример отождествления *Tylwyth Teg* с доисторической расой, что вполне согласуется с аргументами теории пигмеев. Однако в качестве основной идеи мы имеем то, что *Тилвит Тег*, которые слышали пение, были духами этой доисторической расы. Таким образом, наше утверждение о том, что духи предков играют ведущую роль в верованиях фей, подтверждается, и теория пигмеев предстает в своем истинном относительном значении - как способная объяснить одну подчиненную этнологическую нить в сложной ткани верований.

[54] Эта история очень похожа на записанную Гиральдом Камбреном историю о мальчике, отправившемся в страну фей и вернувшемся к матери (см. настоящее исследование, с. 324). Возможность того, что это может быть независимая версия народной сказки, рассказанной Камбреном, которая продолжала жить в народе, делает ее очень интересной.

Мистер Джонс приводит дополнительные свидетельства о доктрине перерождения в Уэльсе (с. 388-9), а также о Мерлине и жертвоприношениях для умиротворения духов места (с. 436-7).

[55] В результате своих исследований преподобный Т. М. Морган только что опубликовал новую работу под названием "*История и древности прихода Ньючерч*" (Кармартен, 1910).

[56] В этих двух последних анекдотах, как и в современном "спиритизме", мы наблюдаем популярную практику некромантии или вызова духов, так называемой "материализации" духов и общения с духами через человеческого "медиума", которым является *dyn hysbys*, а также гадание, раскрытие скрытых вещей и предсказание будущих событий. Это прямое доказательство того, что валлийские феи или *Tylwyth Teg* раньше были для валлийцев тем же, чем духи являются для спиритуалистов сейчас. Таким образом, мы, похоже, имеем доказательство нашей Психологической теории (см. главу xi).

[57] Здесь мы имеем сочетание многих различных элементов и влияний. Как среди смертных, так и среди *Tylwyth Teg* есть король; эта концепция могла возникнуть непосредственно в результате антропоморфного влияния на древнюю бриттскую религию, или же она могла прийти непосредственно из друидических учений. Расположение *Гвидиона аб Дона*, как бога, в небесном мире, а не как его коллеги, *Гвинна аб Нудда*, в мире хадеса, вероятно, объясняется своеобразным смешением друидизма и христианства: сначала оба бога были, вероятно, друидическими или языческими и одинаковыми, но *Гвинн аб Нудд* стал демоном или злым богом под христианским влиянием, тогда как *Гвидион аб Дон*, кажется, любопытно сохранил свою первоначальную добрую репутацию, несмотря на христианство (ср. р. 320). Имя *Гвенхидв* сразу же напоминает нам об артуровской королеве *Гвенхивар* или "Белом явлении", а овца *Гвенхидв* вполне может быть объяснена с помощью натуралистической теории. Однако, похоже, что в воображении возникла аналогия между королевой *Гвенхидв*, напоминающей валлийскую Белую Леди или призрачное существо, и ее овцой, облаком, также обязательно имеющим призрачный характер. Все это является замечательной иллюстрацией большой сложности веры в фей.

[58] Параллель между этим валлийским методом наделения видениями и бретонским методом очень поразительна (см. с. 215).

[59] Вот суть истории, рассказанной мне джентльменом, живущим в окрестностях фермы, где, как говорят, был найден образ. Однажды он привел меня в дом и показал комнату и место в стене, где была сделана находка. Старинное поместье - одно из самых солидных и живописных в Уэльсе, и, несмотря на свой преклонный возраст, оно хорошо сохранилось. Он, будучи коренным валлийцем, хорошо знакомым с археологией этой местности, считает, что возраст поместья может составлять от шести до восьмисот лет. Что интересно в этом вопросе о возрасте, так это вопрос: было ли это изображение Девы Марии или какого-то христианского святого, или же это был идол друидов? В округе бытуют оба мнения, но многое говорит в пользу второго. Считается, что эта местность, небольшая долина, на склоне которой возвышается Пентр Эван Кромлех, самая красивая в Британии, была излюбленным местом древних друидов; А в дубовых рощах, которые до сих пор там сохранились, по преданию, когда-то процветала языческая школа для неофитов, и что кромлех, вместо того чтобы быть местом для погребения или жертвоприношений, в те времена был полностью закрыт, образуя, как и другие кромлехи, затемненную камеру, в которую на определенное количество дней помещали новичков при посвящении - внутренняя часть называлась "Матка или двор Серидвен".

[60] Это же средство прописывают в Бретани, когда озорные *лютины* или *корриганы* сбивают путника с пути, в Ирландии, когда *добрые люди* сбивают путника с пути; а в Роллрайте, Оксфордшир, Англия, одна старушка сказала мне, что оно эффективно против

сбивания с пути при помощи колдовства. Очевидно, что заклинание феи и заклинание ведьмы похожи.

[61] Подобную историю рассказывают в Нижней Бретани, где *корриганы* или *лютины* забивают жирную корову или быка фермера и приглашают его принять участие в пире, который он устраивает. Если он сделает это с добрым сердцем и юмором, то утром найдет свою корову или быка совершенно целыми, но если он откажется или присоединится к пиру не по своей воле, то утром, скорее всего, найдет свою корову или быка фактически мертвыми и съеденными".

[62] См. Sir John Rhys, *Celtic Folk-Lore: Welsh and Manx* (Oxford, 1901), *passim*.

[63] *Новый английский словарь* в разделе "*Пикси*" довольно туманно приводит шведское диалектное слово *pysg*, маленькая фея. В нем также упоминается *pix* как девонское наречие: "а *pix* take him". Подозреваю, что последнее - лишь *умлаутная* форма обычного шекспировского проклятия. Если нет, то это интересно и напоминает о судьбе Марджери Доу: "Piskies came and carr'd her away".

[64] "Некоторые говорят, что финикийцы вообще никогда не приходили в Корнуолл, и что их Иктис был Вектисом (остров Уайт) или даже Танетом" - Генри Дженнер.

[65] 'This is, I think, the usual Cornish belief.' - Henry Jenner.

[66] "Около Порт-Курноу и скалы Логан есть небольшие участки земли на гранитных утесах, где растут морские маргаритки (*thrift*) и другие дикие цветы. Они относятся к морским пискам и известны как "сады писков"" - Генри Дженнер.

[67] Другой корнуоллец рассказал мне, что в духе муниципального соперничества и веселья жители Пензанса любят дразнить жителей Ньюлина (теперь это почти пригород Пензанса), называя их *Виссас*, и что жители Ньюлина очень обижаются, когда их так называют. Таким образом, то, что, несомненно, изначально было древним культом какого-то местного морского божества по имени *Бакка*, сохранилось в виде народного юмора. (См. "Введение" мистера Дженнера, с. 164.)

[68] "Другая версия, более распространенная, гласит, что писки помазали глаза человека и таким образом сделали себя видимыми" - Генри Дженнер.

[69] Это естественный выход зеленого камня на возвышенности прямо над викариатством в Ньюлине, и о нем сохранилось множество странных легенд. В дохристианские времена это было, вероятно, одно из священных мест Корнуолла для проведения древних обрядов - вероятно, в честь Солнца - и для гаданий.

[70] Подробнее о тролле Толкарне см. главу "Кельтское возрождение" стр. 391.

[71] Мистер Джон Б. Корниш, адвокат из Пензанса, рассказал мне, что, когда он однажды предположил старому шахтеру, который полностью верил в "стучащих", что шумы, которые они якобы издают, вызваны материальными причинами, старый шахтер был весьма раздражен и сказал: "Ну, я полагаю, у меня есть уши, чтобы слышать".

[72] За корнуолльским фольклором, уже опубликованным мисс М. А. Кортни, читатель отсылается к ее работе "*Корнуолльские праздники и народные предания*" (Пензанс, 1890).

[73] Любопытный камень с отверстиями, стоящий между двумя низкими менгирами на болотах за дольменом Ланьон, недалеко от Мадрона; но во времена Борлаза (см. его

"Древности Корнуолла", изд. 1769, с. 177) три камня не располагались, как сейчас, на одной прямой линии. Мен-ан-Тол вызвал много спекуляций среди археологов относительно его возможного использования или значения. Несомненно, он имел астрономическое и религиозное значение; возможно, это был камень-календарь, с помощью которого древние жрецы вели наблюдения за солнцем (см. Sir Norman Lockyer, *Stonehenge and Other Stone Monuments*); или же он мог быть как-то иначе связан с культом солнца или с какими-то языческими обрядами посвящения.

[Я спросил, что такое нат, и мистер Спрэгг объяснил: "Нат - это птица с клювом, как у попугая, и черными и серыми перьями. Наты живут на морских островах в норах, как кролики, и прежде чем начать летать, сначала бегут". Нат, как сообщил мне мистер Генри Дженнер, это то же самое, что и синица (*Fratercula arctica*), которую в Корнуолле называют также "морским попугаем".

[75] Иногда необходимо вывернуть пальто наизнанку. Один человек из Зеннора сказал, что то же самое можно проделать с носками или чулками. В Ирландии это странное психологическое состояние сбивания с пути возникает, когда идешь по владениям фей, по запутанному соду или попадаешь в проход фей.

[76] Ср. F. M. Luzel, *Contes populaires de Basse-Bretagne* (Paris, 1887), i. 177-97; после рассказа Анн Дранн, служанки в Coat-Fual, Plouguernevel (Côtes-du-Nord), в ноябре 1855 года.

[77] Мой бретонский друг, М. Гульвен Ле Скур, родился 20 ноября 1851 г. в Керуледики в Плуневенере (Финистер). Он антиквар, поэт и, как мы увидим, фольклорист немалых способностей. В 1902 году на конгрессе бретонских поэтов и певцов в Орее он получил две премии за поэзию, а в 1901 году - премию на конгрессе в Квимперле или на конгрессе поэтических сборников.

[78] Эта история касается еще живых людей, но по предложению месье Ле Скура я опустил их имена.

[79] В одной из семей Карнака мне подарили веточку этого благословенного дерева и заверили, что его изгоняющая сила до сих пор признается всеми старыми бретонскими семьями, большинство из которых, похоже, имеют его ветви.

[80] Эта идея, по-видимому, связана с распространенной в Морбиане легендой о том, как святой Корнели, покровитель страны и святой, возглавляющий выравнивания и домашних рогатых животных, превратил в вертикальные камни противостоящие ему языческие силы, когда он прибыл в Карнак; эти камни теперь являются знаменитыми выравниваниями Карнака.

[81] Luzel, op. cit., iii. 226-311; i. 128-218; ii. 349-54.

[82] Ib., ii. 269; ср. наше исследование, стр. 93.

[83] Согласно примечаниям к легенде, записанной Вилльмарке в его "Барзас Брейз", стр. 39-44, и озаглавленной "Погружение Вилль д'Ис", Святой Геноле традиционно был основателем первого монастыря, возведенного в Арморике; а принцесса Дахут украла ключ у своего спящего отца, чтобы достойно увенчать банкет и полуночный разврат, которые устраивались в честь ее любовника, Черного Принца.

[84] Luzel, op. cit., ii. 257-68; i. 3-13.

[85] P. Sébillot, *Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne* (Paris, 1882), i. 100.

[86] Общие ссылки: Sébillot, *ib.*; и его *Folk-Lore de France* (Paris, 1905).

[87] Sébillot, *Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne*, i. 73-4.

[88] *Ib.*, i. 102, 103-4.

[89] Sébillot, *Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne*, i. 83.

[90] *Ib.*, i. 90-1.

[91] Cf. *ib.*, i. 109.

[92] Cf. *ib.*, i. 74-5, &c.

[93] Cp. Sébillot, *Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne*, i. 74-5, &c.

[94] В Нижней Бретани племена *корриганов* вместе обычно называются *коррикет*, мужское множественное число от *коррик*, уменьшительное от *корр*, что означает "карлик"; или *корриганед*, женское множественное число от *корриган*, что означает "маленький карлик". Используются и многие другие формы. (Cp. R. F. Le Men, *Trad. et supers. de la Basse-Bretagne*, in *Rev. Celt.*, i. 226-7.)

[95] Cp. *Foyer breton*, i. 199.

[96] By 'E. R.', в *Mélusine* (Paris), i. 114.

[97] Этот рассказ о *корриганах*, более рациональный, чем все предыдущие, возможно, относится к сну или трансовому состоянию сознания молодой девушки; и если это так, то мы можем сравнить присутствие смертного на этом *корриганском* саббате или даже на обычном ведьмовском саббате с присутствием смертного в Сказочной стране. А согласно распространенному бретонскому поверью, как уверяют меня надежные крестьяне, во время сна, транса или экстаза душа якобы отделяется от тела и действительно видит всевозможных духов в другом мире, а затем попадает под их влияние. Хотя многие детали в более обычных историях *корриганов*, похоже, отражают народную память о религиозных танцах и песнях, а также расовые, социальные и традиционные обычаи древних бретонцев, анимистическая подоплека этих историй могла возникнуть из психических переживаний, подобных тем, которые, как предполагается, были у этой девушки.

[98] Villemarqué, *Barzaz Breiz* (Paris, 1867), pp. 33, 35.

[99] J. Loth, в *Annales de Bretagne* (Rennes), x. 78-81.

[100] E. Renan, *Essais de morale et de critique* (Paris, 1859), p. 451.

[101] В Ирландии принято считать, что провидец, видящий фею, может заставить не видящего увидеть ее также, вступив с ним в телесный *контакт* (см. с. 152).

[102] Иногда считается, что призрачные прачки проходят покаяние за то, что своей работой они намеренно довели до аборта, или за то, что задушили своего ребенка.

[103] В каждом приходе в незагрязненных частях Бретани есть свой *Анку*, который является последним человеком, умершим в приходе в течение года. Каждый Король Мертвых, таким образом, никогда не занимает свой пост более двенадцати месяцев, поскольку за это время у него обязательно появляется преемник. Иногда *Анку* - это олицетворение самой Смерти. В Морбиане *Анку* иногда можно увидеть в виде привидения, входящего в дом, где должна произойти смерть; хотя чаще его никогда не видят, а только слышат его стук, что является

правилом в Финистере. В валлийской мифологии Гвинн аб Нудд, король мира мертвых, представлен как исполнитель роли, аналогичной роли бретонского *Анку*, когда он со своими свирепыми гончими охотится за душами умирающих. (Ср. Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 155.)

[104] Ср. A. Le Braz, *La Légende de la Mort*; Introduction by L. Marillier (Paris, 1893), pp. 31, 40.

[105] Ср. Le Braz, *La Légende de la Mort*; Introduction by Marillier, pp. 47, 46, 7-8, 40, 45, 46.

[106] Ср. Le Braz, *La Légende de la Mort*; Introduction by Marillier, p. 43.

[107] Там же; примечания Г. Доттина (Париж, 1902), с. 44.

[108] Там же; введение Марилье, с. 19, 23, 68.

[109] Ср. там же; введение Марилье, с. 53 и далее, 68.

[110] Бретонское ночное развлечение, проводимое в крестьянском домике, хлеву или другой теплой пристройке. В тех частях Морбиана и Финистера, где старая кельтская жизнь избежала современных влияний, почти каждую зимнюю ночь бретонские кельты, как и их кузены в очень изолированных частях Западной Ирландии и на Западных Гебридах, находят свое главное удовольствие в праздниках рассказывания историй, на некоторых из которых мне довелось побывать.

[111] Слово в MS. - *boiteux*, и по отношению к дьяволу или демону это кажется правильным переводом.

[112] B. Spencer and F. T. Gillen, *Nat. Tribes of Cent. Aust.* (London, 1899), главы xi, xv.

[113] R. H. Codrington, *Journ. Anthropol. Inst.* x. 261; *The Melanesians* (Oxford, 1891), pp. 123, 151, &c.; также ср. F. W. Christian, *The Caroline Islands* (London, 1899), pp. 281 ff., &c.

[114] H. Callaway, *The Religious System of the Amazulu* (London, 1868), pp. 226-7.

[115] C. G. Leland, *Memoirs* (London, 1893), i. 34.

[116] R. C. Temple, *Legends of the Panjab*, in *Folk-Lore*, x. 395.

[117] W. W. Skeat, *Malay Magic* (London, 1900), *passim*.

[118] Hardouin, *Traditions et superstitions siamoises*, in *Rev. Trad. Pop.*, v. 257-67.

[119] Ella G. Sykes, *Persian Folklore*, in *Folk-Lore*, xii. 263.

[120] За эту информацию я непосредственно обязан своему другу, члену Линкольн-колледжа в Оксфорде, г-ну Мухаммеду Саиду Лутфи из Баркейна, Нижний Египет. Г-н Лутфи часто и очень близко соприкасался с этими анимистическими верованиями в своей стране, и он сказал мне, что они являются общими для всех классов почти всех рас в современном Египте. Распространенные египетские названия духовных существ - *afreet* в единственном числе и *afaareet* во множественном - обычно описываются людьми как существа карликового роста, но способные принимать различные размеры и формы. *Джинны*, напротив, описываются как высокие духовные существа, обладающие огромной силой".

[121] J. C. Lawson, *Modern Greek Folk-Lore* (Cambridge, 1910), pp. 131-7, 139-46, 163.

[122] L. Sainéan, *Les Fées méchantes d'après les croyances du peuple roumain*, in *Mélusine*, x. 217-26, 243-54.

[123] Cp. C. G. Leland, *Etruscan Roman Remains in Pop. Trad.* (London, 1892), pp. 162, 165, 223, &c.

[124] H. C. Coote, *The Neo-Latin Fay*, in *Folk-Lore Record*, ii. 1-18.

[125] Мы не можем здесь даже в общих чертах изложить все сложные этнологические аргументы за и против существования в доисторические времена европейских карликовых рас. Однако следует обратить внимание на замечательные находки, сделанные недавно в *Громе детей* в Ментоне (Франция). Некоторое количество хорошо сохранившихся скелетов, вероятно, самых ранних людей, обитавших на нынешней поверхности Европы, которые были найдены там, позволяют предположить, что арийской расе предшествовали различные расовые группы, возможно, сменявшие друг друга. Первая раса, на которую указывают два небольших скелета негроидной расы - женщины ростом 1 580 мм. (62-21 дюйм), и мальчика 1 540 мм. (60-63 дюйма), найденные в самой нижней части *Грома*, вероятно, были эфиопами. Последующая раса, вероятно, была монгольской, судя по другим останкам, найденным в другой части того же *Грома*, и особенно по скелету Шанселада с его явно эскимосской внешностью, высотой всего 1 500 мм. (59-06 дюймов) в высоту, обнаруженный недалеко от Перинья, Франция. Возможно, раса, сменившая эту, была той, из которой развилась наша арийская раса. В связи с теорией пигмеев эти недавние находки имеют огромное значение. Они подтверждают ранее сделанный доктором Уиндлом вывод о том, что, вопреки аргументам, выдвинутому в поддержку теории пигмеев, неолитические расы Центральной Европы не были настоящими пигмеями - людьми, чей средний рост не превышает четырех футов девяти дюймов (см. B. C. A. Windle, *Tyson's Pygmies of the Ancients*, London, 1894, Introduction). Кроме того, эти находки показывают, насколько это возможно по имеющимся этнологическим данным, что нет веских оснований полагать, что на европейских и, следовательно, кельтских землях когда-то господствовали пигмеи, даже в эпохи настолько отдаленные, что мы можем исчислять их лишь десятками тысяч лет. Тем не менее, весьма вероятно, что народная память о лапландцах, пиктах или других малых, но не настоящих пигмейских расах, поверхностно окрасила современные сказочные традиции Северной Шотландии, Западных Гебридских островов (где, несомненно, сохранились дома лапландцев или пиктов), Северной Ирландии, острова Мэн и незначительно, если вообще возможно, сказочные традиции других частей кельтского мира (см. Дэвид Макричи, *"Свидетельство традиции"*, Лондон, 1890; и его критика нашей собственной психологической теории в *"Кельтском обозрении"*, октябрь 1909 и январь 1910, озаглавленные соответственно *"Новое решение проблемы фей"* и *"Друиды и жители курганов"*).

Опять же, очень маленькие кремневые орудия, часто встречающиеся в кельтских землях и других местах, возможно, очень обоснованно приписываются давно забытой расе пигмеев; хотя в этой связи мы должны помнить, что было бы очень неразумно делать однозначный вывод о том, что никакая раса, кроме малорослой, не могла изготавливать и использовать такие орудия: Американские краснокожие люди, когда их обнаружили европейцы, делали и использовали мельчайшие наконечники стрел, точно такие же по размеру и дизайну, как те, что были найдены в кельтских землях и приписывались пигмеям. Использование небольших кремневых орудий для специальных целей, например, стрел для стрельбы по мелкой дичи, например, птицам, для ловли рыбы и для использования в военных действиях в качестве отравленных стрел, по-видимому, было характерно для большинства первобытных народов нормального роста. Современные расы пигмеев, далекие от кельтских земель, также используют их, и, несомненно, их доисторические предки использовали их точно так же".

- [126] J. G. Campbell, *The Fians* (London, 1891), p. 239. Ирландский карлик подробно описан в *Silva Gadelica* (ii. 116), перевод О'Грейди. Опять же, в "*Морте д'Артуре*" Мэлори (В. XII. cc. i-ii) упоминается карлик.
- [127] Campbell, *The Fians*, p. 265.
- [128] S. H. O'Grady, *Silva Gadelica* (London, 1892), ii. 199.
- [129] Комментарий к *Senchas Már*, i. 70-1, перевод Стоукса, в *Rev. Celt.*, i. 256-7.
- [130] Sir John Rhÿs, *Hibbert Lectures* (London, 1888), p. 592. Гномы, обладающие сверхъестественным характером, также появляются в "*Мабиногионе*", и один из них является слугой короля Артура. В "*Тристане*" Бераля карлик Фросин искусен в астрологии и магии, а в версии Томаса мы находим аналогичное упоминание.
- [131] Tylor, *Prim. Cult.*, ⁽⁴⁾i. 385.
- [132] Cp. Windle, op. cit., Intro., p. 57.
- [133] Hunt, *Anthrop. Mems.*, ii. 294; cp. Windle, op. cit., Intro., p. 57.
- [134] Smith, *Myths of the Iroquois*, in *Amer. Bur. Eth.*, ii. 65.
- [135] Skeat, *Malay Magic*, p. 329.
- [136] Monier-Williams, *Brāhminism and Hindūism* (London, 1887), p. 236.
- [137] Codrington, *The Melanesians*, p. 152.
- [138] *Dwarfs in the East*, in *Folk-Lore*, iv. 401-2.
- [139] Lacouperie, *Babylonian and Oriental Record*, v; cp. Windle, op. cit., Intro., pp. 21-2.
- [140] A. H. S. Landor, *Alone with the Hairy Ainu* (London, 1893), p. 251; также Windle, op. cit., Intro., pp. 22-4.
- [141] J. G. Frazer, *Golden Bough*⁽²⁾ (London, 1900), i. 248 ff.
- [142] Cp. A. Wiedemann, *Ancient Egyptian Doctrine Immortality* (London, 1895), p. 12.
- [143] Cp. A. E. Crawley, *Idea of the Soul* (London, 1909), p. 186.
- [144] Примеры: фреска Орканьи "Триумф смерти" в пизанском Кампо Санто (см. A. Wiedemann, *Anc. Egy. Doct. Immort.*, p. 34 ff.); и над папертью соборной церкви Святого Трофима в Арле.
- [145] Cp. Crawley, op. cit., p. 187.
- [146] Общие ссылки: Элифас Леви, *Dogme et Rituel de la Haute Magie* (Париж); Парацельс; A. E. Waite, *The Occult Sciences* (London, 1891).
- [147] W. B. Yeats, *Irish Fairy and Folk-Tales* (London), p. 2.
- [148] W. B. Yeats, *The Celtic Twilight* (London, 1902), p. 92 n.
- [149] В связи с этим следует прочесть "Введение" мистера Дженнера, стр. [167 и далее](#).

[150] Cp. Cririe, *Scottish Scenery* (London, 1803), pp. 347-8; P. Graham, *Sketches Descriptive of Picturesque Scenery on the Southern Confines of Perthshire* (Edinburgh, 1812), pp. 248-50, 253; Mahé, *Essai sur les Antiquités du Départ. du Morbihan* (Vannes, 1825); Maury, *Les Fées du Moyen-Age* (Paris, 1843).

[151] Дэвид МакРичи, *Друиды и жители курганов*, в "Кельтском обозрении" (январь 1910 г.); и его "Свидетельство традиции".

[152] K. Meyer and A. Nutt, *Voyage of Bran* (London, 1895-7), ii 231-2.

[153] Cp. Tylor, *Prim. Cult.*, ⁴ii. 61.

[154] Lawson, *Modern Greek Folklore*, pp. 356, 359.

[155] Rhÿs, *Hib. Lect.*, p. 201; Jubainville, *Cyc. Myth. Irl.*, pp. 106-8.

[156] E. O'Curry, *Manners and Customs* (Dublin, 1873), I. cccxx; из *Book of Ballymote*, fol. 145, b. b.

[157] Codrington, *The Melanesians*, p. 286.

[158] *Ib.*, p. 275.

[159] *Ib.*, pp. 226, 208-9.

[160] Crawley, *Idea of the Soul*, p. 114.

[161] Codrington, *The Melanesians*, p. 289.

[162] *Ib.*, p. 194.

[163] Cp. Crawley, *Idea of the Soul*, chap. iv.

[164] Подробное и научное обсуждение этого вопроса см. в J. L. Nevius, *Demon Possession* (London, 1897).

[165] N. G. Mitchell-Innes, *Birth, Marriage, and Death Rites of the Chinese*, in *Folk-Lore Journ.*, v. 225. Очень любопытно, что языческая китайская мать использует крестное знамение против демона, как кельтские матери используют его против фей; и ни один католический или протестантский экзорцизм, чтобы вылечить подмененную фею или изгнать одержимых демонов, никогда не проводится без этого всемирного и дохристианского крестного знамения (см. стр. 270-1).

[166] R. R. Marett, *The Threshold of Religion* (London, 1909), p. 58, &c.; p. 67.

[167] W. James, *Confidences of a 'Psychical Researcher'*, в *American Magazine* (октябрь 1909 г.).

[168] Frazer, *The Golden Bough*⁽³⁾ (London, 1911), i. 220.

[169] Frazer, *The Golden Bough*,⁽³⁾ i. 221-2.

[170] *Ib.*, chap. iv.

[171] См. Apuleius, *De Deo Socratis*; Cicero, *De Natura Deorum* (lib. i); Iamblichus, *De Mysteriis Aegypt., Chaldaeor., Assyrior.*; Plato, *Timaeus, Symposium, Politicus, Republic*, ii. iii. x; Plutarch, *De Defectu Oraculorum, The Daemon of Socrates, Isis and Osiris*; Proclus, *Commentarius in Platonis Alcibiadem*.

[172] Плиний, *Естественная история*, xxx. 14.

[173] Ср. G. Dottin, *La Religion des Celtes* (Paris, 1904), p. 44.

[174] Неоплатоники, включая Порфирия, Юлиана, Иамблиха и Максима, будучи убежденными в силе человека вызывать и управлять духами, называли белую магию *теургией*, или вызыванием добрых духов, и обратную *гоэтию*, или вызыванием и управлением злыми духами в преступных целях. Ср. F. Lélut, *Du Démon de Socrate* (Paris, 1836).

Если белую магию соотнести с религией в том виде, в каком она понимается в народе, а именно с культом сверхъестественных сил, дружественных человеку, а черную магию соотнести с магией в том виде, в каком она понимается в народе, а именно с колдовством и дьяволопоклонничеством, то мы получим удовлетворительную историческую и логическую основу для проведения различия между религией и магией; религия (включая белую магию) - это социальное благо, магия (черная магия) - это социальное зло. Такое различие, как проводит д-р Фрейзер, несостоятельно в области истинной магии".

[175] Ср. B. Jowett, *Dialogues of Plato* (Oxford, 1892), i. 573.

[176] Ср. Meyer and Nutt, *Voyage of Bran* (London, 1895-7), i. 146.

[177] Campbell, *The Fians*, p. 195.

[178] Ср. перевод Стоукса в *Rev. Celt.*, i. 261.

[179] Ср. перевод Стоукса в *Rev. Celt.*, xv. 307.

[180] Из концепции Монгана, см. Meyer, *Voyage of Bran*, i. 77.

[181] Процитировано и обобщено в "Проекторах злобного животного магнетизма", в "Литературном сборнике", xxxix. No. 17, pp. 676-7 (Нью-Йорк и Лондон, 23 октября 1909 г.).

[182] Ср. Nevius, *Demon Possession*, pp. 300-1.

[183] Более полное обсуждение истории колдовства см. в "Суевериях колдовства" Говарда Уильямса, Лондон, 1865.

[184] Ср. J. Quicherat, *Procès* (Paris, 1845), *passim*.

[185] *Ib.*, i. 178.

[186] Codrington, *The Melanesians*, pp. 127, 200, 202-3 ff.

[187] Bergier, *Dict. de Théol.* (Paris, 1848), ii. 541-2, &c.

[188] W. Stokes, *Tripartite Life* (London, 1887), pp. 13, 115.

[189] Я лично обязан доктору У. Дж. Уотсону из Эдинбурга за то, что он обратил мое внимание на этот любопытный отрывок и указал на его возможное значение в связи с друидической практикой.

[190] Adamnan, *Life of S. Columba*, B. II, cc. xvi, xvii.

[191] За этот факт я лично обязан миссис У. Дж. Уотсон из Эдинбурга.

[192] Stokes, *Tripartite Life*, pp. clxxx, 303, 305; из *Book of Armagh*, fo. 9, A 2, и fo. 9, B 2.

[193] Bergier, *Dict. de Théol.*, ii. 545, 431, 233.

[194] См. *Instruction sur le Rituel*, par l'Évêque de Toulon, iii. 1-16. В греческом обряде (крещения) священник трижды дышит на рот, лоб и грудь катехумена, молясь, чтобы каждый нечистый дух был изгнан. Bright, *Canons of First Four General Councils* (Oxford, 1892), p. 122.

[195] Cp. Godescard, *Vies des Saints* (Paris, 1835), xiii. 254-66.

[196] *De Incarnatione Verbi* (ed. Ben.), i. 88; cp. Godescard, op. cit., xiii. 254-66.

[197] Godescard, *Vies des Saints*, xiii. 263-4.

[198] Par Joly de Choin, Évêque de Toulon, i. 639.

[199] Bergier, *Dict. de Théol.*, ii. 335.

[200] Stokes, *Tripartite Life*, Intro., p. 162.

[201] J. E. Mirville, *Des Esprits* (Paris, 1853), i. 475.

[202] *Instructions sur le Rituel*, par Joly de Choin, iii. 276-7.

[203] G. Evans, *Exorcism in Wales*, in *Folk-Lore*, iii. 274-7.

[204] W. Crooke, in *Folk-Lore*, xiii. 189-90.

[205] О древних обычаях см. F. Lenormant, *Chaldean Magic* (London, 1877), pp. 103-4; Iamblichus и другие неоплатоники; а о современных обычаях см. Marett, *Threshold of Religion*, chap. iii.

[206] Cp. Marett, *Is Taboo a Negative Magic?* in *The Threshold of Religion*, pp. 85-114.

[207] Codrington, *The Melanesians*, p. 277.

[208] Eastman, *Dacotah*, p. 177; cp. Tylor, *Prim. Cult.*, ⁴ii. 52 n.

[209] Shortland, *Trad. of New Zeal.*, p. 150; cp. Tylor, op. cit., ii. 51-2.

[210] Подобно кельтским крестьянам, примитивные народы часто не принимают во внимание тот факт, что физическое тело в действительности остается позади при вхождении в трансное состояние сознания, известное им как мир ушедших и фей, поскольку там они, как им кажется, все еще имеют тело, призрачное тело, которое, по их мнению, в таком состоянии неотлично от физического тела. Поэтому они обычно верят, что и тело, и душа забираются".

[211] Frazer, *Golden Bough*, ²passim.

[212] Cp. ib., i. 344 ff., 348; iii. 390.

[213] Codrington, *The Melanesians*, pp. 177, 218-9.

[214] Cp. Eleanor Hull, *Old Irish Tabus or Geasa*, in *Folk-Lore*, xii. 41 и далее.

[215] Cp. Frazer, *Golden Bough*, ⁽²⁾i. 233 ff., 343.

[216] Cp. E. J. Gwynn, *On the Idea of Fate in Irish Literature*, in *Journ. Ivernian Society* (Cork), April 1910.

[217] Ср. наши свидетельства, с. 38, 44; также "Тайное содружество" Кирка (с. i), где говорится о "добрых людях" или феях, что их тела так "легко поддаются ловкости духов, которые их возбуждают, что они могут заставить их появляться или исчезать по своему желанию. У некоторых из них тела или транспортные средства настолько пружинистые, тонкие и неживые, что они питаются, только всасывая некоторые тонкие спиртовые растворы, которые пронзают как чистый воздух и масло".

[218] *Laws*, iv; cp. Jowett, *Dialogues of Plato*, v. 282-90.

[219] Главные общие ссылки: *Le Cycle Mythologique Irlandais* (Paris, 1884) и *L'Épopée celtique en Irlande* (Paris, 1892) - обе работы Н. D'Arbois de Jubainville. Основные источники: *Книга Армага*, собрание церковных рукописей, написанное, вероятно, в Армаге и законченное в 807 г. н. э. ученым писцом Фердомнахом из Армага; *Leabhar na h-Uidhre* или "Книга Корольского Дуна", древнейшее из больших собраний рукописей, содержащих старые ирландские романы, составленное около 1100 г. н. э. в монастыре Клонм. 1100 г. в монастыре Клонмакнойс; *Книга Лейнстера*, составленная в XII в. Финном Мак Горманом, епископом Килдара; *Желтая книга Лекана* (XV в.); и *Книга Лисмора*, старинный ирландский сборник, найденный в 1814 г. рабочими при ремонте замка Лисмор и предположительно относящийся к XV веку. *Книга Лисмора* содержит *Agallamh na senórach* или "Беседу древних", которая была отредактирована С. Х. О'Грейди в его *Silva Gadelica* (Лондон, 1892), а также Уитли Стоуксом, *Ir. Texte*, iv. 1. О дополнительных текстах и изданиях текстов см. примечания Р. И. Беста к его переводам *Le Cycle Mythologique Irlandais* (Dublin, 1903).

[220] Cp. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 144-5.

[221] Cf. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 266-7. Судя по тому, как они описаны во многих старых ирландских манускриптах, мы можем считать, что Туатха Де Дананн в какой-то степени отражают особенности раннего человеческого населения Ирландии. Другими словами, на уже процветающую веру в духовных существ, известных как *сидхе*, была наложена, посредством антропоморфизма, ирландская народная память о покоренной докельтской расе людей, которые утверждали, что происходят от богини-матери по имени Дана.

[222] Стр. 10, цв. 2, лл. 6-8; cp. *Le Cycle Myth. Irl.*, p. 143.

[223] *Rhÿs, Hib. Lect.*, p. 581 n.; и *Cóir Anmann*, in *Ir. Texte*, III, ii. 355.

[224] Перевод Куно Мейера в *Voy. of Bran*, ii. 300.

[225] Cp. Standish O'Grady, *Early Bardic Literature* (London, 1879), pp. 65-6.

[226] Л. У.; cp. A. Nutt, *Voy. of Bran*, i. 157-8.

[227] Перед появлением Кейлта Патрик читает мессу и произносит благословение "на рати, в которой был Финн Мак Кумалл (убитый лидер Фианны): рати Драмдерга". Эти песнопения и благословение действуют магически, вызывая призраков других Фианн, ибо, как говорится далее в тексте, после этого "клирики увидели, как к ним приближается Каилте и его отряд; и страх охватил их перед высокими людьми с огромными волкодавами, которые сопровождали их, ибо они не были людьми одной эпохи или одного времени с духовенством. И тогда выдающийся человек Неба, этот столп достоинства и ангел на земле, сын Кэлпурна Патрик, апостол гэлов, поднялся и взял аспергилл, чтобы окропить святой водой великих людей, над

которыми до этого дня парили тысячные легионы демонов. На холмы и "скальпы", на внешние границы области и страны, демоны сразу же ушли во всех направлениях; после чего огромные мужи сели" (*Silva Gadelica*, ii. 103). Здесь, несомненно, мы наблюдаем литературный метод рационализации призраков Фианны; их внезапное и таинственное появление и личные аспекты можно сравнить с внезапным и таинственным появлением и личными аспектами Туатха Де Дананн, как записано в некоторых ирландских рукописях.

[228] Перевод Куно Мейера в *Rev. Celt.*, x. 214-27. Этому рассказу, вероятно, уже девятый или десятый век, если говорить о его нынешней форме, хотя он представляет собой очень древние традиции (Nutt, *Voy. of Bran*, i. 209).

[229] Stokes's trans. in *Rev. Celt.*, xxii. 36-40. Этот текст - один из самых ранних, содержащих упоминания о сказочных существах, и может восходить к восьмому или девятому веку как литературное произведение, хотя в нем также представлены гораздо более древние традиции.

[230] E. O'Curry, *Lectures on Manuscript Materials* (Dublin, 1861), p. 504.

[231] В *Книге Лейнстера*, стр. 245-6; ср. *Le Cycle Myth. Irl.*, p. 269.

[232] Ср. *Меска Улад*, изд. Хеннесси, в *Todd Lectures*, Ser. 1 (Dublin, 1889), p. 2.

[233] Ср. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 273-6.

[234] Ср. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 273-6.

[235] Ср. *Silva Gadelica*, ii. 222-3.

[236] *Ib.*, ii. 343-7.

[237] *Ib.*, ii. 94-6.

[238] *Silva Gadelica*, ii. 204-20.

[239] *Silva Gadelica*, ii. 290-1. Во многих старых текстах смертных не *забирают* насильно, а отправляют в мир фей через любовь к женщине-фее или для того, чтобы выполнить там какую-то миссию.

Несомненно, самыми любопытными элементами в этом тексте являются те, которые представляют принца и его спутников-воинов, только что прибывших из Сказочной страны, как неким таинственным образом измененных, что они не должны ни сходить с коней и соприкасаться с землей, ни позволять кому-либо из смертных прикасаться к ним; ибо своему отцу-королю, который вышел вперед в радости, чтобы обнять его после оплакивания его как мертвого, Лэгайр сказал: "Подойди к нам, чтобы не прикасаться к нам! Какая-то неизвестная магическая трансформация тела, похоже, произошла от их пребывания среди Туатха Де Дананн, вечно юных и неувядающих, - трансмутация, по-видимому, совершенно такая же, как та, которую, как говорят сейчас, совершают "дворяне", когда кто-то из нашей расы переезжает к ним жить. И во всех сказочных историях ни один смертный не возвращается из Сказочной страны ни на день старше, чем при входе в нее, сколько бы лет ни прошло. Эта идея напоминает нам о мечтах средневековых алхимиков, которые считали, что существует, если только его открыть, некое волшебное зелье, которое так преобразует каждый атом человеческого тела, что смерть никогда не сможет повлиять на него. Вероятно, христианский писец, записывая эти странные слова, имел в виду то, что Иисус сказал Марии Магдалине, когда она увидела его после воскресения: "Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не вознесся к

Отцу". Параллель в любом случае была бы поразительной и точной, ведь записано, что Иисус после того, как воскрес из мертвых - вышел из Аида или невидимого царства субъективности, которое тоже является Сказочной страной, - явился одним и не явился другим: одни смогли узнать его, а другие нет; и относительно природы тела Иисуса при вознесении не все богословы согласны. Некоторые считают, что это было физическое тело, очищенное и преобразованное таким образом, чтобы быть похожим или таким же, как духовное тело, и, таким образом, способное быть невидимым и войти в царство духа. Шотландский священник и провидец использовал ту же параллель при описании природы и силы фей и духов (стр. 91); отсюда следует, если мы признаем христианское влияние в ирландском тексте, что ранние, как и современные христиане, в соответствии с христианством описывали природу *сидхе* так, чтобы она соответствовала тому, что мы знаем о ней в самой вере фей, как в древности, так и в наши дни.

[240] *Смерть Муурхертахы*, перевод Стоукса, в *Rev. Celt.*, xxiii. 397.

[241] Ср. J. Loth, *Les Mabinogion* (Paris, 1889), i. 38-52.

[242] *Silva Gadelica*, ii. 187-92.

[243] *Silva Gadelica*, ii. 142-4.

[244] Campbell, *The Fians*, pp. 79-80. В *Silva Gadelica*, ii. 522, говорится, что мать Оссиана родила его в виде лани. Мать Оссиана в облике животного может быть примером древнего кельтского тотемистического выживания.

[245] *Silva Gadelica*, ii. 311-24.

[246] *Silva Gadelica*, ii. 311-24.

[247] Перечисление вождей Туатха Де Дананн и их соответствующих территорий см. в *Silva Gadelica*, ii. 225.

[248] Ср. *Le Cycle Myth. Irl.*, p. 285.

[249] За эти имена я лично обязан доктору Дугласу Хайду.

[250] Ср. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 284-9; ср. *Rev. Celt.*, iii. 347.

[251] Ср. E. S. Hartland, *Science of Fairy Tales* (London, 1891), cc. x-xi.

[252] Stokes's trans. in *Rev. Celt.*, xvi. 274-5.

[253] *Silva Gadelica*, ii. 222 ff.; ii. 290. В другой версии второй сказки, упомянутой выше (на стр. 295), Лэгайр и его пятьдесят спутников попадают в мир фей через дун.

[254] Иногда, как в "*Хостеле Да Чока*" (*Rev. Celt.*, xxi. 157, 315), Бадб появляется в виде странной женщины, произносящей пророчества. В данном случае Бадб наблюдает за Кормаком, когда наступает его гибель. Она описывается как стоящая на одной ноге и с закрытым глазом (по-видимому, в позе птицы), она скандирует Кормаку такое пророчество: "Я стираю сбрую короля, который погибнет".

[255] Синонимичные имена: Бадб-катха, Феа, Ана. Ср. *Rev. Celt.*, i. 35-7.

[256] Ср. Хеннесси, *Древнеирландская богиня войны*, в *Rev. Celt.*, i. 32-55.

[257] Stokes, *Second Battle of Moytura*, in *Rev. Celt.*, xii. 109-11.

[258] Luzel, *Contes populaires de Basse Bretagne*, iii. 296-311.

[259] Кельтские примеры напоминают некельтские: ворон был священным у древних скандинавов и германцев, считаясь эмблемой Одина; в Древнем Египте и Риме, и в меньшей степени в Древней Греции, боги часто объявляли свою волю через птиц или даже принимали их облик; в христианских писаниях Дух Божий или Святой Дух сошел на Иисуса при его крещении в облике голубя; и почти во всем мире принято символизировать человеческую душу в виде птицы или бабочки. Возможно, подобные верования являются реликтами тотемистического вероучения, которого в давно минувшие исторические времена столь же определенно придерживались предки древних народов, включая древних кельтов, как и любое тотемистическое вероучение, встречающееся сейчас у коренных австралийцев или североамериканских краснокожих. Во всяком случае, в истории о птичьем происхождении Конайра мы, кажется, имеем совершенно ясный пример выживания кельтского тотемизма - даже если доктор Фрейзер не признает его таковым (ср. *Rev. Celt.*, xxii. 20, 24; xii. 242-3).

[260] Хеннесси, *Древнеирландская богиня войны*, в *Rev. Celt.*, i. 32-57.

[261] *Aoibheall*, которая пришла сообщить Бриану Борумхе о его смерти в Клонтарфе, была семейной банши королевского дома Мунстера. Ср. J. H. Todd, *War of the Gaedhil with the Gaill* (London, 1867), p. 201.

[262] Hyde, *Literary History of Ireland*, p. 440.

[263] Ср. Hennessy, in *Rev. Celt.*, i. 39-40. Вместо слова *badb* доктор Хайд (*Lit. Hist. Irl.*, p. 440) использует слово *vulture*.

[264] Hennessy, in *Rev. Celt.*, i. 52.

[265] Главная общая ссылка: Sir John Rhys, *Arthurian Legend* (Oxford, 1891). Основные источники: Ненний, *Historia Britonum* (около 800); Джеффри Монмутский, *Historia Regum Britanniae* (около 1136); Уэйс, *Le Roman de Brut* (около 1155); Layamon's *Brut* (около 1200); Мари де Франс, *Lais* (двенадцатый-тринадцатый век); *Четыре древние книги Уэльса* (двенадцатый-пятнадцатый век), под редакцией W. F. Скинэ; *"Мабиногион"* (на основе *"Красной книги Хергеста"*, рукописи XIV века), под редакцией леди Шарлотты Гост, сэра Джона Ронса и Дж. Г. Эванса, а также профессора Дж. Лота; Мэлори, *"Морте Д'Артур"* (1470); *"Мивурианская археология Уэльса"*, собранная из древних рукописей (Денбиг, 1870); *"Рукописи Иоло"*, подборка древних валлийских рукописей (Лландовери, 1848).

[266] В валлийской поэме двенадцатого века (см. W. F. Skene, *Four Ancient Books*, Edinburgh, 1868, ii. 37, 38), где описываются военные подвиги принца Герайнта, его люди, которые жили и сражались спустя долгое время после периода, приписываемого Артуру, называются людьми Артура; и, как считает сэр Джон Рон, это хорошее доказательство того, что подлинный Артур был мифической фигурой, можно сказать, богом, который осеняет и направляет своих воинов, но который, никогда не сходя в бой, в этом отношении сопоставим с ирландской богиней войны *Бадб* (см. Rhys, *Celtic Britain*, London, 1904, p. 236).

[267] Ср. Rhys, *Arth. Leg.*, chap. 1.

[268] Cf. Rhys, *Arth. Leg.*, pp. 24, 48. Сэр Джон Рон видит веские причины считать Артура культурным героем из-за традиционной связи Артура с сельским хозяйством, которому большинство культурных героев, подобно Осирису, учили свой народ (*ib.*, pp. 41-3).

[269] Ср. G. Maspero, *Contes populaires de l'Égypte Ancienne*⁽³⁾ (Paris, 1906), Intro., p. 57.

[270] Sommer's Malory's *Morte D'Arthur*, iii. 1.

[271] Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 9.

[272] Я в долгу перед профессором Дж. Лотом за помощь с этой этимологией.

[273] Cp. Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 22.

[274] i. 10; ii. 21^b; iii. 70; cp. Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 60.

[275] См. Williams' *Seint Greal*, pp. 278, 304, 341, 617, 634, 658, 671; Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 61.

[276] Cp. Rhÿs, *Arth. Leg.*, pp. 51, 35; и см. наше исследование, pp. 374-6.

[277] *Chevalier de la Charrette* (ed. by Tarbé), p. 22; *Romania*, xii. 467, 515; cp. Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 54.

[278] *Romania*, xii. 467-8, 473-4; cp. Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 55.

[279] Cp. Tylor, *Prim. Cult.*, ⁴ii. 93-4.

[280] *Romania*, xii. 508; cp. Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 54.

[281] Book XIX, c. i.

[282] В *Lebar Brecc* есть трактат, описывающий восемь евхаристических цветов и их мистическое или скрытое значение; и зеленый цвет описывается так, что мы признаем в его кельтско-христианской символике то же существенное значение, что и в трудах языческих и некельтских христианских мистиков, таким образом: "Вот что обозначает зеленый цвет, когда он (священник) смотрит на него: чтобы его сердце и разум наполнились великой слабостью и великой печалью, ибо под этим понимается его погребение в конце жизни под земной плесенью; ибо зеленый - изначальный цвет всякой земли, и поэтому цвет одеяния Приношения уподобляется зеленому" (Stokes, *Tripartite Life*, Intro., p. 189). Предполагается, что во время церемоний посвящения в Древние Мистерии неопит покидал физическое тело в состоянии транса и в полном сознании, которое он сохранял и впоследствии, входил в субъективный мир и видел все его чудеса и обитателей; а выходя из этого мира, он облачался в мантию священного зеленого цвета, символизирующую его собственное духовное воскресение и возрождение в реальной жизни - ведь он проник в Тайну Смерти и теперь стал посвященным. И все же отголосок древнеегипетских мистерий, похоже, есть в празднике Аль-Хидр, отмечаемом в середине сбора урожая пшеницы в Нижнем Египте. Аль-Хидр - это святой человек, который, по народным поверьям, был визирем Ду'л-Карнена, современником Авраама, и который, никогда не умирая, живет и будет жить до Судного дня. Он всегда изображается "одетым в зеленые одежды, откуда, вероятно, и его имя". Таким образом, зеленый цвет ассоциируется с героем или богом, который бессмертен и неизменен, как Туатха Де Дананн и расы фей (см. Sir Norman Lockyer's *Stonehenge and Other Stone Monuments*, London, 1909, p. 29). В современном масонстве, которое сохраняет многие древние мистические обряды и, в некоторой степени, обряды посвящения в том виде, в котором они совершались в древности, зеленый цвет является символом жизни, неизменной природы, истины и победы. В вечнозеленом цвете мастер-масон находит эмблему надежды и бессмертия. И масонский авторитет, дающий эту информацию, предполагает, что во всех Древних Мистериях проводилась эта символика - зеленый цвет символизировал рождение мира и моральное созидание или воскрешение посвященного (*General History, Cyclopedia, and Dictionary of Freemasonry*, by Robert Macoy, 33°, New York, 1869).

[283] *Myv. Arch.*, i. 175. Сам текст в этой работе, как утверждается, скопирован с "*Зеленой книги*" - ныне неизвестной. Ср. *Rhÿs, Arth. Leg.* p. 56 n.

[284] В этом тексте Гвенхвивар, находящаяся во власти Мелваса, названа второй женой Артура Гвенхвивар, поскольку, согласно валлийским триадам (i. 59; ii. 16; iii. 109), у Артура было три жены по имени Гвенхвивар. Как замечает сэр Джон Рон, ни один поэт никогда не пользовался всеми тремя, по той очевидной причине, что они испортили бы его сюжет (*Arth. Leg.*, p. 35).

[285] D. ab Gwilym's Poetry (London, 1789), poem cxi, line 44. Ср. *Rhÿs, Arth. Leg.*, p. 66.

[286] Мэлори, книга I, с. xxv. В одном из рассказов о мече Артура *Каледвулх* или *Калеберн* говорится, что он был сделан на острове Авалон (Lady Ch. Guest's *Mabinogion*, ii. 322 n.; также *Myv. Arch.*, ii. 306).

[287] Мэлори, кн. IX, с. xv; сэр Джон Рон принимает Леди Озера, которая посылает Артуру меч, и ту, что помогает ему после этого (хотя, очевидно, по ошибке, в Мэлори это два персонажа), за разные аспекты одной Леди Озера *Морген* (*Arth. Leg.*, p. 348).

[288] Мерлин объяснил Артуру, что жена короля Лота была родной сестрой Артура (Sommer's *Malory*, i. 64-5); а король Лот - один из правителей потустороннего мира.

[289] Книга XXI, с. vi.

[290] Эта поэма, по мнению Гастона Париса, была переведена в конце XII века с французского оригинала, ныне утраченного (*Romania*, x. 471). Ср. *Rhÿs, Arth. Leg.*, p. 127.

[291] *Malory*, Book XII, cc. iii-x; *Rhÿs, Arth. Leg.*, pp. 145, 164. Галахад, однако, вообще не принадлежит к более древним артурианским романам, насколько ученые могут определить; и, следовательно, не стоит придавать слишком большое значение этому эпизоду в связи с характером Артура.

[292] Мы хотели бы обратить внимание читателя на интересное сходство между этой старой историей о *Кулхвче и Олвен* и сказочной легендой, которая, как мы обнаружили, живет в Южном Уэльсе и теперь записана нами на странице 161, под названием "*Эйнион и Олвен*". Как мы уже предположили, эта легенда, по-видимому, является остатком очень древней бардовской сказки, сохранившейся в устных преданиях народа; а распространенность таких бардовских традиций в той части Уэльса, где сложились некоторые из историй "*Мабиногиона*" или откуда они черпали фольклорный материал, делает вероятным существование некоторой тесной связи между Олвен из этой истории и Олвен из нашей народной сказки. Если бы можно было доказать, что это так, мы могли бы сразу считать обеих Олвен "прекрасными феями" или *Tylwyth Teg*, а поиски Кулхвча - действительно путешествием в потусторонний мир, чтобы получить жену-фею.

[293] Возможно, в истории о *Кулхвче и Олвене* мы даже имеем символический или мистический отчет о древних бриттских обрядах инициации, которые также имеют непосредственное отношение к духовному миру и его невидимым обитателям.

[294] Ср. J. Loth, *Les Mabinogion* (Paris, 1889), p. 252 n.

[295] Ср. J. Loth, *Le Mabinogi de Kulhwch et Olwen* (Saint-Brieuc, 1888), Intro., p. 7.

[296] Lady Ch. Guest's *Mabinogion* (London, 1849), ii. 323 n.

[297] Cp. R. H. Fletcher, *Arthurian Material in the Chronicles*, in *Harv. Stud. and Notes in Phil. and Lit.*, x. 20-1.

[298] Fletcher, *ib.*, x. 29; 26.

[299] Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 7; и Rhÿs, *The Welsh People*⁽³⁾ (London, 1902), p. 105.

[300] Cp. Fletcher, *op. cit.*, x. 43-115; по изданию San-Marte (A. Schulz), *Gottfried's von Monmouth Hist. Reg. Brit.* (Галле, 1854), англ. перевод А. Томпсона, *The British History*, &c. (1718).

[301] Cp. Fletcher, *op. cit.*, pp. 117-44.

[302] Sir Frederic Madden, *Layamon's Brut* (London, 1847), ii. 384. Здесь германские эльфы представлены Лайамоном такими же по характеру и природе, как и британские эльфы или феи.

[303] Madden, *Layamon's Brut*, ii. 144.

[304] J. Bédier's ed., *Société des anciens textes français* (Paris, 1902).

[305] E. Muret's ed., *Société des anciens textes français* (Paris, 1903).

[306] A. C. L. Brown, *The Knight and the Lion*; также, того же автора, *Iwain*, in *Harv. Stud. and Notes in Phil. and Lit.*, vii. 146, &c.

[307] *Celtic Mag.*, xii. 555; *Румыния* (1888); cp. Brown, *ib.*

[308] J. Loth, *Les Romans arthuriens*, in *Rev. Celt.*, xiii. 497.

[309] *Bibliotheca Normannica*, iii, *Die Lais der Marie de France*, pp. 86-112.

[310] Cp. W. H. Schofield, *The Lays of Graelent and Lanval, and the Story of Wayland*, in *Pub. Mod. Lang. Ass. of America*, xv. 176.

[311] Cp. Schofield, *The Lay of Guingamor*, in *Harv. Stud. and Notes in Phil. and Lit.*, v. 221-2.

[312] Издания и более подробные сведения о сказочных элементах см. в De La Warr B. Easter, *A Study of the Magic Elements in the Romans d'Aventure and the Romans Bretons* (Johns Hopkins Univ., Baltimore, 1906). См. также Lucy A. Paton, *Studies in the Fairy Mythology of the Arthurian Romance*, Radcliffe College Monograph XIII (New York, 1903).

[313] Perc., vi. 235; cp. Диссертацию Истера, p. 42 n.

[314] *Joufrois*, 3179 ff.; ed. Hofmann und Muncker (Halle, 1880); cp. дисс. Пасхалова, с. 40-2 н.

[315] *Brun*, 562 и далее, 3237, 3251, 3396, 3599 и далее; изд. Paul Meyer (Paris, 1875); cp. *ib.*, pp. 42 n., 44 n.

[316] E. Anwyl, *The Four Branches of the Mabinogi*, in *Zeit. für Celt. Phil.* (London, Paris, 1897), i. 278.

[317] Cp. Nutt, *Voy. of Bran*, ii. 19, 21.

[318] *Черная книга Каермартена*, xvii, строфа 7, лл. 5-8. Эта книга датируется 1154-1189 гг. как рукопись; cp. Skene, *Four Anc. Books*, i. 3, 372.

[319] Станцы 19-20. Эта книга сформировалась как рукопись в XIV-XV веках, по мнению Скене. Ср. Skene, *Four Anc. Books*, i. 3, 464.

[320] См. "Беглый стих Мурддина в его могиле". *Red Book of Hergest*, ii. Skene, ib., i. 478-81, stanza 27.

[321] Главные общие ссылки: H. D'Arbois de Jubainville, *L'Épopée celtique en Irlande, Le Cycle Mythologique Irlandais*; Kuno Meyer and Alfred Nutt, *The Happy Otherworld and the Celtic Doctrine of Re-birth*. Основные источники: *Leabhar na h-Uidhre* (1100 г. н.э.); *Книга Лейнстера* (двенадцатый век); *Lais* Марии де Франс (двенадцатый-тринадцатый века); *Белая книга Ридерха*, Hengwrt Coll. (XIII-XIV века); *Желтая книга Лекана* (XV век); *Книга Лисмора* (XV век); *Книга Фермоя* (XV век); *Четыре древние книги Уэльса* (XII-XV века).

[322] Одна из самых распространенных легенд среди всех кельтских народов - о каком-то затерянном городе, подобном бретонскому Ису, или о какой-то затерянной земле или острове (ср. Rhys, *Arth. Leg.*, с. xv, и *Celtic Folk-Lore*, с. vii); и мы можем быть совершенно уверены, что если, как теперь начинают думать некоторые ученые (ср. Batella, *Pruebas geológicas de la existencia de la Atlántida*, in *Congreso internacional de Americanistas*, iv, Madrid, 1882; также Meyers, *Grosses Konversations-Lexikon*, ii. 44, Leipzig und Wien, 1903) Атлантида когда-то существовала, и ее исчезновение должно было оставить глубокий след в народной памяти с доисторической эпохи. Но идея потустороннего мира, будучи по сути анимистической, не может рассматриваться, кроме как с поверхностной точки зрения, как предположительно имеющая свое происхождение в потерянной Атлантиде. Реальный процесс эволюции, после исчезновения этого островного континента, скорее всего, заключался в локализации и антропоморфизации очень примитивных арийских и доарийских представлений о небесном мире, которые были распространены почти среди всех рас человечества на всех стадиях культуры, в обеих Америках и Полинезии, а также в Европе, Азии и Африке. (Ср. Тайлор, *Prim. Cult.*, 4ii. 62, 48, &c.)

[323] *Белая книга Ридерха*, лист 291^a; ср. Rhys, *Arth. Leg.*, pp. 268-9.

[324] Из *Эхмпа Кондла*, в *Leabhar na h-Uidhre*. Ср. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 192-3.

[325] Ср. Eleanor Hull, *The Silver Bough in Irish Legend*, in *Folk-Lore*, xii.

[326] Ср. Eleanor Hull, op. cit., p. 431.

[327] Классические параллели кельтским потусторонним путешествиям существуют в спусках Диониса, чтобы вернуть Семелу, Орфея, чтобы вернуть свою возлюбленную Эвридику, Геракла по приказу его хозяина Эврисфея, чтобы забрать трехголового Кербероса - как впервые упоминается в "Илиаде" Гомера (см. Tylor, *Prim. Cult.*, 4ii. 48); и главным образом в путешествии Одиссея через полноводный Океан в страну ушедших (Гомер, *Odyss.* xi).

[328] Servius, *ad Aen.*, vi. 136 ff.

[329] *Voy. of Bran*, i, pp. 2 ff. Сказка основана на семи рукописях, возраст которых варьируется от *Leabhar na h-Uidhre* 1100 г. н. э. до шести других, относящихся к XIV, XV и XVI векам (ср. ib., p. xvi).

[330] Эта сказка существует в нескольких рукописях четырнадцатого и пятнадцатого веков; например, в *Книге Баллимота* и *Желтой книге Лекана*, отредактированных и переведенных Стоуксом в *Irische Texte*, III. i. 183-229; ср. *Voy. of Bran*, i. 190 ff.; ср. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 326-33.

[331] Фонтан - это священный фонтан, содержащий священного лосося; а девять орехов - это священные орехи вдохновения и поэзии. Эти отрывки - одни из самых мистических в ирландской литературе. Ср. стр. 432-3.

[332] Ср. перевод Стоукса в *Irische Texte* (Лейпциг, 1891), III. i. 211-16.

[333] Греки видели в Гермесе символ Логоса. Как и Мананнан, он проводил души людей в потусторонний мир богов, а затем возвращал их в мир людей. Гермес "держит в руках жезл, прекрасный, золотой, которым он околдовывает глаза людей, кого пожелает, и пробуждает их ото сна" - во время инициаций; в то время как Мананнан и сказочные существа заманивают смертных в сказочный мир через сон, навеваемый музыкой Серебряной ветви. - Ипполит о наасенах (от древнееврейского *Nachash*, что означает "змея"), гностической школе; см. G. R. S. Mead, *Fragments of a Faith Forgotten*, pp. 198, 201. Или еще: "Кадуцей, или жезл Меркурия (Гермеса), и Тирс в греческих мистериях, которые проводили душу от жизни к смерти и от смерти к жизни, представляли змеиную силу в человеке и путь, по которому она перенесет "человека" на высоту, если он только заставит "воды Иордана" "течь вверх" - G. R. S. Mead. *ib.*, p. 185.

[334] Ср. издание Хеннесси в "*Лекциях Тодда*", сер. I. i. 9.

[335] Среди ранних церковных рукописей так называемых "*Пророчеств*". См. E. O'Curry, *Lectures*, p. 383.

[336] Ср. Eleanor Hull, *op. cit.*, pp. 439-40.

[337] Существует в трех версиях, основанных на L. U. MS. Наша версия сопоставлена с переводом О'Карри в *Atlantis*, i. 362-92, ii. 98-124, в редакции Куно Мейера, *Voy. of Bran*, i. 152 ff.; и с переводом Жюбенвиля в *L'Ép. celt. en Irl.*, pp. 170-216.

[338] Как отметил Альфред Натт, "в постклассической литературе Западной Европы нет параллелей положению или чувствам Фанда, пока мы не дойдем до Гвиневры и Изольта, Ниниана и Оргеевны" (*Voy. of Bran*, i. 156 n.).

[339] См. поэму *Tir na nog* ("Земля юности") Майкла Комина, написанную или собранную около 1749 года. Под ред. Брайана О'Луни, в *Trans. Ossianic Soc.*, iv. 234-70.

[340] Лэгхейр, который также вернулся из Сказочной страны на сказочном коне, и пятьдесят воинов с ним, каждый из которых также был в седле, чтобы навсегда попрощаться с королем и народом Коннаута, были предупреждены, когда они отправлялись в этот мир, не сходить с места, если они хотят вернуться к своим сказочным женам. Предупреждение было строго соблюдено, и таким образом они смогли вернуться в мир *сидхе* (см. с. 295).

[341] Ср. *Bibliotheca Normannica*, iii, *Die Lais der Marie de France*, pp. 86-112.

[342] Ср. перевод Стоукса, в *Rev. Celt.*, ix. 453-95, x. 50-95. Большая часть сказки происходит из L. U. MS.; ср. *L'Ép. celt. en Irl.*, pp. 449-500.

[343] *Silva Gadelica*, ii. 385-401. Текст MS., *Echira Thaidg mheic Chéin*, или "Приключение сына Циана, Тейгу", находится в *Книге Лусмора*.

[344] Резюме и цитата из перевода Р. И. Беста в *Ériu*, iii. 150-73. Текст находится в *Книге Фермоя* (стр. 139-45), кодексе XV века, хранящемся в Королевской ирландской академии.

[345] Фолианты 113-15, перевод. O'Beirne Crow, *Journ. Kilkenny Archae. Soc.* (1870-1), pp. 371-448; ср. Rhys, *Hib. Lect.*, pp. 260-1.

[346] Ср. Skene, *Four Ancient Books of Wales*, i. 264-6, 276, &c.

[347] Ср. *Silva Gadelica*, ii. 301 ff., из Additional MS. 34119, датируемой 1765 годом, в Британском музее.

[348] *Giolla an Fhiugha*, или "The Lad of the Ferrule", перевод Дугласа Хайда, в *Irish Texts Society*, London, 1899.

[349] Ср. Meyer and Nutt, *Voy. of Bran*, i. 147, 228, 230, 235; 161.

[350] Основная часть текста взята из *Книги Фермоя*. Ср. перевод Стоукса в *Rev. Celt.*, xiv. 59, 49, 53 и т. д.

[351] J. Loth, *L'Émigration bretonne en Armorique* (Paris, 1883), pp. 139-40.

[352] Ed. and trans. by W. Stokes, Calcutta, 1866. Это *видение* ошибочно приписывают знаменитому аббату Ионы, умершему в 703 году; но профессор Циммер считает его сочинением девятого века; см. *Voy. of Bran*, i. 219 ff.

[353] Ср. *Voy. of Bran*, i. 195 ff.

[354] См. J. G. Campbell, *The Fians*, pp. 260-7.

[355] *Литературное движение в Ирландии*, в "Идеалы в Ирландии", под ред. леди Грегори (Лондон, 1901), стр. 95.

[356] Ср. *Voy. of Bran*, i. 331.

[357] Общая ссылка: *Очерк об ирландских представлениях о счастливом потустороннем мире и кельтской доктрине перерождения*, написанный Альфредом Наттом в книге Куно Мейера "Путешествие Брана". Основные источники: *Leabhar na h-Uidhre*; *Книга Лейнстера*; *Четыре древние книги Уэльса*; *Mabinogion*; *Silva Gadelica*; *Barddas*, собрание валлийских рукописей, составленное около 1560 года; и *Анналы Четырех Мастеров*, составленные в первой половине семнадцатого века.

[358] Ср. Платон, *Республика*, x; *Федот*; *Федр* и т.д.; Иамблих, *О мистериях Египта, Халдеи, Ассирии*; Плутарх, *Мистерии Исида* (*De Iside et Osiride*).

[359] Он говорит: "Я, со своей стороны, подозреваю, что дух был вложен в них (разумных существ, людей) извне" (*De Principiis*, Book I, c. vii. 4);... "Причина поступков каждого - уже существующая; и тогда каждый, в соответствии со своими заслугами, делается Богом либо сосудом для чести, либо для бесчестия" (ib., кн. III, c. i. 20). "Отсюда мы считаем, что, поскольку душа, как мы уже часто говорили, бессмертна и вечна, возможно, что в течение многих и бесконечных периодов времени в неизмеримых и различных мирах она может нисходить от высшего блага к низшему злу или восстанавливаться от низшего зла к высшему благу" (ib., Book III, c. i, 21); ... "каждый человек имеет в себе причину, по которой он занял то или иное положение в жизни" (ib., Book III, c. v, 4).

[360] Ср. Bergier, *Origène*, in *Dict. de Théologie*, v. 69.

[361] *Библия*, пересмотренная версия, св. Матф. xi. 14-15; ср. св. Матф. xvii. 10-13, св. Марк ix. 13, св. Луки vii. 27, св. Иоанна i. 21.

[362] Вывод Тертуллиана таков: "Эти субстанции ("душа и тело"), по сути, являются естественной собственностью каждого человека; в то время как "дух и сила" (ср. Мал. iv. 5)

даются как внешние дары по благодати Божьей и могут быть переданы другому человеку в соответствии с целью и волей Всемогущего, как это было в древности в отношении духа Моисея" (ср. Num. xii. 2). - *De Anima* с. xxxv; ср. перевод в *Ante-Nicene Christian Library* (Edinburgh, 1870), xv. 496-7.

[363] Ориген говорит: "Но то, что должны быть некоторые доктрины, не известные народу, которые [открываются] после того, как были преподаны экзотерические, - это особенность не только христианства, но и философских систем, в которых одни истины экзотерические, а другие эзотерические" (*Ориген против Цельса*, книга I, с. vii).

[364] То, как Тертуллиан почти буквально принял доктрину возрождения, показано в его *Апологии*, глава xlviii, касающаяся воскресения тела. Это порочная форма доктрины, а именно переселение человеческих душ в тела животных, с которой он в этой главе, а также в "*De Anima*" и в других местах, борется главным образом логически, как боролся с ней и Ориген. Сначала он показывает, почему человеческая душа должна вернуться в человеческое тело в соответствии с естественной аналогией, поскольку каждое существо всегда следует своему роду; а затем, поскольку целью воскресения является суд, что душа должна вернуться в свое собственное тело. И он заключает: "Несомненно, более достойно веры, что человек будет восстановлен из человека, любой человек из любого человека, но все же человек; так что тот же вид души может быть восстановлен в том же способе существования, даже если не в той же внешней форме" (*Апология Тертуллиана для христиан*; ср. перевод Т. Х. Биндли, Оксфорд, 1890, стр. 137-9).

[365] British Museum MS. Add. 5114, пергамент - коптская рукопись на диалекте Верхнего Египта. Ее неопределенная дата помещена Вуаде не позднее конца четвертого века. Очевидно, она была скопирована одним писцом с более древней рукописи, оригиналом которой, вероятно, был *Апокалипсис Софии*, написанный Валентием, ученым гностиком, жившим в Египте в течение тридцати лет во втором веке. См. перевод параллельной латинской версии "*Пистис Софии*" Шварце и введение к ней, оба написаны Г. Р. С. Мидом (Лондон, 1896).

[366] Главные отрывки следующие, Иисус говорит: "Более того, в области души правителей, предназначенной для ее получения, я нашел душу пророка Илии, в зонах сферы, и я взял его, и, получив его душу, я принес ее Деве Света, и она отдала ее своим приемникам; они принесли ее в сферу правителей и бросили ее в утробу Елизаветы. Таким образом, сила малого Иао, находящегося посреди, и душа пророка Илии соединились с телом Иоанна Крестителя. По этой причине вы сомневались прежде, когда я сказал вам: "Иоанн сказал, что я не Христос"; а вы сказали мне: "Написано в Писании, что когда придет Христос, Илия придет пред Ним и приготовит путь Ему". И я, когда вы сказали мне это, ответил вам: "Илия действительно пришел и приготовил все, как написано; и они сделали с ним все, что хотели". И когда я увидел, что вы не поняли, что я говорил о душе Илии, соединенной с Иоанном Крестителем, я ответил вам открыто и лицом к лицу словами: "Если вы примете это, Иоанн Креститель есть Илия, который, как я сказал, должен был прийти"" (*Pistis Sophia*, Book I, 12-13, перевод Мида).

[367] "Спаситель, отвечая, сказал ученикам Своим: - "Проповедуйте по всему миру, говоря людям: "Старайтесь вместе, чтобы вам получить тайны света в это время напряжения и войти в Царство света. Не откладывайте со дня на день и из цикла в цикл, полагая, что вам удастся получить тайны, когда вы вернетесь в мир в другом цикле"" (*Пистис София*, Книга II, 317, перевод Мида).

[368] Ср. Bergier, *Manichéisme*, in *Dict. de Théol.*, iv. 211-13.

[369] "*Опровержение Иренея*" до недавнего времени было главным источником наших знаний о гностицизме. Оно было написано во втором веке в Лионе Ирением, галльским епископом, далеким от непосредственного контакта с процветающим до сих пор гностицизмом. Но теперь, с открытием подлинных рукописей гностических произведений: (1) *Кодекс Аскью*, пергамент, Британский музей, Лондон, содержащий *Пустис София* (см. выше, р. 361 n.) и отрывки из *Книг Спасителя*; (2) *Кодекс Брюса* (два MSS.), папирус, Бодлианская библиотека, Оксфорд, содержащий фрагментарную *Книгу Великого Логоса*, неизвестный трактат и фрагменты; и (3) *Ахмимский кодекс* (обнаруженный в 1896 году), папирус, Египетский музей, Берлин, содержащий *Евангелие Марии* (или *Апокриф Иоанна*), *Премудрость Иисуса Христа* и *Деяния Петра*, мы можем проверить по первоисточникам Отцов во многих их трудах и канонах, касающихся гностических "ересей"; И обнаруживаем, что Ирений, последнее прибежище христианских иересиологов, настолько сгустил и перефразировал свои источники, что мы вообще не можем полагаться на него в плане последовательного изложения гностических доктрин, которые он с большей или меньшей долей предубеждения пытается опровергнуть. Правда, возраст этих манускриптов не был удовлетворительно определен; на самом деле большинство из них еще не были тщательно изучены. Однако очень вероятно, что, как и в случае с "*Пустис София*", они были скопированы с рукописей, которые были современными или более ранними, чем время Иренея, и поэтому могут рассматриваться как хороший авторитет в определении гностических учений. (Ср. все вышеприведенные заметки с G. R. S. Mead, *Fragments of a Faith Forgotten*, London, 1900, pp. 147, 151-3).

Многие непредвзятые ученые сегодня не желают признавать решения церковных соборов, которые определяли, какие доктрины были ортодоксальными, а какие еретическими среди гностиков-христиан, потому что многие из их догматических решений были основаны на ненаучном "*Опровержении Иринея*" и других столь же ненадежных свидетельствах. Накопленные учеными данные о раннехристианской мысли и гностицизме сегодня гораздо более полны и достоверны, чем те, на которых Константинопольский собор 553 года основывал свое решение относительно учения о перерождении; и, похоже, истина, которую признают, заключается в том, что гностики, а не отцы Церкви, которые перенимали у них те доктрины, которые им нравились, осуждая те, которые им не нравились, должны отныне считаться первыми христианскими теологами и мистиками. Если принять этот взгляд на очень сложный и запутанный вопрос, то современному христианству следует позволить вернуться к своему первоначальному положению, которое долгое время было затуманено благонамеренными, но, тем не менее, непродуманными церковными соборами - как синтезатору языческих религий и философий. Подобная точка зрения была принята многими выдающимися христианскими теологами со времен Оригена: например, платоник из Кембриджа Генри Мор открыто отстаивал доктрину возрождения в XVII веке; а в более поздние времена ее проповедовали с христианских кафедр такие люди, как Генри Уорд Бичер и Филлипс Брукс.

[370] См. A. Bertrand, *La Religion des Gaulois, les Druides et le Druidisme* (Paris, 1897); H. Jennings, *The Rosicrucians* (London, 1887); Work of Paracelsus; H. Cornelius Agrippa, *De Occulta Philosophia* (Paris, 1567); H. P. Blavatsky's *Isis Unveiled, and the Secret Doctrine* (London, 1888); и *Hermetic Works*, by Anna Kingsford and E. Maitland (London, 1885).

[371] Ср. Bergier, *Purgatoire*, in *Dict. de Théol.*, v. 409. Один кельт, исповедующий верность и ревностный приверженец Римской церкви, с которым я познакомился в Морбиане, где он сейчас живет, сказал мне, что он полностью верит в доктрину перерождения и что она, по

его мнению, является правильным и логичным толкованием доктрины чистилища; и он добавил, что в его церкви есть священники, которые сказали ему, что их личное толкование доктрины чистилища является таким же. Таким образом, некоторые римские католики не отрицают доктрину повторного рождения. И подобные беседы с кельтами-католиками в Ирландии и Бретани наводят меня на мысль, что в большей степени, чем предполагалось ранее, старая кельтская доктрина о перерождении могла стать одним из главных оснований для современной римско-католической доктрины о чистилище, происхождение которой не указано четко ни в одном богословском труде. Для нас эта вероятность не только важна, но и интересна, особенно если вспомнить о том глубоком влиянии, которое кельтское чистилище святого Патрика, несомненно, оказало на Церковь в Средние века, когда учение о чистилище обрело определенную форму (см. главу x).

[372] *Barddas* (Llandovery, 1862) - это "сборник (составленный бардом Иоло Морганвгом) оригинальных документов, иллюстрирующих теологию, мудрость и использование бардо-друидической системы острова Британия". Считается, что оригинальные рукописи находились во владении Лливелина Сиона, барда из Гламоргана, около 1560 года. В "*Барддасе*" прослеживается значительное христианское влияние, однако в основных своих учениях он достаточно самобытен. Несмотря на то, что *Барддас* был составлен поздно, он, похоже, представляет традиционные бардовские доктрины в том виде, в каком они передавались устно в течение неизвестного периода времени, поскольку в прежние времена было запрещено фиксировать такие доктрины в письменном виде. Нам также хорошо известно о негативной критике этих документов; но поскольку никто не ставит под сомнение их кельтское происхождение - будь то древнее или более современное - мы довольствуемся их использованием.

[373] *Barddas*, i, 189-91.

[374] *Barddas*, i, 177.

[375] Предисловие к *Barddas*, xlii.

[376] Одно из величайших заблуждений, ранее допущенных европейскими учеными-санскритологами и опубликованных по всему Западу, так что теперь там это принято за истину, заключается в том, что нирвана, цель индийской философии и религии, означает уничтожение. Она действительно означает аннигиляцию (эволюционную трансмутацию низшего в высшее), но только всех тех сил или элементов, которые составляют человека как животное. Ошибка возникла из-за экзотерического толкования, а не эзотерического, и была естественным результатом той системы западной науки, которая видит и часто заботится только о рассмотрении внешних аспектов. Коренные индийские ученые, консультировавшие нас в этой сложной проблеме, предпочитают переводить *Нирвану* как "Самореализацию", то есть состояние сверхнормального сознания (приобретаемого в процессе эволюции индивида), настолько же превосходящее нормальное человеческое сознание, насколько нормальное человеческое сознание превосходит сознание, существующее в царстве животных.

[377] *De Bel. Gal.*, lib. vi. 14. 5; vi. 18. 1.

[378] Книга V, 31. 4.

[379] *De Situ Orbis*, iii. c. 2: "Только один пункт учения друидов стал общеизвестным среди простого народа (чтобы они были храбрее на войне), что души вечны и есть вторая жизнь среди теней".

[380] i. 449-62.

[381] Lucan, i. 457-8; i. 458-62.

[382] Cp. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 345, 347 ff.

[383] *Folk-Lore*, xii. 64, и т.д.; также см. Eleanor Hull, *The Cuchullin Saga in Irish Literature* (London, 1898), Intro., p. 23, и т.д.

[384] В наиболее древней форме сказания о рождении Конхобхара Конхобхар, вероятно, является "сыном бога, воплотившегося так же, как Луг и Этайн" (см. *Voy. of Bran*, ii. 73).

[385] См. *Leabhar na h-Uidhre*, 101^b; и *Book of Leinster*, 123^(b):- "*Cúchulainn mc dea dechtiri*."

[386] Мы уже упоминали о вере в то, что боги, обитающие на солнце, могли покидать его, чтобы принять тело здесь, на земле, и стать героями культуры и великими учителями (см. с. 309).

[387] Из "Ухаживания Эмера" в *Leabhar na h-Uidhre*; cp. *Voy. of Bran*, ii. 97.

[388] *L'Épopée celt. en Irl.*, p. 11.

[389] Cp. *Voy. of Bran*, ii. p. 74 ff.

[390] В *Leabhar na h-Uidhre*, 133^a-134^b; cp. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 336-43; cp. *Voy. of Bran*, i. 49-52; cp. O'Curry, *Manners and Customs*, iii. 175.

[391] Cp. изд. Stokes. *Анналы Тигернаха, третий фрагмент* в *Rev. Celt.* xvii. 178. В фрагменте под названием *Tucait baile Mongâin* в *Leabhar na h-Uidhre*, p. 134, col. 2, "Монган показан живущим со своей женой в год смерти Киарана мак инт Шаира и Туатала Маэль-Гарба, то есть в 544 году", следуя *Chronicum Scotorum*, Hennessy's ed., pp. 48-9. Как добавляет д'Арбуа де Жюбенвиль, ирландские хроники этой эпохи имеют лишь приблизительные даты. Так, если в "Четырех мастерах" (i. 243) смерть Монгана датируется 620 годом, то в "Анналах Ольстера" - 625 годом. 625 г., "Хроника Скотормума" - 625 г., "Анналы Клонмакнойса" - 624 г., а "Эгертон MS. 1782 г. - 615 г. н. э. (cp. *Voy. of Bran*, i. 137-9).

[392] J. O'Donovan, *Annals of Ireland by the Four Masters* (Dublin, 1856), i. 121.

[393] Cp. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 336-43; O'Curry, *Manners and Customs* iii. 175; *L. U.*, 133^a-134^b; и *Voy. of Bran*, i. 52.

[394] *Voy. of Bran*, i. 44-5; из *The Conception of Mongan*.

[395] Версия Мейера, *Voy. of Bran*, i. 73-4.

[396] Cp. *Voy. of Bran*, i. 137.

[397] *Voy. of Bran*, i. 22-8, quatrains 48-59, &c.

[398] В *L. U.*; cp. *Le Cycle Myth. Irl.*, pp. 311-22; и *Voy. of Bran*, ii. 47-53.

[399] В ирландском представлении о перерождении не происходит смены пола: Луг перерождается в мальчика, в Кухулайнна; Финн - в Монгана; Этайн - в девушку. Но похоже, что Этайн, будучи смертной, не осознавала своего предыдущего божественного существования, в то время как Кухулайнн и Монган знали о своем нечеловеческом происхождении и предсуществовании.

[400] Через некоторое время после этого, согласно одной из частей сказания, Эохайд взял штурмом дворец фей Мидира - с целью, локализованной в Ирландии, - и отвоевал Этайн, но феи наложили на его род проклятие за это, и Конайр, его внук, пал его жертвой. Такое возвращение Этайн Эохайдом может смутно намекать на возрождение Этайн благодаря силе Эохайда, который, будучи королем, должен рассматриваться в своей нечеловеческой природе как один из Туатха Де Дананн, как и Мидир, его соперник".

[401] Ср. "Гулла декаур" в *Silva Gadelica*, pp. 300-3.

[402] Ср. *Voy. of Bran*, ii. 76 ff. В версии христианского писца промежуток между смертью и возрождением Туана заполнен тем, что он провел восемьдесят лет в облике оленя, двадцать - кабана, сто - орла и двадцать - лосося (ib., p. 79). В этом конкретном примере непосвященный писец (очевидно, не понявший важный аспект доктрины перерождения, как это эзотерически объяснялось в Мистериях, а именно, что между смертью и перерождением, пока сознательное Эго пребывает в потустороннем мире, физические атомы отброшенного человеческого тела могут трансмигрировать через различные растительные и животные тела) излагает как кельтскую ошибочную доктрину о переселении самого сознательного Эго (см. с. 513 н.). В других текстах, например, в песне, которую пел Амаирген (считающийся гэльским эквивалентом или даже оригиналом бриттского Талиессина), когда он вместе с завоевательными Сынами Миля ступил на землю Ирландии, есть похожие превращения, приписываемые некоторым героям, таким как Талиессин (см. *Мабиногион*) и Туан мак Кайрилл, во время их развоплощенных состояний после смерти и до повторного рождения. Но эти превращения, похоже, поэтически, а зачастую и рационально перекликаются с очень мистическим кельтским пантеизмом, в котором человек, рассматриваемый как прошедший эволюцию вверх через все формы и условия существования, един со всем творением: "Я - ветер, который дует на землю.

Я - ветер, который дует над морем;
Я - волна глубины;
Я - бык семи битв;
Я - орел на скале;
Я - слеза солнца;
Я - прекраснейшее из растений;
Я - кабан для храбрости;
Я - лосось в воде;
Я - озеро на равнине;
Я - мир знаний;
Я - острое боевого копья;
Я - бог, разжигающий огонь в голове;
Кто распространяет свет в собрании на горе?
Кто предсказывает возраст луны?
Кто учит, где покоится солнце?

И Амаирген также говорит: "Я есть", [Талиессин] "Я был" (*Книга вторжений*; ср. *Voy. of Bran*, ii. 91-2; ср. Rhys, *Hib. Lect.*, p. 549; ср. Skene, *Four Ancient Books*, i. 276 ff.).

В более поздние времена, особенно среди небардовских поэтов, наблюдалась аналогичная тенденция неверно истолковывать этот примитивный мистический кельтский пантеизм в искаженную форму доктрины перерождения, а именно переселения человеческой души в тела животных. Доктор Дуглас Хайд прислал мне следующее свидетельство: "У меня есть поэма, состоящая почти из ста строф, о свинье, которая съела ирландский манускрипт и,

съев его, обрела человеческую речь на двадцать четыре часа и дала своему хозяину отчет о своих предыдущих воплощениях. Он был правой рукой Кромвеля, ткачом во Франции, подданным Великого синьора и так далее. Поэме может быть около ста или ста пятидесяти лет". Вполне вероятно, что поэт, сочинивший это стихотворение, хотел добавить нотку современного ирландского юмора, используя свинью. Тем не менее, следует помнить, что свинья (или, как принято говорить, кабан) занимает очень любопытное и заметное место в древней мифологии Ирландии, а также Уэльса. Она считалась магическим животным (ср. с. 451 н.); и, по-видимому, была также символом друидов, значение которого мы утратили. Возможно, поэт знал об этом. Если так, то он не обязательно подразумевает переселение человеческой души в тела животных, а просто использует символику.

[403] См. *Талиессин в "Мабиногионе"* и *Книгу Талиессина в "Четырех древних книгах"* Скена, i. 523 и далее; ср. Nutt, *Voy. of Bran*, ii. 84, и Rhÿs, *Hib. Lect.*, pp. 548, 551.

[404] Ср. Rhÿs, *Hib. Lect.*, pp. 548-50.

[405] Ср. Rhÿs, *Hib. Lect.*, p. 259; и *Arth. Leg.*, p. 252.

[406] Loth, *Les Mabinogion, Kulhwch et Olwen*, p. 187 n.

[407] *Le Morte D'Arthur*, Book XXI, c. vii.

[408] См. работы по египетской мифологии и религии Масперо; также Lenormant, *Chaldean Magic*, p. 84, и т. д.

[409] F. L. Griffith, *Stories of the High-priests of Memphis* (Oxford, 1900), c. iii. Текст этой истории написан на обороте двух греческих документов, датированных седьмым годом императора Клавдия (46-7 гг. н. э.), которые ранее не публиковались.

[410] Интересно сравнить с этим эпизодом эпизоды о том, как магия Святого Патрика одержала верх над магией друидов, когда старая и новая религии встретились в войне на холме Тара, в присутствии верховного короля Ирландии и его двора.

[411] E. A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptians* (London, 1904), p. 3.

[412] Prescott, *Conquest of Mexico and Conquest of Peru*.

[413] W. Crooke, *The Legends of Krishna*, in *Folk-Lore*, xi. 2-3 ff.

[414] *Laws of Manu*, vii. 8, trans. by G. Bühler.

[415] A. B. Cook, *European Sky-God*, in *Folk-Lore*, xv. 301-4.

[416] Ср. Lucian, *Somn.*, 17, &c. См. Tylor, *Prim. Cult.*, ⁴ii. 13; также Тертуллиан, *De Anima*, c. xxviii, где Пифагор описывается как человек, который ранее был Эталидом, Эвфорбом и рыбаком Пирром.

[417] Ср. Нус, *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet*, i. 279 ff.

[418] Доктрина царского правления по божественному праву была заменена после обращения Римской империи на очень древнюю веру в то, что император был воплощенным богом (не обязательно реинкарнированным); и тот же самый христианизированный аспект дохристианской доктрины стоит за английской королевской властью в настоящее время.

[419] Любопытная параллель с ирландской доктриной о том, что через перерождение человек страдает за грехи, совершенные в предыдущей земной жизни, содержится в

христианских писаниях, где, спрашивая Иисуса о слепом человеке: "Равви, кто согрешил, этот человек или родители его, что он родился слепым?", ученик демонстрирует то, что, должно быть, было популярной еврейской верой в перерождение, подобной кельтской. См. св. Иоанн ix. 1-2. Хотя раввины мысленно допускали возможность внутриутробного греха, этот отрывок, похоже, безошибочно указывает на иудейскую доктрину повторного рождения.

[420] Интересно отметить в связи с этими двумя взаимодополняющими идеями то, что написал мистер Стэндиш О'Грейди о странных явлениях, наблюдавшихся во время похорон Чарльза Парнелла: "Пока его последователи предавали останки Чарльза Парнелла земле, небо озарилось странными огнями и пламенем. Возможно, это просто совпадение; но люди не суеверные утверждают, что между человеческой душой и стихиями существует некая таинственная симпатия..... Эти странные языки пламени напомнили мне о том, что рассказывают об аналогичных явлениях, которые, как говорят, наблюдались, когда весть о смерти великого христианского святого Колумбы облетела северо-запад Европы, и, возможно, оказались правдивее, чем я предполагал": *Her Story*, pp. 211-12.

[421] Cp. M. Lenihan, *Limerick; its History and Antiquities* (Dublin, 1866), p. 725.

[422] Я полагаю, что это означает, как и в аналогичном случае с Дехтире, матерью Кухулайнна (см. с. 369 выше), что тип души или характера, который будет реинкарнирован в ребенке, определяется психическими пренатальными условиями, которые мать сознательно или бессознательно может создать. Если эта интерпретация, как кажется, верна, то мы имеем в этом валлийском веровании удивительное понимание научных законов со стороны древних валлийских друидов, от которых происходит эта доктрина, которая равна и превосходит по своей тонкости последние открытия нашей собственной психологической эмбриологии, криминологии и так называемых законов наследственности.

[423] Читатель отсылается к последней публикации преподобного Т. М. Моргана "*История и древности прихода Ньючерч, Кармартеншир*" (Кармартен, 1910), с. 155-6.

[424] Однако я обнаружил, что первоначальная доктрина перерождения была либо неверно истолкована, либо искажена - в соответствии с теорией доктора Тайлора - и превратилась в переселение в тела животных среди некоторых корнуэльских шахтеров в районе Сент-Джуст.

[425] Примитивный характер доктрины Воплощения очевиден: Ориген, опровергая обвинение иудеев против христиан, очевидно, являвшееся естественным следствием глубоко укоренившейся ненависти и религиозных предрассудков иудеев, что Иисус Христос родился в результате прелюбодеяния Девы Марии с неким воином по имени Пантера, утверждает, "что каждая душа по определенным таинственным причинам (я говорю теперь согласно мнениям Пифагора, Платона и Эмпедокла, которых часто называет Цельс) вселяется в тело, и вселяется согласно своим заслугам и прежним действиям". И, согласно аргументам Оригена, приписывать Иисусу Христу рождение, более позорное, чем любое другое, абсурдно, потому что "Тот, Кто посылает души в тела людей", не стал бы таким образом "унижать Того, Кто должен был совершить такие могущественные деяния, научить столько людей и исправить столько из массы нечестия в мире". Ориген добавляет: "Поэтому вполне вероятно, что и эта душа, которая своим пребыванием во плоти принесла больше пользы, чем многие люди (чтобы избежать предрассудков, я не говорю "все"), нуждалась в теле, не только превосходящем другие, но и наделенном всеми совершенствами" (*Origen against Celsus*, Book I, c. xxxii).

Интересно сравнить с теологией Оригена следующий отрывок из "*Пистис София*", где Иисус в предполагаемом эзотерическом разговоре со своими учениками говорит о

предсуществовании их душ: "Я взял их из рук двенадцати спасителей сокровища света, согласно повелению первой тайны. Эти силы, таким образом, я бросил в утробы ваших матерей, когда пришел в мир, и это те, которые находятся в ваших телах сегодня" (*Pistis Sophia*, i. II, перевод Мида).

[426] Cp. Nutt, *Voy. of Bran*, ii. 27 ff., 45 ff., 54 ff., 98-102.

[427] Cp. *ib.*, p. 105.

[428] В этой главе, в значительной степени являющейся результатом моих собственных специальных исследований и наблюдений в области кельтской археологии, я хочу выразить признательность за очень ценные предложения, сделанные мне профессором Дж. Лотом как в его лекциях, так и лично.

[429] См. Дэвид Макричи, "*Фианы, феи и пикты*"; также его "*Свидетельства традиции*".

[430] Майерс в книге "*Выживание человеческой личности*" (ii. 55-6) показывает, что "дух умершего еще долгое время после смерти, кажется, озабочен местом, где лежат его кости". Среди современных некультурных рас существует теория, параллельная этой, к которой пришли в результате тщательных научных исследований, а именно, что призраки преследуют могилы и памятники, связанные с мертвыми: согласно австралийским арунтам, "двойник" витает возле тела, пока тело не превращается в пыль, дух или душа умершего отделяется от этого "двойника" или призрака в момент смерти или вскоре после нее (Spenser and Gillen, *Nat. Tribes of Cent. Aust.*).

[431] См. *Les Grottes*, t. i; *Les Menhirs*, *Les Dolmens*, *Les Tumulus*, и *Cultes et observances mégalithiques*, t. iv.

[432] 17 апреля 1909 года в Карнаке, в естественной расщелине в теле тончайшего менгира, расположенного в верховьях горы Кермарио, я совершенно случайно, при тщательном изучении геологической структуры менгира, обнаружил римско-католическую монету (или медаль) святого Петра. Место в менгире, где была обнаружена эта монета, находится на южной стороне примерно в пятнадцати дюймах над поверхностью земли. Менгир очень высокий и плавно закругленный, и нет никакой возможности, чтобы монета случайно упала в расщелину. Также нет никакой вероятности, что монета была помещена туда без серьезной цели; это такой предмет, которым мог обладать только взрослый человек. Изучение оставшегося на монете звена, которое, несомненно, раньше соединяло ее с ожерельем или ниткой молитвенных бус, показывает, что оно было специально открыто, чтобы освободить монету в тот момент, когда она была помещена в камень. Если бы монета была случайно оторвана от цепочки или нитки молитвенных бус, то звено представляло бы собой отверстие другого рода. Но было бы совершенно неразумно предполагать, что по какой-то случайности монета могла попасть в то место, где я ее нашел. Я показал монету М. З. Ле Рузику, сотруднику музея Карнака, и он, как и я, считает ее свидетельством или доказательством культа, возведенного в культ камней здесь, в Бретани. Монета, должно быть, была тайно помещена в менгир каким-то благочестивым крестьянином в качестве прямого *ex voto* за какую-то полученную или требуемую услугу. Монета несколько обесцвечена и, вероятно, пролежала в камне несколько лет, хотя и не может быть очень старой. А подношение монеты духу, обитающему в менгире, параллельно с бросанием монет, булавок или других предметов в священные фонтаны, что, как мы знаем, является бесспорной практикой".

[433] Cp. A. C. Kruijt, *Het Animisme in den Indischen Archipel*; цитируется в Crawley's *Idea of the Soul*, p. 133.

[434] Cp. Weidemann, *Ancient Egyptian Doct. Бессмертие*, стр. 21.

[435] Cp. Mahé, *Essai*.

[436] Tylor, *Prim. Cult.*, ⁴ii. 143 ff., 169, 172.

[437] Marett, *The Threshold of Religion*, с. i.

[438] Mahé, *Essai*, p. 230.

[439] Существует известный спор о том, является ли коронационный камень, находящийся сейчас в Вестминстерском аббатстве, *Луа Фаилом*, или же камень-столб, до сих пор находящийся в Таре, *является Луа Фаилом*. См. статью Э. С. Хартленда в *Folk-Lore*, xiv. 28-60.

[440] Эти "идолы", вероятно, не были настоящими изображениями, а просто бесформенными каменными столбами, установленными на конце в земле; поэтому их правильнее было бы назвать фетишами.

[441] Stokes, in *Rev. Celt.*, i. 260; Rhys, *Hib. Lect.*, pp. 200-1.

[442] Очень много первоклассных свидетельств указывают на то, что менгир рассматривался первобытными кельтами и как обитель бога или место божественной власти, и как фаллический символ (см. Jubainville, *Le culte des menhirs dans le monde celtique*, in *Rev. Celt.*, xxvii. 313). Как фаллический символ, менгир должен был быть неразрывно связан с кельтским культом солнца; потому что среди всех древних народов, где преобладало фаллическое поклонение, солнце почиталось как высшая мужская сила во внешней природе, из которой исходит вся жизнь, а фаллос почитался как соответствующая сила в человеческой природе.

[443] *Silva Gadelica*, ii. 137.

[444] Профессор Дж. Лот говорит: "Этимологически *le mot est composé de CROM, courbe, arque, formant creux, convexe, et de LLECH, pierre plate*" (*Rev. Celt.*, xv. 223, *Dolmen, Leach-Derch, Peulvan, Menhir, Cromlech*). В Корнуолле, Уэльсе и Ирландии вместо специфически бретонского слова *dolmen* (состоящего из *dol* [для *tol* == *tav*], означающего *стол*, и *men* [среднебретонское *maen*], означающее *камень*) используется слово *cromlech*. Кромлех - это валлийский эквивалент бретонского *дольмена*, но бретонские археологи используют *кромлех* для описания круга, образованного менгирами.

[445] Rhys, *Hib. Lect.*, pp. 193-4.

[446] *Ib.*, p. 192; из издания Сан-Марте, pp. 108-9, 361.

[447] *Ib.*, p. 193.

[448] *Ib.*, pp. 194-5; cp. *Bibliotheca of Diodorus Siculus*, ii. с. 47.

[449] Edith F. Carey, *Channel Island Folklore* (Guernsey, 1909).

[450] Mahé, *Essai*, p. 198.

[451] Mahé, *Essai*, pp. 287-9.

[452] Место проведения *горседда* для современных валлийских инициаций, под руководством которых проводится Eisteddfod, также должно находиться внутри круга камней, "лицом к солнцу и глазу света, поскольку нет власти проводить *горседд* под покровом или

ночью, но только там и до тех пор, пока солнце видно на небе" (Rhÿs, *Hib. Lect.*, pp. 208-9; из *Iolo MSS.*, p. 50).

[453] Недавно, выступая перед Оксфордским антропологическим обществом, д-р Мюррей утверждал, что сатиры греческой драмы первоначально могли быть масками инициаторов на греческих посвящениях. (См. *The Oxford Magazine*, February 3, 1910, p. 173.)

[454] Edith F. Carey, op. cit.

[455] Mahé, *Essai*, pp. 126-9.

[456] Mahé, *Essai*, pp. 126-9.

[457] Rhÿs, *Arth. Leg.*, p. 339.

[458] Edith F. Carey, op. cit.

[459] Montelius' *Les Temps préhistoriques en Suède*, par S. Reinach, p. 126. (Paris, 1895).

[460] H. Schliemann, *Mycenae* (London, 1878), p. 213.

[461] Walhouse, in *Journ. Anthropol. Inst.*, vii. 21. Эти дравиды немного выше чистых негритосов, их вероятных предков; и индийская традиция считает их строителями индийских дольменов, так же как кельтская традиция считает фей и *корриганов* (часто описываемых как темнокожие или даже чернокожие карлики) строителями дольменов и мегалитов у кельтов. По всей видимости, в таких народных преданиях, которые правильно или неправильно считают фей, *корриганов* или дравидов строителями древних каменных памятников, сохранилась народная память о ранних расах людей, которые могли быть негритосами (карликовыми неграми). Эти расы в результате естественного антропоморфного процесса стали отождествляться с духами умерших и другими духовными существами, которым посвящались памятники и которым они поклонялись. Здесь, опять же, теория пигмеев предстает в своем истинном относительном значении: она подчинена фундаментальному анимизму веры фей.

[462] J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique* (Paris, 1908), i. 468, 302, 308, 311, 576, 610 и т. д.

[463] Этот знаменитый камерный тумулус "имеет около 700 футов в окружности, или около 225 футов в диаметре, и от 40 до 50 футов в высоту" (G. Coffey, in *RI. Ir. Acad. Trans.* [Dublin, 1892], xxx. 68).

[464] G. Coffey, in *RI. Ir. Acad. Trans.*, xxx. 73-92.

[465] Fol. 190 b; trans. O'Curry, *Lectures*, p. 505.

[466] Г-н Коффи цитирует из *Сенхус-на-Релек*, в *Л. У.*, этот важный отрывок: "Знатные люди Туатха Де Дананн имели обыкновение хоронить в Бруге (т.е. Дагда с его тремя сыновьями; также Лугайдх, и Оэ, и Оллам, и Огма, и Этан Поэтесса, и Корпре, сын Этана)" (G. Coffey, op. cit., xxx. 77). Однако рукопись, будучи поздней и находясь под непосредственным христианским влиянием, лишь несовершенно повторяет очень древнюю кельтскую традицию: бессмертная раса богов в ней рационализирована переписчиками и подвержена смерти.

[467] W. C. Borlase, *Dolmens of Ireland* (London, 1897), ii. 346 n.

[468] Как переведено в *Silva Gadelica*, ii. 109-11.

[469] Borlase, op. cit., ii. 346-7 n.

[470] Borlase, op. cit., ii. 346-7 n.

[471] *Ib.*, ii. 347 n.

[472] Хороший пример каменного ложа святого можно увидеть сейчас в Глендалоу, каменное ложе святого Кевина, высоко над скалистым берегом озера.

[473] Coffey, op. cit., xxx. 73-4, из R. I. A. MS., автор Майкл О'Лонган, 1810 г., стр. 10, перевод Дугласа Хайда.

[474] Coffey, op. cit., xxv. 73-4, из R. I. A. MS. Майкла О'Лонгана, датированного 1810 г., р. 10, и переведенного Дугласом Хайдом.

[475] Borlase, op. cit., ii. 347 n.

[476] O'Donovan, *Four Masters*, i. 22 n.

[477] Rhÿs, *Hib. Lect.*, pp. 148-50.

[478] Ср. O'Curry, *Manners and Customs*, ii. 122; iii. 5, 74, 122; Rhÿs, *Hib. Lect.*, pp. 150, 150 n.; Jubainville, *Essai d'un Catalogue*, p. 244.

[479] Rhÿs, *Hib. Lect.*, p. 194.

[480] Ирландский аналог Math ab Mathonwy - Math mac Umóir, маг (*Book of Leinster*, f. 9^b; ср. Rhÿs, *Trans. Third Inter. Cong. Hist. Religions*, Oxford, 1908, ii. 211).

[481] Rhÿs, *ib.*, pp. 225-6; ср. R. B. *Mabinogion*, p. 60; *Triads*, i. 32, ii. 20, iii. 90. Укрепленная вершина холма, ныне известная как Пен-и-Гаер, или "Холм Крепости", на западной стороне Конвея, на горе в пределах видимости от железнодорожной станции Тал-и-Кафн, Карнарвоншир, рассматривается сэром Джоном Роном как место давно забытого культа Мата Древнего. (Rhÿs, *ib.*, p. 225).

[482] Этот каменный бассейн, который сейчас находится в центре внутренней камеры, первоначально, по-видимому, стоял в восточной нише, самый большой и богато украшенный надписями. Его длина составляет 4 фута, поперечник - 3 фута 6 дюймов, а толщина - 1 фут (Coffey, op. cit., xxx. 14, 21).

[483] Ср. W. M. Flinders Petrie, *The Pyramids and Temples of Gizeh* (London, 1883), p. 201.

[484] Все главные мегалиты этого типа, вместе с главными выравнителями, которые я лично осмотрел с помощью компаса в Ирландии, Шотландии, на острове Мэн, в Уэльсе, Корнуолле и Бретани, определенно выровнены по востоку и западу. Однако нельзя утверждать, что все мегалитические памятники в кельтских странах имеют определенную ориентацию (см. "*Manuel d'Archéologie*" Дешелье).

[485] L. P. McCarty, *The Great Pyramid Jeezeh* (San Francisco, 1907), p. 402.

[486] Jubainville, *Le Cycle Myth. Irl.*, p. 28.

[487] Maspero, *Les Contes populaires de l'Égypte Ancienne*, ⁽³⁾p. 74 n.

[488] Tylor, *Prim. Cult.*,⁴ii. 426.

[489] W. H. Prescott, *Conquest of Peru*, i, c. 3.

[490] Rochefort, *Iles Antilles*, p. 365; cp. Tylor, *P. C.*,⁴ii. 424.

[491] Colebrooke, *Essays*, vols. i, iv, v; cf. Tylor, *P. C.*,⁴225.

[492] *Illus. Hist. and Pract. of Thugs* (London, 1837), p. 46; cp. Tylor, *P. C.*,⁴ii. 425.

[493] Augustin, *de Serm. Dom. in Monte*, ii. 5; cp. Tylor, *P. C.*,⁴ii. 427-8.

[494] Ezek. viii. 16. Распространенное мнение, что христиане обращаются в молитве к востоку или ставят алтари на восток, потому что Иерусалим находится на востоке, не согласуется с фактами.

[495] Cp. Lenormant, *Chaldean Magic*, p. 88; также Tylor, *Prim. Cult.*,⁴ii. 48-9.

[496] Хотя писатель не является масоном, он черпает свои знания у масонов самого высокого ранга, а также из опубликованных масонами работ, таких как "*Великая пирамида Джизе*" г-на Карти.

[497] Cp. Borlase, *Dolmens of Ireland*, ii. 347 n.

[498] C. Piazzzi Smyth, *Our Inheritance in the Great Pyramid* (London, 1890).

[499] Flinders Petrie, *The Pyramids and Temples of Gizeh*, pp. 169, 222.

[500] C. Piazzzi Smyth, op. cit.

[501] В 1770 году, когда Нью-Грейндж, очевидно, не был покрыт зарослями деревьев, как сейчас, его посетил губернатор Поуналл и описал его как пирамиду в общих чертах: "Пирамида в ее нынешнем состоянии" - "это лишь руины того, чем она была" (Coffey, op. cit., xxx. 13).

[502] Le Dr. G. de C., *Locmariaquer et Gavrinis* (Vannes, 1876), p. 18.

[503] Согласно Le Dr. G. de C., op. cit., p. 18.

[504] Г-н Коффи говорит о подобных деталях в ирландских тумулусах: "При строительстве таких камер обычно можно найти своего рода подоконник или низкий камень, установленный напротив входа в главную камеру и у отверстий в меньшие камеры или углубления; такие камни также встречаются, уложенные с интервалами по дну проходов. Это характерно для построек в Дауте и каирнов на холмах Лафкрю, но полностью отсутствует в Нью-Грейндже" (op. cit., xxx. 15). Однако Нью-Грейндж в большей или меньшей степени пострадал от вандализма и первоначально мог содержать подобные каменные пороги".

[505] Flinders Petrie, *The Pyramids and Temples of Gizeh*, p. 216.

[506] Maspero, op. cit., p. 69 n., &c. Общемировая антропоморфная тенденция строить гробницы для богов и мертвых по образцу земных жилищ так же очевидна при раскопках в Микенах, как и в Древнем Египте и в кельтских землях.

[507] Cp. Bruns, *Canones apostolorum et conciliorum saeculorum*, ii. 133.

[508] Cp. F. Maassen, *Concilia aevi merovingici*, p. 133.

[509] Cp. Boretius, *Capitularia regum Francorum*, i. 59; по каждой из вышеприведенных ссылок см. Jubainville, *Le culte des menhirs dans le monde celtique*, in *Rev. Celt.*, xxvii. 317.

[510] Cp. Mahé, *Essai*, p. 427.

[511] См. Villemarqué *sur Bretagne*.

[512] Cp. Mahé, *Essai*, p. 326; цитируется по *De Glor. Conf.*, с. 2.

[513] Cp. Mahé, *Essai*, p. 326; цитируется по *De Glor. Conf.*, с. 2.

[514] Cp. Mahé, *Essai*, p. 326; цитируется по *Goth.*, lib. ii.

[515] A. W. Moore, in *Folk-Lore*, v. 212-29.

[516] Cp. Rhÿs, *Arthurian Legend*, p. 247.

[517] Borlase, *Dolmens of Ireland*, iii. 729.

[518] Stokes, *Tripartite Life of Patrick*, pp. 99-101.

[519] Там же, текст, с. 123, 323, и введение, с. 159.

[520] Книга II, 69-70; см. наше исследование, с. 267.

[521] Ренн *Динншенхас*, перевод Стокса в *Rev. Celt.*, xv. 457.

[522] Cp. Mahé, *Essai*, p. 323.

[523] Возможно, кельты считали омелу на священном дубе местом жизни дерева, потому что во время зимнего сна безлистного дуба омела сохраняет свою листву и плоды, и, подобно сердцу спящего, продолжает пульсировать жизненной силой. Таким образом, омела, рассматриваемая как сердечный центр божественного духа в дубе, срезалась золотым серпом друидом, облаченным в чистые белые одежды, среди большой религиозной торжественности, и становилась заместительной жертвой или искуплением для поклоняющихся богу дерева. (Cp. Frazer, *G. B.*,²iii. 447 ff.)

[524] Плиний, *Nat. Hist.*, xvi. 95; cp. Rhÿs, *Hib. Lect.*, p. 218.

[525] *Dissert.*, viii; cp. Rhÿs, *ib.*, p. 219.

[526] Meineke's ed., xii. 5, 1; cp. Rhÿs, *ib.*, p. 219. Дуб - преимущественно священное дерево Европы. Не только кельты, но и славяне поклонялись ему в рощах. Для германцев он был главным богом; древние итальянцы почитали его выше всех других деревьев; первоначальное изображение Юпитера на Капитолии в Риме, похоже, было натуральным дубом. В Додоне Зевсу поклонялись как имманентному священному дубу. Cp. Frazer, *G. B.*,²iii. 346 ff.

[527] Cp. Mahé, *Essai*, pp. 333-4; цитата из *Hist. du Maine*, i. 17.

[528] Cp. Mahé, *Essai*, p. 334; цитата из *Lib. VII, indict. i, epist. 5*.

[529] Stokes, *Tripartite Life*, p. 409.

[530] Cp. Wood-Martin, *Traces of the Older Faiths in Ireland*, i. 305.

[531] W. Gregor, *Notes on Beltene Cakes*, in *Folk-Lore*, vi. 5.

[532] Temple, *Legends of the Panjab*, in *Folk-Lore*, x. 406.

[533] Lefèvre, *Le Culte des Morts chez les Latins*, in *Rev. Trad. Pop.*, ix. 195-209.

[534] См. *Folk-Lore*, vi. 192.

[535] Термин "Люди мира", однако, кажется, возник от смешения *sid*, "обитель фей", и *síd*, "мир".

[536] Cp. *Le Cycle Myth. Irl.*, p. 102.

[537] Крокодил как мистический символ Ситу дает один ключ к разгадке тайн того, что выдающиеся египтологи ошибочно называют поклонением животным, ошибочно потому, что они интерпретируют буквально то, что можно интерпретировать только символически. Крокодил назван "сыном Ситу" в *магическом папирусе*, Harris, pl. vi, ll. 8-9 (cp. Maspero, *Les Contes populaires de l'Égypte Ancienne*, [539] Intro., p. 56); и как воды, кажется, поглощают солнце, когда оно опускается за горизонт, так и крокодил, как Ситу, представляющий воды, проглатывает детей Осириса, как называли себя египтяне. С другой стороны, Осириса олицетворяет белый бык, у многих народов эмблема солнца, белый цвет - эмблема чистоты и света, а сила быка представляет мужественность солнца, которое оплодотворяет всю природу, всегда считавшуюся женской, жизненными началами.

[538] Cp. Maspero, op. cit., Intro., p. 49.

[539] Cp. Borlase, *Dolmens of Ireland*, iii. 854.

[540] Cp. Lefèvre, *Rev. Trad. Pop.*, ix. 195-209.

[541] Дж. Г. Кэмпбелл собрал в Шотландии две версии параллельного эпизода, но касающегося Лох-Лургана. В обеих версиях бегство начинается с того, что приемная мать Фионна несет Фионна, и в обеих, когда она устает, Фионн несет ее и бежит так быстро, что когда достигает лоха, от нее остаются только голени. Их он выбрасывает в озеро, и отсюда его название Лох Лурган, "Озеро голенищ". (*The Fians*, pp. 18-19).

[542] В семнадцатом веке английское правительство, действуя через своих представителей в Дублине, приказало снести эту первоначальную Пещеру или Чистилище; и с временным прекращением церемоний, которое привело к этому, и последующим оставлением острова, Пещера, которая, возможно, была заполнена, была потеряна.

[543] Томас Райт, *Чистилище святого Патрика* (Лондон, 1844), с. 67-8.

[544] Райт, указ. соч., с. 69.

[545] Перед лицом всех легенд, рассказанных о паломниках, побывавших в Чистилище Патрика, кажется, что либо в результате религиозного безумия, подобного тому, что происходит во время протестантских возрождений, либо благодаря какому-то странному влиянию самой пещеры после предварительной дисциплины, некоторые из паломников испытывали самые необычные психические переживания. Те, кто испытал на себе пост и строгую жизнь в течение установленного периода, утверждают, что в результате меняется их физическое, психическое и духовное состояние, так что вполне вероятно, что христианские паломники в Чистилище, как и языческие паломники, которые "постились" на Туатха Де Дананн в Нью-Грейндже, были в хорошем состоянии, чтобы получить впечатления психического характера, подобные тем, которые, как начинает считать Общество психических исследований, отнюдь не редкость для восприимчивых к ним людей. Неофиты, ищущие посвящения у древних, должны были пройти еще более строгую подготовку, чем

эти; ведь от них ожидали, что во время посвящения они покинут свое физическое тело и в действительности войдут в чистилище, как мы еще будем иметь случай указать.

[546] Wright, *St. Patrick's Purgatory*, pp. 62 ff.

[547] L. R. Farnell, *Cults of the Greek States* (Oxford, 1907), iii. 126-98, &c.

[548] Cp. Athenaeus, 614 A; Aristoph., *Nubes*, 508; и Harper's *Dict. Class. Lit. and Antiq.*, p. 1615.

[549] Cp. O. Seyffert, *Dict. Class. Antiquities*, trans. (London, 1895), *Mithras*.

[550] Brasseur, *Mexique*, iii. 20, &c.; Tylor, *P. C.*,⁴ii. 45.

[551] Cp. Hutton Webster, *Primitive Secret Societies* (New York, 1908), p. 38, and *passim*.

[552] В древнегреческом мире ежегодное празднование Мистерий привлекало огромные толпы людей со всех регионов вокруг Средиземноморья; В современном бретонском мире главные религиозные Пардоны являются ежегодными событиями такой важности, что, приготовив много еды для паломничества, вся семья благочестивого крестьянина Нижней Бретани покидает ферму и работу, одевшись в свои красивые и лучшие костюмы для одного из этих Пардонов, самых живописных, самых вдохновляющих и самых высоких народных праздников, все еще сохраняемых Римской церковью; а для католиков всех стран паломничество к Лаф Дергу является священным событием всей жизни.

В бретонских пардонах, как и в чистилищных обрядах, мы, кажется, видим пережитки очень древних кельтских мистерий, поразительно похожих на мистерии Элевсиса. Величайший из Пардонов, Пардон Святой Анны д'Орай, послужит основой для сравнения; и хотя в некоторых отношениях он имел недавнее и определенно историческое происхождение (или возрождение), это происхождение, по свидетельствам археологии, было восстановлением, расширением и, главным образом, христианизацией доисторических обрядов, которые тогда уже частично пришли в упадок. Такие обряды оставались скрытыми в народной памяти и первоначально праздновались в честь священного фонтана, а также, вероятно, Изиды и младенца, чье терракотовое изображение было распахано на соседнем поле знаменитым крестьянином Николаем, и, естественно, воспринималось им и всеми, кто его видел, как изображение Святой Анны и Святого Младенца. Так, во время помилования святой Анны д'Орай, которое длится три дня, ночью с церковной санкции проходит факельная процессия; как и в мистериях Цереры, где неофиты с зажженными факелами всю ночь искали Прозерпину. Существуют очистительные обряды, не особенно под церковной санкцией, у святого фонтана, ныне посвященного Святой Анне, подобно очистительным обрядам элевсинских поклонников на берегу моря и их посещению святого колодца. Недавно были учреждены мистерии, как в греческих церемониях инициации; священные процессии, возглавляемые жрецами, несущими образ Святой Анны и другие изображения, сравнимые с греческими священными процессиями, в которых бог Иакхос был пронесен по пути в Элевсис. Всенощные службы в тускло освещенной церкви Святой Анны, со специальными мессами в честь христианских святых и по умершим, параллельны полуночным церемониям греков в их пещерах посвящения и возлияниям богам и духам усопших во время греческих инициаций. Наконец, в греческих мистериях, по-видимому, существовала своего рода назидательная проповедь или увещевание для собравшихся неофитов, вполне сопоставимое с особым обращением епископов и высших церковных деятелей Бретани к верующим католикам, собравшимся в великолепной церкви Святой Анны д'Орай. (Для этих классических параллелей сравните Farnell, *Cults of the Greek States*, iii, *passim*.)

[553] Cp. Rhys, *Hib. Lect.*, p. 411, &c.

[554] O'Curry, *Lectures*, pp. 586-7.

[555] О пещере Круахан существует очень значимая легенда: "Из пещеры Круахан вышел Магх Мукрим, свиньи магии, и это врата ада Ирландии". И "Из нее же вышли красные птицы, которые иссушили все в Эрине, чего коснулось бы их дыхание, пока ольстермцы не убили их своими пращами". (*B. of Leinster*, p. 288a; перевод Стоукса, в *Rev. Celt.*, xiii. 449; ср. *Silva Gadelica*, ii. 353.)

[556] Forbes, *Lives of S. Ninian and S. Kentigern* (Edinburgh, 1874), pp. 285, 345.

[557] Ср. Wright, *St. Patrick's Purgatory*, pp. 81-2.

[558] Ср. Godescard, *Vies des Saints*, xi. 24; также Bergier, *Dict. de Théol.*, v. 405.

[559] Ср. Godescard, *Vies des Saints*, xi. 32. Но в этом вопросе дат есть некоторые разногласия: Petrus Damianus, *Vita S. Odilonis*, в болландистском *Acta Sanctorum*, 1 января, записывает легенду о том, как аббат Одилон постановил, что 2 ноября, следующий день после Дня всех святых, должен быть выделен для служб по усопшим (ср. Tylor, *Prim. Cult.*, 4ii. 37 n.).

[560] Ср. Godescard, *Vies des Saints*, xi. 1 n.

[561] Часть II, разд. 4; с. 4, par. 8; ср. Bergier, *Dict. de Théol.*, iv. 322.

[562] P. 11^a, l. 19; в Stokes's *Tripartite Life*, Intro., p. 194.

[563] *Enchiridion*, chap. cx; *Testament of St. Ephrem* (ed. Vatican), ii. 230, 236; Euseb., *de Vita Constant.*, liv. iv, с. lx. 556, с. lxx. 562; ср. Godescard, *Vies des Saints*, xi. 30-1.

[564] St. Ambroise, *de Obitu Theodosii*, ii. 1197; ср. Godescard, *Vies des Saints*, xi. 31 n.

[565] Ср. Godescard, *Vies des Saints*, xi. 31-2.

[566] Я обязан мистеру Уильяму Макдугалу, магистру философии Уайльда в Оксфордском университете, за то, что он прочитал и раскритиковал первый вариант этого раздела; и хотя он никоим образом не несет ответственности за изложенные здесь взгляды, тем не менее его предложения по улучшению их научной основы были очень ценными. Я также должен выразить ему свою признательность за то, что он предложил в своих оксфордских лекциях значительную часть важного материала, вплетенного в главу xii, касающуюся виталистического взгляда на эволюцию.

[567] Ср. C. Du Prel, *Philosophy of Mysticism* (London, 1889), i. 7, 11.

[568] T. Ribot, *The Diseases of Personality*; ср. J. L. Nevius, *Demon Possession* (London, 1897), pp. 234-5.

[569] *Proc. S. P. R.* (London), v. 167; ср. A. Lang, *Making of Religion*, p. 64.

[570] У. Джеймс, "Признания "психического исследователя"", в "Американском журнале" (октябрь 1909 г.).

[571] A. Lang, *Cock Lane and Common Sense* (London, 1896), p. 35.

[572] Согласно профессору Фрейду, известному венскому невропатологу, внешние стимулы не допускаются в сознание сновидения так же, как они были бы допущены в сознание бодрствования, но они маскируются и изменяются особым образом (ср. S. Freud, *Die*

Traumdeutung, 2nd ed., Vienna, 1909; и S. Ferenczi, *The Psychological Analysis of Dreams*, in *Amer. Journ. Psych.*, April 1910, No. 2, xxi. 318, &c.).

[573] Du Prel, op. cit., i. 135.

[574] G. F. Stout, Mr. F. W. Myers on 'Human Personality and its Survival of Bodily Death', in *Hibbert Journal*, ii, No. 1 (London, October 1903), p. 56.

[575] F. W. H. Myers, *Human Personality and its Survival of Bodily Death* (London, 1903), i. 131.

[576] R. L. Stevenson, *Across the Plains*, глава о снах.

[577] Stout, op. cit., p. 54.

[578] Freud, op. cit.; Ferenczi, op. cit.; E. Jones, *Freud's Theory of Dreams*, in *Amer. Journ. Psych.*, April 1910, No. 2, xxi. 283-308.

[579] Freud, *The Origin and Development of Psychoanalysis*, in *Amer. Journ. Psych.*, April 1910, No. 2, xxi. 203.

[580] Du Prel, op. cit., i. 33.

[581] Myers, op. cit., i. 134.

[582] Fechner, *Zentralblatt für Anthropologie*, p. 774; cp. Du Prel, op. cit., i. 92.

[583] Haddock, *Somnolism and Psychism*, p. 213; cp. Du Prel, op. cit., i. 93.

[584] Perty, *Mystische Erscheinungen*, i. 305; cp. Du Prel, op. cit., ii. 63.

[585] Kerner, *Seherin v. Prevorst*, p. 196; cp. Du Prel, op. cit., ii. 65.

[586] Chardel, *Essai de Psychologie*, p. 344; cp. Du Prel, op. cit., ii. 64.

[587] Cp. Du Prel, op. cit., i. 88-9.

[588] Myers, op. cit., chapter vi.

[589] Stout, op. cit., pp. 64, 61-2.

[590] Lang, Mr. Myers's *Theory of 'The Subliminal Self'*, in *Hibbert Journal*, ii, No. 3 (April 1904), p. 530.

[591] Своеобразные и часто уникальные характеристики фей любой конкретной сказочной веры, как мы указывали в главе iii (pp. 233, 282), следует рассматривать как всего лишь антропоморфно окрашенные отражения социальной жизни или окружающей среды конкретной этнической группы, придерживающейся данной сказочной веры; и, как предполагает мистер Лэнг, когда они лишаются этих поверхностных характеристик, обусловленных такой социальной психологией, они становятся призраками мертвых или другими духовными существами.

Наши собственные исследования приводят нас к убеждению, что за чисто мифическим аспектом этих фей существует существенный субстрат реальных явлений, пока еще не получивших удовлетворительного объяснения со стороны науки; что такие явления были в прошлом и являются в настоящее время главным источником веры в фей, что они лежат в

основе всех сказочных мифологий. Достаточно сослаться на следующие явления, наблюдаемые у кельтов и других народов и приписываемые ими "феям" или "духам": (1) музыка, которая, по мнению компетентных наблюдателей, имеет нечеловеческое происхождение и поэтому называется кельтами "музыкой фей", будь то вокал или инструментальные звуки; (2) движение предметов без известных причин; (3) стук и другие шумы, называемые "сверхъестественными" (см. с. 81 и сл, 481-4, 488; также с. 47, 57, 61, 67, 71, 72, 74, 88, 94, 98, 101, 120, 124, 125, 131, 132, 134, 139, 148, 156, 172, 181, 187, 213, 218, 220, &c.).

[592] Мы надеемся, что эта книга поможет уменьшить заметный недостаток записанных свидетельств о "сказочных" существах и "сказочных" явлениях, наблюдаемых надежными очевидцами. Мы постарались продемонстрировать, что подлинные явления "фей" и подлинные явления "духов" в большинстве случаев идентичны. Поэтому мы считаем, что если "духовные" явления достойны внимания науки, то и "сказочные" явления также заслуживают внимания. Вера в фей в ее *типичных* или *обычных аспектах* (помимо анимизма, который мы обнаружили в основе этой веры), как было отмечено в нашем антропологическом исследовании доказательств (стр. 281-2), обусловлена очень сложной социальной психологией. В этой главе мы исключили всю социальную психологию, как не являющуюся существенным фактором в вере в фей. Поэтому, с нашей точки зрения, подразумеваемое г-ном Лэнгом объяснение типичных видений фей, что они вызваны "внушением, действующим на подсознание", не относится к более редким видам видений фей, которые составляют часть нашего *x*-количества (см. с. 60-6, 83-4 и т. д.). Если это так, то это также относится ко всем некельтским видениям духов, как в древние, так и в современные времена; и анимистическая гипотеза, принятая сейчас большинством исследователей психики, а именно, что воплощенные интеллекты существуют независимо от перцепиента, должна быть отброшена в пользу неанимистической гипотезы. Если, с другой стороны, признать, что феномены "фей", как мы утверждаем, по сути, тождественны феноменам "духов", то вера в фей перестанет быть чисто мифической, а "фейские" видения кельтского провидца, который физически и психически здоров, не будут возникать из-за того, что внушение провидца действует на его собственное подсознание; Но некоторые типы "сказочных" видений, несомненно, возникают в результате внушения, *исходящего от "феи" или другого интеллекта*, действующего на сознание или подсознание воспринимающего (см. pp. 484-7).

[593] Lang, *Cock Lane and Common Sense*, pp. 208, 35.

[594] Sir Oliver Lodge, *Psychical Research*, in *Harper's Mag.*, August 1908 (New York and London).

[595] Sir Oliver Lodge, *The Survival of Man* (London, 1909), p. 339.

[596] James, op. cit., pp. 587-9.

[597] Читателей отсылают к таким авторитетным работам, как "*Фантазмы живых*" (Лондон, 1886), авторы Гурни, Майерс и Подмор; "*Отчет о переписи галлюцинаций современного спиритизма*", подготовленный Комитетом профессора Сиджвика; "*Натурализация сверхъестественного*" (Нью-Йорк и Лондон, 1908), авторы Ф. Подмор; к *выживанию человеческой личности*, Ф. У. Х. Майерс; и другие подобные работы, все из которых вышли из "*Трудов Общества психических исследований*" (Лондон).

[598] C. Flammarion, *Mysterious Psychic Forces*, pp. 441, 431.

[599] Sir Wm. Crookes, *Notes of an Enquiry into Phenomena called Spiritual, during the years 1870-73* (London), Part III, p. 87.

[600] См. *Quart. Journ. Science* (июль 1871 г.).

[601] Cp. Lang, *Cock Lane and Common Sense*, p. 281; другие случаи перемещения объектов без контакта см. там же, pp. 50, 52, 53, 58, 122 и далее. См. также статью Ф. Подмора о полтергейсте в *Proceedings S. P. R.*, xii. 45-115; и его "Натурализация сверхъестественного", глава vii.

[602] Sir Wm. Crookes, op. cit., Part III, p. 100.

[603] *Ib.*, p. 94.

[604] Lang, *Cock Lane and Common Sense*, pp. 60, 81, 139, &c.

[605] Используя в качестве основы данные Комитета профессора Сиджвика и результаты, полученные ранее Гурни, Майерсом и Подмором (см. "Фантазмы живых"), мистер Уильям Макдугалл вкратце показывает вероятность появления наваждения в течение двенадцати часов после смерти человека, которого оно представляет. Он говорит: "Из всех признанных явлений живых людей только одно из 19 000 может оказаться подобным совпадением со смертью. Но перепись показывает, что из 1300 признанных явлений живых людей 30 являются совпадениями со смертью, а это эквивалентно 440 из 19 000. Следовательно, из признанных галлюцинаций, совпадающих со смертью, в 440 раз больше, чем мы должны были бы ожидать, если бы не было причинно-следственной связи". И мистер Макдугалл заключает: "... поскольку экспериментально получены веские доказательства телепатической связи, наименее невероятным объяснением этих предсмертных явлений является то, что умирающий оказывает на своего далекого друга некое телепатическое воздействие, которое порождает галлюцинаторное восприятие себя" (*Hallucinations*, in *Ency. Brit.*, 11th ed., xii. 863).

[606] Myers, op. cit., ii. 65, 45 ff., 49 ff., &c.

[607] Nevius, *Demon Possession*, Introduction, pp. iv, vii; pp. 240-2, 144-5. В соответствии со всеми подобными явлениями, исследователи психики логично называют духов, проявляющихся через тело живого человека, одержимыми духами. И как в случае с китайской одержимостью, явления медиумизма часто приводят к моральному расстройству, безумию или даже самоубийству со стороны "медиумов", которые так неразумно проявляют его без специальной подготовки или вообще без подготовки, и слишком часто в полном неведении о возможном постепенном подрыве их психической жизни, силы воли и даже физического здоровья. Все это, по-видимому, дает прямые и определенные доказательства, подтверждающие осуждение христианами и нехристианами всех форм некромантии или вызова духов. Следующее утверждение прояснит нашу позицию по отношению к медиумизму самого распространенного вида:

В друидизме, например, ученики для обучения магическим наукам, как говорят, должны провести двадцать лет в суровом обучении и специальной психической подготовке, прежде чем их сочтут пригодными для того, чтобы называться друидами и, таким образом, контролировать демонов, призраков или всех невидимых существ, способных овладевать живыми мужчинами и женщинами. И даже сейчас в Индии и других странах, как сообщается, все еще существует тот же древний курс суровой дисциплинарной подготовки для кандидатов, стремящихся к магическим способностям. Но в современном спиритизме условия в большинстве случаев совершенно иные, и "медиумы", вместо того чтобы железной

волей, как это делает маг, управлять духами, которые проявляются на *спиритических сеансах*, полностью отдают им свою силу воли и всю свою личность.

[608] Ср. Sigmund Freud, *The Origin and Development of Psychoanalysis*, in *Amer. Journ. Psych.*, xxi, No. 2 (апрель 1910).

[609] Тот факт, что вся материя способна переходить в газообразное или невидимое состояние, дает веские научные основания для постулирования реального существования разумных существ, обладающих невидимым, но физическим телом. На нашей планете и вокруг нее вполне может существовать множество различных невидимых органических форм жизни, не обнаруженных зоологами. Отрицать такую возможность было бы ненаучно".

[610] Ср. сообщение, адресованное Д^{(р)Ж}. Дюпре, стр. 382 эссе о *Метемпсихозе, основанном на принципах биологии и физиологического магнетизма*, в журнале *Le Hasard* (Париж, 1909), автор Р. С. Revel. Известны случаи регенерации среди пожилых людей, которые показывают, как подсознательные жизненные силы пытаются обновить физическое тело, когда оно изнашивается (см. Revel, *ib.*, p. 372).

[611] Ср. Ревель, указ. соч., стр. 295 и далее.

[612] Если ученые откроют, как они, вероятно, со временем сделают, то, что они называют секретом жизни, они вовсе не откроют секрет жизни. Они откроют лишь физические условия, в которых проявляется жизнь. Другими словами, наука, скорее всего, вскоре сможет искусственно создать в лаборатории такие физические условия, которые существуют в природе естественным образом, и с помощью которых жизнь способна проявляться через материю. Жизнь по-прежнему будет оставаться такой же великой загадкой, как и сегодня; хотя недалёковидные материалисты наверняка объявят жаждущему миру, что последняя проблема Вселенной решена и что жизнь - это всего лишь результат тонкого химического соединения.

[613] Профессор Фрейд после долгого и тщательного изучения пришел к следующему выводу: "Ребенок с самого начала обладает сексуальными импульсами и действиями, он приносит их с собой в мир, и из них путем значительного развития через множество стадий возникает так называемая нормальная сексуальность взрослых". А доктор Сэнфорд Белл в своей более ранней работе под названием "*Предварительное исследование эмоций любви между полами*" (см. *Amer. Journ. Psych.*, 1902) пришел к аналогичному выводу (см. Freud, *op. cit.*, pp. 207-8).

[614] См. Ганс Дриш, *Наука и философия организма* (Лондон, 1908); и Анри Бергсон, *Эволюция креатрии* (Париж, 1908).

[615] Этот кельтский взгляд на вневещное бессмертие полностью согласуется со всеми объемными данными психических исследований: после сорока лет научных исследований психики еще не было приведено доказательств того, что человеческая личность как самодостаточная единица сознания неограниченно долго переживает смерть своего тела. Если допустить, что она сохраняется в виде призрака в течение неопределенного периода времени, исчисляемого, как правило, годами, в течение которого она, по-видимому, постепенно угасает или распадается, то нигде нет достоверных свидетельств того, что личность как *таковая* проявилась через "медиум" или иным способом через промежуток времени в тысячу лет или даже в пятьсот лет. На самом деле мы не знаем о выживании человеческой личности через сто лет после смерти, и, вероятно, нет хороших примеров такого выживания через двадцать пять лет после смерти тела. Такой выдающийся

исследователь психики, как Уильям Джеймс, признавал этот дрейф данных экстрасенсов и, умирая, придерживался убеждения, что личного бессмертия не существует (см. с. 505 наст. изд.).

[616] Не склоняясь к виталистическому взгляду на человеческую эволюцию, М. Тн. Рибо очень близок к кельтскому взгляду на Эго (или индивидуальность) как на принцип, придающий единство различным личностям, но он не имеет в виду личности в том смысле, который подразумевается в кельтской эзотерической доктрине перерождения: "Субъективно рассматриваемое Эго состоит из суммы сознательных состояний" (сравнимых с личностями)..... "Вкратце, Эго можно рассматривать двумя способами: либо в его актуальной форме, и тогда оно является суммой существующих сознательных состояний; либо в его непрерывности с прошлым, и тогда оно формируется памятью в соответствии с процессом, описанным выше. Согласно этой точке зрения, казалось бы, что идентичность Эго полностью зависит от памяти. Но такая концепция является лишь частичной. Под неустойчивым составным феноменом во всех его протеиновых фазах роста, дегенерации и воспроизводства есть нечто, что остается: и это нечто - неопределенное сознание, продукт всех жизненных процессов, составляющих телесное восприятие и то, что выражается одним словом - *coenæsthesis*". ("Болезни памяти", с. 107-8).

Уильям Джеймс, величайший психолог нашей эпохи, после долгой и верной жизни, посвященной поискам истинного понимания человеческого сознания, в конце концов пришел к тому же убеждению, что и Фехнер, что личного бессмертия не существует, но что личность - "это лишь временное и частичное выделение и обведение части большего целого, в которое она вновь поглощается после смерти" (W. McDougall, *In Memory of William James*, in *Proc. S. P. R.*, Part LXII, vol. xxv, p. 28). Таким образом, он фактически принял мнение мистика о том, что личность после смерти тела поглощается высшей силой, которая, на наш взгляд, сопоставима с Эго, воспринимаемым как объединяющий принцип, стоящий за личностями. В одной из своих последних работ Джеймс объяснил свою веру таким образом, чтобы в некоторых моментах она совпадала со взглядами современных кельтских мистиков, которые были представлены выше; разница в том, что, в отличие от этих мистиков, Джеймс не был готов сказать (хотя и поднимал этот вопрос), существует ли за "материнским морем" сознания, как считал Фехнер, иерархия сознаний (подчиненных еще более высоким сознаниям и сравнимых со многими Эго или Индивидуальностями), которые посылают эманации в виде временных человеческих личностей. Органические психические формы (если можно употребить такое выражение) таких временных человеческих личностей должны были бы рассматриваться с точки зрения Джеймса как созданные из психических элементов, составляющих "материнское море" сознания, подобно тому, как человеческое тело создано из физических элементов в царстве материи: "Из моего опыта, такого, какой он есть (а он достаточно ограничен), догматически вытекает одно фиксированное заключение, и это то, что мы с нашими жизнями подобны островам в море или деревьям в лесу. Клен и сосна могут шептаться друг с другом листьями, а Конаникут и Ньюпорт - слышать туманные рожки друг друга. Но деревья также переплетают свои корни во тьме под землей, а острова также держатся вместе на дне океана. Точно так же существует континуум космического сознания, на фоне которого наша индивидуальность" (используется как синоним личности, а не в нашем отдельном смысле) "строит лишь случайные ограждения, и в который наши несколько умов погружаются, как в море-мать или водоем. Наше "нормальное" сознание" (личность, как мы отличаем ее от Эго или индивидуальности) "ограничено для адаптации к нашему внешнему земному окружению, но ограда слаба в некоторых местах, и случайные влияния извне проникают внутрь, показывая непроверяемую в остальном общую связь". Не только психические исследования, но и метафизическая философия и спекулятивная

биология по-своему заставляют благосклонно относиться к такому "панпсихическому" взгляду на вселенную, как этот" (W. James, *The Confidences of a Psychical Researcher*, в *The American Magazine*, октябрь 1909). И снова Джеймс пишет: "Дрейф всех имеющихся у нас свидетельств, как мне кажется, очень сильно склоняет нас к вере в некую форму сверхчеловеческой жизни, с которой мы, сами того не подозревая, можем быть в со-знании". (*A Pluralistic Universe*, New York, 1909, p. 309).

[617] W. James, *Varieties of Religious Experience* (London, 1902), pp. 511, 236 n.

[618] М. Th. Ribot, в книге *"Болезни памяти"* (Лондон, 1882), стр. 82-98 и далее, приводит многочисленные примеры такой потери и восстановления памяти.

[619] Cp. Freud, op. cit., pp. 192, 204-5, &c.

[620] Cp. A. Moll, *Hypnotism* (London, 1890), pp. 141 ff., 126.

[621] Cp. A. Moll, *Hypnotism* (London, 1890), pp. 141 ff., 126.

[622] Cp. Freud, op. cit., p. 192.

[623] Freud, *Die Traumdeutung*, 2nd ed. (Vienna, 1906); cp. S. Ferenczi, *The Psychological Analysis of Dreams*, in *Amer. Journ. Psych.* (April 1910), xxi, No. 2, p. 326.

[624] Подобное состояние высокого развития следует предполагать и для великого кельтского героя, такого как Артур, который, если бы он родился заново, принес бы с собой (как это, по преданию, произошло с королем Монганом, реинкарнацией Финна) память о своем прошлом: в отличие от сознания обычного человека, сознание одного из Божественных Существ обычно является подсознанием, сознанием индивидуальности; а не личным сознанием, которое, как и личность, непостоянно *само по себе*. Это еще раз иллюстрирует кельтскую теорию неличного бессмертия.

[625] Ribot, op. cit., p. 100 ff.

[626] Cp. Lang, *Cock Lane and Common Sense*, pp. 217 ff. *Blackwood's Magazine*, cxix (январь 1881 г.), содержит замечательный рассказ о ребенке, который помнил предыдущие жизни. Лорд Линдсей в своих *"Письмах"* (изд. 1847 г., с. 351) говорит о том, что, когда он увидел реку Кадиша, спускающуюся с Ливана, у него возникло ощущение, что в прошлой жизни он видел ту же сцену. Диккенс в своих *"Картинках из Италии"* свидетельствует о параллельном опыте. Э. Д. Уокер в своей интересной работе *"Реинкарнация"* (стр. 42-5) собрал воедино множество других хорошо подтвержденных случаев, когда людям казалось, что они помнят фрагменты прежнего состояния сознательного существования. В своем дневнике под датой 17 февраля 1828 года сэр Вальтер Скотт написал следующее: "Не могу, конечно, сказать, стоит ли это отмечать, что вчера, во время ужина, меня преследовало странное чувство, которое я бы назвал чувством предсуществования, то есть смутная мысль, что все, что происходило, было сказано в первый раз". Lockhart, *Life of Scott* (first ed.), vii. 114. Булвер Литтон в *"Годольфине"* (глава xv) и Эдгар Аллен По в *"Эврике"* описывают подобные переживания. Мистер Х. Филдинг Холл в книге *"Душа народа"* ⁽⁴⁾ (Лондон, 1902), стр. 290-308, сообщает о нескольких весьма примечательных случаях, когда ответственные уроженцы Бирмы заявили, что могут вспомнить прежние жизни, прожитые ими в качестве мужчин и женщин. Мистер Холл тщательно исследовал эти случаи, и у нас сложилось впечатление, что они достойны научного рассмотрения".

[627] Ср. Ferenczi, op. cit., p. 316 и др. Теория сновидений профессора Фрейда полностью поддерживает, но не подразумевает нашу гипотезу о том, что некоторые (и, вероятно, многие) аномальные сновидения редкого типа, хорошие или плохие по своей тенденции, могут быть обусловлены тем, что скрытое содержание подсознания, из которого они, несомненно, возникают, было собрано и перенесено из предыдущего состояния сознания, параллельного нашему нынешнему. Применительно к нашей сегодняшней жизни профессор Фрейд считает, что в результате психоанализа тысяч сновидений скрытое содержание каждого сновидения взрослого человека напрямую зависит от психических процессов, которые часто восходят к самому раннему детству; в качестве иллюстрации он приводит подробные примеры. Другими словами, за сознательным содержанием сновидений всегда стоит скрытый материал сновидений, и, вероятно, часть его была заложена в ребенке при рождении, а значит, согласно нашей точке зрения, существовала заранее. (Ср. Ernest Jones, *Freud's Theory of Dreams*, in *Amer. Journ. Psych.*, April 1910, xxi, No. 2, pp. 301 ff.)

[628] Ср. Du Prel, *Philosophy of Mysticism*, ii. 25 ff., 34 ff.

[629] *The Dream of Ravan*, in *Dublin Univ. Mag.*, xliii. 468.

[630] Майерс, в *Proc. S. P. R.*, vii. 305.

[631] James, *Varieties of Religious Experience*, p. 483.

[632] Эзотерическое учение многих мистических школ древности заключалось в том, что атомы каждого человеческого тела трансигрируют через все низшие формы жизни в течение долгого периода, который, как предполагается, должен пройти между смертью и повторным рождением индивидуальности. Эта доктрина, по-видимому, является одним из основных источников коррупции, которая проникла в древние доктрины перерождения и превратила многие из них в доктрины переселения человеческой души в тела животных и растений; И некоторые недобросовестные священники открыто преподавали эти порочные доктрины как средство сделать невежественное население покорным церковному правлению; теологическая теория, излагаемая такими священниками, заключалась в том, что злодей, но не хранитель буквы канонического закона, осужден на искупление своих грехов через рождение в грубых телах. Чистая форма мистической доктрины заключалась в том, что по истечении долгого периода развоплощения индивидуальность восстанавливает свое человеческое тело заново, притягивая к себе идентичные атомы, составлявшие ее предыдущее человеческое тело - именно эти атомы, а не индивидуальность, прошли трансмиграцию через все низшие царства. Такая эзотерическая доктрина, вероятно, лежит в основе экзотерического египетского учения о том, что душа человека после смерти его тела проходит через все растительные и животные тела в течение трех тысяч лет, после чего возвращается в человеческое воплощение. Некоторые ученые считают, что экзотерическая интерпретация этой теории и ее последующее буквальное толкование как доктрины переселения привели египтян к мумификации тел своих умерших. Ср. Лукреций, *De Rerum Natura*, Книга III, ll. 843-61; и Геродот, Книга II, о Египте.

[633] См. книгу д-ра Л. С. Фугаирона "*Выживаемость моего тела, или Смерть и Возрождение среди живых существ; философские исследования по физиологии и эмбриологии*" (Париж, 1907); ср. Revel, *Le Hasard*, p. 457.

[634] Дарвин никогда не задумывался и не пытался предположить, что именно эволюционирует само по себе, ведь это не может быть физическое тело, которое только *растет* от незрелости до зрелости, а затем распадается. Таким образом, Дарвин упустил из виду важнейший фактор всей своей доктрины; в то время как друиды и другие древние,

более мудрые, чем мы готовы признать, похоже, не только опередили Дарвина на тысячи лет, но и превзошли его в создании своей доктрины повторного рождения, которая объясняет как физическую, так и психическую эволюцию человека.

Перевод с английского

Мой дорогой мистер Венц,

Я вспоминаю, что во время экзамена по вашей диссертации на факультете литературы Реннского университета один из моих коллег, мой друг профессор Доттин, задал вам такой вопрос

"Вы верите, вы утверждаете, в существование фей? Видели ли вы их?"

Вы ответили, с одинаковым хладнокровием и откровенностью:

"Нет. Я приложил все усилия, чтобы сделать это, но так и не увидел ни одной. Но есть много вещей, которых вы, сэр, не видели, но существование которых, тем не менее, вам не придет в голову отрицать. Таково мое отношение к феям".

Я такой же, как и вы, мой дорогой мистер Венц: я никогда не видел фей. Правда, у меня есть очень дорогая подруга, которую мы окрестили этим именем [фея], но, несмотря на все ее прекрасные сверхъестественные дары, она всего лишь скромная смертная. С другой стороны, когда я был еще ребенком, я жил среди людей, которые почти ежедневно общались с настоящими феями.

Это было в маленьком городке в Нижней Бретани, населенном крестьянами, которые наполовину были моряками, а наполовину - моряками, которые наполовину были крестьянами. Неподалеку от деревни находилась старинная усадьба, давно покинутая хозяевами, по какой причине - точно неизвестно. Его продолжали называть "замком" Ланасколя, хотя он представлял собой не более чем руины. Правда, аллеи, по которым к нему подходили, сохранили свой феодальный облик, с четырехкратными рядами древних буков, огромные массы листвы которых отражались в великолепных бассейнах. Жители окрестностей редко выходили на эти аллеи вечером. Считалось, что с заката они становятся излюбленным местом прогулок "леди", которую звали *Гроакх Ланаскол*, "Фея Ланаскола".

Многие утверждали, что встречались с ней, и описывали ее в самых разных красках. Некоторые представляли ее старухой, которая ходила согнувшись, опираясь двумя руками на обрубок костыля, которым осенью она время от времени ворошила мертвые листья. Мертвые листья, которые она ворошила, вдруг становились блестящими, как золото, и звенели друг о друга с чистым звуком металла. По словам других, это была юная принцесса, дивно украшенная, за которой спешили любопытные маленькие черные молчаливые человечки. Она шла с величественной и царственной осанкой. Иногда она останавливалась перед каким-нибудь деревом, и оно тут же склонялось, словно принимая ее приказы. Или же она бросала взгляд на воду в бассейне, и бассейн дрожал до самых глубин, как будто под воздействием ее взгляда в нем поселялся страх.

О ней рассказывали следующую странную историю:.

Владельцы Ланасколя, желая избавиться от поместья, которое они больше не занимали, выставили поместье и прилегающие к нему земли на аукцион у нотариуса из Плуаре. В назначенный для торгов день явилось несколько покупателей. Цена уже достигла большой суммы, и поместье было на грани срыва, когда на последний призыв аукциониста женский голос, очень мягкий и в то же время властный, произнес:

"На тысячу франков больше!

В зале поднялась суматоха. Все взгляды устремились на человека, сделавшего этот аванс, а им могла быть только женщина. Но среди присутствующих не было ни одной женщины. Нотариус спросил:

"Кто говорил?

И снова раздался тот же голос.

"Фея из Ланасколя!" - ответил он.

Последовал всеобщий переполох. С тех пор ни один покупатель так и не объявился, и, как гласило нынешнее сообщение, именно по этой причине Ланасколь продолжал продаваться.

Я специально процитировал вам историю феи Ланаскола, мой дорогой мистер Венц, потому что она была первой, кто произвел на меня впечатление в детстве. Сколько других я узнал позже из рассказов тех, кто жил со мной на песчаных пляжах, в полях и лесах! Бретань всегда была королевством фейри. Там нельзя проехать и лиги, чтобы не встретить жилище какой-нибудь мужской или женской феи. Совсем недавно, во время осеннего паломничества в галлюцинаторный лес Паимпонт (или Броселианд), до сих пор хранящий великие воспоминания о кельтской легенде, я встретил под густой листвой Па-дю-У женщину, собиравшую охапки, с которой, как вы понимаете, не преминул вступить в разговор. Одним из первых имен, которые я произнес, естественно, было имя Вивиан.

"Вивиан!" - вскричала бедная старушка. "Ах! Благословение ей, доброй госпоже! Ведь она так же хороша, как и прекрасна! Без ее защиты мой добрый человек, который работает на лесопилке, пал бы, как волк, под пушками сторожей....". И она начала рассказывать мне, "как" ее муж, в некотором роде браконьер, как и все лесорубы в этих краях, однажды ночью отправился на охоту за косулей в окрестностях Бут-о-Плент, и был пойман с поличным группой сторожей. Он попытался убежать, но сторожа открыли огонь. Пуля попала ему в бедро, он упал и уже приготовился не сдаваться, а быть убитым на месте, как вдруг между ним и нападавшими появился какой-то очень густой туман, который скрыл все - землю, деревья, сторожей и самого раненого. И тут он услышал, как из тумана доносится голос, нежный, как шелест листьев, и шепчет ему на ухо: "Береги себя, сын мой: дух Вивиана будет охранять тебя, пока ты не выползешь из леса".

Так на самом деле говорила фея, - заключила собирательница опилок. И она благочестиво перекрестилась, ибо благочестивая Бретань, как вы знаете, почитает фей не меньше, чем святых.

Не знаю, следует ли относить *лютинов* (озорных духов) к миру фей, но несомненно то, что это очаровательное и плутоватое племя всегда обитало в нашей стране. Мне рассказывали, что раньше в каждом доме был свой лютин. Он (*лютин*) был чем-то вроде маленького

римского домашнего бога. То видимый, то невидимый, он руководил всеми делами домашней жизни. Более того, он участвовал в них, причем самым эффективным образом. В доме он помогал слугам, раздувал огонь в очаге, следил за приготовлением пищи для людей и зверей, успокаивал плач младенца, лежащего на дне шкафа, и не давал червям поселиться в кусках бекона, висящих на балках. Точно так же в его компетенцию входило управление бором и конюшней: благодаря ему коровы давали молоко, изобилующее маслом, а у лошадей были круглые крупы и блестящие шерсти. Одним словом, это был добрый гений дома, но при условии, что каждый оказывал ему то уважение, на которое он имел право. Если им хоть немного пренебрегали, его доброта сменялась злобой, и не было ни одного недоброго поступка, на который он не был бы способен по отношению к обидевшим его людям, например, разбить содержимое горшков на очаге, спутать шерсть вокруг ваты, сделать табак несгораемым, спутать гриву лошади, высушить вымя коровы или ободрать спины овец. Поэтому старались не раздражать его. Тщательно следили за всеми его привычками и повадками. Так, в доме моих родителей наша старая служанка Фили никогда не снимала с огня подставку, не sprysнув ее водой, чтобы остудить, и не поставив в угол очага. Если бы вы спросили ее о причине этой церемонии, она бы ответила вам:

"Чтобы *лютин* не обжегся, если вдруг сядет на него".

Кроме того, я полагаю, что в число фей-мужчин следует включить *Бугуль-Ноза*, таинственного Ночного Пастыря, чьи высокие и тревожные очертания сельские бретонцы видят, поднимаясь в сумерках, если им случайно случается поздно вернуться с полевых работ. Мне никогда не удавалось получить точную информацию о том, какое стадо он пас, и что предвещала встреча с ним. Чаще всего такой встречи боялись. Однако, как резонно заметила одна из моих информанток, Лиза Беллек, если предпочтительнее избегать *Бугуль-Ноза*, из этого не следует, что он - вредный дух. По ее мнению, он скорее выполняет полезную функцию, предупреждая своим приходом людей о том, что ночь создана не для того, чтобы задерживаться в поле или на дороге, а для того, чтобы закрываться за закрытыми дверями и ложиться спать. Этот пастырь теней будет, в общем-то, добрым пастырем. Именно для того, чтобы обеспечить нам отдых и безопасность, увести нас от чрезмерного труда и ночных ловушек, он заставляет нас, бездумных овец, поскорее вернуться в стадо.

Несомненно, почти такая же защита, по народным поверьям, возложена на другую фею-мужчину, более привязанную к морскому побережью, о чем свидетельствует его имя - *Янн-Ан-Фд*. На всем побережье Бретани, или, как его еще называют, во всем *Арморе*, нет ни одного района, где на существование этого "Иоанна из дюн" не смотрели бы как на реальный факт, полностью доказанный и неоспоримый. Ему приписывают разные формы и различные аспекты. То он великан, то карлик. Иногда он носит матросскую шляпу из промасленного сукна, иногда - широкую черную фетровую шляпу. Иногда он опирается на весло и напоминает загадочного человека, обладающего тем же атрибутом, за которым приходится следовать Улиссу в "*Одиссее*". Но он всегда остается морским героем, в чьи обязанности входит обходить берега, издавая через определенные промежутки времени длинные пронзительные крики, призванные отпугнуть рыбаков, которые, возможно, позволили себе удивиться ночной темноте. Он причиняет вред только тем, кто сопротивляется, и даже в этом случае наносит удары только в своих интересах, чтобы заставить их искать убежище. Прежде всего, он предупреждает. Его крики не только возвращают домой людей, задержавшихся на песках; они также сообщают морякам в море об опасной близости берега и тем самым компенсируют недостаточность воя сирен или света маяков.

В связи с этим можно отметить, что в легенде о старых армориканских святах, которые в большинстве своем были эмигрантами из Ирландии, прослеживается аналогичная черта. Одно из их обычных упражнений состояло в том, что они в течение ночи шествовали по побережью, где ставили свои обитатели, раскачивая маленькие колокольчики из кованого железа, звон которых, подобно крикам *Янна-ан-Фда*, должен был предупреждать мореплавателей о том, что земля близко.

Я убежден, что поклонение святым, которое является первым и самым пылким из бретонских религиозных обрядов, сохранило многие черты более древней религии, в которой вера в фей занимала главное место. То же самое, я уверен, относится и к тем мифам о смерти, которые я собрал под названием "Легенда о мертвых" среди бретонцев Арморики. По правде говоря, в сознании бретонцев мертвые не мертвы; они живут таинственной жизнью на грани реальности, но их мир остается полностью смешанным с нашим, и как только наступает ночь, как только живые, как их правильно называть, предаются временному сну смерти, так называемые мертвые снова становятся обитателями земли, которую они никогда не покидали. Они вновь занимают свое место у прежнего очага, посвящают себя прежней работе, интересуются домом, полями, лодкой; словом, ведут себя как раса фей мужского и женского пола, которые когда-то составляли более утонченный и деликатный вид человечества посреди обычного человечества.

Я мог бы, мой дорогой мистер Венц, вызвать множество других типов из этого промежуточного мира бретонских фей, который, по мнению моих соотечественников, не идентичен ни этому миру, ни другому, но разделяет сразу оба, благодаря любопытной смеси естественного и сверхъестественного. Этими торопливыми строками я лишь хотел показать богатство материала, которому вы с такой добросовестностью и пылом посвятили свои усилия. А теперь пусть феи будут благосклонны к вам, мой дорогой друг! Они поступят справедливо, благосклонно отнесясь к молодому и блестящему писателю, который только сейчас возродил их культ, возродив их славу.

Ренн,
1 ноября 1910 года.

[Вернуться к концу французского вступления.](#)

[Вернуться к началу французского вступления.](#)

Примечания транскриптора:

Некоторые цитаты открыты знаками, но не закрыты. Очевидные ошибки были молча закрыты, а те, что требуют толкования, оставлены открытыми.

Другие пунктуационные ошибки исправлены без примечаний.

За исключением исправлений, отмеченных наведением курсора, несоответствия в орфографии и дефисах сохранены в оригинале.